

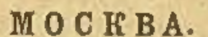
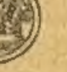
СОЧИНЕНІЯ

ІУСТИНА,

ЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО И ЗАРАЙСКАГО.

ТОМЪ II.

Свѣтила церкви.—Нравственное ученіе св. отца нашего Исаака Сирина. Преподобный Нилъ подвижникъ Сорскій.—Житіе и страданіе св. мученика Іустина Философа.—Жизнь святителя Димитрія Ростовскаго. Жизнь и страданія св. мученика Θеодота Анкирскаго и св. 7 мучен.—дѣвъ. Жизнь и страданія свящ.-мученика Климента, Епископа Анкирскаго.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°,**
Пименовская улица, собств. домъ.
1895.

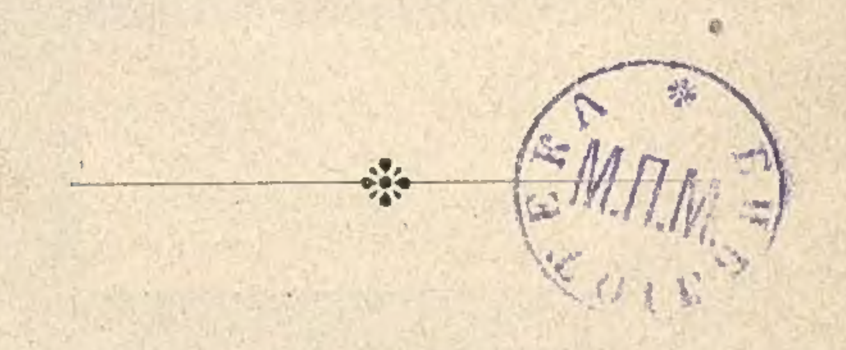
СОЧИНЕНІЯ

ІУСТИНА,

ЕПИСКОПА РЯЗАНСКАГО И ЗАРАЙСКАГО.

ТОМЪ II.

Свѣтила церкви.—Нравственное ученіе св. отца нашего Исаака Сирина. Преподобный Нилъ подвижникъ Сорскій.—Житіе и страданіе св. мученика Іустина Философа.—Жизнь святителя Димитрія Ростовскаго. Жизнь и страданія св. мученика Ѳеодота Анкирскаго и св. 7 мучен.—дѣвъ. Жизнь и страданія свящ.-мученика Климента, Епископа Анкирскаго.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1895.

„Моему сану (его же нѣсмь достоинъ) надлежитъ Слово Божіе проповѣдати, не точію языкомъ, но и пишущею рукою. То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность".

Св. Димитрій Ростовскій.

Отъ Московскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, января 16 дня, 1895 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

2-го тома.

Стр.

Стр.

Первая степень вѣдѣнія.

Вторая степень вѣдѣнія.

Стр.

Отдѣлъ второй.

Какъ вести намъ внутреннюю брань противъ грѣховныхъ помысловъ:

Отдѣлъ третій.

Послѣсловіе.

СВѢТИЛА ЦЕРКВИ.

* * *

Съ воплощеніемъ Сына Божія явилось духовное *Солнце* міра и новая Церковь, подобно *лунѣ*, осіянная свѣтомъ Его. Апостолы и учители христіанства, со всею Церковію, подобно лунѣ и *звѣздамъ*, пренослали свѣтъ въ самую *нощь* язычества,—говоритъ митрополитъ Московскій Филаретъ (Записки на кн. Бытія, стран. 50—51). Изъ этихъ словъ великаго Іерарха ясно видно, что церковное небо, или *твердь*, какъ и видимое небо, имѣетъ своего рода солнце, луну и звѣзды, или „Свѣтила Церкви". Солнце—это Глава Церкви—Христосъ Богъ нашъ; звѣзды первой величины—это Апостолы Христовы, весь мрачно-грѣховный міръ ученьми своими просвѣтившіе: звѣзды второй, третьей и д. величины—это святые отцы и учители, всѣхъ насъ въ истинной вѣрѣ наставившіе.

Апостолы въ своихъ писаніяхъ и св. отцы въ своихъ твореніяхъ оставили просвѣтительное начало Церкви, заимствованное ими отъ Солнца правды—Христа Бога нашего. Желающему видѣть свѣтъ Христовъ и просвѣщаться имъ—необходимо обратить полное вниманіе на эти „Свѣтила Церкви", во главѣ которыхъ стоитъ—„Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ".

Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ.

„Какъ въ мірѣ чувственномъ солнце одно, и нѣтъ другаго свѣта, кромѣ его; такъ и въ мірѣ духовномъ одно истинное и животворящее свѣтило—Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ".

(Иннокентія Херсонскаго—„Великій Постъ", слово на текстъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!")

Когда въ іудействѣ приготовлено было спасеніе для человѣчества, а въ язычествѣ—человѣчество для спасенія; когда человѣчество почувствовало потребность въ высшей для себя помощи, и явилось всеобщее ожиданіе этой помощи,—тогда явился Божественный Основатель совершеннѣйшаго царства Божія на землѣ—Іисусъ Христосъ.

Земная жизнь Іисуса Христа.

Рожденный вышеестественно отъ Пресвятой Дѣвы Маріи въ Виѳлеемѣ, при рожденіи прославленный Ангелами и немногими изъ людей, получившими откровеніе о Его рожденіи, въ самой колыбели потерпѣвшій гоненіе Ирода, узнавшаго о Немъ отъ восточныхъ мудрецовъ, потомъ, по смерти Ирода, поселившійся въ Назаретѣ и здѣсь проведшій въ неизвѣстности 30 лѣтъ,—Сынъ Божій явился, на-

конецъ, на Iорданѣ, гдѣ Iоаннъ Предтеча, посредствомъ крещенія, уже приготовлялъ іудеевъ къ принятію Мессіи. Здѣсь крестившійся отъ Своего Предтечи Господь указанъ былъ людямъ сошествіемъ на Него Св. Духа и голосомъ съ неба Бога Отца: затѣмъ, проведши 40 дней въ пустынномъ уединеніи и постѣ и побѣдивъ тамъ древняго искусителя, вышелъ всенародно проповѣдывать царствіе Божіе.

Призвавъ нѣсколькихъ учениковъ и утвердивъ ихъ вѣру въ Себя первымъ Своимъ чудомъ въ Канѣ Галилейской, изъ Галилеи путешествовалъ на Пасху въ Iерусалимъ, гдѣ пріобрѣлъ вѣру многихъ и между прочими Никодима, члена синедріона. Ученики Его уже крестили въ Его имя; но зависть фарисеевъ побудила Божественнаго Учителя, оставивъ Iудею, удалиться въ Галилею, гдѣ Онъ поселился въ Капернаумѣ, и, оттуда выходя въ разныя мѣста, призывалъ всѣхъ къ покаянію и вѣрѣ Евангельской.

Прибывши въ другой разъ на праздникъ Пасхи въ Iерусалимъ, Iисусъ Христосъ совершилъ здѣсь другія чудеса: между прочимъ исцѣлилъ 38-лѣтняго недужнаго и тѣмъ возбудилъ сильнѣйшую зависть и даже ненависть къ Себѣ іудеевъ. Поэтому опять удалился въ Галилею; здѣсь училъ и творилъ чудеса и посылалъ для проповѣди предъ Собою избранныхъ Имъ 12 Апостоловъ. Въ продолженіе этого втораго года извѣстны предложенныя Господомъ народу поученія: о путяхъ блаженства и о совершеннѣйшей нравственности (Матѳ. V—VII), притчи, изъясняющія свойства царства Божія (Матѳ. XIII и Лук. VIII) и, по чудесномъ насыщеніи пяти тысячъ народа пятью хлѣбами, высокое ученіе о хлѣбѣ жизни, сходящемъ съ неба (Іоан. VI). Кромѣ упомя-

путыхъ, въ этомъ году совершены Спасителемъ еще чудеса: исцѣленіе сухорукаго въ Іудеѣ, раба сотникова въ Капернаумѣ, воскрешеніе сына вдовы въ Наинѣ, исцѣленіе бѣсноватаго, слѣпаго и нѣмаго въ Капернаумѣ, укрощеніе бури на озерѣ Галилейскомъ, изгнаніе изъ человѣка легіона бѣсовъ, воскрешеніе дочери Іаира, исцѣленіе кровоточивой, хожденіе по водамъ.

Въ третій годъ Своего общественнаго служенія, Господь проходилъ до предѣловъ Тира и Сидона, благовѣствовалъ въ странахъ по ту и другую сторону Іордана и явилъ славу Свою избраннѣйшимъ Апостоламъ на Ѳаворѣ. На праздникѣ Кущей, явившись въ Іерусалимѣ, ученіемъ и чудесами произвелъ во многихъ вѣру, а, вмѣстѣ, встрѣтилъ и многихъ враговъ Себѣ, отъ которыхъ самая жизнь Его подвергалась опасности; такую же опасность испыталъ Онъ и въ праздникъ Обновленія храма. Но воскрешеніемъ четверодневнаго Лазаря въ Виѳаніи возбудилъ Онъ злобу фарисеевъ и священниковъ до того, что они на синедріонѣ положили рѣшительное опредѣленіе—умертвить Его. Въ этотъ третій годъ, Глава Церкви и Владыка ея, заботясь о всегдашнемъ продолженіи ея, между прочимъ обѣщалъ, въ лицѣ Петра, всѣмъ Апостоламъ ключи царства небеснаго (Матѳ. XVI, 15 и дал.), преподалъ имъ правила церковнаго благочинія (Матѳ. XVIII, 15 и дал.), изъяснилъ долгъ и свойство истиннаго пастыря Церкви (Іоан. X) и, во многихъ притчахъ и изреченіяхъ, изобразилъ духъ, силу, составъ и образъ явленія царства Божія (Лук. XIII, 18 и дал.; XIV, 16 и дал.; XV, 4 и дал.; XVI, XVII, 20 и дал.). Извѣстнѣйшія чудеса, совершенныя въ

третьемъ году: исцѣленіе бѣсноватой дочери хананеянки, глухаго и косноязычнаго при озерѣ Галилейскомъ, насыщеніе четырехъ тысячъ семью хлѣбами, возвращеніе зрѣнія слѣпому въ Виѳсаидѣ, статиръ, найденный Апостоломъ Петромъ въ устахъ рыбы, исцѣленіе сляченной женщины, страждущаго водяною болѣзнію, десяти прокаженныхъ и пр.

Четвертая Пасха была послѣднею въ земной жизни Спасителя. Съ кротостію и, вмѣстѣ, съ нѣкоторою торжественностію вступивъ въ Іерусалимъ, Онъ показалъ высшую власть и силу въ Своемъ ученіи во храмѣ; предсказалъ судьбу храма и народа іудейскаго; въ одномъ домѣ совершилъ съ Апостолами ветхозавѣтную пасху и установилъ новозавѣтное таинство Тѣла и Крови Своей; потомъ въ саду Геѳсиманскомъ готовился молитвою на страданія и предначалъ ихъ внутренними страданіями, до кроваваго пота. Здѣсь іудеи, по предательству Іуды Искаріота, взяли Господа подъ стражу, ходили съ Нимъ отъ судилища къ судилищу, возводя на Него клевету, какъ на народнаго возмутителя, и наконецъ принудили правителя Іудеи, Пилата, отдать невиннаго на крестную смерть. Страшныя, потрясающія природу знаменія сопровождали смерть Богочеловѣка. Его заключили во гробъ; но въ третій день еще разъ сотряслась земля, и Господь жизни и смерти опять принялъ жизнь, явился Своимъ избранникамъ, сорокъ дней проводилъ на землѣ и, наконецъ, поручивъ Апостоламъ дальнѣйшее распространеніе и устройство Церкви, вознесся на небо, откуда, въ день Пятидесятницы излилъ на вселенскихъ учителей чрезвычайные дары Св. Духа.

Такимъ образомъ Свѣтъ, во тьмѣ свѣтившійся,

но тьмою не объятый, наконецъ разогналъ тьму міра сего, во злѣ лежащаго, и сдѣлался Свѣтомъ истиннымъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ. Осуществились слова Спасителя: *Азъ есмь свѣтъ міру*. Какъ же и чѣмъ свѣтитъ міру Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ?—Своею жизнію и Своимъ ученіемъ.

Характеръ жизни и ученія Христа Спасителя.

Если характеризовать немногими словами жизнь и ученіе Христа Спасителя, то достаточно будетъ сказать, что жизнь Его—совершеннѣйшая святость, а ученіе Его—высочайшее совершенство.

I.

Евангельское повѣствованіе такъ изображаетъ совершеннѣйшую святость Іисуса Христа, что не только требуетъ полнаго довѣрія свидѣтельству Его, но и само собою показываетъ въ Немъ необыкновеннаго посланника Божія, или Богочеловѣка. Нельзя совершеннѣе изобразить высочайшее нравственное достоинство Іисуса Христа, какъ изображаетъ Его Духъ Святый чрезъ Апостоловъ-Евангелистовъ.

Предлагаемъ нѣкоторыя черты высочайшихъ нравственныхъ совершенствъ Спасителя, заимствуя ихъ изъ Евангельской исторіи, которая предлагаетъ намъ чудную картину высочайшей святости Христовой,—совершеннѣйшій образецъ 1) благочестія, 2) любви къ людямъ и 3) безпримѣрной невинности.

1.

Вся жизнь Іисуса Христа есть одно выраженіе непрерывнаго пламеннаго благочестія и ревности

но благочестію; ибо всѣ дѣла Его всегда направлялись къ одной цѣли—къ славѣ Божіей. Вездѣ Онъ говорилъ о Богѣ. Вездѣ въ словахъ и дѣлахъ Своихъ показывалъ ревность къ распространенію царства Божія. Будучи еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, Іисусъ Христосъ, въ храмѣ Іерусалимскомъ, бесѣдуя о предметахъ вѣры, Своими мудрыми отвѣтами уже удивлялъ всѣхъ слушавшихъ Его. Подвигъ общественнаго служенія Онъ началъ сорокадневнымъ постомъ и молитвою (Матѳ. IV, 1, 2) и послѣ многократно удалялся въ уединеніе для молитвы (Лук. V, 16); непрерывно поучалъ Своихъ учениковъ и всѣхъ приходившихъ къ Нему; несмотря ни на какія трудности, продолжалъ подвигъ сего служенія; переходилъ съ одного мѣста на другое, предпринималъ дальнія путешествія, изъ Галилеи въ Іудею, изъ Іудеи опять въ Галилею. Вся Евангельская исторія живыми чертами изображаетъ высочайшую ревность Іисуса Христа по славѣ Божіей, какъ Онъ Самъ о Себѣ свидѣтельствовалъ: *снидохъ съ небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. VI, 38). *Да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю.* (Тамъ же XIV, 31). Онъ говорилъ это, когда приближались Его страданія, и — послѣдуя заповѣди Отца небеснаго—добровольно Самъ вступилъ на сіе поприще: *востаните, идемъ отсюду,*—сказалъ Онъ, и пошелъ съ учениками Своими въ садъ Геѳсиманскій. Все дѣлалъ изъ повиновенія и любви къ Своему Отцу, что составляло главное для Него, какъ Самъ Онъ свидѣтельствовалъ предъ учениками Своими: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дѣло Его* (Іоан. IV, 34).

2.

Іисусъ Христосъ подалъ въ Своей жизни образецъ совершеннѣйшей любви къ людямъ.

Онъ непрерывно трудился и подъялъ необъятные подвиги для просвѣщенія заблуждающихся свѣтомъ истины и приведенія ихъ на путь благочестія и добродѣтели. Преподавалъ совершеннѣйшія наставленія объ обязанностяхъ къ другимъ и Самъ во всей точности исполнилъ преподанныя правила. Вступленіе Іисуса Христа въ общественное служеніе спасенію рода человѣческаго было, какъ благотворный восходъ солнца. Онъ свѣтилъ непрерывно Своимъ ученіемъ: училъ въ домахъ, въ собраніяхъ на градскихъ улицахъ, въ полѣ; училъ, переходя съ мѣста на мѣсто, на всѣхъ путяхъ Своего странствованія, чѣмъ открывалъ удобство всѣмъ приходить къ Нему и слушать Его спасительное ученіе. Никого не отвергалъ Онъ отъ Себя.

Іисусъ Христосъ благотворилъ другимъ посредствомъ чудотвореній, которыя имѣвшимъ очи видѣть ясно показывали въ Немъ обѣтованнаго Спасителя міра. Самъ Онъ въ краткихъ чертахъ изобразилъ благотворность чудесъ Своихъ, когда повелѣлъ ученикамъ Іоанновымъ возвѣстить своему учителю, что они видѣли и слышали, бывши близъ Него, то-есть, что „слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищимъ благовѣствуется". (Матѳ. XI, 4, 5). Только тамъ сокращались Его чудотворенія, гдѣ недоставало вѣры и гдѣ не хотѣли принимать Его (Матѳ. XIII, 58).

Іисусъ Христосъ ко всѣмъ былъ любвеобиленъ.

Онъ показывалъ сыновнюю любовь къ родителямъ (Лук. II, 51; Іоан. XIX, 27), нѣжную любовь, снисхожденіе и попечительность къ ученикамъ Своимъ (Матѳ. XVIII, 1 — 5; Марк. IX, 35 — 37; Лук. IX, 51 — 56; Іоан. XIII, 1; XVII, 11, 12; XVIII, 8) и къ дѣтямъ (Матѳ. XIX, 13 — 15), безпримѣрную попечительность объ исправленіи заблуждающихъ (Матѳ. IX, 10—13, Лук. XIX, 10), особенную любовь къ знаемымъ и ближнимъ по крови (Іоан. XI, 5 и 36; XIII, 23; XIX, 26, 27), вообще къ Своему отечеству, которое старался Онъ просвѣтить свѣтомъ истины (Матѳ. XV, 24; X, 5, 6) и чрезъ то спасти отъ предстоящей ему погибели (Матѳ. XXIII, 37; Лук. XIX, 41, 42); о врагахъ Своихъ и распинателяхъ молился къ Отцу небесному (Лук. XXIII, 34; Матѳ. XXVI, 50) и явилъ величайшую и безпредѣльную любовь ко всему роду человѣческому, ибо Своимъ ученіемъ, молитвами къ Богу Отцу и искупительными страданіями Онъ пріобрѣлъ спасеніе всему міру (Іоан. III, 16; X, 11, 15, 16; 1 Іоан. II, 2).

3.

Евангельская исторія открываетъ намъ объ Іисусѣ Христѣ совершеннѣйшую чистоту и невинность Его человѣческой природы. Всѣ слова и дѣйствія Іисуса Христа показывали, что Онъ жилъ такъ, какъ отвѣчалъ искусителю: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4), и какъ исповѣдалъ о Самомъ Себѣ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя, и совершу дѣло Его* (Іоан. IV, 34). Полное самоотверженіе и презрѣніе благъ внѣшнихъ,

или совершенное отреченіе отъ нихъ; ибо не имѣлъ Онъ ни дома, ни сокровищъ. Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ предъ тѣми, которые видѣли образъ Его жизни: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не иматъ гдѣ главы подклонити* (Матѳ. VIII, 20), и въ удовлетвореніи необходимыхъ нуждъ тѣла получалъ пособіе отъ рукъ усердія и признательности (Лук. VIII, 1—3).

Совершеннѣйшее смиреніе и кротость. Въ началѣ общественнаго служенія, Онъ просилъ крещенія у Іоанна Предтечи и подклонилъ главу Свою подъ руки его (Матѳ. III, 14, 15); на послѣдней вечерѣ умылъ ноги ученикамъ Своимъ и говорилъ къ нимъ: *Образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. XIII, 4—15). На всѣ несправедливыя клеветы и обвиненія враговъ отвѣчалъ или совершеннымъ молчаніемъ, или кроткими словами и ученикамъ Своимъ указывалъ въ Самомъ Себѣ образецъ смиренной кротости: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29). Съ безпримѣрнымъ смиреніемъ и кротостію принялъ Онъ несправедливыя обвиненія враговъ предъ нечестивыми первосвященниками (Матѳ. XXVI, 60—36) и римскимъ правителемъ, предавшемъ Его на распятіе (Матѳ. XXVII, 12—14).

Безпримѣрное терпѣніе и великодушіе. Среди нечестивыхъ и злодѣевъ Онъ стоитъ, какъ агнецъ безмолвный. Осужденный на смерть, подвергаемый поруганіямъ, оплеванію, заушенію, біенію, обремененный орудіемъ своей смерти, распинаемый и на крестѣ поносимый, изнемогающій среди крестныхъ страданій и умирающій, Онъ неизмѣнно сохранялъ терпѣніе, преданность волѣ Отца небеснаго

и любовь къ людямъ, безмолвно переносилъ болѣзни и страданія, согласно съ пророчествомъ Исаіи: *и той зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ Своихъ; яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ* (Исаіи LIII, 7).

Между смертными никогда не было такого праведника, и ветхозавѣтные патріархи и пророки, какъ ни высоки были по своимъ подвигамъ и добродѣтелямъ, далеко отстоятъ отъ полноты высочайшихъ совершенствъ Христовыхъ.

Такая совершеннѣйшая святость Іисуса Христа для имѣющихъ очи видѣть указывала въ Немъ не только чрезвычайнаго посланника Божія, но и выше, чѣмъ только посланника, подобнаго бывшимъ прежде Него посланникамъ, каковы были ветхозавѣтные пророки, ибо между ними никто не былъ подобенъ Іисусу Христу,—указывала въ Немъ Богочеловѣка.

И ожесточенные враги Іисуса Христа не могли обличить Его въ какомъ-либо грѣхѣ; ничего не отвѣчали Ему на вопросы: *кто отъ васъ обличитъ Мя о грѣсѣ?* (Іоан. VIII, 46). Іуда предатель, какъ ученикъ Іисусовъ, коротко знавшій жизнь Учителя своего, ничего не могъ сказать въ обвиненіе Его, предавая Его іудеямъ; но послѣ, пораженный сознаніемъ своей виновности, обличалъ самъ себя и говорилъ: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную* (Мат. XXVII, 4). Пилатъ, совершивъ надъ Іисусомъ изслѣдованіе, по клеветамъ и обвиненіямъ первосвященниковъ и народа, говорилъ вслухъ клеветниковъ, искавшихъ смерти Іисусовой: *никоеяже обрѣтаю вины въ Человѣцѣ семъ* (Лук. XXIII, 4). *Неповиненъ*

сємъ отъ крове праведнаго сего: вы узрите (Матѳ. XXVII, 24). И позднѣйшіе враги христіанства, сколько-нибудь безпристрастные, не могутъ безъ уваженія смотрѣть на жизнь Іисуса Христа, какъ величайшаго праведника между лучшими людьми.

Можно для примѣра указать на Руссо. Божественная истина просіяваетъ иногда и въ сердцѣ человѣка самаго заблуждшаго. Были свѣтлыя минуты, въ которыя и вольнодумецъ Руссо благоговѣлъ предъ Божественнымъ Лицемъ Іисуса Христа и Евангеліемъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ написалъ слѣдующія строки:

„Можетъ ли такъ возвышенная и вмѣстѣ такъ простая книга — Евангеліе — быть человѣческимъ произведеніемъ? Можетъ ли Тотъ, о Комъ повѣствуетъ она, быть только Человѣкомъ? Сходенъ ли слогъ ея со слогомъ энтузіаста или тщеславнаго сектанта? Какая кротость и непорочность въ Его — Іисуса Христа — нравахъ! Какая трогательная благодать въ Его наставленіяхъ! Какая высота въ Его правилахъ! Какая глубокая премудрость въ Его словахъ! Какая тонкость и правота въ Его отвѣтахъ! Сколько владычества надъ страстями! Укажите мнѣ человѣка, дайте мудреца, который бы умѣлъ такъ дѣйствовать, такъ страдать и такъ умереть — безъ слабости, безъ тщеславія! Когда Платонъ описываетъ своего воображаемаго праведника, достойнаго всякой награды за добродѣтель и, между тѣмъ, претерпѣвающаго все безславіе преступленія, то онъ, кажется, черта за чертою, описываетъ Іисуса Христа: сходство это такъ поразительно, что всѣ почти отцы церкви примѣтили его, и дѣйствительно въ этомъ случаѣ невозможно было

обмануться. Надобно имѣть множество предразсудковъ и величайшую слѣпоту, чтобы дерзнуть сравнивать сына Софронискова съ Сыномъ Маріи. Ибо какое разстояніе между тѣмъ и другимъ! Сократъ умиралъ безъ страха и до послѣдняго издыханія сохранилъ правоту своего характера: но, если бы легкая смерть его не служила къ чести его жизни, то можно было бы еще подозрѣвать, что онъ со всѣмъ своимъ умомъ есть не болѣе, какъ софистъ. Говорятъ, что онъ изобрѣлъ нравоученіе; но другіе прежде его исполняли оное на самомъ дѣлѣ: Аристидъ былъ правосуденъ прежде, нежели Сократъ сказалъ, что такое правосудіе; Леонидъ умеръ за свое отечество прежде, нежели Сократъ постановилъ обязанностію—любить отечество; Спарта была трезва, когда Сократъ еще не хвалилъ трезвости. Но гдѣ Іисусъ Христосъ научился той чистой и высокой нравственности, которую Онъ проповѣдалъ словами и дѣлами?.. Смерть Сократа, спокойно разсуждающаго со своими друзьями, есть самая спокойная смерть, какой только пожелать можно. Но смерть Іисуса Христа, умирающаго въ ужасныхъ мученіяхъ, — среди поруганій, осмѣяній и проклятій цѣлаго народа,—есть самая ужаснѣйшая смерть, какой только трепетать можно. Сократъ, принимая стаканъ съ ядомъ, благословилъ того, кто подалъ ему оный и кто самъ въ то же время проливалъ слезы; а Іисусъ Христосъ? Онъ, среди ужаснѣйшихъ мученій, молится о безчеловѣчныхъ убійцахъ Своихъ. Поистинѣ, если жизнь и смерть Сократа есть жизнь и смерть мудреца,—то жизнь и смерть Іисуса Христа есть жизнь и смерть Бога.

II.

Ученіе Христово запечатлѣно высочайшимъ совершенствомъ. Несравненное превосходство ученія Христова состоитъ въ томъ, что оно сообщаетъ познанія о Богѣ, о дѣлахъ Божіихъ,—въ особенности по отношенію къ человѣку,—о человѣкѣ и его отношеніяхъ къ Богу, такія полныя и совершенныя, какихъ разумъ человѣческій, оставленный самому себѣ, никогда пріобрѣсть не могъ и не можетъ. Предложимъ здѣсь только общія черты сего ученія. (Подробнѣе о томъ же см. прибавл. къ „Твор. св. отц.", годъ 2, стран. 121-я и дал.).

Ученіе Спасителя—это безоблачное утро, это—восходящее солнце, льющее лучи радостнаго свѣта.

1.

Іисусъ Христосъ изображаетъ Бога не только верховнымъ, безпредѣльнымъ и всесовершеннымъ Существомъ, Творцемъ и Промыслителемъ неба и земли, но и преблагимъ и любвеобильнымъ Отцемъ всѣхъ нравственныхъ существъ, а людей—дѣтьми одного Отца, которыя должны составлять какъ бы одно семейство, тѣсно связуемое въ своихъ членахъ узами братской любви.

2.

Богъ, единый по существу, есть троиченъ въ лицахъ, которыя, по таинственнымъ и непостижимымъ для человѣка взаимнымъ отношеніямъ, именуются и суть—Отецъ, Сынъ и Духъ Святый.

3.

Второе лице Святыя Троицы, то-есть Сынъ Божій, воспринявъ ходатайственное посредство между Богомъ и людьми, облекся въ естество человѣческое, жилъ среди людей, Самого Себя принесъ въ умилостивительную жертву за грѣхи всего рода человѣческаго, и за воспринятіе страданій и смерти ради спасенія міра, какъ Богочеловѣкъ, получилъ высочайшую власть Царя и Судіи надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ.

4.

Такъ какъ всѣ люди—дѣти одного Отца небеснаго и братья между собою, то и главное начало дѣятельности ихъ состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога болѣе всего и ближнихъ, какъ себя. Это начало обнимаетъ всѣ прочія правила христіанской дѣятельности, какъ частной, такъ и общественной.

5.

Предложены дѣйствительнѣйшія побужденія къ исполненію Евангельскихъ заповѣдей, какъ временныя, такъ и вѣчныя. Предложенъ совершеннѣйшій образецъ для подражанія—въ жизни Самого Іисуса Христа, ученіемъ и дѣлами показавшаго человѣку путь ко спасенію.

6.

Ученіе Іисуса Христа, созерцательное и дѣятельное, имѣетъ совершеннѣйшее единство: все оно направлено къ тому, чтобы сообщить человѣку

истинное и достаточное для настоящей жизни вѣдѣніе о Богѣ и Спаситѣлѣ, поставить его на путь спасенія и привести къ цѣли вѣчнаго блаженства.

7.

Всѣ истины Евангельскаго ученія, имѣя тѣсную связь между собою, объясняются однѣ другими и чрезъ то дѣлаются удобопріемлемыми для вѣры. Такъ, ученіемъ о первородномъ грѣхѣ, которому въ прародителяхъ подвергся весь родъ человѣческій, объясняется предопредѣленіе Отца небеснаго объ искупленіи рода человѣческаго чрезъ единороднаго Сына Божія; съ ученіемъ объ исполненіи сего предопредѣленія Божія раскрывается обновленіе человѣка чрезъ Св. Духа. Такимъ образомъ, въ самыхъ дѣлахъ Божіихъ ясно можемъ видѣть и троичность непостижимаго Божества, и высочайшія свойства Божественной природы—правды, благости и милосердія, которымъ и человѣкъ обязывается подражать въ дѣлахъ своихъ, стремясь, по заповѣди Христа Спасителя, къ богоподобному совершенству (Матѳ. V, 48).

Ученіе Іисуса Христа, во всѣхъ отношеніяхъ, такъ совершенно, что и враги его не могутъ смотрѣть на него безъ удивленія. Въ продолженіе толькихъ вѣковъ оно всегда имѣло враговъ и всегда оставалось побѣдоносно: ничего не найдено въ немъ недостойнаго свойствъ Божіихъ и несоотвѣтствующаго нуждамъ человѣческимъ. Напротивъ, безчисленное множество вѣрующихъ въ Евангеліе спасительно испытывали и испытываютъ донынѣ истину словъ Іисуса Христа: *аще кто хощетъ волю Его творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ*

о Себѣ глаголю (Іоан. VII, 17). *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе... Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Матѳ. XI, 28—30).

Если смотрѣть и на ту часть ученія Христова, которая не превышаетъ предѣловъ разума человѣческаго, то и она имѣетъ несравненное превосходство предъ всѣми произведеніями человѣческаго любомудрія. Ибо всѣ истинныя понятія о религіи, какія когда-либо имѣлъ разумъ человѣческій, оставленный самому себѣ, въ Евангельскомъ ученіи предложены въ совершеннѣйшей чистотѣ, ясности и полнотѣ, въ какомъ видѣ не встрѣчаются они ни у одного языческаго любомудра.

Еще болѣе очевидною представляется Божественность Христова ученія, когда въ исторіи видимъ, что Іисусъ Христосъ не имѣлъ никакихъ обыкновенныхъ способовъ къ пріобрѣтенію такихъ высшихъ познаній, какія находимъ въ Евангельскомъ ученіи; если судить по обыкновеннымъ правиламъ исторической критики, то напрасно бы стали мы искать между современниками Его достойнаго для Него учителя: ни между язычниками, ни между іудеями не было его; а если бы онъ былъ, то такое свѣтило не могло бы оставаться во мракѣ неизвѣстности. Соотечественники Іисуса Христа не могли не знать обстоятельствъ частной жизни Его до вступленія въ общественное служеніе: но они, слушая Божественное ученіе Его, съ удивленіемъ спрашивали другъ друга. *Откуду Сему премудрость сія и силы? Не сей ли есть тектоновъ Сынъ* (Матѳ. XIII, 54, 55)? *И дивляхуся іудее глаголюще: како сей книги вѣсть не учився.* (Іоан. VII, 15). И Спаситель Самъ

разрѣшилъ ихъ недоумѣніе, говоря: *Мое ученіе нѣсть Мое, но Пославшаго Мя. Аще кто хощетъ волю Его творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ о Себѣ глаголю* (Тамъ же, 16, 17). *Дивляхуся народи о ученіи Его: бѣ бо уча ихъ яко власть имѣя, и не яко книжницы и фарисеи* (Матѳ. VII, 28, 29).

Изъ всего сказаннаго видно, что Іисусъ Христосъ имѣлъ полное право сказать о Себѣ: „Я — Свѣтъ міру. Вѣруйте въ Свѣтъ, да будете сынами Свѣта“.

„Вознесенъ Тя видѣвши Церковь на крестѣ, Солнце праведное, ста въ чинѣ своемъ, достойно взывающи: Слава силѣ Твоей, Господи!“ (См. „Дух. Бесѣд.“ 1874 г. №№ 1, 2: „Образъ ученія Христова“, статью Евгенія Прилежаева).

Въ день Пятидесятницы благодать Святаго Духа сошла на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Съ этого времени свѣтильники, воздвигнутые Самимъ Господомъ на свѣщникахъ Церкви, получили воспламененіе, давшее имъ возможность горѣть и свѣтить. Смотря по нуждамъ Церкви, отъ этихъ свѣтильниковъ должны были быть возжигаемы новые свѣтильники: по той мѣрѣ, какъ догоралъ одинъ свѣтильникъ, на его мѣсто долженъ былъ быть воздвигаемъ и возжигаемъ—въ томъ же свѣщникѣ—новый свѣтильникъ. Такимъ образомъ, по волѣ Господа, огонь благодати Святаго Духа долженъ былъ постоянно храниться въ Церкви Христовой, возжигая, по мѣрѣ надобности, большіе и меньшіе свѣтильники, и отъ этого только священнаго огня должны были получать всѣ свѣтильники силу и способность освѣщать людей свѣтомъ, согрѣвать теплотою благодати" („Прав. Обозр." 1874 года. Январь. „О таинствахъ православной Церкви", ст. свящ. М. М. Воздвиженскаго).

Святые Апостолы Христовы.

„Звѣзды, просвѣтивши благочестіемъ мысленную твердь церковную, славнія Апостоли: отъ нощи невѣдѣнія и прегрѣшеній избавите мя“ (Канонъ Апостоламъ, пѣснь 4-я, тропарь 2-й).

Изъ всѣхъ св. Апостоловъ, потрудившихся въ благовѣстіи Христовомъ, *восемь* извѣстны въ Церкви Христовой, какъ свящ. писатели, потому что оставили намъ свои писанія, составляющія „Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа“, то - есть 27 свящ. книгъ новаго завѣта. Это—Матѳей, Маркъ, Лука, Іоаннъ, Іаковъ, Петръ, Іуда и Павелъ.

Изъ нихъ—Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ, какъ извѣстно, написали четыре Евангелія, признанныя всею Церковію за каноническія и носящія ихъ имена, а потому называются „Евангелистами“. Но св. Лука, кромѣ Евангелія, написалъ еще „Дѣянія св. Апостоловъ“, и св. Іоаннъ Богословъ, кромѣ Евангелія, написалъ три соборныхъ посланія и „Апокалипсисъ“. Св. Іаковъ написалъ одно соборное посланіе; св. Петръ написалъ два соборныхъ посланія; св. Іуда—одно; а св. Павелъ—четырнадцать посланій къ разнымъ Церквамъ и лицамъ.

По порядку слѣдовало бы намъ *сперва* сказать о Евангелистахъ и Евангеліяхъ, а *потомъ*—о прочихъ

Апостолахъ-писателяхъ и Апостолѣ, или апостольскихъ писаніяхъ. Но, чтобы понятнѣе намъ были Евангелія и другія апостольскія писанія, составляющія весь новый завѣтъ, предпосылаемъ частному сказанію о Евангелистахъ и Апостолахъ, съ ихъ писаніями, общее раскрытіе всей сущности христіанскаго ученія, по Іакову, Петру, Павлу и Іоанну, такъ какъ Іаковъ, Петръ Павелъ и Іоаннъ, дѣйствительно, въ своихъ писаніяхъ, сопоставленныхъ вмѣстѣ, даютъ намъ полную возможность видѣть всю сущность христіанскаго ученія; а Матѳей, Маркъ, Лука и Іуда только примыкаютъ къ нимъ въ этомъ дѣлѣ.

1.

Общее раскрытіе сущности христіанскаго ученія.

Апостолъ *Іаковъ*, братъ Господень по плоти, израильтянинъ безъ лести, воспитанный въ строгомъ духѣ ветхозавѣтнаго закона, дѣйствуя, главнымъ образомъ, въ Палестинѣ, примирялъ въ себѣ духъ закона съ духомъ Евангелія. Онъ указываетъ подзаконнымъ израильтянамъ въ Евангеліи высшее и совершеннѣйшее развитіе и одухотвореніе закона въ его глубочайшемъ смыслѣ. Онъ говоритъ не объ отдѣльныхъ заповѣдяхъ, но обо всемъ законѣ, какъ нераздѣльномъ цѣломъ, въ его духовномъ значеніи. Царскій законъ — это законъ любви и свободы. Объ обязанности обрядоваго закона у него нѣтъ ни слова. Все ученіе его стоитъ на словахъ: „будьте исполнители закона, а не слушатели только, обманывающіе самихъ себя“ (I, 22). Его ученіе есть ученіе Самого Господа, изложенное въ „Нагорной проповѣди“.

Апостолъ *Петръ,* полный энергіи и силы, не владѣвшій твердостію и постоянствомъ въ своихъ мнѣніяхъ, но не упорный, легко воспринимавшій уясняемую истину, также дѣйствуя — главнымъ образомъ — въ Палестинѣ, восполнялъ Іакова, показывавшаго отношеніе закона къ Евангелію. Онъ указываетъ въ Евангеліи исполненіе пророчествъ ветхаго звѣта, какъ и Евангелистъ Матѳей, и опредѣленнѣе высказываетъ ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, такъ какъ и самыя пророчества, имъ приводимыя , прямѣе относятся къ Мессіи и Его дѣлу, чѣмъ законъ. „Къ сему-то спасенію относились изысканія и изслѣдованія пророковъ, которые предсказывали о назначенной вамъ благодати, изслѣдывая, на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ, когда Онъ предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу. Имъ открыто было, что не имъ самимъ, а намъ служило то, что нынѣ проповѣдано вамъ благовѣствовавшими Духомъ Святымъ, посланнымъ съ небесъ“ (1 Петр. I, 10—12). Это — обыкновенная тема проповѣди Ап. Петра! Единство ветхаго и новаго завѣтовъ выступаетъ у него въ полномъ свѣтѣ. Духъ Христовъ, который исполнялъ Апостоловъ, уже одушевлялъ и пророковъ, которые были какъ бы евангелистами ветхаго завѣта. Истинная религія, такимъ образомъ, есть величественное зданіе, въ которомъ пророчество составляетъ основаніе, а Евангеліе—вершину и вѣнецъ. Но Ап. Петръ не раскрываетъ въ подробности великаго дѣла спасенія и ученія о Лицѣ Іисуса Христа; онъ утверждаетъ только самый фактъ, предвозвѣщенный пророками, не входя въ болѣе глубокое уясненіе его.

Апостолъ языковъ—*Павелъ*, изъ образованнаго и ревностнаго фарисея сдѣлавшись ревностнымъ христіаниномъ, внесъ новый элементъ въ ученіе христіанское. Онъ хотѣлъ уяснить отношеніе христіанства, какъ религіи новооткровенной, къ іудейству и вообще—къ человѣчеству. Онъ обращаетъ вниманіе не столько на единство обоихъ завѣтовъ, сколько на ихъ различіе, чтобы показать язычникамъ значеніе Евангелія, какъ факта существенно новаго, какъ безмѣрнаго откровенія благодати Господней для всѣхъ. Не отвергая основной мысли о законѣ Іакова, оправдывая вглядъ на пророчественное значеніе ветхаго завѣта Ап. Петра, Ап. Павелъ показываетъ прообразовательное значеніе ветхаго завѣта и въ дѣлѣ закона находитъ новое доказательство необходимости христіанства. Законъ святъ, и заповѣдь Господня свята права и блага, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и грозенъ, требуя безусловнаго послушанія, а между тѣмъ не сообщая человѣку нравственной силы для этого. Смиряя грѣшника, законъ возбуждаетъ въ немъ тѣмъ болѣе живое чувство нужды Спасителя. Такъ законъ не только не въ противорѣчіи съ завѣтомъ благодати, но въ самой тѣсной связи съ нимъ: онъ — пѣстунъ во Христа. И такой руководящей заботливости Промысла не лишены были и язычники. Богъ говорилъ съ ними чрезъ книгу природы, въ голосѣ ихъ совѣсти. Законъ, написанный въ сердцѣ человѣка, былъ для язычниковъ пѣстуномъ во Христа, и Богъ, лишивъ ихъ откровенія, возбудилъ въ нихъ потребность спасенія точно такъ же, какъ возбудилъ ее въ Израилѣ положительнымъ откровеніемъ. Когда пришла кончина лѣта, были приготовлены тѣ и другіе;

Богъ Сына Своего не пощадилъ, но предалъ за всѣхъ. Сынъ Божій, Образъ невидимаго Бога, явившійся въ подобіи плоти и грѣха, страданіями Своими разрушилъ средостѣніе, раздѣлявшее Бога и людей, и Кровію Своею примирилъ всѣхъ Отцу. Благодать, пріобрѣтенная Имъ для насъ чрезъ смерть, усвояется намъ Духомъ Святымъ, духомъ Христовымъ, духомъ Сыноположенія, который служитъ посредникомъ обращенія и спасенія. И это оправданіе жизни пріобрѣтается вѣрою по благости Божіей. Не рожденіе, а вѣра даетъ право быть новою тварію во Христѣ: здѣсь нѣтъ различія ни эллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, ни варвара, ни скиѳа, но Христосъ—все и во всѣхъ.

Послѣ этого понятно, въ какомъ отношеніи являются у Ап. Павла оба завѣта. Вполнѣ признавая Божественное и педагогическое значеніе ветхаго завѣта, онъ видитъ въ немъ сѣнь Евангелія и противопоставляетъ ему новый законъ — не буквы и заповѣдей, но законъ духа и жизни во Христѣ Іисусѣ. Такимъ образомъ, первые два Апостола раскрывали вѣроученіе христіанское преимущественно въ его гармоніи съ религіею ветхаго завѣта, а Ап. Павелъ видѣлъ въ немъ новое твореніе духа и свободы. Эти особенности ихъ ученія, обусловливаемыя мѣстомъ и временемъ служенія, соблазняли нѣкоторыхъ членовъ, не вполнѣ понявшихъ высоту духа Евангельскаго, и привели къ собору Іерусалимскому, на которомъ недоразумѣніе было разрѣшено. Фанатическіе приверженцы закона, потерявъ дѣло предъ Церковію на соборѣ, перенесли его на судъ народныхъ страстей. Прикрываясь именемъ Петра и Іакова, они вездѣ возбуждали враж-

ду противъ Ап. Павла. Дуалистическія идеи и теософія Востока, прикрываясь христіанствомъ, грозили христіанскимъ общинамъ Крита, Колоссъ и Ефеса ложнымъ гносисомъ, его разнузданною свободою. Христіанство, подъ вліяніемъ этихъ идей, могло превратиться въ сухую, безплодную спекуляцію гностицизма. Апостолы подняли противъ нихъ свой голосъ, предостерегая вѣрныхъ отъ ложнаго обрѣзанія (Павелъ), безжизненной вѣры (Іаковъ) и лжеименнаго знанія (Павелъ, Петръ и Іуда). Такъ распространялось христіанское вѣроученіе до 70 года, когда большинство Апостоловъ отошло изъ сей жизни.

Между тѣмъ судъ Божій, предсказанный Спасителемъ, совершился надъ іудействомъ; Іерусалимъ и храмъ—съ его теократіей—уничтожены, и этимъ порвана послѣдняя связь, соединявшая Евангеліе съ тогдашнимъ іудействомъ. Христіанство, оставаясь въ исторической связи съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ, теперь развивается съ полною самостоятельностію, національное развитіе между іудео-христіанами и язычнико-христіанами падаетъ...

Въ это время выступаетъ на поприще дѣятельности св. *Іоаннъ* Богословъ, подъ руководствомъ котораго Церковь совершаетъ свое жизненное развитіе въ послѣднія десятилѣтія перваго вѣка. Его тихое и сосредоточенное богословствованіе идетъ совершенно другимъ путемъ, чѣмъ живая проповѣдь Ап. Павла. Онъ не показываетъ, какъ Павелъ, глубины пропасти между человѣческой природой и Богомъ, которую наполняетъ безпримѣрная благодать Божія, и не проводитъ, подобно ему, рѣзкой черты между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Путемъ

непосредственнаго созерцанія онъ возносится на самую высоту христіанской истины и проникаетъ въ самую сущность ея, и превосходство Евангелія предъ закономъ для него уже стоитъ, какъ доказанный фактъ. Исходный пунктъ у него—не человѣкъ и его бѣдствія, какъ у Павла, а Богъ и Его совершенство. Богъ есть Духъ, единое начало всего, вѣчная жизнь, свѣтъ и любовь. Неименуемый и непостижимый, Онъ открываетъ Себя въ вѣчномъ Словѣ, Богѣ отъ Бога, жизни, свѣтѣ и любви, вѣчномъ предметѣ Своей любви, Сынѣ Своемъ, рожденномъ отъ вѣчности.

Воплотившееся Слово соединило нераздѣльно Божество съ человѣчествомъ; Оно одно только — источникъ жизни и свѣта для человѣчества. Только вѣра въ Него и тѣснѣйшій союзъ съ Нимъ,— въ Плоти и Крови Его,—даютъ жизнь. Рожденный отъ Бога, изъ истины, чадо свѣта, христіанинъ долженъ быть подобенъ Богу. *Да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едини будутъ* (Іоан. XVII, 21). Вотъ послѣдняя цѣль развитія христіанства, послѣднее слово въ Евангеліи: полное единеніе Творца съ тварію чрезъ Слово — послѣднее слово ученія о любви!

Такъ раскрывалась полнота вѣроученія христіанскаго, въ связи съ историческими обстоятельствами, по писаніямъ Іакова, Петра, Павла и Іоанна. Апостолы — Матѳей, Маркъ, Лука и Іуда примыкали въ своемъ ученіи къ тѣмъ Апостоламъ, какъ это увидимъ, когда разберемъ писанія каждаго Евангелиста и каждаго Апостола порознь и подробнѣе!

2.

О св. Евангелистахъ и Евангеліяхъ.

Св. Евангелистъ Матѳей.

Св. Евангелистъ Матѳей, до призванія своего Господомъ въ число 12-ти Апостоловъ, назывался Левіемъ, былъ сынъ нѣкоего Алфея (Марк. II, 14; Лук. V, 27; Матѳ. IX, 9) и былъ мытаремъ вблизи Капернаума, т.-е. сборщикомъ народныхъ податей, платимыхъ римскому правительству, владѣвшему тогда Іудеею. По вознесеніи Господа на небо, св. Матѳей нѣсколько времени—довольно впрочемъ долго—проповѣдывалъ Евангеліе палестинскимъ іудеямъ, а потомъ удалился на проповѣдь къ другимъ народамъ, посѣщалъ Македонію и сопредѣльныя съ нею страны, главнымъ же поприщемъ его проповѣдническаго служенія, внѣ Палестины, была Эѳіопія (въ Африкѣ), гдѣ онъ и скончался мученически. Память его празднуется 16-го ноября.

Св. Матѳей написалъ извѣстное подъ его именемъ Евангеліе, которое занимаетъ въ новомъ завѣтѣ первое мѣсто.

Евангеліе отъ Матѳея состоитъ изъ 28-ми главъ, которыя можно раздѣлить на пять отдѣловъ. *Отдѣлъ 1-й* обнимаетъ 2 первыя главы, въ которыхъ излагается родословіе Іисуса Христа и нѣкоторыя подробности рожденія и младенчества Его. *Отдѣлъ 2-й* обнимаетъ также 2 главы, въ которыхъ повѣствуется объ Іоаннѣ Крестителѣ и вступленіи Іисуса Христа въ общественное служеніе: гл. III и IV. *Отдѣлъ 3-й* заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о рѣчахъ и чудесахъ Іисуса Христа и учениковъ

Его, до Его преображенія включительно: Гл. V—XVII. *Отдѣлъ 4-й* повѣствуетъ о разныхъ рѣчахъ и дѣлахъ Іисуса Христа, отъ преображенія до событій, случившихся за два дня до преданія Его въ руки первосвященниковъ: гл. XVIII—XXV. *Отдѣлъ 5-й* содержитъ повѣствованіе о предательствѣ Іуды и тайной вечерѣ, о страданіяхъ, смерти и воскресеніи Іисуса Христа: гл. XXVI—XXVIII.

Св. Евангелистъ Маркъ.

Св. Евангелистъ Маркъ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ называемый Іоанномъ—Маркомъ (Дѣян. XII, 12, 25; XV, 37), былъ родомъ еврей, что видно изъ языка его—греческаго, смѣшаннаго съ гебраизмами. Мать его—Марія, домъ которой въ Іерусалимѣ былъ мѣстомъ собранія Апостоловъ и прочихъ христіанъ. Ап. Павелъ говоритъ, что Маркъ былъ племянникомъ Апостола Варнавы (Кол. IV, 10). Принявъ ученіе Христово, св. Маркъ былъ спутникомъ *первоначально* Ап. Павла и Варнавы, которыхъ оставилъ въ Персіи (Дѣян. XIII, 13); *потомъ*, вмѣстѣ съ Варнавою, онъ былъ на островѣ Кипрѣ и прошелъ съ нимъ Сирію, Малую Азію, Грецію, проповѣдуя Евангеліе (Дѣян. XV, 37—39); изъ словъ Ап. Петра, который называетъ Марка своимъ сыномъ (1 Петр. V, 13), видно, что Маркъ былъ, *наконецъ*, спутникомъ сего Апостола и сотрудникомъ его въ Римѣ. Преданіе (Евсевій) говоритъ, что св. Маркъ изъ Рима отправился въ Александрію, гдѣ былъ первымъ епископомъ этого города, и кончилъ жизнь свою мученически. Память его празднуется 25-го апрѣля.

Св. Маркъ написалъ извѣстное подъ его именемъ

Евангеліе, которое занимаетъ въ новомъ завѣтѣ второе мѣсто. Евангеліе отъ Марка состоитъ изъ 16-ти главъ, въ которыхъ можно находить три общихъ отдѣла. *Отдѣлъ 1-й* заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о служеніи Іоанна Крестителя, о крещеніи Господа Іисуса Христа и Его искушеніи отъ діавола: гл. I, 1—13. *Отдѣлъ 2-й* повѣствуетъ о чудесахъ и проповѣдяхъ Іисуса Христа, отъ начала общественнаго служенія до прихода въ Іерусалимъ въ послѣднюю Пасху: гл. I, 14—45; гл. II—X. *Отдѣлъ 3-й* содержитъ повѣствованіе о торжественномъ входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ и о произнесенныхъ здѣсь притчахъ и рѣчахъ Его, о тайной вечерѣ, объ осужденіи Спасителя, о Его смерти, воскресеніи и явленіяхъ Маріи Магдалинѣ и Апостоламъ: гл. XI—XVI.

Св. Евангелистъ Лука.

Св. Евангелистъ Лука, по мѣсту рожденія—антіохіецъ Сирійскій, по роду занятій—врачъ (Кол. IV, 13) и живописецъ (Филосторгій и Никифоръ Каллистъ). Былъ ли онъ, по происхожденію, язычникъ, а потомъ прозелитъ, или—іудей, съ достовѣрностію не извѣстно (Кол. IV, 10—14). По языку, кажется, грекъ. По сказанію Евсевія, онъ обращенъ былъ ко Христу Апост. Павломъ. Изъ книги Дѣяній можно заключить, что св. Лука былъ неразлучнымъ спутникомъ Апост. Павла отъ Троады до Рима (Дѣян. XV, 10; XXVII, 26; XXVIII, 15), гдѣ былъ свидѣтелемъ узъ сего Апостола. Изъ втораго посланія къ Тимоѳею видно, что Лука не оставилъ Апост. Павла и во время вторыхъ узъ его (IV, 10). Апост. Павелъ нерѣдко упоминаетъ объ немъ въ своихъ

посланіяхъ, какъ о *сподвижникѣ* своемъ въ дѣлѣ Евангелія (Кол. V, 13, 14; Филим. 23). Жизнь св. Луки, по смерти Апост. Павла, мало извѣстна. По преданію (Епифаній), онъ путешествовалъ въ Далмацію, Македонію и наконецъ въ Ахаію, гдѣ и кончилъ жизнь, по однимъ свѣдѣніямъ (Григорій Богословъ), мученическою смертію, а по другимъ—въ мирѣ. По словамъ блажен. Іеронима, онъ погребенъ въ Константинополѣ. Память его празднуется 18-го октября.

Св. Лука написалъ извѣстное подъ его именемъ Евангеліе, которое занимаетъ въ новомъ завѣтѣ третье мѣсто, и еще—книгу Дѣяній Апостольскихъ.

Въ 24-хъ главахъ Евангелія отъ Луки можно находить четыре общихъ отдѣла. *Отдѣлъ 1-й,* послѣ предисловія къ Евангелію, подробно описываетъ: рожденіе Іоанна Крестителя, благовѣщеніе Ангела Дѣвѣ Маріи, свиданіе ея съ Елисаветою, рождество и срѣтеніе Іисуса Христа, отрочество Его, жизнь и ученіе Предтечи, крещеніе Спасителя, родословіе Его, по восходящей линіи—отъ Іосифа до Адама и Бога: гл. I—III. *Отдѣлъ 2-й* представляетъ нѣкоторыя изъ рѣчей и чудесъ Іисуса Христа, явленныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ Его служенія до прибытія въ Іудею на послѣднюю Пасху: гл. IV—VI. *Отдѣлъ 3-й* излагаетъ бесѣды, притчи и дѣла Іисуса Христа, до преданія Его Іудою: гл. X—XXI. *Отдѣлъ 4-й* изображаетъ страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе Іисуса Христа: гл. XXII—XXIV.

Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ.

Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, сына Галилейскаго рыбаря — Зеведея и жены его Соломіи

(Матѳ. IV, 21; XXVII, 56; Марк. XV, 40; Лук. V, 10). Прежде, нежели послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ, былъ ученикомъ Іоанна Крестителя. (Іоан. I, 33—40). Призванный Іисусомъ Христомъ къ апостольству, при озерѣ Геннисаретскомъ (Матѳ. IV, 18—22; Лук. V, 1—10), онъ сдѣлался неотлучнымъ спутникомъ Господа. По избраніи въ число 12-ти учениковъ, Іоаннъ, вмѣстѣ съ братомъ его Іаковомъ, отличенъ многознаменательнымъ именемъ „воанергесъ“ (Марк. III, 17). Юношеская непорочность, кротость души, пламенная любовь къ небесному Учителю отличали Іоанна предъ прочими Апостолами и сдѣлали его достойнымъ особенной любви и дружбы Самого Господа; потому-то св. Іоаннъ, вмѣстѣ съ Петромъ и Іаковомъ, удостоился быть зрителемъ такихъ событій, которыя Іисусъ Христосъ считалъ нужнымъ утаить до времени отъ другихъ Апостоловъ; таковыя событія были: воскрешеніе дочери Іаира (Марк. V, 35—43), славное преображеніе на Ѳаворѣ (Матѳ. XVII, 1—8; Лук. IX, 28—36) и таинственное моленіе о чашѣ въ саду Геѳсиманскомъ (Марк. XIV, 33).

Во время послѣдней вечери, Іоаннъ возлежалъ на персяхъ Іисусовыхъ и, по желанію Петра, узналъ отъ Господа о тайнѣ предателя (Іоан. XIII, 23—26). Когда же насталъ часъ страданій Господнихъ, а всѣ ученики оставльше Іисуса бѣжаша (Марк. XIV, 50), Іоаннъ и Петръ послѣдовали за Нимъ и вошли внутрь двора архіереева (Іоан. XVIII, 15); наконецъ, когда и Петръ поколебался, Іоаннъ не оставилъ Господа, видѣлъ неправедное обвиненіе Его іудеями, сопровождалъ Его на Голгоѳу и стоялъ при крестѣ до самой кончины Господней.

Въ награду за таковую любовь Господь съ креста поручилъ храненію и попеченію его Матерь Свою (Іоан. XIX, 25—27). Сыновняя обязанность къ Богоматери не позволяла Іоанну, по вознесеніи Господа, отлучаться изъ Палестины до самой кончины Богоматери (48 г. по Р. Хр.). Въ это время его апостольское служеніе ограничивалось Іерусалимомъ и его окрестностями (Дѣян. VIII, 14, 15). Послѣ же кончины пренепорочной Дѣвы, а, можетъ быть, и Апост. Павла, основателя Церквей малоазійскихъ (67 г. по Р. Хр.), Іоаннъ избралъ постояннымъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Ефесъ.

Въ жестокое гоненіе Домиціана (95 г.), онъ вызванъ былъ въ Римъ и тамъ, по сказанію Тертулліана, вверженъ былъ въ кипящее масло; но, когда вышелъ изъ него невредимымъ, сосланъ въ заточеніе на островъ Патмосъ. Преемникъ Домиціана Нерва даровалъ ему свободу. Остатокъ дней св. Іоаннъ провелъ въ Ефесѣ мирно и скончался въ концѣ I или въ началѣ II вѣка по Р. Хр. Память его совершается 26-го сентября и 8-го мая.

Св. Іоаннъ написалъ извѣстное подъ его именемъ Евангеліе, которое занимаетъ въ новомъ завѣтѣ четвертое мѣсто, и, кромѣ того, три соборныхъ посланія и Апокалипсисъ.

Евангеліе Іоанна состоитъ изъ 21 главы, которыя можно обозрѣть въ пяти общихъ отдѣлахъ. *Въ 1-мъ отдѣлѣ* находятся нѣкоторыя подробности касательно Іоанна Крестителя и первыхъ дѣлъ Іисуса Христа, по вступленіи Его въ общественное служеніе: гл. I. *Во 2-мъ отдѣлѣ* повѣствуется о разныхъ рѣчахъ и дѣлахъ Іисуса Христа, до послѣд-

няго прибытія Его въ Іерусалимъ: гл. II—XII. *Въ 3-мъ отдѣлѣ* заключаются трогательныя бесѣды Іисуса Христа съ Апостолами предъ страданіемъ и смертію Его: гл. XIII—XVII. *Въ 4-мъ отдѣлѣ* передается исторія предательства Іудина, осужденія и распятія Іисуса Христа: гл. XVIII—XIX. *Въ 5-мъ отдѣлѣ* содержатся нѣкоторыя подробности относительно воскресенія Іисуса Христа и послѣднихъ бесѣдъ Его съ учениками: гл. XX—XXI.

Въ Евангеліи — Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка! Тотъ, Кто въ мірѣ чувственномъ повѣсилъ на небѣ солнце и луну, да освѣщаютъ равно всѣхъ, Тотъ не забылъ и въ мірѣ духовномъ разлить свѣтъ для озаренія всѣхъ и каждаго безъ исключенія. Во свѣтѣ Христовомъ нѣтъ недостатка ни для кого. Онъ просвѣщаетъ и самыхъ мудрыхъ, открывая имъ тайны царствія Божія, какихъ никакой умъ самъ собою открыть не могъ, и самыхъ буіихъ, отверзая имъ, вмѣсто стихійнаго ума, очеса сердца, коими они видятъ утаенная отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего. Просвѣщаетъ и самыхъ богатыхъ, научая не превозноситься ради тлѣнныхъ благъ, богатѣть не въ себя, а въ Бога, и сокрывать сокровище тамъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ и крадутъ; и самыхъ бѣдныхъ, показуя имъ внутри ихъ самихъ богатство, коего не стоитъ весь міръ, уча быть нищими не однимъ тѣломъ, но духомъ, да стяжутъ царствіе. Просвѣщаетъ и самаго перваго властелина, приводя на память, что надъ нимъ есть Владыка, Который потребуетъ строгаго отчета въ каждой слезѣ, отъ него пролитой;

и самаго послѣдняго раба, утѣшая его тѣмъ, что внутренней свободы духа и совѣсти никто у него отнять не можетъ, что человѣкъ добродѣтельный въ самыхъ узахъ выше всѣхъ счастливцевъ міра и ближе къ Спасителю, Который, будучи Сыномъ Божіимъ, насъ ради принялъ зрака не царя, а раба и служителя всѣмъ. Просвѣщаетъ старцевъ, открывая предъ ними жизнь нестарѣющую, призывая отъ земнаго странствія туда, гдѣ успокоеніе отъ всѣхъ трудовъ.

Просвѣщаетъ юношей, располагая къ борьбѣ со страстьми и похотьми. Просвѣщаетъ самыхъ младенцевъ, отверзая имъ уста на хваленіе Господа. Итакъ, кто бы ты ни былъ,—земледѣлецъ или воинъ, дитя или старецъ, слуга или поденщикъ, мудрецъ или скудоумный, богачъ или бѣднякъ, вельможа или рабъ,—изъ Евангелія узнаешь все, что нужно человѣку знать для своего спасенія. Только въ свѣтѣ Христовомъ можно видѣть Бога, себя и міръ въ истинномъ видѣ. Только по указанію откровенія небеснаго можно найти стезю, ведущую въ животъ вѣчный... Внѣ Евангелія никакой свѣтъ никогда не укажетъ этой стези.

Евангеліе.

«Когда отрада упованья
Въ тебѣ погаснетъ безъ слѣда,
И будутъ тяжелы страданья,
И за бѣдой придетъ бѣда;
Тогда бери ты книгу эту:
Здѣсь, на страницахъ ты ея
Найдешь призывъ къ добру́ и свѣту,
И на страданіе твое
Здѣсь чудный голосъ отзовется

Всепокоряющей любви.
Онъ надъ тобою пронесется:
«Страдай! терпи! люби! живи!»
И этотъ голосъ чудной силой
Больную душу оживитъ:
Она не дрогнетъ предъ могилой
И горе жизни побѣдитъ».

Дѣянія Святыхъ Апостоловъ.

Книга *Дѣяній Апостольскихъ* получила такое наименованіе потому, что представляетъ исторію служенія и *дѣйствій Апостоловъ.* Она служитъ какъ бы дополненіемъ къ писаніямъ четырехъ Евангелистовъ и введеніемъ въ посланія апостольскія.

Это Богодухновенное повѣствованіе начинается описаніемъ вознесенія Іисуса Христа и затѣмъ, во всемъ своемъ продолженіи, представляетъ не что иное, какъ исполненіе обѣтованія Христова о ниспосланіи Св. Духа, содѣлавшаго Апостоловъ способными къ совершенію дѣла чрезвычайнаго ихъ посланничества.

Оканчиваясь сказаніемъ о первыхъ узахъ Апостола Павла въ Римѣ (60 г.), оно объемлетъ періодъ времени въ 27 лѣтъ и написано вскорѣ по исполненіи сего времени.

Книга Дѣяній Апостольскихъ показываетъ первое утвержденіе Церкви Христовой, распространеніе ея между іудеями и язычниками, насажденіе Евангелія въ разныхъ частяхъ міра, терпѣніе и мужество Апостоловъ въ страданіяхъ за проповѣдь свою и удивительный успѣхъ этой проповѣди, что все, какъ нельзя лучше, доказываетъ истину и Божественное происхожденіе христіанства.

Богодухновенный Лука не излагаетъ всеобщей и полной исторіи первыхъ христіанскихъ Церквей, потому что умалчиваетъ о трудахъ многихъ изъ Апостоловъ, насаждавшихъ вѣру Христову въ нѣкоторыхъ странахъ Востока и другихъ мѣстахъ. Его намѣреніе было, во-1-хъ, указать чудное утвержденіе Церкви Христовой посредствомъ чудесныхъ дарованій и благодатныхъ дѣйствій Духа Святаго какъ на Апостоловъ, такъ и на всю Церковь Его; во-2-хъ, указать благодатные пути Божіи, которыми, согласно съ предсказаніями ветхаго завѣта, вводилъ Онъ язычниковъ въ Церковь Свою. Прямое и обстоятельное свидѣтельство Луки, какъ неотлучнаго спутника Апостола Павла, врача и человѣка съ высшимъ образованіемъ, само по себѣ составляетъ неопровержимое доказательство Божественности чудесъ, имъ описанныхъ.

Книга Дѣяній Апостольскихъ состоитъ изъ 28-и главъ, при разборѣ коихъ можно составить шесть отдѣловъ: *Отдѣлъ 1-й* содержитъ повѣствованіе о жизни и дѣлахъ Апостоловъ въ продолженіе десяти дней, до праздника Пятидесятницы: гл. I. *Во 2-мъ отдѣлѣ* описываются первые опыты Богодухновенной проповѣди Апостоловъ, успѣхи и возрастаніе Церкви Христовой въ Іерусалимѣ, до убіенія первомученика Стефана: гл. II—VII. *Въ отдѣлѣ 3-мъ* описывается гоненіе на Церковь Христову въ Іерусалимѣ, разсѣяніе Апостоловъ и основаніе Церкви между язычниками: гл. VIII—XII. *Въ 4-мъ отдѣлѣ*— труды Ап. Павла и Варнавы, до отправленія перваго вмѣстѣ съ Силою въ Сирію и Киликію, а послѣдняго съ Маркомъ въ Кипръ (первое путешествіе Апостола Павла): гл. XIII—XV. *Въ 5-мъ отдѣлѣ*—новые труды

Апостола Павла между язычниками, у которыхъ онъ основалъ многія Церкви (второе путешествіе): гл. XVI—XX. *Въ 6-мъ отдѣлѣ* — путешествіе Апостола Павла въ Іерусалимъ, гдѣ онъ потерпѣлъ гоненіе отъ іудеевъ, потребовалъ суда Кесарева и былъ отправленъ узникомъ въ Римъ, въ которомъ и пребывалъ 2 года: гл. XXI—XXVIII.

Читая это священное повѣствованіе, всякій можетъ видѣть, что Самъ Богъ руководилъ и укрѣплялъ священнослужителей *Слова*, полныхъ самоотверженія и искавшихъ одного лишь блага человѣчеству. Ихъ чудесныя дарованія, чистѣйшія намѣренія, сохраненіе среди величайшихъ опасностей, удивительные успѣхи въ разсѣяніи невѣжества, суевѣрія и нечестія, въ приведеніи людей къ святости и повиновенію закону Христову,—все это даетъ знать, что они были истинные посланники и служители Божіи!

Желающимъ обстоятельнѣе и подробнѣе познакомиться съ Евангельскимъ ученіемъ, съ немалою пользою могутъ послужить, кромѣ „Благовѣстника" блажен. Ѳеофилакта, слѣдующія сочиненія: 1) „О Евангеліяхъ и Евангельской Исторіи" архимандрита Михаила; 2) „Толковое Евангеліе Матѳея, Марка, Луки и Іоанна" его же; 3) „Земная жизнь Господа Іисуса Христа", переводъ Х. Орды; 4) „Земная жизнь Іисуса Христа" Фаррара; 5) „Земная жизнь Іисуса Христа" Скворцова; 6) „Жизнь Господа нашего Іисуса Христа", священ. І. Буткевича; 7) „Опроверженіе на жизнь Іисуса Христа Ренана"—Абб. Влад. Гете; 8) „О Евангеліяхъ", соч. Боголѣпова; 9) „Священная исторія Новаго Завѣта", соч. прот.

Богославскаго; 10) „Іисусъ Христосъ и Его время“ Прессансе; 11) „Іисусъ Христосъ—Чудо исторіи“ Филиппа Шаффа; 12) „Христосъ“, соч. Эрнеста Навиля; 13) „Исторія Евангельская и Церкви Апостольской“ протоіерея А. В. Горскаго; „Чтеніе Евангельскихъ сказаній объ обстоятельствахъ земной жизни Іисуса Христа“ архіепископа Иннокентія Борисова. (См. его соч. т. XI). 15) „О Евангеліяхъ“—небольшая книжка, въ которой изложены, между прочимъ, отличительныя черты каждаго Евангелія и сводъ Евангельской исторіи изъ четырехъ Евангелистовъ въ хронологическомъ порядкѣ; тутъ же помѣщены назидательныя статьи: „О чтеніи Евангелія“ и „Правила изученія Евангельскихъ заповѣдей и жизни по нимъ“. (Изд. Тузова, 1882 г., ц. 20 коп.). 16) Толкованіе книги „Дѣяній святыхъ Апостоловъ“ архимандрита Михаила. 17) „О дѣяніяхъ Апостольскихъ“ Боголѣпова.

3.

Объ апостолахъ—писателяхъ и ихъ посланіяхъ.

Св. Апостолъ Іаковъ.

Изъ Евангельской исторіи извѣстно нѣсколько лицъ, носившихъ имя Іакова, изъ нихъ два были въ числѣ 12-ти Апостоловъ, именно—Іаковъ Зеведеевъ, братъ Іоанна Богослова, коего память въ православной церкви совершается 30-го апрѣля, а другой—Іаковъ Алфеевъ, въ отличіе отъ Іакова Зеведеева названный малымъ, коего память св. православная Церковь совершаетъ 9-го октября (см. Матѳ. X, 2 и 3; Марк. III, 17, 18). Кромѣ этихъ Апостоловъ, упоминается еще Іаковъ, братъ Го-

сподень (Мате. XIII, 55; Марк. VI, 3; Галат. I, 19), по преданію, первый епископъ Іерусалимскій, коего память у насъ совершается 23-го октября. Св. православная Церковь, отличая этого послѣдняго Іакова отъ двухъ первыхъ, полагаетъ его въ числѣ семидесяти Апостоловъ. Съ точностію нельзя опредѣлить, въ какомъ отношеніи Іаковъ былъ братомъ Господу, ибо въ Св. Писаніи слово „братъ" употребляется часто въ смыслѣ родственника вообще; но есть преданіе, что онъ былъ сынъ Іосифа обручника отъ первой его жены. Преданіе говоритъ, что этотъ Іаковъ сопутствовалъ св. семейству во время бѣгства въ Египетъ. Къ апостольству, конечно, призванъ Самимъ Іисусомъ Христомъ; Самъ же Іисусъ Христосъ явился ему по воскресеніи, отдѣльно отъ прочихъ Апостоловъ (I Кор. XV, 7), и поставилъ его епископомъ Іерусалимской Церкви. Его любовь къ Іисусу Христу и строгая, подвижническая жизнь стяжала ему особенное уваженіе Апостоловъ и всѣхъ вѣрующихъ (Дѣян. XV, 13, 14 и дал.); даже невѣрующіе іудеи чтили и называли его *праведнымъ*. Около 30 лѣтъ св. Іаковъ управлялъ Іерусалимскою Церковію, заботясь о ея благоустройствѣ: до насъ дошла его Литургія. Наконецъ, іудейскій первосвященникъ съ синедріономъ хотѣлъ заставить его всенародно уничижить вѣру въ Іисуса Христа и тѣмъ ослабить распространеніе ея. Но, когда праведникъ—вмѣсто того—предъ всѣми исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, сѣдящимъ одесную Бога Отца,—его свергли съ церковнаго крыла, осыпали градомъ камней и умертвили бѣлильнымъ деревомъ (ок. 60 г.). Уваженіе къ праведнику было настолько велико, что слѣ-

дующее затѣмъ разрушеніе Іерусалима, по сказанію Флавія, почтено было наказаніемъ Божіимъ за его умерщвленіе.

Св. Апостолъ Петръ.

Ап. Петръ, братъ Андрея Первозваннаго, былъ сынъ Іоны, родомъ изъ Виѳсаиды, небольшаго Галилейскаго города по ту сторону Іордана, занимался рыбною ловлею, былъ женатъ и имѣлъ домъ въ Капернаумѣ. До призванія онъ назывался Симономъ; по призваніи же, въ предзнаменованіе и въ награду своей твердости въ вѣрѣ, получилъ прозваніе Кифы, по-гречески *Петръ*—камень. Всю жизнь свою онъ оставался вѣрнымъ этому имени и доказывалъ это многочисленными примѣрами своей крѣпкой привязанности къ Господу. И Господь всегда отличалъ его предъ прочими Апостолами, дѣлая его участникомъ и свидѣтелемъ самыхъ большихъ чудесъ Своихъ и важнѣйшихъ событій Своей жизни. По воскресеніи Іисуса Христа, ободренный къ прежней ревности любовію Господа, онъ сначала является однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей образовавшейся Церкви Христовой. Онъ первый началъ проповѣдь о Христѣ въ день Пятидесятницы и предъ синедріономъ, и въ числѣ первыхъ подвергался и опасности пострадать за Христа. Онъ же первый заботился объ устройствѣ Церкви внѣ Іерусалима и первый положилъ начало Церкви христіанъ изъ язычниковъ обращеніемъ Корнилія. Впослѣдствіи онъ, оставаясь по преимуществу Апостоломъ обрѣзанія, продолжалъ свою апостольскую дѣятельность въ Антіохіи, въ Малой Азіи, куда писалъ потомъ свои посланія,—проповѣдывалъ въ

Вавилонѣ и потомъ, по преданію, въ Греціи. А къ концу жизни перенесъ свое пребываніе въ Римъ, гдѣ, въ послѣдніе годы царствованія Нерона, въ 66 или 67 году, пострадалъ за Христа, будучи распятъ внизъ головою на крестѣ, не считая себя достойнымъ уподобиться Христу въ образѣ смерти.

Св. Апостолъ Іуда.

Апостолъ Іуда въ посланіи своемъ называетъ себя „рабомъ Іисуса Христа и братомъ Іакова". Ученые толкователи Св. Писанія почти единогласно признаютъ его за одно лицо съ Іудою-Θаддеемъ, или Левіемъ, бывшимъ въ числѣ 12-ти Апостоловъ и называемымъ Іудою Іаковлевымъ (см. Матθ. X, 3; Лук. VI, 16; Дѣян. I, 13). Онъ былъ родной братъ Іакову, „брату Господню": слѣдовательно, Іуда былъ сынъ Іосифа обручника. Проповѣдывалъ Христово ученіе сначала въ Іудеѣ, Самаріи, Галилеѣ и Сиріи, а послѣ того въ Идумеѣ, Аравіи, Месопотаміи, Персіи и наконецъ въ странахъ, прилежавшихъ Арарату. Здѣсь св. Іуда и запечатлѣлъ свое апостольское служеніе мученическою смертью, бывъ повѣшенъ на крестѣ. (См. Чет-Мин. іюня 9-го).

Св. Апостолъ Павелъ.

Апостолъ Павелъ былъ израильтяниномъ, изъ колѣна Веніаминова, *еврей изъ евреевъ*, такъ какъ родители его были евреи. Онъ родился въ Киликійскомъ городѣ Тарсѣ и по рожденію получилъ право свободнаго римскаго гражданина. До призванія къ апостольству онъ назывался по-еврейски *Савломъ*; но со времени отдѣленія его для проповѣди между языч-

никами сталъ называться по-римски *Павломъ*. Въ лѣтахъ отрочества отецъ отправилъ его въ Іерусалимъ для изученія іудейскаго закона подъ руководствомъ знаменитаго учителя *Гамаліила*. Успѣхи ученика вполнѣ соотвѣтствовали славѣ учителя: всѣ способности даровитаго юноши устремлены были къ тому, чтобы во всей строгости соблюдать іудейскія преданія, разрушать Церковь Христову и искоренять самое имя христіанъ. Но въ то самое время, какъ *Савлъ дышалъ прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни*, Самъ Господь Іисусъ Христосъ явился ему (Дѣян. IX, 1—19). Благодать Божія остановила ретиваго юношу, просвѣтила умъ и обновила сердце его, освятивъ и направивъ всѣ его способности къ служенію Господу Іисусу. Никогда, быть можетъ, человѣкъ не былъ столько преданъ славѣ Божіей и благу рода человѣческаго; ни одинъ ученикъ Христовъ не переносилъ столькихъ трудовъ и бѣдствій ради имени Христова, какъ этотъ *избранный сосудъ Божій*. Говорятъ, и говорятъ справедливо, что размышленіе объ обращеніи и апостольствѣ одного *Павла* должно содѣлать безотвѣтнымъ всякаго невѣрующаго въ Іисуса Христа и побудить къ вѣрѣ въ Него. Самая назидательная и столько же подробная исторія жизни и апостольскихъ трудовъ его можетъ быть составлена на основаніи книги Дѣяній Апостольскихъ и собственныхъ его посланій, которыя прочитавъ даже случайно, языческая дѣвица Евгенія полюбила вѣру Христову, сдѣлалась христіанкою и скончалась святою преподобномученицею (Житіе 24-го дек.). Послуживъ наилучшимъ орудіемъ благодатныхъ даровъ для Церкви Божіей — проповѣдію, примѣромъ и писаніями — *Апостолъ языковъ*

запечатлѣлъ истину благовѣствованія своею кровію. По повелѣнію Нерона, онъ былъ обезглавленъ въ Римѣ, 29-го іюня 66-го года (см. Чет-Мин. 29-го іюня).

Въ „Воскресномъ Чтеніи“ была напечатана „Автобіографія Ап. Павла“. Помѣщаемъ ее здѣсь сполна.

Автобіографія Апостола Павла.

Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи;

Знаютъ *также* обо мнѣ издавна (ежели захотятъ свидѣтельствовать), что я жилъ по ученію фарисейскому, строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи (Дѣян. XXVI, 4, 5).

Я—іудеянинъ, родившійся въ Киликіи, въ Тарсѣ, воспитанный въ семъ городѣ при ногахъ Гамаліила, тщательно наставленный въ отеческомъ законѣ (Дѣян. XXII, 3).

Если кто думаетъ на плоть надѣяться, то я болѣе: обрѣзанъ въ осьмый день, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, еврей отъ евреевъ, по закону—фарисей, по ревности—гонитель Церкви Божіей, по правдѣ законной—непороченъ (Филип. III, 4—6).

Я думалъ, что мнѣ должно сильно дѣйствовать противъ имени Іисуса Назорея; и я дѣлалъ это въ Іерусалимѣ.

Получивъ отъ первосвященниковъ власть, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, я подавалъ *на то* голосъ.

И по всѣмъ синагогамъ многократно мучилъ ихъ и принуждалъ хулить *Іисуса* и, въ чрезмѣрной ярости на нихъ, преслѣдовалъ ихъ даже и въ чужихъ городахъ (Дѣян. XXVI, 9—11).

Несмотря на сіе, я помилованъ потому, что такъ поступалъ по невѣдѣнію, не будучи въ вѣрѣ.

Помилованъ *для того*, чтобы Іисусъ Христосъ во мнѣ первомъ показалъ все долготерпѣніе, въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него къ жизни вѣчной (1 Тим. I, 13 и 16).

Идучи въ Дамаскъ со властію и препорученіемъ отъ первосвященниковъ,

Среди дня, на дорогѣ я увидалъ съ неба свѣтъ, превосходящій солнечное сіяніе, который осіялъ меня и шедшихъ со мною.

Всѣ мы упали на землю, и я слышалъ голосъ ко мнѣ, говорящій на еврейскомъ языкѣ: Савлъ, Савлъ, что ты Меня гонишь, трудно тебѣ идти противъ рожна.

Я сказалъ: кто ты, Господи?—Онъ сказалъ: Я—Іисусъ, Котораго ты гонишь.

Но встань и стань на ноги твои: ибо Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что ты видѣлъ, и что Я открою тебѣ,

Избавляя тебя отъ народа Іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя

Открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ свѣту и изъ-подъ власти сатаны къ Богу и вѣрою въ Меня получили прощеніе во грѣхахъ и часть наслѣдія съ освященными.

Посему я не воспротивился небесному явленію;

Но сперва жителямъ Дамаска и Іерусалима, *потомъ* по всей землѣ Іудейской и у язычниковъ проповѣдывалъ, чтобы покаялись и обратились къ Богу и дѣлали дѣла, достойныя покаянія (Дѣян. XXVI, 12—20).

Потомъ, чрезъ три года, ходилъ я въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ и пробылъ у него пятнадцать дней.

Другаго же *никого* изъ Апостоловъ я не видалъ, кромѣ Іакова, брата Господня.

Послѣ сего ходилъ я въ страны Сирійскія и Киликійскія.

Потомъ, спустя четырнадцать лѣтъ, я опять ходилъ въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита.

А ходилъ по откровенію. Тамъ особенно знаменитымъ предложилъ я благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, *изъ предосторожности*, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. Но и знаменитые ничего не возложили на меня болѣе.

Напротивъ того, видя, что мнѣ ввѣрено евангеліе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ,

(Ибо тотъ, кто содѣйствовалъ Петру въ апостольствѣ къ обрѣзаннымъ, содѣйствовалъ и мнѣ къ язычникамъ),

И узнавъ о дарованной мнѣ благодати, Іаковъ и Кифа, и Іоаннъ, почитаемые столпами, *въ знакъ* согласія подали руку мнѣ и Варнавѣ, чтобы намъ *идти* къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ;

Только чтобы мы помнили нищихъ, что и старался я исполнить въ точности (Галат. I, 18, 19, 21; II, 1 и 6—10).

Я — наименьшій изъ Апостоловъ и недостоинъ называться Апостоломъ, потому что гналъ Церковь Божію. Но, благодатію Божіею, я то, что есть; и благодать Его во мнѣ не была тщетна, но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился; не я, впрочемъ, но благодать Божія, которая со мною (1 Кор. XV, 9—10).

Я гораздо болѣе былъ въ трудахъ, болѣе въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти.

Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку *ударовъ* безъ одного;

Три раза меня били палками, однажды побивали камнями, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ *морской*.

Много разъ *былъ* въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ *другихъ* народовъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратьями;

Въ трудѣ и въ изнуреніи, часто во бдѣніи, въ гладѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ.

Кромѣ постороннихъ *приключеній*, ежедневное ко мнѣ стеченіе *людей*, забота о всѣхъ Церквахъ.

Кто немощенъ, съ которымъ бы и я не *чувствовалъ* немощи? Кто соблазняется, за котораго бы я не воспламенялся?

Если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немощію моею.

Я знаю человѣка во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла, *также* не знаю, Богъ знаетъ) восхищенъ былъ даже до третьяго неба.

Такъ знаю о семъ человѣкѣ (*только* не знаю, въ тѣлѣ или внѣ тѣла, Богъ знаетъ),

Что онъ восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣкъ пересказать не можетъ.

Такимъ *человѣкомъ* могу хвалиться, собою же не хвалюся, развѣ только немощами своими.

Впрочемъ, ежели я и захочу хвалиться, не буду безразсуденъ, потому что скажу истину: но я опасаюсь, чтобы кто не подумалъ обо мнѣ болѣе, нежели сколько во мнѣ видитъ или слышитъ отъ меня.

И чтобъ я не превозносился чрезвычайными откровеніями, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны мучитъ меня, чтобъ я не превозносился.

Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобъ удалилъ его отъ меня.

Но *Господь* сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя въ немощи совершенна. И потому я гораздо охотнѣе буду хвалиться своими немощами, дабы обитала во мнѣ сила Христова.

Посему я нахожу удовольствіе въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа; ибо когда я немощенъ, тогда силенъ (2 Кор. XI, 23—30, XII, 2—10).

Все, что было для меня пріобрѣтеніемъ, я почелъ ради Христа потерею.

Все почитаю потерею для познанія Христа Іисуса, Господа моего, Который *все* превосходитъ. Для Него я отъ всего отказался и все почитаю пометомъ, чтобы пріобрѣсть Христа

И найтись въ немъ не со своею праведностію, которая отъ закона, *но* съ праведностію, которая вѣрою Христовою, которая отъ Бога по вѣрѣ (Филип. III, 7—9).

Подвигомъ добрымъ я подвизался, поприще кончилъ, вѣру сохранилъ.

Теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ оный день;

и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его (2 Тим. IV, 7—8).

Подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Кор. XI, 1). Будьте, какъ я; ибо и я, какъ вы (Гал. IV, 12).

Общія понятія о посланіяхъ апостольскихъ и обстоятельства происхожденія ихъ.

Апостольскія посланія по внѣшней своей формѣ и внутреннему содержанію вполнѣ удерживаютъ характеръ обыкновенныхъ писемъ, которыя суть письменный разговоръ между лицами, находящимися въ разныхъ мѣстахъ, именно: *по внѣшней формѣ* они состоятъ: а) изъ привѣтствій отъ лица пишущаго къ тѣмъ, кому онъ пишетъ (исключая 1-е посланіе Іоанна и Павла къ евреямъ); б) изъ изложенія самаго предмета письма; в) изъ заключенія, въ которое входятъ благожеланія и цѣлованія; *по внутреннему построенію*, въ посланіяхъ, какъ и въ обыкновенныхъ разговорахъ между двумя лицами, а) рѣчь обращается около предметовъ, особенно важныхъ и нужныхъ, по состоянію, обстоятельствамъ и взаимнымъ отношеніямъ лицъ переписывающихся; б) раскрываются эти предметы преимущественно съ той стороны, съ которой необходимо было для лицъ, которымъ назначалось письмо,— раскрываются въ такомъ порядкѣ, въ какомъ представляются самые предметы писателю, и излагаются языкомъ, близкимъ къ разговорному и понятнымъ для лицъ, для которыхъ излагаются. Изъ состава и характера посланій апостольскихъ видно ихъ отношеніе къ Евангеліямъ и вообще къ вѣроученію христіанскому. Высокія истины христіан-

скія, излагаемыя въ Евангеліяхъ, излагаются—большею частію—въ существѣ своемъ и въ общихъ положеніяхъ; въ посланіяхъ же онѣ примѣняются къ частнѣйшимъ явленіямъ и потребностямъ христіанской жизни. Но не должно думать, чтобы въ посланіяхъ раскрыто было все ученіе христіанское,—взяты были во вниманіе всѣ явленія жизни христіанской: въ нихъ раскрыто преимущественно то, что нужно было по состоянію лицъ, для которыхъ первоначально назначались посланія. Всѣхъ посланій въ канонѣ Новаго Завѣта находится двадцать одно. Изъ нихъ семь соборныхъ и четырнадцать Апост. Павла. Всѣ эти посланія появились по слѣдующимъ обстоятельствамъ вѣрующихъ христіанъ и Церквей:

1) *Соборное посланіе Іакова* вызвано внѣшними бѣдствіями вѣрующихъ, особенно евреевъ, и поврежденіемъ нравовъ чрезъ злоупотребленіе ученія объ оправданіи вѣрою; въ немъ Апостолъ особенно убѣждаетъ къ послушанію слову Божію, къ терпѣнію и твердости въ страданіяхъ, предостерегаетъ отъ гордости въ богатствѣ, учитъ въ болѣзняхъ обращаться съ молитвою къ Богу и совершать таинство Елеосвященія.

2) *Соборное посланіе Петра первое* также направлено на злоупотребленіе ученія о вѣрѣ оправдывающей; въ немъ Апостолъ убѣждаетъ христіанъ, какъ странниковъ и пришельцевъ на землѣ, твердо соблюдать надежду на вѣчную награду въ небесахъ за терпѣніе среди бѣдствій житейскихъ; говоритъ онъ между прочимъ здѣсь и о сошествіи Іисуса Христа въ адъ (III, 18—20).

3) *Соборное посланіе Петра второе*—послѣднее за-

вѣщаніе тѣмъ, кому Апостолъ проповѣдывалъ прежде,—завѣщаніе, вызванное приближеніемъ мученической кончины св. Петра; онъ предостерегаетъ христіанъ отъ лжеучителей и невѣрующихъ, порицающихъ всякое начальство. Апостолъ здѣсь указываетъ на конецъ міра и будущую жизнь.

4) *Соборное посланіе Іоанна первое* вызвано, *въ послѣднюю годину*, желаніемъ Апостола дать вѣрующимъ предохранительное врачевство противъ ложнаго ученія объ оправданіи и о Лицѣ Іисуса Христа, предъ разрушеніемъ Іерусалима. Въ 1-мъ посланіи своемъ Апостолъ Іоаннъ увѣщаваетъ къ святому общенію любви съ Отцемъ и Сыномъ и ближними. Эта любовь, говоритъ, происходитъ изъ вѣры и исповѣданія, что Іисусъ Христосъ пришелъ во плоти спасти міръ.

5) *Соборное посланіе Іоанна второе* вызвано *избранной госпожей,* для правовѣрія которой необходимо было дать утѣшительное свидѣтельство и предостереженіе отъ лжеучителей. Апостолъ увѣщаваетъ благочестивую христіанку къ любви и предостерегаетъ отъ обольстителей.

6) *Соборное посланіе Іоанна третье* вызвано славою хожденія въ истинѣ Гаія и, чтобы дать одобреніе его страннолюбію. Апостолъ хвалитъ Гаія за то, что онъ поступаетъ по закону и за гостепріимство, а скупаго Діатрефа порицаетъ.

7) *Соборное посланіе Іуды*—новое остерегательное изображеніе развратныхъ еретиковъ. Онъ, какъ и два посланія Петра, предостерегаетъ отъ лжеучителей и невѣрующихъ людей.

8) *Соборное посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ* написано по случаю соблазнительныхъ споровъ вѣ-

ровавшихъ іудеевъ и язычниковъ о взаимныхъ преимуществахъ, съ цѣлію утвердить ихъ въ вѣрѣ. Апостолъ учитъ, что всѣ люди—какъ іудеи, такъ и язычники—одинаково имѣли нужду въ спасеніи отъ своихъ грѣховъ. Евангеліе же есть спасающая всѣхъ сила Божія, ибо въ немъ открывается правда цѣнная предъ Богомъ. Это оправданіе приводитъ къ истинной святости, любви, послушанію и вообще къ доброй жизни.

9) *Посланіе Ап. Павла къ Коринѳянамъ первое* написано вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о возникшихъ въ коринѳской Церкви распряхъ и разныхъ соблазнахъ. Апостолъ предостерегаетъ отъ раздоровъ и безпорядковъ въ нравственной и церковно-Богослужебной жизни; учитъ о духовныхъ дарованіяхъ и о воскресеніи мертвыхъ.

10) *Посланіе Ап, Павла къ Коринѳянамъ второе* явилось, какъ врачевство, противъ опасной заразы нѣкоторыхъ лже-апостоловъ изъ іудеевъ, старавшихся поколебать довѣренность коринѳянъ къ Павлу, который особенно здѣсь прославляетъ славу новозавѣтнаго служенія, проповѣдующаго искупленіе.

11) *Посланіе Ап. Павла къ Галатамъ* написано по случаю непостоянства галатянъ, прелагавшихся *во ученіе ино*, т.-е. вѣрившихъ новымъ учителямъ, что для спасенія нужно обрѣзаніе. Апостолъ пишетъ, что мы спасемся не дѣлами закона (Моисеева), но вѣрою, которая неразлучна съ любовію.

12) *Посланіе Ап. Павла къ Ефесеямъ* написано съ цѣлію поставить оплотъ противъ наклонности ефесеевъ къ идолослуженію, волхвованію, своеволію и противъ мужей, глаголющихъ развращенная. Апостолъ пишетъ о духовномъ блаженствѣ въ обладаніи

небесными благами, которыя мы получаемъ въ христіанской Церкви, и указываетъ, что для этого христіане должны жить во святой взаимной любви между собою.

13) *Посланіе Ап. Павла къ Филипписеямъ* написано для того, чтобы убѣдить ихъ къ единодушію и преданности въ волю Божію, предостеречь отъ іудействующихъ лжеучителей и, наконецъ, одобрить благочестивую щедрость филиппісеевъ въ подаяніи милостыни нуждающимся вѣрующимъ. Между прочимъ въ этомъ посланіи Апостолъ пишетъ о радостной жизни, которую ведутъ во Христѣ, когда во смиреніи послѣдуютъ Ему, находясь чрезъ вѣру въ сообщеніи съ Нимъ и ожидая Его.

14) *Посланіе Ап. Павла къ Колоссаямъ* вызвано добрымъ слухомъ о Церкви въ Колоссахъ, чтобы превознесть Лице и заслуги Іисуса Христа, противоположить новаго духовнаго человѣка ветхозавѣтнымъ обрядамъ, изобразить обязанности общественныя и поведеніе христіанина. Говоря о величіи Лица Іисуса Христа, Апостолъ указываетъ на величіе искупленія и святыхъ обязанностей христіанской жизни.

15) *Посланіе Ап. Павла къ Солунянамъ первое* вызвано опасеніемъ, чтобы солунянъ не поколебали бѣдствія Апостола и ихъ собственныя. Здѣсь Апостолъ указываетъ на плоды Евангелія, созрѣвшіе у солунянъ, и утѣшаетъ ихъ, что умершіе воскреснутъ во время пришествія Христова; а также учитъ, что каждый долженъ жить бодрственно въ своемъ призваніи.

16) *Посланіе Ап. Павла къ Солунянамъ второе* послѣдовало по случаю распространившагося мнѣнія

о скоромъ пришествіи Господа. Поэтому Апостолъ пишетъ, что прежде пришествія Христова придетъ антихристъ, и увѣщаваетъ бодрствовать и молиться.

17) *Посланіе Ап. Павла къ Тимоѳею первое* написано для наставленія Тимоѳея въ епископскомъ служеніи и въ остереженіе отъ ложнаго просвѣщенія.

18) *Посланіе Ап. Павла къ Тимоѳею второе* написано съ цѣлію убѣдить возлюбленнаго сына своего къ вѣрному прохожденію его служенія, — предсмертное.

19) *Посланіе Ап. Павла къ Титу* написано съ цѣлію сообщить Титу правила для избранія пресвитеровъ. Два посланія къ Тимоѳею и одно къ Титу называются пастырскими. Въ нихъ Апостолъ учитъ, какъ правильно устроить церковный порядокъ, описываетъ, каковы должны быть епископы, пресвитеры, діаконы и увѣщаваетъ сохранять чистое ученіе.

20) *Посланіе Ап. Павла къ Филимону* — примирительное, чтобы Филимонъ простилъ раба своего, убѣжавшаго и сдѣлавшагося христіаниномъ, Онисима. Итакъ, здѣсь Апостолъ ходатайствуетъ предъ Филимономъ за слугу его Онисима, обращеннаго въ христіанство самимъ Ап. Павломъ.

21) *Посланіе Ап. Павла къ Евреямъ.* Привязанность увѣровавшихъ іудеевъ къ левитскому служенію, ихъ страданія отъ невѣрующихъ и, можетъ быть, въ особенности кончина Іакова Апостола, епископа Іерусалимскаго, побудили Павла наставить и утѣшить ихъ. Для этой цѣли Апостолъ показываетъ, что левитскія служенія и обряды установлены были только на извѣстное время, что они составляли

не болѣе, какъ *тѣнь грядущихъ благъ*; показываетъ истинное Божество и человѣчество Іисуса Христа и несравненное превосходство Евангелія предъ Моисеевымъ закономъ. Въ этомъ посланіи вкратцѣ изображено все домостроительство Божіе о человѣкѣ, отъ сотворенія міра до явленія Спасителя.

Содержаніе Апокалипсиса по преимуществу *пророческое*. Св. Ап. Іоаннъ, находясь въ заточеніи на островѣ Патмосѣ, однажды увидѣлъ Господа, Который повелѣлъ ему писать посланіе къ 7-ми малоазійскимъ Церквамъ. Въ этихъ посланіяхъ Іоаннъ самымъ точнымъ образомъ описалъ особенныя свойства и дѣла каждой Церкви и предсказалъ ихъ судьбу: гл. I—III. Послѣ этого предъ взоромъ пророка раскрылось небо, и онъ видѣлъ на престолѣ Самого Бога съ таинственною книгою, запечатанною 7-ю печатями. Агнецъ, съ семью рогами и семью глазами, раскрылъ, одну за другою, эти печати, и тайновидецъ видѣлъ, какъ землю постигали, одно за другимъ, страшныя бѣдствія: гл. IV—VI. Послѣ вскрытія шестой печати, Іоаннъ видѣлъ запечатлѣніе 144 тысячъ рабовъ Божіихъ и начало славы ихъ на небѣ: гл. VII. Послѣ вскрытія седьмой печати, появилось семь Ангеловъ съ семью трубами, которые возвѣщали различныя бѣдствія живущимъ на землѣ и приближеніе царства Христова: гл. VIII—XI. Затѣмъ появилась великая жена, младенца которой покушался истребить драконъ, но былъ пораженъ Михаиломъ и Ангелами его, и въ раздраженіи вывелъ противъ сѣмени жены двухъ страшныхъ звѣрей, чтобы они наносили вредъ вѣрущимъ: гл. XII и XIII. Но на небѣ готовилось послѣднее явленіе Сына Человѣческаго для суда

надъ землею. Семь Ангеловъ съ чашами изливали ярость Господню на нечестивыхъ обитателей земли: гл. XIV—XVI. Явленіе великаго града Вавилона подъ образомъ блудницы и быстрое паденіе его заключили это изліяніе чашъ гнѣва: гл. XVII—XVIII. За ними слѣдовала брань Господа со звѣремъ и лже-пророкомъ и заключеніе діавола на 1000 лѣтъ въ бездну. Всеобщій судъ надъ воскресшими закончилъ исторію земной Церкви: гл. XIX—XX. Вслѣдъ за этимъ начинается новая эпоха міра. Являются новое небо и новая земля, и устрояется новый Іерусалимъ, гдѣ начинается и новая блаженная жизнь: гл. XXI—XXII, 1—5. Іоаннъ слышитъ повелѣніе записать все видѣнное, въ подтвержденіе скораго пришествія Христова (XXII, 6—21).

Взглядъ на Апостоловъ и ихъ писанія хорошо выраженъ въ слѣдующихъ вдохновенныхъ стихахъ, подъ заглавіемъ—„Апостолъ“.

„Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь,—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись—другія всходятъ;
Вновь вглядись—и тамъ вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа...
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Если бы кто пожелалъ изучить писанія апостольскія въ возможной полнотѣ, то, кромѣ толкованій на нихъ св. Іоанна Златоуста и Θеофилакта, съ пользою можно для этой цѣли воспользоваться „Обозрѣніемъ посланій Апостольскихъ“ — Иванова и особенно „Толкованіями“, недавно вышедшими почти на всѣ посланія, преосвящ. Θеофана. А мы здѣсь ограничимся немногимъ. Для теоретическаго знанія мы представили „Общее раскрытіе сущности христіанскаго ученія“, въ связи съ историческими обстоятельствами; теперь, для знанія практическаго, представляемъ въ сжатомъ очеркѣ самую сущность христіанства, состоящую въ возстановленіи падшаго человѣчества.

Въ новомъ завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа—два главныхъ существенныхъ пункта. Одинъ пунктъ его указываетъ намъ путь, по которому можно дойти до общенія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ; а другой выясняетъ самое пребываніе наше въ Богѣ, какъ слѣдствіе общенія со Спасителемъ нашимъ.

Цѣль сотворенія человѣка и жизни его—быть въ общеніи съ Богомъ, жить въ Немъ и блаженствовать. Но человѣкъ, не сохранивъ первой и единственной заповѣди Божіей, отпалъ отъ Бога, потерялъ истинную жизнь и самъ обрекъ себя на временныя и вѣчныя страданія. Послѣдняго требовали сколько состояніе падшаго, столько же и правосудіе Божіе. Смерть Сына Божія, принявшаго на Себя естество человѣческое и оживотворившаго его въ Себѣ, удовлетворила правдѣ Божіей и возвратила человѣку блаженство его въ Богѣ. Теперь, значитъ, кто хочетъ достигнуть своего назначенія,

то-есть блаженства въ общеніи съ Богомъ, — не иначе можетъ сдѣлать это, какъ чрезъ общеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ. *Никто же можетъ пріити ко Отцу, токмо Мною*,—говоритъ Спаситель (Іоан. XIV, 6). Вотъ сущность христіанства!

Какой же тотъ путь, по которому можно дойти до общенія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и что отъ насъ требуется на этомъ пути? Глубоко сознавая свое отчужденіе отъ Бога и раскаиваясь въ грѣхахъ своихъ, человѣкъ легко могъ бы прійти въ отчаяніе, если бы не заслуги Искупителя міра. Только усвояя себѣ вѣрою заслуги Спасителя, человѣкъ получаетъ надежду спасенія, пріемлетъ Божественныя силы, полагаетъ намѣреніе жить для Господа во вся дни живота своего, и за это—чрезъ св. таинства — соединяется съ Господомъ. Эти общія черты восхожденія къ общенію съ Господомъ требуются отъ всякаго христіанина, чтобы онъ зналъ и познавалъ свою бѣдность и окаянство,—что онъ и нищъ, и слѣпъ, и нагъ, и погибалъ бы временно и вѣчно, если бы не Господь; чтобы—далѣе—зналъ и возрасталъ въ познаніи Господа Іисуса Христа, пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти; чтобы полною вѣрою вѣровалъ, что Господь, спасшій весь міръ, и его спасъ; чтобы, вслѣдствіе этого, питалъ въ себѣ, при постоянномъ самоотверженіи, надежду спасенія,—воззрѣвалъ въ себѣ, при всегдашнемъ покаяніи, чувство мира съ Богомъ-Благодѣтелемъ и носилъ въ сердцѣ своемъ убѣжденіе, что онъ— сынъ Божій, обязанный жить и дѣйствовать какъ бы предъ лицемъ Божіимъ, въ видахъ Божіихъ, для Бога, всегда во славу пресвятаго имени Его. Вотъ путь восхожденія къ общенію съ Господомъ

Іисусомъ Христомъ! Всѣ чувства и расположеніе христіанина, идущаго по пути сему, вытекаютъ изъ покаянія и вѣры въ Искупителя; *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе*,—сказалъ Онъ (Марк. I, 15). Только чрезъ покаяніе и вѣру человѣкъ входитъ въ общеніе со своимъ Спасителемъ, а чрезъ Него и съ Самимъ Богомъ.

Вступивъ въ общеніе съ Сыномъ Божіимъ Іисусомъ Христомъ, а чрезъ Него возсоединившись съ Самимъ Богомъ-Отцемъ небеснымъ, человѣкъ, такимъ образомъ, становится лицемъ къ лицу съ Богомъ. Теперь Онъ созерцаетъ Бога въ самомъ себѣ, въ Его безконечныхъ совершенствахъ и въ отношеніяхъ Его къ міру и человѣку—въ Его дѣлахъ творенія, промышленія и совершенія всего... Эти общія черты возсоединенія человѣка чрезъ Іисуса Христа съ Богомъ требуютъ отъ него, чтобы онъ, созерцая Бога сокровеннѣйшимъ и непостижимымъ, изумлялся величію Его, устраняя всякую пытливую мысль о Немъ; чтобы, созерцая Его безконечно великимъ, падалъ предъ Нимъ, проникаясь благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ; чтобы, созерцая Его совершеннѣйшимъ, хвалилъ и славословилъ Его непрестанно; чтобы, созерцая Его вездѣсущимъ, всевидящемъ и всеисполняющимъ, ходилъ предъ лицемъ Его, какъ предъ Царемъ, всегда на него смотрящимъ; чтобы, созерцая Его Творцемъ и Хранителемъ своимъ, покорялся Ему, какъ Владыкѣ жизни, въ чувствѣ всесторонней зависимости отъ Него; чтобы, созерцая Его Промыслителемъ своимъ, благодарилъ Его за все и благодушно все переносилъ случающееся въ жизни, помня, что все съ нимъ дѣлается по распоряженію

Божію; чтобы, созерцая Его Руководителемъ къ своему назначенію, предалъ себя всеблагой волѣ Божіей и успокоился въ Богѣ молитвою къ Нему ума и сердца; чтобы, созерцая Его Преобразователемъ неба и земли и Приготовителемъ вѣчнаго блаженнаго царства человѣку, ожидалъ втораго пришествія Господня и приготовлялся на всякій часъ встрѣтить Его,—готовился къ смерти, помня судъ, рай и адъ, и былъ, какъ странникъ, на землѣ. Только чрезъ такія чувства и расположенія человѣкъ пребываетъ въ общеніи съ Богомъ. Это рядъ обязанностей нашихъ къ Богу-Отцу, какъ дѣтей Его—по благодати. *Пребываяй во Мнѣ въ Богѣ пребываетъ... якоже Азъ сотворихъ, и вы творите*, — сказалъ Спаситель нашъ, единородный Сынъ Божій.

Такова сущность христіанства, состоящая въ возстановленіи падшаго человѣчества! Таково содержаніе Новаго Завѣта, написаннаго и подписаннаго кровію Спасителя нашего и запечатлѣннаго крестною смертію Его. Исполнивъ его, мы дѣлаемся полными наслѣдниками царства Его. Но какъ исполнить этотъ завѣтъ? Если Онъ Сына Своего единороднаго не пощадилъ для насъ, то, безъ сомнѣнія, съ Нимъ все намъ далъ,—далъ и средства къ выполненію Его новаго завѣта. Царство Божіе уже существуетъ на землѣ,—это св. Церковь Христова. Не иначе, какъ по ея указанію и руководству, мы можемъ утверждаться и пребывать въ общеніи съ Богомъ. Въ Церкви—всѣ необходимыя для этого благодатныя средства. Церковь есть просвѣтительница наша, столпъ и утвержденіе истины, въ словѣ Божіемъ, въ отеческихъ писаніяхъ и въ церковной проповѣди. Церковь есть

подательница и воспитательница духа благодати, въ св. таинствахъ. Церковь есть ходатайца и заступница наша отъ всѣхъ окружающихъ насъ враговъ, въ безкровной жертвѣ и въ своихъ молитвахъ, на всякую потребу нашу—душевную и тѣлесную. Нужно только пребывать всегда въ общеніи и единеніи со всѣми членами Церкви, не забывать вытекающихъ отсюда обязанностей—единомыслія, сочувствія и готовности содѣйствовать благу всѣхъ, чтобы общими силами стремиться къ одной цѣли—всегда и во всемъ творить единую волю Божію и такимъ образомъ быть въ общеніи съ Богомъ, чему должна быть посвящена вся жизнь наша, какъ единогласно учатъ насъ и примѣромъ, и словомъ своимъ всѣ св. отцы и учители Церкви, оставившіе намъ свои письменныя творенія.

Жизнь и писаніе святыхъ отцевъ Церкви—„это вообще богатая сокровищница, изъ которой всякій можетъ брать все, что нужно для преспѣянія его въ жизни духовной и что сообразно съ его силами, возрастомъ, званіемъ и состояніемъ; это—богатая трапеза отрадныхъ и спасительныхъ истинъ, которою съ истинною пользою и чистымъ наслажденіемъ можетъ питаться душа вѣрующаго; это—обильный источникъ живой воды, текущей въ животъ вѣчный, котораго жаждетъ благочестивое сердце; это—самые вѣрные наставники наши въ вѣрѣ и благочестіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ святые Отцы Церкви суть наши усердные молитвенники и сильные ходатаи предъ Богомъ. Вотъ почему св. Апостолъ Павелъ даетъ намъ наставленіе: *Поминайте наставники ваша, иже глаголаше вамъ слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7).

Святые отцы церкви.

„Препрославленъ еси, Христе Боже нашъ, Свѣтила на земли—Отцы наши основавый, и тѣми ко истиннѣй вѣрѣ вся ны наставивый, Многоблагоутробне, слава Тебѣ“ (Тропарь въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ).

Подъ именемъ св. отцевъ Церкви разумѣются такіе святые, которые не только просіяли въ мірѣ семъ святостію своей жизни, но и оставили послѣ себя всѣмъ послѣдующимъ временамъ свои просвѣтительныя писанія. Самые первые изъ такихъ св. Отцевъ Церкви суть *Мужи Апостольскіе*, даже и св. Апостолы, напримѣръ Варнава и Ермъ, которыхъ писанія не вошли въ канонъ священныхъ книгъ новаго завѣта, но которыя отличаются апостольскимъ духомъ и простотою; затѣмъ слѣдуютъ такъ называемые св. отцы *Апологеты*, защищавшіе въ свое время святую христіанскую вѣру своими писаніями полемическими, или апологетическими; наконецъ, одинъ за другимъ, являются просто св. отцы Церкви, говорившіе и писавшіе свои поученія и наставленія въ вѣрѣ и нравственности христіанской, сообразныя съ обстоятельствами своего времени включительно до святыхъ Меѳодія и

Кирилла, перенесшихъ свѣтъ православно-христіанской вѣры изъ Восточной Церкви въ страны славянскія и наше отечество.

I.

Св. апостолъ Варнава.

Св. Варнава—родомъ кипрянинъ и левитъ. По своей любви къ христіанству, онъ все свое имущество передалъ Апостоламъ на общую пользу. Онъ ввелъ Савла въ общество христіанъ и посланъ былъ Апостолами устроить антіохійскую Церковь. Потомъ вмѣстѣ съ Павломъ посланъ былъ на проповѣдь къ язычникамъ и съ самоотверженіемъ проповѣдывалъ имя Христово въ Кипрѣ и Малой Азіи. По случаю споровъ, завязавшихся въ Антіохіи между христіанами изъ язычниковъ и іудеевъ объ исполненіи Моисеева закона, отправленъ былъ съ Павломъ въ Іерусалимъ, чтобы предложить дѣло собору Апостоловъ. Ходилъ съ Маркомъ для проповѣди въ Кипръ; потомъ опять возвратился въ Антіохію, получилъ здѣсь отъ Павла обличеніе въ лицемѣрномъ подражаніи Петру (Гал, II, 13), но вообще о подвигахъ Варнавы Ап. Павелъ отозвался съ уваженіемъ (Кор. IX, 6). Послѣднее время служенія своего Варнава провелъ въ Кипрѣ; здѣсь же и скончался мученически. Св. тѣло его впослѣдствіи обрѣтено въ Кипрѣ, съ еврейскимъ евангеліемъ отъ Матѳея—на персяхъ. Отошелъ ко Господу не прежде 72 года. Память его—11-го іюня и 4-го января.

Отъ Ап. Варнавы дошло до насъ его посланіе. Въ немъ—двѣ неравныя части: въ 1-й излагаются мысли о вѣрѣ: гл. I—XVII; во 2-й преподаются

правила жизни: гл. XVIII—XXII. Въ посланіи очень часто встрѣчаются аллегорическія толкованія, которыми мало дается цѣны историческому значенію вотхозавѣтныхъ обрядовъ. Есть у Варнавы и мнѣніе, что міръ долженъ окончиться съ истеченіемъ 6000 лѣтъ. Но вообще въ посланіи Ап. Варнавы весьма много поучительнаго и назидательнаго. Оно ясными словами показываетъ Божественное достоинство Искупителя и указываетъ „два пути жизни— путь свѣта и путь мрака", и наставляетъ, какъ идти путемъ свѣта, и какія дѣла пути мрачнаго. О себѣ же смиренно говоритъ: „я не какъ учитель, но какъ равный съ вами, изъясняю вамъ нѣкоторыя наставленія". Его посланіе есть на русскомъ языкѣ. (См. „Христіанское Чтеніе" 1830 г. и при „Правосл. Обозрѣніи").

II.

Св. Апостолъ Ермъ.

Ермъ родился въ Греціи, но жилъ въ Римѣ. Имѣлъ жену—язычницу, которую желалъ имѣть сестрою своею о Господѣ. До обращенія не чуждъ былъ паденій. По излишней любви къ дѣтямъ допускалъ ихъ предаваться порокамъ и наказанъ былъ ихъ поведеніемъ; да и жена заставляла его терпѣть непріятности. Наконецъ, за грѣхи домашнихъ, Господь послалъ на него тяжелое испытаніе: изъ богача онъ сталъ бѣднымъ. Но въ самомъ наказаніи Господь миловалъ его: на время покаянія поручилъ его особенному храненію Ангела, который, въ видѣ пастыря, преподалъ ему наставленія въ жизни. Эти наставленія, по волѣ Ангела, св. Ермъ не только самъ тщательно выполнялъ, но и записалъ ихъ для

пользы общей. Кончина его послѣдовала около 100 года. А память совершается 5-го ноября и 31-го мая. О немъ упоминаетъ св. Ап. Павелъ (Римл. XVI, 14).

Отъ св. Ермы дошла до насъ книга „Пастырь". Написана эта книга около 95 г., во время гоненія Домиціанова, и есть не что иное, какъ окружное письмо, состоящее *изъ трехъ книгъ*. *Въ первой книгѣ*—четыре видѣнія: въ первомъ показаны грѣхи Ермы,—во второмъ даны наставленія о покаяніи,—въ третьемъ показано строеніе столпа Церкви,—въ четвертомъ—звѣрь, образъ бѣдствія, грядущаго на Церковь; *во второй книгѣ* предложены заповѣди, которыя передалъ Ерму Ангелъ—о страхѣ Божіемъ, о милосердіи, о соблюденіи правды въ словахъ, о покаяніи и проч. *Въ третьей книгѣ*—притчи, или подобія, которыми св. Ермъ объясняетъ различныя, большею частію, нравственныя истины. Вся вторая книга заключаетъ въ себѣ превосходныя нравственныя наставленія. Много назидательнаго и въ третьей книгѣ. Есть у Ермы ученіе о Христѣ Спасителѣ,—о соединеніи въ Лицѣ Его Божества съ человѣчествомъ,—о Церкви, дверь въ которую—Христосъ, — о троичности лицъ въ Божествѣ, въ ясныхъ чертахъ,—объ Ангелахъ,—объ Ангелѣ Хранителѣ,—о таинствѣ крещенія, покаянія и брака. Книга „Пастырь" имѣется на русскомъ языкѣ въ редакціи „Православнаго Обозрѣнія".

III.

Св. Климентъ, епископъ Римскій.

Св. Климентъ, по мѣсту рожденія римлянинъ, къ вѣрѣ во Христа обращенъ Ап. Петромъ, былъ со-

трудникомъ Ап. Павла, какъ самъ Апостолъ сей свидѣтельствуетъ, называя его — вмѣстѣ съ другими—*споспѣшникомъ, коихъ имена въ книгахъ животныхъ* (Филип. IV, 3). По смерти Лина и Анаклета, первыхъ епископовъ римскихъ, св. Климентъ назначенъ былъ Ап. Петромъ въ римскаго епископа и управлялъ римскою Церковію съ 12 года Домиціанова до 3 года Траянова, или съ 92 до 101 по Р. Х. Будучи епископомъ Рима, св. Климентъ неутомимо подвизался въ распространеніи вѣры христіанской, но пастырская заботливость его простиралась не на одну только римскую Церковь, какъ показываютъ его сочиненія. Изгнанный при Траянѣ, за имя Христово, въ Херсонесъ Таврическій и осужденный—вмѣстѣ съ другими христіанами—на тяжкія работы въ каменоломняхъ, онъ словомъ вѣры утѣшалъ вѣрныхъ, а чудесами (напримѣръ изведеніемъ воды изъ камня и проч.) обратилъ многихъ язычниковъ ко Христу, за что, по повелѣнію Траяна, брошенъ былъ въ море и такимъ образомъ скончался мученически, въ 101-мъ году нашей эры. Память его совершается 25-го ноября.

Св. Ириней говоритъ, что св. Климентъ не только зрѣлъ блаженныхъ Апостоловъ, но и жилъ вмѣстѣ съ ними; ихъ проповѣдь отзывалась въ слухѣ его, и преданія ихъ были предъ взорами его.

Мощи апостольскаго мужа впослѣдствіи взяты были изъ Херсонеса свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ въ напутствіе и свидѣтельство объ истинѣ Христовой, при ихъ проповѣдническомъ служеніи славянскимъ племенамъ, и доселѣ почиваютъ въ Римѣ, а часть ихъ—св. глава—принесена была въ Россію св. равноапостольнымъ Владиміромъ.

Отъ св. Климента мы имѣемъ два посланія къ коринѳянамъ—одно полное, а другое неполное—и два окружныя посланія о дѣвствѣ, или къ дѣвственникамъ и дѣвственницамъ. Всѣ посланія св. Климента запечатлѣны духомъ апостольскимъ и преимущественно Ап. Павла. Языкъ его сочиненій отличается правильностью и чистотою греческихъ классическихъ твореній.

а.

Первое посланіе св. Климента къ Коринѳянамъ, несомнѣнное по своей подлинности *), составляетъ драгоцѣнный памятникъ ученія мужа апостольскаго.

Это посланіе писано Климентомъ отъ лица римской Церкви къ коринѳской, по случаю возникшаго тамъ несогласія между клиромъ и народомъ, какъ это было уже въ Коринѳѣ еще при Ап. Павлѣ,—писано по окончаніи Домиціанова гоненія, около 97 года.

Все посланіе это раздѣляется на *три* части, и главныя мысли его слѣдующія:

1-я часть (1—36).

Послѣ краткаго привѣтствія, римская Церковь приводитъ на память коринѳянамъ прежнее цвѣтущее состояніе ихъ Церкви и съ душевною

*) Оно съ похвалою принято всею древностію.—Имъ пользовались—святыйИриней, Евсевій, Фотій, изъ коихъ первый называетъ его *сильнѣйшимъ*, вторый—*великимъ и удивительнымъ*, а послѣдній—*достойнымъ всякаго уваженія*. Оно въ древности такъ было уважаемо, что читалось въ церквахъ всенародно: „Сегодня мы проводили св. день Господень; въ оный читали посланіе ваше, и всегда будемъ читать оное для нашего наставленія“,—пишетъ Діонисій, еп. коринѳскій, къ римлянамъ (письмо въ исторіи Евсевія).

скорбію изображаетъ настоящее нестроеніе оной (1—4).

Нашедши причину нестроенія въ зависти, представляетъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи примѣры гибельнаго дѣйствія этой страсти (4—6).

Напоминаетъ коринѳянамъ о высокомъ званіи ихъ во Христѣ Іисусѣ, Который цѣною Своей крови доставилъ всему міру благодать покаянія; указываетъ на примѣръ Ноя, проповѣдника покаянія, примѣръ ниневитянъ, особенно же на слова Самого Господа, призывающаго всѣхъ къ покаянію (7—13).

Примѣромъ Господа Іисуса Христа, святыхъ Божіихъ и даже видимой природы увѣщаваетъ коринѳянъ стяжать, вмѣсто гордости, смиреніе, вмѣсто непокорности—послушаніе (14—22).

Наконецъ входитъ въ подробныя разсужденія объ условіяхъ, необходимыхъ для полученія благодати Божіей (23—36).

Во 2-й части говорится о церковномъ устройствѣ вообще (37—44).

Посланіе доказываетъ необходимость опредѣленнаго порядка въ христіанскомъ обществѣ; и для этой цѣли обращаемъ вниманіе коринѳянъ на дисциплину римскихъ легіоновъ, на устройство человѣческаго тѣла, но особенно—на установленный Самимъ Богомъ чинъ и порядокъ въ ветхозавѣтной Церкви, который подтвержденъ Іисусомъ Христомъ и Его Апостолами, и слѣд. долженъ быть неизмѣняемъ.

3-я часть говоритъ исключительно о спорныхъ дѣлахъ коринѳской Церкви (45—57).

Раздоръ, происшедшій въ Коринѳѣ, по словамъ посланія, хуже прежняго раздора, бывшаго при Павлѣ, и грозитъ самыми гибельными слѣдствіями, если коринѳяне не возвратятся къ любви и согласію, которое весьма легко можетъ быть достигнуто при помощи молитвы къ Богу. Пусть каждый содѣйствуетъ миру; пусть каждый пожертвуетъ собою для любви, примѣры которой представляютъ даже язычники. Что же касается виновниковъ возмущенія, то они должны покаяться и покориться пресвитерамъ.

Посланіе оканчивается похвалою любви и увѣщаніемъ жить смиренно и согласно (58—59).

Посланіе это весьма важно для догматическаго ученія, особенно же для ученія о церковной іерархіи и таинствахъ (§§ 21, 40, 42, 44, 51, 52), объ Искупителѣ Сынѣ Божіемъ (§§ 2, 16, 36, 49, 50), о воскресеніи мертвыхъ (§§ 24—27), о каноничеcкой важности Св. Писанія (§§ 10, 13, 2, 35, 38, 47, 36, 56, 30, 21, 38, 49, 7, 11, 17, 23, 30); въ немъ изображаются и главныя обязанности христіанина, особенно любовь и смиреніе. Таково же, въ догматическомъ и нравственномъ отношеніи, и *Второе посланіе св. Климента къ Коринѳянамъ*, не въ полномъ видѣ дошедшее до насъ.

Въ этомъ посланіи св. Климентъ поучаетъ, что намъ надобно такъ помышлять объ Іисусѣ Христѣ, какъ о Богѣ, какъ о Судіи живыхъ и мертвыхъ; убѣждаетъ быть благодарными къ Нему, какъ приведшему изъ мрака язычества въ свѣтъ Божій; бла-

годарность же доказывать не одною вѣрою въ Него, но особенно исполненіемъ заповѣдей Его. Затѣмъ говоритъ, что жизнь человѣческая раздѣлена на два вѣка, воюющіе одинъ противъ другаго: на вѣкъ настоящій и вѣкъ будущій; первый изъ нихъ проповѣдуетъ о нечестіи, второй повелѣваетъ отрекаться отъ нечестія; первый вѣкъ—вѣкъ покаянія, и въ немъ мы можемъ все дѣлать для избавленія себя отъ гнѣва Божія, ожидающаго въ будущемъ вѣкѣ. Въ отрывкѣ этого посланія изображается Божественная природа Духа Божія и дѣйствія Его, какъ освятителя сердецъ. „Духъ сей святъ и праведенъ: Онъ исходитъ отъ Отца".

Оба эти посланія несомнѣнно принадлежатъ св. Клименту. Хотя Евсевій и Іеронимъ въ послѣднемъ изъ нихъ, отрывкѣ, и сомнѣваются, но сходство его съ первымъ очевидно: въ томъ и другомъ посланіяхъ одинаково говорится о благодѣяніяхъ Іисуса Христа чрезъ страданія и смерть Его, и возбуждается къ Нему благодарность... Оба эти посланія изданы на русскомъ языкѣ; ихъ можно читать въ сочиненіи: „Памятники древней христ. письменности въ русск. переводѣ".

б.

Два окружныя посланія св. Климента Римскаго о дѣвствѣ, или къ дѣвственникамъ и дѣвственницамъ.

Эти посланія открыты недавно, именно въ 1752 году, при двухъ сирскихъ манускриптахъ Новаго Завѣта, тогда же переведены на латинскій языкъ и напечатаны въ Лейденѣ *Ветштейномъ*, а затѣмъ помѣщены въ «Bibliotheca veterum patrum... Andreae Gallandii (Venetiis 1765). Первое изъ этихъ посланій

состоитъ изъ XIII главъ, а второе—изъ XVI. Первая половина перваго посланія посвящена похвалѣ дѣвства; а вторая половина перваго посланія и все второе посланіе именно учитъ дѣвству.

Принадлежность этихъ посланій св. Клименту Римскому доказываютъ слѣдующими соображеніями. Объ нихъ упоминаютъ св. Епифаній—въ сочиненіи противъ ересей (Adv. haereses § 15, haer. XXX. Op. tom I, pag. 139), и бл. Іеронимъ—въ сочиненіи противъ Іовиніана (Adv. Iovinianum, lib. I, § 12). Кромѣ этихъ двухъ свидѣтельствъ *внѣшнихъ*, подлинность этихъ посланій св. Климента подтверждается и свидѣтельствами *внутренними*, заимствуемыми изъ самыхъ этихъ посланій. Эти посланія сходны съ 1-мъ посланіемъ къ коринѳянамъ: тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же духъ апостольской простоты и кротости, одинъ и тотъ же методъ разсужденія и способъ доказыванія, одинаковое (не буквальное) употребленіе Св. Писанія, одинаковыя выраженія и обороты рѣчи. Далѣе, самый предметъ этихъ посланій, дѣвство, доказываетъ если не подлинность ихъ происхожденія отъ Климента, то, по крайней мѣрѣ, ихъ глубокую древность: дѣвственная жизнь, въ первые вѣка христіанства, была самымъ обычнымъ и естественнымъ подвигомъ благоугожденія Господу. Еще, въ X и XI главахъ 1-го изъ этихъ посланій, говоря о предосудительномъ близкомъ обращеніи дѣвственниковъ съ дѣвственницами, писатель, кажется, намекаетъ на гностиковъ, а гностики извѣстно когда жили. Наконецъ, и языкъ этихъ посланій можетъ свидѣтельствовать объ ихъ подлинности: хотя они найдены на сирскомъ, но это, очевидно, переводъ съ греческаго. Полагаютъ,

что эти посланія писаны между 91 и 95 годами. Въ русскомъ переводѣ эти посланія можно читать въ „Трудахъ Кіевской Д. Академіи“ (1869 г. т. 2, стр. 193—227).

Съ именемъ св. Климента Римскаго извѣстно не мало сочиненій или вовсе не принадлежащихъ ему, или принадлежащихъ только отчасти. Таковы: а) восемь книгъ постановленій апостольскихъ; б) правила апостольскія; в) свиданія св. Климента (recognitiones), иначе называемыя путевыми записками его (itinerarium), дѣяніями (gesta) или преніемъ Ап. Петра съ волхвомъ Симономъ; г) сокращеніе дѣяній Климента—бесѣды, и наконецъ д) пять писемъ Климента.

IV.

Св. Игнатій Богоносецъ.

Св. Игнатій Богоносецъ родился въ Антіохіи Сирійской, былъ ученикомъ св. Іоанна Богослова и епископомъ антіохійскимъ. Преданіе говоритъ, что названіе „Богоносца“ онъ получилъ оттого, что, въ дѣтствѣ его, Самъ Спаситель бралъ его на руки, при благословеніи дѣтей, и наставлялъ учениковъ Своихъ: *иже смирится яко отроча сіе, той есть болій въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. XVIII, 4). Но самъ св. Игнатій, на вопросъ Траяна: „кто такой Богоносецъ?“—отвѣчалъ: „тотъ, кто имѣетъ Христа въ своемъ сердцѣ“. Разсказывается еще и то, что когда звѣри растерзали святителя, а воинъ разрѣзалъ сердце его, то въ немъ оказались золотыми буквами изображенныя слова: „Іисусъ Христосъ“.

По словамъ св. Іоанна Златоуста, св. Игнатій

былъ „общникомъ Апостоловъ и въ рѣчахъ, и въ томъ, что неизреченно“; а въ продолженіе 40-лѣтняго управленія антіохійскою Церковію былъ „образцомъ добродѣтелей“. Ученики его пишутъ, что въ гоненіе Домиціаново св. Игнатій „кормиломъ молитвъ и поста, неутомимостію въ ученіи, ревностію духа противодѣйствовалъ волненію, чтобы не утонулъ кто-либо изъ малодушныхъ или неопытныхъ“.... Слишкомъ близка была душа его къ Господу Іисусу Христу: онъ „носилъ Его въ своемъ сердцѣ“; но жажда любви его къ Господу такъ была сильна, что онъ скорбѣлъ, что не достигъ еще любви ученика Іисусова, и сильно желалъ соединиться съ Господомъ своимъ посредствомъ мученичества. Это желаніе святой любви не замедлило исполниться.

Въ 106 году имп. Траянъ, въ походѣ противъ парѳянъ, прибылъ въ Антіохію и потребовалъ къ себѣ Игнатія. „Кто ты таковъ, злой духъ, — спросилъ императоръ,—что нарушаешь законы наши, да и другихъ побуждаешь къ тому же?“—Игнатій отвѣчалъ: „Богоносца не называютъ злымъ духомъ; злые духи бѣжатъ отъ рабовъ Божіихъ; если ты думаешь, что я непріязненъ имъ: согласенъ и считаю это себѣ за честь“.—По объясненіи, что такое Богоносецъ, на вопросъ Траяна: „итакъ, ты думаешь, что мы не имѣемъ въ душѣ боговъ, которые помогаютъ намъ противъ враговъ?“ Игнатій отвѣчалъ: „ты по заблужденію величаешь языческихъ бѣсовъ богами; единъ есть Богъ и единъ Христосъ Іисусъ, единородный Сынъ Отца“.—„Ты говоришь о Томъ, что распятъ при Понтіи Пилатѣ?“ — сказалъ Траянъ. „Да, о Томъ,—отвѣчалъ Игнатій,—

Котораго распяли на крестѣ мои согрѣшенія вмѣстѣ съ ихъ виновникомъ". —Траянъ произнесъ опредѣленіе: „Предать Игнатія въ Римѣ на съѣденіе звѣрямъ, для забавы народа".

Святитель Божій возблагодарилъ Господа, что удостоилъ его совершенной любви къ Нему — узъ Апостола, и возложилъ на себя оковы.

На пути св. Игнатія вь Римъ, епископы и пресвитеры окрестныхъ городовъ и селеній стекались привѣтствовать исповѣдника—мужа апостольскаго; и онъ особенно увѣщавалъ ихъ удаляться еретиковъ. Предвидя, что римскіе христіане будутъ стараться избавить его отъ жестокой мученической смерти, св. Игнатій написаль и отправилъ въ Римъ посланіе, состоящее изъ выраженій пламенной любви къ Господу, желающей одного — страдать за имя Его. Это посланіе писано въ Смирнѣ. Изъ Смирны же писалъ онъ къ ефесеямъ, къ мангезіанамъ и тралліанамъ; а пребываніе въ Троадѣ посвятилъ на посланія къ филиппійцамъ, смирнянамъ и Поликарпу.

Послѣ труднаго путешествія съ десятью „леопардами", т.-е. жестокими воинами, св. Игнатій прибылъ въ Римъ, и святое желаніе его исполнилось: голодные звѣри цирка растерзали его. На утѣшеніе вѣрныхъ остались только немногія — самыя твердыя части. Ночью священномученикъ явился скорбѣвшимъ о немъ христіанамъ. Святые останки его, какъ „драгоцѣнное сокровище", отвезены въ Антіохію. Это было въ 107 году. Память священномученика Игнатія Богоносца въ православной Церкви совершается 20-го декабря, а перенесеніе мощей его—29-го января.

Главное содержаніе посланій св. Игнатія,—за исключеніемъ посланія къ римлянамъ,—составляютъ двѣ мысли: а) соблюдать подчиненность власти Іерархической и б) удаляться еретиковъ, этихъ „звѣрей въ человѣческомъ видѣ", „бѣшеныхъ псовъ" и „отравителей" ядомъ своего ученія. Та и другая мысль соединяется въ одной: „сохранять единеніе церковное въ духѣ вѣры. „Призывая вѣрныхъ къ подчиненію церковной власти и отклоняя отъ еретиковъ, Игнатій изображаетъ Христа Іисуса, какъ начальника единой живой вѣры, обнимающей собою и древнее, и новое откровеніе; и въ животворномъ духѣ сей вѣры убѣждаетъ искать рѣшеніе всѣхъ сомнѣній и правила для всей жизни. „Убѣждаю васъ,—говоритъ онъ,—не дѣлайте ничего по любопренію, но по ученію Христову". „Онъ все претерпѣлъ для насъ, чтобы мы спаслись: истинно воплотился отъ Дѣвы, истинно страдалъ, какъ истинно и воскресилъ Себя".

Всѣ драгоцѣнныя 7 посланій св. Игнатія Богоносца имѣются на русскомъ языкѣ, въ редакціяхъ „Православнаго Собесѣдника"—въ Казани и „Православнаго Обозрѣнія"—въ Москвѣ.

V.

Св. Поликарпъ епископъ Смирнскій.

Священномученикъ Поликарпъ родился въ Смирнѣ, при Served Неронѣ. За смертію родителей воспитанъ благочестивою вдовою Каллистою. Съ самой ранней юности былъ кротокъ и нищелюбивъ. По смерти Каллисты, все наслѣдованное отъ нея богатство роздалъ бѣднымъ и поступилъ въ клиръ къ св.

Вуколу, епископу смирнскому; а по смерти св. Вукола былъ преемникомъ его въ Смирнѣ. Умирая, св. Вуколъ взялъ правую руку Поликарпа, приложилъ ее къ груди своей и такимъ образомъ вручилъ ему епископство послѣ себя.

Во епископа св. Поликарпъ поставленъ былъ св. Апостоломъ и Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ, около 94 или 95 года по Р. Хр. Во время посвященія Поликарпа, свѣтъ озарилъ всю церковь, и нѣкоторые видѣли бѣлую голубицу, летавшую вокругъ головы его. Одни видѣли его одѣтымъ въ воинскую одежду и опоясаннымъ воинскимъ поясомъ,—вооруженнымъ на брань; другіе видѣли его облеченнымъ въ царскую порфиру, а одна дѣвица видѣла, что онъ былъ гораздо выше своего роста, и ризы его на правомъ плечѣ были краснаго цвѣта. Когда св. Поликарпъ преклонилъ колѣна свои при посвященіи, то видѣлъ предъ собою стоящія ноги Самого Христа, бывшаго невидимо при его посвященіи.

По свидѣтельству ученика Поликарпа св. Иринея Ліонскаго, св. Поликарпъ — современникъ и другъ св. Игнатія Богоносца — подобно ему былъ наставленъ въ христіанской вѣрѣ самими Апостолами и обращался со многими другими мужами, которые видѣли Господа Іисуса. Тертулліанъ и Іеронимъ св. Поликарпа прямо называютъ любимымъ ученикомъ св. Іоанна Богослова; а св. Ириней говоритъ о себѣ: „я помню, какъ св. Поликарпъ разсказывалъ о своемъ дружественномъ обращеніи со св. Іоанномъ и другими, видѣвшими Господа, — какъ онъ пересказывалъ ихъ слова и то, что они говорили ему о Господѣ". Св. Поликарпа почитаютъ тѣмъ

Ангеломъ смирнской Церкви, къ которому обращена рѣчь въ Апокалипсисѣ (Апок. II, 8—11).

Въ царствованіе Антонина Пія, при папѣ Аникитѣ, св. Поликарпъ отправился въ Римъ, по дѣлу опредѣленія дня св. Пасхи. И когда Аникита не согласился съ его мнѣніемъ о времени празднованія Пасхи, не только не расторгъ съ нимъ союза, но въ знакъ тѣсной любви совершилъ праздникъ въ самомъ Римѣ, по обыкновенію своей Церкви, а папа—по своему чину. Въ Римѣ св. Поликарпъ успѣлъ обратить къ православію многихъ изъ послѣдователей Валентина и Маркіана. Самъ Маркіанъ, случайно встрѣтившійся съ нимъ въ Римѣ, съ дерзостію сказалъ ему: „узнай насъ". — „Знаю тебя—первенца сатаны",—отвѣчалъ ему ученикъ Іоанна.

Возвратившись изъ Рима, св. Поликарпъ управлялъ смирнской Церковію нѣсколько десятковъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока приблизилось время его послѣдняго подвига. По свидѣтельству св. Иринея, онъ принялъ мученическій вѣнецъ на 86-мъ году своей жизни, въ царствованіе Марка Аврелія (4-е гоненіе). Будучи предвозвѣщенъ во снѣ—видѣніемъ сгорѣвшаго своего изголовья—о страданіи своемъ и укрѣпленъ небеснымъ голосомъ, когда вели его на казнь, сей святый мужъ долго стоялъ невредимымъ среди пылавшаго костра, съ распростертыми къ небу руками; и только орудіе спекулатора прекратило дни маститаго старца. Кровь его погасила огонь. Свят. Игнатій пишетъ о немъ, что онъ былъ мужъ исполненный благочестія, мудрости и боговѣдѣнія. Тѣло св. Поликарпа было сожжено, а кости его погребены христіанами въ приличномъ мѣстѣ. День и память страданій св. Поликарпа христіане па-

чали праздновать со времени его кончины и доселѣ празднуютъ 23-го февраля. Всегда видимо хранимый Промысломъ Божіимъ и совершившій на своемъ вѣку много чудесъ, св. Поликарпъ на слова мучителя: „пощади старость свою и отвергнись отъ Христа“,—отвѣчалъ: „восемьдесятъ шесть лѣтъ служу Христу, и Онъ не сдѣлалъ мнѣ никакого зла; какъ же я буду хулить Царя моего, сохраняющаго меня донынѣ?..“ Сколько простоты и сколько св. любви въ этихъ словахъ!..

Св. Ириней приписываетъ св. Поликарпу много сочиненій, которыя онъ писалъ для утвержденія сосѣднихъ Церквей и для увѣщанія нѣкоторыхъ братій. Но донынѣ сохранилось одно только—и то неполное—*посланіе къ филиппійцамъ*, писанное, какъ полагаютъ, около 108 г. по Р. Хр., и еще *нѣсколько отрывковъ*.

Свидѣтельства о подлинности и важности посланія къ филиппійцамъ находятся у св. Иринея, Евсевія, Іеронима и Фотія. Первый говоритъ, что „онъ (св. Поликарпъ) всегда училъ тому, чему самъ научился отъ Апостоловъ, чему учитъ Церковь, и что есть одно истинно“. А Іеронимъ присоединяетъ, что сказанное посланіе св. Поликарпа было читано публично въ Церквахъ Азійскихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Касательно отрывочныхъ его сочиненій новѣйшіе критики полагаютъ, что это суть записки со словъ святителя, писанныхъ его слушателями.

Послѣ привѣтствія, св. Поликарпъ въ посланіи своемъ къ филиппійцамъ изъявляетъ имъ свое удовольствіе за то, что они приняли, какъ должно, св. Игнатія съ его спутниками; потомъ, одобривъ бла-

гочестіе и вѣру филиппійцевъ, убѣждаетъ ихъ усовершаться въ плодотворной вѣрѣ „въ Того, Которому все покорно, Которому все дышащее служитъ, Который придетъ судить живыхъ и мертвыхъ“. Въ частности св. отецъ преподаетъ наставленія брачнымъ женамъ, дѣтямъ, вдовамъ, діакониссамъ, діаконамъ, юношамъ, дѣвамъ, пресвитерамъ. „Пресвитеры, пишетъ онъ, должны быть сострадательны и милостивы ко всѣмъ; они должны обращать заблудшихъ, посѣщать больныхъ, не презирать ни вдовъ, ни сиротъ, ни бѣдныхъ;—удерживаться отъ гнѣва, отъ всякаго пристрастія и несправедливаго сужденія; должны быть далеки отъ всякаго корыстолюбія, не довѣрять наговорамъ на третьяго, не быть слишкомъ строгими въ судѣ и твердо помнить, что всѣ мы повинны грѣху“. Далѣе предостерегаетъ отъ тѣхъ еретиковъ, кои не признаютъ Іисуса Христа, во плоти пришедшаго. Противъ этихъ проповѣдниковъ св. Поликарпъ говоритъ: „кто не исповѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ пришелъ во плоти, тотъ антихристъ; кто не признаетъ свидѣтельства крестнаго, тотъ отъ діавола; кто будетъ искажать ученіе Господне по собственнымъ похотямъ и станетъ отвергать воскресеніе и судъ, тотъ первенецъ сатаны“. Убѣждаетъ, потомъ, подражать Христу и св. мученикамъ въ терпѣніи: „Христосъ, говоритъ, все претерпѣлъ за насъ, дабы намъ жить въ Немъ“. Наконецъ заповѣдуетъ молиться за всѣхъ и обѣщаетъ за то благодать и миръ отъ Бога (гл. I—XIII). Остальныхъ главъ его посланія, въ греческомъ подлинникѣ, до нашего времени не сохранилось. Но въ древнемъ латинскомъ переводѣ оно читается все. Упомянувъ

о корыстолюбіи одного недостойнаго пресвитера и жены его, убѣждаетъ остерегаться корыстолюбія, заключаетъ посланіе, по этому латинскому переводу, молитвою и проситъ молиться за царей и за прочихъ властей. Въ посланіи своемъ св. Поликарпъ говоритъ, большею частію, словами Евангелій и апостольскихъ посланій; между прочимъ онъ приводитъ слова изъ перваго посланія Петрова, что замѣчалъ и Евсевій, и, слѣдовательно, оно весьма важно для канона Св. Писанія. Въ отрывкахъ его сочиненій преимущественно объясняются и соглашаются нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, особенно изреченія Спасителя. Изъ нихъ мы видимъ, что въ его время извѣстны были и были принимаемы общимъ уваженіемъ только наши четыре Евангелія, т.-е. Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Посланія св. Поликарпа имѣются на русскомъ языкѣ. (См. „Памятники древней христіанской письменности въ русскомъ переводѣ“).

VI.

Св. Кодратъ, епископъ Аѳинскій.

Св. Кодратъ—„ученикъ Апостоловъ“, послѣ мученической кончины епископа аѳинскаго Публія былъ поставленъ на его мѣсто. Своею вѣрою и заботливостію онъ собралъ аѳинскую Церковь, разсѣянную страхомъ гоненія. Въ бытность импер. Адріана въ Аѳинахъ, своими языческими религіозными обрядами подавшаго поводъ ненавистникамъ христіанъ преслѣдовать вѣрующихъ безъ императорскаго указа, св. Кодратъ подалъ Адріану весьма полезную, исполненную вѣры и ума и до-

стойную апостольскаго ученія книгу—въ защиту вѣры христіанской. Эта апологія Кодрата, поданная въ 126 г., столько имѣла успѣха, что Адріанъ выдалъ указъ—никого не осуждать безъ явныхъ уликъ въ виновности. Славный даромъ пророчества, св. Кодратъ мученически скончался около 130-го года. Память его совершается 21-го сентября.

Изъ апологіи Кодрата до насъ сохранился у Евсевія слѣдующій драгоцѣнный отрывокъ: „Дѣла Спасителя нашего всегда были явны, такъ какъ они дѣйствительно были. Исцѣленные имъ и воскрешенные изъ мертвыхъ не только были тогда, какъ были исцѣляемы и воскрешаемы, но и послѣ того, во всякое время: они жили на землѣ долго еще и послѣ отшествія Его, такъ что нѣкоторые дожили и до нашего времени“.

Преосвящен. Филаретъ Черниговскій приписываетъ Кодрату еще „Посланіе къ Діогнету“ и говоритъ: „посланіе дышитъ христіанскимъ одушевленіемъ, высокою любовію къ истинѣ Христовой; языкъ его чистый, слогъ живой и картинный, искусство нигдѣ не мѣшаетъ естественности и силѣ мыслей, рѣчь льется прямо изъ сердца святаго“. Сочиненіе превосходное, это — одна изъ лучшихъ апологій, по силѣ ея“. Но свящ. П. Преображенскій отнесъ „Посланіе къ Діогнету“ къ сочиненіямъ муч. Іустина Философа и напечаталъ его на русскомъ языкѣ между твореніями св. Іустина.

Примѣчаніе. Замѣчателенъ еще относящійся къ этому времени *Папій Іерапольскій.*

Къ тѣмъ славнымъ мужамъ, которые—по выраженію Евсевія — находились „въ первомъ порядкѣ

преемства апостольскаго“, принадлежитъ и блаж. Папій, епископъ іерапольскій,—„мужъ, обладавшій всестороннею ученостію и знаніемъ писаній“. По свидѣтельству св. Иринея, онъ былъ „слушателемъ Іоанна, другомъ Поликарпа“. То же свидѣтельствуютъ о Папіи бл. Іеронимъ, Анастасій Синаитъ, св. Максимъ, Андрей кесарійскій, Экуменій и другіе.

Папію приписываютъ пять книгъ, подъ заглавіемъ „Изъясненіе Господнихъ изреченій“. Но намъ извѣстны только короткіе отрывки изъ этихъ книгъ.

„Я не премину изложить тебѣ, что хорошо узналъ отъ старцевъ и хорошо запомнилъ, и присоединить объясненія для подтвержденія истины... Если мнѣ случалось встрѣчать кого-либо, обращавшагося со старцами, то я заботливо разспрашивалъ объ ученіи старцевъ, напр.: что говорилъ Андрей, что Петръ, что Филиппъ, что Ѳома или Іаковъ, что Іоаннъ или Матѳей, или кто другой изъ учениковъ Господа, что Аристіонъ и пресвитеръ Іоаннъ—ученики Господни. Ибо я полагалъ, что книжныя свѣдѣнія не столько принесутъ мнѣ пользы, сколько живой и болѣе внѣдряющійся голосъ“,—сказалъ Папій въ предисловіи къ своимъ книгамъ.

Самый драгоцѣнный отрывокъ изъ его книгъ слѣдующій: „Маркъ, толкователь Петра, съ точностію записалъ все, что запомнилъ, хотя и не держался порядка словъ и дѣяній Христовыхъ, потому что самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему. Впослѣдствіи онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передать по порядку. По-

сему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ принималъ ихъ: онъ заботился только о томъ, какъ бы не пропустить чего-нибудь слышаннаго или не переиначить... Матѳей записалъ бесѣды Господа на еврейскомъ языкѣ, а переводилъ ихъ кто какъ могъ“.

Но у Папія находится мнѣніе, что „по воскресеніи мертвыхъ наступитъ царство Христово на этой самой землѣ тѣлесно и будетъ продолжаться тысячу лѣтъ“. Св.Ириней говоритъ, что это мнѣніе Папій основывалъ на какой-то притчѣ Спасителя, имъ слышанной устно, но въ Евангеліи не записанной. А Евсевій думаетъ, что такую мысль онъ вывелъ изъ апостольскихъ сказаній, не понявши сказаннаго таинственно, въ образахъ.

VII.

Святый Іустинъ, философъ и мученикъ.

Св. Іустинъ родился въ началѣ 2-го столѣтія по Р. Хр., въ древнемъ самарійскомъ городѣ Сихемѣ, который въ его время назывался Флавіею, или Неаполемъ, и составлялъ римскую колонію (нынѣ— Наплузъ). Отецъ Іустина Прискъ и дѣдъ Вакхій были язычники, и самъ Іустинъ воспитанъ былъ въ язычествѣ.

Имѣя отъ природы счастливыя дарованія, онъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя наукамъ,—сперва поэзіи, краснорѣчію и исторіи, а потомъ обратился и къ философіи—стоической, перипатетической, пиѳагорейской и, наконецъ, платонической. Въ этой послѣдней философіи познаніе существъ безтѣлесныхъ и мысли объ идеяхъ хотя по временамъ вос-

хищали любознательный духъ его, но совершенно ему не удовлетворяли. Въ такомъ расположеніи духа, однажды, въ уединенной прогулкѣ близъ моря, онъ нечаянно встрѣтилъ нѣкоего почтеннаго старца, съ которымъ охотно вступилъ въ разговоръ о предметахъ богопознанія. Но таинственный старецъ, въ заключеніе своей бесѣды, сказалъ, что „постигнуть Бога нашимъ разумомъ такъ же невозможно, какъ это море нельзя исчерпать руками: молись, чтобы Самъ Богъ отверзъ тебѣ умъ къ уразумѣнію Божественныхъ Писаній". Сказавъ это, старецъ удалился. Полагаютъ, что это былъ одинъ изъ мужей апостольскихъ, именно св. Поликарпъ Смирнскій. Затѣмъ Іустинъ недолго оставался въ нерѣшимости. Онъ прилежно сталъ изучать Св. Писанія; наблюдалъ надъ нравами христіанъ, замѣчалъ достохвальные подвиги ихъ мученичества, во время бывшаго въ то время гоненія въ Азіи, и внутренно сознавалъ, что человѣкъ, преданный постыднымъ страстямъ, не можетъ встрѣчать смерть съ радостію, и что—слѣдовательно—ученіе христіанъ и правила ихъ жизни святы; а потому рѣшился принять христіанскую вѣру, и принялъ ее на 30-мъ году своей жизни, около 133 года по Р. Хр.

Съ этого времени начинаются христіанскія его путешествія по Египту, Азіи и Италіи. Въ сей послѣдней онъ открылъ училище и преподавалъ въ немъ наставленія въ христіанской вѣрѣ. Основательно изучивши христіанскіе догматы, онъ съ ревностію и великою силою вооружался противъ язычниковъ, іудеевъ и разныхъ еретиковъ; препирался съ ними словесно и письменно; особенно же сильно посрамилъ и обличалъ злобнаго врага хри-

стіанъ—циническаго философа Крискента. Здѣсь же св. Іустинъ написалъ первую свою апологію въ защищеніе христіанъ и подалъ ее въ 139 году императору Антонину Пію. Отсюда поспѣшилъ онъ въ Азію, гдѣ свирѣпствовало гоненіе, и указомъ императора возстановилъ тамъ тишину и спокойствіе. Новое гоненіе при Антонинѣ Философѣ возвратило его опять въ Италію—въ Римъ, гдѣ онъ написалъ вторую апологію и подалъ ее римскому сенату, которая—впрочемъ—не имѣла успѣха. Въ этой апологіи, предсказывая свою смерть, онъ говоритъ: „я знаю, что философы уловятъ меня своими ковзнями и пригвоздятъ къ дереву: ожидаю сего отъ клеветника Крискента“. Предсказаніе это скоро исполнилось. Злобный Крискентъ оклеветалъ его и предалъ римскому суду. Св. Епифаній, согласно съ древнимъ сказаніемъ о страданіи св. Іустина, говоритъ, что онъ былъ допрашиваемъ и судимъ римскимъ префектомъ Рустикомъ, по приговору котораго, за твердое исповѣданіе вѣры, и потерпѣлъ мученическую кончину въ 166 году. Память его совершается въ нашей Церкви 1-го іюня.

Замѣчательнѣйшія изъ сочиненій св. Іустина, мученика и философа, суть слѣдующія: двѣ апологіи и „Разговоръ съ Трифономъ Іудеяниномъ“.

Въ первой своей *Апологіи* св. Іустинъ обращается къ правосудію императора Антонина Пія по отношенію къ язычникамъ и проситъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, такого же рода снисхожденіе оказываемо было христіанамъ, тѣмъ болѣе, что христіане суть самые лучшіе подданные, и ученіе ихъ нимало не противорѣчитъ правительству. Затѣмъ онъ из-

лагаетъ сущность христіанскаго вѣроученія; доказываетъ его превосходство надъ языческимъ; описываетъ чистоту нравовъ христіанскихъ, ихъ обряды и Богослуженіе. Все это, съ великимъ искусствомъ и силою, употребляетъ въ защиту христіанъ, противъ воздвигаемыхъ на нихъ гоненій.

Вторая Апологія св. Іустина заключаетъ въ себѣ три части: *въ первой* авторъ излагалъ исторію мученничества нѣкоторыхъ подвижниковъ, напримѣръ Мартирія и Лукія, жалуется на притѣсненія и гоненія, постоянно воздвигаемыя на исповѣдниковъ имени Христова; *во второй* представляетъ опроверженіе обвиненій, ложно возносимыхъ на христіанъ, и рѣшеніе возраженій, предлагаемыхъ злонамѣренными людьми, каковъ былъ Крискентъ; *въ третьей* заключается просьба, чтобы апологія эта была обнародована всѣмъ безъ изъятія.

Въ „Разговорѣ съ Трифономъ Іудеяниномъ“ можно видѣть также три части: *въ первой* — вступительной части, св. авторъ, уступая философіи нѣкоторыя преимущества, находитъ, однакоже, что всѣ философы не знали истиннаго Бога, какъ это открывается изъ ученія Платона. Отсюда св. Іустинъ выводитъ то заключеніе, что только христіанская философія есть тотъ животворный источникъ, изъ котораго можно и должно черпать свѣдѣнія о предметахъ Божественныхъ. Потомъ переходитъ къ темѣ своего разговора и доказываетъ, что ученіе христіанское все основывается на вѣщаніяхъ Духа Божія; *во второй* онъ съ полною отчетливостію и ясностію раскрываетъ ветхозавѣтные законы, обряды, пророчества и прообразованія, коими старается утвердить Божественное достоинство Лица

Іисуса Христа, какъ единственнаго Ходатая спасенія человѣческаго, безъ Котораго невозможно оправданіе и спасеніе; *въ третьей* обличаетъ неблагодарность іудеевъ къ Богу, которую они постоянно Ему оказывали, и убѣждаетъ ихъ, наконецъ, прекратить преслѣдованіе и злобу на христіанъ, увѣряя, что всѣ ихъ усилія преодолѣть царство Христово останутся тщетными.

Кромѣ этихъ сочиненій, св. Іустину принадлежатъ: 1) *Увѣщаніе къ эллинамъ*, въ которомъ показываетъ заблужденіе и нечестіе въ произведеніяхъ поэтовъ и въ сочиненіяхъ философовъ; изображаетъ достоинство откровеннаго ученія и особенно древность его; доказываетъ, что все лучшее, что только есть у поэтовъ и философовъ, занято изъ Откровенія. 2) *Книга о воскресеніи*, часть которой сохранена св. Дамаскинымъ. Сочиненіе достойное св. философа. Это—философско-богословское размышленіе о предметѣ, столько казавшемся страннымъ для языческаго философа. Іустину же приписываютъ еще 3) *Книгу о единовластительствѣ* и 4) *Рѣчь къ эллинамъ*. Всѣ эти сочиненія на русскомъ языкѣ напечатаны въ особой книгѣ Свящ. Писанія П. Преображенскимъ. Моск. 1864 г.

Не дошли до насъ сочиненія св. Іустина: „Пѣвецъ", „Замѣчанія о душѣ", „противъ Маркіона и вообще противъ ересей".

Всѣ древніе высоко уважали св. Іустина, какъ замѣчательнѣйшаго учителя Церкви. По словамъ св. Меѳодія, „Іустинъ—мужъ недалекій отъ Апостоловъ и по времени, и по высокимъ качествамъ"; по отзыву Епифанія,—„мужъ святой и боголюбивый, весьма много занимавшійся вѣрою"; по сло-

вамъ Евсевія, — „заслужившій общее удивленіе“. П. Фотій вѣрно изображаетъ отличительный характеръ, когда говоритъ, что св. Іустинъ былъ глубокій философъ христіанскій, имѣвшій обширныя свѣдѣнія въ предметахъ вѣры, а еще болѣе опытный въ языческомъ любомудріи—знатокъ системъ философскихъ. Но св. Іустинъ былъ философъ по духу своему; таковъ онъ былъ въ жизни; таковъ онъ и во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ. Съ вѣрнымъ познаніемъ откровеннаго ученія онъ соединялъ глубокій взглядъ на христіанство. Мысли свои онъ излагалъ въ самыхъ простыхъ формахъ.

VIII.

Святый Өеофилъ Антіохійскій.

Св. Өеофилъ Антіохійскій по духу своему близокъ къ Іустину Философу. Но изъ жизни св. Өеофила мы мало знаемъ достовѣрнаго. Извѣстно только, что онъ родился въ язычествѣ и самъ былъ прежде язычникъ; любилъ науки и просвѣщеніе, съ великимъ жаромъ занимался языческою философіею и получилъ обширное образованіе своего времени. До обращенія своего въ христіанство, долго оставался въ недоумѣніи касательно безсмертія души, доколѣ не убѣдился въ этомъ совершенно изъ Св. Писанія, какъ и вообще объ истинѣ узналъ изъ Божественнаго Откровенія. „И самъ я не вѣрилъ,—говоритъ онъ,—воскресенію; а теперь вѣрю, послѣ того, какъ внимательно размыслилъ;— я обрѣлъ Св. Писаніе св. пророковъ, которые Духомъ Святымъ прорекали о прошедшемъ такъ, какъ оно происходило, о настоящемъ такъ, какъ

оно происходитъ, и о будущемъ въ томъ порядкѣ, какъ оно совершится. Итакъ, когда я увѣренъ, что происходящее нынѣ было предсказано, то не остаюсь болѣе невѣрующимъ, а вѣрю, повинуясь Богу". По смерти пятаго епископа антіохійскаго Эрота, св. Ѳеофилъ, въ 168 году, возведенъ былъ на престолъ антіохійскій и былъ въ Антіохіи шестымъ епископомъ. Пастырской дѣятельности его предстояло много трудовъ, и онъ дѣйствовалъ со всею ревностію къ св. вѣрѣ, особенно былъ сильнымъ защитникомъ христіанства противъ еретиковъ—Гермогена, Маркіона и другихъ гностиковъ. Онъ управлялъ Церковію 13 лѣтъ и скончался около 171 года. Память его—9-го декабря.

Изъ множества сочиненій св. Ѳеофила до настоящаго времени сохранилось только *три книги къ Автолику о вѣрѣ христіанской*, въ которыхъ съ высокою ученостію и краснорѣчіемъ соединяется св. исторія, нравственность, иносказанія. Это—одно изъ лучшихъ сочиненій древности. Въ немъ—обширное знакомство съ языческими философами и поэтами. Мысли сочинителя всегда обдуманны и не принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ; взглядъ его на ученіе христіанское — взглядъ глубокій и ясный. Все сочиненіе написано съ одушевленіемъ и подъ вліяніемъ кроткой любви; слогъ легкій и пріятный; внѣшняя обработка—лучшая. *Въ первой книгѣ* св. Ѳеофилъ доказываетъ Автолику, что если въ человѣкѣ обитаетъ грѣхъ, то онъ не можетъ созерцать Бога; описываетъ свойства Божіи и дѣла Его, какъ Творца и Промыслителя; объясняетъ значенія имени христіанина; о воскресеніи указываетъ уроки въ природѣ и Писаніи. Убѣждаетъ Автолика

оставить языческое нечестіе и читать Слово Божіе, чтобы разумѣть Бога и дѣла Его. *Во второй книгѣ* св. Өеофилъ подробно объясняетъ лживость языческой религіи; подробно разсматриваетъ Моисееву исторію творенія міра и человѣка, показывая сообразность ея со здравыми сужденіями разума, и, между прочимъ, говоритъ: „три дня, предшествовавшіе творенію свѣтилъ, суть образы *Троицы* Бога, Слова Его и Его мудрости". *Въ третьей книгѣ* св. Өеофилъ опровергаетъ два обвиненія противъ христіанства, выставленныя Автоликомъ: одно то, что св. книги христіанъ новы; другое то, что христіанская жизнь худа. Противъ перваго доказывается, что книги Св. Писанія древнѣе и вѣрнѣе всѣхъ книгъ языческихъ; противъ втораго говоритъ, что хуже и безобразнѣе языческой жизни нѣтъ и быть не можетъ.

IX.

Святый Ириней, епископъ Ліонскій.

Отечество и родъ Иринея неизвѣстны; несомнѣнно, однакоже, что онъ былъ грекъ и жилъ близко ко временамъ апостольскимъ. Въ письмѣ своемъ къ Флорину онъ самъ говоритъ, что въ юношескомъ возрастѣ онъ слушалъ старца Поликарпа и отъ него былъ наставленъ въ христіанствѣ. Время рожденія Иринея съ достовѣрностію полагаютъ около 140 года по Р. Хр. По смерти Поликарпа, онъ, по словамъ Іеронима, долженъ былъ поступить подъ надзоръ просвѣщеннаго епископа іерапольскаго Папія. Затѣмъ въ первый разъ является въ Ліонѣ, гдѣ св. Поөинъ, епископъ ліонскій, рукоположилъ

его въ пресвитера. По смерти же Поѳина,Ириней клиромъ и народомъ избранъ былъ на его мѣсто епископомъ.

Получивъ святительскій жезлъ, св.Ириней всячески старался уврачевать раны Церкви ліонской, нанесенныя ей неистовыми язычниками, и всюду распространять Церковь Христову. Для сей цѣли онъ избралъ себѣ учениковъ, которые отличались примѣрною жизнію, словомъ и писаніями, каковы были, по свидѣтельству Фотія, Ипполитъ, Portogomanus и Кай пресвитеръ. Вообще въ санѣ епископа Ириней дѣйствовалъ съ полною ревностію для славы Господа своего. „Въ короткое время онъ проповѣдію преобразовалъ весь городъ (Ліонъ) въ городъ христіанскій“. Ревность свою о единеніи вѣрующихъ онъ доказалъ въ спорѣ папы Виктора съ малоазійскими Церквами о времени празднованія Пасхи. Дружески обличивъ Виктора за его неумѣренную страсть, онъ старался помирить обѣ стороны, въ чемъ совершенно и успѣлъ. Но самъ недолго жилъ послѣ этого примиренія. Наступило страшное гоненіе Севера на ліонскую Церковь, въ которое св. Ириней и почти всѣ граждане Ліона получили мученическіе вѣнцы, въ 202 г. по Р. Хр. Память его—23-го августа.

Изъ многихъ твореній св. Иринея до насъ сохранилось *пять книгъ* его противъ ересей: „Обличеніе и опроверженіе лжеименнаго разума“.

Въ 1-й книгѣ св. отецъ ересямъ противополагаетъ вѣрованіе Церкви—ея символъ вѣры; указываетъ на разнорѣчія и противорѣчія еретиковъ между собою; выставляетъ генеалогію ихъ и оканчиваетъ ученіемъ каинитовъ.

Во 2-й книгѣ опровергаетъ мечтанія валентиніанъ объ эонахъ, доказываетъ несообразность ихъ со здравымъ понятіемъ о Богѣ.

Въ 3-й книгѣ св.Ириней передаетъ, между прочимъ, историческое свѣдѣніе о порядкѣ происхожденія четырехъ нашихъ Евангелій; а о преданіи говоритъ, что оно соблюдается только въ Церкви, по преемству отъ Апостоловъ.

Въ 4-й книгѣ, доказывая противъ еретиковъ, что единъ есть Творецъ Богъ, объясняетъ, отъ чего зависитъ согласіе ветхаго завѣта съ новымъ — отъ связи пророчествъ съ событіями новозавѣтными; здѣсь же защищаетъ свободу человѣка.

Въ 5-й книгѣ, противъ Валентина, доказываетъ воскресеніе мертвыхъ — силою Евхаристіи, всемогуществомъ Божіимъ и обитаніемъ благодати въ тѣлѣ вѣрующаго; объясняетъ ученіе о первородномъ грѣхѣ, о воплощеніи Сына Божія и говоритъ объ отношеніи вѣрующихъ ко Христу и діаволу. Всѣ эти книги напечатаны на русскомъ языкѣ и имѣются въ редакціи „Прав. Обоз.“.

Во всѣхъ этихъ книгахъ видна обширность познаній, тонкость діалектики св. отца; но преимущественно онъ вездѣ обнаруживаетъ одинъ отличительный его характеръ — простоту, душевную любовь къ преданію апостольскому, простую вѣру въ Слово Божіе и въ руководство Церкви. Впрочемъ, у св. Иринея есть и своеобразныя мнѣнія, напр. о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ, какъ у Папія, и о тѣлесности духовъ.

X.

Св. Ипполитъ, епископъ и мученикъ.

Св. ипполитъ, еп. и мученикъ, жилъ въ концѣ II и въ началѣ III вѣковъ. Онъ былъ, по собственнымъ словамъ его, ученикомъ св. Иринея, еп. ліонскаго. Имя его особенно стало извѣстно не только между христіанами, но и при дворѣ римскихъ императоровъ въ царствованіе Александра Севера (222) и Филиппа Аравитянина (съ 244 г.). Св. Ипполитъ былъ епископъ, но достовѣрно не извѣстно, гдѣ была его епископская каѳедра. По нѣкоторымъ соображеніямъ вѣроятно, что она находилась на Востокѣ—въ Адмѣ Аравійской. Другіе, позднѣйшіе писатели, называютъ св. Ипполита епископомъ Рима. Несмотря на малоизвѣстность жизни св. Ипполита, имя его, какъ отца и учителя церковнаго, всегда было славно и уважаемо. Блаж. Ѳеодоритъ поставляетъ его на ряду съ такими великими отцами, каковы Игнатій и Ириней. Блаженный Іеронимъ причисляетъ его къ тѣмъ отцамъ и учителямъ Церкви, которые, кромѣ богословскаго образованія, имѣли обширныя свѣдѣнія въ философіи, „такъ что не знаешь,—говоритъ онъ,—чему въ нихъ болѣе удивляться, знанію ли писаній или свѣтской учености". Время страдальческой кончины св. Ипполита полагаютъ послѣ 244 г. Память его празднуется 30-го января.

Достоинства, какія приписываютъ св. Ипполиту, какъ отцу и учителю Церкви, вполнѣ оправдываются многоразличными его писаніями, въ которыхъ видна и любовь къ истинѣ Христовой, и многосторонняя ученость, и рѣдкая плодовитость писа-

теля. Всѣ его творенія можно раздѣлить на четыре класса: а) на *экзегетическія*, или истолковательныя, б) *полемическія* и вмѣстѣ *догматическія*, в) *гомелетическія* и г) *хронологическія*.

1) Надъ истолкованіемъ Св. Писанія св. Ипполитъ наиболѣе потрудился. Но изъ его толкованій одни совсѣмъ для насъ потеряны, другія же сохранились только въ отрывкахъ. 2) Въ *сочиненіи противъ Ноэта*, изложивъ и опровергнувъ еретическое ученіе, св. Ипполитъ пространно излагаетъ и защищаетъ церковное ученіе о Св. Троицѣ. 3) Въ *сочиненіи противъ Верона и Геликса* св. Ипполитъ съ особенною ясностію и опредѣленностію излагаетъ православное ученіе о двухъ естествахъ въ І. Христѣ. 4) Въ сочиненіи *о Христѣ и антихристѣ* мало говорится о Христѣ (гл. 2—5); а въ изслѣдованіи объ антихристѣ рѣшаетъ слѣдующіе вопросы: кто будетъ антихристъ? Въ какомъ видѣ явится онъ? какъ будетъ обольщать людей? какъ будетъ владычествовать надъ народами, гнать избранныхъ Божіихъ и погибнетъ (гл. 5—49); наконецъ говоритъ о кончинѣ міра, о послѣднемъ судѣ и о царствѣ небесномъ (гл. 50—67). 5) Въ *обличеніи на іудеевъ* изъ псалма 68 доказывается достоинство Мессіи и обличается невѣріе и жестокосердіе іудеевъ. 6) Въ дошедшемъ до насъ значительномъ отрывкѣ изъ книги противъ эллиновъ и противъ Платона св. Ипполитъ говоритъ о состояніи душъ по смерти, а именно: что души, сообразно съ нравственнымъ достоинствомъ своимъ, еще до всеобщаго суда предвкушаютъ ожидающее ихъ вѣчное блаженство; потомъ излагаетъ ученіе о воскресеніи мертвыхъ и о послѣднемъ судѣ. 7) Сочиненія *о дарованіяхъ и апо-*

стольскомъ преданіи помѣщены въ 8-й книгѣ постановленій апостольскихъ. 8) Изъ бесѣдъ св. Ипполита до насъ въ полномъ составѣ дошла только одна—на Богоявленіе Господне, важная и по содержанію, и по изложенію; она заключаетъ въ себѣ догматическое ученіе о крещеніи. 9) Къ хронологическимъ твореніямъ Ипполита относятъ: *Пасхальный кругъ*, опредѣляющій время празднованія Пасхи на 16-ть лѣтъ, и *хронику*, или лѣтопись, отъ начала міра до его времени. Но доселѣ эта хроника не найдена ни въ одной изъ извѣстныхъ греческихъ рукописей.

XI.

Св. Кипріанъ, епископъ Кареагенскій.

Св. Кипріанъ родился въ началѣ III вѣка въ Кареагенѣ, отъ одной изъ знаменитыхъ фамилій, получилъ отличное образованіе.

Христіаниномъ сдѣлался онъ изъ учителя словесности. Несмотря на то, что Кипріанъ былъ самымъ новообращеннымъ между новообращенными, его, по общему согласію, за его добродѣтели и дарованія, причислили къ клиру и вскорѣ затѣмъ сдѣлали пресвитеромъ кареагенской Церкви. Въ званіи пресвитера онъ еще больше прославился своимъ искусствомъ и ревностію въ преподаваніи слова Божія. Такимъ образомъ неудивительно, что по смерти кареагенскаго епископа Доната, въ 248 году, на его мѣсто Кипріанъ рукоположенъ былъ въ епископа. Отличительными чертами новаго архипастыря были: умѣренность во всемъ, смиреніе и любовь къ порядку. Мысль о благочиніи и устройствѣ церковномъ была душею его управленія. Пер-

вымъ его дѣломъ, по восшествіи на епископскій престолъ, было—пресѣчь безпорядки, замѣченные имъ въ образѣ жизни и одеждѣ дѣвственницъ. Среди заботъ святителя возгорѣлось Декіево гоненіе. На площадяхъ карѳагенскихъ язычники кричали: „львамъ Кипріана". Онъ готовъ былъ пожертвовать своею жизнію за Христа Спасителя, но, по внушенію Божію, почелъ на этотъ разъ, для блага ввѣренной ему паствы, скрыться отъ гонителей въ безопасное убѣжище. Св. Кипріанъ, въ письмахъ къ паствѣ, превозносилъ мучениковъ похвалами, ободрялъ и утѣшалъ исповѣдниковъ, всѣхъ прочихъ увѣщавалъ послѣдовать доброму примѣру братій. Но вскорѣ, къ прискорбію, онъ узналъ, что много оказалось между карѳагенскими христіанами и падшихъ, т.-е. богоотступниковъ, и что они, отрекшись отъ христа, потомъ при первомъ удобномъ случаѣ вступали въ общеніе Церкви безъ всякаго покаянія, а пресвитеры потворствовали этимъ безпорядкамъ, принимая отъ падшихъ, вмѣсто покаянія, письменныя свидѣтельства. Послѣдовали обличительныя письма св. Кипріана, но они не исправляли виновныхъ, а только раздражали. Нѣкоторые изъ исповѣдниковъ до того обидѣлись его запрещеніемъ разрѣшать падшихъ, что готовы были его самого отлучить отъ Церкви; падшіе, чтобы прикрыть свой стыдъ, дерзнули объяснять бѣгство архипастыря изъ малодушія; наконецъ, пятеро изъ восьми карѳагенскихъ пресвитеровъ, завистники Кипріана, воспользовались настоящими минутами и произвели въ его Церкви расколъ, въ которомъ обѣщали защиту всякому, недовольному распоряженіями епископа. Управлявшіе расколомъ Новатъ

и Фелициссимъ вошли даже въ сношеніе съ другими отдаленными Церквами, какъ бы представители православныхъ кареагенскихъ христіанъ, и вооружили противъ св. Кипріана всѣхъ епископовъ разными клеветами. Впрочемъ успѣхъ Новата и Фелициссима былъ непродолжителенъ. Возвращеніе святителя въ Кареагенъ (послѣ 15 мѣсяцевъ отсутствія) было привѣтствовано радостными кликами всѣхъ сословій, и падшіе готовы были принять отъ него эпитимію, соотвѣтствующую ихъ преступленіямъ. Это было вскорѣ послѣ Пасхи 251 года. Не успѣлъ еще отдохнуть Кипріанъ отъ бѣдствій, порожденныхъ гоненіемъ Декія, новыя скорби и новыя искушенія открылись для архипастыря въ общественной моровой язвѣ, къ которой присоединился страшный набѣгъ варваровъ на Нумидію, и въ спорѣ съ гордымъ папою Стефаномъ о крещеніи еретиковъ. Среди этихъ заботъ, скорбей и искушеній приблизилось, наконецъ, время, давно желанное для св. Кипріана,—время его мученичества. Въ октябрѣ 258 года святитель, за исповѣданіе имени Христова, былъ усѣченъ мечемъ. Память его—августа 31-го.

Св. Кипріанъ прославился въ Церкви какъ епископъ, но не менѣе онъ знаменитъ и какъ писатель. Что касается до внѣшней формы, писанія св. Кипріана полны величія; они отличаются особеннымъ изяществомъ и ясностію языка, круглотою періодовъ, теплотою и силою краснорѣчія. Въ этомъ отношеніи св. Кипріанъ безспорно одинъ изъ самыхъ блестящихъ писателей своего вѣка. Что касается до характера содержанія твореній св. Кипріана, то надобно замѣтить, что въ нихъ замѣтно на-

правленіе практическое,—то направленіе, которымъ довольно рѣзко отличаются вообще творенія отцевъ западныхъ отъ твореній отцевъ восточныхъ. Въ самомъ началѣ его творенія распространились сколько по западу, сколько же и по востоку; вездѣ ихъ уважали и почитали. Всѣ творенія св. Кипріана, по ихъ формѣ, можно раздѣлить на 1) *разсужденія*—въ числѣ 13-ти и письма или, *посланія*—въ числѣ 81-го. Къ разсужденіямъ относятся: 1) *Книга къ Донату или о Благодати Божіей*. 2) *О ничтожествѣ идоловъ*. 3) *Свидѣтельства противъ іудеевъ къ Квирину*. 4) *Объ одеждѣ дѣвственницъ*. 5) *О единствѣ Церкви*. 6) *О падшихъ*. 7) *О молитвѣ Господней*. 8) *О смертности*. 9) *О милостынѣ*. 10) *Къ Демитріану*. 11) *Объ увѣщаніи къ мученичеству къ епископу Фортунату*. 12) *О благѣ терпѣнія*. 13) *О ненависти и зависти*.

Посланія. Въ своихъ посланіяхъ св. Кипріанъ разсматриваетъ всѣ главные и важные вопросы касательно Церкви: по поводу падшихъ—о дисциплинѣ, соединенной съ покаяніемъ; по поводу расколовъ—о единствѣ Церкви; по случаю спора о крещеніи еретиковъ—объ отношеніи ереси къ Церкви. Изъ посланій мы поименуемъ только важнѣйшія. Таковы: *Къ мученикамъ*. *Къ падшимъ*. *Къ Цецилію*.

Почти всѣ сочиненія св. Кипріана писаны по случаямъ современнымъ и содержатъ въ себѣ рѣшеніе церковныхъ недоумѣній. Самая большая часть ихъ состоитъ изъ писемъ, остальная—изъ трактатовъ. Лучшими изъ твореній св. Кипріана считаются: 1) Книга *о ревности и зависти:* это—плодъ истинно апостольскаго духа, а для пастыря—золотое сочиненіе, съ наставленіями о томъ, какъ на-

добно владѣть собою для мира и пользы Церкви; 2) книга *о поведеніи дѣвственницъ*: написана живо, увлекательно, съ теплотою христіанскаго чувства, а для дѣвственниковъ содержитъ въ себѣ прекрасныя мысли и правила; 3) о высотѣ *терпѣнія*, о *милосердіи* и о *смертности* — писаны къ страждущимъ: въ первомъ изображена святость снисходительнаго терпѣнія и печальныя послѣдствія нетерпѣливости,—во второмъ говорится о милостыни,—въ третьемъ—о величіи христіанина, пренебрегающаго опасностями для спасенія другихъ; 4) книга о *падшихъ* заключаетъ въ себѣ превосходныя мысли о *покаяніи*: „Богъ милостивъ и благъ, какъ Отецъ, но надобно и бояться Его, какъ Судію. Если тяжко грѣшимъ, то горько должны плакать. Глубокую рану тщательно и долго надобно лечить: пусть покаяніе равняется величію преступленія. Вообще св. Кипріанъ занимался преимущественно нуждами практической жизни. Но встрѣчаются въ его сочиненіяхъ драгоцѣнныя мысли и о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, какъ напримѣръ: о тайнѣ мѵропомазанія, о св. Евхаристіи, объ исповѣди, о священствѣ, о связи Церкви земной съ небесною, о порчѣ природы нашей, о Христѣ Спасителѣ. Всѣ сочиненія св. Кипріана имѣются на русскомъ языкѣ, при редакціи „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи", въ 6-ти частяхъ.

XII.

Св. Григорій чудотворецъ, епископъ Неокесарійскій.

Св. Григорій чудотворецъ, называвшійся прежде Ѳеодоромъ, родился въ Неокесаріи, что на Понтѣ,

въ началѣ третьяго столѣтія. Родители его были язычники и притомъ люди богатые и знаменитые. Подъ руководствомъ отца своего, Григорій началъ образованіе въ духѣ язычества; но на 14-мъ году своего возраста онъ лишился своего родителя и остался подъ присмотромъ матери, которая немедленно отдала его въ школу учиться риторикѣ, въ намѣреніи доставить своему сыну мѣсто судебнаго оратора. Но Промыслъ судьбу его устроилъ иначе. Неожиданно Григорій долженъ былъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Аѳинагоромъ, проводить свою сестру въ Кесарію, гдѣ мужъ ея получилъ должность совѣтника. Здѣсь Григорій нечаянно сошелся съ Оригеномъ, который занялъ его сперва діалектикою, потомъ преподалъ ему физику, геометрію, астрономію и науку чистой нравственности, а наконецъ незамѣтно перешелъ къ христіанскому богословію. Григорій, какъ бы безъ вѣдома своего, былъ уже христіанинъ, и Оригену оставалось только сказать ему тайны вѣры христіанской, потому что умъ и сердце его давно уже были открыты къ принятію оныхъ. По смерти императора Максимиліана, Григорій, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Оригеномъ, возвратился въ Неокесарію изъ Александріи, куда они удалились по случаю свирѣпствовавшаго гоненія. Это было около 239 года. Довольно уже утвержденный въ истинахъ вѣры христіанской и изучивъ Св. Писаніе, Григорій наконецъ принялъ крещеніе и пожелалъ вести жизнь уединенную. Но въ 240 г. Ѳедимъ, епископъ амасійскій, несмотря на удаленіе и несогласіе Григорія, рукоположилъ его заочно во епископа неокесарійскаго. Принявъ, такимъ образомъ, жезлъ

правленія Церковію, св. Григорій показалъ такую ревность въ устроеніи внѣшняго и внутренняго благосостоянія оной, что оставилъ въ паствѣ своей столь малое число язычниковъ, сколь мало было христіанъ при вступленіи его на паству,—именно 19 человѣкъ. Высшій даръ чудотворенія, доставившій ему наименованіе чудотворца, служитъ доказательствомъ того, какъ силенъ былъ Григорій предъ Богомъ, и какія онъ имѣлъ дѣйствительныя средства къ распространенію вѣры Христовой между закоренѣлыми язычниками. По случаю возникшаго гоненія на христіанъ, бывшаго при Декіи, въ 250 г., онъ удалился въ нѣкоторое сокровенное мѣсто и чудеснымъ образомъ утверждалъ подвижниковъ и исповѣдниковъ имени Христова въ ихъ тяжкихъ страданіяхъ. Предузнавъ кончину свою, онъ заблаговременно простился съ паствою своею, какъ отецъ съ дѣтьми, и умеръ въ 270 или 271 г. Память его празднуется 17-го ноября.

Подлинныя творенія св. Григорія чудотворца суть слѣдующія: 1) Изложеніе вѣры, или Символъ св. Григорія, 2) Переложеніе Экклезіаста, 3) Окружное посланіе къ падшимъ въ вѣрѣ, 4) Похвальное слово своему учителю Оригену. Всѣ они, по содержанію своему, раздѣляются на 1) догматическія, 2) герменевтическія и 3) нравственныя.

XIII.

Св. Меѳодій Тирскій.

Св. Меѳодій мало извѣстенъ по обстоятельствамъ жизни, но знаменитъ по своимъ сочиненіямъ. Изъ

сочиненій его видно, что онъ получилъ обширное греческое образованіе. Былъ сперва епископомъ Олимпа, а потомъ Тира, или Патары, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. „Ревностный поборникъ истины", св. Меѳодій, по словамъ Епифанія, „жилъ не безъ скорбей". Но и того ему было мало. Какъ истинный пастырь, св. Меѳодій, по любви къ Господу и для назиданія пасомыхъ, запечатлѣлъ вѣру свою мученическимъ подвигомъ,—не раньше 310 года.

———

По отзыву Анастасія Синаита, „богатый мудростію", „Меѳодій, по словамъ Іеронима, съ блистательнымъ и яснымъ краснорѣчіемъ написалъ нѣсколько книгъ противъ Порфирія (это сочиненіе давно утрачено, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, сохраненныхъ Дамаскинымъ), также—пиръ десяти дѣвъ, превосходное сочиненіе противъ Оригена о воскресеніи, противъ него же о Пиѳониссѣ и свободномъ произволѣ, объясненіе на книгу Бытія и Пѣснь Пѣсней и множество другихъ сочиненій, которыя читаются повсюду".

Сочиненіе „о свободномъ произволеніи" сохранилось въ древне-славянскомъ переводѣ. Это—разговоръ между валентиніаниномъ и православнымъ. Въ немъ двѣ части: въ первой опровергается мнѣніе валентиніанъ, что матерія есть начало зла, совѣчная Богу; во второй показывается, что зло есть дѣло свободной воли сотворенной.

Праздникъ дѣвъ съ разсужденіемъ о дѣвствѣ— доселѣ цѣло. Въ этомъ сочиненіи бракъ, какъ установленный Богомъ, не отвергается; но дѣвство, какъ освященное жизнію Господа Іисуса, поста-

вляется выше брака. Средства къ сохраненію дѣвственной чистоты: чтеніе Писанія, воздержаніе, смиреніе, трудолюбіе и уединеніе.

Память св. Меѳодія—іюня 20-го.

XIV.

Св. Петръ, епископъ Александрійскій.

Св. Петръ Александрійскій, по словамъ Евсевія,—„священное украшеніе епископовъ и по святости, и по упражненію въ священныхъ главахъ", съ 295 года былъ начальникомъ Александрійскаго училища. Принявъ пастырскій жезлъ послѣ св. Ѳеоны, въ 303 году, онъ управлялъ Церковію въ тяжкое время гоненія Діоклитіанова. Уклонясь изъ Александріи, онъ издали укрѣплялъ на подвиги не только свою паству, но и вѣрныхъ всего Египта. По его увѣщанію цѣлые сонмы увѣнчались вѣнцомъ мученическимъ; а для слабыхъ, не выдержавшихъ истязаній, разослалъ въ 306 г. правила покаянія и съ любовію Христовою принималъ въ общеніе съ Церковію отрекшихся, но искренно раскаявшихся. Но Мелетій, епископъ Ликополя Ливійскаго, явившись въ Александрію, съ жестокосердіемъ отвергалъ всѣхъ падшихъ и вообще самовольно распоряжался дѣлами не принадлежащей ему Церкви. Послѣ не подѣйствовавшаго увѣщанія, Петръ съ соборомъ епископовъ произнесъ на Мелетія осужденіе. Но расколъ, произведенный Мелетіемъ, болѣе столѣтія раздиралъ Церковь александрійскую. При этомъ Арій то присоединялся къ Мелетію, то къ Петру, посвятившему его въ діакона, то опять къ Мелетію, пока Петръ подвергъ его запрещенію. Въ 311 г.

„великій учитель вѣры Христовой“ внезапно былъ схваченъ и безъ всякаго суда лишенъ головы. Память его—ноября 25-го.

Правила св. Петра дышатъ христіанскою любовію и утверждаются на изреченіяхъ Св. Писанія.

XV.

Священномученикъ Лукіанъ, пресвитеръ Антіохійскій.

Сынъ благородныхъ родителей Самосатскихъ, Лукіанъ получилъ образованіе, соотвѣтствовавшее его происхожденію, и былъ приготовляемъ къ свѣтскимъ должностямъ. Но, по смерти родителей, раздавъ имущество бѣднымъ, онъ обратился въ Едессъ къ исповѣднику Макарію и слушалъ его наставленія въ изъясненіи Св. Писанія. Жизнь велъ онъ строго подвижническую. Посвященный въ санъ пресвитера антіохійскаго, завелъ въ Антіохіи училище. Съ ревностію и успѣхомъ проповѣдывалъ имя Христово іудеямъ и язычникамъ; „самъ же прилежаше ученію Божественныхъ книгъ и многи отъ эллинъ обращаше къ Богу“. Въ 303 году, въ началѣ Діоклитіанова гоненія, онъ уже былъ исповѣдникомъ вѣры въ Никомидіи; а въ 311 году, въ гоненіе Максимиліана, снова былъ изъ Антіохіи взятъ въ Никомидію, гдѣ подалъ Максимиліану апологію, и заключенъ въ темницу на голодную смерть. Напрасно подвергали его здѣсь пыткамъ и предлагали языческую пищу: на всѣ вопросы отвѣтъ его былъ одинъ: „я христіанинъ“. Отягченный оковами, снѣдаемый голодомъ, онъ лежалъ въ темницѣ на спинѣ и не могъ сдѣлать никакого дви-

женія. Въ день Богоявленія, соучастники его страданія желали въ послѣдній разъ соутѣшиться съ нимъ трапезою Христовою; и тотъ, кто готовилъ себя въ жертву Господу, на собственной груди своей совершилъ страшное тайнодѣйствіе. Затѣмъ скоро, въ назначенный имъ день, скончался мученически. Память его—октября 15-го.

Главная услуга, которую св. Лукіанъ сдѣлалъ для Церкви, состоитъ въ томъ, что онъ тщательно пересмотрѣлъ, сличилъ и исправилъ греческій текстъ Библіи. „Св. Лукіанъ видѣлъ въ свящ. текстѣ—какъ пишутъ Свида и Метафрастъ—ошибки, внесенныя не только временемъ, но и людьми злонамѣренными, и потому рѣшился употребить труды и свѣдѣнія свои на то, чтобы передать Церкви текстъ исправнѣйшій". Этотъ знаменитый ученый трудъ св. Лукіана, во время его исповѣдническаго подвига, въ предохраненіе отъ враговъ вѣры, сохраненъ былъ въ стѣнѣ, гдѣ ящикъ съ рукописью залитъ былъ известью; здѣсь онъ найденъ былъ при имп. Константинѣ и съ того времени началъ входить во всеобщее употребленіе. Въ апологіи своей св. Лукіанъ, говоря о воскресеніи Христовомъ, приводитъ въ свидѣтельство его самое мѣсто—Голгоѳскую разсѣлину подъ Крестомъ Спасителя — и самое небо, помрачившееся во время страданій Его. Извѣстенъ еще „Символъ вѣры" св. Лукіана, который предлагаемъ былъ на Антіохійскомъ соборѣ 341 года,—символъ, весь писанный рукою самого Лукіана, какъ свидѣтельствовали епископы того собора. „Извѣстны также, по свидѣтельству Іеронима, его книжки о вѣрѣ и письма къ нѣкоторымъ". Свида, въ свое время, писалъ, что „чистота догматовъ сохра-

няема была въ сочиненіяхъ Лукіана болѣе, чѣмъ у кого-либо изъ современниковъ, и что мысли его о вѣрѣ особенно можно видѣть въ превосходныхъ письмахъ его“.

Св. Елена надъ чудесно спасенными мощами св. Лукіана, въ 326 году, воздвигла великолѣпный храмъ въ Дрепанѣ, названной въ честь ея Еленополемъ.

XVI.

Св. Александръ, архіепископъ Александрійскій.

Любимый ученикъ святителя Петра, Александръ, послѣ недолгаго святительствованія Ахиллы, возведенъ былъ на архіерейскую каѳедру г. Александріи и явился „мудрымъ и исполненнымъ Духа Святаго, мужественнымъ защитникомъ апостольскихъ догматовъ“. Арій недоволенъ былъ, что ему предпочли Александра, и враждовалъ противъ него, хотя Александръ оказывалъ ему уваженіе, и Арій не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго. Но вотъ Арію представился случай оклеветать ученіе Александра. Когда св. Александръ, въ бесѣдѣ съ своими пресвитерами о тайнѣ Св. Троицы, говорилъ, что „въ Троицѣ есть единство“,—тогда Арій во всеуслышаніе объявилъ пастыря своего послѣдователемъ Савеллія и въ первый разъ обнаружилъ свою богохульную мысль, что „Сынъ Божій есть твореніе Божіе“. Никакія мѣры, принятыя со стороны Александра, не образумили Арія, пока не собранъ былъ I-й Вселенскій соборъ — въ 325 году, на которомъ Арій подвергнутъ анаѳемѣ. Спустя 5 мѣсяцевъ послѣ сего собора, отягченный непріятно-

стями, заботами и лѣтами, ревностный защитникъ православія скончался 17-го апрѣля 326 г.

Изъ сочиненій св. Александра до насъ дошли два посланія, краткая рѣчь къ пресвитерамъ, слово на страданія Спасителя и еще нѣсколько словъ изъ двухъ сочиненій. Въ посланіи къ Александру, епископу константинопольскому, св. Александръ Александрійскій объяснялъ основанія, на которыхъ произнесено осужденіе противъ Арія, и просилъ объявить это и другимъ епископамъ. Въ началѣ онъ кратко описываетъ безпорядки, произведенные Аріемъ въ Александріи; потомъ излагаетъ ученіе о Божествѣ Сына Божія, гдѣ превосходно объясняетъ слово Евангелиста о Богѣ Словѣ (Іоан. I, 1—3) и нѣкоторыя другія мѣста; затѣмъ, коснувшись нравственныхъ качествъ Арія, излагаетъ исповѣданіе вѣры; и наконецъ, сказавъ о своей рѣшимости умереть за исповѣданіе апостольской вѣры, убѣждаетъ и проситъ епископовъ не слушать и не принимать враговъ Сына Божія.

XVII.

Св. Іаковъ, епископъ Низибійскій.

Св. Іаковъ—сынъ одного изъ областныхъ князей армянскихъ, племянникъ парѳянскаго царя Анака—отца св. Григорія, просвѣтителя Арменіи; по множеству чудесъ, совершенныхъ имъ — чудотворецъ, а по высотѣ и обилію духовной мудрости назывался мудрымъ. При Максиминѣ прославился исповѣдническимъ подвигомъ; въ Персіи, силою чудесъ, многихъ язычниковъ обратилъ къ вѣрѣ. Из-

бранный въ 314 году въ епископа Низибіи, онъ не перемѣнилъ подвижнической жизни. Въ 325 году, какъ мужественный защитникъ правыхъ догматовъ, былъ на Вселенскомъ соборѣ. Въ 336 году въ Константинополѣ заставилъ искреннихъ друзей вѣры молиться объ отвращеніи бѣдствія, грозившаго Церкви принятіемъ въ нѣдра ея Арія, — и хулитель Сына Божія погибъ. Въ 338 году, силою духа, христіанскій пастырь сохранилъ Низибію отъ грозныхъ полчищъ Сапора. Чрезъ 10 лѣтъ персы снова осадили Низибію и уже сдѣлали проломъ въ стѣнѣ ея; но не сокрушили вѣры защищавшаго ее пастыря: по его распоряженію, стѣна исправлена въ одну ночь; а Сапоръ, изумленный твердостію и видѣніемъ, устрашенный казнію, поразившею его войско, поспѣшилъ удалиться отъ Низибіи. Св. защитникъ вѣры и отечества скончался въ 350 году. Память его—13-го января и 31-го октября.

Изъ 18-ти извѣстныхъ словъ Іакова—одни догматическія, другія нравоучительныя. Изъ догматическихъ особенно замѣчательно 16-ое слово, въ которомъ св. Іаковъ превосходно доказываетъ Словомъ Божіимъ какъ Божество Сына Божія, такъ и то, что Іисусъ Христосъ есть обѣщанный Мессія; изъ нравоучительныхъ замѣчательны—слово о любви, дышащее глубокимъ благочестіемъ, и слово о священнослужителяхъ, — прекрасное наставленіе для пастыря, между прочимъ о его обязанности учить и совершать тайну Евхаристіи. Наставленія св. Іакова важны, какъ образецъ вѣрнаго толкованія Св. Писанія. Древній учитель естественно, безъ всякаго искусства и усилія, извлекаетъ изъ свящ. буквы

и высокіе догматы, и высокое назиданіе. Всѣ слова писаны по просьбѣ св. Григорія Арменскаго.

Въ „Христ. Чт.“ помѣщены слова о смиреніи, 1827 г.; о воскресеніи мертвыхъ, 1837 г.; о Пасхѣ, о вѣрѣ, 1839 г. Письмо къ Григорію, 1842 г.

XVIII.

Св. Евстаѳій, архіепископъ Антіохійскій.

Св. Евстаѳій родился въ памфилійскомъ городѣ Сидѣ. Сначала былъ епископъ Беріи сирійской и здѣсь—во время гоненія—украсился именемъ исповѣдника Христова. Александръ Александрійскій писалъ къ нему посланіе объ Аріи, какъ извѣстному защитнику чистой истины. Общее желаніе вѣрныхъ вызвало его на каѳедру антіохійскую, и отцы 1-го Вселенскаго собора утвердили это избраніе. На этомъ соборѣ св. Евстаѳій привѣтствовалъ императора рѣчью и былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ обличителей богохульства Аріева. Въ концѣ 326 года онъ отправлялся въ Грузію, для поставленія тамъ пастырей новымъ чадамъ вѣры. Но аріане, во что бы ни стало, рѣшились низвергнуть Евстаѳія. Для этого они клеветали, что Евстаѳій учитъ, какъ училъ Савеллій; аріанскіе епископы—Евсевій никомидійскій и Ѳеогнисъ клеветали, что онъ оскорбительно отзывался о матери императора... Волненіе, открывшееся въ то время въ Антіохіи, помогло аріанамъ въ ихъ козняхъ противъ Евстаѳія. Невинный святитель, съ нѣсколькими священниками и діаконами, отосланъ во Ѳракію, въ 331 году. Злоба аріанъ упорно преслѣдовала Евстаѳія изъ Ѳракіи въ Иллирію, пока не скон-

чался онъ въ македонскомъ городѣ Филиппахъ, въ 345 году. Память его—21-го февраля.

Краснорѣчивѣйшій и весьма образованный въ духовныхъ и свѣтскихъ наукахъ и особенно въ философіи, св. Евстаѳій первый, по свидѣтельству Іеронима, сталъ писать противъ Арія, и написалъ противъ него 8 книгъ. Первый онъ положилъ отличать мѣста Св. Писанія, которыя говорятъ о человѣчествѣ Іисуса Христа, отъ мѣстъ, которыя изображаютъ Его, какъ Сына Божія и Бога. Сближеніе и сопоставленіе такихъ мѣстъ наносило самое вѣрное пораженіе аріанамъ, намѣренно бравшимъ для своихъ цѣлей одни только мѣста объ уничиженномъ состояніи Іисуса Христа.

XIX.

Св. Иларій Поатьерскій.

Св. Иларій происходилъ изъ благородной фамиліи и молодые годы свои посвятилъ изученію наукъ словесныхъ. Еще будучи язычникомъ, онъ старался хранить чистоту совѣсти и искалъ Творца своего. Чтеніе Евангелія Іоаннова возвысило духъ его и покорило ученію Господа Іисуса Христа. Онъ крестился вмѣстѣ съ супругою и дочерью своею Апрою.

Въ 353 году, по единодушному голосу народа, онъ избранъ въ епископа поатьерскаго. Его ходатайство, въ 355 г., предъ Констанціемъ за св. Аѳанасія Великаго вооружило противъ него аріанъ. Съ твердостію возсталъ противъ нихъ Иларій, но былъ заточенъ во Фригіи и отсюда управлялъ сво-

ею паствою, по ея желанію. Изъ заточенія онъ писалъ нѣжное убѣжденіе своей дочери Апрѣ—сохранить сердце свое для жениха Христа Господа, и послушная дочь исполнила волю любящаго отца. Много потрудившись въ пользу православія противъ аріанъ на востокѣ и на западѣ, знаменитый учитель Церкви мирно скончался въ 368 году. Память его—14-го января.

Св. Иларій написалъ сочиненія: о Св. Троицѣ, объ Ариминскомъ соборѣ, три письма къ имп. Констанцію и книгу противъ Авксентія, епископа медіоланскаго. Руфинъ, говоря о современныхъ Иларію учителяхъ запада, писалъ, что полный успѣхъ ихъ въ защищеніи православія отъ аріанъ зависѣлъ отъ того, что „Иларій, мужъ по природѣ тихій, мирный и, вмѣстѣ, ученый и весьма способный убѣждать другихъ, велъ дѣло „внимательнѣе и искуснѣе другихъ“. Такой характеръ святителя отразился въ его сочиненіи о Св. Троицѣ. Въ сочиненіи объ Ариминскомъ соборѣ — исторія аріанства. Въ письмахъ къ Констанцію—все то, что было на востокѣ и западѣ во время волненій аріанскихъ. Въ книгѣ противъ Авксентія—вся личность Иларія и значеніе его на западѣ въ борьбѣ съ аріанствомъ.

XX.

Святый Пахомій Великій.

Преп. Пахомій родился въ верхнемъ Египтѣ— въ Ѳиваидѣ. Родители его были язычники. Но сынъ ихъ Пахомій еще въ дѣтствѣ показывалъ, что онъ со временемъ будетъ христіаниномъ: когда да-

вали ему что-либо идоложертвенное, онъ всякій разъ извергалъ вонъ; а когда въ первый разъ привели его въ капище, идолъ не могъ давать прорицаній своихъ, сказавъ, что „ничего не можетъ сказать при этомъ отрокѣ“.

На 19-мъ году жизни Пахомій попалъ въ воинскую дружину импер. Константина Великаго. Въ походѣ въ первый разъ онъ узналъ о христіанахъ—въ Оксиринхѣ, городѣ нижняго Египта, и такъ горячо полюбилъ ихъ нравы и вѣру, что желалъ какъ можно скорѣе креститься. Окрестившись въ мѣстечкѣ Хиновоскія, въ слѣдующую ночь Пахомій увидѣлъ во снѣ, будто роса сошла съ неба въ его правую руку и стала густа, какъ тѣсто, и сладка, какъ медъ. Что бы это значило? думалъ Пахомій, а голосъ свыше отвѣтилъ ему: „это—символъ благодати, имѣющей излиться на тебя въ избыткѣ“. Послѣ сего Пахомій, забывъ все мірское и родныхъ своихъ, объ одномъ думалъ: гдѣ найти эту благодать Божію, обѣщанную ему свыше. Услышалъ онъ объ одномъ человѣкѣ Божіемъ Паламонѣ, поспѣшилъ къ нему и просилъ у него постриженія въ монашество... „Добрый юноша,—сказалъ ему опытный старецъ,—не рано ли тебѣ брать на себя монашеское бремя? Подвиги наши такъ высоки и тяжелы, что многимъ и опытнымъ бываютъ не подъ силу... Подумай“... „Авва святый“,—отвѣчалъ юный Пахомій,—„ты знаешь, что сила Божія въ немощи совершается“,—и слезы ручьемъ покатились изъ глазъ его. Старецъ понялъ юношу и сдѣлалъ его инокомъ. Каждый день Пахомій приносилъ доброму аввѣ новую радость своими подвигами вѣры, поста и молитвы...

Но вотъ настало время великому ученику разстаться со своимъ учителемъ.—Однажды, во время уединенной молитвы, въ пустыни Тавеннисіотъ, вдали отъ Паламона, Пахомій услышалъ съ неба голосъ: „оставайся здѣсь, гдѣ молишься: сюда соберется къ тебѣ много подвижниковъ“. Послушный призванію небесному, Пахомій явился къ Паламону, разсказалъ ему о своемъ видѣніи въ Тавеннѣ и просилъ его посѣтить это мѣсто. Паламонъ пришелъ, полюбовался святымъ уединеніемъ и простился съ возлюбленнымъ ученикомъ своимъ, условившись посѣщать другъ друга. Но скоро св. Паламонъ (память 12-го августа) скончался на рукахъ Пахомія. Недолго и Пахомій оставался одинъ въ своей пустынѣ, — ее раздѣлилъ съ нимъ родной братъ его Іоаннъ; но недолго жилъ и Іоаннъ. Теперь Пахомію пришлось испытать страшныя нападенія и искушенія отъ злыхъ духовъ. Пахомій только молился и плакалъ,—плакалъ и молился,—и бѣсы, наконецъ, оставили его; но изъ людей никто еще не явился къ нему: одни безсловесныя животныя окружали его; по скорпіонамъ онъ ходилъ теперь, какъ по цвѣтамъ, а крокодилы перевозили его съ одного берега рѣки на другой. Такъ уже былъ нравственно совершенъ Пахомій въ это время и приготовленъ къ тому, чтобы руководить другими!

Во время тихой полночной молитвы явился къ нему Ангелъ съ радостною вѣстію: „Пахомій! Богу угодно, чтобы ты не только самъ служилъ Ему здѣсь, но чтобы подъ твоимъ руководствомъ служили Ему здѣсь же и многіе другіе“. Три раза повторилась эта вѣсть. И потекли къ великому Пахомію, одинъ за другимъ, ревнители строгой пу-

стынной жизни, такъ что уединенная Тавенна въ короткое время явилась какъ бы градомъ Божіимъ, гдѣ жили люди, подобные Ангеламъ. Пахомій день и ночь поучалъ братію словомъ, назидалъ ее жизнію. Кто для братіи готовилъ трапезу, кто обрабатывалъ землю, кто садилъ деревья, носилъ воду, поливалъ овощи, кто служилъ больнымъ, подавалъ имъ пищу, перевязывалъ, омывалъ, отиралъ ихъ раны, кто отворялъ и затворялъ монастырскія ворота?.. Много было усердныхъ тружениковъ, но первый между ними былъ Пахомій Великій. Такъ истинное величіе сродно съ глубокимъ смиреніемъ!..

Особенно Пахомій любилъ смиреніе и хотѣлъ, чтобы тотъ же духъ смиренія, какимъ обладалъ самъ, проникалъ и въ братство его; поэтому никто изъ его братіи не носилъ званія пресвитера: для службы по праздникамъ и пріобщенія Св. Тайнъ приглашали сосѣднихъ священниковъ. Любя отъ души смиреніе, преподобный отъ души же любилъ и неразлучное съ нимъ послушаніе и строго наказывалъ за своеволіе. Строгая пустынная жизнь преподобнаго Пахомія наконецъ просіяла многими великими чудесами. За два дня преподобный Пахомій предвидѣлъ кончину свою, и въ эти дни то молился онъ, то наставлялъ братію, подавалъ ей миръ и благословеніе; и въ 348 году въ мирѣ почилъ отъ трудовъ своихъ. 1400 иноковъ одной его обители съ горькими слезами предали землѣ св. тѣло его. Память его—15-го мая.

Св. Пахомій первый оставилъ по себѣ „правило“, или уставъ, иноческаго общежитія. Вотъ его краткое содержаніе.

1) Вновь поступившій въ общежитіе отдается на испытаніе его расположенія опытному старцу. 10 дней и болѣе онъ за монастыремъ долженъ повергаться предъ братіями и терпѣть поношеніе. Отъ него ничего не принимается для монастыря, чтобы онъ потомъ не гордился и не нарушалъ покоя братіи своими требованіями. Ему дается монастырская одежда, а мірская отбирается подъ сохраненіе. Если въ немъ окажется неповиновеніе или ропотъ, то возвращается ему его платье, и онъ высылается изъ монастыря.

2) Принятый не прежде года допускается въ общеніе братіи. Сперва знакомятъ его съ уставомъ обители; потомъ назначаютъ читать 12 псалмовъ и два чтенія изъ Апостола. Если онъ не знаетъ грамотѣ, то въ 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часъ ходитъ къ старцу слушать правило. Его занятіе — служеніе братіи и страннымъ. Если безропотно и смиренно служитъ,—принимаютъ въ общество.

3) Братія 3 раза собираются на общую молитву: днемъ, вечеромъ и ночью. По звуку трубы всѣ немедленно выходятъ изъ своихъ келлій, все бросая, даже—если писалъ—буквы не смѣлъ докончить. Въ среду, пятокъ и воскресенье начальникъ предлагалъ поученіе.

4) Трапеза—въ полдень, кромѣ среды и пятка. въ которые всѣ постились. Трапеза для всѣхъ общая. Внѣ трапезы никто ничего не смѣлъ ѣсть. Если бы кто подъ деревомъ, во время работъ, нашелъ плодъ,—долженъ былъ положить его при корнѣ дерева. За трапезой сохранялось молчаніе; всѣ сидѣли съ опущенными на глаза кукулями, чтобы глаза ничѣмъ не соблазнялись. По выходѣ изъ хра-

ма, какъ и изъ трапезы, ни съ кѣмъ не разговаривали.

5) На общія работы настоятель шелъ впереди, а за нимъ братія—въ молчаніи. Изъ монастыря посылали по нуждамъ непремѣнно по два инока, которые ночевать обязывались въ православныхъ монастыряхъ. Авва—главный начальникъ монастыря. Экономы заботились о пищѣ и одѣяніи братіи: безъ нихъ и настоятель не смѣлъ ничего взять для себя. Недѣльный надзиратель, послѣ утренней молитвы, бралъ у аввы приказанія и объявлялъ ихъ по домамъ. Начальникъ дома осматривалъ, все ли сдѣлано у него какъ должно, училъ неопытныхъ и каждую недѣлю давалъ отчетъ о сдѣланномъ въ его домѣ.

6) Для больныхъ и престарѣлыхъ былъ особый домъ. О нихъ пеклись особые старцы, кромѣ которыхъ никто не долженъ былъ входить въ больничный домъ. Пища больнымъ—сообразно немощи.

7) Дѣтей, кромѣ чтенія, учили рукодѣлью; но прежде всего страху Божію и молитвѣ. Пища имъ—въ трапезѣ. Наказаніе—соразмѣрно силамъ и дѣтскому характеру.

XXI.

Св. Антоній Великій.

Какъ Павелъ Ѳивейскій считается начальникомъ отшельнической пустынной жизни, такъ Антоній Великій признается начальникомъ отшельнической монастырской жизни въ Египтѣ.

По совѣту преп. Павла, Антоній, послѣ кончины богатыхъ своихъ родителей, раздавъ имѣніе ни-

щимъ, на 79-мъ году жизни поселился въ уединенной пещерѣ, невдали отъ мѣста рожденія Комани, въ Иракліополѣ средняго Египта. Здѣсь пищею его были—хлѣбъ, соль и вода, притомъ никогда дважды въ день, а иногда чрезъ день и два; сонъ его былъ самый короткій, на голой землѣ; а занятіемъ были—молитва, псалмопѣніе и рукодѣліе.

Въ 285 году, для большаго уединенія, онъ удалился на берегъ Краснаго моря. Здѣсь, на одной горѣ, въ полуразрушенной башнѣ, онъ провелъ 20 лѣтъ въ постѣ, молитвахъ и подвигахъ нравственнаго сомоусовершенствованія; пищу заготовлялъ себѣ два раза въ годъ, на каждое полугодіе.

Съ 305 года онъ сталъ принимать къ себѣ ревнителей благочестія. Первый пришелъ къ Антонію, для изученія подвиговъ отшельничества, Иларіонъ—впослѣдствіи великій основатель монашеской жизни въ Палестинѣ. Съ того времени пустыня Антоніева стала населяться болѣе и болѣе. За тяжкою борьбою съ врагами спасенія послѣдовалъ въ жизни Великаго рядъ чудотвореній. Слава необыкновенныхъ подвиговъ, чудесъ и душеспасительныхъ наставленій весьма многихъ привлекала въ пустыню Антонія; и онъ однимъ указывалъ жить невдали отъ Арсинои — нынѣ Суэца—въ нижнемъ Египтѣ, другимъ—на той же горѣ, гдѣ жилъ самъ.

Въ 311 году, въ жестокое гоненіе Максимина, Антоній приходилъ въ Александрію и здѣсь пробылъ около года, чтобы дѣлить съ прочими крестныя страданія: однихъ онъ укрѣплялъ на подвиги, за другихъ ходатайствовалъ предъ судьями. По возвращеніи въ пустыню, безпокоимый множествомъ посѣтителей, Антоній отошелъ на другую гору Кол-

цимъ, донынѣ извѣстную подъ именемъ горы Антонія Великаго, и жилъ здѣсь попеременно въ трехъ ея пещерахъ.

Когда открылась ересь Арія, св. Антоній опять явился защитникомъ истины: въ 335 году онъ письменно ходатайствовалъ предъ импер. Константиномъ за изгнаннаго тогда александрійскаго пастыря Аѳанасія Великаго. По возвращеніи Аѳанасія на свою каѳедру, Антоній самъ явился въ Александрію и здѣсь предъ всѣми въ свящ. собраніи обличалъ безстыдство и нечестіе Аріана. Это путешествіе сто четырехъ-лѣтняго Антонія было торжествомъ и для православія, и для него самого: толпы народа слѣдовали за нимъ, какъ за великимъ человѣкомъ Божіимъ, ожидая отъ него благословенія и чудесъ.

Скончался Великій Антоній въ началѣ 356 года, на 105-мъ году жизни, заповѣдавъ никому не сказывать о мѣстѣ его погребенія. Память его и въ греческой, и въ римской Церкви совершается 17-го января.

Училищемъ для св. Антонія были Св. Писаніе и природа, а учителемъ—благодать Христова, болѣе и болѣе озарявшая его, по мѣрѣ самоумерщвленія его подвигами; „ученой образованности онъ не имѣлъ, говоритъ бл. Августинъ, но Св. Писаніе зналъ на память и выразумѣлъ размышленіемъ очень хорошо“. Слушать и читать Писаніе любилъ онъ и тогда, когда жилъ въ домѣ отеческомъ, и тогда, какъ жилъ въ пустынѣ: слова Евангелія возбудили въ немъ рѣшимость и міръ оставить. Однажды спросилъ его философъ: „какъ можешь ты жить здѣсь безъ утѣ-

шенія книгъ"?—„Книга моя, другъ мой, природа, которая всегда со мною, какъ только захочу я читать въ ней глаголы Божіи",—отвѣчалъ Антоній. Тогдашняго языка общей образованности—греческаго—онъ не зналъ и наставленія свои преподавалъ на египетскомъ языкѣ; но эти наставленія его показываютъ необыкновенное знаніе Библіи. Отъ св. Антонія дошло до насъ 7 писемъ: въ нихъ характеристика самого подвижника и глубокое пониманіе души христіанской. Первое письмо—объ удаленіи отъ міра; второе—о ковахъ діавола и о средствахъ избавиться отъ нихъ; третье—о благодѣяніяхъ Божіихъ человѣку; четвертое—о воплощеніи Сына Божія; пятое—о бодрствованіи христіанскомъ; шестое—о познаніи самого себя и о нуждѣ воплощенія Сына Божія; седьмое—также о познаніи самого себя, съ увѣщаніемъ противъ Арія. Одно это оглавленіе отчасти уже показываетъ достоинство писемъ. Но послушаемъ, что писалъ Антоній, напр., о ходѣ надежнаго образованія души. „Мы должны прежде всего стараться познать самихъ себя. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, тотъ имѣетъ правильное познаніе и о тваряхъ, которыхъ Богъ произвелъ изъ ничего,—тотъ знаетъ также и достоинство умнаго и безсмертнаго духа человѣческаго, заключеннаго на время въ бренное тѣло, дабы въ немъ усовершить себя въ добродѣтеляхъ. Кто знаетъ это, тотъ знаетъ, что должно любить Бога; а кто любитъ Бога, тотъ любитъ всѣхъ". Правильное познаніе самого себя можетъ дать намъ вѣрное познаніе тварей и, назначеннаго къ безконечному усовершенствованію въ добрѣ, безсмертнаго духа; а созерцаніе безсмертнаго духа и его

назначенія можетъ научить насъ любить Бога и всѣхъ тварей, имъ созданныхъ... Это испыталъ на себѣ Великій Антоній: какая глубокая истина! Постепеннымъ самопознаніемъ и бодрствованіемъ надъ собою великій подвижникъ дошелъ до такого совершенства, что чувствовалъ присутствіе Христа и благодати Божіей, замѣчалъ присутствіе свѣтлыхъ и темныхъ духовъ, зорко видѣлъ самомалѣйшія движенія души своей. Вотъ его слова о дѣйствіи добрыхъ и злыхъ духовъ: „явленіе добрыхъ Ангеловъ не производитъ никакого смятенія въ душѣ; ихъ присутствіе мирно и успокоительно; оно исполняетъ душу радостію и одушевляетъ ее довѣренностію. Тогда чувствуешь столь крѣпкую любовь ко всему богоестественному, что готовъ оставить жизнь, чтобы слѣдовать за ними (тварями богоестественными) въ блаженную вѣчность. Напротивъ, явленіе злыхъ духовъ производитъ въ душѣ возмущеніе: они возбуждаютъ въ душѣ отвращеніе отъ подвиговъ и дѣлаютъ душу колеблющеюся въ намѣреніяхъ своихъ". Русскій переводъ писемъ и словъ св. Антонія помѣщенъ въ „Христ. Чтеніи" 1826—1829 г. (См. еще „Исторію монашества на Востокѣ" П. С. Казанскаго, ч. I и „Добротолюбіе" Еп. Өеофана, ч. I).

XXII.

Св. Аѳанасій, архіепископъ Александрійскій.

Св. Аѳанасій родился въ Александріи, въ концѣ III столѣтія. Еще съ раннихъ лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ ѐпископу александрійскому Александру, поставленъ въ діакона александрійской Церкви и

пользовался такимъ его расположеніемъ, что вмѣстѣ съ нимъ жилъ и былъ его помощникомъ въ письменныхъ сочиненіяхъ, по дѣламъ церковнымъ. Его проницательный умъ, сила разсужденія, основательное знаніе истинъ христіанскаго ученія, непоколебимость въ здравыхъ убѣжденіяхъ, чистая ревность по истинѣ и тогда уже могли отличить его отъ прочихъ служителей алтаря. Съ другой стороны, два сочиненія, писанныя Аѳанасіемъ, по всей вѣроятности, еще въ молодыхъ лѣтахъ, давали право надѣяться отъ него многаго. Это—„слово противъ язычниковъ“ и другое—„о воплощеніи Бога Слова“.

Между тѣмъ въ Александріи обнаружилъ свою ересь Арій и успѣлъ пріобрѣсть себѣ единомышленниковъ, несмотря на всѣ усилія александрійскаго епископа Александра подавить ересь въ самомъ ея началѣ. Волненія въ Церкви, произведенныя Аріемъ, длились уже около трехъ лѣтъ, какъ, наконецъ, по желанію императора Константина и всѣхъ православныхъ, составился въ Никеѣ въ 325 году вселенскій соборъ изъ 318 епископовъ. Сюда, вмѣстѣ со своимъ епископомъ, въ званіи діакона, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, прибылъ и св. Аѳанасій, и въ первый разъ выступилъ открыто противъ враговъ вѣры. Между тѣмъ, менѣе нежели чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ собора, въ заботахъ объ умиротвореніи Церкви Александръ скончался, и Аѳанасій возведенъ былъ на престолъ александрійской Церкви.

Соборъ Никейскій совершилъ великое дѣло и сопровождался важными послѣдствіями для всего христіанскаго міра. Присутствовавшіе на немъ св. отцы точнымъ образомъ опредѣлили и голосомъ

всей вселенской Церкви утвердили ученіе объ истинномъ и единосущномъ Отцу Божествѣ Сына Божія. а противное ему ученіе аріанское подвергли осужденію и проклятію. Но вскорѣ враги вѣры, замолкшіе на время, нашли возможность снова дѣйствовать на погибель душъ христіанскихъ. Костантинъ, тронутый мольбами умиравшей сестры своей Констанціи, принялъ въ свою довѣренность одного ея пресвитера, преданнаго Арію, и клеветами аріанъ на Аѳанасія былъ доведенъ до того, что наконецъ, не принимая никакихъ оправданій отъ Аѳанасія, осудилъ его на заточеніе въ галльскій городъ Триръ. Это было въ началѣ 336 года.

Аѳанасій, по собственнымъ словамъ его, возстановленъ былъ уже съ общаго согласія Констанція, Константина младшаго и Константа чрезъ два года съ небольшимъ. Вступленіе св. Аѳанасія въ Александрію ознаменовано было необыкновеннымъ торжествомъ.

Но едва успѣлъ святитель утвердиться на своемъ престолѣ, какъ враги начали готовить ему новое изгнаніе. Они начали клеветать, что на обратномъ пути изъ Трира въ Египетъ Аѳанасій всюду производилъ своевольства и насилія, низлагая епископовъ,—что вступленіе его въ Александрію сопровождалось возмущеніями, убійствами, — что онъ возвратился на прежнее епископское мѣсто безъ соборнаго разрѣшенія,—что вмѣсто того, чтобы собирать, по закону Константина Великаго, пшеницу для пропитанія сиротъ и особенно для таинства Евхаристіи, онъ продавалъ эту пшеницу по высокой цѣнѣ и деньги обращалъ въ свою пользу. Для опроверженія этихъ новыхъ клеветъ Аѳанасій по-

сылалъ къ императору нѣсколько человѣкъ изъ своего клира, но уже было поздно; аріане уже успѣли овладѣть душою Констанція. Въ Александрію назначенъ былъ новый епископъ, нѣкто Григорій Каппадокійскій, злѣйшій аріанинъ. Св. Аѳанасій спасся бѣгствомъ въ Римъ къ папѣ Юлію, который созвалъ въ Римъ соборъ, и на немъ невинность св. Аѳанасія признана была всѣми западными епископами. Такимъ образомъ святитель и жилъ покойно на западѣ въ общеніи римской Церкви, пока не вступился за него младшій Константинъ. Когда Аѳанасій въ 349 году снова возвратился въ Александрію, радость православныхъ была неописанна: самые враги его искали его дружбы и то публично проклинали Арія, то приходили къ святителю тайно ночью и оплакивали предъ нимъ свои заблужденія. Казалось, св. Аѳанасій будетъ съ этого времени совершенно безопасенъ отъ всякой злобы своихъ враговъ, тѣмъ болѣе, что сильная рука Константина младшаго всегда была готова на защиту православія. Но Константинъ былъ убитъ въ январѣ 350 года Магненціемъ, и для Аѳанасія начались новыя испытанія.

Враги Аѳанасія не замедлили воспользоваться смертію Константина для своихъ цѣлей. Они снова приступили къ Констанцію съ разными клеветами на святителя. Во-первыхъ, они говорили, что Аѳанасій, когда жилъ на западѣ, безпрестанно возбуждалъ Константа противъ Констанція; во-вторыхъ, велъ дружескую переписку съ Магненціемъ; въ-третьихъ, въ неосвященномъ и неоконченномъ храмѣ дѣлалъ церковныя собранія и отправлялъ Богослуженія. Констанцій, издавна расположенный въ

пользу еретиковъ и не стѣсняемый уже Констанцомъ, приказалъ изгнать Аѳанасія изъ Александріи и вскорѣ прислалъ туда новаго епископа, Георгія, въ душѣ идолопоклонника, наказавъ ему не щадить никого изъ православныхъ. Уполномоченные имъ аріане дѣйствительно воздвигли ужасное гоненіе на Церковь Божію не только въ Александріи и Египтѣ, но и во всей имперіи. Что же касается собственно до Аѳанасія, то они искали его во всѣхъ домахъ Александріи, спрашивали по всѣмъ дорогамъ, осматривали корабли, обѣгали пустыни, грабили и тѣснили изъ-за него всякаго, къ кому только хотѣли привязаться; но нигдѣ не могли найти св. Аѳанасія. Изъ сочиненій самого Аѳанасія видно, что онъ скрывался въ это время въ пустынѣ. Такъ-то бѣдственно долженъ былъ влачить жизнь великій святитель, переходя изъ одного мѣста въ другое и нигдѣ не находя себѣ вѣрнаго пристанища съ 356 до 361 года. Но и вдали отъ своей Церкви онъ много трудился для Церкви: не могши научать живымъ словомъ, онъ тѣмъ больше писалъ въ назиданіе православныхъ и противъ еретиковъ, такъ что почти всѣ лучшія его сочиненія, какія дошли до насъ, суть плоды невольнаго его удаленія.

Съ воцареніемъ Юліана, Аѳанасій опять получилъ свой престолъ. Но такъ какъ мудрыя мѣры Аѳанасія сопровождались видимымъ благоденствіемъ православныхъ и многочисленными обращеніями къ истинной вѣрѣ язычниковъ, то языческіе жрецы и волхвователи въ одинъ голосъ стали жаловаться императору на св. Аѳанасія. Богоотступникъ за это хотѣлъ отмстить святителю не

только изгнанiемъ, а и самою смертiю. Но Промыслъ спасъ этого ревнителя вѣры. Вскорѣ Юлiанъ потерялъ престолъ и жизнь; преемникомъ сдѣлался Iовiанъ, который, тотчасъ по вступленiи на престолъ (въ 363 г.), не только возвратилъ св. Аѳанасiя александрiйской паствѣ, но и просилъ у него наставленiй въ православной вѣрѣ.

Валентъ, которому братъ ето Валентинiанъ ввѣрилъ управленiе востокомъ (въ 365 г.), скоро увлекся въ сѣти арiанъ, и въ 367 г. повелѣлъ правителямъ областей изгонять всѣхъ епископовъ, низложенныхъ при Констанцiи и послѣ снова возстановленныхъ при Юлiанѣ. Но александрiйскiй народъ готовъ былъ возмутиться изъ-за малѣйшаго насилiя архипастырю, что побудило правителя отсрочить изгнанiе Аѳанасiя и послать императору донесенiе объ опасномъ состоянiи умовъ въ Александрiи. Несмотря на то, святитель нашелъ нужнымъ въ 5 разъ оставить Александрiю; вечеромъ, тайно отъ всѣхъ, онъ вышелъ въ ближайшее поле и скрывался цѣлыхъ 4 мѣсяца въ селенiи, гдѣ были погребены его родные. На другой день послѣ удаленiя св. Аѳанасiя изъ города, народъ узналъ объ этомъ и такъ сильно, такъ настойчиво требовалъ свободы своему архипастырю, что префектъ далъ слово въ возможной скорости испросить на то дозволенiе у императора. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени получено было повелѣнiе возвратить Аѳанасiя въ городъ. Послѣ того уже страшились возмущать покой его. Онъ преставился 3-го мая 373 года, послѣ 47-ми лѣтняго управленiя александрiйскою Церковiю.

— —

Подлинными сочиненіями св. Аѳанасія Александрійскаго признаются слѣдующія: 1) Слово противъ язычниковъ, или противъ идоловъ; 2) Слово о воплощеніи Бога Слова; 3) Изложеніе вѣры; 4) Апологія противъ аріанъ; 5) Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора; 6) Объ образѣ мыслей Діонисія Александрійскаго; 7) Апологія къ императору Констанцію; 8) Апологія о своемъ бѣгствѣ; 9) Исторія аріанъ; 10) Четыре слова противъ аріанъ; 11) Двѣ книги противъ Аполлинарія; 12) Книга о Троицѣ и Св. Духѣ; 13) О воплощеніи Бога Слова и противъ аріанъ; 14) Жизнь св. Антонія; 15) Изъясненіе на псалмы и отрывки изъ толкованій на Іова, Пѣснь Пѣсней, на Евангелія Матѳея и Луки и посланія къ евреямъ; 16) Нѣсколько словъ на праздники (на Вознесеніе, Благовѣщеніе и на Крестъ Господень) и бесѣдъ на нѣкоторыя мѣста Св. Писанія (Матѳ. XI, 27 и проч.) и наконецъ 17) около 30 писемъ, или посланій. Всѣ сочиненія Аѳанасія Великаго изданы на русскомъ языкѣ, въ редакціи „Твореній св. отцевъ“.

1) *Въ словѣ противъ язычниковъ* сначала излагается ученіе о происхожденіи, распространеніи и суетности идолопоклонства, а затѣмъ о познаніи истиннаго Бога, во-первыхъ, посредствомъ размышленія о разумной и безсмертной душѣ человѣческой и, во-вторыхъ, чрезъ разсматриваніе видимой природы (Рим. I, 20. Дѣян. XIV. 14).

2) *Слово о воплощеніи Бога Слова.* Въ немъ св. Аѳанасій доказываетъ сначала, что міръ произошелъ не случайно и не изъ прежде существовавшей матеріи,—доказываетъ для того, чтобы не показалось страшнымъ ученіе объ искупленіи твари чрезъ Сына

Божія, Который сотворилъ ее; затѣмъ излагаетъ ученіе о воплощеніи Сына Божія, Спасителя міра и, наконецъ, опровергаетъ возраженія іудеевъ и язычниковъ противъ этого догмата вѣры.

3) *Изложеніе вѣры* есть не что иное, какъ краткій *символъ*, въ которомъ изложено ученіе вѣры о единомъ, Тріѵпостасномъ Богѣ, прямо противъ заблужденій савелліанъ, патрипассіанъ, тритеистовъ (тре-божниковъ) и аріанъ.

4) *Объ опредѣленіяхъ Никейскаго Собора* (написано около 354 года). Одному изъ друзей св. Аѳанасія захотѣлось подробно узнать основанія ученія, содержащагося въ словахъ Никейскаго Символа—*единосущна Отцу*. Св. Аѳанасій пишетъ къ нему это сочиненіе, въ которомъ доказываетъ, на основаніи свидѣтельствъ Св. Писанія, что Сынъ Божій называется Сыномъ не по усыновленію, а по естеству, и затѣмъ доказываетъ единосущіе Его съ Богомъ Отцемъ и опровергаетъ возраженія аріанъ.

5) *Апологія къ императору Констанцію* написана св. Аѳанасіемъ въ 356 г. Опровергаетъ въ ней представленныя императору противъ него клеветы аріанъ, будто бы онъ вооружалъ противъ Констанція брата Константа, будто бы сносился съ Магненціемъ; признаетъ справедливымъ только одно, что сдѣлалъ церковныя собранія въ неосвященномъ храмѣ. Но оправдывается въ этомъ: 1) тѣснотою въ старыхъ храмахъ, 2) неотступною просьбою народа, 3) примѣрами предшественника своего еп. Александра и епископовъ аквилейскихъ, 4) примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи—Зоровавеля и Ездры и, наконецъ, 5) словами І. Хр., Который училъ мо-

литься даже въ клѣти, не только что въ неосвященной церкви.

6) *Объ образѣ мыслей Діонисія, еп. Александрійскаго.* Аріане толковали въ свою пользу нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Діонисія, гдѣ онъ говоритъ противъ савелліанъ объ ѵпостасномъ различіи Бога Отца отъ Бога Сына. Св. Аѳанасій доказываетъ и контекстомъ, и параллелизмомъ различныхъ сочиненій Діонисія, что у него рѣшительно ничего нѣтъ похожаго на аріанское ученіе.

7) *Апологія о своемъ бѣгствѣ* написана около 358 г. Извѣстно, что св. Аѳанасій, спасая жизнь свою отъ убійственныхъ рукъ Георгія, назначеннаго, по волѣ Констанція, вмѣсто него епископомъ александрійскимъ, удалился въ пустыню. Аріане чрезвычайно сожалѣли объ этомъ спасеніи св. Аѳанасія и съ досады стали упрекать его въ малодушіи. Противъ такого упрека св. Аѳанасій пишетъ въ этой апологіи, что безчестно преслѣдовать невинныхъ людей, а спасаться отъ беззаконнаго преслѣдованія нисколько не предосудительно; въ доказательство 1) приводитъ примѣры Іакова, Моисея, Иліи, Павла и другихъ Апостоловъ, 2) указываетъ на примѣры и заповѣдь Самого І. Христа (Матѳ. X, 14. 23).

8) *Въ исторіи аріанъ*, написанной въ 358 г. по просьбѣ монаховъ, св. Аѳанасій довольно подробно излагаетъ гоненія на православныхъ отъ послѣдователей Арія до 357 года, описываетъ, какъ, по волѣ Констанція, принуждали папу Ливерія, Осію Кордубскаго и другихъ православныхъ епископовъ къ подписанію аріанскаго ученія и къ осужденію его— Аѳанасія.

9) *Четыре слова противъ аріанъ.* Въ первомъ пи-

шетъ св. Аѳанасій, что аріане вводятъ новую вѣру, и опровергаетъ множество возраженій аріанъ противъ православнаго ученія (12); во второмъ доказываетъ, что Сынъ Божій есть не сотворенное Существо, но Богъ вѣчный, и опровергаетъ аріанское толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія (Притч. VIII, 22; Евр. III, 2; Дѣян. II, 36); въ третьемъ доказываетъ единосущіе Божія Сына съ Отцемъ, изъясняя притомъ нѣкоторыя мѣста Писанія, гдѣ Іисусъ Христосъ представляется со свойстами существа ограниченнаго, и опровергая нѣкоторые софизмы аріанскіе (напр., по волѣ Богъ Отецъ родилъ Сына или по неволѣ? Аѳанасій отвѣчаетъ: по волѣ или нѣтъ Богъ благъ?); въ четвертомъ сначала разсуждаетъ о различіи ѵпостасей Бога Отца и Сына и единствѣ естества ихъ; затѣмъ опровергаетъ мысль аріанъ, будто Сынъ Божій называется Сыномъ не въ собственномъ смыслѣ, и ученіе Павла Самосатскаго, будто Сынъ Божій есть Христосъ, а Слово—совсѣмъ другое существо.

10) *Въ двухъ книгахъ противъ Аполлинарія* св. отецъ приводитъ и опровергаетъ различныя мнѣнія аполлинаристовъ, изъ коихъ одни, пишетъ онъ, думали, что Слово (т.-е. Сынъ Божій) приняло только призрачное тѣло; другіе утверждали, что тѣло Его было несотворенное, небесное, въ которомъ души человѣческой, какъ причастной грѣху и злу, не было; иные, наконецъ, и въ томъ числѣ самъ Аполлинарій, учили, что тѣло Его было подобно нашему, но только души человѣческой разумной І. Христосъ не имѣлъ; вмѣсто нея у Него былъ умъ Божественный.

11) *Изъ посланій, или писемъ, св. Аѳанасія* замѣчательны:

а) Посланіе къ епископу Серапіону. Въ этомъ посланіи св. Аѳанасій возстаетъ противъ тѣхъ изъ еретиковъ, которые хотя не соглашались съ аріанами и исповѣдывали Сына истиннымъ Богомъ, но нечестиво мыслили о Св. Духѣ, представляя Его существомъ сотвореннымъ, однимъ изъ служебныхъ духовъ, отличнымъ отъ Ангеловъ только степенью.

б) Письмо къ тому же епископу Серапіону, написанное св. Аѳанасіемъ по его просьбѣ, объ обстоятельствахъ смерти и о самой смерти Арія, случившейся наканунѣ дня вступленія его въ Церковь, исходатайствованнаго аріанами у императора, вопреки волѣ Александра, еп. константинопольскаго.

в) Окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіи, написанное св. Аѳанасіемъ въ то время, когда онъ, спасшись отъ *Сиріана*, скрывался въ разныхъ тайныхъ убѣжищахъ. Въ немъ св. архипастырь убѣждаетъ епископовъ быть осмотрительными съ аріанами, не подписывать ихъ вѣроисповѣданій, а подъ конецъ излагаетъ и опровергаетъ аріанское ученіе.

г) Посланіе къ Драконтію, епископу одного мѣстечка, неподалеку отъ Александріи, убѣжавшему въ пустыню либо по страху предстоявшаго гоненія (по смерти Константина, защитника Аѳанасія), либо потому, что ему не нравилось епископство. Св. Аѳанасій, обличая эти и подобныя побужденія, увѣщаваетъ его возвратиться.

XXIII.

Св. Василій Великій.

Святый Василій Великій родился около 330 года въ Кесаріи, главномъ городѣ Каппадокіи, отъ Василія и Емиліи, славившихся христіанскимъ благочестіемъ. Первые уроки въ наукахъ св. Василій Великій слушалъ отъ отца своего въ Понтійскомъ училищѣ въ Неокесаріи, потомъ учился у просвѣщенныхъ пастырей христіанскихъ въ Кесаріи Каппадокійской, а дальнѣйшее образованіе получилъ въ Константинополѣ и наконецъ въ Аѳинахъ, гдѣ пробылъ около четырехъ или пяти лѣтъ и гдѣ пріобрѣлъ себѣ искренняго и преданнаго друга въ Григоріи Богословѣ. На возвратномъ пути изъ Аѳинъ, въ 355 году, св. Василій Великій въ Кесаріи Каппадокійской, по просьбѣ тамошнихъ гражданъ, далъ нѣсколько публичныхъ лекцій, которыя сопровождались шумными рукоплесканіями. Затѣмъ св. Василій обращается къ образованію своего сердца подъ руководствомъ наставниковъ благочестія и въ 357 году путешествуетъ по Месопотаміи, Кенесиріи, Палестинѣ и Египту, повсюду встрѣчаетъ множество подвижниковъ, слушаетъ ихъ благочестивыя рѣчи, удивляется ихъ святымъ подвигамъ и болѣе и болѣе воспламеняется святымъ желаніемъ посвятить остальные годы свои уединенной, созерцательной жизни.

Возвратившись въ отечество, св. Василій спѣшитъ удалиться въ Понтъ для иноческихъ подвиговъ. Мѣстомъ своего подвижничества онъ избираетъ одну гору на берегу рѣки Ириса, покрытую ча-

стымъ лѣсомъ, гдѣ никакой путникъ не нарушаетъ безмолвія, исключая развѣ звѣролова, и начинаетъ вести самую строгую жизнь. У него ничего нѣтъ, кромѣ одной нижней и другой верхней одежды; пища его — хлѣбъ съ солью, питье — вода, сонъ его кратокъ и притомъ на голой землѣ. Другъ его Григорій вскорѣ прибылъ къ нему сюда и нѣсколько времени раздѣлялъ съ нимъ уединеніе и подвиги. Отъ разныхъ черныхъ работъ руки обоихъ подвижниковъ покрываются мозолями; Василій и Григорій то обтесываютъ камни, то удобряютъ землю, то садятъ и поливаютъ деревья и овощи. Отдыхая отъ этихъ трудовъ, они занимаются молитвою, поютъ псалмы, изучаютъ Св. Писаніе и писанія отеческія, и изъ произведеній Оригена дѣлаютъ извлеченія всего, что заключалось въ нихъ прекраснаго, — извлеченіе, извѣстное подъ именемъ Филокаліи. Вскорѣ, впрочемъ, уединеніе Василія нарушено было стеченіемъ къ нему множества людей, желавшихъ пользоваться его наставленіями и примѣромъ. Онъ учитъ новыхъ подвижниковъ строить монастыри, помогать другъ другу въ нуждахъ, заниматься пѣснопѣніями и молитвою, строить пріюты для бѣдныхъ, и самъ для нихъ служитъ образцомъ во всемъ!

Но наступило наконецъ для Василія время общественной дѣятельности ко благу Церкви. Около 362 года онъ вызванъ былъ изъ Понта въ Кесарію и возведенъ въ санъ пресвитера кесарійскимъ архіепископомъ Евсевіемъ *). Особенную услугу оказалъ онъ въ пресвитерскомъ санѣ Каппадокійской

---

*) Онъ, по прибытіи изъ Аѳинъ въ Кесарію, былъ поставленъ въ чтеца Діаніемъ, предшественникомъ Евсевія.

области во время сильнаго голода, случившагося въ 365 году отъ засухи. Отворивъ своими увѣщаніями и мольбами житницы богатыхъ для бѣдныхъ, онъ самъ собиралъ послѣднихъ, раздавалъ имъ изъ собственныхъ рукъ хлѣбъ и похлебку, у нѣкоторыхъ омывалъ ноги, по примѣру Іисуса Христа, и укрѣплялъ каждаго собственнымъ словомъ болѣе, чѣмъ милостынею.

Въ 370 году Евсевій, послѣ восьмилѣтняго управленія кесарійскою паствою, скончался на рукахъ Василія. Собравшіеся въ Кесарію епископы и жители Кесаріи разногласили относительно избранія новаго епископа, но маститый старецъ Григорій, епископъ назіанзскій, отецъ Григорія Богослова, прекратилъ своими стараніями всѣ ихъ разногласія, и св. Василій Великій поставленъ былъ епископомъ кесарійскимъ.

Епископскій санъ нисколько не измѣнилъ нравовъ Василія. Несмотря на богатые доходы кесарійской Церкви, онъ продолжалъ жить попрежнему въ бѣдности. Епископскій санъ только открылъ ему обширнѣйшее поле для полезной дѣятельности. Сознавая вполнѣ долгъ учительства, онъ не только въ каждый воскресный день и въ каждый праздникъ говорилъ проповѣди, но собиралъ около себя народъ и въ рабочіе дни, утромъ и вечеромъ, и изъяснялъ Св. Писаніе до тѣхъ поръ, пока не замѣчалъ, что нужно нѣкоторымъ дать свободу и время для другихъ занятій, или пока наконецъ не отказывалась ему служить его слабая грудь. Имъ была устроена въ Кесаріи богадѣльня, которая была до того обширна, что казалась цѣлымъ городомъ, и въ ней самъ онъ ходилъ за больными.

Внимательность и безпристрастіе, съ какими онъ избиралъ въ свои клирики, сдѣлали кесарійскій клиръ образцовымъ, такъ что сосѣднія Церкви не рѣдко обращались въ Кесарію за хорошимъ человѣкомъ, когда имѣли нужду въ новомъ епископѣ или пресвитерѣ. Изъ писемъ св. Василія видно, что онъ, управляя кесарійскою Церковію, не менѣе заботился о мирѣ и благоденствіи всей Христовой Церкви.

Въ 371 году *Императоръ Валентъ* вздумалъ, во что бы то ни стало, склонить на сторону аріанъ кесарійскую Церковь и ея архіепископа. Посланный отъ него префектъ Модестъ ни ласками, ни обѣщаніями, ни всѣми угрозами не могъ поколебать твердости св. Василія. Это сначала возбудило уваженіе въ императорѣ къ доблестному архипастырю кесарійскому и избавило было его отъ преслѣдованія; но спустя немного, по внушенію аріанъ, онъ предписалъ выѣхать немедленно св. Василію изъ Кесаріи. Богъ не допустилъ и этому предписанію исполниться. Въ эту самую ночь, когда Валентъ подписалъ этотъ указъ, сильно заболѣлъ шестилѣтній сынъ его Галатій,—всѣ врачебныя пособія были безуспѣшны. Императоръ, по внушенію своей супруги, вразумленной сновидѣніемъ, обратился къ св. Василію Великому, сталъ просить его спасительной молитвы. Только что Василій Великій вступилъ въ царскіе чертоги,—дитя выздоровѣло, а чудотворецъ спасся отъ заточенія. Изъ всѣхъ несчастій Василія Великаго едва ли не самое чувствительное для него было слѣдующее. Онъ давно уже зналъ съ хорошей стороны епископа севастійскаго Евстаѳія и питалъ къ нему необыкновенное

уваженіе. Но въ 376 году Евстаѳій открыто присоединился къ аріанамъ и даже сталъ клеветать на Василія Великаго, обвинялъ его въ сношеніи отъ Аполлинаріемъ. Цѣлыхъ три года страдалъ и плакалъ Василій Великій отъ этой неожиданной измѣны и едва, какъ самъ писалъ, не сдѣлался человѣконенавистникомъ. Отъ трудовъ пастырскаго служенія и скорбей житейскихъ быстро истощались силы Василія Великаго и на 50-мъ году повергли его уже на смертный одръ. Въ 1 день января 379 года, со словами: Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой, онъ спокойно отошелъ къ Богу.

Отъ св. Василія Великаго дошли до насъ слѣдующія сочиненія: 1) 9 бесѣдъ на Шестодневъ; 2) три книги противъ Евномія; 3) книга о Св. Духѣ къ св. Амѳилохію, епископу иконійскому; 4) 31 бесѣда различнаго содержанія (на слова: разорю житницы моя и большія созижду; внемли себѣ, о постѣ, о зависти, противъ пьянствующихъ и проч.); 5) 17 бесѣдъ на псалмы, именно: 1, 7, 14, 28, 29, 32, 44, 45, 48, 59, 61, 114 и 115; 6) монашескія постановленія и правила пространныя и краткія, изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ; 7) пять словъ о подвижничествѣ; 8) нѣсколько нравственныхъ наставленій; 9) болѣе 400 писемъ къ разнымъ лицамъ и наконецъ 10) литургія и нѣсколько молитвъ предъ пріобщеніемъ Св. Тайнъ: Вѣмъ, Господи, яко недостойнѣ причащаюся; въ навечеріе пятьдесятницы: незлобиве...

1) Въ девяти бесѣдахъ на Шестодневъ св. Василій Великій объясняетъ исторію творенія міра изъ первой главы книги Бытія. Св. отецъ смотритъ

на видимую природу, какъ на училище боговѣдѣнія, какъ на мѣсто образованія душъ человѣческихъ (бес. на Шест.). Поэтому, толкуя слова бытописанія, объясняетъ образъ жизни и свойства видимыхъ тварей, привычки животныхъ четвероногихъ, птицъ, рыбъ и проч.; во всемъ показываетъ слѣды высочайшей премудрости и благости Божіей; изъ всего извлекаетъ уроки, назидательные для нашей жизни; учитъ прославлять наилучшаго Художника, премудро и искусно сотворившаго міръ, и изъ красоты видимаго міра разумѣвать превосходящаго красотою всѣхъ.

2) Въ трехъ книгахъ *противъ Евномія*, аріанскаго епископа, Василій Великій опровергаетъ его апологію, написанную противъ православнаго ученія въ защиту аріанства.

3) Поводомъ къ написанію *книги о Св. Духѣ къ св. Амфилохію* было слѣдующее: Василій Великій заключалъ возгласы въ церкви иногда такъ: слава Отцу съ Сыномъ вкупѣ со Св. Духомъ, а иногда такими словами: слава Отцу чрезъ Сына во Св. Духѣ; люди злонамѣренные и особенно еретики стали давать этимъ выраженіямъ превратный смыслъ и даже обвинять св. отца въ противорѣчіи. Св. Амфилохій просилъ Василія Великаго объяснить, для вразумленія заблуждающихся, равнозначительность обоихъ этихъ славословій. Вслѣдствіе этой просьбы св. Василій Великій въ упомянутомъ сочиненіи доказываетъ, что выраженіе: чрезъ Сына—вовсе не означаетъ того, что Сынъ есть только орудіе Отца и по природѣ ниже Отца; затѣмъ, предложивъ ученіе о Божествѣ Духа Святаго, доказываетъ, что выраженіе: чрезъ Сына со Св. Ду-

хомъ и во Св. Духѣ — нимало не противорѣчитъ этому ученію. Въ концѣ представляетъ св. отецъ въ самой печальной картинѣ состояніе Церквей, въ какомъ находились онѣ въ его время; споры и раздоры о предметахъ вѣры уподобляетъ морской битвѣ, въ которую мужи браннолюбивые и привыкшіе къ морскимъ сраженіямъ вступили съ раздраженіемъ другъ противъ друга за давнія обиды. Всѣ творенія св. Василія Великаго имѣются на русскомъ языкѣ, въ редакціи „Творенія св. отцевъ".

XXIV.

Св. Григорій Богословъ.

Св. Григорій Богословъ родился около 326 года въ Аріанзѣ, незначительномъ мѣстечкѣ близъ города Назіанза. Отецъ его, Григорій же, довольно богатый человѣкъ, сначала по вѣрѣ принадлежалъ къ сектѣ ипсистовъ, потомъ, по убѣжденію своей супруги Нонны, онъ обратился къ вѣрѣ во Христа и, оставивъ должность градоначальника, сдѣлался епископомъ назіанзскимъ. Весьма замѣчательно самое рожденіе св. Григорія. Онъ былъ сынъ молитвы материей и прежде рожденія посвященъ Богу, какъ нѣкогда Самуилъ. И благочестивая Нонна съ самыхъ раннихъ лѣтъ Григорія поучала его все приносить въ жертву Богу и примѣромъ своей жизни, и примѣрами святыхъ Божіихъ. Высокіе образцы чистой и святой жизни, которыми окруженъ былъ Григорій, скоро отразились въ его впечатлительной душѣ, упражненіе въ словѣ Божіемъ постоянно возносило мысль его къ горнему и располагало къ жизни подвижнической. Начало образованія Гри-

горіева въ свѣтскихъ наукахъ положено было въ Кесаріи Каппадокійской. Отсюда онъ отправился въ Кесарію Палестинскую, гдѣ процвѣтало училище краснорѣчія, а изъ Кесаріи Палестинской въ Александрію, куда и въ его время продолжали стекаться искатели просвѣщенія. Но, увлекаемый пылкою любознательностію, онъ чрезъ нѣсколько времени рѣшился ѣхать еще въ Аѳины. Аѳинскія училища дали Григорію лучшихъ учителей того времени, каковы: Имерій и Прооресій. Черезъ пять лѣтъ пребыванія въ Аѳинахъ св. Григорій думалъ оставить Аѳинскую академію, но товарищи его и наставники такъ настойчиво просили его остаться при нихъ еще на нѣсколько времени, что онъ, при своей чувствительности, никакъ не могъ отказать имъ въ этомъ. По просьбамъ тѣхъ же друзей онъ далъ въ Аѳинской академіи нѣсколько уроковъ словесности. Наконецъ уловилъ благопріятный случай, тайно выѣхалъ изъ Греціи, чрезъ Константинополь прибылъ на свою родину и поселился въ домѣ своихъ родителей. Помогая своимъ родителямъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ, св. Григорій жилъ у нихъ, однакожъ, настоящимъ монахомъ; пищею для него служилъ черствый хлѣбъ съ солью, питьемъ—простая вода, одеждою—бѣдное рубище, постелью—голая земля, постояннымъ предметомъ—молитва и слово Божіе. Между тѣмъ св. Василій, подружившись съ Григоріемъ въ Аѳинахъ, со всею настойчивостію звалъ своего друга въ пустыню, увлекательно описывая ему свой образъ жизни въ уединеніи и изъяснялъ, какъ много онъ способствуетъ благочестивымъ подвигамъ. Св. Григорій рѣшился, наконецъ, отправиться въ Понтъ къ св. Василію

и прожилъ тамъ нѣсколько времени. Между тѣмъ отецъ св. Григорія, епископъназіанзскій, имѣлъ нужду въ пособіи сына по дѣлу пастырскаго служенія, вызвалъ его изъ понтійскаго уединенія къ себѣ и противъ его воли поставилъ его въ священники. Это было 25-го декабря 362 года. Св. Григорій очень недоволенъ былъ такимъ поступкомъ отца и убѣжалъ въ Понтъ къ св. Василію; къ Пасхѣ принужденъ былъ возвратиться въ Назіанзъ, угрожаемый гнѣвомъ отца и бурными толками назіанзскихъ гражданъ. Святитель дѣйствительно много помогъ своему отцу въ примиреніи его съ паствою и монахами, которые отпали было отъ него за то, что онъ подписалъ въ простотѣ своей полуаріанское изложеніе вѣры, и въ управленіи наслѣдственными имѣніями. Такъ провелъ онъ 10 лѣтъ. Въ 372 году дружба св. Григорія съ Василіемъ Великимъ едва не прервалась, когда св. Василій противъ воли Григорія постановилъ его епископомъ въ Сасимы, бѣдное селеніе на самомъ большомъ каппадокійскомъ трактѣ, гдѣ сходились вмѣстѣ три дороги. Впрочемъ Анѳимъ, епископъ тіанскій, готовый всѣми мѣрами присвоить себѣ власть надъ Сасимами, избавивъ его отъ управленія сасимскою Церковью, поставилъ туда заблаговременно своего епископа. Св. Григорій увидѣлъ тогда, что ему нельзя утвердиться въ Сасимахъ иначе, какъ посредствомъ насилія; но это было бы крайнимъ соблазномъ для всѣхъ, и потому онъ удалился на одну гору для иноческихъ подвиговъ. Чрезъ нѣсколько времени, по просьбѣ своего отца, онъ прибылъ на родину и принялъ дѣятельное участіе въ управленіи назіанзскою паствою, которую онъ любилъ отечески; на

него особенно возложено было проповѣданіе слова Божія и посвященіе пресвитеровъ. По смерти же отца своего, въ 374 году, онъ взялся на нѣсколько времени управлять всѣми дѣлами назіанзской Церкви, по неотступной просьбѣ назіанзской паствы, но съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы какъ можно скорѣе былъ избранъ на мѣсто отца его новый епископъ. Архипастырскіе труды сдѣлались тѣмъ обременительнѣе для Григорія, что онъ въ то время страдалъ различными болѣзнями; но несмотря на то, назіанзскіе христіане и не думали объ избраніи новаго епископа. Поэтому святитель, при первомъ удобномъ случаѣ, оставилъ Назіанзъ и удалился въ Селевкію. Тамъ жилъ онъ около 4 лѣтъ, до 379 года; но въ этомъ году, съ восшествіемъ на престолъ константинопольскій Ѳеодосія, нѣкоторые епископы и небольшое число православныхъ христіанъ, оживившись надеждою на возстановленіе порядка въ Церквахъ, потрясенныхъ сорокалѣтнимъ господствомъ аріанства, усиленными просьбами вызвали св. Григорія въ Константинополь. Прибывъ въ Константинополь, св. Григорій остановился въ домѣ однихъ благочестивыхъ своихъ родственниковъ. Вѣроятно не имѣя особаго мѣста для церковныхъ собраній, православные начали сходиться въ этомъ домѣ, какъ въ церковь. Святитель сильнымъ словомъ своимъ воскресилъ здѣсь православіе, отчего этотъ домъ и названъ храмомъ Анастасіи. Успѣхи проповѣди св. Григорія были необыкновенны: своими пятью словами о богословіи онъ пріобрѣлъ здѣсь множество новыхъ вѣрныхъ поклонниковъ Св. Троицы, а себѣ—имя Богослова.

Слава его краснорѣчія и его благочестивой рев-

ности распространилась очень далеко. Въ началѣ 380 года императоръ Ѳеодосій принялъ крещеніе отъ Асхолія, православнаго епископа ѳессалоніійскаго, и православные константинопольцы начали надѣяться, что св. Григорій будетъ наконецъ утвержденъ ихъ епископомъ. Но св. Григорій, видя шаткость константинопольскаго духовенства и непостоянство толпы въ отношеніи къ ея епископамъ, рѣшился было навсегда оставить столицу. Когда же онъ сказалъ константинопольцамъ прощальную рѣчь, то одни изъ нихъ рыдали вслухъ, другіе грозили проклятіями, если онъ оставитъ ихъ сирыхъ, и говорили, что вмѣстѣ съ нимъ удалится навсегда изъ Константинополя и вѣра въ Св. Троицу. Послѣднее особенно устрашило святителя, и какъ православные не выпускали его изъ церкви прежде, нежели онъ поклянется не выѣзжать изъ столицы, а святитель отъ самой купели далъ обѣщаніе не употреблять клятвъ,—то ему стоило необыкновенныхъ усилій увѣрить константинопольцевъ, что онъ поживетъ еще въ городѣ по крайней мѣрѣ до прибытія епископовъ египетскихъ и македонскихъ, которыхъ ожидали уже туда съ каждымъ днемъ. Въ ноябрѣ 380 года императоръ Ѳеодосій, къ общей неописанной радости православныхъ, передалъ св. Григорію главный константинопольскій храмъ, находившійся до сего времени въ рукахъ аріанъ. Народъ, несмотря на отрицаніе самого святителя, понудилъ его занять праздный престолъ. Это избраніе не было, однакожъ, одобрено собравшимися епископами, особенно тѣми, вопреки которымъ святитель признавалъ необходимымъ оставить въ Антіохіи епископомъ Павлина послѣ смерти

Мелетія, скончавшагося на соборѣ. На соборѣ рѣшено было, что Григорій, имѣющій уже сасимское епископство, не можетъ по праву занять константинопольской каѳедры. Узнавъ объ этомъ, святитель объявилъ рѣшительное намѣреніе сложить съ себя бремя правленія константинопольскою Церковью, удалиться въ свое отечество Назіанзъ. Назіанзская Церковь находилась тогда въ самомъ разстроенномъ состояніи,—безъ пастыря и въ большомъ угнетеніи отъ аполлинаристовъ. Св. Григорій много заботился о благоденствіи этой любезной ему паствы и далъ ей въ епископа Евлалія, знаменитаго своими подвигами. Но зависть и здѣсь, по словамъ самого святителя, не переставала сражаться съ нимъ, хотя онъ и безъ того много терпѣлъ несчастій. Поэтому-то онъ, конечно, рѣшился провести остатокъ дней своихъ въ аріанзскомъ уединеніи; тамъ онъ удвоилъ и утроилъ аскетическіе свои подвиги. Онъ скончался мирно, около 390 года. Память—его 25-го января.

Св. Григорій Богословъ оставилъ намъ: 1) 45 словъ, или рѣчей; 2) 212 посланій и 3) болѣе 400 стихотвореній.

1) Изъ 45 словъ, вообще отличающихся высотою богословскаго ученія, силою чувства и изяществомъ рѣчи, особенно замѣчательны и важны по содержанію а) *пять словъ о богословіи* и б) *два обличительныя слова на Юліана.*

а) *Пять словъ о богословіи*, пріобрѣтшія св. Григорію имя Богослова, были произнесены имъ противъ евноміанъ и духоборцевъ въ Константинополѣ, въ храмѣ Анастасіи. Въ первомъ словѣ св. отецъ вооружатся противъ страсти того времени разсу-

ждать и разглагольствовать о предметахъ вѣры, объясняетъ, что не всѣ и не обо всемъ и притомъ въ мѣру должны разсуждать о Богѣ, что разсуждать должны только чистые душею и тѣломъ или очищающіеся,— о томъ, что не превышаетъ нашего разумѣнія, столько, сколько могутъ вмѣстить слушатели. Во второмъ словѣ разсуждаетъ о бытіи Бога, о духовности и непостижимости Его для насъ; говоря о послѣднемъ свойствѣ, напоминаетъ слушателямъ, что для насъ много непостижимаго не только въ мірѣ духовномъ, но и въ видимой природѣ; въ третьемъ— о Божественной природѣ Сына Божія, причемъ подробно раскрываетъ ту мысль, что въ Сынѣ Божіемъ даже и тогда, когда Онъ ради нашего спасенія принялъ немощное существо, величественно проявлялась Божественная слава; въ четвертомъ объясняетъ мѣста Св. Писанія (Притч. VIII, 22. I Кор. XV, 28. Дѣян. III, 20. Іоан. V, 12), которыя, по мнѣнію евноміанъ, говорили противъ Божества Сына Божія; въ пятомъ говоритъ о Духѣ Святомъ, о Его ѵпостасномъ бытіи (что онъ не есть сила или свойство), о Его Божествѣ и исхожденіи отъ Бога Отца.

б) *Въ первомъ словѣ на Юліана* св. Григорій старается изобразить нечестіе и развращеніе Юліана и для того живыми чертами описываетъ всю его жизнь, особенно же останавливается на томъ, къ какимъ мѣрамъ какъ самъ Отступникъ, такъ другіе въ его царствованіе прибѣгли для искорененія христіанства, причемъ часто показываетъ превосходство христіанства предъ язычествомъ, то ссылаясь на чудесныя дѣйствія вѣры Христовой и ея внутреннія свойства, то разсматривая язычество

съ его недостатками и нелѣпостями. *Во второмъ* разсказываетъ о томъ, какъ Юліанъ далъ іудеямъ дозволеніе возстановить Іерусалимскій храмъ, и какъ они, устрашенные многими небесными знаменіями, отказались отъ этого уже начатаго дѣла; описываетъ персидскій походъ Юліана и пораженіе его войска, его несчастный конецъ и его погребеніе.

2) Въ однихъ изъ своихъ стихотвореній св. Григорій Богословъ съ благоговѣніемъ, ученостію и изяществомъ кратко излагаетъ тѣ догматы, которые онъ пространнѣе изложилъ въ своихъ словахъ и посланіяхъ, и именно: возвышеннѣйшее и труднѣйшее ученіе о Св. Троицѣ, ученіе о сотвореніи міра и Промыслѣ, объ Ангелахъ добрыхъ и злыхъ, о душѣ человѣческой, о сотвореніи человѣка, о первобытномъ его состояніи, о первородномъ грѣхѣ, объ особенностяхъ ветхаго завѣта, о причинахъ воплощенія Сына Божія, о самомъ воплощеніи и его плодахъ для всего рода человѣческаго и т. п. Въ другихъ — вообще о нравственно-богоугодной жизни, о добродѣтели, о томъ, что составляетъ ея сущность, какъ трудно она пріобрѣтается, — раскрываетъ и восхваляетъ различныя частныя добродѣтели, даетъ прекрасныя наставленія молодымъ людямъ, занимающимся науками, показывая, какая высшая цѣль наукъ и образованія; сравниваетъ жизнь мірскую и супружескую съ жизнію подвижническою и дѣвственною и показываетъ превосходство послѣдней предъ первой; сильно возстаетъ противъ нравственныхъ недостатковъ и пороковъ современнаго ему общества, осуждаетъ гнѣвливость, привязанность къ богатству и скупость, въ рѣзкихъ выраженіяхъ обличаетъ страсть женщинъ къ

нарядамъ, порицаетъ привычку часто клясться и мн. др. Въ третьихъ подробно описываетъ обстоятельства своей жизни, свои обѣты и свои подвиги. Эти послѣднія стихотворенія проникнуты, съ одной стороны, живѣйшею скорбію, съ другой—полною преданностію Промыслу.

XXV.

Преподобный Ефремъ Сиринъ.

Ефремъ Сиринъ, прозванный отъ современниковъ „пустыннымъ соловьемъ“ и „Сирскимъ пророкомъ“, родился отъ бѣдныхъ родителей, жившихъ въ окрестностяхъ Низибіи. О предкахъ своихъ самъ Ефремъ говоритъ: родившіе меня по плоти внушили мнѣ страхъ Господень... Отъ предковъ я получилъ наставленіе о Христѣ... Предки мои исповѣдали Христа предъ судіею: я—родственникъ мученикамъ“.

Пламенный отъ природы, онъ въ юности своей былъ раздражителенъ: „за маловажныя дѣла вступалъ въ ссоры, поступалъ безразсудно, предавался худымъ замысламъ и блуднымъ мыслямъ... Но Промыслъ Божій вразумилъ мою пылкую молодость“,—говоритъ о себѣ св. отецъ. Попавшись, за несправедливое обвиненіе въ покражи овецъ, въ темницу, онъ опытомъ дозналъ, что никакіе грѣхи не остаются безъ наказанія...

Событіе это такъ поразило Ефрема, что онъ вскорѣ оставилъ міръ и удалился въ горы къ отшельникамъ, гдѣ сталъ ученикомъ св. Іакова Низибійскаго, съ которымъ былъ на вселенскомъ Никейскомъ соборѣ. Подъ руководствомъ Іакова, Ефремъ,

упражняясь въ подвигахъ благочестія, изучалъ Слово Божіе и училъ другихъ въ училищѣ; но по смерти св. Іакова, когда персы овладѣли Низибіею и разрушили въ ней училище, св. Ефремъ удалился въ Едессу.

Въ Едессѣ, по особенному Божественному откровенію и призванію, св. Ефремъ началъ устно и письменно поучать вѣрѣ и благочестію. Для успѣха въ своемъ благочестивомъ дѣлѣ, онъ открылъ здѣсь училище, изъ котораго впослѣдствіи вышли знаменитые учители Сирской Церкви.

Пламенный ревнитель чистой Христовой истины особенно заботился о православіи въ едесской Церкви и во всей вообще Месопотаміи, гдѣ сильнѣе другихъ были секты Вардесана и Арія. Со всею ревностію св. Ефремъ обличалъ и поражалъ эти отродія нечестія, несмотря на то, что его подвиги стоили ему великихъ трудовъ, бѣдъ и даже опасности для жизни. Изумительная твердость въ православіи, какую оказали жители Едессы при Валентѣ,—послѣ смерти св. Ефрема,—свидѣтельствуетъ, что подвиги св. Ефрема за православіе принесли прекрасный плодъ св. Церкви.

Изъ Едессы смиренный Ефремъ путешествовалъ по разнымъ странамъ, чтобы видѣть великихъ христіанскихъ подвижниковъ и поучиться у нихъ жизни христіанской. Въ Египтѣ онъ видѣлся и бесѣдовалъ съ великимъ Паисіемъ и другими египетскими подвижниками, у которыхъ оставилъ по себѣ память, какъ о богопросвѣщенномъ мужѣ. Въ Кесаріи видѣлъ Василія Великаго, который посвятилъ его въ діакона,—хотѣлъ облечь его саномъ пресвитера, но Ефремъ ни за что не согласился;

впослѣдствіи приглашалъ его даже на каѳедру епископа, но смиренный Ефремъ притворнымъ сумасшествіемъ отклонилъ отъ себя эту почесть, которой считалъ себя недостойнымъ.

По возвращеніи изъ путешествія, св. Ефремъ, чувствуя близость своей смерти, желалъ остатокъ жизни провесть въ уединеніи: въ это время онъ писалъ свои увѣщанія. Но голодъ, поразившій едессянъ, еще разъ вызвалъ его въ Едессу—на помощь страждущимъ: сильнымъ словомъ своимъ онъ заставилъ едесскихъ богачей, не хотѣвшихъ продавать лежавшій у нихъ хлѣбъ, облегчить страданія бѣдныхъ. И это былъ уже послѣдній подвигъ великаго отца для Церкви.

По возвращеніи изъ Едессы въ свое уединеніе, св. Ефремъ скоро заболѣлъ и, написавъ знаменитое завѣщаніе, мирно скончался въ 372 году. Память его 28-го января.

Отъ преподобнаго Ефрема осталось весьма много сочиненій. Въ русскомъ переводѣ, при редакціи „Творенія св. отцовъ", издано ихъ *шесть томовъ*. Въ однихъ изъ своихъ сочиненій св. Ефремъ является толкователемъ Св. Писанія, въ другихъ—обличителемъ ереси и пѣснопѣвцемъ Церкви, въ иныхъ—учителемъ христіанской жизни и въ частности проповѣдникомъ сердечнаго сокрушенія. Толкованія св. Ефрема составляютъ рѣдкую драгоцѣнность. Хорошо зная еврейскій языкъ и востокъ, св. Ефремъ сообщаетъ самыя вѣрныя и превосходныя объясненія на ветхій завѣтъ. Онъ объяснялъ Писаніе буквально, но не оставлялъ безъ объясненія и глубинъ созерцанія.—Какъ обличитель ереси и пѣсно-

пѣвецъ, св. Ефремъ не входилъ въ намѣренное разсмотрѣніе оснований, на которыхъ утверждается истина, а только указывалъ на эти основанія, при изліяніи чувствъ и благоговѣйныхъ размышленій; почти никогда не разбиралъ онъ и тѣхъ основаній, на которыхъ утверждались еретики въ своихъ мнѣніяхъ. Такой видъ этихъ твореній зависѣлъ отъ того, что они назначались для народнаго употребленія, а частію—для пѣнія въ храмѣ. Писаны они стихами и давали вѣрную побѣду надъ еретиками. Кромѣ многихъ церковныхъ пѣснопѣній—для Богослуженія, св. Ефремъ написалъ до 300,000 стиховъ—въ обличеніе еретиковъ и въ назиданіе вѣрныхъ. Ефремъ видѣлъ, сколько едессянъ плѣнялись музыкою и пѣніемъ, и рѣшился отвлечь ихъ отъ безчестныхъ пѣсней. Онъ собралъ дѣвъ обѣта и научилъ ихъ пѣснямъ и пѣнію попеременному—по клиросамъ. Онъ, какъ отецъ и какъ духъ ликоначальный, стоялъ среди нихъ, назначалъ имъ разныя пѣсни и училъ попеременному пѣнію, пока, наконецъ, весь городъ сталъ собираться къ нему, а враги разсѣялись.—Сочиненія св. Ефрема о христіанской жизни и проповѣди его о сокрушеніи сердечномъ составляютъ именную печать души его и вмѣстѣ его славу на всѣ вѣка. „Плакать для Ефрема, говоритъ св. Григорій Нисскій, было то же, что для другихъ дышать воздухомъ: день и ночь лились у него слезы". Въ своихъ наставленіяхъ онъ обнялъ почти весь кругъ нравственныхъ предметовъ и преподалъ вѣрное и полное понятіе о нравственномъ совершенствѣ и добродѣтели, безъ всякаго ригоризма и мистицизма: у него нѣтъ никакой крайности. И какъ церков-

ный ораторъ, св. Ефремъ занимаетъ самое высокое мѣсто между церковными ораторами. Его слово, при теплотѣ своей, отличается обиліемъ картинъ и переносныхъ выраженій. Оно течетъ, какъ потокъ, изъ чистаго сердца. Краснорѣчіе его—краснорѣчіе сердца,—самое естественное и благотворное; оно всегда живо, сильно, но вмѣстѣ кротко; предметы свои онъ обнимаетъ полно, выражаетъ ясно и вѣрно. Что касается до простоты, то Ефремъ и въ самыхъ высокихъ предметахъ понятенъ для каждаго.

(Чит. „Псалтирь Ефрема Сирина, изд. Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, или—„Цвѣты изъ сада Ефрема Сирина“, изданіе синодальное).

XXVI.

Св. Кириллъ, архіепископъ Іерусалимскій.

Кириллъ Іерусалимскій родился и воспитанъ въ нѣдрахъ Церкви іерусалимской; здѣсь же онъ проводилъ и свою подвижническую жизнь. Около 346 года св. подвижникъ посвященъ въ санъ пресвитера и въ этомъ санѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, говорилъ поученія готовящимся къ крещенію и новокрещеннымъ въ Церкви іерусалимской; а въ 350 году, по смерти Максима, посвященъ былъ въ санъ архипастыря Церкви іерусалимской.

Тяжела была для св. Кирилла пастырская жизнь; но велики были и знаменія Божіи при немъ. Церковь іерусалимская и при Максимѣ, и при Кириллѣ страдала отъ аріанъ, іудеевъ и манихеевъ. Въ 351 году, 7-го мая, около 9-ти часовъ утра, явилось

на небѣ крестное знаменіе, простиравшееся отъ Голгоѳы до Элеона; сіяніе креста было не менѣе сіянія солнца и продолжалось нѣсколько часовъ сряду, въ виду изумленныхъ обывателей и посѣтителей Іерусалима. Множество іудеевъ и язычниковъ—поэтому—обратилось ко Христу, и св. Кириллъ къ аріанину-императору писалъ: „всѣ видѣли, что благочестивая вѣра христіанская состоитъ не въ препретельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ“.

Недолго спустя послѣ этого, Акакій, епископъ кесарійскій, поднялъ ссору съ Кирилломъ. Акакій требовалъ себѣ не только подчиненія отъ іерусалимскаго архіепископа,—со временъ апостольскихъ пользовавшагося честію первенства между областными епископами и независимостію въ управленіи,—но и согласія его на мнѣнія аріанъ. Кириллъ съ твердостію противодѣйствовалъ насилію аріанъ. Акакій съ немногими единомышленниками на соборѣ 357 г. объявилъ Кирилла лишеннымъ каѳедры за то, что онъ, во время голода, продалъ въ пользу бѣдныхъ церковныя вещи. Св. Кириллъ требовалъ высшаго суда; но его силою выгнали изъ Іерусалима. Св. Кирилла, какъ изгнанника, съ любовію пріютилъ у себя въ Тарсѣ епископъ Силуанъ. Здѣсь угодникъ Божій, какъ жизнію, такъ и проповѣдію, пріобрѣлъ уваженіе и у народа. Акакію это было больно. Онъ потребовалъ, чтобы Силуанъ прекратилъ связь съ Кирилломъ и потомъ самого Кирилла снова потребовалъ на судъ епископовъ; но въ 559 году, соборомъ Селевкійскимъ Акакій былъ осужденъ, какъ аріанинъ, а Кириллу возвращены были права его. Но злоба людская

иногда бываетъ неукротима. Акакій еще въ 358 году соединился съ открытымъ аріаниномъ, Евдоксіемъ Константинопольскимъ, и въ 360 году св. Кириллъ соборомъ этого Евдоксія лишенъ былъ каѳедры и сосланъ въ заточеніе.

Юліанъ Богоотступникъ, по своимъ цѣлямъ, въ 361 году, возвратилъ Кирилла паствѣ и открылъ свою войну противъ Господа. Онъ не только позволилъ іудеямъ, но и своему префекту отдалъ приказъ—возстановить Іерусалимскій храмъ. Св. Кириллъ указывалъ возстановителямъ храма на пророчества Даніила (9, 26—27) и Спасителя (Мѳ. 24, 2); а Промыслъ Божій — въ наставленіе вѣкамъ— разрушилъ замыслъ гордости сколько торжественно, столько же и ужасно: огонь изъ основаній храма бросалъ камни и жегъ дѣятелей суеты; язычники трепетали и обращались ко Христу; іудеи кричали: Сынъ Маріи—Богъ... Имп. Валентъ еще разъ, въ 367 г., изгонялъ исповѣдника изъ Іерусалима на цѣлыхъ десять лѣтъ.

Возвращенный изъ этого изгнанія въ 378 году Ѳеодосіемъ Великимъ, св. Кириллъ нашелъ въ Церкви іерусалимской раздоры и безпорядки. Но умъ и любовь св. Кирилла успѣли примирить съ нимъ многихъ, какъ изъ духоборцевъ, такъ изъ аполлинаристовъ. На всел. соборѣ 381 года, св. Кириллъ подписалъ осужденіе еретикамъ, признававшимъ тварію, вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ, и Духа Святаго. Названный отъ собора „достопочтеннѣйшимъ и боголюбезнѣйшимъ, поставленнымъ канонически епископомъ области, много разъ и въ разныхъ мѣстахъ подвизавшимся противъ аріанъ", „мужъ святой жизни, защитникъ апостольскаго учс-

нія", мирно скончался въ 386 году. Память его въ православно-христіанской Церкви совершается 18-го марта.

Отъ св. Кирилла до насъ дошло 23 огласительныхъ поученія: 18—къ готовящимся къ крещенію и 5—къ новокрещеннымъ.

Послѣ вступительнаго поученія—„о сущности и важности св. крещенія, первыя пять поученій содержатъ: а) увѣщаніе къ нравственному обновленію, б) ученіе о спасительныхъ дѣйствіяхъ покаянія, в) о необходимости и спасительныхъ дѣйствіяхъ крещенія, г) обозрѣніе главныхъ предметовъ вѣры, д) о вѣрѣ въ двухъ ея видахъ—вѣрѣ догматической и вѣрѣ дѣятельной. Слѣдующія за тѣмъ 13 поученій (6—18) объясняютъ самые члены вѣры по ихъ порядку. Пять поученій тайноводственныхъ содержатъ драгоцѣнное описаніе св. обрядовъ. (Всѣ поученія имѣются на русскомъ языкѣ).

Поученія св. Кирилла весьма важны для Церкви православной—и какъ изложеніе догматовъ, и какъ объясненіе обрядовъ. Въ первомъ отношеніи они составляютъ довольно полное ученіе о вѣрѣ, расположенное по членамъ символа вѣры, и особенно важны уже потому, что въ нихъ сохраненъ и объясненъ древній символъ вѣры древнимъ учителемъ давнѣйшей изъ всѣхъ Церквей. Объясненія, какія даетъ св. Кириллъ св. обрядамъ,—образецъ возвышенности мысли и основательности ученія. Обряды, описываемые св. Кирилломъ, и поражаютъ, и радуютъ сына православной Церкви. Они поразительно сходны съ обрядами, существующими и теперь въ православной Церкви, и говорятъ о Богослуже-

ніи Церкви іерусалимской,—матери Церквей, той Церкви, гдѣ совершали Богослуженіе всѣ Апостолы, гдѣ былъ епископомъ св. Іаковъ—братъ Господень по плоти.

Но такъ называемая „Кириллова книга", авторитетная у старообрядцевъ, не есть твореніе св. Кирилла. Это—сборникъ Михаила Рогова, въ которомъ одна только глава есть то же, что 15-е поученіе св. Кирилла, и то испорченное прибавленіями и дурнымъ переводомъ. (Ист. Р. Цер. 4, 218. Никиф. Астрах. отв. стр. 375—381).

XXVII.

Св. Макарій Египетскій.

Макарій, за свою святость и мудрость названный Великимъ, родился въ началѣ четвертаго вѣка (301), въ одномъ мѣстечкѣ Верхняго Египта. Онъ былъ сынъ бѣднаго пастуха и первое время своей юности провелъ при стадахъ отца своего.

Еще въ юности Божественная благодать воспламенила душу его желаніемъ оставить міръ и посвятить себя на служеніе Богу.

Спачала онъ поселился въ кельѣ близъ селенія. Молитва, псалмопѣніе и богомысліе были главнымъ его занятіемъ. Для снисканія пропитанія онъ плелъ корзины. Одинъ изъ его знакомыхъ приходилъ къ нему, бралъ у него рукодѣлье, продавалъ и такимъ обр. доставлялъ ему пищу. Но когда добродѣтельная жизнь и благочестивыя наставленія его обратили здѣсь на него общее вниманіе, и жители одного близлежащаго селенія пришли и сдѣлали его противъ воли у себя клирикомъ,—Макарій, любя уеди-

ненiе, убѣжалъ въ другое, болѣе отдаленное мѣсто. Но и въ этомъ мѣстѣ недолго наслаждался любимымъ безмолвiемъ: скоро стали собираться къ нему люди всякаго рода, ища его наставленiй. Здѣсь же, великодушно перенесши клевету одной сдѣлавшейся беременною дѣвицы, и чудесно оправданный отъ нея, Макарiй, избѣгая славы человѣческой, скрылся отсюда въ дальнѣйшую пустыню Скитскую.

Вслѣдъ за Макарiемъ дикая пустыня населилась множествомъ ревнителей благочестiя, жаждавшихъ наставленiя его. На 40-мъ году жизни Макарiй рукоположенъ во пресвитера; потомъ воздвигъ для братiй 4 храма и къ каждому изъ нихъ поставилъ особаго пресвитера. Братiя жили въ особыхъ, отдѣльныхъ одна отъ другой, келлiяхъ.

Самъ Макарiй также жилъ отдѣльно въ глубокой пустынѣ и имѣлъ при себѣ только двухъ учениковъ: одинъ принималъ приходившихъ, а другой жилъ подлѣ него въ особой келлiи.

Живя въ пустынѣ, св. Макарiй уже въ первые годы показалъ такiе великiе подвиги, что его называли „Отрокомъ-старцемъ". Съ теченiемъ же времени онъ умножилъ свои подвиги такъ, что они кажутся превышающими силы человѣка. Своимъ естественнымъ потребностямъ удовлетворялъ не болѣе, чѣмъ сколько нужно для поддержанiя жизни. Вкушалъ только разъ въ недѣлю; но сухость его тѣла была слѣдствiемъ столько же страха Божiя, сколько его пощенiя и воздержанiя.

Макарiй всегда хранилъ глубокое смиренiе и никакъ не хотѣлъ, чтобы его отличали отъ другихъ. Когда приходилъ къ нему какой-либо братъ, какъ къ святому и великому старцу, онъ ничего не го-

ворилъ съ нимъ; въ противномъ же случаѣ отвѣчалъ съ удовольствіемъ. Самъ діаволъ принужденъ былъ признать въ немъ высоту смиренія. Но какъ строгъ былъ Макарій къ себѣ, такъ снисходителенъ къ другимъ. Онъ былъ, по скитскому преданію, какъ бы „богъ земный"; потому что какъ Богъ покрываетъ міръ, такъ Макарій покрывалъ согрѣшенія, которыя онъ, видя, какъ бы не видѣлъ, и слыша, какъ бы не слышалъ. Кротко управлялъ онъ своею братіею; и кротость соединена была въ немъ съ удивительною простотою, которой достигъ онъ двѣнадцатилѣтнею усиленною молитвою. Этими двумя добродѣтелями онъ такъ обладалъ, что его простота не препятствовала ему поступать съ великимъ благоразуміемъ, и его кротость никогда не препятствовала ревности и строгости тамъ, гдѣ онѣ были нужны.

Многіе, слыша о мудрости и святости Макарія, изъ далекихъ странъ приходили за его совѣтами. Наставленія Макарія, отличаясь краткостью, полны были глубокой опытной мудрости. Они имѣли цѣлію внушать вниманіе, богомысліе, молитву, смиреніе, — добродѣтели, которыми самъ онъ обладалъ въ высшей степени. Но тамъ, гдѣ естественные способы дѣлать добро оказывались недостаточными, Макарій прибѣгалъ къ дару чудотворенія. Церковный историкъ Сократъ говоритъ, что Макарій столь много исцѣлилъ больныхъ и столь многихъ освободилъ отъ злыхъ духовъ, что для описанія того нужна цѣлая книга; даже и мертвыхъ воскрешалъ и былъ исповѣдникомъ православной вѣры въ борьбѣ съ аріанами.

Долго жилъ Макарій, какъ странникъ, на этой

землѣ, мертвый для міра, непрестанно заботясь о своемъ спасеніи и о спасеніи ближнихъ. Онъ часто бывалъ въ духовномъ восхищеніи, всегда пребывалъ съ Богомъ или съ небесными. За нѣсколько времени до своей кончины онъ посѣтилъ пустынниковъ горы Натрійской, по просьбѣ ихъ. Драгоцѣнно было для братіи это посѣщеніе; глубоко врѣзалось въ ихъ памяти послѣднее наставленіе Макарія: „восплачемъ, братія,—говорилъ онъ. Очи наши да проливаютъ слезы, прежде нежели отойдемъ въ страну, гдѣ наши слезы будутъ жечь тѣла наши". Скончался Макарій Великій 90 лѣтъ, изъ коихъ двѣ трети провелъ въ пустынѣ. Обыкновенно кончину его относятъ къ 391 году. Память его совершается 19-го января.

Драгоцѣннымъ наслѣдствомъ опытной мудрости Великаго Макарія служатъ для насъ 50 бесѣдъ, посланій и 7 словъ, изданныхъ въ Москвѣ 1880 года, на русскомъ языкѣ.

Предметъ наставленій св. Макарія—внутренняя духовная жизнь христіанина. Несмотря на такой глубокій и мало понятный предметъ, бесѣды и слова опытнаго учителя ясны и вразумительны, близки и къ сердцу, и къ уму. Мысли его слѣдуютъ естественному ходу искренняго чувства. Темное по духовной возвышенности у него приближается къ разумѣнію сравненіями и образами, которые всегда просты и тѣмъ болѣе поразительны. Чтобы сколько-нибудь коснуться благодатнаго духа Макаріева, представимъ кратко то, что болѣе всего наполняло душу Макарія и что должно наполнять душу каждаго христіанина.

1) Полагая въ основу нравственныхъ подвиговъ мысль о порчѣ человѣческой природы, св. Макарій говоритъ, что Адамъ и рожденные отъ него, чрезъ преступленіе заповѣди, приняли въ себя закваску злыхъ страстей. 2) Впрочемъ, человѣкъ не до того растлѣлъ, чтобы въ немъ ничего не осталось добраго: „кто хочетъ,—повинуется Богу, идетъ путемъ правды и побѣждаетъ похоти“. 3) Только, при разстройствѣ человѣческой природы, совершенно необходима благодатная помощь на пути къ небу; самъ по себѣ человѣкъ не въ состояніи исцѣлиться. 4) Благодать нисходитъ на душу тогда, когда душа ищетъ ея; напротивъ, воли нашей она ни начинаетъ, ни совершаетъ въ насъ спасенія. 5) Душа, очищаемая долговременными подвигами и вниманіемъ къ себѣ, болѣе и болѣе приближается къ Господу своему. 6) Ни на какой степени духовнаго совершенства нельзя предаваться безпечности. Слабая человѣческая природа властна измѣняться. 7) Высшую степень духовнаго совершенства души св. Макарій называетъ то растворенiемъ души съ Господомъ, то пребываніемъ всего ума въ небесномъ Іерусалимѣ. Такимъ образомъ, излагая ученіе о внутренней духовной жизни, св. Макарій представляетъ почти полное ученіе о благодати. Вотъ его ученіе о благодати: 1) Благодать есть Божеств. сила, сообщаемая человѣку ради заслугъ Христовыхъ. 2) Она необходима человѣку, ибо безъ нея человѣкъ не можетъ познать Бога, освободиться отъ власти діавола, творить доброе и получить вѣчное блаженство. 3) Благодать, водворившись въ человѣка, освобождаетъ его отъ привязанности къ земному, умерщвляетъ въ немъ грѣхъ,

даруетъ ему легко и удобно исполнять всѣ заповѣди и наконецъ дѣлаетъ наслѣдникомъ царства небеснаго. 4) Для полученія благодати отъ человѣка требуется — вѣра, молитва, упражненіе въ добрѣ и смиреніе. 5) Благодать не исключаетъ свободы человѣка. Она сообщается по свободному желанію и исканію человѣка, и когда сообщается, тогда требуется свободное содѣйствіе ей отъ человѣка.

(Подробнѣе см. III ч. Прибавленіе къ Твор. св. отцевъ—„Святый Макарій Египетскій“, стр. 106-я и далѣе).

XXVIII.

Св. Григорій Нисскій.

Братъ Василія Великаго Григорій, епископъ нисскій, былъ третьимъ сыномъ св. Еммелія. Дѣтское воспитаніе, такъ же, какъ и Василій Великій, получилъ отъ благочестивой бабушки своей Макрины и отца своего Василія; а потомъ —съ 12-го года—слушалъ неокесарійскихъ наставниковъ краснорѣчія и готовилъ себя къ званію свѣтскаго оратора; но Господь устроилъ судьбу Григорія не по его расчетамъ. Вслѣдствіе письма къ нему отъ Григорія Богослова, онъ всею душею обратился къ изученію памятниковъ вѣры и удалился для этого въ пустыню, гдѣ—около 370 года—написалъ сочиненіе „о дѣвствѣ“.

Василій Великій, желая имѣть въ Григоріи вѣрнаго себѣ помощника въ борьбѣ съ аріанствомъ, въ началѣ 372 года посвятилъ Григорія, противъ его воли, въ епископа нисскаго. Григорій дѣйство-

валъ, какъ истинный пастырь Христовъ, и былъ потому противенъ аріянамъ, которые, желая на мѣсто Григорія другаго епископа, оклеветали его въ неправильномъ употребленіи церковнаго имущества и лишили каѳедры.

Но поборникъ православія не остался въ бездѣйствіи.—Онъ переходилъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы утверждать православіе и утѣшать православныхъ, до тѣхъ поръ, пока смерть Валента дала ему возможность возвратиться къ своей нисской паствѣ, съ восторгомъ принявшей его. Здѣсь Григорій, изъ уваженія къ своему брату Василію, докончилъ его *Шестодневъ* и написалъ опроверженіе на новую апологію Евномія, въ которой оскорблялась истина и имя Великаго Василія, послѣ его смерти.

Въ 379 году соборъ Антіохійскій опредѣлилъ послать его для обозрѣнія Церквей въ Аравіи и Палестинѣ. Григорій счастливо окончилъ порученія въ Аравіи; но въ Іерусалимѣ, съ благоговѣйною радостію поклонившись св. мѣстамъ, нашелъ, что грѣхи и заблужденія имѣютъ крѣпкую защиту въ сердцахъ людей.

Въ 381 году св. Григорій былъ на вселенскомъ соборѣ, защищалъ Григорія Богослова, читалъ ему свое сочиненіе противъ Евномія, говорилъ надгробное слово надъ Мелетіемъ, совѣтовалъ, какъ поступать преемнику Богослова Нектарію и заботился о дополненіи Никейскаго Символа членомъ о Духѣ Святомъ. Въ слѣдующемъ году опять былъ на соборѣ въ Константинополѣ и читалъ тамъ свое сочиненіе о Божествѣ Сына Божія и Духа Святаго.

Какъ вѣрный и истинный пастырь, св. Григорій, утверждая свою паству въ вѣрѣ и благочестіи, по нѣскольку дней сряду говорилъ ей поученія. Скончался онъ около 394 года, заслуживъ имя „отца отцевъ". Память его—10-го января.

Св. Григорію Нисскому всегда отдавали честь, какъ искусному оратору. Ораторское слово его ясно и легко, дышитъ живостію и сладостію. Патріархъ Фотій говоритъ, что Григорій весьма сладкій, блистательный, чаруетъ слухъ пріятностію. Ораторскій талантъ его особенно виденъ въ надгробныхъ словахъ его Мелетію Антіохійскому, Василію Великому, свв. Макринѣ, Плакиллѣ и Пульхеріи; въ похвальныхъ словахъ Ефрему Сирину, Григорію чудотворцу, великомученику Ѳеодору Тирону, 40 мученикамъ севастійскимъ, первомученику архидіакону Стефану. Между прочимъ, въ этихъ словахъ его, какъ и въ нѣкоторыхъ изъ праздничныхъ словъ, находится много свѣдѣній, полезныхъ для церковной исторіи.

Изъ догматическихъ сочиненій Григорія особенно замѣчателенъ *Катихизисъ*, какъ наставленіе въ томъ, какъ надобно дѣйствовать при обращеніи язычниковъ и іудеевъ и какъ—при опроверженіи еретиковъ. Язычнику - безбожнику, говоритъ онъ, надобно показывать бытіе Бога въ устройствѣ міра; язычнику-многобожнику бытіе Единаго доказывать тою мыслію, что существо совершеннѣйшее можетъ быть только одно; іудея надобно доводить до признанія предвѣчнаго Слова указаніемъ на наше слово и свидѣтельствами Писанія; чтобы представить язычнику достойнымъ вѣры воплощеніе Сына Божія, надобно показать ему грѣховность че-

ловѣка; далѣе св. отецъ миритъ разумъ человѣческій съ откровеннымъ ученіемъ о воплощеніи Сына Божія; затѣмъ, также въ духѣ философа-богослова, говоритъ о средствахъ ко спасенію: о свободѣ человѣческой, о крещеніи и Евхаристіи, какъ таинственныхъ средствахъ ко спасенію; и наконецъ заключаетъ тѣмъ, что новое рожденіе требуетъ отъ насъ самихъ постояннаго перерожденія на добро.

Кромѣ того, св. Григорій писалъ нѣсколько сочиненій въ объясненіе Св. Писанія и о христіанскомъ благочестіи. Къ числу первыхъ относятся: 8 бесѣдъ на три главы Екклезіаста, 15 бесѣдъ на Пѣснь Пѣсней, 2 размышленія о надписаніяхъ псалмовъ и бесѣда о 6-мъ псалмѣ, 5 бесѣдъ о молитвѣ Господней и 8 бесѣдъ о блаженствахъ. Все это болѣе размышленія о словахъ богодухновенныхъ, чѣмъ толкованія ихъ,—размышленія драгоцѣнныя по высокимъ мыслямъ. Къ числу вторыхъ относятся: три изслѣдованія о христіанскомъ совершенствѣ, — жизнь Моисея, или совершенная жизнь, и наставленіе о частныхъ предметахъ нравственныхъ: о любви къ бѣднымъ, противъ ростовщиковъ,—къ тѣмъ, которые строго судятъ другихъ, противъ блудниковъ,—противъ тѣхъ, которые не равнодушны къ оскорбленіямъ,—о томъ, что не надобно плакать объ умершихъ, и противъ откладывающихъ крещеніе или покаяніе.

Сочиненія св. Григорія Нисскаго имѣются на русскомъ языкѣ, въ изданіи при редакціи „Творенія св. отцевъ“.

XXIX.

Св. Амвросій Медіоланскій.

Св. Амвросій родился въ 340 году въ Галліи, отъ римскаго префекта Амвросія же. Лишившись въ раннихъ лѣтахъ отца, Амвросій остался на попеченіи матери и сестры, которыя своимъ мягкимъ, сердечнымъ, истинно-христіанскимъ вліяніемъ пробудили и развили въ немъ отъ юности добрыя христіанскія чувства и благочестивое настроеніе.

Въ Римѣ, куда семейство Амвросія переѣхало для воспитанія его и брата его Сатира, много повліяли на ихъ христіанское воспитаніе пресвитеръ Симилицій и самъ папа Дамасъ, навѣщавшіе осиротѣвшую семью; а одно изъ лучшихъ римскихъ училищъ воспитало въ лицѣ Амвросія ученаго мужа и краснорѣчивѣйшаго оратора. По окончаніи школьнаго образованія, Амвросій занялся адвокатурой, и имя его прогремѣло славою во всемъ Римѣ. Вскорѣ префектъ Рима Пробъ, полюбившій Амвросія какъ сына, предложилъ ему занять мѣсто префекта въ сѣверной Италіи, или Лигуріи, и совѣтовалъ ему дѣйствовать тамъ не какъ судіи, а какъ епископу. Амвросію было всего 30 лѣтъ и онъ еще не былъ крещенъ.

Въ концѣ 374 года въ городѣ Медіоланѣ (нынѣшнемъ Миланѣ) умеръ епископъ Авксентій — аріанинъ. Жители Медіолана раздѣлились на двѣ партіи—аріанъ и православныхъ—и подняли шумный споръ о томъ, кому быть у нихъ епископомъ— аріанину или православному. Въ назначенный день почти весь городъ собрался къ главному храму для выбора епископа: шумъ и споры не прекращались

въ храмѣ и около храма. Амвросій, въ качествѣ префекта, прибылъ сюда для водворенія порядка и тишины. Рѣчь любимаго префекта заставила народъ смолкнуть: въ храмѣ водворилась тишина. Вдругъ всѣмъ послышался чей-то дѣтскій голосъ: „Амвросій епископъ“. Толпы народа единодушно подхватили этотъ голосъ и взывали: Амвросій епископъ! Амвросій епископъ! Какъ ни отговаривался Амвросій отъ этого единогласнаго избранія, наконецъ уступилъ общему желанію: принялъ крещеніе, въ 7 дней прошелъ низшія степени клира, а въ 8-й (1 декабря) былъ посвященъ во епископа 34-хъ лѣтъ, въ 374 году.

Съ этого времени жизнь Амвросія рѣзко измѣнилась и сдѣлалась образцовою жизнію христіанскаго пастыря.

Необыкновенная простота, при всемъ величіи сана, — строгость къ самому себѣ, доходящая до самаго суроваго аскетизма, — снисходительная любовь къ ближнимъ,—постоянные труды въ заботахъ о паствѣ, — непрестанная пламенная молитва, — глубоко назидательная учительность, — твердость въ защитѣ истины Христовой, до готовности положить за нее свою душу—вотъ черты жизни св. Амвросія.

Имущество, какое у него было, онъ употреблялъ на бѣдныхъ, современной блестящей роскоши онъ избѣгалъ и никакъ не допускалъ ея у себя. Скромный его епископскій домъ стоялъ вдали отъ шума городскаго—въ уединенномъ и тихомъ мѣстѣ, гдѣ онъ содержалъ и свой „пресвитеріумъ“ — цѣлую коллегію священнослужителей, для занятія дѣлами епархіи. Онъ постоянно былъ человѣкомъ высо-

каго воздержанія, долгихъ бдѣній и неусыпнаго труда. Но свой аскетическій образъ жизни св. Амвросій умѣлъ прикрывать, при случаѣ, и гостепріимствомъ особаго рода. „Отъ насъ не требуютъ, писалъ онъ своимъ друзьямъ, роскоши, но всегда ожидаютъ съ нашей стороны пріема, полнаго пріятности, радушія, ласки, приличія и любви. Простыя овощи, приправленныя пріятною дружбою и и бесѣдою, стоятъ, по его словамъ, больше, чѣмъ роскошно приготовленныя блюда на праздничномъ пирѣ, гдѣ нѣтъ сердечности"...

Съ необыкновенною простотою жизни святитель Амвросій соединялъ и необыкновенный трудъ: день его, кромѣ обычныхъ священнослуженій и церковнаго учительства, проходилъ въ самыхъ разнообразныхъ заботахъ о нуждахъ паствы. Каждый день онъ былъ обремененъ тысячью заботъ: надзиралъ за больницами, тюрьмами и бѣдными семействами; двери его дома были постоянно открыты для всѣхъ: онъ всѣхъ принималъ съ кротостію и радушіемъ ласковаго хозяина; всѣ входили къ нему смѣло, свободно, безъ всякихъ предварительныхъ докладовъ. Сердечная внимательность пастыря къ пасомымъ вызывала въ послѣдихъ рѣдкую къ нему признательность и привязанность. Амвросія окружали вездѣ—и на улицахъ, и въ храмѣ; слово его принимали, какъ манну небесную.

Строгій порядокъ, тишина и благоговѣніе всегда царили въ храмѣ, во время священнослуженія Амвросія; толпы народа всегда переполняли тотъ храмъ, въ которомъ онъ совершалъ Богослуженіе. Строгій богослужебный чинъ, изящное антифонное пѣніе гимновъ производили обаятельное вліяніе на посѣ-

тителей храма. А когда онъ входилъ на свою бѣломраморную каѳедру, въ соборномъ храмѣ, для обычныхъ поученій, народъ трепеталъ отъ удовольствія слышать своего любимаго архипастыря. Уже одна благородная осанка, величественный его видъ, исполненный нравственной силы, располагали къ нему слушателей; но когда лилась по храму его тихая отеческая рѣчь, присутствовавшіе притаивали дыханіе и съ замираніемъ сердца ловили каждое слово святителя. Иногда восторженная рѣчь его переходила въ восторженную молитву или священный гимнъ, сопровождаемый слезами проповѣдника, тогда и слушатели рыдали съ ораторомъ... Не только весь Медіоланъ собирался слушать своего архипастыря, но и изъ окрестныхъ краевъ спѣшили въ Медіоланъ — получить наставленіе и благословеніе отъ знаменитаго святителя.

Зная, какое громадное вліяніе могутъ имѣть добрые пастыри на паству, Амвросій, съ первыхъ же дней своего святительства, занялся воспитаніемъ достойныхъ себѣ сотрудниковъ. Въ свой пресвитеріумъ онъ собиралъ всѣхъ желавшихъ послужить народу въ званіи священнослужителей. Съ этимъ обществомъ клириковъ онъ жилъ одною нераздѣльною жизнію. Тутъ были и священники, и діаконы и простые клирики, были ученики всѣхъ возрастовъ, даже и малыя дѣти; всѣ они сообща здѣсь и учились, и молились, и трудились, подъ руководствомъ такихъ славныхъ учителей, какими были — самъ Амвросій, братъ его Сатиръ и ученый — ревностный пресвитеръ Симплицій, духовный отецъ Амвросія. Эта община была честію и славою его епископства: „Это войско ангеловъ, писалъ онъ

однажды о своемъ пресвитеріумѣ, которое ничѣмъ другимъ не занимается, какъ только прославленіемъ Бога и служеніемъ Ему". Старшіе изъ этого общества составляли епископскій совѣтъ и помогали Амвросію въ управленіи епархіальными дѣлами; а изъ прочихъ выходили достойнѣйшіе пресвитеры и даже епископы, много пролившіе животворнаго свѣта Евангельскаго не только въ епархіи, но и въ отечествѣ Амвросія.

Часы отдыха и досуги своихъ пастырскихъ трудовъ, большею частію въ ночное время, св. Амвросій посвящалъ уединенной молитвѣ, вдохновеннымъ размышленіямъ и составленію разныхъ сочиненій. Амвросій былъ постоянно въ молитвѣ — и днемъ, и ночью. Днемъ его обыкновеніемъ было посѣщать мучениковъ, чтобы питаться духомъ этихъ великихъ друзей Божіихъ; а ночью онъ вставалъ, молился и пѣлъ псалмы: не разъ солнце заставало его еще преклоненнымъ и молящимся, часто съ обильными слезами. „Несчастіе мнѣ, если я не встану ночью, чтобы прославлять Господа", —говорилъ онъ. Св. Амвросій всегда чувствовалъ потребность учить- ся и учиться; съ необыкновеннымъ рвеніемъ, въ минуты досуга, онъ читалъ и книги Св. Писанія, и творенія отцевъ: при чтеніи глаза его тихо слѣдовали за страницами; его умъ и сердце открывались, чтобы понимать ихъ, но его губы оставались сомкнутыми, онъ хранилъ во время чтенія глубокое молчаніе, онъ хотѣлъ, чтобы ничто не отнимало у него тѣхъ минутъ, которыя онъ посвящалъ своимъ книгамъ. Для большей сосредоточенности въ размышленіяхъ и научныхъ занятіяхъ, св. Амвросій по временамъ удалялся въ близлежавшую отъ Меді-

олана лѣсистую деревушку, гдѣ была устроена для него небольшая хижина: здѣсь св. Амвросій задумывалъ и составлялъ свои прекрасныя сочиненія.

Свою необыкновенную пастырскую ревность и твердость св. Амвросій доказалъ, когда не далъ аріанамъ въ Медіоланѣ ни одного храма, чего требовалъ императоръ Валентиніанъ I-й и жена его, аріанка Іустина;—не далъ язычникамъ, домогавшимся у императора Валентиніана II своихъ старинныхъ правъ;—самого императора Ѳеодосія Великаго, въ пылу гнѣва убившаго въ Солуни до 7-ми тысячъ неповинныхъ гражданъ, заставилъ понести покаяніе, какъ убійцу. Но, обличая порокъ и несправедливость, хотя бы то и въ царственныхъ лицахъ, св. Амвросій однакоже всегда уважалъ личность въ обличаемыхъ и всегда воздавалъ должное царской власти. Это цѣнили въ немъ даже и его враги и обращались къ нему, въ случаѣ нужды, за помощію. Сама императрица Іустина, всю свою жизнь преслѣдовавшая святителя, обратилась къ нему за помощію, когда имперіи угрожала опасность отъ цареубійцы Максима. — Явившись въ самый военный лагерь Максима, св. Амвросій уговорилъ его оставить злоумышленіе противъ царскаго престола; и Іустина, побѣжденная великодушіемъ святителя, горько каялась въ несправедливой враждѣ противъ Амвросія.

Послѣ многолѣтней образцовой жизни, великій священникъ Божій, сіявшій, какъ драгоцѣнный камень, наконецъ почилъ о Господѣ въ ночь подъ Пасху, въ 397 году. Предсказывая свою кончину, онъ сказалъ клирикамъ: „жить болѣе я не стыжусь

и смерти не боюсь, такъ какъ мы имѣемъ добраго Господа",—Котораго и видѣлъ въ моментъ смерти, идущаго къ нему съ радостнымъ и сіяющимъ лицемъ. Тѣло Амвросія было погребено въ соборномъ Медіоланскомъ храмѣ, гдѣ оно и донынѣ почиваетъ.

Св. Амвросій оставилъ весьма много духовныхъ твореній, писанныхъ на латинскомъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ объясняетъ или цѣлыя книги Свящ. Писанія, или отдѣльныя событія свящ. исторіи, указывая въ нихъ не только историческій, но и таинственный смыслъ; въ другихъ раскрываетъ догматы вѣры, напр.—въ 5-ти книгахъ о вѣрѣ, писанныхъ имъ для императора Граціана; въ третьихъ преподаетъ правила нравственности. И изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстны три книги его—„о должностяхъ". Въ нихъ говоритъ онъ о томъ, что честно и полезно для успѣха въ добродѣтельной жизни. Изъ нихъ—„о должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой" издано въ Кіевѣ на русскомъ языкѣ Петромъ Поспѣловымъ. Извѣстны также бесѣды св. Амросія Медіоланскаго на славянскомъ языкѣ „о покаяніи". Въ православной Церкви еще общеизвѣстна величественная пѣснь его: „Тебе Бога хвалимъ".

XXX.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ родился въ 347 году, въ Антіохіи. Еще въ дѣтствѣ онъ лишился отца своего Секунда, военачальника сирійскихъ войскъ. Мать его Анѳуса, двадцатилѣтняя вдова, всю любовь

свою обратила на воспитаніе сына. Краснорѣчію Іоаннъ учился у знаменитаго въ то время оратора Ливанія, философіи—у Андрагаѳія. Пастырь антіохійскій, св. Мелетій, узнавъ, полюбилъ Іоанна, какъ сына, — принялъ на себя заботы докончить его христіанское воспитаніе и крестилъ его въ 369 году. Принявъ крещеніе, Іоаннъ все свое время проводилъ въ чтеніи Св. Писанія, въ испытаніи своего сердца и въ молитвѣ домашней и общественной. Чрезъ три года послѣ крещенія, Іоаннъ поставленъ былъ чтецомъ. Проходя должность чтеца, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по школѣ Василіемъ, слушалъ уроки Св. Писанія у знаменитаго, по просвѣщенію и ревности къ вѣрѣ, антіохійскаго священника Діодора.

Іоаннъ и другъ его Василій скоро были замѣчены, какъ лица, достойныя епископскаго сана; но когда уже положено было возвести ихъ въ этотъ санъ, Іоаннъ удалился въ пустыню, гдѣ и провелъ 4 года у нагорныхъ отшельниковъ, подъ руководствомъ одного старца, и еще 2 года одинъ въ пещерѣ. Въ это время онъ—въ оправданіе предъ своимъ другомъ Василіемъ, впослѣдствіи епископомъ севастійскимъ,—написалъ первое свое превосходное сочиненіе въ 6-ти книгахъ *о священствѣ*. Въ этомъ сочиненіи онъ изобразилъ высоту и важность священства и доказывалъ, что званіе священника труднѣе и выше званія инока. „Священникъ, по его выраженію, долженъ быть свѣтлѣе и чище солнечныхъ лучей“. Въ то же время Златоустъ написалъ и еще два сочиненія: *три книги противъ вооружающихся на ищущихъ монашества* и *сравненіе инока съ царемъ*. Въ этихъ книгахъ, полныхъ

одушевленія, онъ изобразилъ вѣрную картину занятій пустынниковъ и ихъ добродѣтелей. Доказывая превосходство монаха предъ царемъ, Златоустъ говоритъ, что монахъ богаче царя, потому что ни въ чемъ не имѣетъ нужды,—что онъ сильнѣе царя, потому что воюетъ со страстьми,—покойнѣе, потому что довольствуется малымъ,—болѣе царя дѣлаетъ благодѣяній, потому что молится за всѣхъ. Поводомъ къ этому послѣднему сочиненію послужилъ императорскій указъ о томъ, чтобы брать въ военную службу отшельниковъ.

Жизнь въ пещерѣ сильно ослабила здоровье Іоанна; и вотъ онъ, для поправленія его, возвратился въ Антіохію. Св. Мелетій посвятилъ его въ санъ діакона, которымъ онъ и былъ въ теченіе пяти лѣтъ. Въ это время Златоустъ написалъ: *три книги о Провидѣніи*, въ утѣшеніе больному другу своему Стагирію — монаху, подвергшемуся бѣснованію. Здѣсь Златоустъ рѣшаетъ вопросъ: „если есть Промыслъ Божій, то для чего страдаютъ праведные?“ И говоритъ, что а) Богъ наказываетъ, кого любитъ, и что б) бѣдствія для насъ спасительны. Тогда же написалъ онъ пространное сочиненіе *о дѣвствѣ* и утѣшеніе *вдовѣ,—защищеніе вѣры противъ Юліана* и *двѣ книги о сокрушеніи*.

Въ началѣ 386 г. Іоаннъ посвященъ въ званіе священника епископомъ Флавіаномъ. Для Златоуста это было собственно званіе проповѣдника и обязанность попечителя о бѣдныхъ—обширное поприще для его неусыпной дѣятельности. Но ни одно обстоятельство на этомъ поприщѣ не вызвало Златоуста къ такой усиленной дѣятельности, какъ возмущеніе антіохійцевъ въ 388 году. Жители Антіо-

хіи, по военнымъ обстоятельствамъ, обложены были новою податью, и имъ тяжело было нести ее. Фигляры, комедіанты и подобные имъ бродяги ходившій въ народѣ ропотъ довели до открытой ярости. Чернь свергла императорскія статуи, влачила ихъ по улицамъ и наконецъ разбила. Но вскорѣ мѣсто буйнаго ропота заступилъ ужасъ отчаянія. Златоустъ молчалъ цѣлую недѣлю. Наконецъ взошелъ на каѳедру съ необыкновенно сильнымъ словомъ покаянія и утѣшенія. Архіепископъ Флавіанъ взялъ на себя тяжелое дѣло—ходатайствовать предъ императоромъ за преступный народъ; а Златоустъ остался врачевать и утѣшать больныя души; и въ продолженіе наступившей четыредесятницы, почти каждый день, неумолчно проповѣдывалъ антіохійцамъ слово Божіе и успокоивалъ малодушныхъ до тѣхъ поръ, пока оскорбителямъ высочайшей власти объявлено было великодушное прощеніе. Послѣ сего времени св. Іоаннъ Златоустъ продолжалъ свое пресвитерское служеніе еще 9 лѣтъ. Въ продолженіе этого времени онъ написалъ большую часть своихъ толкованій на книги Ветхаго и Новаго Завѣта,—именно: 67 бесѣдъ на книгу Бытія, 26—на псалмы, 5—на видѣнія Исаіи, 16—на Евангеліе Матѳея, 14—на Марка, 17—на Евангеліе Луки, 27—на Іоанна, 15—на Дѣянія Апостольскія, —на всѣ посланія Апостола Павла и 80 бесѣдъ къ антіохійскому народу.—Въ каждой бесѣдѣ Златоуста, особенно въ бесѣдахъ толковательныхъ на Св. Писаніе, сначала излагаются догматическія мысли, а потомъ, какъ бы выводъ изъ нихъ,—нравственныя приложенія.

Въ 398 году скончался въ Константинополѣ архі-

епископъ Нектарій, и на его мѣсто, по настоянію Евтропія и противъ желанія Ѳеофила Александрійскаго, 20-го февраля того же года рукоположенъ былъ Іоаннъ Златоустъ.

Въ новомъ санѣ св. Іоаннъ, прежде всего, обратилъ свое вниманіе на благоустройство духовенства столичнаго, избравъ лучшихъ наставниковъ для Константинопольскаго училища. Расходъ, который прежде употреблялся для дома пастырскаго, онъ обратилъ на вспоможеніе бѣднымъ и больнымъ, самъ довольствуясь малымъ; и все прочее началъ приводить въ порядокъ, мирно занимаясь своимъ дѣломъ. Но вотъ, въ среду страстной седьмицы поднялась грозная буря съ дождемъ. Устрашенный народъ бѣжалъ въ храмы. Начались общественныя молитвы и крестные ходы. Бѣда миновалась въ страстной пятокъ, и народъ былъ уже на конскихъ ристалищахъ, а другіе даже въ театрѣ. Пораженный горестію до глубины души, св. пастырь въ самый праздникъ Пасхи взошелъ на каѳедру и сильнымъ своимъ словомъ обличилъ неблагодарную паству въ ея нехристіанскихъ поступкахъ. „Можно ли это снести? Можно ли стерпѣть? Вамъ самимъ жалуюсь...“ говорилъ онъ; и народъ сталъ оставлять театральныя зрѣлища и спѣшить въ церковь Божію, особенно въ праздничные и святые дни. Но между тѣмъ, какъ ревностный пастырь такъ неусыпно подвизался для блага Церкви, ненависть и злоба устрояли ковы на его погибель. Сильные враги Златоустовой правды сильно возстали противъ него. И Евтропій былъ противъ него; а особенно военачальникъ Гайна—аріанинъ, которому Златоустъ не далъ храма въ столицѣ. Противъ Златоуста былъ

Северіанъ, старавшійся возбудить противъ него общее неудовольствіе и происками вошедшій въ милость у двора. Съ 402 года и Θеофилъ Александрійскій началъ сперва тайно, потомъ открыто, гоненія противъ Златоуста. Явились подъ защиту Златоуста такъ называемые *великіе, или долгіе, братія*. Златоустъ, отказавшись разбирать ихъ дѣло по жалобѣ на Θеофила, далъ только убѣжище гонимымъ слѣпою злобою и съ любовію ходатайствовалъ за нихъ предъ Θеофиломъ. Это раздражило Θеофила. Онъ явился въ столицу судить Златоуста. Къ этому времени и злоба императрицы Евдоксіи достигла своего апогея. Она злобилась за обличеніе ея несообразныхъ съ христіанскимъ духомъ и законами дѣйствій, напр. за неправильное отнятіе у одной вдовы винoградника, за поставленіе близъ храма статуи и т. п. Враги раздували эту злобу, представляя Евдоксіи обличенія Златоуста въ извращенномъ и преувеличенномъ видѣ. Θеофилъ, вооружившій противъ Златоуста даже св. Епифанія Кипрскаго, взялся помочь императрицѣ въ низложеніи Златоуста.

Онъ, со своими египетскими епископами, при участіи Северіана, Акакія Берійскаго и Антіоха Птолемаидскаго, которымъ Златоустъ, въ качествѣ патріарха, дѣлалъ иногда замѣчанія—по долгу,—открылъ при Дубѣ въ Дриссѣ соборъ на Іоанна. Здѣсь обвиняли Іоанна за то, что онъ милостивъ къ грѣшнымъ,—что слишкомъ строго судитъ духовенство и под. и опредѣлили: „низложить Іоанна и за оскорбленіе величества предать казни“. Императоръ далъ повелѣніе объ изгнаніи. Но изгнанный невинно былъ возвращенъ при ликованіи народа. Злоба вра-

говъ, впрочемъ, не умолкла. Она исходатайствовала у императора новое изгнаніе святителю. Такъ, преслѣдуемый своими врагами, которые покушались даже на жизнь его, Златоустъ, по назначенію, долженъ былъ отправиться въ Кукузъ—въ Арменію. 70-ти дневный путь до Кузуза для Іоанна, конечно, былъ путемъ лишеній и скорбей; но любовь сопровождала его и въ заключеніи: уваженіе къ нему здѣсь возрасло еще болѣе. Но послѣ двухъ мѣсяцевъ пребыванія въ Кукузѣ, его велѣно было перевести въ Питіунтъ колхидскій—въ Абхазіи. Изнуренный трехмѣсячнымъ путешествіемъ, святитель остановился въ Киманѣ, и здѣсь,—по совершеніи литургіи въ храмѣ муч. Василиска,—со словами: „Слава Богу о всемъ",—переселился къ Господу, въ 14 день сентября 407 года, 60-ти лѣтъ отъ роду. Св. мощи его въ 438 году торжественно перенесены были въ Константинополь. (Чит. на перенес. мощей его бесѣду Димитрія, архіепископа одесскаго. Т. I. Кіевъ. 1849 г.).

Твореній св. Златоуста, по свидѣтельству Никифора, было болѣе 1000 книгъ. До насъ дошло ихъ менѣе; но все же очень много. Всѣ творенія Златоуста можно раздѣлить на 3 класса: трактаты и слова,—бесѣды и толкованія на Св. Писаніе,—письма. Св. Златоустъ велъ обширную переписку съ востокомъ и западомъ. Съ апостольскою ревностію онъ заботился объ обращеніи язычниковъ (письма въ Финикію, страну готѳовъ и Персію); не оставлялъ безъ вниманія еретиковъ (7 словъ противъ аномеевъ). Но особенно замѣчательны письма его къ Олимпіадѣ, діакониссѣ константинопольской Церкви, писанныя изъ заточенія. Въ нихъ видны хри-

стіанская любовь и участіе къ ближнимъ въ ихъ страданіяхъ,—видно, какъ богаты уста его утѣшеніями для души скорбящей и унывающей. Но всегдашнимъ и для всѣхъ видимымъ памятникомъ доселѣ остается его литургія, совершаемая съ воспоминаніемъ имени его.

Св. Церковь поставила Іоанна на ряду съ вселенскими учителями и святителями—Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ, и его только одного украсила именемъ Златоуста. Это значитъ, что онъ есть проповѣдникъ по преимуществу, что краснорѣчіемъ нѣтъ ему подобнаго. И дѣйствительно, врагъ истины и добродѣтели не могъ не поколебаться при словѣ Златоуста. Рукоплесканія, торжества въ честь истины, рыданія, сокрушенія и раскаянія въ порокахъ были обыкновенными отвѣтами на могущественное слово его. Онъ—учитель нравственности; и всѣ гоненія воздвигались на него за чистоту и святость жизни да за острѣйшее меча слово его, противъ пороковъ и страстей его современниковъ.

XXXI.

Св. Епифаній Кипрскій.

Епифаній родился въ палестинскомъ Елевѳеропольскомъ округѣ, отъ родителей—іудеевъ. По смерти своего отца, онъ воспитывался у одного ученаго іудея; а по смерти сего іудея познакомился съ пустынникомъ Лукіаномъ, оставилъ богатое наслѣдство, доставшееся ему отъ воспитателя-іудея крестился, вступилъ въ подвижническую жизнь и, чтобы видѣть образцы пустыннаго благочестія, от-

правился въ Египетъ. Здѣсь онъ слушалъ наставленія въ вѣрѣ; но едва не былъ обманутъ гностиками. Освободясь отъ ихъ сѣтей, Епифаній объявилъ мѣстнымъ епископамъ о тайнахъ секты и на 20-мъ году возвратился въ свое отечество.

Когда слава дивнаго палестинскаго пустынника Иларіона Великаго начала (съ 323 г.) привлекать къ нему учениковъ,—пришелъ къ нему и Епифаній, прожилъ при немъ нѣсколько лѣтъ и столько усвоилъ себѣ образъ подвижническихъ дѣйствій Иларіона, что на всю жизнь остался подражателемъ его.

Потомъ св. Епифаній отошелъ въ безлюдную и безводную пустыню Панадріонъ, что въ округѣ Елевѳеропольскомъ. Здѣсь толпа хищныхъ арабовъ едва не лишила жизни строгаго отшельника; но внезапное исцѣленіе начальника ея дѣтей пустыни обратило въ кроткихъ подвижниковъ вѣры Христовой. Былъ Епифаній съ проповѣдью о вѣрѣ и у огнепоклонниковъ Зороастра, хотя не имѣлъ здѣсь значительнаго успѣха. Замѣтивъ, что епископъ елевѳеропольскій Евтихій переходитъ на сторону аріанъ, строгій ревнитель православія отдѣлился отъ общенія съ нимъ и съ любовію принималъ къ себѣ гонимыхъ исповѣдниковъ св. истины.

Около 367 года св. Епифаній—на 60-мъ году своей жизни—принялъ въ управленіе Церковь саламинскую. На своей пастырской каѳедрѣ св. Епифаній отличался любовію къ бѣднымъ, простотою пустынника, ревностію къ вѣрѣ, и за строгость жизни пользовался особеннымъ уваженіемъ; даже Валентъ (371 г.) вынужденъ былъ саламинскаго пастыря-подвижника оставить въ покоѣ. Общее уваженіе доставляла ему по преимуществу его

евангельская щедрость къ бѣднымъ, и эта щедрость не оставалась безъ награжденія свыше. Давно истративъ свое имущество, св. отецъ расточалъ на бѣдныхъ имущество церковное. Церковь Епифаніева была весьма богата; потому что многіе изъ разныхъ странъ свѣта, желая употребить богатство на благочестивыя дѣла и зная Епифанія, какъ добраго въ этомъ случаѣ распорядителя и любящаго Бога, отдавали оное Церкви его. Но когда, наконецъ, и церковное имущество все было издержано на бѣдныхъ,—нѣкто вошелъ внезапно въ комнату, въ которой жилъ экономъ, и подалъ ему мѣшокъ со многими золотыми монетами...

Но доброта св. Епифанія нерѣдко доходила до недальновидной дѣтской довѣрчивости. Такъ, когда Ѳеофилъ Александрійскій, заподозривъ такъ называемыхъ „великихъ братьевъ“ въ приверженности къ направленію Оригена, выгналъ ихъ изъ Александріи, а св. Златоустъ принялъ ихъ у себя; тогда Епифаній, по убѣжденію Ѳеофила, отправился въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы заставить константинопольскаго пастыря произнесть осужденіе противъ нитрійскихъ иноковъ (великихъ братьевъ). Св. Златоустъ со всею любовію обращался съ Епифаніемъ; но осудить братьевъ—безъ разсмотрѣнія дѣла—отказался; не согласились съ мнѣніемъ Епифанія и нѣкоторые изъ приглашенныхъ на соборъ епископовъ. Епифаній, довѣряя навѣтамъ хитрыхъ людей, уже готовъ былъ произнесть осужденіе на самого Златоуста; но, когда Златоустый послалъ ему сказать: „не вышло бы смятенія изъ его дѣйствій“,— Епифаній удержался; сами братья, явясь къ нему, довели его до сознанія, что онъ осуждалъ ихъ только

по худымъ отзывамъ другихъ. Епифаній, чтобы не вмѣшиваться болѣе въ дѣло, въ которомъ такое участіе принимали страсти,—оставилъ Константинополь. Пастырь и чудотворецъ кипрскій, строгій подвижникъ и пламенный ревнитель православія, скончался въ глубокой старости, на пути изъ Константинополя въ Кипръ. Память его Церковь празднуетъ 12-го мая.

Замѣчательнѣйшія изъ сочиненій Епифанія, въ которыхъ особенно выразилъ себя Епифаній,—это его „Анкоратъ", или якорь, и „Панарій", или домашняя аптека.

Въ Анкоратѣ содержится ученіе о единосущіи Божественныхъ Лицъ, о воплощеніи Христовомъ, о воскресеніи мертвыхъ, о вѣчной жизни и судѣ,—съ опроверженіемъ возраженій аріанъ, духоборцевъ и Аполлинарія и съ исчисленіемъ 80 ересей. Въ Панаріи исключительно содержится исторія ересей—20-ти, бывшихъ до Рождества Христова, и 80-ти, бывшихъ въ христіанствѣ. Оба эти сочиненія навсегда останутся богатымъ источникомъ свѣдѣній для исторіи ересей. А Панарій, кромѣ того, есть драгоцѣнный памятникъ древности: въ немъ—„Изложеніе вѣры Апостольской",—въ которомъ говорится о дѣйствіи крестнаго знаменія, о почитаніи святыхъ, о молитвѣ за умершихъ, объ обрядахъ крещенія и Евхаристіи, о молитвахъ утреннихъ и дневныхъ, о постахъ четыредесятницы, среды и пятка.

Книга „о вѣсахъ и мѣрахъ" довольно замѣчательна для объясненія Св. Писанія и показываетъ въ Епифаніи знакомство съ іудейскими древностя-

ми. Объясняя еврейскіе вѣсы и мѣры, Епифаній говоритъ въ этой книгѣ о греческихъ переводахъ ветхаго завѣта, о знакахъ препинанія и спискахъ Библіи,—исчисляетъ самыя книги ветхаго завѣта—каноническія.

Вообще, о сочиненіяхъ св. Епифанія нужно сказать, что они, какъ и характеръ жизни его, отличаются простосердечіемъ. Они показываютъ, что авторъ ихъ съ обширными свѣдѣніями соединялъ умѣнье замѣчать и изображать характеры людей и духъ ученія. Но въ глубокомысленныя изслѣдованія о предметахъ истины Епифаній не входилъ, предоставляя разсуждать о нихъ болѣе проницательнымъ. Ревность къ истинѣ обогащала его болѣе свѣдѣніями историческими.

XXXII.

Св. Исихій, пресвитеръ Іерусалимскій.

Ученикъ св. Григорія Богослова, современникъ преподобнаго Кассіана, св. Исихій, родился и потомъ былъ пресвитеромъ въ Іерусалимѣ.

По кончинѣ великаго своего учителя, онъ проводилъ подвижническую жизнь въ одной изъ пустынь палестинскихъ—Іорданской, гдѣ продолжалъ изучать духъ христіанства то въ книгахъ, то въ устныхъ бесѣдахъ съ современными подвижниками Палестины, то въ собственныхъ опытахъ жизни и своими собственными размышленіями.

Въ 412-мъ году преосвященный подвижникъ посвященъ въ пресвитеры. Съ этого времени, соединяя съ саномъ пресвитера званіе проповѣдника, Исихій является въ исторіи Церкви однимъ изъ

знаменитыхъ учителей. Даже Евѳимій Великій, какъ пишетъ ученикъ его, утѣшался тѣмъ, что св. Ювеналій 2-й Іерусалимскій привозилъ съ собою, въ 429 г. на освященіе храма въ обители Евѳиміевой, „просвѣщеннаго Исихія, пресвитера и учителя Церкви“. Кончина преп. Исихія послѣдовала въ 432 году. Память его совершается 28-го марта.

Достойный ученикъ св. Григорія Богослова, „все Св. Писаніе изъяснилъ, изложилъ съ ясностію и предложилъ для общей пользы; почему для всѣхъ онъ былъ весьма знаменитъ и удивителенъ“ (Мѣсяцесловъ имп. Василія).

И дѣйствительно, св. Исихій оставилъ по себѣ — 7 книгъ, объясненіе на книгу Левита,—толкованіе на псалмы,—краткое содержаніе 12 меньшихъ пророковъ,—соглашеніе Евангельскихъ повѣствованій о смерти и воскресеніи Христа Спасителя—часть Евангельской Симфоніи. Здѣсь, между прочимъ, можно видѣть мнѣніе св. Исихія, что „третій часъ Марка есть тотъ, когда Пилатъ, изъявивъ согласіе на желаніе іудеевъ, приказалъ бичевать Іисуса; а шестой часъ Іоанна—тотъ, когда уже совсѣмъ предалъ Его на распятіе, не бичуя Его болѣе“. Извѣстны также до 12-ти бесѣдъ св. Исихія, предметомъ которыхъ служатъ событія изъ жизни Самого Іисуса Христа и Его пречистой Матери, или тѣ св. Божіи, которые подвизались въ св. землѣ. Вотъ что онъ, напримѣръ говоритъ о Іаковѣ, братѣ Господнемъ: „какъ восхвалю раба и брата Христова, Архистратига новаго Іерусалима, вождя іудеевъ, начальнаго между Апостолами, первоверховнаго между главами, сіяющаго между свѣтильни-

ками, блистающаго между звѣздами? Петръ предлагаетъ, Іаковъ законополагаетъ, и немногія слова оканчиваютъ важное изслѣдованіе". Сохранилась еще часть его церковной исторіи и жизнь сотника Логгина.

Но по преимуществу назидательно для спасенія— превосходное *нравственное* сочиненіе св. Исихія, извѣстное подъ названіемъ: „Душеполезное ученіе о трезвѣніи и добродѣтели", писанное для инока Ѳеодула. Оно издавна извѣстно на славянскомъ (рук. Серг. лавры, Волоколам. въ Добротолюбіи) и русскомъ („Хр. Чт.„ 1827 г. и особая книжка) языкахъ.

XXXIII.

Преподобный Кассіанъ Римлянинъ.

Св. Кассіанъ происходилъ изъ Рима отъ славныхъ родителей. Съ самаго начала жизни своей онъ усердно занимался Божественными книгами, имѣлъ превосходный разумъ, изучилъ языческую философію и другія науки. Жизнь его и въ мірѣ была украшена дѣвственною чистотою и всякими добродѣтелями.

Оставивъ свое отечество, онъ отправился въ Царьградъ къ св. Іоанну Златоусту, а отъ него въ скитъ, гдѣ въ одномъ изъ монастырей постригся въ иноки и отдался подвигамъ и трудамъ подвижнической жизни. Но, не удовлетворяясь подвигами въ общежитіи, удалился въ одно пустынное мѣсто, гдѣ многое время изнурялъ себя всякими отшельническими трудами.

Потомъ онъ посѣтилъ всѣ монастыри въ Египтѣ, въ Ѳиваидѣ, на горѣ Нитрійской, въ Асіи, Понтѣ

и Каппадокіи. Изучивъ и собравъ, такимъ образомъ, примѣры совершенной иноческой жизни, Кассіанъ переселился въ Марсель, или Массилію, и—посвященный въ пресвитера—завелъ здѣсь два монастыря—одинъ мужескій, другой женскій, съ правилами восточныхъ обителей, и слѣдовательно первый ввелъ въ Галатіи иноческую общежительную жизнь. Скончался преподобный въ 435 году. Память его совершается 29-го февраля.

Св. Кассіанъ написалъ много поучительныхъ и назидательныхъ книгъ, исполненныхъ премудрости и пользы духовной. Писалъ также и противъ Несторія.

Въ сочиненіи св. Кассіана „противъ Несторія“ собраны мысли восточныхъ и западныхъ учителей.

Въ книгѣ „о постановленіяхъ киновій“ онъ говоритъ о внѣшнемъ видѣ монаха, т.-е. объ одѣяніи,—о чинѣ нощныхъ псалмовъ и молитвъ,—о чинѣ дневныхъ молитвъ и псалмовъ,—о чинѣ отверженія отъ міра,—далѣе, о 8-ми главныхъ грѣхахъ. „Если что другое, то особенно эти разсужденія (о 8-ми грѣхахъ) полезны для рѣшившихся принять на себя трудъ подвижничества“, говоритъ патр. Фотій.

Въ „24 собесѣдованіяхъ съ отцами“ заключаются бесѣды отцевъ пустынныхъ о разныхъ духовныхъ предметахъ, весьма назидательныхъ для жизни. Въ „13 собесѣдованіяхъ“ Кассіанъ разсматриваетъ предметы спорные для Пелагія и Августина. Мысли Кассіана о благодати могутъ быть представлены въ слѣдующихъ положеніяхъ: а) вслѣдствіе паденія

Адамова есть въ насъ грѣхъ первородный; б) но есть въ природѣ человѣка и остатки добра—сѣмена добродѣтели, только они должны быть возбуждены въ насъ благодатію, чтобы достигнуть имъ совершеннаго возраста: „совершенство безъ усилій человѣческихъ—непонятное дѣло; но и одними усиліями, безъ благодати Божіей, достигнуть сего нельзя"; в) заслуги Искупителя простираются на всѣхъ. По отзыву преп. Іоанна Лѣствичника, „великій Кассіанъ разсуждаетъ превосходно и возвышенно".

Въ 1877 году „Писанія преп. отца Кассіана", въ переводѣ на русскій языкъ съ латинскаго, изданы А. Н. Ферапонтовымъ. Изданіе превосходное.

XXXIV.

Святый Исидоръ Пелусіотъ.

Воспитанникъ Златоуста, Исидоръ Пелусіотъ родился въ Александріи отъ благородныхъ и богатыхъ родителей. Получивъ блистательное образованіе въ свѣтскихъ наукахъ, онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ шумную городскую жизнь и поселился на горѣ, близъ города Пелусіи. Здѣсь глубокое уединеніе и строгіе подвиги, по словамъ самого Исидора, сами собою очищали душу его и просвѣщали умъ. Но слава о высокой жизни и просвѣщеніи св. Златоуста побудили св. подвижника отправиться въ Константинополь, чтобы слушать частныя и публичныя наставленія великаго пастыря. Все видѣнное и слышанное Исидоромъ у Златоуста, вмѣстѣ съ писаніями его, для Исидора сдѣлалось на всю жизнь предметомъ поученія и удивленія, такъ что ясность ума, простота и ревность Златоустова сдѣлались

собственностію Исидора и отпечатлѣлись на всѣхъ дѣйствіяхъ его.

По возвращеніи изъ Константинополя, строгая жизнь и духовная мудрость собрали къ Исидору многихъ ревнителей благочестія, и онъ сталъ для нихъ пресвитеромъ и вождемъ. Жизнь его была истинно ангельская: представляла живой образецъ и монашескаго подвижничества, и духовнаго созерцанія. За свои строгіе подвиги и высокую образованность св. Исидоръ пользовался такимъ уваженіемъ, что не только епископы и вельможи, но и самъ императоръ и патріархи александрійскіе обращались къ нему за совѣтами и наставленіями, какъ къ отцу. Нестяжательность его была изумительная, и любовь ко всѣмъ безграничная. Но усилившіеся пороки, особенно въ Церкви пелусійской, воспламеняли его ревность и заставляли говорить правду, не взирая на лица. Это не нравилось, конечно, людямъ развратнымъ, и онъ много страдалъ отъ нихъ за свою ревность и правду; но благодарилъ Господа за скорби.

Какъ опытный мужъ вѣры и жизни, онъ защищалъ истинное ученіе противъ Несторія; предостерегалъ св. Кирилла Александрійскаго отъ излишней ревности столько же, какъ и отъ ненависти къ лицамъ; совѣтовалъ императору самому присутствовать при вѣроопредѣленіи въ Ефесѣ и не довѣряться въ этомъ дѣлѣ министрамъ, чтобы они „не произвели потрясенія въ державѣ“; въ то же время письмами своими старался утверждать православіе, особенно въ служителяхъ алтаря Господня; вразумлялъ самого св. Кирилла, какъ въ борьбѣ съ Несторіемъ сохранить истину о Божествѣ и человѣчествѣ въ

Лицѣ Іисуса Христа; первый замѣтилъ появленіе въ Египтѣ евтихіанскаго лжеученія и писалъ объ этомъ пастырямъ Египта, чтобы они были тверды противъ новаго своеволія человѣческаго. По примѣру св. Златоуста, св. Исидоръ старался погашать духъ споровъ и несогласій. Скончался вѣроятно въ 436 году. Память его—4-го февраля.

Указанныя дѣянія св. Исидора показываютъ, что онъ былъ великое свѣтило Церкви Христовой. И по сочиненіямъ своимъ Исидоръ есть одинъ изъ великихъ отцевъ Церкви. Извѣстныя нынѣ сочиненія св. Исидора состоятъ изъ писемъ, изданныхъ и на русскомъ языкѣ, въ 3-хъ частяхъ, въ 1859—60 годахъ. Писемъ св. Исидора было до 10,000, но до насъ дошло только 2,090. Въ большей части этихъ писемъ содержится *объясненіе Св. Писанія*. Въ толкованіи Св. Писанія св. Исидоръ подражаетъ св. Златоусту. „Тому, кто имѣетъ превосходное намѣреніе излагать смыслъ Св. Писанія, надобно владѣть языкомъ важнымъ и яснымъ, а умъ имѣть благочестивый и святый: надобно, чтобы онъ (умъ) слѣдовалъ за Писаніемъ, а не управлялъ имъ—не вынуждалъ смысла по собственному произволу“,—писалъ св. Исидоръ къ одному пресвитеру, и былъ вѣренъ своимъ превосходнымъ правиламъ толкованія Писанія. Розенмюллеръ изумлялся ясности и вѣрности толкованій св. Исидора. Прокопій Газскій помѣщалъ письма Исидора въ толкованіи Пѣсни Пѣсней. Въ такъ называемыхъ катенахъ, или сборныхъ толкованіяхъ Писанія, письма св. Исидора, особенно при объясненіи новаго завѣта, занимали почетное мѣсто. *Догматовъ* вѣры св. Исидоръ въ своихъ письмахъ касался мало. Но тамъ, гдѣ изла-

гаетъ онъ предметъ вѣры,—излагаетъ ихъ, какъ и Златоустъ, ясно, основанія приводитъ твердыя. Онъ разсуждалъ о бытіи и свойствахъ Божіихъ, о Троицѣ и Промыслителѣ міра, обличалъ судьбу, предлагалъ наставленія о Св. Троицѣ, объ Искупителѣ міра, о силѣ таинствъ: крещеніи, Евхаристіи, священствѣ, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ Божіемъ и праведномъ воздаяніи; по преимуществу же св. Исидоръ, какъ и св. Златоустъ, былъ *наставникъ практическій*. „Практическая философія, по его словамъ, есть основаніе зданію и самое зданіе, логика—украшеніе, созерцаніе—вѣнецъ“. „Добродѣтель—стройность души, торжество ума, благо безусловное; ей учитъ сама душа, хотя разстроенная паденіемъ, но не потерявшая внутренняго закона. Всѣ наставленія св. Исидора отличаются столько же опытностію духовною, сколько знаніемъ Слова Божія. Наконецъ, письма св. Исидора имѣютъ за собою то преимущество, что всѣ писаны слогомъ чистымъ, живымъ и сильнымъ, такъ что по всей справедливости могутъ быть поставлены между образцами краснорѣчія. Для пастыря св. Исидоръ преподаетъ превосходныя наставленія.

XXXV.

Св. Кириллъ Александрійскій.

Св. Кириллъ Александрійскій имѣлъ самое обширное вліяніе на событія V-го вѣка, особенно на востокѣ.

Какъ племянникъ Ѳеофила Александрійскаго по матери, Кириллъ получилъ образованіе подъ надзоромъ своего дяди. Изъ нѣкоторыхъ сочиненій

Кирилла видно, что много читалъ и языческихъ писателей. Нѣкоторое время онъ проводилъ между нитрійскими иноками, и по смерти Ѳеофила (14 окт. 412 г.) клиромъ и народомъ избранъ былъ въ пастыри на александрійскую каѳедру.

Первымъ дѣломъ св. Кирилла на архіепископскомъ престолѣ было изгнаніе изъ Александріи еретиковъ новатіанъ; затѣмъ возмущеніе іудеевъ было поводомъ къ тому, что возмутители, по волѣ его, частію были преданы смерти, частію изгнаны изъ Александріи, а имущества ихъ конфискованы. Между тѣмъ, просвѣщенный и ревностный архипастырь александрійскій неутомимо занимался то объясненіемъ Св. Писанія, то проповѣданіемъ слова Божія, то изложеніемъ нѣкоторыхъ догматовъ—въ обличеніи заблужденій.

Но съ 429 года для пламенной ревности св. Кирилла открылось болѣе обширное поприще дѣятельности.—На Пасху пришли въ Александрію египетскіе иноки и увѣдомили пастыря своего, что новое, оскорбительное для славы Искупителя Сына Божія и Его пречистой Матери, ученіе Несторія, распространившееся вмѣстѣ съ бесѣдами его, возмущаетъ мирныя обители Египта. Св. Кириллъ счелъ своею обязанностію предостеречь тогда же овецъ своихъ отъ заблужденія окружнымъ письмомъ.

А затѣмъ, въ 430 году, св. Кириллъ счелъ нужнымъ письменно обратиться къ самому Несторію, съ увѣщаніемъ оставить нечестивыя мысли. Въ письмѣ своемъ къ константинопольскому патріарху онъ подробно изложилъ доказательства православнаго ученія; и въ то же время послалъ пись-

мо, или книгу о вѣрѣ правой, къ императору Ѳеодосію. Константинопольскій клиръ и самъ Несторій просили императора созвать вселенскій соборъ. Ко дню пятидесятницы слѣдующаго года, т.-е. къ 7 іюня 431 года, соборъ собранъ былъ въ Ефесѣ и открытъ подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла. На соборѣ св. Кириллъ, послѣ долгой борьбы съ Несторіемъ и его единомышленниками, побѣдоносно опровергнулъ ересь Несторія и защитилъ догматъ о воплощеніи Бога Слова и о Пресв. Дѣвѣ, какъ Богородицѣ, а не Христородицѣ.

Послѣ 32-хъ лѣтъ управленія александрійскою Церковію, великій „защитникъ правой и непорочной вѣры" скончался въ 444 году. Память его, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Великимъ, празднуется св. Церковію 18-го января, и особо—9-го іюня.

Св. Кириллъ былъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей и оставилъ по себѣ множество разныхъ сочиненій—въ бесѣдахъ, трактатахъ, толкованіяхъ, разговорахъ и письмахъ. По содержанію своему, сочиненія его могутъ быть раздѣлены на сочиненія изъяснительныя, апологетическія, полемико-догматическія и нравоучительныя.

Между изъяснительными сочиненіями св. Кирилла самое лучшее—толкованіе на Евангеліе Луки: оно отличается краткостію и точностію изъясненія словъ Писанія; очень полезны также толкованія его на посланія къ *евреямъ и коринѳянамъ*,—на *Евангеліе Іоанна*,—на *Пѣснь Пѣсней*,—на пророка *Исаію* и на меньшихъ *пророковъ*.

Прекрасно составлено сочиненіе св. Кирилла *противъ Юліана*, гдѣ онъ показываетъ вѣрность Мои-

сеева повѣствованія о твореніи міра,—сличаетъ это повѣствованіе со странными мнѣніями Пиѳагора, Ѳалека, Платона,—защищаетъ исторію о зміѣ-искусителѣ и проч.

Самое обширное изъ полемическихъ сочиненій св. Кирилла, это—5 книгъ *противъ Несторія*, въ которыхъ разбирается и подробно опровергается лжеученіе Несторія. Изъ догматическихъ сочиненій св. Кирилла извѣстно обширное сочиненіе его *о св. Троицѣ,* подъ именемъ Сокровища, писанное противъ аріанъ и Евномія; и еще два не очень пространныя догматическія сочиненія носятъ на себѣ имя св. Кирилла, это—ученіе *о Св. Троицѣ* и ученіе *о воплощеніи.* Ученіе о воплощеніи состоитъ изъ 35 главъ и раскрываетъ дѣйствительность, необходимость и цѣль вочеловѣченія Сына Божія и дѣйствительное ѵпостасное соединеніе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ. Ученіе о Св. Троицѣ, изложенное въ 22 главахъ, содержитъ точное изложеніе откровеннаго ученія о семъ высокомъ предметѣ вѣры.

Сочиненія св. Кирилла Александрійскаго печатаются при редакціи „Творенія святыхъ отцевъ" въ русскомъ переводѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Блаженный Ѳеодоритъ Кирскій.

Ѳеодоръ, епископъ кирскій—сынъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей,—получилъ имя Ѳеодорита потому, что „Богъ даровалъ" его неплодной матери, по молитвѣ св. отшельника Македонія, притомъ съ условіемъ, чтобы вся жизнь его прине-

сена была въ даръ Богу. По силѣ обѣта, на 8-мъ году (394 г.) онъ отданъ былъ въ одинъ изъ монастырей, находившихся близъ Антіохіи, и здѣсь получилъ то блистательное образованіе, какое показываютъ въ немъ сочиненія его; здѣсь товарищемъ образованія его былъ извѣстный Несторій, а между первыми пособіями къ образованію были сочиненія св. Іоанна Златоустаго и Ѳеодора Мопсуетскаго. Въ 422-мъ году умеръ епископъ кирскій, и Ѳеодоритъ, противъ воли своей, посвященъ былъ въ епископа кирскаго.

Ревностно заботясь о евангельскомъ просвѣщеніи своей паствы, бл. Ѳеодоритъ писалъ то противъ аріанъ, македоніанъ, то противъ язычниковъ и о Промыслѣ, то многочисленныя толкованія на св. Писаніе.

Сочиненія его напечатаны на русскомъ языкѣ, въ 7-ми томахъ, при редакціи „Творенія Св. отцевъ".

XXXVI.

Преподобный Нилъ Синайскій.

Св. Нилъ происходилъ изъ знатной и богатой фамиліи и былъ сначала префектомъ столицы Антіохійской. Но увидѣвъ пороки, господствовавшіе при дворѣ императора, онъ началъ опасаться за свое спасеніе и рѣшился, около 390 года, оставить свѣтъ и супругу. Предоставивъ супругѣ заботу о воспитаніи юныхъ дочерей, св. Нилъ взялъ съ собою сына Ѳеодула и удалился въ одну изъ обителей синайскихъ. Здѣсь въ пещерѣ, выкопанной собственными его руками, не хлѣбъ, а дикія и горькія растенія были пищею ихъ.

Когда, въ 405 году, великій Златоустъ, котораго Нилъ былъ ученикомъ, былъ посланъ въ заточеніе, тогда преп. Нилъ писалъ къ императору Аркадію два письма со строгимъ обличеніемъ неправдъ противъ своего учителя. Но для испытанія любви его къ Господу и ему было особенное искушеніе. Сынъ Нила—единственная отрада его на землѣ—былъ взятъ въ плѣнъ дикими арабами, опустошавшими тогда восточныя страны имперіи, не щадившими и св. обителей съ иноками ихъ. Ѳеодулъ уже назначенъ былъ въ жертву звѣздѣ Венерѣ, какъ неожиданно купленъ былъ у варваровъ однимъ епископомъ въ Емесѣ. Долго печальный отецъ искалъ сына; и наконецъ нашелъ его у епископа, который обоихъ облекъ саномъ священства. Всего въ пустынѣ Нилъ провелъ 60 лѣтъ и скончался около 450 года. Память его—12-го ноября.

Главный предметъ, которымъ занимался преп. Нилъ въ своихъ сочиненіяхъ,—духовная жизнь. Лучшее его сочиненіе—книга „о молитвѣ". „Молитва, говоритъ преподобный, есть бесѣда ума съ Богомъ; а потому въ какое состояніе долженъ прійти умъ, чтобы онъ могъ неуклонно обращенъ быть къ Богу и бесѣдовать съ Нимъ безъ всякаго посредника! Старайся умъ твой во время молитвы сдѣлать глухимъ и нѣмымъ, и тогда будешь въ состояніи молиться... Молись не одними внѣшними знаками, но возбуждай умъ свой къ ощущенію духовной молитвы съ великимъ страхомъ... Молитвенное состояніе есть свободное состояніе страстей, посредствомъ высшей любви восхищающее мудрый и чистый умъ на высоту духовную. Если ты богословъ,—то будешь молиться истинно; и если

ты молишься истинно,—то ты богословъ. Не желай, чтобы случилось съ тобою то, что тебѣ нравится, а что угодно Богу; и будешь спокоенъ и благодаренъ въ твоей молитвѣ... Достоинство молитвы не состоитъ просто въ количествѣ, а въ качествѣ"...

Въ сочиненіи „Аскеты" ревнитель духовнаго совершенства описываетъ качества, какія долженъ имѣть настоятель; а иноковъ убѣждаетъ къ послушанію и борьбѣ со страстями,—съ невоздержаніемъ особенно и гнѣвомъ,—увѣщаваетъ ревность о совершенствѣ до гроба. Въ книгѣ „Объ упражненіи въ добродѣтеляхъ", или „Перистеріи", говоритъ объ обязанностяхъ души къ себѣ самой,—къ другимъ, и учитъ, наконецъ, о духовной брани. Въ книгѣ „О преимуществахъ уединенной жизни" доказываетъ, что этотъ образъ жизни полезнѣе жизни общественной. Въ наставленіи для *Евлогія*—прекрасныя размышленія объ уклоненіи отъ міра, о твердости въ добрѣ, о покоѣ души и скорби; тутъ же совѣты, какъ побѣждать страсти. Въ „ручной книжкѣ Епиктета"—мысли практической мудрости. „Письма" большею частію нравственнаго содержанія. Въ русскомъ переводѣ творенія преп. Нила имѣются въ 3-хъ частяхъ. М. 1856 года.

ПРИМѢЧАНІЕ ПЕРВОЕ.

Преподобный Іеронимъ Стридонскій.

Іеронимъ родился 330 г. въ Стридонѣ—небольшомъ городкѣ, лежавшемъ на предѣлахъ Далмаціи и Панноніи. Послѣ домашняго воспитанія, въ Римѣ изучалъ греческую и римскую словесность и фи-

лософію у знаменитаго Доната. Но римская языческая школа пріучила здѣсь пылкаго юношу къ разсѣянности; и онъ рѣшился для пріобрѣтенія лучшей образованности путешествовать. Въ Трирѣ онъ сильно почувствовалъ ошибки юности и рѣшилъ оставить міръ, для уединенія и подвиговъ въ Аквилеѣ. Потомъ, принявъ крещеніе въ Римѣ, отправился на востокъ, поселился въ дикой сирской пустынѣ Халкисъ и здѣсь выдержалъ жестокую борьбу съ пылкимъ организмомъ своимъ, но находилъ покой, какого не видалъ въ роскошной римской жизни. Чтобы умѣрить пылкое воображеніе свое, онъ—будучи уже 44 лѣтъ—сталъ изучать еврейскій языкъ. Однимъ изъ утѣшеній его было теперь—писать письма къ друзьямъ своимъ на западъ.

Посвященный въ антіохійскаго пресвитера, Іеронимъ посѣтилъ священныя мѣста Палестины; въ Константинополѣ съ восторгомъ слушалъ ученіе Григорія Богослова. Въ началѣ 382 года, вмѣстѣ съ Павлиномъ Антіохійскимъ и Епифаніемъ Кипрскимъ, возвратился въ Римъ; и здѣсь былъ лучшимъ совѣтникомъ и помощникомъ въ дѣлахъ церковныхъ у папы Дамаса, по смерти котораго снова путешествовалъ по св. мѣстамъ Палестины; въ Александріи слушалъ Дидима. По возвращеніи изъ Египта онъ основалъ пребываніе свое въ тѣсной пещерѣ виѳлеемской и совершенно предался изученію Св. Писанія, не оставляя, впрочемъ, безъ вниманія и дѣлъ церковныхъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ: на западѣ—въ спорѣ о значеніи дѣвственной жизни и подвиговъ мученичества, а на востокѣ—въ спорѣ о мнѣніяхъ Оригена. Не мало

пострадавъ отъ еретиковъ, особенно пелагіанъ, блаж. старецъ скончался на 89-мъ году жизни, въ виѳлеемской своей обители, въ 419 году. Память его—15 іюля.

По свидѣтельству Іоанна Кассіана, Іеронимъ — „мужъ какъ учености обширной, такъ испытаннаго и чистаго ученія, — учитель православныхъ". И дѣйствительно Іеронимъ написалъ весьма много; онъ писалъ переводы Св. Писанія, комментаріи на него, трактаты, письма, описанія, цѣлыя книги. Сверхъ изъясненія всѣхъ пророковъ, четвероевангелія и нѣкоторыхъ посланій, онъ написалъ правила и похвалы дѣвству, опроверженія многихъ ересей, и особенно пелагіанской. Преимущественно уважаются историками—„лѣтопись его о церковныхъ писателяхъ", а римскою Церковію—его переводъ Св. Писанія, подъ именемъ „Вульгаты".

Творенія пр. Іеронима печатаются на русскомъ языкѣ при „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи".

ПРИМѢЧАНІЕ ВТОРОЕ.

Блаженкый Августинъ.

Аврелій Августинъ, знаменитѣйшій изъ учителей западной Церкви, родился въ г. Тагастѣ, въ сѣверной Африкѣ, 354 г., отъ христіанки Моники и отца—язычника; учился сначала въ Тагастѣ, потомъ въ Мадаврѣ, и наконецъ, съ 370 по 375 годъ, въ Карѳагенѣ, гдѣ онъ съ увлеченіемъ молодости предавался наслажденіямъ.

На 19-мъ году ему попалось сочиненіе „Гортензій" (нынѣ потерянное), которое открыло ему область философскаго мышленія. Онъ бросился съ жаромъ

отыскивать истину и вступилъ въ секту монаховъ; но, пробывъ въ ней нѣсколько лѣтъ, убѣдился, что истина не здѣсь.

Изученіе философіи Платона и знакомство съ сочиненіями его также не могли удовлетворить пытливый умъ Августина; только встрѣча въ Медіоланѣ съ знаменитымъ епископомъ Амвросіемъ, въ 384 году, положила конецъ колебаніямъ будущаго учителя западной Церкви: на Пасху 387 года Августинъ принялъ крещеніе отъ руки Амвросія. Съ этихъ поръ Августинъ съ вѣрою въ христіанство связываетъ пламенное стремленіе внести въ установившіеся уже его догматы философскую стройность

Въ 388 году онъ переѣхалъ въ Африку и вблизи Тагаста сталъ вести жизнь пустынника. Чрезъ три года онъ былъ посвященъ въ пресвитеры, а въ 395 году поставленъ въ епископы въ Иппонѣ, гдѣ и оставался до конца жизни. Скончался 28-го августа 430 года.

Дѣятельность Августина въ пользу Церкви была неутомима. Кромѣ большихъ сочиненій, онъ безпрестанно писалъ письма во всѣ концы свѣта о разныхъ предметахъ вѣры, говорилъ проповѣди, спорилъ съ сектантами и составлялъ сочиненія по всѣмъ отраслямъ богословія. Изъ многочисленныхъ его произведеній особенною извѣстностію пользуются: „О градѣ Божіемъ“, „Противъ Академиковъ“ и „О свободѣ посредствующей“. Знакомство съ сочиненіями древнихъ философовъ и увлекательную діалектику Августинъ употребилъ на изложеніе христіанской догматики, какъ она представлялась ему: въ ученіи своемъ онъ поставилъ Церковь выше

всего, подчинивъ ей личность. Знаменитое правило: „вѣра предшествуетъ разуму“, составивши потомъ основаніе метода мышленія въ западной Церкви, впервые поставлено опредѣлительно Августиномъ. Какъ мыслитель, Августинъ составляетъ переходъ отъ древняго міра къ христіанскому. Католическая церковь причислила его къ лику святыхъ, а православная называетъ „блаженнымъ“.

На русскомъ языкѣ существуетъ 4 тома избранныхъ сочиненій Августина, изд. 1786 г. „Бесѣды души съ Богомъ“ (М. 1851). Нѣкоторыя слова и дружескія увѣщанія переведены въ „Хр. и Воскр. Чт.“. Исповѣдь и о градѣ Божіемъ — въ „Трудахъ Кіевской Академіи“. (См. Жизнь и творенія бл. Августина (Кіевъ, 1855 года) и Словарь Березина Т. I, стр. 44—45).

XXXVII.

Святый Маркъ подвижникъ.

Св. Маркъ, подвижникъ египетскій, ученикъ св. Іоанна Златоуста, удалясь въ пустыню еще въ молодые годы свои, кротостію и подвигами воздержанія столько успѣлъ въ духовной жизни, что прославился многими чудесами. Чтеніе Слова Божія было любимымъ занятіемъ Марка съ юныхъ лѣтъ его жизни. Обширная память и постоянное упражненіе въ чтеніи Слова Божія доставили св. Марку то неоцѣнимое сокровище, что онъ зналъ наизусть все Св. Писаніе, или Библію. Тѣмъ не менѣе, увлекаемый любовію къ духовной образованности, онъ поставлялъ себя въ числѣ слушателей и учениковъ св. Іоанна Златоустаго. Строгая жизнь даровала

Марку названіе *аскета* между нитрійскими аскетами и украсила его столѣтнею старостію; а любовь къ образованности и опытность въ духовной жизни поставила его въ числѣ наставниковъ вѣры и благочестія. Св. Макарій свидѣтельствуетъ о Маркѣ, что онъ принималъ Св. Тайны не отъ него—пресвитера Макарія, а отъ Ангела. Память Марка подвижника въ св. Церкви совершается 5-го марта.

Сочиненія преп. Марка извѣстны слѣдующія: 1) о тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами; 2) о покаяніи, какъ необходимомъ для снисканія молитвы и терпѣнія; 3) отвѣтъ сомнѣвающимся о крещеніи, превосходно изображающій силу крещенія и его отношеніе къ подвигу христіанскому; 4) душеполезныя правила, или о средствахъ духовныхъ для борьбы съ грѣхомъ; 5) главы о воздержаніи—о разныхъ степеняхъ духовнаго совершенства; 6) состязаніе съ адвокатомъ, который обвинялъ монаховъ за то, что ставятъ себя выше закона и живутъ праздно; 7) состязаніе ума съ душею объ источникахъ грѣха — о тщеславіи и похоти; 8) о постѣ, гдѣ прославляется не только постъ, но и смиреніе; 9) о Мелхиседекѣ, съ объясненіемъ личности Мелхиседека, какъ лица прообразовательнаго. Вотъ нѣсколько мыслей св. подвижника: „Знаніе безъ дѣлъ, соотвѣтствующихъ ему, еще не твердо, хотя бы было и вѣрно; ибо подтвержденіемъ всему служитъ дѣло. Часто отъ нерадѣнія о дѣятельности помрачается и знаніе; ибо что совсѣмъ перестаютъ дѣлать, то мало-по-малу выходитъ изъ памяти. Иные, не исполняя заповѣдей, считаютъ себя правовѣрующими; а иные, исполняя ихъ, ожидаютъ

царствія, какъ должнаго возмездія; тѣ и другіе далеки отъ истины. Мы, которые удостоены бани пакибытія, творили добрыя дѣла не для полученія награды, но чтобы сохранить данную намъ чистоту. Каждое доброе дѣло, сдѣланное естественными силами, хотя удаляетъ насъ отъ зла, но безъ благодати не можетъ дать намъ освященія. Никакое доброе дѣло не можетъ быть возмездіемъ за прежде сдѣланное зло. Благодать таинственно дарована крестившимся во Христа; дѣйствуетъ же по мѣрѣ исполненія заповѣдей“.

Сочиненія преп. Марка есть на русскомъ языкѣ.

XXXVIII.

Св. Проклъ, архіепископъ Константинопольскій.

Св. Проклъ былъ одинъ, по числу шестый, изъ преемниковъ св. Іоанна Златоуста на константинопольской каѳедрѣ. О родѣ и происхожденіи его мы не имѣемъ свѣдѣній. По Сократу, съ юныхъ лѣтъ онъ былъ въ Константинополѣ чтецомъ, посѣщалъ школы и любилъ особенно науку краснорѣчія. Въ это время, конечно, св. Проклъ былъ и ученикомъ св. Златоуста и видѣлъ, какъ Апостолъ Павелъ говорилъ къ уху его учителя невидимо и незамѣтно для самого Іоанна. Достигши и мужескаго возраста, св. Проклъ не малое время находился писцемъ при Аттикѣ, бывшемъ, послѣ Арзатія, архіепископомъ константинопольскимъ (скончавшимся на 21-мъ году своего управленія Церковію). Находя св. Прокла способнымъ и достойнымъ, Аттикъ произвелъ его въ діаконы, а потомъ въ пресвитера. Но послѣ смерти Максиміана, епископа

константинопольскаго, св. Проклъ, по волѣ императора Θеодосія II-го, занялъ константинопольскую каѳедру около 414-го года и совершилъ погребеніе надъ самимъ предшественникомъ своимъ, Максиміаномъ. Св. Проклъ, по словамъ Сократа, былъ человѣкъ самый добродѣтельный, какимъ только когда бывалъ кто-либо. Образовавшись у Аттика, епископа, по Сократу, ученѣйшаго (хотя и не краснорѣчиваго) и благочестиваго, благоразумнаго, скромнаго и пріятнаго въ обхожденіи, бывшаго, подобно Апостолу, *всѣмъ вся*, св. Проклъ старался подражать ему во всякой добродѣтели. Впрочемъ, терпимостію превосходилъ самого Аттика, который хотя большею частію показывалъ себя кроткимъ по отношенію къ еретикамъ, но иногда и очень строгъ былъ. Между тѣмъ св. Проклъ былъ тихъ и ласковъ ко всѣмъ и еретиковъ старался обращать къ истинной вѣрѣ болѣе скромностію, нежели строгостію. Во время св. Прокла, по его умиленной просьбѣ къ императору, перенесены мощи св. Іоанна Златоустаго изъ Команъ въ Константинополь, на 35-мъ году по его изгнаніи, около 439-го года. По сказанію Акакія 5-го вѣка, архіепископа константинопольскаго, Іоанна Дамаскина, Георгія Кедрина, Никифора Каллиста и другихъ, при св. Проклѣ случилось слѣдующее достопримѣчательное происшествіе: было въ Константинополѣ и другихъ странахъ страшное землетрясеніе, отъ котораго разрушились церкви, дома и стѣны. Императоръ Θеодосій и св. Проклъ положили совершить на судебномъ полѣ общее молебствіе. Когда оно совершалось, во время продолжительнаго народнаго взыванія: Господи помилуй! одинъ отрокъ въ

виду всѣхъ восхищенъ былъ на воздухъ и тамъ слышалъ Ангеловъ, поющихъ: Святый Боже! Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный! Спустившись на землю, онъ пересказалъ, что слышалъ; весь народъ воспѣлъ трисвятую пѣснь, прибавляя къ ней: „помилуй насъ", и землетрясеніе прекратилось. Впрочемъ въ семъ чудесномъ случаѣ нельзя находить происхожденія Трисвятаго, потому что оно было уже въ литургіи св. Апостола Іакова, и притомъ самомъ случаѣ враги христіанства, находившіеся въ Константинополѣ, злословили эту пѣснь прежде, чѣмъ началось оное открытое молебствіе. Только она была до сего времени употребляема въ одномъ Константинополѣ, а съ сего времени императоръ, по совѣту св. Пульхеріи, повелѣлъ пѣть во всей имперіи. Св. Проклъ управлялъ Церковію, по однимъ, съ 431 до 443; и по другимъ съ 434 до 446 года. Память его — 20-го ноября.

Св. Проклъ оставилъ послѣ себя нѣсколько посланій и бесѣдъ, отличающихся возвышенностію и живостію слога, обиліемъ фигуръ и аллегорій. Въ актахъ Ефесскаго собора онъ представляется поборникомъ православія противъ Несторія; его слово въ похвалу Пресвятой Богородицы, бесѣда о воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа и посланіе къ армянскимъ архимандритамъ и пресвитерамъ направлены прямо противъ Несторіевыхъ заблужденій. Впрочемъ болѣе извѣстенъ по высотѣ святости и кротости нрава, нежели по сочиненіямъ.

XXXIX.

Св. Левъ, папа Римскій.

Изъ жизни св. Льва, до вступленія его на каѳедру римской Церкви, которое послѣдовало въ 440-мъ году, извѣстно немногое. Мѣстомъ его рожденія, основываясь на словахъ самого Льва и на свидѣтельствѣ современнаго ему писателя Проспера, съ достовѣрностію можно полагать самый Римъ. О родѣ св. Льва извѣстно не болѣе того,—отца его звали Квинтіаномъ. Принимая же въ соображеніе слова древняго писателя книги о епископахъ римскихъ (который и самого Льва почитаетъ уроженцемъ Тосканы), можно сказать, что онъ былъ тосканецъ. Но кто онъ былъ и къ какому сословію принадлежалъ, сіе неизвѣстно. Гдѣ св. Левъ провелъ свою юность и отъ кого получилъ первоначальное образованіе, на сіе нѣтъ также указанія въ памятникахъ древности; хотя изъ оставшихся послѣ него сочиненій можно съ достовѣрностію заключить, что юность св. Льва не безслѣдно прошла для его ума, и что онъ получилъ весьма хорошее образованіе. Ибо творенія св. Льва, исполненныя красотъ ораторскаго искусства, вполнѣ показываютъ, что сему церковному витіи отъ юности не чужда была рѣчь знаменитыхъ ораторовъ его отечества; его обширное знаніе и глубокое разумѣніе Св. Писанія, церковнаго преданія и писаній отеческихъ ясно свидѣтельствуютъ, что предметы сіи измлада еще занимали умъ и сердце св. Льва. Когда поступилъ онъ на служеніе Церкви, также неизвѣстно. Имя св. Льва въ первый разъ встрѣчается въ письмѣ блаженнаго Августина, писанномъ въ 418 году къ пре-

свитеру (впослѣдствіи папѣ) Сиксту. Въ это время св. Левъ былъ уже аколуфомъ римской Церкви и отправлялся съ письмами отъ папы Зосима къ Аврелію, епископу карѳагенскому. Папа Целестинъ поставилъ св. Льва въ діакона или, какъ говоритъ Геннадій, въ архидіакона римской Церкви. Въ семъ санѣ св. Левъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Целестина въ его пастырскихъ трудахъ и скоро пріобрѣлъ извѣстность во всей Церкви; такъ что во время собора Ефесскаго (III-го вселенскаго) св. Кириллъ Александрійскій вступилъ уже съ нимъ въ переписку и относился къ св. Льву, какъ къ человѣку не только извѣстному, но и имѣющему вліяніе на дѣла Церкви. При Сикстѣ III-мъ, преемникѣ Целестина (умершаго въ 432 году), св. Левъ, движимый любовію къ истинѣ, ревностію къ православію и благосостоянію общественному, не переставалъ также служить вѣрѣ и обществу. Но когда папа Сикстъ III-й умеръ, то клиръ и народъ римскій единогласно избрали и провозгласили преемникомъ Сиксту его архидіакона. Въ сентябрѣ 440 г. св. Левъ торжественно былъ посвященъ въ епископа и возведенъ на каѳедру Церкви римской. Время, когда св. Левъ принялъ кормило правленія римской Церкви, было весьма смутное. Враги внѣшніе и внутренніе непрестанно нарушали миръ Церкви и угрожали чистотѣ вѣры. Но св. Левъ, возведенный Промысломъ Божіимъ на одну изъ высокихъ каѳедръ Церкви Христовой, въ продолженіе своего правленія (20) былъ ревностнымъ защитникомъ православія и неусыпнымъ блюстителемъ церковнаго благочестія. Словомъ и писаніями посрамлялъ онъ лжемудріе несторіанъ и пелагіанъ, поражалъ

нечестіе манихеевъ, дѣятельно содѣйствовалъ къ осужденію евтихіанъ, воспламенялъ ревность по вѣрѣ въ царяхъ, іерархахъ и народѣ, и проповѣдуя истинное ученіе о воплощеніи Бога Слова. Сей доблестный поборникъ православія въ Церкви Вселенской въ то же время словомъ и примѣромъ назидалъ собственно свою паству, уча блюсти вся, елика заповѣда Господь ученикомъ своимъ, и не разъ спасалъ народъ и городъ свой отъ внѣшнихъ враговъ. Послѣ двадцатилѣтняго ревностнаго и славнаго святительскаго служенія, любимый и уважаемый народомъ и царями, св. Левъ, скончавъ теченіе, отошелъ въ блаженную вѣчность 461 года. Память его въ западной Церкви празднуется 11-го апрѣля, а въ Церкви восточной она совершается 18-го февраля, вмѣстѣ съ памятью другаго поборника православія противъ евтихіанъ, св. патріарха Флавіана (Чет. мин. 18-го февр.).

Къ несомнѣннымъ твореніямъ св. Льва принадлежатъ 143 письма, или посланія, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ, и слова, или рѣчи, дошедшія до насъ въ числѣ 96. Всѣ сіи посланія св. Льва писаны имъ во время правленія его Церковію римскою, т.-е. между 440 и 446 годами, по требованію разныхъ обстоятельствъ. По содержанію своему они могутъ быть раздѣлены на:

1) *Посланія догматическія и полемическія.* Содержаніемъ сихъ посланій служитъ низложеніе ересей несторіанской и евтихіанской, въ которыхъ св. Левъ указываетъ два противоположныхъ между собою уклоненія отъ православнаго ученія о воплощеніи Сына Божія. Главнымъ изъ сихъ посланій должно

почитать посланіе къ Флавіану, въ которомъ св. Левъ объясняетъ и доказываетъ какъ двоякое рожденіе Господа Іисуса Христа,—вѣчное отъ Отца по Божеству и временное отъ Маріи Дѣвы по человѣчеству,—такъ и соединеніе во единомъ Лицѣ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго, неслитно и неизмѣнно сочетаваемыхъ,—и такимъ изложеніемъ догмата о Лицѣ Іисуса Христа полагаетъ преграду тому лжеученію, какое въ догматъ сей вводитъ Евтихій.

2) *Посланія каноническія.* Въ сихъ посланіяхъ св. Левъ преимущественно даетъ правила, какія должно соблюдать при избраніи и рукоположеніи епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, а также предписываетъ правила жизни священнослужителямъ и клирикамъ. Неуклонно слѣдуя словамъ Апостола, св. Левъ не позволяетъ ни двоеженцевъ, ни женатыхъ на вдовахъ оставлять въ санѣ священства. Запрещаетъ также возводить въ сей санъ рабовъ, не получившихъ еще свободы, и пр.

Всѣ слова св. Льва, такъ же, какъ и посланія, писаны имъ во время епископскаго служенія. Св. Левъ, проповѣдуя слово Божіе въ дни торжествъ и моленій церковныхъ, примѣнительно къ мысли и значенію того или другаго изъ нихъ, и сообразуясь съ требованіями времени, уясняетъ въ словахъ своихъ разные догматы вѣры и предлагаетъ многія правила христіанской дѣятельности.

XL.

Св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

Св. Іоаннъ родился, вѣроятно, въ Константинополѣ. Онъ называется *Схоластикомъ*, и это указы-

ваетъ на его и мірскуюзначительную образованность. *Лѣствичникомъ же* онъ названъ за свое сочиненіе о степеняхъ духовной жизни.

Будучи 16-ти лѣтъ, Іоаннъ уже оставилъ всѣ свои надежды на мірскую славу, которую обѣщали ему дарованіе и образованность. Вмѣсто исканія мірской славы и почестей, онъ отдалъ себя на Синайской горѣ въ полную зависимость старцу Мартирію; а спустя послѣ этого четыре года, облеченъ былъ уже въ монашескую одежду.

Послушаніе Іоанна старцу такъ было велико, что, казалось, онъ совсѣмъ не имѣлъ своей воли ни въ чемъ; между братіями же онъ представлялъ изъ себя простяка, человѣка какъ бы вовсе необразованнаго, тогда какъ образованъ былъ лучшимъ образомъ.

Вотъ почему духовная прозорливость, при самомъ постриженіи его въ иночество, указала въ немъ великаго будущаго свѣтильника Церкви.

Проживъ подъ руководствомъ Мартирія 19 лѣтъ, святый Іоаннъ, по смерти своего старца, рѣшился избрать уединенную жизнь въ пустынѣ, извѣстной подъ именемъ Ѳола, которая находилась въ углубленіи долины, при подошвѣ Синая. Отъ пустынной келліи Іоанна до синайской обители было два часа пути, не менѣе 8 верстъ. Отсюда въ каждую субботу и воскресенье св. пустынникъ приходилъ въ синайскій храмъ слушать Богослуженіе и пріобщаться Св. Тайнъ. Отсюда же, вѣроятно, онъ путешествовалъ и въ Скитскую пустыню и въ монастырь Тавенны, для собранія свѣдѣній о духовныхъ опытахъ, о которыхъ говоритъ въ своемъ сочиненіи. Но, чтобы не обмануться въ себѣ, онъ посто-

янно обращался за совѣтами къ св. старцу Георгію Аралаиту.

Образъ жизни св. Іоанна отличался преимущественно уклоненіемъ отъ всего особенно выдающагося. На трапезѣ онъ вкушалъ все, дозволенное правилами, хотя и сохранялъ умѣренность; ночей не проводилъ безъ сна, хотя и не спалъ много; время, свободное отъ молитвы, посвящалъ или чтенію, или списыванію книгъ. Чтобы какъ можно менѣе извѣстны были его подвиги, онъ по временамъ уходилъ въ пещеру; и здѣсь-то душа его изливалась въ пламенныхъ молитвахъ... Когда бывалъ съ братіями, охотно бесѣдовалъ съ ними; но когда нѣкоторые стали въ этомъ подозрѣвать его тщеславіе,—Іоаннъ наложилъ на себя совершенное молчаніе и цѣлый годъ пробылъ въ безмолвіи, до тѣхъ поръ, когда соблазнявшіеся увидѣли свою ошибку и всѣ просили Іоанна не лишать ихъ духовной пользы, какую доставляли имъ бесѣды его.

Когда, такимъ образомъ, св. Іоаннъ уже 40 лѣтъ провелъ въ пустынѣ, — общимъ желаніемъ братіи избранъ былъ въ игумена синайской обители. Но управлялъ духовною паствою Синая только 4 года, по прошествіи которыхъ опять возвратился въ уединеніе, и жилъ тамъ до самой своей кончины, которая послѣдовала на 80-мъ году его жизни, въ 563 году отъ Р. Х. Память его совершается 30-го марта и въ 4-й воскресный день Великаго поста.

Въ игуменство св. Іоанна, въ Палестинѣ и Аравіи случилась засуха. Жители обратились къ Іоанну, какъ ко второму Иліи, умоляя его помолиться о дождѣ. По молитвѣ Іоанна, обильный дождь напоилъ жаждущую землю.

По просьбѣ игумена раиѳскаго, св. Іоаннъ Синайскій написалъ сочиненіе, подъ названіемъ—„Лѣствица“, въ которой представилъ 30 степеней духовнаго восхожденія къ совершенству, начиная отреченіемъ отъ міра и кончая высшимъ совершенствомъ—любовію.

Лѣствица отличается глубокою духовною опытностію, которою запечатлѣна каждая частная мысль ея. Съ опытностію въ Лѣствицѣ видно глубокое знаніе Св. Писанія автора ея. Рѣдкую мысль св. Лѣствичникъ высказываетъ безъ освѣщенія ея прямымъ или косвеннымъ указаніемъ на Св. Писаніе. Языкъ Лѣствицы простой, но чистый и живой, какъ выраженіе чистаго сердца, глубоко чувствующаго каждую мысль: онъ въ немногихъ словахъ выражаетъ многое, и потому полное силы. Опытные въ иноческой жизни отцы, каковы—Ѳеодоръ Студитъ, Іосифъ Волоколамскій и другіе, въ своихъ наставленіяхъ обыкновенно указывали на Лѣствицу, какъ на лучшую иноческую книгу; и потому Лѣствица св. Іоанна всегда была и есть настольною книгою для иноковъ, жившихъ и живущихъ въ общежитіяхъ. Мало того, св. Церковь признаетъ эту книгу назидательною и для мірянъ, когда уставомъ своимъ полагаетъ читать ее на богослуженіяхъ въ Великомъ посту. Сжатое изложеніе и опытная глубина мыслей Лѣствицы были причиною того, что на нее въ древности писали объясненія, напр. Іоаннъ — игуменъ раиѳскій, Илія критскій, митрополитъ VIII вѣка, жившій вскорѣ послѣ Фотія, и др. Лѣствица издавна извѣстна на греческомъ и латинскомъ языкахъ; а на славянскій языкъ она переведена еще въ первыя времена христіанства

между славянами; а въ настоящее время имѣется и на русскомъ языкѣ, въ изданіяхъ Московской Академіи 1854 г. и Оптиной пустыни 1862 г. Есть даже отличный разборъ этого сочиненія, подъ названіемъ—„Преп. Іоаннъ Лѣствичникъ и его Лѣствица", соч. іером. Германа, нынѣ епископа уфимскаго, изд. 1855 г. С.-Петербургъ. Есть на Лѣствицу и прекрасное слово Иннокентія Херсонскаго, въ недѣлю 4 Великаго поста.

Кромѣ Лѣствицы, св. авторъ ея къ тому же Іоанну раиѳскому написалъ еще книгу—*Къ пастырю*, съ объясненіемъ обязанности духовнаго пастыря.

XLI.

Св. Исаакъ Сиринъ.

Свѣдѣнія, передаваемыя намъ исторіею о св. Исаакѣ Сиринѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ его твореніямъ: по нимъ можно судить о духѣ, характерѣ и направленіи его ученія; но этихъ свѣдѣній весьма мало дошло до насъ. Знаемъ только, что онъ родился въ Ниневіи, въ V вѣкѣ по Р. Х., а въ какомъ именно году и отъ какихъ родителей, неизвѣстно. Неизвѣстно и то, гдѣ и какое получилъ онъ образованіе. Можно только предполагать, что онъ воспитался въ стѣнахъ монастырскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ въ христіанской жизни, отцевъ-подвижниковъ, и развился своимъ собственнымъ чтеніемъ и размышленіями, потому что, оставивъ міръ еще въ цвѣтущей юности, удалился сперва въ общежительный монастырь, а потомъ въ пустыню. Изъ пустыни слухъ о высокихъ подвигахъ и просвѣщеніи Исаака до-

шелъ до его бывшихъ согражданъ и возбудилъ въ нихъ общее желаніе—просить его на епископскій престолъ Ниневіи. Св. отецъ-подвижникъ изъявилъ свое согласіе на ихъ просьбу; но, пробывъ на каѳедрѣ ниневійской, кажется, одинъ только день, опять удалился въ Скитскую пустыню въ Египтѣ и былъ тамъ до конца своей жизни *). Скончался около половины VI вѣка и причтенъ Церковію къ лику святыхъ. Память его совершается 28-го января. Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о жизни св. Исаака Сирина.

Предавши всего себя Богу и сосредоточенный—сперва въ кругу опытныхъ подвижниковъ благочестія, а потомъ въ самомъ себѣ, св. Исаакъ имѣлъ всю возможность собственнымъ опытомъ изучить порядокъ богоугодной жизни. Кромѣ того, избранный во епископа, онъ имѣлъ случай собственными глазами видѣть степень христіанскаго образованія и нравственности своихъ современниковъ. И вотъ, имѣя въ виду современный упадокъ христіанскаго просвѣщенія, происшедшій вслѣдствіе разоренія и закрытія многихъ христіанскихъ училищъ, а также великій упадокъ христіанской нравственности, при извѣстныхъ богословскихъ спорахъ о христіанскихъ догматахъ и при появленіи многихъ ересей, но, болѣе всего, побуждаемый внутреннимъ влеченіемъ, силою благочестія, любовію къ ближнимъ и желаніемъ возвысить уровень ихъ нравственнаго образованія,—св. Исаакъ, въ назиданіе своихъ современниковъ и потомковъ пишетъ свои

*) Причиною оставленія св. Исаакомъ еп. каѳедры было дерзкое неповиновеніе не только ему, но и Евангелію, одного изъ его пасомыхъ, котораго онъ просилъ подождать долгъ за своимъ ближнимъ.

нравственно-аскетическія поученія. „Сіе на память себѣ и всякому,—говоритъ онъ,—читающему сочиненіе сіе, написалъ я, какъ заимствовалъ изъ Писаній, изъ повѣданнаго правдивыми устами, а нѣчто—изъ собственнаго опыта, чтобы послужило это въ помощь тѣмъ, кому будетъ сіе на пользу". (Сл. 65, стр. 493-я). Это сочиненіе предлагаю „для возбужденія и просвѣщенія душъ вашихъ и всѣхъ читающихъ оное, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, воспрянутъ и, вожделѣвъ сего, приступятъ къ дѣланію". (Сл. 15, стр. 88-я). Такимъ образомъ и изъ пустыни св. Исаакъ, какъ бы съ каѳедры епископской, свѣтилъ міру и своею жизнію, и своимъ ученіемъ: „былъ учителемъ и руководителемъ всѣхъ и всѣмъ вообще былъ пристанище спасенія" (Хр. Чт. 1821, т. 2).

Въ своихъ поученіяхъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ раскрытію правилъ нравственно-христіанскаго ученія и жизни, св. отецъ изображаетъ нравственную жизнь человѣка съ глубокимъ знаніемъ различныхъ сторонъ этой жизни и самыхъ таинственныхъ движеній души человѣческой. Въ нихъ онъ заботливо, какъ бы за руку, проводитъ своихъ читателей по всему пути къ нравственному совершенству, то устрашая ихъ, то ободряя, то, наконецъ, изумляя раскрытіемъ таинственнѣйшихъ состояній человѣка въ единеніи съ Богомъ. Просвѣтленный благодатію взоръ его проникаетъ въ самые сокровенные изгибы сердца человѣческаго, и онъ изображаетъ, со всею возможною вѣрностію Евангельскому ученію, глубоко-назидательную картину нравственной жизни—и грѣшника,—и человѣка, который еще борется съ грѣхомъ за правед-

ность,—и праведника, утвердившагося въ доброй жизни. „Подлинно божественно сіе тайноводство,—говорится объ ученіи св. Исаака въ житіи его,—какъ преподающее самую высокую добродѣтель и указывающее самый верхъ совершенства; а такъ же божественъ, возвышенъ и совершенъ и тайноводитель,—ибо, какъ говоритъ, опытно извѣдалъ все то, чему наставленъ былъ Божественною благодатію,—дознанъ это и написалъ“. (Кратк. свѣд. о жизни св. Исаака. Изд. 1858 г. стр. VI).

Представляя раздѣльно различныя состоянія души человѣческой, св. Исаакъ, при свѣтѣ Божественнаго откровенія, построяетъ на нихъ все свое христіанское нравоученіе: человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; по назначенію его, сторона духовная должна бы имѣть въ немъ перевѣсъ надъ тѣлесною, но онъ не устоялъ—палъ. Вслѣдствіе паденія плоть человѣка взяла перевѣсъ надъ духомъ,—всѣ силы души разстроились, онъ ниспалъ въ состояніе грѣховное,—состояніе ненормальное. Возвратиться изъ этого состоянія въ состояніе первобытное человѣкъ можетъ не иначе, какъ только подъ условіемъ покаянія и вѣры въ Евангеліе,—подъ условіемъ собственныхъ подвиговъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и утвержденіи себя въ добродѣтели, при содѣйствіи благодати Божіей. Укрѣпляясь болѣе и болѣе въ борьбѣ съ врагами своего спасенія и грѣхомъ, и такимъ образомъ преуспѣвая постепенно въ добродѣтельной жизни, восходя отъ силы въ силу въ своемъ стремленіи къ единенію съ Богомъ, человѣкъ, наконецъ, можетъ, побѣдивъ свою грѣховную природу, войти въ это блаженное таинственное единеніе,—достигнуть своей цѣли и на-

значенія. Таково, въ общихъ чертахъ, развитіе нравственной жизни, по ученію св. Исаака. Отсюда въ правоученіи его, очевидно, *три степени*, постепенно ведущія человѣка отъ совершенства къ совершенству. *Первая степень* — состояніе грѣховное, въ которомъ преобладаетъ тѣло, и которое св. отецъ называетъ *плотскимъ*, или *противуестественнымъ*; *вторая степень*—состояніе борьбы съ грѣхомъ и утвержденіе въ добродѣтельной жизни, гдѣ уравновѣшиваются тѣлесная и духовная стороны природы человѣка: это состояніе св. Исаакъ называетъ *душевнымъ*, или *естественнымъ*; *третья степень* высшей, духовной, созерцательной жизни, гдѣ перевѣсъ на сторонѣ духа, у св. Исаака называется *духовною*, *сверхъ*-или *выше-естественною*. Эти три степени св. Исаакъ называетъ еще—первою, второю и третью степенью вѣдѣнія, такъ какъ всѣ пути и направленія зависятъ, главнымъ образомъ, отъ такого или другаго вѣдѣнія, или знанія дѣла (сл. 28, сп. Сл. 3, 4, 55 и Сл. 25, 26, 27, 28). Всѣхъ словъ св. Исаака 91. Они изданы въ одной книгѣ (Москва 1852 г.) на русскомъ языкѣ. Есть и руководство къ уразумѣнію ихъ, подъ названіемъ „Нрав. ученіе св. Исаака Сирина", изд. Спб. 1874 года.

XLII.

Святый Григорій Двоесловъ.

Григорій, называемый Двоесловомъ и Великимъ, родился отъ римскаго сенатора Гордіана и самъ былъ сенаторомъ и префектомъ Рима. Сдѣлавшись полнымъ наслѣдникомъ громаднаго имущества родителей, онъ, будучи еще человѣкомъ свѣтскимъ,

построилъ на свое иждивеніе до 6-ти монастырей въ Сициліи. Потомъ оставилъ сенаторскія палаты, поселился въ тѣсной келліи одной изъ построенныхъ имъ обителей,—сдѣлался простымъ сицилійскимъ монахомъ.

Въ 577 году онъ посвященъ былъ въ *діакона*, такъ называвшагося *регіонарія*. Вскорѣ за тѣмъ, въ званіи уже *апокрисіарія*, по нѣкоторымъ дѣламъ посланъ былъ въ Константинополь. Пребывая въ Константинополѣ, Григорій старался пріобрѣсть точныя свѣдѣнія объ обрядахъ восточной Церкви, въ которой, послѣ Апостоловъ, процвѣтали весьма многіе святые мужи вѣры. Возвратившись въ Римъ въ 585 году, въ 590—онъ избранъ былъ въ архіепископа римскаго.

При самомъ вступленіи на епископскій престолъ, св. Григорій обнаружилъ духъ свой тѣмъ, что для прекращенія язвы, тогда свирѣпствовавшей, установилъ и на будущее время народное Богослуженіе, подъ именемъ *Седмиобразнаго*; потомъ соборами и посланіями поддерживалъ нѣкоторыя Церкви, колебавшіяся между православіемъ и заблужденіями; клиръ и пустынниковъ возвращалъ къ ихъ обязанностямъ своими вразумленіями; противниковъ Церкви и еретиковъ, съ непреодолимою ревностію, иногда и съ помощію гражданской власти, возвращалъ къ Церкви или отсѣкалъ отъ нея. Для распространенія вѣры между язычниками, изыскивалъ, наставлялъ и поощрялъ проповѣдниковъ. Испытавъ пагубу, происходившую отъ языческихъ книгъ, сжегъ палантинское книгохранилище. А когда услышалъ, что константинопольскіе архіепископы—Іоаннъ Постникъ и потомъ Киріакъ—

приняли блистательный титулъ *вселенскаго патріарха*, то нещадно вооружился противъ нихъ, объявивъ во всеуслышаніе титулъ этотъ опаснымъ для вѣры; и со смиреніемъ, достойнымъ пастыря Христова, называлъ себя „рабомъ всѣхъ священниковъ“. Постоянно больной, онъ неутомимо трудился по должности пастыря: особенно ревностно—и въ сочиненіяхъ, и на соборахъ—вооружался противъ симоніи; прекращалъ всякія распри; ввелъ лучшій порядокъ въ управленіе церковное; милостивъ къ бѣднымъ былъ до крайности: любилъ съ бѣдными раздѣлять свою трапезу, за которою удостоился принимать не только Ангеловъ, но и Самого Господа. Заслуживъ, такимъ образомъ, имя *великаго*, св. пастырь скончался въ 604 году. Память его въ православно-христіанской Церкви совершается 12-го марта.

Отъ св. Григорія осталось много сочиненій. Извѣстны его: 1) *Правило пастырское*, содержащее въ себѣ наставленіе для пастыря: каковъ онъ долженъ быть, какъ долженъ вести себя, какъ кого долженъ учить и какъ долженъ слѣдить за собою. Книга эта, необходимая для всякаго священника и епископа, переведена на русскій языкъ въ Кіевѣ. 2) *Разговоры*, или собесѣдованія, *о жизни и чудесахъ италійскихъ отцевъ*, содержащія въ себѣ извѣстія о подвигахъ св. отцевъ и о дѣлахъ благодати. По этому сочиненію св. Григорій названъ бесѣдовникомъ, или „Двоесловомъ“. Сочиненіе это—въ 4-хъ книгахъ—такъ назидательно, что многія изъ повѣствованій его помѣщены въ прологѣ. 3) *Письма* св. Григорія, всего до 848, заключаютъ въ себѣ много нравственныхъ наставленій. Такъ, въ

письмѣ къ восточнымъ патріархамъ прекрасно изображенъ добрый христіанскій пастырь. 4) Любилъ св. Григорій *изъяснять Св. Писаніе.* Онъ объяснилъ книги: *Іова, Пѣснь Пѣсней, пр. Іезекіиля, Евангеліе.* Объясненія его содержатъ въ себѣ много мыслей ясныхъ и назидательныхъ, особенно о предметахъ нравственныхъ. Вообще область, гдѣ св. Григорій былъ дѣйствительно не малымъ, была область нравоученія. Но глубокимъ знаніемъ Писанія, по словамъ Филарета Черниговскаго, св. Григорій своихъ толкованій не запечатлѣлъ.

Особенно же много св. Григорій оставилъ трудовъ по исправленію и упорядоченію римскаго Богослуженія. „Но, какъ не глубокій знатокъ Св. Писанія и догматики, Григорій первый сталъ говорить западу объ огнѣ чистилищномъ“, напрасно указывая на слова Писанія 2 Кор. III, 12, 31. Dialog, lib. 4,—заключаетъ Филаретъ Черниговскій.

XLIII.

Св. Софроній, патріархъ Іерусалимскій.

Св. Софроній былъ и есть великій свѣтильникъ Церкви не только палестинской, но и всей восточной. Родомъ онъ изъ Дамаска, гдѣ и получилъ блестящее образованіе,—слушалъ риторику и философію, изучалъ Св. Писаніе. Это показываетъ и названіе его въ мірской жизни софистомъ, и особенно показываютъ его собственныя сочиненія.

Благочестіе съ ранней юности жило въ душѣ Софронія, такъ что онъ свѣтской жизни предпочелъ монашескую. Руководителемъ его въ жизни духовной былъ просвѣщенный и благочестивый инокъ

Іоаннъ Мосхъ, съ которымъ онъ путешествовалъ по разнымъ обителямъ и посѣщалъ многихъ подвижниковъ, присматриваясь къ ихъ подвигамъ и изучая жизнь ихъ. Плодомъ этихъ путешествій явилась цѣлая книга, извѣстная и на русскомъ языкѣ подъ названіемъ—„Лугъ духовный“.

Дѣятельность св. Софронія противъ ереси монофелитовъ началась въ Александріи. Въ бытность его здѣсь, Киръ, александрійскій патріархъ, далъ Софронію прочитать свое изложеніе вѣры, которымъ онъ думалъ привлечь къ своей Церкви монофизитовъ. Прочитавъ Кирово изложеніе вѣры, Софроній со слезами просилъ и умолялъ Кира или исправить, или не обнародывать въ Церкви новаго исповѣданія, потому что въ немъ заключалась ересь монофелитская. Киръ не послушалъ Софронія, и ересь, къ великому соблазну православныхъ, обнаружила себя въ самомъ Константинополѣ.

Къ счастію, св. Софроній скоро (въ нач. 634 г.) возведенъ былъ на іерусалимскій патріаршескій престолъ и немедленно созвалъ соборъ, читалъ на немъ свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ подробно показалъ неправомысліе монофелитовъ, и, дабы дать пособіе къ низложенію ихъ, писалъ свои окружныя посланія ко всей Церкви, отправилъ вмѣстѣ съ дѣяніями собора и свое исповѣданіе къ прочимъ епископамъ и патріархамъ. Вслѣдствіе сего успѣхи ереси остановились, хотя еще не окончились. Великій святитель скончался въ 641 году. Память его празднуется 11-го марта. Его называютъ первымъ противникомъ монофелитовъ и послѣднимъ патріархомъ іерусалимскимъ. При немъ мусульманскій вождь Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ.

Изъ твореній св. Софронія, одни содержатъ въ себѣ *догматическое ученіе*, другія—*назиданіе въ благочестіи.*

Догматическое ученіе св. Софронія заключается *въ его соборномъ посланіи съ исповѣданіемъ вѣры.* Оно одобрено было на VI вселенскомъ соборѣ, какъ вполнѣ согласное съ ученіемъ Апостоловъ и отцевъ Церкви. Въ немъ св. Софроній, согласно съ своими цѣлями, излагаетъ: а) свое исповѣданіе Св. Троицы; б) излагаетъ догматъ о воплощеніи Бога Слова, причемъ въ Лицѣ Іисуса Христа показываетъ ясно единство ѵпостаси — противъ Несторія, и различіе естествъ—противъ Евтихія; в) въ частности обличеніе евтихіанства прилагаетъ къ монофелитству и показываетъ въ Іисусѣ Христѣ два рода дѣйствій — Божескія и человѣческія; наконецъ г) исчисляетъ порознь дѣла человѣческой и Божеской дѣятельности. (Посланіе издано у Бинея т. 3, р. 158 — 182; у Ляббея т. 6, р. 852). Догматическое же ученіе св. Софронія заключается и *въ словѣ его на крещеніе Спасителя.* Изображеніе явленія Св. Троицы на Іорданѣ—вообще, св. отецъ, въ частности, раскрываетъ въ этомъ словѣ ту истину, что Іисусъ Христосъ, единосущный Богу Отцу, какъ Сынъ Божій, единосущенъ намъ по человѣчеству, и что въ Немъ проявились дѣйствія воли Божественной, согласно съ волею Отца, и дѣйствія воли человѣческой, свойственныя Его человѣческому естеству.

Нравственное ученіе св. Софронія содержится въ словахъ его: о Крестѣ, на Рождество Христово, на Срѣтеніе Господне, на Благовѣщеніе, объ Іоаннѣ Крестителѣ, объ Іоаннѣ Богословѣ, на день Арх.

Михаила, на Петра и Павла и въ сочиненіи о дѣвствѣ (Слова его изданы по частямъ Монфокономъ, Лямбезомъ, Майомъ и Голландомъ). О Софроніевомъ описаніи житія св. Маріи Египетской, которое и донынѣ читается въ Церкви въ Великій постъ, съ похвалою отзывался св. Іоаннъ Дамаскинъ.

Особенно драгоцѣнно Софроніево *объясненіе на Литургію*. Замѣчательны также и *трипѣсницы* св. Софронія, недавно изданныя для ученой набожности, но давно вышедшія изъ церковнаго употребленія, для котораго св. Софроній писалъ еще: полный чинъ часовъ на Рождество Христово, съ *тропарями*, или самогласными *стихирами*; чинъ часовъ Великаго Пятка со стихирами, не во всемъ, впрочемъ, сходный съ нынѣшнимъ; стихиры на водоосвященіе въ день Богоявленія, съ молитвою.

Новѣйшіе критики съ величайшими похвалами отзываются о поэтическихъ произведеніяхъ св. Софронія, т.-е. о его пѣсняхъ церковныхъ и эпиграммахъ, изъ которыхъ многія находятся и въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ (Литургія и трипѣсницы изданы Майомъ. См. Specill. Rom. t. 4, p. 37—48; 125—225).

XLIV.

Преподобный авва Дороѳей.

Св. Дороѳей сначала былъ ученикомъ св. Іоанна Прозорливаго въ палестинскомъ монастырѣ аввы Серида, а потомъ и самъ былъ наставникомъ многихъ учениковъ своихъ въ устроенной имъ палестинской обители.

Въ молодыхъ лѣтахъ онъ занимался науками съ

пламенною любовію. „Когда учился я внѣшнему ученію,—пишетъ онъ самъ о себѣ,—то въ началѣ весьма тяготился я ученіемъ; такъ что когда приходилъ я брать книгу, то шелъ какъ бы къ звѣрю. Но когда сталъ я принуждать, — то Богъ помогъ мнѣ, и я такъ привыкъ, что не зналъ, что ѣлъ, что пилъ, какъ спалъ, отъ теплоты, ощущаемой при чтеніи. Никогда не могли завлечь меня за трапезу къ кому-либо изъ друзей моихъ, даже не ходилъ къ нимъ и для бесѣды во время чтенія, хотя любилъ я общество и любилъ товарищей моихъ. Когда отпускалъ насъ философъ, и я умывался (ибо имѣлъ нужду каждый день прохлаждаться водою, такъ какъ изсыхалъ отъ чрезмѣрнаго чтенія), я отходилъ туда, гдѣ жилъ, не зная, что буду ѣсть, ибо не хотѣлъ тратить времени для распоряженія насчетъ пищи“.

Ту же любовь, ту же неутомимость имѣлъ онъ и въ образованіи себя въ духовной жизни, когда удалился въ пустыню.

Когда пришелъ я въ монастырь,—продолжаетъ св. авва разсказывать о себѣ,—то говорилъ себѣ: если столько любви, столько теплоты было для внѣшней мудрости, такъ что отъ всего прочаго былъ я свободенъ и привыкъ къ одному,—тѣмъ болѣе должно быть для добродѣтели—и тѣмъ укрѣплялся“.

Поступивъ въ монастырь Серида, Дороѳей выстроилъ больницу и служилъ въ ней съ особенною, неусыпною любовію больнымъ и страннымъ. Несмотря на это, неопустительно бывалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ. Аввѣ Іоанну Прозорливому открывалъ всѣ свои помыслы; а когда поступилъ къ нему въ услуженіе,- совершенно предался въ

его волю... Десять лѣтъ Дороѳей служилъ прозорливому старцу; и только по смерти его оставилъ Серидовъ монастырь и построилъ свой собственный, въ которомъ былъ игуменомъ и истиннымъ руководителемъ въ жизни духовной. Блаженная кончина его относится къ 620 году. Св. Церковь празднуетъ память его 5-го іюня.

Плодомъ учености и подвижничества св. Дороѳея служатъ его 25 превосходныхъ подвижническихъ наставленій, имѣющихся и на русскомъ языкѣ. Въ нихъ краснорѣчіе сердечное,—говоритъ Филаретъ, архіеп. черниговскій,—прикрываетъ, но не всегда успѣваетъ скрыть, дары науки,—правильный порядокъ мыслей, точныя опредѣленія, чистоту выраженій. Отличительное свойство ихъ—простота, но простота чистой души, свойственная помазаннымъ отъ святаго; и эта простота сообщаетъ его бесѣдѣ необыкновенную сладость. Недаромъ еще препод. Ѳеодоръ Студитъ называлъ авву Дороѳея *богомудрымъ и святымъ* и указывалъ на древнее общее уваженіе къ нему.

XLV.

Св. Максимъ Исповѣдникъ.

Послѣ Софронія Іерусалимскаго, или лучше вмѣстѣ съ нимъ, св. Максимъ былъ ревностнѣйшимъ защитникомъ истины противъ моноѳелитовъ и столько испыталъ отъ нихъ кровавыхъ страданій, сколько никто другой.

Рожденный отъ благородной константинопольской фамиліи, онъ получилъ образованіе, какого требовало происхожденіе его. Онъ былъ секрета-

ремъ императора Ираклія; но, уклоняясь отъ усилившагося при дворѣ монооелитскаго ученія, въ 641 году онъ удалился въ Африку, гдѣ убѣдилъ произнесть соборное осужденіе монооелитству.

Въ 645 году Максимъ перешелъ въ Римъ и убѣдилъ папу Мартина созвать противъ монооелитовъ соборъ. Латеранскій соборъ, душою котораго былъ Максимъ, осудилъ монооелитское ученіе, отвергъ и *эковзисъ* Ираклія, и *типосъ* Константа, въ которыхъ оно излагалось. Имп. Констансъ видѣлъ, что ученію его препятствуютъ болѣе всего папа Мартинъ и преп. Максимъ; поэтому Мартина осудилъ на заточеніе, гдѣ онъ и скончался въ 655 году, а Максима военною рукою велѣлъ взять изъ Рима въ Константинополь. Максимъ и здѣсь побѣдоносно обличалъ всѣ клеветы противъ него и св. вѣры. Констансъ сперва сослалъ его во Фракію (656 г.) и потомъ вскорѣ опять вызвалъ въ Константинополь, заключилъ въ темницу, обѣщаніями и угрозами принуждалъ его къ единомыслію съ собою; но, не получивъ согласія, велѣлъ, наконецъ, бить жилами и отрѣзать языкъ ему. Когда же и послѣ того Максимъ не переставалъ обличать ересь письмами, Констансъ отсѣкъ ему руку, съ насмѣшками и побоями влачилъ его по улицамъ города. Наконецъ, въ 662 г., изъ темницы Схемарской, что въ Мингреліи, св. Исповѣдникъ переселился на небо. Память его—21-го января.

Преподобный Максимъ оставилъ по себѣ много своихъ сочиненій о разныхъ предметахъ. Изъ нихъ извѣстны слѣдующія: 1) *О любви 400 главъ*, сочиненіе вполнѣ достойное всеобщаго и точнаго изу-

ченія: оно есть на русскомъ языкѣ. 2) *Сочиненіе подвижническое*, въ вопросахъ и отвѣтахъ. 3) *О добродѣтели и порокѣ 500 главъ*. 4) *О гордости*. 5) *О любви и печали по Богѣ*. 6) *Тайноводство*, или изъясненіе литургіи, богатое высокими мыслями. 7) *Два тома догматовъ*. 8) *О двухъ воляхъ во Христѣ, о двухъ естествахъ во Христѣ, о дѣйствіяхъ и воляхъ во Христѣ*—всѣ противъ монофизитовъ. 9) *О происхожденіи Св. Духа:* „Хотя нѣкоторые и говорятъ на западѣ,—пишетъ здѣсь св. Максимъ,—о происхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, но тѣмъ они выражаютъ только единосущіе Сына Бож. со Св. Духомъ, твердо зная, что одна есть вина Сына и Духа—Отецъ, одного по рожденію, другаго по происхожденію. 10) *О душѣ* и ея дѣйствіяхъ. 11) *О качествѣ, собственномъ и разности* и др.

Вообще преп. Максимъ былъ представителемъ діалектически-созерцательнаго направленія мыслей, но съ своею особенною глубиною и проницательностію мысли. Онъ любилъ заниматься философіею, но не мало занимался и изъясненіемъ Св. Писанія; толкованія его богаты высокими догматическими и нравственными мыслями, хотя иногда—по духу своего времени—и уклоняются въ область иносказаній. Началомъ духовной жизни въ человѣкѣ святый Максимъ признаетъ вѣру,—но вѣру живую, а не безплодную,—вѣру любящую. Замѣчательны его мысли о рабствѣ: „Оно, — говоритъ св. отецъ,—есть разореніе правды, униженіе начальнаго равенства, оскорбленіе Образа Божія, словомъ — слѣдствіе грѣха; тогда какъ христіанство возводитъ человѣка въ первоначальное достоинство его.

XLVI.

Св. Андрей Критскій.

Св. Андрей, архіепископъ критскій, родился въ Дамаскѣ; первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей; на 14-мъ году жизни удалился—для подвижнической жизни—въ іерусалимскую обитель св. Саввы Освященнаго и носилъ на себѣ, поэтому, названіе іерусалимиста.

Строгая жизнь скоро сдѣлала его извѣстнымъ. Правитель патріархіи Ѳеодоръ принялъ Андрея къ себѣ въ секретари-синкеллы. Въ 679 г., вмѣстѣ съ другими двумя довѣренными патріарха, онъ отправлялся на 6-й вселенскій соборъ. Возвратясь въ Іерусалимъ со спискомъ опредѣленій собора, св. Андрей продолжалъ подвизаться здѣсь въ постѣ и молитвѣ, ревностно изучая Слово Божіе и писанія отцевъ.

Слава его подвиговъ вызвала его снова въ Константинополь, гдѣ патріархъ Константинъ посвятилъ его въ діакона великой Софійской церкви и поручилъ ему пріятную должность—питателя сиротъ. Но при императорѣ Юстиніанѣ 2-мъ онъ поставленъ въ архіепископа критскаго. Ревностно св. Андрей проповѣдывалъ паствѣ своей Слово Божіе и защищалъ ее молитвами своими отъ нападенія арабовъ. Уже покрытый сѣдинами, онъ говорилъ похвальныя слова святымъ. На возвратномъ пути изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ на соборѣ 712 года, св. Андрей скончался неподалеку отъ Митилены. Память его въ св. Церкви совершается 4-го іюля.

Въ твореніяхъ своихъ архипастырь критскій является по преимуществу церковнымъ витіею и священнымъ поэтомъ.

Памятниками церковнаго Андреева витійства служатъ дошедшія до насъ 20 словъ его. Какъ священный поэтъ, св. Андрей обезсмертилъ себя въ своемъ „Великомъ Канонѣ". 250 тропарей этого канона представляютъ самое высокое произведеніе поэзіи по тону своему, хотя писаны не стихами, а прозою. Въ нихъ слишкомъ много живаго и глубокаго, святаго чувства,—много образовъ, изображающихъ истину! „Здѣсь истина вѣры, поражая чувство, возбуждаетъ образы и сама является во свѣтѣ, соединяясь съ тѣми и другими,—говоритъ преосвященный Филаретъ Черниговскій. Одна мысль,—мысль о нуждѣ для грѣшной души обращенія къ Богу даетъ разнообразію частей стройный составъ; одно чувство,—чувство сокрушенія проникаетъ всѣ части цѣлаго. Духовное око св. поэта зритъ событія обоихъ завѣтовъ во свѣтѣ вѣры; лица свящ. исторіи то представляютъ ему образы духовной жизни, то примѣрами паденія возбуждаютъ къ строгому подвигу: въ томъ и другомъ случаѣ изображаютъ тайны внутренней жизни. Св. Андрей смотритъ на свящ. исторію окомъ древности, озаренный свѣтомъ откровенія; но у него всего болѣе въ движеніи чувство,—чувство, занятое скорбію о грѣхѣ и гибели страстей. При первой мысли о томъ или другомъ душа его вся обращается къ своему плачевному состоянію,—вопіетъ ко Господу о милости и только по временамъ восторгается сладкимъ упованіемъ на Бога во Христѣ Іисусѣ.

Въ русскомъ переводѣ великій канонъ изданъ въ „Христ. Чт.“ 1830 года. Отлично хорошій переводъ стихами, изд. 1827 г. Спб.

XLVII.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ.

Въ VIII вѣкѣ самымъ знаменитымъ учителемъ и церковнымъ пѣснопѣвцемъ былъ св. Іоаннъ, по мѣсту рожденія, Дамаскинъ.

Отецъ Іоанна Сергій, министръ при дворѣ дамасскаго калифа, долго искалъ для своего сына достойнаго учителя и наконецъ нашелъ его въ плѣнномъ инокѣ Космѣ Калабрійцѣ,—заплатилъ за его свободу и поручилъ ему воспитывать Іоанна. Одаренный счастливыми способностями, Іоаннъ съ легкостію усвоилъ уроки наставника по всѣмъ предметамъ тогдашней учености. Потомъ онъ былъ принятъ ко двору, сдѣланъ градоначальникомъ дамасскимъ и первымъ министромъ калифа.

Въ то время, именно въ 724 году, у магометанъ, никогда не любившихъ св. иконъ, явилось повелѣніе противъ нихъ, а императоръ Левъ указомъ 726 года объявилъ чтителямъ св. иконъ открытое гоненіе—въ Греціи. Не легко было Іоанну смотрѣть на притѣсненія христіанъ со стороны мусульманъ; а еще тяжелѣе было смотрѣть ему на гоненіе, воздвигнутое противъ нихъ христіанскимъ императоромъ. Онъ написалъ сочиненіе въ защиту св. иконъ и послалъ его въ Константинополь; написалъ и еще два посланія о томъ же въ другія мѣста имперіи. Писаніе Іоанна съ жаждою читали въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ. Немощныхъ

онъ поддерживалъ своими писаніями въ православіи, а сильныхъ укрѣплялъ въ силѣ.

Узнавъ о сочинителѣ посланій и о вліяніи ихъ на народъ, Левъ закипѣлъ жаждою мщенія. Онъ не могъ простить этого Іоанну,—приказалъ писцу изучить почеркъ Іоанна и отъ имени его написать къ себѣ письмо, съ обѣщаніемъ передать Дамаскъ въ руки греческаго императора. Письмо написано и отослано къ калифу. Калифъ велѣлъ отсѣчь руку мнимаго измѣнника. Іоаннъ съ отсѣченною рукою повергся передъ образомъ Богоматери и молилъ Ее оправдать поруганную правду. Въ изнеможеніи отъ страданій онъ заснулъ и пробудился съ приросшею рукою. Въ полнотѣ благодарнаго чувства св. Іоаннъ воспѣлъ: „О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“. Калифъ увидѣлъ свою опрометчивость, обѣщалъ Іоанну наградить его и за страданія, и за вѣрность, только бы онъ принялъ прежнюю должность при его дворѣ; но Іоаннъ не хотѣлъ болѣе служить земному царю. Раздавъ все свое имущество бѣднымъ, отпустивъ рабовъ на волю, онъ удалился въ іерусалимскую обитель св. Саввы. Здѣсь одинъ простой, но строгій инокъ, взявъ подъ свое руководство и испытаніе бывшаго министра, увидѣлъ и другимъ показалъ на немъ опытъ чрезвычайнаго смиренія и необыкновеннаго послушанія. Глубоко тронутый смиреніемъ и послушаніемъ Іоанна и получивъ особенное извѣщеніе Богоматери, строгій старецъ позволилъ ему писать и пѣть во славу православія.

Іерусалимскій патріархъ Іоаннъ вызвалъ Дамаскина въ Іерусалимъ и посвятилъ его въ пресвитера съ тѣмъ, чтобы онъ былъ проповѣдникомъ въ

іерусалимской церкви; но по смерти патріарха (въ 735 г.) Іоаннъ возвратился въ свою келью и въ ней продолжалъ ученые свои труды: онъ свободно теперь писалъ обличенія ересямъ и заблужденіямъ того времени. При Копронимѣ, нагломъ гонителѣ почитанія святыхъ и иконъ, св. Іоаннъ ходилъ нарочито въ Константинополь, обличалъ императора, преданныхъ ему епископовъ называлъ низкими человѣкоугодниками. Раздраженный Копронимъ, не зная что дѣлать съ Іоанномъ, на соборѣ 755 года, самъ съ церковнаго амвона произнесъ Іоанну анаѳему. Но Іоаннъ отвѣчалъ Копрониму и всѣмъ иконоборцамъ друмя сильными обличеніями. Вытерпѣвъ за иконопочитаніе неоднократное заключеніе въ темницѣ, св. отецъ скончался въ добромъ исповѣданіи и глубокой старости—104 лѣтъ, въ 777 году. Память его—4-го декабря.

— —

По своимъ сочиненіямъ св. Іоаннъ Дамаскинъ занимаетъ почетное мѣсто между великими отцами Церкви: онъ первый систематикъ между ними—это его неотъемлемая слава.

Его „*Изложеніе православной вѣры*" составляетъ систематическое ученіе о догматахъ вѣры православной. Оно всегда служило образцомъ для богослововъ восточныхъ и западныхъ и, безъ сомнѣнія, навсегда останется полезнымъ руководствомъ для систематиковъ-богослововъ. Это сочиненіе дало св. Іоанну названіе „отца богословія" и существуетъ въ русскомъ переводѣ.

Есть у св. Іоанна и политическія сочиненія. Это его „*три слова противъ порицающихъ св. иконы*". Въ первомъ словѣ объясняется то поклоненіе, какое

должны мы воздавать Божеству, и показывается, что оно совершенно отлично отъ того почтенія, какое прилично воздавать рабамъ и друзьямъ Божіимъ. Во второмъ словѣ св. Дамаскинъ особенно выясняетъ ту мысль, что запрещенія земной власти (каковъ указъ императора противъ иконъ), несогласныя съ волею Божіею, не должны быть выполняемы: не должно слушать людей болѣе, чѣмъ Бога. Третье слово указываетъ потребность св. иконъ въ человѣческой природѣ: мы двойные по природѣ, состоящіе изъ духа и тѣла, доходимъ до духовнаго чрезъ чувственное. Кромѣ апологіи св. иконамъ, Дамаскинъ писалъ противъ несторіанъ, противъ моноѳелитовъ, противъ монофизитовъ, противъ манихеевъ и противъ магометанъ. Онъ же оставилъ и нѣсколько проповѣдей, какъ-то: на Преображеніе Господне, на Рождество и Успеніе Богородицы и проч.

Но какъ церковный пѣснописецъ, Дамаскинъ неподражаемъ. Онъ такой пѣснописецъ Церкви, выше котораго ни прежде, ни послѣ не было въ Церкви. Его *служба на Пасху*—пѣснь самая торжественная, въ высшей степени достойная своего предмета. Его каноны *на Рождество Христово, Богоявленіе, Вознесеніе* приближаются къ пасхальному. Его *Осмогласникъ*—воскресныя службы, раздѣленныя на 8 гласовъ, превосходны и по поэтической силѣ (особенно *Антифоны*), и по догматическому содержанію (особенно *Догматики—Богородичны*). Всѣхъ каноновъ написано Дамаскинымъ до 64. Каноны его дали ему справедливо принадлежащее ему названіе—„Златоструйнаго“. Своимъ Октоихомъ онъ произвелъ великую перемѣну въ чинѣ Богослуженія, вновь пересмотрѣвъ и уставъ іерусалимскій, и мѣсяцесловъ.

Къ историческимъ сочиненіямъ Дамаскина относится обширное воспоминаніе *о св. муч. Артеміи*, заключающее въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о событіяхъ IV вѣка.

XLVIII

Св. патріархъ Никифоръ.

Высокое происхожденіе Никифора даровало ему средство получить высокое образованіе. Великія его дарованія и обширныя свѣдѣнія доставили ему мѣсто секретаря при дворѣ царицы Ирины. Въ этомъ званіи, какъ уполномоченный императора, онъ присутствовалъ на 7 вселенскомъ соборѣ, гдѣ, къ радости отцевъ, показывалъ особенное ревнованіе о святынѣ Божіей.

Тяготясь шумною жизнію двора, св. Никифоръ оставилъ его и велъ жизнь сокровенно-подвижническую для Бога и наукъ, пока Церковь константинопольская—въ 806 году—возвела его на степень патріарха. Принявъ управленіе Церковію, Никифоръ немедленно обратилъ вниманіе на поведеніе духовенства и принялъ мѣры противъ разврата. Но скоро послѣдовалъ его исповѣдническій подвигъ.

Левъ Армянинъ, видя, что безъ Никифора ничего не можетъ сдѣлать въ пользу иконоборства, употребилъ все—и ласки, и угрозы, чтобы склонить его на свою сторону; но св. патріархъ прямо отвѣчалъ: „напрасны труды твои, государь! Мы не можемъ измѣнить древняго преданія,—мы чтимъ изображенія святыни, какъ крестъ и Евангеліе“. Онъ показывалъ несогласіе противниковъ самихъ съ собою, оправдывалъ почитаніе святыхъ, убѣждалъ оста-

вить Церковь въ покоѣ, молился и наставлялъ народъ.

Въ 814 году императоръ созвалъ соборъ почти изъ единомышленныхъ себѣ епископовъ, выгналъ патріарха и друзей его изъ собранія, когда тотъ увѣщавалъ не бозпокоить Церкви. Чрезъ нѣсколько дней епископы позвали Никифора на соборъ. Патріархъ велѣлъ сказать имъ, что они не имѣютъ права быть судьями въ его области. Епископы объявили его лишеннымъ сана, а императоръ послалъ въ заточеніе; но св. патріархъ не переставалъ дѣйствовать для истины и оставаясь въ заточеніи— до гроба. Такимъ образомъ, патріархъ костантинопольскій и исповѣдникъ св. Никифоръ явилъ себя украшеніемъ вѣка своего и каѳедры. Скончался великій святитель въ 818 году. Память его въ св. Церкви совершается 13-го марта.

Будучи необыкновеннымъ явленіемъ своего времени по дарованіямъ и свѣдѣніямъ, какими былъ украшенъ, св. Никифоръ оставилъ послѣ себя сочиненія: 1) историческія, 2) догматическія и 3) каноническія. Краткая *исторія* его обозрѣваетъ событія со времени убіенія Маврикія до времени Константина, сына Ирины, съ хронологіею патріарховъ и царей, судей израильскихъ и первосвященниковъ ветхозавѣтныхъ,—со списками книгъ каноническихъ и апокрифическихъ. *Догматическія* сочиненія св. Никифора суть: *письмо* къ папѣ Льву III, съ исповѣданіемъ вѣры; здѣсь же изложенъ споръ съ императоромъ Львомъ, въ защиту св. иконъ; *апологія* и четыре *антирретика* за православіе,— сочиненія обширныя, основательныя, богатыя исто-

рическими свѣдѣніями. Изъ *каноническихъ* писаній богомудраго пастыря извѣстны: 27 правилъ, каноническое посланіе съ 16-ю правилами и 17 краткихъ правилъ; правила сіи свидѣтельствуютъ сколько о мудрости, столько и о пастырскомъ благочестіи св. автора ихъ. Исторію св. Никифора строгій критикъ патріархъ Фотій относитъ къ превосходнымъ сочиненіямъ, по слогу и строгой вѣрности историческихъ свѣдѣній. Догматическія сочиненія его Филаретъ Черниговскій называетъ превосходными, а каноническія правила—весьма важными для исторіи права и обрядовъ св. Церкви. Къ сожалѣнію, такія превосходныя сочиненія остаются доселѣ неизданными.

XLIX.

Св. Ѳеодоръ Студитъ.

Родившись отъ благородныхъ и богатыхъ родителей, Ѳеодоръ Студитъ въ юности получилъ хорошее образованіе.

На 22-мъ году жизни, онъ и супруга его Анна посвятили себя иноческой жизни. Удалившись, вмѣстѣ съ дядею своимъ св. Романомъ, въ уединенное мѣсто Саккуденъ, Ѳеодоръ предалъ себя здѣсь самымъ строгимъ подвигамъ иночества: неутомимо изучалъ Св. Писаніе, толкованія отцевъ и особенно творенія Василія Великаго.

Въ 794 году, противъ воли своей принявъ управленіе саккуденскимъ монастыремъ, какъ бдительный начальникъ, онъ скоро иноковъ, не оставлявшихъ мірской жизни, заставилъ жить иночески. За смѣлое обличеніе императора Константина въ

противузаконномъ расторженіи брака и вступленіи въ новый съ близкою родственницею св. Романа и самого Θеодора—Θеодотою, св. Θеодоръ, претерпѣвъ жестокія истязанія, въ 796 году, вмѣстѣ съ 10-ю монахами, едва живой сосланъ былъ въ Солунь.

Въ слѣдующемъ году, по смерти Константина, императрица Ирина вызвала его изъ Солуни, а въ 798 онъ поставленъбылъ начальникомъ Студійскаго монастыря. Здѣсь св. Θеодоръ собралъ болѣе 1000 братій; ввелъ во всемъ точный порядокъ; завелъ около монастыря училище для дѣтей; самъ каждый день занимался то рукописями, то черными работами, наравнѣ съ другими, подавая имъ примѣръ. Но новыя испытанія св. Θеодору уже были готовы. Въ 809 году онъ снова посланъ былъ въ заточеніе за обличеніе Іосифа, вѣнчавшаго Константина съ Θеодотою, и нежеланіе служить съ нимъ, какъ нарушителемъ церковныхъ законовъ.

Особенно много пострадалъ св. Θеодоръ за обличеніе иконоборцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ императоръ Левъ Армянинъ; Левъ излилъ на Θеодора свою вполнѣ львиную лютость: заключалъ его въ сырыя и гнилыя темницы, морилъ голодомъ и жаждою, нещадно билъ—до полусмерти, и эти кровавыя пытки св. Θеодоръ переносилъ въ продолженіе шести лѣтъ, съ 814 по 820 г., когда Левъ былъ убитъ.

При Михаилѣ Травліи возвращенный изъ заточенія Θеодоръ удалился изъ Константинополя въ уединенное мѣсто Акритъ. Здѣсь „пламенный учитель Церкви“, въ 826 году, скончался на 68-мъ году своей жизни, съ пѣснію: *вовѣкъ не забуду оправданій Твоихъ...* Память его—ноября 11-го и января 26-го.

Св. Өеодоръ писалъ много сочиненій. Извѣстны его слова, оглашенія, письма, каноны и стихиры, эпиграммы, жизнеописанія. Всѣ они писаны подъ вліяніемъ пламенной ревности къ душевному спасенію.

L.

Св. Меөодій и Кириллъ.

Просвѣтители славянъ—Меөодій и Кириллъ,—родные братья, были дѣти солунскаго вельможи.

Меөодій послѣ домашняго воспитанія былъ въ военной службѣ и нѣсколько лѣтъ управлялъ „княженіемъ славянскимъ“, или, что то же, былъ правителемъ въ славяно-греческой области. Кириллъ (въ мірѣ Константинъ), младшій по лѣтамъ, воспитывался въ Константинополѣ при дворѣ, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ царемъ Михаиломъ; словеснымъ наукамъ и логикѣ учился онъ у знаменитаго Фотія; потомъ слушалъ науки философскія и математическія. Дарованія, образованность, покровительство при дворѣ открывали Константину путь къ блестящимъ почестямъ въ свѣтѣ; но онъ вступилъ въ духовное званіе, былъ нѣкоторое время библіотекаремъ, потомъ скрылся въ пустыню и только по настойчивому желанію другихъ возвратился въ столицу, чтобы принять должность учителя философіи.

Въ 862 году славяно-паннонскіе князья—Ростиславъ, Святополкъ и Котелъ, „не имѣя истиннаго учителя своему народу“, а еще болѣе того, чувствуя желаніе слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ, просили императора Михаила и патріарха Фотія прислать къ нимъ нуж-

ныхъ для того учителей. Избраны были братья солунскіе Меѳодій и Кириллъ. Послѣдній изобрѣлъ славянскую азбуку и сдѣлалъ опытъ перевода св. книгъ на славянскій языкъ.

Царь и патріархъ, радуясь рѣшимости братьевъ на великій подвигъ, поспѣшили отправить ихъ.

На пути Меѳодій обратилъ и крестилъ болгарскаго царя Бориса, который рѣшился бороться съ языческимъ упорствомъ своего народа. Въ Моравіи Меѳодій и Кириллъ четыре года съ половиной совершали дѣло, для котораго были призваны, съ апостольскимъ усердіемъ: обучали дѣтей, устрояли Богослуженіе,—то и другое на славянскомъ языкѣ,— проповѣдывали истину на понятномъ для всѣхъ языкѣ. Не нравилось это питомцамъ Рима—нѣмецкимъ епископамъ. Папа позвалъ ихъ въ Римъ. Они явились съ мощами св. Климента и показались для папы покорными ему. Св. Кириллъ скончался въ Римѣ, принявъ схиму. Исполняя завѣщаніе брата, Меѳодій возвратился къ славянамъ. По ходатайству Котела, папа посвятилъ его въ архіепископа паннонскаго. Но нѣмецкое духовенство стало преслѣдовать Меѳодія со всѣмъ ожесточеніемъ и довело его до заточенія, изъ котораго чрезъ 2 года возвратилъ его папа Іоаннъ VIII и далъ ему власть епископскую въ Панноніи; затѣмъ, по просьбѣ моравскихъ славянъ, архіепископомъ и Моравскаго государства объявленъ Меѳодій. До самаго гроба Меѳодій терпѣлъ скорби за свои апостольскіе труды отъ нѣмецкаго духовенства; за то всѣ славянскія племена, начиная съ Хорватіи и Далмаціи до границъ Польши, крестились, признавали надъ собою власть и слушали славянскую службу Меѳодія.

Къ сожалѣнію, въ чемъ не успѣли нѣмцы при жизни Меѳодія, блаженно почившаго 6-го апрѣля 885 года, въ томъ успѣли по смерти его. Они выгнали учениковъ Меѳодія въ Болгарію, изъ которой плоды трудовъ славянскихъ просвѣтителей перешли въ Россію. Память ихъ—11-го мая.

Собственнымъ сочиненіемъ св. Кирилла было „Исповѣданіе вѣры“, предложенное имъ папѣ Адріану отъ своего лица и отъ лица брата. „Исповѣданіе“ заключаетъ въ себѣ три части и заключеніе. Въ 1-й части излагается исповѣданіе догмата о Св. Троицѣ, во 2-й пространно—исповѣданіе воплощенія Сына Божія, въ 3-й довольно кратко—о почитаніи св. иконъ. Исповѣданіе догмата о Св. Троицѣ заключаетъ въ себѣ всѣ части сего догмата въ ихъ ясномъ, точномъ и опредѣленномъ видѣ. Здѣсь, между прочимъ, св. Кириллъ говоритъ, что „Духъ Св. исходитъ отъ Отца единаго“.

Важнѣйшимъ подвигомъ славянскихъ первоучителей былъ подвигъ ихъ въ переводѣ съ греческаго на славянскій языкъ свящ. книгъ библейскихъ и богослужебныхъ. Они прежде всего перевели *Евангеліе* и *Апостолъ*, назначенные *для дневныхъ чтеній*. (Таково древнѣйшее Евангеліе Остромирово, таковы же древніе списки чтеній изъ Дѣяній Апостольскихъ). Потомъ они перевели книги, самыя необходимыя для Богослуженія,—то-есть, кромѣ чтеній Новаго Завѣта, *Паремейникъ*, *Часословъ*, *Псалтирь*, *Служебникъ*, *Чины таинствъ съ Чинами погребенія и Октоихъ Дамаскина*. О трудахъ св. Меѳодія экзархъ Іоаннъ пишетъ: „Великій Божій архіепископъ Меѳо-

дій *преложи вся* уставныя книги—60—отъ еллинска языка въ словенскъ". Подъ 60-ю уставными книгами нужно разумѣть переводъ именно *каноническихъ* книгъ Св. Писанія. Всѣ свидѣтели и свидѣтельства древности перевода каноническихъ книгъ относятся къ первымъ временамъ славянскаго христіанства, а переводъ апокрифическихъ книгъ—къ позднему времени. Наконецъ въ біографіи Меѳодія говорится, что онъ, по смерти св. Кирилла, перевелъ еще *Номоканонъ и Отеческія книги.*

ПРИМѢЧАНІЕ.

Св. Симеонъ, новый Богословъ.

Св. Симеонъ родился въ пафлагонскомъ селеніи Галатѣ, отъ знатныхъ и богатыхъ родителей Василія и Ѳеофаніи. Съ дѣтства онъ обнаруживалъ какъ большія способности, такъ и нравъ кроткій и благоговѣйный, съ любовію къ уединенію. Въ Константинополѣ онъ прошелъ грамматическіе курсы, и потомъ царями самобратьями Василіемъ и Константиномъ включенъ былъ въ чинъ царедворцевъ. Но св. Симеонъ стремился къ другому роду жизни—міроотречной. Все свободное время онъ посвящалъ трудамъ самоумерщвленія, чтенію душеспасительныхъ книгъ и молитвѣ.

Руководителемъ и совѣтникомъ у св. Симеона, въ это время, былъ нѣкто Симеонъ, котораго звали благоговѣйникомъ. Этотъ старецъ снабжалъ его книгами, сказывая, на что особенно должно обратить въ нихъ вниманіе. Читая эти книги, онъ болѣе и болѣе углублялся въ себя и въ область Божію, бодрствуя до полуночи и питаясь только хлѣ-

бомъ и водою, въ непрестанной молитвѣ. Такъ прошло шесть лѣтъ.

Нужно было св. Симеону посѣтить родину, и онъ посѣтилъ ее съ *Лѣствицею* св. Іоанна въ рукахъ. На родинѣ онъ еще болѣе усилилъ свои подвиги; и когда возвратился въ Константинополь,—сокрушеніе и духовный плачъ уже сдѣлался пищею для него.

По возвращеніи съ родины, св. Симеонъ тотчасъ же вступилъ въ обитель Студійскую, въ полное руководство Симеона благоговѣйника, предъ которымъ благоговѣлъ и котораго во всемъ слушался безпрекословно. Но здѣсь св. Симеону суждено было вытерпѣть большія искушенія—то отъ отяжелѣнія и разлѣненія, то отъ вожделѣнія плоти, то отъ родныхъ и даже родителей, то, наконецъ, отъ братій обители. Побѣдоносно выдержавъ эти искушенія, кроткій, смиренный, простой и незлобивый Симеонъ перешелъ въ обитель св. Маманта и здѣсь сдѣлался уже полнымъ монахомъ, чрезъ постригъ и облаченіе въ схиму.

Необыкновенно воздержная и самоуглубленная жизнь его въ этой обители была причиною того, что св. Симеону скоро поручено было послушаніе—говорить въ церкви поученія въ назиданіе братіи и всѣхъ христіанъ. Рѣчь его была простая. Ясно созерцая великія истины спасенія нашего, онъ и излагалъ ихъ понятно для всѣхъ. Его слушали съ удовольствіемъ и самые старцы. Спустя немного времени, св. Симеонъ облаченъ былъ саномъ іерея, и по смерти игумена обители—и игуменомъ. Объ іерействѣ св. Симеонъ говорилъ: „Это такое дѣло, о которомъ и подумать страшно... Іе-

рей долженъ быть чистъ и тѣломъ, тѣмъ паче душею не запятнанъ никакимъ грѣхомъ, смиренный по внѣшнему нраву и сокрушенъ сердцемъ по внутреннему настроенію. Когда литургисаетъ, долженъ умомъ созерцать Бога, а очи вперить въ предлежащіе дары; долженъ сознательно сорастворится въ сердцѣ своемъ со Христомъ Господомъ, тамъ сущимъ, чтобы имѣть дерзновеніе сыновне бесѣдовать къ Богу Отцу и неосужденно взывать: „*Отче нашъ...*“ Сдѣлавшись настоятелемъ обители, св. Симеонъ привелъ ее, по всѣмъ частямъ, въ цвѣтущее состояніе. Всѣ братія его обители представляли будто сонмъ безплотныхъ ангеловъ, выну хвалящихъ Бога и служащихъ Ему.

Устроивъ такъ обитель свою и поставивъ вмѣсто себя игуменомъ опытнаго старца Арсенія, св. Симеонъ удалился на безмолвіе. Но покой его былъ нарушенъ сильнымъ и весьма тревожнымъ искушеніемъ. Онъ пострадалъ за чествованіе свое Симеона благоговѣйника, потому что составилъ въ честь его похвальныя слова, пѣсни и каноны, свѣтло праздновалъ каждогодно въ обители своей память его, написалъ и икону его... Болѣе двухъ лѣтъ въ Константинополѣ шло по этому поводу волненіе; но все кончилось благополучно. Св. Симеонъ около Константинополя устроилъ, съ помощію благодѣтелей, новую обитель и снова удалился на покой, чтобы посвятить себя писанію назидательныхъ словъ, подвижническихъ наставленій и молитвенныхъ гимновъ.

Съ этого времени жизнь его текла спокойно до самаго конца. Въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, проведенныхъ преподобнымъ въ новой обители, онъ

окончательно созрѣлъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, и явился богато украшеннымъ дарами благодатными. Причастившись Св. Христовыхъ Тайнъ, скончался во время отходной, со словами: „Въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой“. Чрезъ 30 лѣтъ явились его св. мощи, въ 1050 году. Память преп. Симеона, новаго Богослова, полагается 12-го марта — день кончины его.

Богомудрыя писанія его сохранилъ и предалъ во всеобщее употребленіе ученикъ его Никита Стифатъ, которому поручилъ это самъ преподобный, и который еще при жизни его переписывалъ ихъ набѣло, по мѣрѣ составленія, и соборомъ воедино. Въ русскомъ переводѣ ихъ имѣется 2 тома, преосвящен. Ѳеофана, изданіе 1879 года. Москва. Тамъ же и полное жизнеописаніе св. Симеона.

Главный предметъ наставленій св. отца—дѣланіе во Христѣ сокровенное. Оно объясняетъ пути внутренней брани; обучаетъ мѣрамъ совершенствованія, наипаче духовнымъ; заставляетъ подвизаться преимущественно противъ духовныхъ страстей—противъ помысловъ и движеній грѣховныхъ. Вообще сочиненія его — богатѣйшая сокровищница мысли о жизни духовной, съ силою дѣйствующихъ на душу, жаждущую благочестія. Симеонъ названъ новымъ Богословомъ потому, что преподавалъ такія глубокія тайны внутренняго подвижничества, о какихъ давно не слышали. Онъ образовалъ новыхъ учениковъ,—ревнителей созерцательной жизни. По словамъ жизнеописателя его, — онъ въ учительствѣ

не былъ для себя своимъ, но, по благодати Божіей, усвоившей, его себѣ, языкъ его былъ тростію скорописца, а умъ—источникомъ премудрости Божіей, потому—онъ богословствовалъ, хотя совсѣмъ не зналъ (богословскихъ) наукъ, какъ возлюбленный ученикъ“.

НРАВСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ИСААКА СИРИНА.

„Изъ сказаннаго нами никто да не беретъ и не выводитъ чего-либо отдѣльно и, отложивъ въ сторону все прочее, да не удерживаетъ неразумно это одно въ рукахъ своихъ“.

(Слово св. Исаака 55).

Св. Исаакъ Сиринъ, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ великихъ нравоучителей христіанскихъ, потому что въ своемъ ученіи онъ обнимаетъ всю полноту, высоту и глубину нравственно-христіанскаго міра, въ самой сущности его. Св. Исаака—по истинѣ и справедливости—можно назвать „пустыннымъ философомъ", потому что на христіанскую нравственность онъ смотритъ съ философской точки зрѣнія, будучи, въ то же время, вполнѣ вѣренъ Слову Божію. Но для пониманія св. Исаакъ весьма труденъ, несмотря на то, что сочиненія его переведены на русскій языкъ,—труденъ потому, во-первыхъ, что языкъ его своеобразенъ въ высшей степени,—а во-вторыхъ, потому, что мысли его разбросаны по всему пространству его сочиненій и не имѣютъ обыкновенной, логической, системы, такъ что, не сводя его мыслей объ одномъ и томъ же, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, въ единство, нельзя составить себѣ точнаго и полнаго понятія о томъ или другомъ предметѣ нравственности, даже можно впасть въ заблужденіе. Это послѣднее высказываетъ и предостерегаетъ отъ этого самъ св. отецъ, когда говоритъ: „Изъ сказаннаго нами никто да не беретъ и не выводитъ чего-либо отдѣльно и, отложивъ въ сторону все прочее, да не удерживаетъ неразумно это одно въ рукахъ своихъ". Желая,

хоть сколько-нибудь, облегчить трудность понимания св. Исаака, въ высшей степени назидательнаго въ своемъ нравоученіи, представляемъ болѣе или менѣе полную и послѣдовательную систему нравственнаго ученія сего великаго отца,—систему, выдержанную и составленную въ его характерѣ не только по духу, но и по слову. Вся эта система состоитъ изъ *трехъ частей*, съ введеніемъ въ нее и заключеніемъ ея, въ которыхъ излагается характеристика ученія св. нравоучителя и указывается современное значеніе и приложеніе его къ жизни и дѣлу.

О жизни и твореніяхъ св. Исаака.

Свѣдѣнія, передаваемыя намъ исторіею о св. Исаакѣ Сиринѣ, относятся главнымъ образомъ къ его твореніямъ; по нимъ можно судить о духѣ, характерѣ и направленіи его ученія; но этихъ свѣдѣній весьма мало дошло до насъ. Знаемъ только, что онъ родился въ Ниневіи, въ V в. по Р. X.; а въ какомъ именно году и отъ какихъ родителей, неизвѣстно. Неизвѣстно и то, гдѣ и какое получилъ онъ образованіе. Можно только предполагать, что онъ воспитался въ стѣнахъ монастырскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ въ христіанской жизни, отцевъ-подвижниковъ, и развился своимъ собственнымъ чтеніемъ и размышленіями, потому что, оставивъ міръ еще въ цвѣтущей юности, удалился сперва въ общежительный монастырь, а потомъ въ пустыню *). Изъ пустыни слухъ о вы-

*) Евагрій пишетъ (Hist. Eccles. 4, 38), что въ V и VI вв. въ монастыряхъ изучали свящ. науки. Отцы и учит. Церкви, въ описываемое время, весьма часто называютъ монашество философіею или христ. философіею (Евагрій Истор.

сокихъ подвигахъ и просвѣщеніи Исаака дошелъ до его бывшихъ согражданъ и возбудилъ въ нихъ общее желаніе просить его на епископскій престолъ Ниневіи. Святой отецъ-подвижникъ изъявилъ свое согласіе на ихъ просьбу; но, пробывъ на каѳедрѣ ниневійской, кажется, одинъ только день, опять удалился въ Скитскую пустыню въ Египтѣ *) и былъ тамъ до конца своей жизни. Скончался около половины VI вѣка и причтенъ Церковію къ лику святыхъ **). Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о св. жизни Исаака Сирина ***).

Строго подвижническая, пустынная жизнь св. отца не могла не отразиться на его твореніяхъ. Предавши всего себя Богу, и сосредоточенный

Церк. 1, 6. гл. 9. Св. Нилъ Синайскій въ словѣ: ἀσκητικός и др.). Имѣя въ своемъ основаніи особенную ревность о благочестіи, эта христ. философія стремилась къ мирному созерцанію Бога и дѣлъ Его, не возмущаемому ни внѣшними, ни внутренними тревогами, путемъ удаленія отъ міра и уединенія, возможнаго ограниченія тѣлесныхъ потребностей, строгаго самонаблюденія, борьбы со всѣмъ, что есть въ области душевной страстнаго и возмущающаго душу, упражненія въ богомысліи и молитвѣ и въ другихъ добрыхъ дѣлахъ, предписываемыхъ заповѣдями Божіими (Созом. Ц. Истор. 1, 12. 6, 17).

*) Причиною удаленія св. Исаака съ епископской каѳедры ниневійской былъ слѣдующій случай: въ самый день рукоположенія его во епископа пришли къ нему судиться два человѣка—должникъ и заимодавецъ. Послѣдній требовалъ у перваго долгъ. Должникъ признавался, что долженъ, но просилъ на малое время отсрочки. Заимодавецъ требовалъ долга немедленно; въ противномъ случаѣ грозилъ отдать должника судьѣ. Св. Исаакъ напомнилъ заимодавцу заповѣдь Евангелія, что если христіанинъ не долженъ даже совсѣмъ требовать того, что далъ своему собрату, то тѣмъ болѣе долженъ подождать возвращенія долга. Но заимодавецъ на это дерзко отвѣчалъ: „оставь ты теперь свое Евангеліе". Св. Исаакъ, въ порывѣ справедливаго негодованія, сказалъ: „если вы не слушаете Евангельскихъ заповѣдей Господа, то что же мнѣ дѣлать у васъ"?... и удалился въ свою любезную пустыню.

**) Память его совершается 12-го апрѣля.

***) Это сказаніе о святомъ Исаакѣ извлечено изъ предисловія къ изданію словъ его.

сперва въ кругу опытныхъ подвижниковъ благочестія, а потомъ—въ самомъ себѣ, св. Исаакъ имѣлъ всю возможность—собственнымъ опытомъ изучить порядокъ богоугодной жизни. Кромѣ того, избранный во епископа, онъ имѣлъ случай собственными глазами видѣть степень христіанскаго образованія и нравственности своихъ современниковъ. И вотъ, имѣя въ виду современный упадокъ христіанскаго просвѣщенія, происшедшій вслѣдствіе разоренія и закрытія многихъ христіанскихъ училищъ *), а также—великій упадокъ христіанской нравственности, при извѣстныхъ богословскихъ спорахъ о христіанскихъ догматахъ и при появленіи многихъ ересей **), но, болѣе всего, побуждаемый внутрен-

---

*) Способы къ просвѣщенію въ V и VI вв. то были скудны, то превратно были употребляемы. Огромная константинопольская библіотека сгорѣла въ 476 г. Аѳинскія училища закрыты, жалованье общественнымъ наставникамъ прекращено и употреблялось на построеніе храмовъ; Аристотелева діалектика вскружила всѣмъ головы и подняла нескончаемые споры. „Вообще говорили много, но некрасиво и безъ важности въ мысляхъ",—замѣчаетъ преосв. Филаретъ Черниговскій, характеризуя этотъ періодъ (Истор. ученіе объ отцахъ Церкви т. III, стр. 4—5). Едесское училище закрыто, около 442 г., и перенесено въ Низибію: но и здѣсь скоро открылось несторіанство. Антіохійская школа также отживала свой вѣкъ. Въ 526 году Антіохія пострадала отъ землетрясенія, разрушившаго большую часть ея; а въ 540 г. тотъ же городъ опустошенъ и сожженъ былъ Хозроемъ, царемъ персидскимъ (Чтенія изъ Ц. Ист. Воскр. Чт. годъ V-й).

**) Главный и общій недостатокъ того времени—это необыкновенно легкій и поверхностный взглядъ на вещи. Легкомысліе высказывалось во всемъ, и иногда самымъ возмутительнымъ образомъ. Стоитъ только, напр., припомнить то, какіе огромные размѣры имѣли въ то время пренія о вѣрѣ, волновавшія весь тогдашній христіанскій міръ. И пусть бы вели эти пренія люди образованные или, по крайней мѣрѣ, пусть бы спорили для того, чтобы, наконецъ, убѣдиться въ истинѣ; а то нѣтъ,—толкуютъ о догматахъ и невѣжды, заводятъ споръ, вовсе не думая объ истинѣ и о томъ благоговѣніи, которое обязаны имѣть къ вѣрѣ, а только для того, чтобы отличиться тонкостью возраженія и какимъ бы то ни было софизмомъ заставить замолчать противника. Появились ереси Пелагія, Несторія, Евтихія и пр. При колебательномъ состояніи догматическаго ученія, естественно, по тѣсной связи съ догматомъ, расшата-

нимъ влеченіемъ, силою благочестія, любовію къ ближнимъ и желаніемъ возвысить уровень ихъ нравственнаго образованія *), св. Исаакъ, въ назиданіе своихъ современниковъ и потомковъ, пишетъ свои нравственно-аскетическія поученія. „Сіе на память себѣ и всякому,—говоритъ онъ,—читающему сочиненіе это, написалъ я, какъ заимствовалъ изъ писаній, изъ повѣданнаго правдивыми устами, а нѣчто изъ собственнаго опыта, чтобы послужило это въ помощь тѣмъ, кому будетъ сіе на пользу“ (Сл. 65, стр. 493-я). Это сочиненіе предлагаю „для возбужденія и просвѣщенія душъ вашихъ и всѣхъ читающихъ оное, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, воспрянутъ и, вожделѣвъ сего, приступятъ къ дѣланію“ (Сл. 15, стр. 88-я). Такимъ образомъ и изъ пустыни св. Исаакъ, какъ бы съ каѳедры епископской, свѣтилъ міру и своею жизнію, и своимъ ученіемъ **).

Много извѣстно было сочиненій св. Исаака, и всѣ

лась и нравственность. Св. Исаакъ самъ былъ очевидцемъ непослушанія Евангелію жителей Ниневіи, во время своего тамъ епископства.

*) Будучи не въ состояніи умолчать о сильномъ и пресладостномъ дѣйствіи въ немъ благодати, досточудный сей мужъ говоритъ: „когда писалъ я это, персты мои неоднократно не успѣвали слѣдовать по хартіи, и не могъ я сохранить терпѣнія отъ удовольствія, вторгавшагося въ сердце мое и заставлявшаго умолкнуть чувства“ (Сл. 38, стр. 234),—замѣчаетъ жизнеописатель св. Исаака. „Удивительно и то,—продолжаетъ онъ,—что, живя въ удаленіи отъ всѣхъ людей, пламенѣлъ онъ къ нимъ любовію: „я, возлюбленные, поелику вдался въ юродство, не могу сохранить тайну въ молчаніи, но дѣлаюсь несмысленнымъ для пользы братіи...; потому что такова истинная любовь; она не можетъ содержать что-либо въ тайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ“ (Ibid см. Сл. 15, стр. 88, гдѣ указывается на цѣль сочиненія).

**) „Удалившись отъ людей въ пустыню, св. Исаакъ не переставалъ любить ихъ св. любовію. Онъ непрестанно изливалъ имъ чистую и животворную струю ученія, обильно напояющую души. Онъ былъ учителемъ и руководителемъ всѣхъ и всѣмъ вообще былъ пристанище спасенія“. (О св. Исаакѣ Хр. Чт. 1821 г. ч. II).

они нравственно-аскетическаго характера. Вѣроятно, въ нихъ обнята была вся область нравственно-христіанской жизни, до подробности; но до насъ дошло только девяносто одно „подвижническое“ слово его *). Несмотря, однакожъ, на такой малый остатокъ сочиненій св. отца, въ нихъ можно найти довольно полное нравственное ученіе его.

Названіе словъ св. Исаака „подвижническими“ не означаетъ того, чтобы они имѣли какое-либо исключительное, частное назначеніе. Этимъ названіемъ выражается только ихъ строго-аскетическій характеръ: по содержанію же своему они имѣ-

*) Эбедъ-Іезу, сирскій писатель, пишетъ, что Исаакъ Ниневитянинъ составилъ 7 томовъ объ управленіи духовномъ, о Божеств. тайнахъ, о судахъ и благочиніи (Apud Asseman. Bibl. Or. T. 3 p. 1 c. 70). Вотъ сколько извѣстно было сочиненій св. Исаака въ 13 вѣкѣ. Теперь, въ арабск. переводѣ, подъ именемъ „Монашескаго правила“ извѣстны 4 книги поученій св. Исаака: 1-я содержитъ 24 поученія, вторая—45, третья—44, четвертая—20 и письмо къ Симеону Столпнику. Въ греч. переводѣ Патрикія и Аврамія, иноковъ палестинской обители св. Саввы, извѣстны только 89 поученій, т.-е. 2 и 3 книги араб. перевода и письмо къ св. Семеону. Въ подлинникѣ, на сирс. языкѣ, сохранились почти только 1 и 2 кн. его поученій. Такимъ образомъ, въ настоящее время, изъ сочиненій св. Исаака, указанныхъ Эбедъ-Іезу, особенно въ греч. переводѣ, извѣстно менѣе даже половины: у Ассемани сирскій списокъ оканчивается такъ: „Окончилась, при помощи Божіей, первая часть ученія Исаака инока“ (T. 1 p. 160). Анжело Майо показываетъ сирскій списокъ 8-го в. въ двухъ частяхъ, съ 59 поученіями, писанными семистопнымъ размѣромъ (Collect. vet. auct. T. 5 p. 242), а другой списокъ 7-го в., съ 27 мѣрными поученіями (ibid. p. 140). Ассемани и Никифоръ Ѳеотоки сличали арабскій текстъ съ греческимъ и сирскимъ. Сличеніе показало, что нѣкоторыя греческія поученія раздѣлены въ араб. переводѣ на два. На греч. языкѣ поученія св. Исаака изданы Никифоромъ Ѳеотоки: Ἰσαὰκ. Σύρ. Ἐπισκ. Νινευίας ἔργα. Въ Лейпцигѣ 1770 г. лат. переводъ 53 поученій, весьма невѣрный, напечатанъ съ именемъ Исаака, антіох. пресвитера in t. XI Bibl Patr. Слав. переводъ этихъ словъ извѣстенъ давно. Есть рукопись въ Троиц. Серг. Лаврѣ 1381 г.; другой списокъ извѣстенъ подъ именемъ „Лѣствица“ 1412 г.; Въ библ. Толстаго 1416 г. (11, 174); въ Кіево-Мих. библ. есть рукопись на пергаменѣ... Въ печати извѣстны: переводъ съ греч. рукоп. и Ѳеотокіева изданія Паисія Величковскаго, въ нѣмецкомъ монастырѣ 1812 г.; изданіе Оптин. пустыни 1854 г. По послѣднему изданію мы будемъ приводить цитаты.

ютъ значеніе всеобщее не для аскетовъ только, но и для всѣхъ христіанъ *),—и это тѣмъ болѣе, что св. Исаакъ, въ ученіи своемъ, не приноравливался ни къ какимъ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ жизни—какъ это необходимо было дѣлать другимъ правоучителямъ—а, отрѣшившись отъ всего и исполнившись пламенною любовію къ Божественному ученію и къ ближнимъ своимъ, старается только какъ можно полнѣе изобразить для нихъ все христіанское нравоученіе.

Если мы обратимся къ исторіи христіанскаго нравоученія, то ясно увидимъ, что самое время и состояніе этого нравоученія, въ вѣкъ св. Исаака, требовало именно такого полнаго нравственнаго ученія. Правда, св. Исаакъ жилъ въ то время (въ концѣ V и до пол. VI в.), когда нравственное христіанское ученіе уже довольно было раскрыто и приведено въ извѣстность христіанскому міру **);

*) Немногія изъ словъ св. Исаака имѣютъ частное назначеніе, или извѣстный частный предметъ. Извѣстны три-четыре посланія къ инокамъ, но и изъ нихъ 55 къ Симеону Столпнику есть, можно сказать, сокращеніе всего его нравоученія. Есть также два-три слова о частнѣйшихъ монашескихъ предметахъ, и только...

**) Послѣ Евангелія и писаній апостольскихъ, прав. ученіе преподавали и излагали въ своихъ твореніяхъ мужи апостольскіе: св. Варнава, Климентъ Римскій, Игнатій Богоносецъ, Поликарпъ Смирнскій и др. Изъ нравоучителей послѣдующихъ двухъ вѣковъ достопримѣчательны: Климентъ Алекс., Оригенъ, Тертулліанъ и Кипріанъ. (См. „Педагогъ“ и „Строматы“ Климента Алекс.; „Нравоучительныя сочиненія“ Оригена; „Трактаты о покаяніи, молитвѣ, дѣвствѣ, зрѣлищахъ и др.“ Тертулліана; „Сочиненія о молитвѣ Господней, о благѣ терпѣнія, о милостынѣ, о поведеніи дѣвственницъ, о ревности и зависти, о смертности, о падшихъ и пр.“ св. Кипріана). Вообще о хр. писателяхъ этого времени нужно замѣтить, что они въ хр. нравоученіи уже отличали высшія и совершеннѣйшія добродѣтели отъ обыкновенныхъ, и къ первымъ относили: дѣвство, напр., мученичество, совершенную нестяжательность и др. Изъ отцевъ Церкви IV и V вв. Василій Великій, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Исидоръ Пелусіотскій, Амвросій Медіоланскій, бл. Августинъ, Левъ Великій и др. извѣстны, какъ нравоучители. (См. „Нрав. бесѣды, правила и письма, по-

для самыхъ подвижниковъ Египта и Сиріи не было недостатка ни въ благочестивыхъ примѣрахъ, ни въ писаніяхъ, руководящихъ въ истинно-нравственной христіанской жизни *). Но тогда какъ, напр., писанія св. Антонія отличались краткостію и болѣе общими наставленіями о христіанской жизни **), писанія св. Макарія Египетскаго—высотою созерцанія, доступною только для немногихъ ***),—

движническія правила (пространныя и краткія) и уставы" св. Василія Великаго; „Бесѣды на Екклезіастъ, о молитвѣ Господней и блаженствахъ, изслѣдованія о христіанскомъ совершенствѣ и наставленія о разныхъ частныхъ предметахъ"— св. Григорія Нисскаго; „Бесѣды св. Іоанна Златоуста и его сочиненія"; „Письма" св. Исидора Пелусіота; „de officiis и др. нр. сочиненія" св. Амвросія Медіоланскаго; „Слова и бесѣды о разныхъ нрав. предметахъ, небольшая книжка къ Лаврентію, Исповѣдь, соч. о правахъ Всел. Церкви, о 4-хъ преимуществахъ любви, о хр. благочестіи, о св. дѣвствѣ, о воздержаніи, письма и разныя другія сочиненія, особенно противъ манихеевъ, донатистовъ и Пелагія" бл Августина; богатыя психологическими наблюденіями „Слова и письма" св. Льва Великаго и др.) Всѣ вышеозначенные пастыри и учители излагали нравственное ученіе большею частію обыкновеннымъ образомъ, т.-е. развивали и преподавали болѣе такъ называемое объективное правоученіе: уясняли законъ Божій, заповѣди Господни, обязанности христіанъ въ отношеніи къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ, взаимныя отношенія христіанъ между собою, поведеніе и дисциплину въ отношеніи церковномъ и т. под., рѣдко касаясь, и то только съ той или другой одной стороны, самаго существеннаго, субъективнаго элемента нравственной христіанской жизни. Эта послѣдняя сторона нравственнаго богословія занимала болѣе отцевъ-подвижниковъ и въ числѣ ихъ св Исаака.

*) Любители уединенной отшельнической жизни, сознавая недостаточность общаго правоученія, соотвѣтственно высшимъ совѣтамъ евангельскимъ и своимъ обѣтамъ, облекли нравственное ученіе христіанское строжайшимъ характеромъ аскетическимъ и таинственнымъ. Таковы, послѣ Антонія великаго, въ IV в.: св. Макарій Великій, Ефремъ Сиринъ, въ V в. Маркъ Пустынникъ, Іоаннъ Кассіанъ, преп. Нилъ Синайскій, Діадохъ Фотикійскій, Исихій пресвитеръ, а въ концѣ V и началѣ VI в. св. Исаакъ Сиринъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и сочиненія этихъ подвижниковъ, писанныя большею частію для иноковъ и касавшіяся болѣе внутренней стороны хр. нравоученія и созерцанія жизни, поучительны и для всякаго мыслящаго и благочестиваго христіанина, ищущаго высшаго дух. совершенства; но у св. Исаака взглядъ на нравственность человѣка гораздо обширнѣе и общѣе. (См. ихъ творенія).

**) См. 170 гл. для нравственности человѣка и доброй жизни. (въ Хр. Чт.).

***) „Бесѣды" Макарія Великаго въ русскомъ переводѣ.

писанія св. Василія Великаго, занимавшагося устройствомъ иноческихъ обителей, болѣе изображали внѣшнюю жизнь подвижниковъ,—нравственно-аскетическія писанія другихъ аскетовъ изображали то ту, то другую сторону нравственной жизни; недоставало сочиненія, въ которомъ не только подвижникъ, но и всякій христіанинъ могъ бы найти для себя полное и всестороннее руководство въ нравственной христіанской жизни,—могъ бы видѣть путь дѣятельнаго и постепеннаго восхожденія по степенямъ нравственнаго совершенства до возможной для человѣка высоты его,—могъ бы имѣть практическое, опытомъ провѣренное и по опыту написанное, указаніе и наставленіе въ истинно-христіанской жизни. Недостатокъ этотъ восполнили сочиненія св. Исаака Сирина.

Въ словахъ своихъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ раскрытію правилъ нравственно-христіанскаго ученія и жизни, св. отецъ изображаетъ нравственную жизнь человѣка съ глубокимъ знаніемъ различныхъ сторонъ этой жизни и самыхъ таинственныхъ движеній души человѣческой. Въ нихъ онъ заботливо, какъ бы за руку, проводитъ своихъ читателей по всему пути къ нравственному совершенству, то устрашая ихъ, то ободряя, то, наконецъ, изумляя раскрытіемъ таинственнѣйшихъ состояній человѣка въ единеніи съ Богомъ. Просвѣтленный благодатію взоръ его проникаетъ въ самые сокровенные изгибы сердца человѣческаго, и онъ изображаетъ, со всею возможною вѣрностію Евангельскому ученію, глубоко-назидательную картину нравственной жизни и грѣшника, и человѣка, который еще борется съ грѣхомъ за праведность,

и праведника, утвердившагося въ доброй жизни. „Подлинно божественно сіе тайноводство,—говорится объ ученіи св. Исаака въ житіи его,—какъ преподающее самую высокую добродѣтель и указывающее самый верхъ совершенства; а также божественъ, возвышенъ и совершенъ и тайноводитель. Ибо,—какъ говоритъ,—опытно извѣдалъ все то, чему наставленъ былъ Божественною благодатію,—дозналъ это и написалъ“. (Кратк. свѣд. о жизни св. Исаака. Изд. 1858 г. стр. VI).

Представляя раздѣльно различныя состоянія души человѣческой, св. Исаакъ, при свѣтѣ Божественнаго откровенія, построяетъ на нихъ все свое христіанское нравоученіе. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; по назначенію его, сторона духовная должна бы имѣть въ немъ перевѣсъ надъ тѣлесною, но онъ не устоялъ въ своемъ чинѣ — палъ; вслѣдствіе паденія плоть человѣка взяла перевѣсъ надъ духомъ, всѣ силы души разстроились, онъ ниспалъ въ состояніе грѣховное,—состояніе ненормальное. Возвратиться изъ этого состоянія въ состояніе первобытное человѣкъ можетъ не иначе, какъ только подъ условіемъ покаянія и вѣры во Евангеліе, подъ условіемъ собственныхъ подвиговъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и утвержденіи себя въ добродѣтели, при содѣйствіи благодати Божіей. Укрѣпляясь болѣе и болѣе въ борьбѣ съ врагами своего спасенія и грѣхомъ, и такимъ образомъ преуспѣвая постепенно въ добродѣтельной жизни, восходя отъ силы въ силу въ своемъ стремленіи къ единенію съ Богомъ, человѣкъ, наконецъ, можетъ, побѣдивъ свою грѣховную природу, войти въ это блаженное, таинственное единеніе, достигнуть своей цѣли и на-

значенія. Таково, въ общихъ чертахъ, развитіе нравственной жизни, по ученію св. Исаака. Отсюда въ нравоученіи его, очевидно, *три степени*, постепенно ведущія человѣка отъ несовершенства къ совершенству. *Первая степень*—состояніе грѣховное, въ которомъ преобладаетъ тѣло, и которое св. отецъ называетъ *плотскимъ*, или *противуестественнымъ*; *вторая степень*—состояніе борьбы съ грѣхомъ и утвержденіе въ добродѣтельной жизни, гдѣ уравновѣшиваются тѣлесныя и духовныя стороны природы человѣка: это состояніе онъ называетъ *душевнымъ*, или *естественнымъ; третья степень*—высшей, духовно-созерцательной жизни, гдѣ перевѣсъ на сторонѣ духа, у св. Исаака называется *духовную*, *сверхъ*-или *выше-естественною*. Эти три степени св. Исаакъ называетъ еще—первою, второю и третью степенью вѣдѣнія, такъ какъ всѣ пути и направленія жизни зависятъ, главнымъ образомъ, отъ такого или другаго вѣдѣнія, или знанія дѣла. (Сл. 28. сн. Сл. 3. 4. 55 и Сл. 25. 26. 27. 28). Вотъ тѣ стороны, съ которыхъ св. Исаакъ смотритъ на нравственную жизнь человѣка, и тѣ главные пункты, выходя изъ которыхъ мы находимъ, весьма, впрочемъ, трудную, возможность—отрывочно разбросанныя въ его словахъ и нелегко уловимыя, при простомъ чтеніи, черты нравственной жизни свести въ одно цѣлое и изложить ихъ въ послѣдовательной связи и порядкѣ *).

*) Св. Исаакъ не писалъ научной системы своего ученія; его мысли отрывочно разбросаны по всему пространству его подвижническихъ словъ, дошедшихъ до насъ; поэтому за норму системы въ своемъ сочиненіи мы, по необходимости, должны взять общій порядокъ нравственной жизни,—порядокъ, послѣ долгаго изученія извлеченный изъ твореній самого же отца, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, требуя строгаго порядка въ нравственной христіанской жизни,

I.

Первая степень вѣдѣнія.

(Состояніе грѣховное—неестественное).

Общая характеристика этого состоянія.

Постоянно и внимательно наблюдая за собою и за другими, св. Исаакъ опытами цѣлой своей жизни убѣдился, что каждый человѣкъ въ самомъ существѣ своемъ носитъ наклонность къ грѣху,—что при тѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, въ которыхъ поставлена обыкновенная жизнь человѣка, склонность къ грѣху усиливается въ немъ вліяніемъ міра, особенно при содѣйствіи исконнаго врага, искусившаго его первоначально и старающагося навсегда удержать въ грѣховномъ состояніи,—что, усиленная постояннымъ вліяніемъ міра и діавола, склонность человѣка къ грѣху обращается, наконецъ, въ состояніе страстное и самымъ дѣломъ выражается въ дѣйствительномъ грѣхѣ; а грѣхъ, овладѣвшій и тѣломъ, и душой человѣка, производитъ въ немъ самыя гибельныя послѣдствія, разстраиваетъ все существо его и всѣмъ силамъ его даетъ превратное направленіе и неправильное, незаконное выраженіе. Налагая, такимъ образомъ, свою печать на всю дѣятельность человѣка, едва замѣт-

---

нерѣдко и указываетъ, что за чѣмъ слѣдуетъ и что изъ чего вытекаетъ. Въ расположеніи же частныхъ предметовъ ученія мы строго придерживаемся словъ св. отца, гдѣ только это возможно, чтобы, такимъ образомъ, выполнить свою задачу—представить въ цѣломъ и полномъ видѣ нравственное ученіе по св. Исааку и изобразить характеръ именно его ученія, а не другаго кого-либо. Поэтому, если гдѣ и нельзя будетъ выдержать строгой логической послѣдовательности, то это будетъ зависѣть уже не отъ насъ, а отъ того, что есть перерывы въ самыхъ твореніяхъ св. отца, дошедшихъ до насъ, какъ видѣли, въ неполномъ составѣ.

нымъ оставляетъ въ немъ естественное, прирожденное добро, которое, въ настоящемъ грѣховномъ состояніи, если по временамъ и заявляетъ о своемъ существованіи въ человѣкѣ, то никогда не является въ чистомъ видѣ, а всегда бываетъ перемѣшано вмѣстѣ со зломъ. Этотъ *общій* взглядъ на грѣховное состояніе человѣка св. Исаакъ проводитъ, когда *въ частности* излагаетъ ученіе: а) о началѣ и развитіи грѣха въ человѣкѣ и б) о состояніи силъ и способностей души его въ грѣховной дѣятельности.

А.

О началѣ и развитіи грѣха въ человѣкѣ вообще.

Смотря на настоящее состояніе человѣка, нельзя не замѣтить, что „страсти сдѣлались въ немъ какъ бы естественными и составляютъ нѣкоторую твердую сущность, лежащую на душѣ“ (Сл. 43, стр. 265). Откуда взялся такой наростъ на душѣ человѣческой? Во всѣхъ рожденныхъ людяхъ дѣйствительный грѣхъ происходитъ отъ грѣховной наклонности. Объ этомъ говоритъ и собственное сознаніе всякаго христіанина, и опытное наблюденіе надъ другими, особенно надъ дѣтьми при воспитаніи, и Св. Писаніе. Наклонность эта, какъ основаніе дѣйствительнаго грѣха, по ученію св. Апостола Павла (Рим. 7, 8 и дал.), уже напередъ лежитъ во всякомъ человѣкѣ, въ настоящемъ его состояніи, но лежитъ сперва какъ еще неразвитая, какъ мертвый грѣхъ. Получивъ поводъ, этотъ первородный грѣхъ, или наклонность, приходитъ къ живому развитію, открываетъ всю свою злую сущность. Таково (внутреннее) происхожденіе грѣха: дѣйствительный

грѣхъ происходитъ отъ грѣховной склонности прежде всего: но внутреннія ненравственныя побужденія—грѣховная склонность—посредствомъ искушеній переходятъ въ страстное пожеланіе, которое, при полномъ согласіи воли, открывается въ дѣлѣ. Искушенія начинаются возбужденіемъ склонности, пожеланія. Это возбужденіе можетъ происходить и происходитъ, прежде всего, отъ самого лица искушаемаго, поколику въ немъ есть склонность грѣховная, которая сама уже имѣетъ нѣкоторую власть господствовать надъ высшими побужденіями жизни, затѣмъ—отъ внѣшнихъ поводовъ къ грѣху, будутъ ли они характера личнаго или безличнаго (міра и діавола). Но главное, первое начало грѣха—во внутренней наклонности; не будь этой внутренней склонности, поводы или искушенія къ грѣху отъ міра и діавола—внѣшнихъ враговъ—были бы недѣйствительны. Согласно съ этимъ общепризнаннымъ ученіемъ о началѣ и происхожденіи грѣха въ каждомъ рожденномъ человѣкѣ (кромѣ Адама и Евы), св. Исаакъ, указавъ общую причину грѣховнаго состоянія человѣка въ паденіи прародителей, указываетъ и частныя причины, отъ которыхъ беретъ свое начало грѣхъ; это—зараженная грѣхомъ природа человѣка, міръ и діаволъ.

Главная и общая причина грѣховнаго состоянія каждаго человѣка заключается въ паденіи Адама. Св. Исаакъ не говоритъ ни о паденіи, ни о слѣдствіяхъ паденія Адамова для него и для его потомковъ, какъ догматѣ, предполагая это извѣстнымъ всѣмъ и каждому, онъ прямо пишетъ: „пока носимъ на себѣ образъ Адамовъ, необходимо носить

въ себѣ и страсти Адамовы“ (Сл. 19, стр. 115). Т.-е., каковъ сталъ первосозданный человѣкъ вслѣдствіе своего паденія, таковы же и всѣ родившіеся отъ него, по виду и по образу его (Быт. 5, 3).

Въ частности грѣхъ происходитъ: а) отъ внутренней грѣховной наклонности.

Въ частности „грѣховныя движенія въ человѣкѣ бываютъ, *во-первыхъ*, отъ естественной, плотской, зараженной въ паденіи воли, отъ предзанятыхъ понятій и отъ душевной склонности, какія человѣкъ имѣетъ въ умѣ“ (Сл. 4, стр. 33). Паденіе человѣка привнесло въ его природу порчу, отравило и разстроило все существо его. Прежде всего явились въ умѣ человѣка „предзанятыя понятія“. *Сотвори Богъ человѣка праваго*, мысль его устремлена была къ одному предмету—Богу: поэтому и понятія его были чисты, святы, истинны, и онъ былъ правымъ; *тіи же взыскаша помысловъ многихъ* (Екклез. 7, 10), первосозданные люди скоро измѣнили свое положеніе: закрыли очи свои для свѣта Божественнаго, послушались совѣта враждебнаго Создателю и Промыслителю своему и начали составлять уже свои самодѣльныя понятія, отличныя отъ прежнихъ, смѣшанныя, фальшивыя и ложныя, которыя св. Исаакъ называетъ „предзанятыми“. Вслѣдъ за понятіями ума, „зараженная въ паденіи воля“ человѣка также обратилась въ противоположную сторону: человѣкъ вышелъ изъ своего естественнаго состоянія, въ которомъ всѣ стремленія воли его обращены были къ высшему его, духовному міру: естественная воля его обратилась къ низшему, бо-

лѣе плотскому міру, и онъ сталъ въ неестественное состояніе... Сдѣлавшись плотскими и чувственными, понятія и желанія падшаго человѣка развили въ душѣ его, вмѣсто духовнаго, вкусъ ко всему плотскому и чувственному, такъ что грѣшнику гораздо пріятнѣе стало услаждаться предметами этой послѣдней области, чѣмъ духовной. Отсюда—вслѣдъ за плотскими понятіями и чувственными желаніями и всѣ душевныя склонности человѣка сдѣлались грѣховными, и онъ по справедливости теперь можетъ быть названъ „плотскимъ“ человѣкомъ. „Душѣ ощущать пріятность возсіявающаго надо всѣмъ втораго Солнца *) препятствуетъ положенное на нее тѣлесное, которое закрываетъ собою озаренія истины, такъ что они не доходятъ до насъ“ (Сл. 43, стр. 266—67).

б)—Соблазнительныхъ вліяній міра.

„*Во-вторыхъ*, грѣховныя движенія въ человѣкѣ бываютъ отъ чувственнаго представленія мірскихъ предметовъ, о которыхъ человѣкъ слышитъ и какіе видитъ (Сл. 4, стр. 33)“. Потерявъ изъ виду и главную цѣль, и главный предметъ своего стремленія, человѣкъ сдѣлался слишкомъ впечатлителенъ къ другимъ предметамъ, дѣйствующимъ на него. Не удивительно послѣ этого, если міръ имѣетъ вредное вліяніе на душу. Каждый предметъ въ мірѣ и всякое впечатлѣніе предмета вызываетъ въ человѣкѣ тѣ или другія мысли, чувствованія и желанія, ту или другую дѣятельность, согласныя съ

*) Подъ вторымъ Солнцемъ нужно здѣсь разумѣть Христа Спасителя, какъ самую истину, или—Божественное Откровеніе.

этими впечатлѣніями. Здѣсь дѣлается подобное тому, какъ вода, сама по себѣ безцвѣтная и безвкусная, принимаетъ свойства той земли, по которой протекаетъ. Даже не производя въ человѣкѣ худыхъ мыслей и чувствованій, предметы міра своимъ безконечнымъ разнообразіемъ только отвлекаютъ его отъ постояннаго самоуглубленія и сосредоточенія, важнѣйшихъ въ настоящемъ грѣховномъ состояніи пособій къ устремленію души въ міръ высшій. Проводникомъ впечатлѣній міра служитъ тѣло человѣка. „Чрезъ пять чувствъ, какъ чрезъ пять входовъ, впечатлѣнія міра проникаютъ въ душу и вызываютъ въ ней часто безпорядочную дѣятельность. Возстаніе чувствъ есть омертвѣніе сердца; и когда они возстаютъ, это признакъ омертвѣнія сердца для Бога",—говоритъ св. Исаакъ (Сл. 85, стр. 587). Т.-е., если внѣшнія чувства не сдерживаются, а всегда свободно открыты для міра и постоянно вносятъ въ душу впечатлѣнія за впечатлѣніями, наполняя ее разными образами, то сердце человѣка и вся душа его подавляется этими впечатлѣніями, развлекается ими и живетъ только для нихъ, а не для Бога. Въ другомъ мѣстѣ св. Исаакъ замѣчаетъ, что „причины грѣха суть слѣдующія: вино, женщины, богатство, тѣлесное здравіе"; „впрочемъ,—замѣчаетъ онъ,—не потому, что это суть грѣхи по самому естеству, но потому, что природа удобно склоняется симъ въ грѣховныя страсти" (Сл. 38, стр. 235). Всегда занятый внѣшними впечатлѣніями, человѣкъ теряетъ свою внутреннюю самодѣятельность, какъ бы выходитъ изъ себя, и такимъ образомъ дѣлается человѣкомъ „внѣшнимъ".

в)—Искушеній отъ діавола.

„*Въ-третьихъ*, грѣховныя движенія въ человѣкѣ бываютъ отъ приражепія бѣсовъ, которые воюютъ съ нами“ (Сл. 4, стр. 33). Помощникомъ во всѣхъ плотскихъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ человѣка-грѣшника является исконный врагъ его, сначала искусившій и доселѣ слѣдящій за нимъ и старающійся поглотить его. Душа, и въ настоящемъ своемъ состояніи — съ грѣховною наклонностію, предоставленная естественному своему развитію, не вдругъ подпала бы грѣховному рабству, если бы сатана не являлся дѣйствительнымъ ея учителемъ во злѣ. Онъ владѣетъ, нѣкоторымъ образомъ, естественною, плотскою волею, зараженною ядомъ грѣха, входитъ въ душу вмѣстѣ съ впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ, которые человѣкъ видитъ или о которыхъ слышитъ, возбуждаетъ въ насъ предзанятыя понятія и укоренившіяся склонности. „Я признаю за истину то, что познанія о злѣ, безъ посредства демоновъ, не пріемлютъ чувства и не приводятся зломъ въ движеніе, и умъ не можетъ самъ собою сдѣлать зла; ибо доброе насаждено въ природѣ, а злое нѣтъ; все же чуждое и отвнѣ приходящее, для того чтобы получить познаніе о семъ, имѣетъ нужду въ какомъ-либо посредникѣ“ (Сл. 18, стр. 108), — говоритъ св. Исаакъ. Человѣкъ, поражаемый врагомъ и плѣняемый имъ, приходитъ въ состояніе „грѣховное“.

Грѣховная наклонность обращается въ страсти.

Такъ внутренняя наклонность къ грѣху, усиленная вліяніемъ на нее міра и діавола, принимаетъ

видъ „страсти“, обращается въ страсть и производитъ изъ себя всѣ дѣйствительные грѣхи.

„Страсти, съ одной стороны, приводятся въ движеніе чувствомъ безъ образовъ и памятію, а съ другой — какими-нибудь образами“. Въ первомъ случаѣ, значитъ, страсти суть не что иное, какъ внутреннія сильныя движенія грѣховной наклонности; а въ послѣднемъ — онѣ „суть приражені міра, которыя производятся вещами его“ (Сл. 45, стр. 278 сн. Сл. 85, стр. 586). „Иногда природа сама собой, по своей склонности къ грѣху, начинаетъ любить покой, вольность, смѣхъ, пареніе мыслей, лѣность, и дѣлается источникомъ страстей и причиною мятежа, а иногда противникъ внушаетъ это душѣ“ (Сл. 75, стр. 543). Поэтому, „когда въ совокупности хотимъ наименовать страсти, называемъ ихъ міромъ“ въ переносномъ смыслѣ, потому что онѣ возбуждаются предметами міра: „а когда хотимъ различать ихъ по различію наименованій, называемъ ихъ“, въ собственномъ значеніи, „страстями“ (Тамъ же). Во всякомъ случаѣ, получая свое начало въ самомъ человѣкѣ, въ его грѣховной наклонности, и развиваясь при содѣйствіи міра и противника рода человѣческаго, „страсти — недугъ души (стр. 29); и если человѣкъ оставитъ назначенный ему предѣлъ, то сдѣлается боленъ и будетъ страдать отъ страстей“ (Сл. 38, стр. 235).

По своему дѣйствію на человѣка и въ человѣкѣ, „страсти суть тернія и произрастаютъ въ насъ отъ сѣянія въ тѣло (Гал. 6, 8). При временномъ облѣненіи или при маломъ нерадѣніи, умножаются тернія и покрываютъ лице земли, подавляютъ посѣянное, и трудъ обращается въ ничто. Та земля

произращаетъ тернія, а сія разумная—страсти (Сл. 19, стр. 115—116)". „Сильно и продолжительно дѣйствуя въ человѣкѣ (Сл. 44, стр. 274), страсти дѣлаются какъ бы твердою какою сущностію и препятствуютъ при созерцаніи различать разнообразіе вещей", понимать вещи въ истинномъ ихъ смыслѣ и значеніи (Сл. 43, стр. 265), или становятся „дверью, заключенною предъ лицемъ чистоты" (Сл. 55, стр. 367). Хотя „страсти нерѣдко усыпляютъ одна другую, когда одна другой уступаетъ мѣсто",—замѣчаетъ св. Исаакъ,—страсть тщеславія, напр., заставляетъ уступать ей мѣсто блудную страсть, и опять страсть блудная укрощаетъ страсть честолюбія (стр. 357); но онѣ всегда ведутъ брань съ человѣкомъ наступательно" (Сл. 45, стр. 279).

По свойству своему, „страсти бываютъ тѣлесныя или душевныя, или сложныя и смѣшанныя", т.-е. и тѣлесныя и вмѣстѣ душевныя. „И страсти суть слѣдующія: приверженность къ богатству, къ тому, чтобы собирать какія-либо вещи, тѣлесное наслажденіе, отъ котораго происходитъ страсть супружества, желаніе чести, отъ котораго истекаетъ зависть и пр., вообще страхъ за тѣло", т.-е. боязнь отказать ему въ чемъ-либо и не удовлетворить его требованій (Сл. 2, стр. 21). Вообще, по представленію св. Исаака, страсти, рождаясь въ душѣ и тѣлѣ человѣка, рождаютъ отъ себя другія страсти и такимъ образомъ разрождаются до безчисленнаго множества.

Изъ этого ученія св. Исаака о страстяхъ видно, что начало, причина и источникъ страстей тѣ же, что и грѣховной наклонности, т.-е. самъ человѣкъ, міръ и діаволъ; видно и самое тѣсное взаимное отно-

шеніемежду грѣх. наклонностію и страстями. По своему дѣйствію и по своимъ свойствамъ, страсти первоначальной наклонности къ грѣху даютъ жизнь и усиливаютъ ее, или—лучше—суть та же грѣховная наклонность, только получившая полную жизнь и усиленная, такъ что склонность къ грѣху уже съ понудительной силой раскрывается во внутреннемъ существѣ человѣка и въ его тѣлесномъ организмѣ, и дѣлается, такимъ образомъ, инымъ закономъ во удѣхъ человѣка, обращается въ постоянное, основывающееся на самоопредѣленіи, направленіе всѣхъ силъ и способностей души его, въ противоположность нравственному закону.

Страсти производятъ дѣйствительные грѣхи.

Страсти рождаютъ дѣйствительный грѣхъ: „совершеніе грѣха не бываетъ безъ собесѣдованія со страстями“ (Сл. 85, стр. 586). „Когда страсти дѣлаются грѣхами?“—спрашиваетъ св. Исаакъ,—и отвѣчаетъ: „когда достигаютъ зрѣлости, дѣлаются грѣхами“ (Тамъ же). Различіе между грѣх. наклонностію, страстями и самымъ грѣхомъ состоитъ въ томъ, что грѣх. наклонность есть какъ бы почва для страстей, а страсти суть какъ бы душа, самый корень грѣха и сила его, — онѣ рождаютъ грѣхъ.

Грѣхъ въ проявленіяхъ своихъ разнообразенъ, самые акты грѣховные бываютъ различны. Степени грѣховъ, по ученію св. Исаака, условливаются участіемъ въ дѣйствіи свободной воли, внутреннимъ рѣчувствованіемъ и силою развитія грѣха. Чѣмъ рѣшительнѣе и непринужденнѣе воля осуществляетъ свои злыя пожеланія, тѣмъ выше и степень грѣха:

чѣмъ менѣе грѣхъ укоренился въ человѣкѣ, чѣмъ менѣе, слѣд., подавляетъ добро,—тѣмъ менѣе опасенъ онъ для нравственнаго благосостоянія, тѣмъ ближе къ степени грѣха простительнаго: чѣмъ болѣе тотъ же грѣхъ развился въ человѣкѣ, такъ что уничтожаетъ уже самое начало нравственной жизни,—тѣмъ болѣе онъ восходитъ на степень грѣха непростительнаго. Степени грѣха условливаютъ собою степени виновности и отвѣтственности за грѣхъ.

Грѣхи, главнымъ образомъ, бываютъ непроизвольные, совершаемые по немощи или по невѣдѣнію, или по какому-либо случаю неизбѣжному, и произвольные, совершаемые по долгому, сознательному пребыванію и закоснѣнію во злѣ. Само собою разумѣется, что первые грѣхи близки къ прощенію, а послѣдніе заслуживаютъ наказанія. „Есть грѣхъ, совершаемый по немощи, въ который человѣкъ увлекается непроизвольно, или по невѣдѣнію,—говоритъ св. Исаакъ,—и есть грѣхъ, совершаемый произвольно. Бываетъ также, что иной сдѣлаетъ грѣхъ по какому-нибудь случаю, и еще по долгому пребыванію и закоснѣнію во злѣ. Вотъ всѣ роды и виды грѣховъ, и хотя всѣ они достойны порицанія, однакоже, по сравненіи положенныхъ за грѣхи наказаній, оказывается, что одинъ больше другаго. На иного падаетъ большее осужденіе, и съ трудомъ пріемлется отъ него покаяніе, а грѣхъ иного близокъ къ прощенію. И какъ Адамъ, Ева и змій, хотя всѣ пріяли отъ Бога воздаяніе за грѣхъ, однакоже весьма въ различной мѣрѣ подверглись проклятію: такъ бываетъ и съ сынами ихъ. Каждому тяжесть наказаній соразмѣряется съ

намѣреніемъ его и пристрастіемъ къ грѣху. Если кто, не имѣя желанія служить грѣху, по нерадѣнію о добродѣтели увлекается во грѣхъ, потому что не упражнялся въ добродѣтели, — то тяжко такому пребывать въ грѣхѣ, да и наказаніе его тяжело. А если случится, что иной радѣющій о добродѣтели искушенъ будетъ какимъ-либо прегрѣшеніемъ: то, безъ сомнѣнія, близка къ нему милость, чтобы загладить его грѣхъ (Сл. 7, стр. 48).

Различаетъ также св. отецъ случаи уклоненія въ грѣхъ человѣка, вообще всегда радѣющаго о добродѣтели: это—проступки или частное только уклоненіе отъ нравственнаго закона, который вообще и всегда есть принципъ, основное направленіе воли добродѣтельнаго человѣка, и—постоянное пребываніе во грѣхахъ человѣка, всегда раболѣпствующаго грѣховнымъ наслажденіямъ, у котораго грѣхъ, какъ законъ, заправляетъ волею. „Инаковъ есть грѣхъ, совершаемый, когда человѣкъ оказывается радѣющимъ о добродѣтели и постояннымъ въ дѣланіи, такъ что и ночью не спитъ, заботясь, чтобы не потерпѣть ущерба въ томъ, о чемъ у него попеченіе, и днемъ всюду носитъ съ собою бремя свое и всѣ заботы его о добродѣтели: но и при сихъ и подобныхъ симъ попеченіяхъ, или по невѣдѣнію какому, или отъ какихъ-либо препятствій на пути его, т.-е. на пути добродѣтели, и отъ волнъ, во всякое время воздымающихся въ членахъ его, или вслѣдствіе уклоненія, какое можетъ быть въ немъ для испытанія его свободы,—вѣсовая чаша у него склоняется влѣво, и тѣлесною немощію увлекается онъ въ одинъ изъ видовъ грѣха: и при этомъ скорбитъ, тужитъ, болѣзненно воздыхаетъ онъ о

душѣ своей, по причинѣ бѣдствія, приключившагося ему отъ сопротивныхъ. Инаковъ же грѣхъ, когда человѣкъ оказывается слабымъ и нерадивымъ въ дѣланіи добродѣтели, совершенно оставилъ путь ея, рабски стремится въ послушаніе всякому грѣховному наслажденію, оказываетъ рвеніе изыскивать средства къ полнѣйшему наслажденію, подобно какому-нибудь рабу, готовъ со тщаніемъ выполнять волю врага своего и члены свои уготовить въ оружіе діаволу со всякимъ ему послушаніемъ, нимало не намѣренъ подумать о покаяніи, приблизиться къ добродѣтели, пресѣчь зло и положить конецъ пагубному своему пути. Инаковъ грѣхъ отъ поползновеній и паденій, какія могутъ приключиться на пути добродѣтели и на стезѣ правды. Ибо, по словамъ отцевъ, на пути добродѣтели и на стезѣ правды встрѣчаются паденія, препятствія, принужденія и тому подобное. Иное же дѣло паденіе души, всецѣлая ея гибель, совершенное оставленіе“. Такъ заканчиваетъ свое ученіе о степеняхъ грѣха св. Исаакъ (Сл. 7, стр. 49—50).

Судя по такому внутреннему развитію грѣха въ человѣкѣ, состояніе преданнаго грѣху и лишеннаго самодѣятельности человѣка можетъ быть названо нравственнымъ рабствомъ грѣху. Въ такомъ состояніи человѣкъ уже самъ какъ бы не дѣйствуетъ, а въ немъ дѣйствуютъ страсти и грѣхъ, которыхъ онъ становится послушнымъ рабомъ, которые деспотически управляютъ его дѣятельностію и такимъ образомъ измѣняютъ по-своему всѣ силы и способности души его.

Б.

Превратное направленіе душевныхъ силъ и ихъ дѣятельности, въ грѣховномъ состояніи, вообще.

Глубоко проникшій и со всѣхъ сторонъ охватившій человѣка грѣхъ совершенно измѣняетъ все существо его и даетъ превратное направленіе всѣмъ силамъ души и всей ихъ дѣятельности.

Съ глубокимъ знаніемъ дѣла св. Исаакъ изображаетъ состояніе души человѣческой и дѣятельность главныхъ способностей ея. (Употребляемъ здѣсь обыкновенное психологическое раздѣленіе и ходъ мыслей на томъ основаніи, что св. отецъ ясно описываетъ эти главныя силы и способности души человѣческой, когда она находится на первой степени вѣдѣнія, въ состояніи грѣха). Въ душѣ вообще, по его взгляду, царствуетъ *многопопечительность*, рождающая три исчадія: въ умѣ—заботливость о многознаніи, въ сердцѣ—о многонаслажденіи, въ волѣ—о многообладаніи.

Оторвавшись въ паденіи отъ Бога и остановившись на себѣ самомъ, поставивъ свое „я“ высочайшею цѣлію нравственной дѣятельности, человѣкъ почувствовалъ (образовавшуюся) въ себѣ пустоту. Эта пустота непрестанно возжигаетъ въ немъ ничѣмъ неудовлетворимую жажду, неопредѣленную, но непрестанную. Человѣкъ всеусиленно заботится наполнить эту бездну разнообразными предметами, въ коихъ думаетъ найти утоленіе своей жажды; и эти предметы поглощаютъ все вниманіе, все время и всю дѣятельность его; душа его какъ бы разливается по безконечно-разнообразнымъ вещамъ и живетъ въ нихъ. Такъ грѣшникъ жаждетъ, забо-

тится, суетится о предметахъ внѣ себя и Бога, о вещахъ многихъ и разнообразныхъ, при безпечности о спасеніи. Если такое состояніе души человѣка-грѣшника выразить однимъ словомъ, то характеристичнѣе всего идетъ къ нему названіе *многопопечительности* (Лук. 10, 41). Таково, въ общихъ чертахъ, состояніе грѣшной души, по смыслу ученія св. Исаака.

И въ частности: а) ума.

Частнѣе: такъ какъ *умъ* человѣческій, въ грѣховномъ состояніи, постоянно направленъ къ внѣшнему міру, обращенъ преимущественно на то, что передаютъ ему внѣшнія чувства,—на множество и разнообразіе вещей и явленій видимаго міра; то св. Исаакъ, желая краткими словами изобразить такое состояніе ума, называетъ его вообще „пареніемъ, или круженіемъ“ (Сл. 26. Сл. 29. Сл. 1, стр. 4 и пр.),—пареніемъ ума, круженіемъ мысли, рождающимъ страсти, вслѣдствіе развлекающаго вліянія міра и предметовъ его. „Страсти порождаютъ пареніе ума, страсти не рождаются безъ круженія мысли,“—говоритъ св. отецъ. Это то же, что пустота ума, забывшаго о Единомъ, Который есть все,—пустота, рождающая болѣзненную заботу о многознаніи, тревожное развѣдываніе, нетерпѣливую пытливость, а отсюда заносчивую и задорную кичливость.

Въ такомъ состояніи умъ человѣка и самъ въ себѣ сдѣлается безсильнымъ, шаткимъ и неспособнымъ къ правильному сужденію о вещахъ, и взгляды его на предметы бываютъ, поэтому, всегда фальшивы, и проявленія его своеобразны.

Чѣмъ болѣе паритъ и кружится умъ по разно-

образнымъ и безчисленнымъ предметамъ видимаго міра, перебѣгая отъ одного къ другому и ни на какомъ долго не останавливаясь, — тѣмъ болѣе онъ внутренно ослабѣваетъ, тѣмъ болѣе теряетъ свою силу — вѣрно обсуживать вещи, — тѣмъ болѣе омрачается и спутывается въ своихъ понятіяхъ и „пребываетъ внѣ области жизни и свѣта“ (Сл. 8, стр. 57. Ср. Сл. 39, стр. 241. Сл. 85, стр. 584. Сл. 69, стр. 509—510. Сл. 21, стр. 125—126). При множествѣ новыхъ и новыхъ помысловъ, возбуждаемыхъ сношеніемъ съ внѣшнимъ міромъ и заботами о томъ, чтобы какъ можно лучше благоустроить свою временную жизнь, онъ доходитъ до того, что вовсе лишается всякой возможности вникать и судить, о чемъ бы ни было, *надлежащимъ образомъ*, — все представляетъ по-своему и на все смотритъ съ своей точки зрѣнія, потому что „приpаженія, производимыя вещами этого міра“ (Сл. 38, стр. 235), становятся для него какъ бы нѣкоторымъ непрозрачнымъ тѣломъ (Сл. 43, стр. 265), препятствующимъ видѣть предметы въ ихъ надлежащемъ свѣтѣ и составлять о нихъ вѣрныя понятія. Это гордое въ своемъ омраченіи вѣдѣніе носитъ уже въ самомъ себѣ начало непрочности, шаткости и разрушенія. Въ немъ, несомнѣнно, такъ называемое сомнѣніе. „Опредѣленіе вѣдѣнія, — говоритъ св. Исаакъ, — то, что оно не имѣетъ власти что-либо дѣлать безъ разысканія и изслѣдованія, а напротивъ того, разыскиваетъ, возможно ли тому быть, о чемъ помышляетъ и чего хочетъ. А это признакъ колебанія въ истинѣ“ (Сл. 25). „Колебаніе усиливается по той мѣрѣ, какъ человѣкъ предается паренію мыслей и киченію. Мало-по-малу въ немъ развивается расположеніе

заподозривать все, даже собственное вѣдѣніе и его способы,—тѣмъ болѣе, что не во всемъ и не во всякое время успѣваетъ вѣдѣніе: нерѣдко встрѣчаются затруднительныя стеченія и столкновенія обстоятельствъ и многія опасности, въ которыхъ вовсе не могутъ помочь расчеты вѣдѣнія и способы человѣческой мудрости“ (Сл. 25, стр. 177). При такомъ вѣдѣніи только и возможно отверженіе истинъ, внушаемыхъ вѣрою. „Это вѣдѣніе дѣлается противнымъ вѣрѣ“ (Сл. 26, стр. 182). Словомъ, — „если умъ нездравъ въ естествѣ своемъ, то недѣйственно въ немъ вѣдѣніе, точно такъ же, какъ и тѣлесное чувство, когда отъ какихъ-нибудь причинъ повреждено, теряетъ зрѣніе“ (Сл. 43, стр. 265—266). Имѣя такія качества, умъ человѣка, въ грѣховномъ состояніи, естественно имѣетъ и фальшивые взгляды на предметы, потому что, утративъ свѣтлость и чистоту природнаго воззрѣнія на вещи, онъ вмѣстѣ съ этимъ впадаетъ въ односторонность. Эта односторонность его ясно видна во взглядахъ на себя, на Бога, Божественный Промыслъ и на ближнихъ; а отсюда, само собою разумѣется, и отношенія его къ этимъ предметамъ становятся незаконными. На себя, въ такомъ случаѣ, человѣкъ начинаетъ смотрѣть, какъ на жителя этого только міра, упуская изъ виду, что за предѣлами этой жизни есть другая, вѣчная жизнь,—что есть Богъ Спаситель, но вмѣстѣ Судія и Мздовоздаятель,—что есть цѣлая область безплотныхъ, невидимыхъ Силъ, имѣющихъ къ человѣку непосредственное, самое близкое отношеніе;—все это онъ забываетъ и не хочетъ даже вѣрить этому. Такимъ образомъ вѣдѣніе человѣка,—какъ выражается св. Исаакъ,—стано-

вится вѣдѣніемъ *голымъ*. „Оно, — говоритъ св. отецъ — именуется голымъ вѣдѣніемъ. Вотъ понятіе о себѣ этого вѣдѣнія: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человѣкомъ, — есть даже самая Божественная попечительность, надзирающая надъ человѣкомъ и совершенно о немъ пекущаяся“ (Сл. 26, стр. 183). Такъ это голое, грѣховное вѣдѣніе выше себя ничего не ставитъ, себя считаетъ и вѣрнымъ правителемъ, и заботливымъ промыслителемъ во всемъ; судитъ оно о себѣ такъ потому, что ходитъ во тьмѣ, далеко отъ свѣта истины, цѣнитъ достояніе свое по сравненію съ тѣмъ, что на землѣ, и не знаетъ, или лучше не хочетъ вѣрить и знать, что есть нѣчто, лучшее его. „Посему не Божію Промыслу приписываетъ это вѣдѣніе управленіе міромъ, но все доброе въ человѣкѣ, спасеніе его отъ вредоноснаго для него и естественное остереженіе его отъ затруднительнаго и отъ многихъ противностей, тайно и явно сопровождающихъ естество наше, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ... Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію, и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управленія симъ видимымъ міромъ“. (Сл. 26, стр. 183). Это „вѣдѣніе, по причинѣ изслѣдованій, бываетъ больше вѣры, т.-е. вѣдѣнію здѣсь все отдается, а вѣрѣ ничего, и упованіе на Бога имѣется не во всякомъ дѣлѣ, и Промыслъ Божій о человѣкѣ понимаетъ иначе“ (Сл. 1, стр. 3—4). „Отсюда не допускаетъ оно (вѣдѣніе) въ этомъ мірѣ ничего сверхъестественнаго и не можетъ представить себѣ, чтобы текучее естество, напр. воды, могло удержать на своемъ хребтѣ тѣлесныя стопы,

или чтобы сожигающая сила огня могла остаться недѣйственною и т. п. (Сл. 25, стр. 175). А потому во всемъ, что касается человѣка, оно бываетъ занято придумываніемъ средствъ и ухищреніями, чтобы воспользоваться естественными законами для улучшенія его быта или предохраненія его отъ всего вреднаго и опаснаго. Когда же способы его изобрѣтенія, въ какомъ-либо случаѣ, останутся недѣйствительными, то, не усматривая таинственнаго Промысла, оно обвиняетъ людей и препирается съ тѣми, которые препятствуютъ и противятся ему" (Сл. 26). „Взглядъ такого вѣдѣнія на ближнихъ оскорбителенъ для достоинства человѣка: для него люди то же, что вещи,—орудія для исполненія его временныхъ цѣлей. Поэтому для него ничего не значитъ хитрить предъ ними и лукавить. Оно разыскиваетъ малые ихъ проступки, вины и немощи, всѣхъ и все пересуживаетъ, настраиваетъ человѣка учительствовать, прекословить на словахъ" и проч. (Сл. 25 и 26).

Обнаруживаетъ себя это вѣдѣніе и выражается въ помыслахъ о долгоденствіи, о тѣлесномъ покоѣ и о томъ, нельзя ли, какъ бы то ни было, имѣть у себя все, что составляетъ счастіе земной жизни, какъ то: богатства, удобства земной жизни, славу и почести, власть начальственно распоряжаться и т. п. (Сл. 26, стр. 182),—въ словоохотливости, при которой человѣкъ любитъ пустословитъ и разглагольствовать и никакъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать чего-либо другому о себѣ, о своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ, планахъ, поступкахъ, не только добрыхъ, а даже и о худыхъ (Сл. 79, стр. 588),—въ любопытствѣ, съ какимъ человѣкъ

любитъ выслушивать и узнавать новости, смотрѣть на собранія, народное стеченіе, волненіе, шумъ. разгулъ, хлопоты и наслажденіе (Сл. 5. Сл. 21. Сл. 48, стр. 307),--словомъ—въ броженіи мыслей. когда человѣкъ, не останавливаясь ни на чемъ и ни во что не вникая, постоянно перебѣгаетъ своимъ умомъ отъ одного предмета къ другому, -отъ того, что слышалъ, къ тому, что видѣлъ, чувствовалъ, дѣлалъ или узналъ когда-то (Сл. 44, стр. 273—274)

Таково вѣдѣніе первой степени; руководящіеся имъ житіе свое взвѣшиваютъ плотію, опираются на дѣла свои, не помышляютъ же въ умѣ своемъ о непостижимомъ (Сл. 26).

Б)—сердца.

Вслѣдъ за пареніемъ и круженіемъ ума по предметамъ видимаго міра, разсѣивается и *сердце* человѣка и опустѣваетъ. Пустота сердца, лишившагося наслажденія Единымъ, Который есть все, образуетъ жажду удовольствій, многихъ и разнообразныхъ, или исканіе тѣхъ безчисленныхъ предметовъ, въ коихъ чаетъ найти услажденіе своихъ чувствъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. „Служеніе чувствамъ разсѣиваетъ сердце,—говоритъ св. Исаакъ,—утрачивая услажденіе Богомъ (Сл. 1, стр. 4) и человѣческія чувства любви къ ближнимъ (Сл. 26, стр. 184). Человѣкъ мало-по-малу охладѣваетъ ко всему, что не входитъ въ кругъ его заботъ и попеченій о тѣлесной нѣгѣ и наслажденіи удовольствіями здѣшней жизни. Это охлажденіе его „прежде всего выражается и усматривается въ лѣности къ Божіей службѣ и къ молитвѣ. Ибо если душа не отпадетъ

сперва отъ этого, нѣтъ иного пути къ душевному обольщенію“ (Сл. 2 стр. 16). Слезъ, какъ у человѣка облагодатствованнаго, здѣсь не оказывается. „Онѣ умаляются въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ умомъ своимъ приближается къ этому міру. И когда человѣкъ совершенно бываетъ погруженъ въ семъ мірѣ, тогда совершенно лишается онъ сихъ слезъ. И это есть признакъ, что человѣкъ погребенъ въ страстяхъ“ (Сл. 21, стр. 137). *) Такимъ образомъ сердце человѣка все воскипаетъ страстями грѣховными и дѣлается холоднымъ и безучастнымъ ко всему доброму. По природѣ способное любовію своею обнять весь міръ, сердце человѣка, на этой степени, до того съуживается, что въ немъ остается только мѣсто одному *самолюбію;* а самолюбіе, естественно, требуетъ удовлетворенія всѣмъ своимъ прихотямъ. Человѣкъ, поэтому, постоянно бросается отъ одного предмета къ другому, старается одно смѣнить другимъ и воспламеняется страстію ко всему грѣховному. Горячее къ грѣху, сердце дѣлается холоднымъ къ добру. Въ немъ появляется непріязненное расположеніе и отношеніе ко всѣмъ и ко всему: „вся душа его, и въ сердцѣ и въ устахъ его, исполняется укоризны на всякаго человѣка и на всякую вещь, съ чѣмъ бы ни встрѣчался помыслами и чувствами, и на Самого Всевышняго“ (Сл. 44, стр. 274—275). Но такъ какъ „за всякимъ удовольствіемъ слѣдуютъ омерзѣніе и горечь, какъ неразлучные спутники“ (Сл. 71, стр. 523), то сердце человѣка, подобно уму, мало-по-малу утрачиваетъ свою твердость и

*) Слезами человѣку отверзается дверь для входа на вторую степень, лучшую первой,—замѣчаетъ св. Исаакъ (Сл. 21, стр. 137—138).

устойчивость, предаваясь тревогамъ и смущеніямъ; а „сомнѣніе сердца приводитъ въ душу боязнь" (Сл. 1, стр. 4). Болѣе всего человѣкъ здѣсь боится, конечно, вреда тѣлеснаго. Онъ дорожитъ тѣлеснымъ покоемъ и всѣмъ, что пріятно тѣлу въ этомъ видимомъ мірѣ; но всего этого надѣется только отъ собственнаго вѣдѣнія, которое непрочно, и въ способахъ котораго не можетъ онъ не сомнѣваться. Поэтому не можетъ онъ пребывать безъ непрестаннаго попеченія и страха за тѣло, и потому имъ овладѣваетъ малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь людей, молва о разбойникахъ, слухи о смертяхъ, заботливость въ болѣзни, попечительность въ скудости и недостаткѣ потребнаго, страхъ смерти, страхъ страданій и злыхъ звѣрей и все прочее, сходное съ симъ и уподобляющееся морю, въ которомъ ежечасно, день и ночь мятутся и устремляются на пловцовъ волны. Страхъ за тѣло бываетъ въ немъ такъ силенъ, что онъ становится иногда вовсе неспособнымъ сдѣлать что-либо честное и достославное. Это малодушіе овладѣваетъ человѣкомъ каждый часъ; этимъ страхомъ душа его по временамъ такъ возбуждается, что пугается и бѣгаетъ тѣни своей" (Сл. 26, стр. 183—184, сн. Сл. 2, стр. 23. Сл. 44, стр. 275). При такомъ малодушіи и безсиліи, сердце человѣка естественно не можетъ устоять противъ всего чарующаго его, и утопаетъ въ страстяхъ, въ мнимомъ многонаслажденіи до того, что,—какъ говоритъ св. Исаакъ,—„внутренно отпечатлѣвается по подобію внѣшнихъ образовъ" (Сл. 55, стр. 403). „Кто раздражителенъ, кто гнѣвливъ, кто словолюбивъ, кто чревоугодникъ, кто обращается съ мірянами,

кто хочетъ, чтобы исполняема была его собственная воля, кто вспыльчивъ и исполненъ страстей,— всѣ таковые пребываютъ въ такомъ же смятеніи, какъ сражающіеся ночью, и осязаютъ тьму, находясь внѣ области жизни и свѣта",—заключаетъ св. Исаакъ описаніе грѣхолюбиваго, носящаго характеръ страстности сердца. (Сл. 8, стр. 56).

В)—Воли.

Наконецъ и *воля* человѣка, въ грѣховномъ состояніи, по ученію св. Исаака, отрекаясь отъ исполненія обязательной и спасительной для всѣхъ воли Божіей, а, вмѣсто того, постоянно упражняясь только въ исполненіи собственныхъ, личныхъ и мелочныхъ, пожеланій, принимаетъ характеръ чистаго произвола или *своеволія, самоугодія*. Мало того, человѣкъ даже самъ дѣлается не властенъ надъ собою, потому что, исполняя только собственныя пожеланія, онъ каждый разъ, очевидно, дѣлаетъ уступку своей власти надъ самимъ собою въ пользу извѣстнаго пожеланія, и не овладѣваетъ имъ, но, не подчиняя его заповѣди Божіей, самъ покоряется ему. Такимъ образомъ нравственная сила воли человѣческой мало-по-малу совершенно растрачивается, и подъ вліяніемъ страстей человѣкъ дѣлается вовсе неспособнымъ владѣть ни своими мыслями, ни чувствованіями, ни желаніями. Онъ подчиняется закону необходимости подобно вещамъ этого міра, по которымъ кружатся и разсѣиваются его помыслы. Въ примѣръ этого св. отецъ представляетъ изображеніе чревоугодника, его рабство и нравственное разслабленіе. На вопросъ: что бываетъ слѣдствіемъ чревоугодія? онъ отвѣчаетъ: „Отсюда

тягость въ головѣ, великое отягощеніе въ тѣлѣ и разслабленіе въ мышцахъ: а отселѣ необходимость не совершать Божественную службу, потому что приходятъ: лѣность творить на ней земные поклоны, нерадѣніе о поклонахъ обычныхъ, омраченіе и холодность мысли, умъ одебелѣвшій и неспособный къ разсудительности отъ смятенія и великаго омраченія помысловъ, густой и непроницаемый туманъ, распростертый въ цѣлой душѣ, сильное уныніе при всякомъ Божіемъ дѣлѣ, а также и при чтеніи, потому что человѣкъ неспособенъ вкушать сладость словесъ Божіихъ,—великая лѣность къ отправленію необходимыхъ дѣлъ, умъ неудержимый, скитающійся всюду по землѣ, большое накопленіе соковъ во всѣхъ членахъ... И бываютъ у него обольстительные помыслы, которые изображаютъ предъ нимъ красоту и собесѣдованіемъ съ ними, во всякое время, раздражаютъ и щекотятъ умъ. И человѣкъ, нимало не колеблясь, сочетавается съ сими помыслами, помышляя о нихъ и вожделѣвая ихъ, по причинѣ омраченія въ немъ разсудка. И это есть то самое, что сказалъ и пророкъ: *вотъ воздаяніе сестръ Содомъ, которая роскошествуя ѣла хлѣбъ въ сытость*... (Іез. 16, 49). И о семъ-то сказано однимъ изъ великихъ мудрецовъ, что если кто съ великою роскошью будетъ питать тѣло свое, то душу свою подвергнетъ брани: и если придетъ въ себя и приметъ на себя трудъ принудить себя, чтобы овладѣть самимъ собою, то не возможетъ сего, по чрезмѣрному разженію тѣлесныхъ движеній.... (Сл. 75, стр. 536—538). То же должно сказать и о всѣхъ другихъ страстяхъ. Каждая изъ нихъ образуетъ собою тѣсный кругъ, за

черту котораго человѣкъ выйти не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что Богъ въ этомъ разѣ оставляетъ его, попуская ему увлекаться похотями сердца его (Сл. 89, стр. 601 сп. Сл. 2, стр. 21). Посему-то св. Исаакъ умоляетъ остерегаться собственной свободы, такъ какъ это „невѣжественная свобода, это мать страстей и предшествуетъ лукавому и жестокому рабству“ (Сл. 71, стр. 519—523). Пустота воли, лишившейся обладанія Единымъ, Который есть все, дѣлается матерью страстей, производитъ многожеланіе, стремленіе къ многообладанію или всеобладанію, чтобы все было въ нашей волѣ, въ нашихъ рукахъ: а между тѣмъ это „любоиманіе“ стремящагося всѣмъ обладать дѣлаетъ рабомъ всего: человѣкъ всѣмъ хочетъ завладѣть, только собою не владѣетъ.

Вотъ что грѣхъ дѣлаетъ съ душою человѣка, преданнаго плотской похоти! На этой степени происходитъ въ человѣкѣ какъ будто разложеніе и омертвѣніе всѣхъ силъ его души. Поэтому св. Исаакъ говоритъ: „кто привязанъ къ мірскимъ (людямъ), къ міру и къ упокоенію его, кто любитъ бесѣдовать съ міромъ,—тотъ лишается жизни, и мнѣ нечего сказать о немъ; остается только съ воплемъ плакать неутѣшнымъ плачемъ, который сокрушитъ сердца слышащихъ оный“ (Сл. 8, стр. 58). Вообще, находящійся на этой степени человѣкъ, не идущій прямымъ путемъ и не пріемлющій возстановительныхъ силъ, отдѣленъ отъ міра духовнаго, невидимаго, не знаетъ его, какъ должно, а пригвожденъ къ землѣ и плоти и вращается въ мірѣ грѣховномъ. Онъ непрестанно въ заботахъ о многознаніи, многонаслажденіи, многообладаніи: пытаетъ, услаждается,

овладѣваетъ. Это—круговращеніе, въ коемъ кружится онъ весь свой вѣкъ. Пытливость манитъ, сердце чаетъ вкусить сласти и увлекаетъ волю. Грѣшникъ, значитъ, дѣлается покорнымъ рабомъ грѣха.

Неестественность грѣха въ человѣческой природѣ и возможность выйти изъ грѣховнаго состоянія.

Показавъ начало и развитіе грѣховной наклонности въ человѣкѣ до дѣйствительнаго грѣха, проявляющагося въ разныхъ видахъ, и описавъ состояніе силъ и способностей души человѣческой въ грѣховной дѣятельности, св. Исаакъ, въ заключеніе своего ученія о грѣховномъ состояніи человѣка, со всею силою и ясностію доказываетъ, что грѣхи или страсти неестественны человѣческой природѣ, что въ человѣкѣ есть и сильно укоренено естественное добро и стремленіе ко всему доброму. Хотя это естественное добро и перемѣшано со зломъ до того, что часто зло считаютъ за добро, а добро за зло, такъ что трудно распознать, что естественно и что неестественно человѣку: но просвѣтленный благодатію и очищенный взоръ легко видитъ различіе между тѣмъ и другимъ, и находитъ выходъ изъ грѣховнаго, неестественнаго состоянія въ состояніе естественное, добродѣтельное. „Страсти дѣйствуютъ во всякомъ, кто носитъ на себѣ тѣло, хочетъ ли онъ того или не хочетъ“ (Сл. 4, стр. 34),—говоритъ св. Исаакъ. „А у кого сердце сокрушено страстями, у того ими же и языкъ приводится въ движеніе. Если станетъ онъ говорить и о духовномъ, то будетъ разсуждать подъ вліяніемъ страсти“ (Сл. 8, стр. 59). Поэтому при настоящемъ состояніи души нельзя вполнѣ постигнуть перво-

начальнаго ея состоянія: и только „мудрый (просвѣщенный свыше) замѣчаетъ страстнаго человѣка при первой встрѣчѣ, и чистый (очистившій себя отъ всякой скверны плоти и духа) обоняетъ его зловоніе", и смѣло утверждаетъ, что страсти не естественны, а противуестественны человѣку. Вотъ какъ эти мысли развиваются у св. отца.

„Что такое состояніе противуестественное? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: противуестественное состояніе есть движеніе души въ мятущихся страстями. Когда естество низойдетъ отъ свойственнаго ему чина, тогда открываются въ немъ страсти, какъ учитъ великій Василій: когда душа оказывается внѣ своего естества, является долу—на землѣ. Итакъ явствуетъ, наконецъ, что страсти душевныя не суть душевныя по естеству." (Сл. 4, стр. 27). Правда, теперь мы не можемъ постигнуть первоначальнаго естества души, потому что безпрерывныя впечатлѣнія совнѣ, сѣмя тли внутри, препятствуютъ человѣку познать и настоящее состояніе души своей; тѣмъ болѣе препятствуютъ возвыситься до первоначальнаго ея состоянія; но по мѣрѣ отрѣшенія отъ міра внѣшняго и погруженія въ себя, является нѣкоторая возможность, по крайней мѣрѣ, приблизительно гадать о первоначальномъ состояніи души. „Когда не вошли въ душу отвнѣ житейскія попеченія,—говоритъ св. Исаакъ,—но пребываетъ она въ естественномъ состояніи, тогда непродолжителенъ бываетъ трудъ ея, и доходитъ она до познанія Божественной премудрости; потому что удаленіе души отъ міра и безмолвіе ея естественно побуждаютъ ее къ познанію Божіихъ тварей, а отъ сего возносится она къ Богу, въ удивленіи изумѣ-

ваетъ и пребываетъ съ Богомъ. Ибо когда въ душевный источникъ не входятъ воды отвнѣ, тогда естественныя, источающіяся въ ней, воды непрестанно порождаютъ въ душѣ помышленія о чудесахъ Божіихъ. А какъ скоро душа оказывается не имѣющею сихъ помышленій,—это значитъ или, что подана къ тому нѣкая причина какими-либо чуждыми воспоминаніями, или, что чувства отъ встрѣчи съ предметами произвели противъ нея мятежъ. Когда же чувства заключены безмолвіемъ, не позволяется имъ устремляться внѣ, и при помощи безмолвія устарѣютъ памятованія,—тогда увидишь, что такое естественные помыслы души, что такое самое естество души, и какія сокровища имѣетъ она сокрытыми въ себѣ"... (Сл. 3, стр. 23—24). Такъ душа, отрѣшаясь отъ міра чувственнаго, умудряется и просвѣщается свыше и, очистившись отъ всякой скверны плоти и духа, легко познаетъ себя. Почему же страсти неестественны человѣку? А вотъ почему: „Мы вѣруемъ, что Богъ созданнаго по образу сотворилъ безстрастнымъ. Ибо всякій образъ снимается съ предлежащаго изображенія. Почему должно увѣриться, что страсти не въ природѣ души". ..Какъ созданное по образу Чистѣйшаго и Всесвятаго, естество души нѣкогда было свѣтло и чисто, по причинѣ принятія имъ въ себя блаженнаго свѣта, а подобно сему таковымъ же оказывается, когда возвращается въ первобытный чинъ; то несомнѣнно уже, что душа бываетъ внѣ своего естества, какъ скоро приходитъ въ страстное движеніе. Потому— страсти привзошли въ душу впослѣдствіи, и несправедливо говорить, будто бы страсти въ естествѣ души, хотя она и приводится ими въ движеніе.

Итакъ явно, что приводится она въ движеніе внѣшнимъ, не какъ своимъ собственнымъ" (Сл. 3, стр. 25—26). „Коль скоро дознано и всѣми признается, что когда душа находится въ своемъ естественномъ состояніи, ей свойственна чистота: то смѣло должно сказать, что страсти нимало не естественны душѣ, потому что болѣзнь позднѣе здравія. А одному и тому же естеству невозможно быть вмѣстѣ добрымъ и лукавымъ. Необходимо – одно предшествуетъ другому; естественно же то, чѣмъ предварено другое, потому что о всемъ случайномъ говорится, что оно не отъ естества, но привзошло отвнѣ; и за всѣмъ случайнымъ и привзошедшимъ слѣдуетъ измѣненіе, естество же не переиначивается, не измѣняется" (Сл. 4, стр. 30). „Богъ въ каждое изъ естествъ вложилъ то, что служитъ къ его возрастанію". Начало или корень страстей св. Отецъ полагаетъ собственно въ тѣлѣ, а душѣ онѣ усвояются по тѣсному соединенію съ тѣломъ. „О страстяхъ тѣлесныхъ никто не осмѣлится сказать, что принимаются въ несобственномъ смыслѣ. А если бы страсти были въ душѣ естественно, то почему душа терпѣла бы отъ нихъ вредъ? Собственно принадлежащее естеству не вредитъ ему". „Но когда одно естество входитъ въ согласіе съ другимъ (душа съ тѣломъ), тогда оно не въ томъ, что ему свое, но въ противоположномъ тому" (Сл. 4... Во всемъ 4 словѣ развивается мысль, что страсти душевныя свойственны душѣ потому, что она тѣсно соединена съ тѣломъ, въ которомъ положены страсти первоначально Богомъ, для пользы тѣла).

Такимъ образомъ, по ученію св. Исаака Сирина, страсти—грѣхи неестественны душѣ человѣческой;

поэтому грѣховное состояніе души человѣческой онъ называетъ *плотскимъ, противуестественнымъ или неестественнымъ состояніемъ*. Если же страсти неестественны душѣ человѣческой, то естественно, что изъ этого страстнаго состоянія есть выходъ. И вотъ этому основанія, по указанію св. Исаака: въ умѣ замѣтны нѣкоторые остатки чистыхъ понятій о Богѣ, къ Которому человѣкъ можетъ стремиться даже по одному внутреннему побужденію, безъ внѣшнихъ наученій. Умъ нашъ имѣетъ естественную силу стремиться къ Божественному созерцанію. Я признаю за истину, что умъ нашъ можетъ самъ собою, и не учась, возбуждаться къ добру. Ибо доброе насаждено въ природѣ" (Сл. 18, стр. 108). Отсюда рождается вѣра въ Бога, страхъ оскорбить Его, — чувства, примѣчаемыя у всѣхъ народовъ. Хотя сіи понятія не переходятъ въ живыя убѣжденія, не осуществляются въ жизни и пріобрѣтаются долгимъ опытомъ народовъ и — то неправильно; но, входя въ себя непосредственно, человѣкъ получаетъ возможность восходить въ міръ высшій, чувствовать свою близость къ міру горнему.

Далѣе—хотя эти, положимъ темныя, представленія о Богѣ, которыя остаются въ умѣ, и самая возможность чувствовать близость высшаго міра легко помрачаются любострастною волею, — зло, въ ней насажденное, распространяется и на другія силы души,—чистота, естественная душѣ, помрачается и вмѣсто нея являются цѣлые ряды пороковъ: но нерѣдко сквозь нихъ пробивается свободная дѣятельность воли, стремящейся любить Бога, нерѣдко можно замѣчать въ ней осуществленіе преданности закону высочайшаго Существа.

Наконецъ чувство, хотя также часто увлекается грѣховными наслажденіями, часто стремится къ наслажденію порочному, но вмѣстѣ съ этимъ услаждается и красотою тѣхъ предметовъ, къ которымъ стремится умъ, почти съ равною силою, въ одно и то же время услаждается и проявленіями высочайшей доброты. „Чувство духовное принимаетъ въ себя созерцательную силу, подобно зѣницѣ тѣлесныхъ очей, имѣющихъ въ себѣ чувственный свѣтъ“ (Сл. 43).

Сверхъ всего этого, хотя есть разстройство въ жизни человѣка между дѣятелями ея—духомъ, душою и тѣломъ (Сл. 53, стр. 404), но человѣкъ можетъ уклоняться то въ ту, то въ другую сторону,—перевѣсъ можетъ быть на сторонѣ тѣла, но можетъ быть и на сторонѣ духа. „Пока человѣкъ живетъ во плоти, остается онъ въ переходномъ состояніи отъ одного вѣдѣнія къ другому“ (Сл. 28, стр. 190). Словомъ, въ человѣкѣ, въ настоящемъ его состояніи, всегда смѣшано со зломъ и естественное добро.

Итакъ, въ человѣкѣ есть остатки первоначальнаго состоянія, въ каждой изъ силъ души его и во всей совокупности ихъ,—есть возможность и даже нѣкоторое дѣйствительное осуществленіе стремленій ея къ горнему міру. А потому отсѣчь то, что привзошло въ каждую силу души, развить остатки добраго до первоначальной чистоты и безстрастія, привести въ согласіе и единство духъ, душу и тѣло,—это должно быть первымъ и существеннымъ долгомъ человѣка и непрерывною заботою его. Но всего этого самъ собою человѣкъ не можетъ сдѣлать, ему нужна помощь со стороны. Она и пода-

на ему въ Христовыхъ таинствахъ, въ искупленіи вообще *).

II.

Вторая степень вѣдѣнія.

(Переходъ изъ грѣховнаго—неестественнаго состоянія въ состояніе добродѣтельное—естественное).

Общая характеристика этого состоянія.

На второй степени вѣдѣнія, по ученію св. Исаака, человѣкъ совершенно измѣняется, по своимъ внутреннимъ качествамъ и по внѣшней дѣятельности. Силы и способности души его принимаютъ характеръ совершенно отличный отъ того, какой онѣ имѣли на первой степени,—обновляются и изъ неестественнаго переходятъ въ „естественное" состояніе, согласное съ закономъ Божіимъ, даннымъ для приведенія ихъ въ нормальный порядокъ. Но въ такомъ измѣненномъ и обновленномъ видѣ человѣкъ является не вдругъ, а послѣ долгихъ подвиговъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и послѣ долгаго утвержденія въ добродѣтели. Человѣкъ, вслѣдствіе ли обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ благодатныхъ возбужденій, приходитъ, наконецъ, къ сознанію своей грѣховности, своего неестественнаго состоянія, и, не довольствуясь имъ, естественно начинаетъ желать перейти и стать въ состояніе нормальное, — окончательно рѣшается оставить свою грѣховную

*) Нужно замѣтить здѣсь, что св. Исаакъ, изображая грѣховное состояніе человѣка на первой степени вѣдѣнія, имѣетъ въ виду такого грѣшника, который совершенно потерялъ благодать крещенія и не имѣетъ уже въ себѣ жизни истинно христіанской, которому снова нужно начинать ее, и для котораго началомъ этой жизни и единственнымъ источникомъ служитъ таинство покаянія точно такъ же, какъ для язычника или младенца начало благодатной христіанской жизни полагается въ крещеніи.

жизнь и начать новую, добродѣтельную. Для этого, раскаиваясь въ своихъ прежнихъ грѣхахъ, онъ вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ и, поставляя на мѣсто прежнихъ грѣховъ своихъ противоположныя имъ добродѣтели, наконецъ побѣждаетъ зло и утверждается въ добрѣ. Вслѣдствіе такой-то долгой и усиленной нравственной дѣятельности человѣка, вся душа его получаетъ уже совершенно иной нравственный складъ и направленіе: на мѣсто прежней многопопечительности является у человѣка забота о единомъ на потребу,—на мѣсто разсѣянности, слабости и безсилія, во всѣхъ силахъ и способностяхъ души его является собранность, крѣпость и энергическое стремленіе ко всему доброму. Словомъ, какъ тамъ—на первой степени — вслѣдствіе грѣховной, беззаконной жизни, человѣкъ доходитъ до неестественнаго состоянія во всемъ своемъ существѣ, такъ здѣсь--на второй степени—вслѣдствіе добродѣтельной, законной жизни, во всемъ составѣ своемъ онъ принимаетъ состояніе естественное. Внутренняя и внѣшняя нравственно-христіанская жизнь человѣка является, значитъ, на этой степени совершенно въ другомъ порядкѣ, чѣмъ жизнь на первой степени. Этотъ общій строй нравственно-христіанской жизни св. отецъ раскрываетъ, когда, въ частности, указываетъ: а) способы и правила борьбы съ грѣхомъ и цѣлый рядъ добродѣтелей, въ которыхъ человѣкъ утверждается, борясь съ грѣхомъ, и—б) когда, какъ слѣдствія дѣятельнаго прохожденія подвиговъ борьбы съ грѣхомъ и утвержденія въ добродѣтели, изображаетъ свойства и направленіе главныхъ силъ и способностей души человѣка на этой степени.

А.

Борьба съ грѣхомъ и утвержденіе въ добродѣтели.

„Въ нашей возможности подвизаться въ добрѣ и уклоняться отъ зла и намъ усвояется проистекающая отъ того и честь, и безчестіе“ (Сл. 57),—говоритъ св. Исаакъ.

Приготовительныя къ этому средства.

Главное дѣло человѣка-грѣшника, на второй степени вѣдѣнія, по его ученію,—борьба съ грѣхомъ и утвержденіе въ добродѣтели; здѣсь, по примѣру пророка, онъ разоряетъ и созидаетъ,—разоряетъ ветхаго человѣка, созидаетъ новаго (Іерем. 1, 10). Но къ этому трудному и великому дѣлу человѣкъ не можетъ приступить безъ предварительнаго приготовленія: онъ сперва долженъ пріобрѣсти рѣшимость оставить свою грѣховную жизнь и ревность идти путемъ добродѣтели; а эта рѣшимость, эта ревность возбуждается въ немъ покаяніемъ и вѣрою въ Евангеліе. Но и рѣшившійся оставить грѣхъ и возревновавшій о добродѣтели, чтобы не возвратиться въ прежнее состояніе и чтобы успѣшнѣе идти по новому пути, напередъ долженъ знать всю трудность и весь порядокъ этого пути и укрѣпиться надеждою на помощь Божественной благодати. Итакъ, приготовительныя средства, безъ которыхъ и шагу нельзя сдѣлать на поприщѣ новой жизни, по указанію св. Исаака, суть слѣдующія: всему предшествуетъ покаяніе и послушаніе или вѣра въ Евангеліе и вообще въ Божественное откровеніе. Покаяніе даетъ человѣку возможность войти въ себя и

видѣть свое ненормальное состояніе; вѣра въ Евангеліе открываетъ весь порядокъ домостроительства Божія о спасеніи падшаго человѣка, въ которомъ онъ ясно видитъ свое мѣсто и назначеніе. Вслѣдствіе этого въ немъ рождается ревность о добродѣтели и рѣшимость оставить прежнюю грѣховную жизнь; вмѣстѣ съ этимъ кающійся сознаетъ всю трудность и весь порядокъ новаго пути и вѣрующій укрѣпляется надеждою на помощь Божественной благодати. Вооруженный этими необходимыми свѣдѣніями и средствами, онъ смѣло вступаетъ въ борьбу съ своими духовными врагами. Вотъ краткое ученіе св. Исаака объ этихъ предварительныхъ средствахъ къ спасенію.

а)—Покаяніе и вѣра.

Вступленіе на вторую степень вѣдѣнія обусловливается, по ученію св. Исаака, *покаяніемъ* и послушаніемъ или *вѣрою* въ Евангеліе. Условія эти требуются самимъ Евангеліемъ: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе*,—началъ свою Божественную проповѣдь Господь нашъ Іисусъ Христосъ; того же требовали и св. Апостолы и всѣ отцы Церкви.

Дѣятельное покаяніе есть сознаніе своей грѣховности, безъ котораго нельзя и пожелать добра; покаяніе есть сожалѣніе о томъ, что доселѣ человѣкъ шелъ не своимъ путемъ, и плачъ о прежнихъ грѣхахъ; оно есть, потомъ, то же, что страхъ за душу, страхъ Божій,—начало добродѣтели, и приводитъ человѣка къ рѣшимости оставить прежнюю грѣховную жизнь и начать новую, добродѣтельную. Указавши на то, что Божественный Промыслъ употребляетъ все, чтобы возвратить человѣка-грѣш-

ника къ истинной жизни *), св. Исаакъ ободряетъ его тѣмъ, что „нѣтъ грѣха непростительнаго, кромѣ грѣха нераскаяннаго“ (Сл. 2, стр. 12—13), и побуждаетъ его оставить грѣховную жизнь, какъ бы ни былъ онъ грѣшенъ. „Какъ благодать на благодать, людямъ по крещеніи дано покаяніе; оно второе возрожденіе отъ Бога, дверь милости Божіей“ (Сл. 83, стр. 568). Но, какъ нравоучитель-практикъ, св. Исаакъ не останавливается на этомъ въ ученіи о столь важномъ средствѣ къ спасенію, каково покаяніе, а, давши понятіе о немъ, указываетъ самыя свойства и необходимыя требованія покаянія.—„Значеніе слова „покаяніе“, какъ дознали мы,—пишетъ онъ,—изъ дѣйствительнаго свойства вещей, таково: оно есть, съ исполненною сокрушенія молитвою, приближающееся къ Богу, неослабное прошеніе объ оставленіи прошедшаго и болѣзнованіе о храненіи будущаго“ (Сл. 47, стр. 292). „Короче, покаяніе есть оставленіе прежняго и печаль о немъ“ (Сл. 48, стр. 298). „При дѣятельномъ покаяніи отъ человѣка требуются труды, скорби, печали, сокрушенія, слезы, долговременный плачъ**), и потомъ уже (въ таинствѣ покаянія) Богъ прощаетъ“ (Сл. 55, стр. 397).

---

*) Въ обращеніи грѣшника Богъ дѣйствуетъ попущеніемъ искушеній или душевныхъ, или тѣлесныхъ (Сл. 61, стр. 476. Сл. 79, стр. 559, Сл. 78).

**) Сокрушеніе о грѣхахъ выражается въ слезахъ, которыя св. Исаакъ на первыхъ порахъ называетъ сожигающими, потому что онѣ изсушаютъ и сожигаютъ тѣло, какъ это испыталъ на себѣ преп. Макарій Египет. И только по мѣрѣ того, какъ человѣкъ въ подвигахъ покаянія простирается далѣе и далѣе и заботу о спасеніи выражаетъ въ благодушномъ перенесеніи скорбей, неизбѣжныхъ при совершеніи подвиговъ благочестія, - въ его сердцѣ распространяется миръ совѣсти, которая начинаетъ свидѣтельствовать, что человѣкъ не нерадитъ ни о чемъ, къ чему обязанъ, по мѣрѣ силъ своихъ (Сл. 75, стр. 545). Такимъ образомъ, кающійся грѣшникъ начинаетъ источать не слезы со-

„Смрадное море между нами и мысленнымъ раемъ можемъ перейти только на ладіи покаянія. Покаяніе есть корабль, а страхъ—его кормчій, любовь же—Божественная пристань. Къ сей пристани приходятъ всѣ труждающіеся и обремененные покаяніемъ" (Сл. 83, стр. 571). Въ этихъ словахъ св. отецъ предначертываетъ весь планъ нравственной жизни на второй степени вѣдѣнія, потому что страхъ, по его ученію,—начало добродѣтели, въ которой человѣкъ, борясь съ грѣхомъ, долженъ упражняться на всемъ пути этой степени, чтобы наконецъ достигнуть любви—Божественной пристани; здѣсь же въ словахъ: „покаяніе-корабль"—намекъ на всегдашнюю покаянную жизнь христіанина.

„Многократно иные—день за день—преступаютъ законъ и покаяніемъ врачуютъ души свои, и благодать пріемлетъ ихъ" (Сл. 46, стр. 283). Въ этомъ всегдашнемъ покаяніи нуждается и истинный христіанинъ, самый праведникъ, потому что и для него всегда возможны паденія. „Если всѣ мы—грѣшники, и никто не выше искушеній, то ежечасно надлежитъ намъ знать, что въ сіи 24 часа дня и ночи имѣемъ мы нужду въ покаяніи: покаяніе всегда прилично всѣмъ грѣшникамъ и праведникамъ, желающимъ улучить спасеніе. Дарованіе пріемлемъ непремѣнно покаяніемъ, и дарованіе сіе есть самое духовное вѣдѣніе", заключаетъ св. отецъ свое ученіе о покаяніи (Сл. 71, стр. 523; Сл. 84, стр. 574; Сл. 47, стр. 292). Словомъ, посредствомъ покаянія „душа возбуждается какъ бы отъ глубо-

жигающія, но сладостныя слезы умиленія, и это бываетъ не всегда, а съ промежутками (Сл. 65, стр. 492. Сл. 56, стр. 416).

каго сна, облекается пламенемъ ревности, какъ бы изъ мертвыхъ возстаетъ изъ погруженія своего, возносится, и горячимъ противоборствомъ діаволу и грѣху возвращается въ первобытный свой чинъ" (Сл. 2, стр. 13).

Вслѣдствіе покаянія, измѣнившись во внутреннемъ настроеніи души своей, человѣкъ долженъ, по необходимости, измѣниться и во всей внѣшней своей жизни, и дѣятельности. Въ началѣ, впрочемъ, силы и способности души его только получили направленіе къ добру, но окончательно еще не утвердились въ добрѣ. Человѣкъ только еще однимъ сознаніемъ и произволеніемъ вышелъ изъ области прошлой своей „неестественной" жизни, отказался отъ нея и приложился къ „естественности", еще ожидаемой и желаемой; но, на самомъ дѣлѣ, во всемъ своемъ составѣ остается еще такимъ же, какимъ былъ, т.-е. пропитаннымъ грѣхомъ.—И въ его душѣ, и въ его тѣлѣ живетъ страстность, какъ и прежде: умъ его не умѣетъ еще мыслить по-новому, а мыслитъ по-старому; сердце не умѣетъ чувствовать по-новому, а чувствуетъ по-старому: воля не умѣетъ хотѣть по-новому, а хочетъ по-старому; то же и въ тѣлѣ, во всѣхъ его отправленіяхъ. Итакъ, человѣкъ весь еще не чистъ, кромѣ сознанія и произволенія своего на жизнь чистую: да и самое это сознаніе и произволеніе его неточны, неопредѣленны и нетверды. Кающійся грѣшникъ самъ по себѣ не можетъ ясно и вѣрно различить, въ чемъ зло, и въ чемъ истинное добро: ему часто зло кажется добромъ и наоборотъ. Все это приводитъ его къ сознанію своего безсилія—не только очиститься и стать на новый путь, но и

различить зло отъ добра, — и заставляетъ искать себѣ помощи во внѣ. Эта помощь и дается ему въ Божественномъ откровеніи или въ опытномъ руководителѣ; Евангеліе или руководитель просвѣтляетъ его взоръ и освѣщаетъ ему взгляды на вещи. Такимъ образомъ человѣкъ, и пожелавъ перемѣнить свою жизнь на лучшую, безъ сторонней помощи, долженъ оставаться въ прежнемъ состояніи,—попрежнему чувствовать, попрежнему желать и дѣйствовать, оставаться такимъ же грѣшникомъ, идти тѣмъ же, если еще не худшимъ, путемъ. Только Евангеліе или опытный руководитель можетъ указать намъ не только то, въ чемъ состоитъ зло и въ чемъ истинная добродѣтель, но и самыя основанія того и другой; только Евангеліе даетъ намъ истинную мысль, правое сердце, чувствованіе, вѣрныя желанія и надлежащую дѣятельность; только Евангеліе указываетъ прямой путь къ истинѣ и животу; только Евангеліе, какъ Божественное откровеніе, помогаетъ человѣческому невѣдѣнію и безсилію и предлагаетъ истинные способы къ выходу изъ грѣховнаго состоянія; а на первой степени все это было забыто, — человѣкъ-грѣшникъ руководился только своимъ умомъ. Кающійся человѣкъ, сознавая себя грѣшнымъ и слабымъ, уже не дерзаетъ самонадѣянно пускаться въ рѣшенія вопросовъ жизни, а только, поучаясь въ законѣ Божіемъ или слушая своего руководителя, старается уяснить и усвоить себѣ богооткровенныя истины, чтобы по ихъ руководству устроить свою жизнь. Онъ научается послушанію, начинаетъ вѣровать всей душой; но эта вѣра есть только вѣра отъ слуха, такъ какъ, соглашаясь, что все открытое Богомъ истин-

но, человѣкъ при этомъ можетъ узнать богооткровенныя истины не иначе, какъ при пособіи внѣшняго руководства, чтенія Слова Божія, — наученія отъ тѣхъ, кому оно ввѣрено для храненія, подъ условіемъ собственнаго размышленія о своей жизни и жизни міра, при свѣтѣ Божественнаго откровенія (Сл. 84). Слово Божіе, какъ и правило истиннаго руководителя, такимъ образомъ становится для человѣка первымъ предметомъ чтенія и изученія; и, съ одной стороны, оно просвѣтляетъ его умъ, связываетъ его помыслы и не позволяетъ имъ разсѣиваться,—потому что, „когда они погружаются въ услажденіе постиженіемъ сокровенной въ словесахъ премудрости, тогда человѣкъ, въ какой мѣрѣ извлекаетъ изъ нихъ уясненіе, въ такой же оставляетъ позади себя міръ, забываетъ все, что въ мірѣ,—изглаждаетъ въ душѣ, а нерѣдко уничтожаетъ самую потребность обычныхъ помысловъ, посѣщающихъ природу; самая душа пребываетъ въ восторгѣ при новыхъ представленіяхъ, встрѣчающихся ей въ морѣ тайнъ Писанія; и сего самаго, что умъ занятъ ревніемъ къ уразумѣнію Писанія, достаточно для него, чтобы единымъ помышленіемъ о досточудномъ крѣпко связать свои помыслы и воспрепятствовать имъ стремиться къ естеству тѣлесному“ (Сл. 1, стр. 5. 6). Съ другой стороны, выходя изъ смиренія, изученіе Св. Писанія, въ свою очередь, само смиряетъ умъ человѣка (Сл. 56, стр. 409. сн. Сл. 44). Эта вѣра, вѣра отъ слуха или чтеніе Св. Писанія и изученіе истинъ вѣры, подъ руководствомъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ, необходимы человѣку до тѣхъ поръ, пока онъ не пріиметъ Утѣшителя, т.-е. пока не

взойдетъ на третью степень вѣдѣнія,—необходимы потому, что только Слово Божіе научаетъ его истинному вѣдѣнію (Сл. 58, стр. 450—451).

Вообще человѣкъ-грѣшникъ, живущій весь во внѣ, и потому называющійся внѣшнимъ, вслѣдствіе покаянія и вѣры въ Евангеліе входитъ внутрь себя, *) и здѣсь, какъ пробужденный отъ сна, видитъ совсѣмъ новый міръ, дотолѣ ему неизвѣстный. „Старайся войти въ храмину, находящуюся внутри тебя,—и увидишь храмину небесную“,—говоритъ св. Исаакъ. И дѣйствительно, вступившій внутрь себя видитъ, съ одной стороны, всѣ движенія свои, всѣ свои мысли, всѣ чувства, всѣ желанія, во всѣхъ ихъ изгибахъ и направленіяхъ; съ другой—видитъ весь строй высшаго духовнаго міра, невидимаго, мысленнаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго, и устанавливаетъ себя въ этомъ строеніи, т.-е. видитъ, сознаетъ свое мѣсто въ извѣстномъ, мѣрномъ соотношеніи со всѣми вещами, окружающими его, какъ члена великаго царства Божія. „Читай Евангеліе,—пишетъ св. Исаакъ,—завѣщанное Богомъ къ познанію цѣлой вселенной, чтобы пріобрѣсти тебѣ напутствіе въ силѣ Промысла Его о всякомъ родѣ,

*) Когда призывающая къ обращенію Божественная благодать воздѣйствуетъ на сердце человѣка, тогда духъ его проникаетъ туда сознаніемъ своимъ, а за нимъ и всѣ силы души и тѣла. Отсюда законъ для внутрь-пребыванія такой: держи сознаніе свое въ сердцѣ и собирай туда всѣ силы души и тѣла. Около сознанія въ сердцѣ должно собираться всѣми силами души: и умомъ, и волею, и чувствомъ. Собраніе ума въ сердцѣ есть *вниманіе*, собраніе воли—*бодренность*; собраніе чувствъ —*трезвѣніе*. Вниманіе, бодренность, трезвѣніе—три внутреннихъ дѣланія, коими совершается само собраніе и дѣйствуется внутрь-пребываніе. За вниманіемъ слѣдуетъ обращеніе внутрь очей; за бодренностію—напряженіе мускуловъ во всѣмъ тѣлѣ въ направленіи къ персямъ; за трезвенностію—подавленіе услажденія и покоя плоти. Такъ, согласно со св. Исаакомъ, учатъ всѣ отцы-подвижники о внутрь-пребываніи (Добротолюбіе).

и чтобы умъ твой погрузился въ чудеса Божіи". (Сл. 56, стр. 407—408).

Такимъ образомъ покаяніе и вѣра въ Евангеліе, совмѣстно дѣйствуя въ человѣкѣ, приводятъ его, по смыслу ученія св. Исаака, къ полному сознанію его грѣховности и открываютъ ему весь порядокъ міра Божественнаго, а вмѣстѣ съ этимъ даютъ ему ясно видѣть, что онъ въ неестественномъ состояніи и не на своемъ мѣстѣ, если весь преданъ грѣху, что главная его цѣль и назначеніе въ богообщеніи, что онъ долженъ, поэтому, оставить зло и устремиться къ добру. Отсюда является у человѣка рѣшимость оставить зло и ревность о добродѣтели.

б)—Ревность добродѣтельной жизни.

Ревность о добродѣтели возбуждается въ душѣ сама собою при каждомъ добромъ стремленіи, появляющемся въ ней, въ этомъ жарѣ, который болѣе или менѣе проникаетъ сердце каждый разъ, когда западаетъ въ душу добрая мысль.—„За всякою мыслію добраго желанія, въ началѣ его движенія, послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностію своею уподобляющаяся огненнымъ углямъ; и она обыкновенно ограждаетъ сію мысль и не допускаетъ, чтобы приблизилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграда... Это есть добродѣтель, безъ которой не производится доброе, и она называется ревностію; потому что отъ времени до времени движетъ, возбуждаетъ, распаляетъ и укрѣпляетъ человѣка пренебрегать плотію въ скорбяхъ и въ страшныхъ, срѣтающихъ его, искушеніяхъ,— непрестанно предавать душу свою на смерть и идти

въ срѣтеніе отступнической силѣ ради совершенія того дѣла, котораго сильно возжелала душа. Нѣкто, облеченный во Христа, ревность сію назвалъ псомъ и стражемъ закона Божія, т.-е. добродѣтели“ *). „Возбуждается ревность страхомъ или боязнію потерять то благо, которое человѣкъ пріобрѣлъ или имѣетъ въ виду пріобрѣсть. Этою ревностію человѣкъ пробуждается и ежечасно внимаетъ тому, что въ немъ и окрестъ него. Другой способъ возрожденія ревности—возрастаніе въ душѣ вожделѣнія добродѣтели. Ибо въ какой мѣрѣ возрастаетъ въ душѣ вожделѣніе, въ такой же воспламеняется естественная ревность къ добродѣтели; тогда какъ на первой степени эта ревность была совершенно охлаждена и усыплена нежеланіемъ добродѣтели, самонадѣянностію и отважностію человѣка (Сл. 32). Когда умъ возревнуетъ о добродѣтели, тогда и внѣшнія чувства, какъ то: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, не уступаютъ надъ собою побѣды такимъ трудностямъ, которыя для нихъ чужды, необычайны, выходятъ изъ предѣла силъ естественныхъ. А если во время обнаружитъ свою дѣятельность естественная раздражительность, то тѣлесная жизнь бываетъ пренебрегаема паче уметовъ. Ибо когда сердце возревнуетъ духомъ,—тѣло не печалится о скорбяхъ, не приходитъ въ боязнь и не сжимается отъ страха, но умъ, какъ адамантъ, своею твердостію противостоитъ въ немъ всѣмъ искушеніямъ“ (Сл. 49, стр. 323). Вотъ почему св.

*) У св. отцевъ эта добродѣтель называется различно: исканіемъ, предложеніемъ, усердіемъ, тщаніемъ, теплотою духа и горѣніемъ и просто ревностію. Рождается она внутреннимъ измѣненіемъ сердца, подъ невидимымъ дѣйствіемъ благодати Божіей, отъ покаянія и вѣры въ Евангеліе.

Исаакъ всякую страсть, служащую къ пользѣ, называетъ дарованною отъ Бога: „и страсти тѣлесныя вложены въ тѣло на пользу и возрастаніе ему; а таковы же и страсти душевныя“, — говоритъ св. отецъ, разумѣя подъ словомъ „страсти“ естественную раздражительность, устремленную не на грѣхъ, а на добродѣтель. Понятна теперь вся важность ревности въ дѣлѣ спасенія. Она есть сила на твореніе заповѣдей; только она одна и способна подъять все это бремя. Если въ исполненіи заповѣдей основаніе спасенія, то духъ ревности есть единственная для насъ спасительная сила. Гдѣ онъ — тамъ тщаніе, заботы, усердіе, готовность, живость на дѣла, угодныя Богу. Гдѣ нѣтъ его — тамъ все прекращается и падаетъ: нѣтъ жизни духа, онъ хладѣетъ, замираетъ; тамъ добрыя дѣла добры только по формѣ, а не по духу и силѣ. (Лук. 12, 49. Фил. 3, 14).

И в) — знаніе трудности и порядка въ добродѣтельной жизни.

Рѣшившись оставить грѣховную жизнь и возревновавши о жизни добродѣтельной, человѣкъ готовъ уже вступить въ борьбу съ грѣхомъ и всей душой желаетъ утвердиться въ добродѣтельной жизни. Но путь этой борьбы и этого утвержденія и новъ для человѣка-грѣшника, и труденъ, и дологъ; поэтому человѣкъ напередъ долженъ знать и его трудность, и его порядокъ, и не надѣяться на себя въ прохожденіи его, а положиться на помощь Божественной благодати и тогда начинать идти по нему.

Св. Исаакъ не скрываетъ всей тяжести борьбы человѣка и его трудовъ къ достиженію совершенства. По его словамъ, „жизнь по заповѣдямъ Божіимъ есть жизнь многотрудная, путь къ единой простотѣ чистоты — путь крестный, орошаемый кро-

вію тѣхъ, которые по нему идутъ, притомъ—путь единственный и общій для всѣхъ *). Здѣсь со всею силою возбуждаются внутреннія движенія ума и сердца, какъ добрыя, такъ и злыя: возстаетъ умъ противъ ума, душа противъ души, духъ противъ духа (Сл. 45, стр. 21). Это состояніе св. Исаакъ прямо называетъ „восшествіемъ на крестъ и распятіемъ себя“. „Наше состояніе плѣна и рабства,—говоритъ онъ,—обнаруживается для насъ только тогда, когда мы приступимъ къ исполненію св. заповѣдей: тогда разумъ нашъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ разума Христова, а сердце дико и враждебно взираетъ на исполненіе воли Христовой, какъ бы на смерть свою и на убійство свое; тогда опытно познаемъ мы горестную потерю свободы, свое страшное паденіе; тогда усматриваемъ всю глубину этого паденія, нисходящую до пропастей адскихъ. Отсюда—отчаяніе или рѣшительное преданіе себя Всесильному Врачу отъ всѣхъ грѣховъ“ (Сл. 41). Поэтому, если гдѣ, то въ этомъ случаѣ, св. Исаакъ требуетъ отъ подвижника строгаго порядка, послѣдовательности и постепенности въ его дѣятельности, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Два пути къ достиженію чистоты,—пишетъ св. Исаакъ: „иные путемъ протоптаннымъ и законнымъ, чрезъ храненіе заповѣдей въ многотрудномъ житіи, кровію своею приходятъ въ душевную чистоту. А другіе удостоиваются ея и по да-

*) Правда, „Богъ и безъ дѣланія заповѣдей можетъ, по благодати, даровать намъ душевное очищеніе; но если нѣкоторые и достигаютъ чистоты безъ страданій, то это есть исключеніе изъ общаго правила“. Это говоритъ св. Исаакъ, Господни суды, и Церковь не повелѣваетъ намъ просить чего-либо таковаго“, т.-е. чистоты и свободы, безъ борьбы и дѣланія заповѣдей (Сл. 55 стр. 363).

ру благодати. И чудно то, что не позволено просить въ молитвѣ чистоты, даруемой намъ по благодати, и отказываться отъ житія, препровождаемаго въ дѣланіи заповѣдей. Ибо богатому, вопросившему Господа: *какъ животъ вѣчный наслѣдую* (Лук. 10, 25)? Господь ясно сказалъ: *сохрани заповѣди.* И когда богатый вопросилъ: какія заповѣди? то, во-1-хъ, повелѣлъ ему удерживаться отъ худыхъ дѣлъ и тѣмъ напомнилъ о заповѣдяхъ естественныхъ (обыкновенныхъ). Когда же домогался узнать еще большее, сказалъ ему: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и возми крестъ свой и гряди во слѣдъ Мене.* (Мѳ. 19, 21). А это значитъ: умри для того, что имѣешь у себя, потомъ живи во Мнѣ; изыди изъ ветхаго міра страстей, и потомъ вступи въ новый міръ духа, возьми и совлекись вѣдѣнія человѣческихъ способовъ и ухищреній, и потомъ облекись въ простое вѣдѣніе истины. Ибо Господь, сказавъ: *возми крестъ свой*, научилъ тѣмъ человѣка умереть для всего въ мірѣ. И когда умертвилъ онъ въ себѣ ветхаго человѣка, или страсти, тогда сказалъ ему: *гряди во слѣдъ Мене.* Ветхому человѣку невозможно ходить путемъ Христовымъ, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *яко плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ* (Кор. 15, 50); и еще: совлекитеся ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ, и тогда возможете облечься въ новаго, обновляемаго познаніемъ уподобленія Сотворшему его. Итакъ, поелику дѣятельность вездѣ предшествуетъ созерцанію: то невозможно кому-либо возвыситься до области высокаго, если самымъ дѣломъ не исполнитъ прежде низшаго. Ибо всякому житію свое время, мѣсто и

отличіе. Если душа не препобѣдила страстей, то какъ ей имѣть попеченіе о чистотѣ? И скажу тебѣ, какой бываетъ порядокъ этого преемства: терпѣніе съ принужденіемъ себя борется со страстями за чистоту“ (Сл. 55, стр. 363). Итакъ, существуютъ два пути къ добродѣтельной жизни—созерцательный и дѣятельный; первый изъ нихъ легче, но опаснѣе: многіе пошли по нему и впали въ погибельную прелесть. Св. Исаакъ не отвергаетъ этого пути; но, какъ опытный руководитель, не совѣтуетъ избирать его, предоставляя его особеннымъ избранникамъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, а указываетъ второй путь—дѣятельный, какъ болѣе естественный и безопаснѣйшій, хотя и труднѣйшій и продолжительнѣйшій.

Для твердаго и неуклоннаго шествія по этому пути св. отецъ указываетъ на помощь благодати Божіей. Человѣку въ искупленіи дарована Божественная благодать, помогающая въ борьбѣ съ грѣхомъ и на многотрудномъ пути добродѣтели, такъ какъ человѣкъ самъ по себѣ не въ силахъ и бороться со зломъ, и утвердить въ себѣ доброе. „Какъ скоро человѣкъ, вслѣдствіе покаянія и вѣры въ Евангеліе,—говоритъ св. Исаакъ,—отринетъ отъ себя всякую видимую помощь и человѣческую надежду, и съ вѣрою и чистымъ сердцемъ пойдетъ во слѣдъ Богу: тотчасъ послѣдуетъ за нимъ благодать и открываетъ ему силу свою въ различныхъ вспоможеніяхъ. Сперва открываетъ (вспоможеніе) въ этомъ явномъ, касающемся до тѣла, и оказываетъ ему помощь промышленіемъ о немъ, чтобы въ этомъ всего болѣе могъ онъ восчувствовать силу Божественнаго о немъ Промысла и уразумѣ-

ніемъ явнаго увѣриться и въ сокровенномъ, какъ и свойственно младенчеству его мыслей и житію его (при началѣ добродѣтельной жизни). Ибо какъ здѣсь уготовляется потребное для него, когда о томъ и не заботится? Многіе удары, приближающіеся къ нему, часто исполненные опасностей, проходятъ мимо, когда человѣкъ о нихъ и не помышляетъ: между тѣмъ благодать неощутимо и весьма чудесно отражаетъ отъ него это и хранитъ его, какъ питающая чадъ своихъ птица, которая распростираетъ надъ ними крылья свои, чтобы не приблизился къ нимъ отъ чего-либо вредъ" (Сл. 49, стр. 317). „Нерѣдко иной, не зная, идетъ путемъ, гдѣ есть дикій звѣрь или убійцы, или что-нибудь подобное; и вотъ общій Промыслъ Божій спасаетъ его отъ таковаго вреда или, пока не пройдетъ мимо злый звѣрь, чѣмъ-нибудь замедляетъ шествіе путника, или встрѣчается ему кто-нибудь и заставляетъ уклониться отъ пути. И еще, иногда лукавый змій лежитъ на пути и невидимъ; но Богъ, не хотя предать человѣка такому искушенію, дѣлаетъ, что змій начинаетъ вдругъ шипѣть и трогаться съ мѣста или ползти впереди путника, и онъ, видя его, остерегается и спасается отъ змія. И еще случается нерѣдко, что падаютъ домъ или стѣна, или камень, съ шумомъ подвигшись съ мѣста своего, а тамъ сидѣли иные, и Богъ человѣколюбиво повелѣваетъ Ангелу удержать и остановить въ паденіи мѣсто сіе, пока не встанутъ сидѣвшіе, или пока чѣмъ-нибудь не отведетъ ихъ, и никого не останется на мѣстѣ; и, едва отойдутъ они,—немедленно попускаетъ упасть. А если и случится, что иной будетъ застигнутъ,—дѣлаетъ, что

не терпитъ онъ никакого вреда“ (Сл. 67, стр. 501). Такими и подобными случаями въ жизни „благодать даетъ человѣку видѣть очами своими, какъ близка была къ нему погибель его и какъ остался онъ невредимымъ. Такъ же точно обучаетъ его и въ разсужденіи сокровеннаго,—открываетъ предъ нимъ хитросплетенія мыслей и помысловъ трудныхъ, непостижимыхъ. И легко открывается человѣкомъ значеніе ихъ, взаимная между ними связь и прелесть ихъ, и къ которому изъ сихъ помысловъ прилѣпленъ человѣкъ, какъ они рождаются одинъ отъ другаго и губятъ душу. И благодать представляетъ предъ очами его всю злокозненность демоновъ и убѣжище помысловъ ихъ, влагаетъ въ него смыслъ уразумѣвать будущее: въ простотѣ его возсіяваетъ сокровенный свѣтъ, чтобы вполнѣ ощущать силу понятій въ тонкихъ помыслахъ, и какъ бы перстомъ указываетъ ему, что потерпѣлъ бы онъ, если бы не дозналъ сего. И тогда рождается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему въ молитвѣ испрашивать себѣ у Создателя своего“ (Сл. 49, стр. 317—318), т.-е. вѣра въ Божественную помощь. Словомъ, „сама Божественная сила,—пишетъ св. Исаакъ,—научаетъ людей, какъ иной учитъ плавать какого-либо малаго ребенка, и когда начинаетъ онъ утопать, выноситъ его изъ воды, потому что ребенокъ плаваетъ надъ руками обучающаго; и когда начнетъ робѣть, чтобы не утонуть, самъ носящій его на рукахъ своихъ взываетъ съ ободреніемъ ему: не бойся, я ношу тебя. И какъ мать учитъ малаго сына своего ходить, удаляется отъ него и зоветъ его къ себѣ; а когда онъ,

идя къ матери своей, начинаетъ дрожать и, по слабости и нѣжности ногъ и членовъ, падать, мать его подбѣгаетъ и носитъ его въ объятіяхъ своихъ: такъ и благодать Божія носитъ и учитъ людей, которые чисты и въ простотѣ предали себя въ руки Создателя своего" (Сл. 60, стр. 467).

Вотъ тѣ приготовительныя къ доброму пути средства, по указанію св. Исаака, безъ которыхъ нельзя не только шагу сдѣлать на новомъ пути, но и начать новую жизнь. Мало того, что эти средства возбуждаютъ человѣка, даютъ ему силу и, такъ сказать, становятъ на ноги, они еще предрасполагаютъ его къ предстоящей борьбѣ: покаяніе, напр., научаетъ самоуглубленію, главной добродѣтели, необходимой въ борьбѣ съ міромъ: вѣра въ Евангеліе учитъ разсудительности, необходимой для побѣды надъ діаволомъ; ревность о добродѣтели вызываетъ самоотверженіе, необходимое въ борьбѣ съ самимъ собою; сознаніе трудности новаго пути и порядка его требуетъ терпѣнія и благоразумія, нужныхъ въ пріученіи себя къ выполненію всѣхъ заповѣдей; надежда на помощь Божественной благодати и преданность ей призываетъ милость Божію, безъ которой невозможно утвердиться въ любви къ ближнимъ и къ Богу. „Домогайся же сперва дознаться, какъ войти тебѣ въ область духовныхъ тайнъ, и потомъ начинай",—заключаетъ свое ученіе о приготовительныхъ средствахъ къ добродѣтельной жизни св. Исаакъ (Сл. 55, стр. 363).

Истинный христіанинъ, по наставленію св. Исаака, чтобы достигнуть чистоты, долженъ вести непрерывную брань съ грѣхомъ, имѣющимъ свое сѣдалище въ душѣ и развивающимся подъ вліяні-

смъ плоти, міра и діавола,—употреблять всѣ средства къ очищенію души отъ страстей, упражняться въ исполненіи заповѣдей. „Если душа не преодолѣла страстей, то какъ ей имѣть попеченіе о чистотѣ?“—говоритъ св. отецъ (Сл. 55, стр. 363). Вотъ его наставленія касательно борьбы съ грѣхомъ и правила утвержденія въ добродѣтели.

Средства къ очищенію души отъ страстей и упражненіе въ исполненіи добродѣтелей.

Мы видѣли, что внутренняя прирожденная грѣховная наклонность человѣка, подъ внѣшнимъ вліяніемъ міра и діавола, развивается въ страстное состояніе и переходитъ въ дѣйствительный грѣхъ. Ведя, поэтому, брань съ грѣхомъ, человѣкъ долженъ принять всѣ возможныя средства и мѣры для отраженія и побѣжденія этихъ своихъ всегдашнихъ враговъ. Для большаго успѣха въ этой борьбѣ, онъ долженъ направлять свою дѣятельность такъ, чтобы сперва ослабить, а затѣмъ и совершенно уничтожить внѣшнія причины, препятствующія чистотѣ души: потому что, поразивши учителей и помощниковъ въ грѣхѣ, легче бороться съ самимъ грѣхомъ: во время брани съ внѣшними препятствіями къ очищенію души, незамѣтно поражается и внутренній врагъ. Преподобный Исаакъ дѣйствительно учитъ подвижника сперва бороться съ внѣшними врагами спасенія и этимъ самымъ поражать противника внутренняго духовнаго устроенія. Только „одержавшіе побѣду въ брани внѣшней возымѣютъ смѣлость не бояться самой внутренней брани. При внѣшнемъ смятеніи душа не можетъ быть внимательною къ себѣ въ воздвигаемой на нее тай-

ной брани и возстающихъ внутри ея побѣждать тишиною. А когда человѣкъ затворитъ врата градскія, т.-е. чувства, тогда ратуетъ внутри и не боится злоумышляющихъ внѣ града" (Сл. 56, стр. 414—415),—говоритъ онъ. И это ученіе его вполнѣ согласно съ обыкновеннымъ внѣшнимъ возбужденіемъ къ дѣятельности души человѣческой, по которому внѣшнія различныя впечатлѣнія вызываютъ такія или другія внутреннія движенія. Итакъ, нравственная борьба начинается съ враговъ внѣшнихъ—міра и діавола, и затѣмъ переходитъ во внутреннюю брань противъ грѣховной наклонности, противъ страстей, вообще противъ грѣховнаго настроенія человѣка. Для успѣшной борьбы съ міромъ, св. отецъ совѣтуетъ противопоставить ему отреченіе отъ міра, отшельничество и молчальничество: для борьбы съ діаволомъ—надежду на Божественную помощь, разсудительность и трезвѣніе: для борьбы съ самимъ собою, съ своею грѣховною наклонностію, перешедшею въ страстное состояніе,—постъ, бдѣніе, исполненіе всѣхъ заповѣдей Божіихъ: вообще для борьбы съ грѣховвымъ состояніемъ—упражненіе въ любви къ ближнимъ и къ Богу.

1. Борьба съ внѣшними врагами—міромъ и діаволомъ. Средства для успѣшной борьбы съ міромъ.

Обращаясь среди міра, нельзя отрѣшиться отъ привязанности къ предметамъ и обычаямъ его, хотя бы-то самой малой: а потому и невозможна здѣсь совершенная чистота: постоянное вліяніе міра на душу непрестанно развлекаетъ ее, не даетъ исключительно сосредоточиться и устремить

всѣ силы свои къ достиженію чистоты. Кто обращалъ вниманіе на вліяніе міра и его правилъ на душу свою, для того понятна вся трудность пріобрѣсти чистоту души въ мірѣ. Такъ какъ невозможно для насъ остановить вліяніе на насъ міра, равно какъ невозможно совершенно не имѣть въ душѣ воздѣйствія на міръ и воспріятія впечатлѣній отъ него: то св. Исаакъ, опытомъ дознавшій этотъ физико-психическій фактъ, для успѣшной борьбы съ міромъ предлагаетъ для всѣхъ вообще христіанъ отреченіе отъ міра, а для особенныхъ избранниковъ Божіихъ — отшельничество и молчальничество.

А) Отреченіе отъ міра.

Отреченіе отъ міра у св. Исаака не то только значитъ, чтобы оставить совсѣмъ міръ и бѣжать отъ него въ пустыню, а и особенное отношеніе къ нему, основанное на христіанскихъ началахъ. Мы имѣли уже случай видѣть, какое понятіе о мірѣ имѣетъ св. Исаакъ; страсти и міръ у него почти отождествляются: „вообще страсти — міръ; въ различіи наименованій — страсти" (въ 1-ой части ученія о страстяхъ). Яснѣе, „міръ есть плотское житіе и мудрованіе плоти" (Сл. 2, стр. 22). Изъ этого понятія о мірѣ очевидно, что „отреченіе отъ міра" есть, прежде всего, отреченіе отъ страстей, возбуждаемыхъ вліяніемъ міра, и умѣнье поставить себя такъ, чтобы неизбѣжныя вліянія его на насъ не возбуждали этихъ страстей. Такое отреченіе отъ міра есть то распятіе міру, о которомъ говоритъ Ап. Павелъ: *мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14). „Когда человѣкъ отрекается отъ міра, — гово-

ритъ авва Доровей,—тогда распинается ему міръ, ибо онъ оставилъ его. Когда же, освободившись отъ внѣшнихъ вещей, онъ подвизается и противъ самыхъ услажденій, или противъ самаго вожделѣнія вещей, и мертвитъ свои страсти, тогда и самъ онъ распинается міру и сподобляется сказать съ Апостоломъ: мнѣ міръ распяся, а азъ міру“ (Поуч. 1, стр. 29). Вотъ первое значеніе отреченія отъ міра, по смыслу св. Исаака,—отреченіе необходимое для христіанина, ищущаго спасенія. Иначе сказать: это удаленіе внутрь себя, самоуглубленіе, необходимое для того, чтобы, не развлекаясь вліяніемъ міра, преградить ему возможность возбуждать страсти. „По тому самому, что человѣкъ исхитилъ себя изъ этого пагубнаго вліянія міра, познается, что исшелъ онъ изъ міра“ (Сл. 2, стр. 22). Но св. Исаакъ говоритъ и о другомъ отреченіи отъ міра, объ удаленіи въ монастырь или пустыню. При этомъ удаленіи, по его наставленію, человѣкъ долженъ обратить вниманіе на состояніе своей души, чтобы по нему опредѣлить для себя мѣсто, куда удалиться. Судя по прямому понятію о мірѣ, самое лучшее средство прервать его вліяніе на душу есть удаленіе въ пустыню. Но не для всѣхъ полезна пустыня; для нѣкоторыхъ полезнѣе общежитіе, смотря по различію состояній души и по предположенной цѣли. Иногда полезно общежитіе для сильныхъ, а иногда для немощныхъ въ нравственной жизни: „Кто достигъ душевнаго здравія, у кого умъ сорастворенъ духомъ, кто умертвилъ себя для житія человѣческаго, разумѣется грѣховнаго, тому общежитіе со многими не бываетъ вреднымъ, если онъ трезвится въ дѣлахъ своихъ. Но и немощ-

нымъ, кому нужно еще возрастать, питаясь млекомъ заповѣдей, также полезно сожительство со многими, пока не пріобрѣтутъ они душевнаго здравія. Равно и пустыня иногда полезна немощнымъ, а иногда сильнымъ, — и первымъ, чтобы къ разженію и возрастанію страстей не заготовлялось того, что служитъ имъ пищею; а сильнымъ, когда они окружены питающимъ страсти и срѣтили брани лукаваго. И сильные, и немощные, при избраніи пустыни, должны помнить, что пустыня только усыпляетъ, а не искореняетъ страсти" (Сл. 55, стр. 366—367), разсуждаетъ св. Исаакъ, предлагая здравый совѣтъ любителямъ пустыни. Вообще,—говоритъ онъ,—отречься отъ міра всякому истинному христіанину необходимо потому, что съ любовію къ міру нельзя совмѣстить любовь къ Богу: сердце наше не можетъ долго колебаться, но скоро уклоняется или по пути Божію, или по стезямъ міра. И чистота души, безъ отреченія отъ міра, никакъ не возможна, потому что „чистота единична, проста и равна, и среди многихъ помысловъ, неразлучныхъ со множествомъ предметовъ, окружающихъ человѣка, не сіяетъ" (Сл. 5. Сл. 55, стр. 355—356). Только съ удаленіемъ отъ причинъ множественности помысловъ достижима чистота. „Отчужденіе отъ міра познается по симъ двумъ признакамъ: по превосходнѣйшему житію и по отличію понятій самаго ума" (Сл. 2, стр. 22). Какъ только человѣкъ отречется или удалится отъ міра, прерветъ всѣ связи съ нимъ,—самыя понятія его дѣлаются чище, и жизнь становится лучше. То и другое невозможно, пока человѣкъ старается еще о пріобрѣтеніи чего-либо лишняго, кромѣ добродѣтели,

пока въ умѣ его обращаются помыслы о предметахъ міра; а потому, на высшей степени, подвигъ отреченія отъ міра оканчивается совершенною *безпопечительностію* или *нестяжательностію.* Только безпопечительность и нестяжательность облегчаютъ борьбу со страстями, потому что отнимаютъ поводы для нихъ совнѣ и даютъ возможность человѣку наблюдать свои помыслы и такимъ образомъ пріобрѣтать твердый навыкъ въ добродѣтельномъ житіи. Такъ установившійся въ отношеніи къ міру человѣкъ, и живя среди міра, легко можетъ отражать его натиски и сохранять свою душу чистою, невозмутимою.

Но такъ какъ удобоизмѣняемой природѣ человѣка невозможно иногда не колебаться при встрѣчѣ съ мірскими лицами и предметами, то любовь къ чистотѣ изобрѣла, для скорѣйшаго достиженія ея, — *отшельничество* и соединенное съ нимъ *молчальничество,* конечно не обязательныя для всѣхъ, а только для нуждающихся въ этомъ и желающихъ.

Б) Отшельничество.

Потребность отшельничества вытекаетъ изъ необходимости отреченія отъ міра. Пока есть для чувствъ пища, нельзя исключительно сосредоточить вниманіе на душѣ. „Кто желаетъ, какъ плодъ отъ умиренія мысли, пожать радость въ дѣланіи сокровеннаго, въ томъ и безъ видѣнія одни звуки голоса приводятъ въ смятеніе покой сердца его“ (Сл. 85, стр. 585—586). А велика утрата—изъ мирнаго состоянія самого себя произвольно ввергнуть въ смутное (Сл. 21, стр. 128). Но это неизбѣжно при сношеніяхъ съ людьми. Какъ сильный градъ, внезап-

но выпавъ на древесные плоды, изсушаетъ ихъ и уничтожаетъ: такъ сношенія съ людьми, хотя бы они были кратковременны и допущены съ доброю цѣлью, изсушаютъ цвѣты добродѣтели. И какъ сильный иней, покрывъ собою едва изникшую изъ земли зелень, пожигаетъ ее: такъ и свиданіе съ людьми пожигаетъ корень ума, омрачая его и охлаждая для Божественнаго. Цѣломудріе души, всецѣлое стремленіе къ своему назначенію возмущается лицезрѣніемъ людей (счастливо живущихъ) и бесѣдою съ ними; въ мысли человѣка колеблется намѣреніе его воли и искореняется всякое основаніе къ похвальному устройству жизни (тамъ же, сн. Сл. 69, стр. 509). Напротивъ, совершенное безмолвіе, совершаемое съ чаяніемъ смерти (Сл. 41, стр. 254),—безъ чего оно и невозможно,—укрощаетъ помыслы, подаетъ подвижнику новыя силы, умерщвляетъ внѣшнія чувства и возбуждаетъ внутреннія движенія (Сл. 21, стр. 138), установляетъ мысли въ уединенной молитвѣ (Сл. 13, стр. 80). Словомъ, въ отшельничествѣ страсти не могутъ возстать на душу и смутить подвижника (Сл. 21, стр. 145). Какъ въ землѣ видимъ многія сокровенныя вещества, и лѣтомъ по причинѣ жара никто не знаетъ ихъ; когда же увлажены будутъ и ощутятъ силу прохладительнаго воздуха, тогда оказывается, гдѣ было погребено каждое вещество: такъ и человѣкъ, когда находится въ благодати безмолвія, тогда дѣйствительно бываетъ въ покоѣ отъ многихъ страстей; если же входитъ въ мірскія дѣла, то видитъ тогда, какъ возстаетъ каждая страсть и подъемлетъ главу свою (Сл. 21, стр. 129). Вотъ почему истинные подвижники радуются, удаляясь

на безмолвіе. Птица, называемая еродій, веселится и радуется въ то время, когда удалится изъ мѣстъ обитаемыхъ, достигаетъ пустыни и вселяется въ ней: такъ и душа иночествующаго пріемлетъ въ себя небесную радость въ то время, когда удалится отъ людей, пріидетъ и вселится въ странѣ безмолвія (Сл. 85, стр. 581). Отшельничеству, впрочемъ, совершаемому ради любви къ Богу, по ученію св. Исаака, не препятствуетъ выполненіе заповѣди о любви къ ближнему. Въ пустынѣ не страждутъ грѣхомъ осужденія, неизбѣжнымъ среди міра (Сл. 89, стр. 605—606). „Хочешь ли по Евангельской заповѣди пріобрѣсти любовь къ ближнему?—удались отъ него, и тогда возгорится въ тебѣ пламень любви къ нему, и радоваться будешь при лицезрѣніи его, какъ при видѣніи свѣтлаго Ангела“.

И в) молчальничество.

Отшельничество, проходимое съ разумомъ, тѣсно связано съ молчальничествомъ. Безъ молчанія нельзя пріобрѣсти чистый умъ, потому что отъ многоглаголанія происходитъ изступленіе ума (Сл. 58 въ началѣ), омраченіе всей души (Сл. 85, стр. 583). Напротивъ, молчаливый скоро овладѣваетъ господствующими страстями (Сл. 8, стр. 55). Молчаніе помогаетъ посту, бдѣнію и вообще всѣмъ подвигамъ (тамъ же, стр. 63—64). Молчаніе есть таинство будущаго вѣка, а слова суть орудія этого міра (Сл. 42, стр. 263). Трудность этого подвига облегчается тѣмъ, что молчаніе скоро приближаетъ подвижника къ плоду. Отъ молчанія рождается нѣчто, приводящее къ самому молчанію. Отъ него проистекаетъ свѣтъ, какое-то удовольствіе,

которое насильно влечетъ тѣло къ тому, чтобы пребывать въ безмолвіи: сердце умиляется, дѣлается подобно младенцу и, какъ скоро начнетъ молитву,—льются слезы (Сл. 41 о молчаніи). Столь чудные дары, соединенные съ молчальничествомъ, бываютъ причиною того, что, когда всѣ дѣла житія положить на одну сторону, а на другую молчаніе, то найдемъ, что оно перевѣшиваетъ ихъ. Молчаливый скоро приближается къ совершенству. Вотъ средства побѣдить перваго врага нашего спасенія—міръ. Но есть у насъ и другой злѣйшій врагъ, діаволъ.

Борьба съ діаволомъ и средства къ побѣжденію его.

По допущенію Божію діаволъ съ своими клевретами имѣетъ злое вліяніе на человѣка, употребляетъ всѣ мѣры, чтобы отклонить его отъ дѣла спасенія: и это, по ученію св. Исаака, допускаетъ Богъ для упражненія человѣка въ добродѣтеляхъ и для испытанія его усердія къ подвигамъ ради Бога (Сл. 60, стр. 464). „У сопротивника нашего, діавола,—говоритъ онъ,—древній обычай—со вступающимъ въ подвигъ хитро разнообразить борьбу, примѣняясь къ состоянію каждаго (Сл. 60, стр. 462). Эта борьба, примѣнительно къ мѣрѣ преспѣянія человѣка, имѣетъ четыре вида. Къ первому виду св. отецъ относитъ борьбу съ діаволомъ тѣхъ, которые съ сомнѣніемъ и холодностію вступаютъ въ подвигъ Господень. На таковыхъ діаволъ нападаетъ со всею силою въ началѣ ихъ подвига „и возставляетъ твердыя и сильныя искушенія, чтобы съ перваго подвига объяла ихъ боязнь, путь ихъ показался жестокимъ и неудобо-

проходимымъ, и сказали они: если начало пути такъ тяжело и трудно, то можетъ ли кто до самаго конца его выдержать многія предстоящія на немъ нападенія? И съ этого времени не могутъ уже они снова возставать или идти впередъ и даже видѣть что-либо иное отъ недающей покоя заботы о семъ, и діаволъ недолго ведетъ съ ними жестокую брань свою, чтобы обратить ихъ такимъ образомъ въ бѣгство" (Сл. 60, стр. 462—463).

Что же касается до тѣхъ, которые мужественны и выходятъ на дѣло и берутся за него съ великою ревностію, тѣмъ не вдругъ выходитъ діаволъ навстрѣчу и долго не показывается, потому что знаетъ, что всякое начало брани бываетъ горячѣе, и ревностные воители не легко побѣждаются: притомъ же боится окружающей ихъ Божественной славы. Въ этомъ случаѣ онъ выжидаетъ, пока ревность ихъ охладится. Замѣтивъ же ихъ охлажденіе, онъ немедленно приступаетъ къ нимъ и старается довести ихъ до гибели различнымъ образомъ. Или начинаетъ внушать, чтобы они дали себѣ послабленіе сперва въ чемъ-либо незначительномъ, и потомъ доводитъ мало-по-малу до совершеннаго разслабленія. „Такъ, сначала усиливается сдѣлать, чтобы оставлена была непрестанная молитва: а потомъ внушаетъ пренебреженіе къ установленнымъ временамъ молитвы и правила, совершаемаго тѣлесно. Вначалѣ посѣваетъ помыслъ вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи и что-нибудь самое незначительное и ничтожное: а по нарушеніи воздержанія въ этомъ, человѣкъ поползается въ неумѣренность и распутство"... Или же, напротивъ, старается возбудить въ подвижникѣ неумѣ-

ренную ревность, внушая ему, повидимому, добрыя желанія подвиговъ, которые, однакожъ, не по его силамъ. Въ этомъ разѣ человѣкъ подвергается двоякой опасности: либо предается мечтательности о подвигахъ высшихъ и, не дѣлая ихъ, упуститъ и то, что могъ бы сдѣлать; либо, принявъ на себя подвигъ не по силамъ, предается наконецъ малодушію и отчаянію. Или, наконецъ, діаволъ употребляетъ въ дѣло мечтанія, отъ которыхъ содрогается природа человѣка, т.-е. является подвижнику въ различныхъ ужасающихъ образахъ, чтобы тѣмъ поколебать въ немъ упованіе на Бога и ввергнуть его въ отчаяніе. (Сл. 60, стр. 465—69, сн. Сл. 75, стр. 541—542. Сл. 33 вначалѣ. Сл. 57. Сл. 56).

Если же „внѣшнія чувства не побѣждаются видимыми вещами и слышимыми голосами, и помыслы не разслабѣваютъ отъ ласкательствъ и обольщеній: тогда уже этотъ обманщикъ желаетъ отыскать какой-либо способъ отдалить отъ человѣка онаго помогающаго ему Ангела. Лучше же сказать, обманщикъ этотъ желаетъ ослѣпить умъ человѣка, возбудивъ въ немъ помыслы гордыни... Иногда разсуждаетъ онъ, что побѣдилъ врага случайно, а иногда,—что побѣдилъ по безсилію врага; иногда же врагъ, подъ видомъ откровеній отъ Бога, изводитъ на среду прелесть свою и въ сновидѣніяхъ показываетъ что-либо человѣку, также и во время бодрствованія преобразуется въ свѣтлаго ангела и дѣлаетъ все, чтобы мало-по-малу убѣдить человѣка и хотя нѣсколько привести въ согласіе съ собою“. (Сл. 60, стр. 469—470).

А если и здѣсь разсудительный убережетъ свои помыслы въ цѣлости памятованіемъ о содѣйствую-

щемъ ему, тогда врагъ употребляетъ еще одно, и самое сильное, средство на погибель человѣка. „Угнетаетъ и искушаетъ его естественными его нуждами“. Умъ человѣка ослѣпляется часто видѣніемъ и приближеніемъ къ нему вещей чувственныхъ, и когда сближается съ ними,—безъ труда побѣждается въ этой борьбѣ... Врагъ мечтательно показываетъ ему женскую красоту въ непристойныхъ видахъ, привлекая вниманіе то убранствомъ одеждъ, то вольностію обращенія, то тѣлесною наготою. Часто даже дѣлаетъ онъ, что подвижникъ начинаетъ мечтательно видѣть золото и драгоцѣнныя вещи. Врагъ знаетъ, что побѣда подвижника и одолѣніе его, и сокровище, и защита, и все заключается въ помыслѣ его,—и что онъ падаетъ, какъ только помыслъ его подвигается съ мѣста, и онъ своимъ произволеніемъ на одно мгновеніе покажетъ свое согласіе съ обольщеніемъ врага, какъ и случилось это со многими изъ святыхъ при мечтательномъ представленіи красоты женской. Если же приближались они къ міру на одно или два поприща или на разстояніе дневнаго пути, то врагъ и дѣйствительно приводилъ къ нимъ женщинъ“ (Сл. 60, стр. 470—76. сн. Сл. 58). Такъ разнообразны, коварны, хитры и сильны бываютъ искушенія отъ исконнаго врага человѣческаго. Многое, поэтому, требуется и отъ человѣка въ борьбѣ съ нимъ. Главнымъ образомъ онъ долженъ здѣсь вооружиться надеждою на Бога, особенно разсудительностію и трезвѣніемъ.

а)—Надежда на помощь благодати Божіей.

Прежде всего, въ этой борьбѣ съ діаволомъ св. Исаакъ совѣтуетъ человѣку помнить непрестанно,

что онъ, въ мірѣ ли, или въ уединеніи, совершаетъ свои подвиги не одинъ и независимо отъ вліянія другаго невидимаго міра, духовнаго. Богъ и его св. Ангелы поддерживаютъ человѣка въ его борьбѣ съ врагомъ спасенія и обучаютъ искусству выходить изъ нея побѣдителемъ. Попуская діаволу искушать человѣка и укрѣпляя его въ борьбѣ съ этимъ врагомъ,—учитъ св. Исаакъ,—благодать Божія и сама упражняетъ подвижника въ его стремленіи къ совершенству искушеніями (Сл. 78, стр. 557 сп. Сл. 61, стр. 481—482). Но какъ сама благодать наводитъ искушенія, такъ и діаволу попускаетъ искушать человѣка не прежде, какъ утвердитъ его въ уповапіи па своего Создателя и Спасителя (Сл. 49, стр. 318). При совершеніи каждаго подвига и при каждомъ искушеніи, благодать внушаетъ и уясняетъ человѣку мысль о необходимости бороться съ искушеніемъ и преодолѣвать его въ надеждѣ на Бога: но при этомъ всегда предоставляетъ сначала человѣка самому себѣ, пока онъ не сознаетъ вполнѣ свое безсиліе и не воззоветъ къ Богу отъ всей души о помощи ему: „Не приходитъ искушеніе, если душа не пріиметъ сперва въ тайнѣ величія паче мѣры своей и духа благодати, пріятаго ею прежде. И хотя это дѣйствительно такъ, т.-е. благодать прежде искушенія, однакоже ощущеніе искушеній, для испытанія свободы, непремѣнно предшествуетъ ощущенію благодати. Благодать предускоряетъ въ умѣ, но замедляетъ въ ощущеніи“ (Сл. 78, стр. 555—6). Помощь и утѣшеніе благодати сообщается человѣку обыкновенно невидимо; но въ важныхъ случаяхъ жизни бываетъ и видимое содѣйствіе Божественнаго видѣнія, откровенія, по-

сланіе Ангеловъ видимо (Сл. 57, стр. 423–26: сн. Сл. 21, стр. 139—40). Имѣя понятіе о различныхъ видахъ борьбы противъ человѣка, воздвигаемой діаволомъ, и укрѣпляясь постоянною надеждою на Божественную помощь, подвижникъ христіанскій знаетъ, что эти различные виды борьбы, эта постоянная забота діавола искусить человѣка (какъ говоритъ Св. Писаніе: *супостатъ вашъ—діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити*) требуетъ отъ него, для противоборства съ нимъ, постоянной разсудительности и трезвѣнія, чтобы всегда стоять на стражѣ и видѣть козни противника (*трезвитеся и бодрствуйте*).

б)—Разсудительность.

По вліянію діавола, усиливающійся идти прямымъ путемъ въ очищеніи души не можетъ по временамъ, не чувствовать нѣкотораго смущенія. Бываютъ такія времена, когда душа смертно томится, и, что бы человѣкъ ни дѣлалъ, въ душѣ его слѣдуетъ омраченіе за омраченіемъ. Въ эти часы человѣкъ исполняется страха и близокъ бываетъ къ отчаянію: надежда на Бога и утѣшеніе вѣры въ Него отходятъ отъ души: умъ колеблется и такимъ образомъ мучитъ и утомляетъ подвижника (Сл. 88). Такія искушенія часто испытываютъ даже преуспѣвшіе уже во многихъ добродѣтеляхъ. Въ эти страшные часы и великіе подвижники принуждены бываютъ просить Бога объ избавленіи отъ подобныхъ искушеній (конецъ 5 сл.). Во время этихъ искушеній и они даже не вѣрятъ, чтобы это были только временныя измѣненія, и чтобы они когда-либо опять получили душевный миръ (Сл. 88).

Подобныя искушенія допускаются для того, чтобы человѣкъ умѣлъ понимать различныя состоянія своей души и чрезъ то пріобрѣлъ опытомъ дары разсудительности, выше которой нѣтъ ни одной добродѣтели, потому что, съ одной стороны, чрезъ нее человѣкъ пріобрѣтаетъ умѣніе различать добро отъ зла; а съ другой—она полагаетъ мѣру и предѣлъ каждому дѣйствію подвижника и есть путь къ Богу (Сл. 84, стр. 572). Дѣйствія этой разсудительности св. Исаакъ описываетъ въ 45 своемъ словѣ „о степени тонкой разсудительности". Руководясь разсудительностію, человѣкъ будетъ идти царскимъ путемъ: радость ли посѣтитъ его, — онъ не забудетъ о томъ, что земля есть мѣсто странствія: печаль ли постигнетъ его,—она не отвлечетъ его отъ дѣланія заповѣдей: ощутитъ ли онъ иногда будущее блаженство,—это ощущеніе не обольститъ его самоуслажденіемъ о совершенномъ достиженіи царствія; самое помянутое омраченіе не устрашитъ его и не отниметъ надежды побѣдить всѣ преграды, поставляемыя врагомъ на пути къ блаженству, потому что разсудительный видитъ, откуда и для чего все это.

И в) — трезвѣніе.

Разсудительность способствуетъ къ тому, чтобы имѣющій ее подвижникъ стяжалъ *трезвѣніе* — вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей и подвиговъ. Трезвѣніе даетъ возможность душѣ скоро пріобрѣсть здравіе и богатство (Сл. 38, стр. 237), потому что, „если будемъ хранить законъ трезвѣнія..., то борьба со страстными приображеніями совершенно не приблизится къ уму (тамъ же). Трезвѣніе не дозволитъ

войти въ душу ни одному страстному помыслу; а если бы и случилось найти на душу такимъ помысламъ, по дѣйствію сатаны, то подвижникъ поражаетъ ихъ именемъ Господа Іисуса Христа. Но трезвѣніе болѣе должно быть направлено на дѣятельность сердца, чѣмъ на дѣятельность ума: каждое возникающее въ сердцѣ желаніе должно быть подмѣчаемо и оцѣниваемо со всею строгостію и, если имѣетъ хотя малѣйшую примѣсь нечистоты, должно быть отсѣкаемо о имени Господа Іисуса Христа. Этимъ именемъ подвижникъ сохраняетъ себя отъ всѣхъ даже тайныхъ страстей, и такимъ образомъ очищаетъ свое сердце до того, что въ сокровенной и духовной области его не встрѣчается, наконецъ, ничего страстнаго. Такъ сердце, удаленное отъ соприкосновенія съ міромъ, безпрепятственнѣе можетъ отторгаться отъ вліянія его и скорѣе очищаться и, очищенное, долѣе, даже навсегда можетъ пребывать чистымъ. Къ тому же, отъ направленія сердца зависитъ главнымъ образомъ и дѣятельность ума. Очистить умъ, даже имѣя трезвѣніе,—дѣло, по св. Исааку, едва ли достижимое въ этой жизни для самыхъ совершенныхъ, потому что умъ есть сила души, имѣющая необходимое отношеніе къ внѣшнему міру; и доколѣ окружающіе предметы дѣйствуютъ на человѣка, дотолѣ умъ не можетъ быть чистымъ, занимаясь впечатлѣніями, получаемыми отвнѣ. Сердце, по ученію Исаака, согласному съ Словомъ Божіимъ, называется *житіемъ умнымъ*, какъ *исходище живота* (Сл. 80). Трезвенное дѣланіе сердца, правильно совершаемое, замѣняетъ дѣланіе тѣлесное (Сл. 89) и служитъ узами для внѣшнихъ чувствъ. Если же подвижникъ

не имѣетъ трезвеннаго дѣланія, то отъ нетерпѣнія во внутреннемъ скоро разрѣшаетъ на внѣшнее (Сл. 90). Но проходя трезвѣніе правильно, подъ руководствомъ опытныхъ, подвижникъ прямымъ путемъ достигаетъ предвкушенія сладости будущихъ благъ (Сл. 80); здѣсь, еще до исхода этой жизни, войдетъ въ царство души, чрезъ которое въ будущемъ вѣкѣ войдетъ въ царство Христово.

2. внутренняя брань человѣка-христіанина съ самимъ собою.

Обладающій разсудительностію и трезвѣніемъ легко побѣждаетъ козни врага своего и высоко стоитъ уже въ добродѣтельной жизни. Но эта разсудительность и это трезвѣніе не могутъ быть чистыми и твердыми въ человѣкѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не выдержитъ внутренней брани съ самимъ собою и не очиститъ души своей въ самомъ корнѣ или основаніи живущаго въ ней грѣха.

Человѣкъ зараженъ грѣхомъ во всемъ существѣ своемъ—и въ душѣ, и въ тѣлѣ; сюда и брань его должна быть обращена, здѣсь и очищеніе должно совершаться.

Брань тѣлесная и средства ея.

Прежде всего сильно возстаетъ на человѣка его же плоть, зараженная грѣхомъ. Въ каждомъ членѣ нашего тѣла есть приманка къ грѣху. Нужно каждый членъ тѣла подчинить духу, такъ сказать, одухотворить грубое вещество плоти. Для этой цѣли, по указанію св. Исаака, совершаются подвиги поста, бдѣнія, рукодѣлія и др., совершаемые съ помощію тѣла.

а)—Постъ и бдѣніе.

Постъ былъ заповѣданъ естеству человѣческому въ самомъ началѣ, и нарушеніемъ поста пало начало созданія нашего. Но въ чемъ человѣкъ былъ на первыхъ порахъ побѣжденъ, тѣмъ же совершаетъ побѣду въ настоящее время. Съ поста началъ Спаситель, „подобно и всѣ, исходящіе во слѣдъ Спасителя, на семъ основаніи утверждаютъ начало своего подвига (Сл. 21, „о постѣ и бдѣніи"). Правильно совершаемый постъ скоро возводитъ человѣка на высоту добродѣтелей. Прежде всего онъ хранитъ цѣломудріе. При алчущемъ чревѣ не проникаютъ въ душу срамные помыслы; а въ изобиліи всегда поглощаемая снѣдь дѣлается въ насъ какъ бы естественною крѣпостію. При постоянномъ насыщеніи чрева, если человѣкъ увидитъ что-либо тѣлесное, или въ сердцѣ его возбудится что-либо вмѣстѣ съ помысломъ, то отъ помысла приходитъ въ движеніе что-то пріятное и распространяющееся по всему тѣлу. Этимъ ощущеніемъ, происшедшимъ въ членахъ, тотчасъ возмущается самый крѣпкій въ своихъ помыслахъ и непорочный умъ цѣломудреннаго, и святость помысловъ его колеблется, и свѣтлое цѣломудріе оскверняется мятежемъ страстей. Напротивъ того, красота цѣломудрія просвѣтляется злостраданіемъ плоти: пустота чрева и мысли дѣлается пустынею, не тревожимою помыслами и безмолвствующаго отъ всѣхъ мятежныхъ прираженій. Оттого постники страшны врагамъ. До поста родъ человѣческій не зналъ побѣды; а теперь постъ—огражденіе всякой добродѣтели, вѣнецъ воздержныхъ, красота дѣвства и святыни, свѣтлость

цѣломудрія, начало христіанскаго пути (тамъ же и сл. 75). Никто не видалъ, чтобы тотъ, кто благоразумно постится, работствовалъ когда-нибудь порочной страсти. Постъ—основаніе христіанской жизни; отъ поста всѣ добродѣтели, какъ отъ корня, произрастаютъ, — кратко сказать: отсюда—истинная свобода человѣка и радость души, и воскресеніе, и успокоеніе со Христомъ въ царствіи Его (Сл. 85. 26). „Кто разумно постится, тотъ не можетъ цѣлую ночь проспать на постели своей. Такимъ образомъ отъ поста скоро рождается подвигъ *бдѣнія* (Сл. 21 „о постѣ и бдѣніи"). Правильное прохожденіе этого подвига требуетъ, чтобы проходящій его въ продолженіе дня тщательно охранялъ себя отъ мятежа сходбищъ и отъ попеченія о дѣлахъ, разумѣется излишняго. При такихъ условіяхъ, ночное бдѣніе досточестнѣе всѣхъ дневныхъ дѣяній (Сл. 40). Оно скоро дастъ ощутить подвижнику сладость свою. Во время всеобщаго внѣшняго безмолвія, умъ, сосредоточиваясь въ себѣ, въ короткое время воспаритъ и возвысится до услажденія Богомъ, скоро придетъ въ славу Его, сподобится великихъ дарованій; ибо невозможно, чтобы провождающіе всю жизнь въ этомъ занятіи оставлены были Богомъ безъ всякихъ дарованій за ихъ трезвенность, бодрствованіе сердца и попечительное устремленіе къ нему помысловъ своихъ. Душа пребывающихъ во бдѣніи будетъ имѣть херувимскія очи, чтобы непрестанно возводить ей взоръ и созерцать небесное зрѣлище (Сл. 70). Когда подвизающійся ревностно проходитъ всѣ подвиги, совершаемые съ помощію тѣла, когда затворитъ врата градскія, т.-е. чувства: тогда для него открывается

необходимость ратовать внутри града. При удаленіи отъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, для него сдѣлается очевидно, что *главный* врагъ его—онъ самъ. При этомъ открытіи, если онъ одержалъ побѣду во внѣшней брани, то не съ такою боязнію приступаетъ къ брани внутренней; потому что для него не существуетъ опасность спереди и сзади,—опасность, воздвигаемая на душу и врагами, и чувствами внѣшними. А извѣстно, что при наступленіи внѣшняго смятенія душа не можетъ быть внимательною къ себѣ, къ воздвигаемой на нее тайной брани и не можетъ возстающихъ внутри ея побѣждать тишиною (Сл. 56, стр. 114—15). Дознавши опытомъ, что есть внутри насъ грѣховное начало, подвижникъ сознаетъ, что оно самое глубокое и сильное, потому что источникъ свой имѣетъ въ сокровеннѣйшей части существа души, и, вытекая оттуда, проникаетъ всѣ силы и способности ея и заражаетъ самое тѣло. Какъ самое глубокое и всеобъемлющее грѣховное начало, оно дѣйствуетъ весьма скрыто, такъ что и при великихъ подвигахъ остается опасность подпасть вліянію его. А потому брань съ нимъ постоянная, упорная должна быть дѣломъ исшедшихъ во слѣдъ Господа Іисуса Христа.

б)—Страхъ Божій и исполненіе заповѣдей

Когда человѣкъ углубится въ себя и, при помощи св. преданій и писаній отеческихъ, увидитъ свою душу во всей грѣховной наготѣ и безсиліи на добро,—тогда-то рождается въ душѣ его страхъ Божій, полагающій начало истинной жизни (Сл. 1, стр. 4). Этотъ страхъ сопутствуетъ всѣмъ подвигамъ. И какъ невозможно безъ корабля и ладіи переплыть

большое море, такъ невозможно безъ страха достигнуть любви (Сл. 83 въ концѣ). „Страхъ Божій есть начало добродѣтели“ (Сл. 1, стр. 1). „Умудрись же въ основаніе шествія твоего полагать страхъ Божій, и въ нѣсколько дней, не дѣлая крушеній, будешь у вратъ царствія“ (Сл. 1, стр. 7).

Въ борьбѣ съ самимъ собой и въ утвержденіи себя въ добродѣтели требуются не частные какіе-либо подвиги или добродѣтели, какіе требовались при борьбѣ съ внѣшними врагами: удаленіе отъ міра, отшельничество, молчальничество, разсудительность, трезвѣніе, постъ, бдѣніе и. т. п., которые можно назвать даже не добродѣтелями, а болѣе средствами къ борьбѣ съ врагами и къ охраненію добродѣтелей; нѣтъ,—здѣсь требуется отъ человѣка исполненіе рѣшительно всѣхъ заповѣдей закона Божія.

„Душа не въ состояніи будетъ сдѣлаться чистою, если не будетъ хранить заповѣдей: онѣ даны Господомъ какъ врачевства, чтобы очищать отъ страстей и грѣхопаденій“ (Сл. 55, стр. 351), пишетъ св. Исаакъ преп. Симеону Столпнику.

Поврежденіе произошло къ намъ чрезъ преступленіе заповѣдей; а потому соблюденіе ихъ естественно должно возвратить потерянное здоровье души. До грѣхопаденія заповѣди даны были для восхожденія на высоту Божественныхъ совершенствъ; а по преступленіи, соблюденіе заповѣдей возвращаетъ потеряннымъ совершенства. Безъ дѣланія, слѣдовательно, заповѣдей, пока прежде всего не пойдемъ онымъ путемъ, ведущимъ къ душевной чистотѣ, не должно намъ желать и надѣяться душевнаго очищенія“ (тамъ же).

Во времена подзаконныя соблюденіе заповѣдей было единственнымъ средствомъ и очищенія души. Но съ пришествіемъ Господа Іисуса Христа, заповѣди получили новую силу. Онъ далъ намъ животворящія заповѣди, какъ спасительное врачевство въ нашемъ страстномъ состояніи. И цѣлію пришествія Его, между прочимъ, было то, чтобы очистить душу отъ поврежденія грѣховнаго своими спасительными заповѣдями (тамъ же).

Не случайно и не какъ средства чисто внѣшнія даны намъ заповѣди для уврачеванія души. Но какъ мудрый врачъ соразмѣряетъ врачевство съ болѣзнію, такъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ намъ заповѣди, сообразуясь съ силою нравственной порчи, произведшимъ грѣхомъ, такъ что каждая заповѣдь врачуетъ какую-либо силу души *).

*) Подъ именемъ заповѣдей, какъ необходимыя условія подвижническаго совершенства, св. Исаакъ вмѣстѣ съ другими отцами разумѣетъ не одни правила христіанской дѣятельности, но цѣлость Евангельскаго закона, обнимающаго всѣ стороны жизни христіанина. Поэтому-то онъ говоритъ, что оставить одну заповѣдь неисполненною значитъ оставить одну изъ силъ души неисцѣленною, значитъ—не достигнуть полнаго здравія душевнаго. Такъ, если бы кто вздумалъ ограничиться однимъ исполненіемъ правилъ христіанской жизни, не заботясь о просвѣщеніи ума свѣтомъ Христовымъ, — совершенство его было бы непрочно. Умъ, не озаренный лучами вѣры, скоро и волю отклонилъ бы отъ дѣятельности, требующей отверженія своего мудрованія. Если бы кто узналъ основательно истины вѣры, но не осуществлялъ ихъ въ жизни, тотъ уподобился бы бѣсамъ, вѣрующимъ въ Бога и трепещущимъ Его, но не дѣлающимъ заповѣдей Его. Если бы кто исполнялъ всѣ церковныя предписанія относительно Богослуженія, но нерадѣлъ о хожденіи путемъ воли Божіей и не тщался уразумѣть, въ чомъ состоитъ внутренняя христіанская жизнь, — тотъ остался бы неисцѣленнымъ отъ страстей. Цѣлостность же жизни христіанской требуетъ всецѣлаго участія всѣхъ силъ души въ исполненіи воли Божіей, которая выражена въ разнообразныхъ заповѣдяхъ, исполненіе которыхъ во всей ихъ совокупности такъ обязательно, что кто хранитъ весь законъ и въ одномъ чемъ-нибудь согрѣшитъ, тотъ становится повиннымъ во всемъ (Зак. 2, 10). Смотря на союзъ между силами души, изъ которыхъ каждая участвуетъ въ дѣятельности другой,—это понятно. Потому что св. отцы-подвижники всей совокупности

А потому добрыя дѣла не могутъ быть насаждены въ душѣ, если не будутъ соблюдаемы заповѣди (тамъ же).

Заповѣди должны быть исполняемы не только какъ богодарованныя средства для очищенія души, не потому только, что направлены противъ господствующихъ въ насъ страстей. Все это еще не показываетъ, почему именно только соблюденіе заповѣдей производитъ очищеніе и здравіе души. Соблюденіе заповѣдей для христіанина необходимо потому, что съ выполненіемъ ихъ онъ получаетъ животворящую силу Того, Кто преподалъ заповѣди, Кто Своею кровію освятилъ повелѣнія Свои. И потому-то сокровенное дѣланіе заповѣдей врачуетъ душевныя силы, въ которыя вносится, вмѣстѣ съ соблюденіемъ ихъ, жизнь Спасителя нашего, омывшаго нашу грѣховную скверну, которая, до исполненія заповѣдей, лишаетъ насъ духовной крѣпости. Ибо написано, что безъ кровопролитія не бываетъ оставленія (Евр. 9, 22). Но первоначально естество наше въ вочеловѣченіи Христовомъ пріяло обновленіе, пріобщилось чрезъ вѣру страданію и смерти Христовой; и потомъ, по обновленіи, изліяніемъ крови обновилось и освятилось и сдѣлалось способнымъ къ принятію заповѣдей новыхъ и совершенныхъ. А если бы заповѣди сіи даны были людямъ до изліянія крови, до обновленія и освященія естества нашего, то, можетъ быть, и самыя новозавѣтныя заповѣди, подобно заповѣдямъ

повелѣній, обнимающихъ жизнь христіанскую, даютъ наименованіе заповѣдей и приписываютъ имъ всю важность въ стяжаніи христіанскаго совершенства. (Писанія Петра Дамаскина въ Добротолюбіи ч. III, стр. 15 и слѣд.).

древнимъ, отсѣкали бы только порокъ въ душѣ, но не могли бы истребить въ ней самый корень порока. Нынѣ же не такъ; напротивъ того, послѣдовавшее сокровенное дѣланіе и заповѣди новыя и духовныя, которыя душа хранитъ, обновляютъ и освящаютъ душу и сокровенно врачуютъ всѣ члены ея. Ибо явно для всѣхъ, какую страсть безмолвно въ душѣ исцѣляетъ каждая заповѣдь, и дѣйственность ихъ ощутительна и врачующему, и врачуемому (тамъ же).

Послѣ этого очевидно, что всѣ заповѣди должны быть соблюдаемы, и оставить одну изъ нихъ значитъ — оставить неисцѣленною одну изъ силъ души, значитъ—лишить ее той благодати, пріобрѣтенной крестными заслугами Спасителя, какая сопряжена съ выполненіемъ извѣстной заповѣди. Хотя ихъ и много, однакожъ необходимо сохранить всѣ. Въ противномъ случаѣ, Спасителю не нужно было бы и давать ихъ (тамъ же). Да и сама душа не въ состояніи будетъ содѣлаться чистою, если не будетъ сохранять всѣ заповѣди (тамъ же). Самъ по себѣ человѣкъ едва можетъ понять тяжкое рабство грѣху: съ трудомъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя понятія о Богѣ; не легко осуществляетъ нѣкоторыя природныя стремленія къ добродѣтели; но и это все скоро помрачилось бы при тѣхъ противодѣйствіяхъ, какія встрѣчаются на пути къ совершенству. И какъ самъ человѣкъ не могъ и не можетъ придумать средствъ къ исправленію себя, къ очищенію души отъ страстей, къ достиженію чистоты и безстрастія первоначальнаго состоянія души; то самъ Господь благоволилъ указать ему и необходимость борьбы съ грѣхомъ, и средства къ прохо-

жденію ея (чистоты) открылъ въ своихъ спасительныхъ заповѣдяхъ. Итакъ, всѣ заповѣди одинаково важны—и по власти даровавшаго ихъ, и по силѣ, производимой ими на человѣка, и потому всѣ одинаково должны быть исполняемы.

Всѣ способы, коими въ насъ истребляются страсти и вмѣсто нихъ насаждаются добродѣтели, такимъ образомъ можно свесть къ внутреннему и внѣшнему борѣнію; то и другое должно идти объ руку: безъ мысленнаго, внутренняго борѣнія, борѣніе внѣшнее не можетъ быть успѣшнымъ. „Борьба человѣка вообще, по двоякости его природы, бываетъ двоякая: внѣшняя и внутренняя, тѣлесная и душевная. Какъ человѣкъ составленъ изъ двухъ частей, т.-е. изъ души и тѣла, такъ и все въ немъ требуетъ двоякой заботы, сообразно съ двойственностію его состава (Сл. 74, стр. 532. Сл. 55, стр. 363. Сл. 56, стр. 414—415. Сл. 21, стр. 127)“. Въ первой борьбѣ человѣкъ вооружается на страсти тѣлесныя и вырабатываетъ въ себѣ добродѣтели, въ которыхъ свое тѣло употребляетъ соотвѣтственно его назначенію, и которыя очищаютъ его отъ плотской нечистоты, т.-е. добродѣтели тѣлесныя: постъ, бдѣніе, служба, лишеніе удобствъ жизни, благотворенія и т. п. (Сл. 80, стр. 563. Сл. 55, стр. 378—379). Напротивъ того, борьба внутренняя,—„житіе умное есть дѣло сердца, неослабно продолжаемое съ заботливою мыслію о судѣ или правдѣ Божіей и судахъ Божіихъ, также непрестанная молитва сердца, мысль о Промыслѣ и попеченіи Божіемъ и о храненіи себя отъ страстей тайныхъ, чтобы не встрѣчалось ничего страстнаго въ области сокровенной и духовной (Сл. 80, стр.

563)“. Цѣль и сила внѣшняго положительнаго дѣланія—во внутреннемъ положительномъ дѣланіи: а внутреннее дѣланіе—исходище, основа и цѣль всей истинно-христіанской, подвижнической дѣятельности.

Брань душевная и средства ея.

Но какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ дѣланіи должны сопровождать человѣка особыя средства, служащія къ сохраненію и утвержденію его въ добродѣтеляхъ и воспитывающія въ немъ любовь къ ближнимъ и къ Богу: это—смиреніе и молитва.

а)—Смиреніе.

На ряду съ другими способами, какъ сильнѣйшее средство очищенія, поставляются у св. Исаака постоянныя скорби и непріятности и духъ сокрушенія, Богомъ подаваемый. Св. Исаакъ подробно изображаетъ, съ какою постепенностію Господь вводитъ очищаемаго все больше и больше въ чистительныя скорби и искушенія и какъ разогрѣваетъ въ немъ духъ сокрушенія. Съ нашей стороны требуется при этомъ только вѣра въ благое промышленіе и готовое, радостное, благодарное принятіе отъ него всего посылаемаго, чтобы скорби проникали до глубины сердца и тамъ очищали его; а въ отношеніи къ сокрушенію требуется отъ насъ внимательное познаніе своихъ грѣховъ, своего разстройства, чрезъ наблюденіе за собою, и потомъ частое исповѣданіе, съ искреннимъ раскаяніемъ и болѣзнованіемъ. Безъ внѣшнихъ скорбей трудно устоять человѣку противъ гордости и са-

момнѣнія, а безъ слезъ сокрушенія трудно и даже невозможно избавиться отъ внутренняго эгоизма фарисейской самоправедности. Поэтому-то у св. Исаака внѣшнія скорби, слезы и сокрушенія восхваляются по всему пространству его словъ, какъ средства, приводящія человѣка къ смиренію.

Постоянное сознаніе своей грѣховной нечистоты, покаянная жизнь, также многоразличныя искушенія, случающіяся въ жизни благочестиваго человѣка, которыя побѣдить и обойти онъ не въ силахъ, а отсюда—сознаніе своей слабости,—все это, естественно, приводитъ человѣка къ *смиренію* предъ Богомъ, предъ людьми и предъ самимъ собою. Непрерывное покаяніе рождаетъ то, что подвижникъ смотритъ на себя, при всемъ возможномъ исполненіи заповѣдей, какъ на непотребнаго раба. Это чувство усилится, если онъ обратитъ вниманіе на свою прежнюю жизнь и увидитъ, что дѣла его приносили одинъ только вредъ душѣ *), не подавая ей надежды успокоиться во время исшествія, потому что, по словамъ аввы Агаѳона, человѣкъ не можетъ знать, при всемъ понужденіи себя къ исполненію заповѣдей, угодно ли его дѣло Богу. Ибо иной судъ Божій и иной человѣческій. А особенно не можетъ имѣть полной надежды на успокоеніе въ будущей жизни, если „приникнетъ къ

*) Этими словами св. Исаакъ не унижаетъ достоинства добрыхъ дѣлъ, а хочетъ научить подвизающихся въ добродѣтеляхъ находить въ самыхъ достоинствахъ своихъ поводъ къ смиренію. Внимательный къ сокровеннымъ движеніямъ души своей знаетъ, что часто, повидимому, доброе дѣло имѣетъ въ основѣ своей недобрыя побужденія и по содѣланіи своемъ подаетъ поводъ къ тщеславію; даже опущенное по нерадѣнію извиняется нашею слабостію, немощію естества. А потому на однихъ добрыхъ дѣлахъ нельзя основывать совершенства, которое достигается только истиннымъ смиреніемъ.

остающейся жизни и узритъ поле, которое дѣлателямъ плодъ принесетъ горесть (Сл. 68 все),—если возведетъ взоръ къ Тому, Кто смирилъ Себя, послушливъ былъ даже до смерти, несмотря на то, что имѣлъ славу во всякомъ родѣ совершенныхъ и освященныхъ (Сл. 53 въ концѣ),—если воспомянетъ превосходящихъ себя добродѣтелію, будетъ содержать въ умѣ тягчайшія скорби скорбящихъ и озлобленныхъ и въ то же время, при сравненіи себя съ ними, замѣтитъ въ себѣ недостатокъ ихъ вѣры и смиренія. Но поелику человѣкъ не скоро пріучается обращать вниманіе на себя и сознавать свою немощь, а между тѣмъ безъ этого самыя добродѣтели его еще не прочны, и подвижникъ не такъ далекъ отъ паденія и отъ тлетворнаго кова, градъ его не утвержденъ на столпахъ желѣзныхъ, т.-е. на смиреніи, къ рукописанію его свободы еще не приложена печать духа, и онъ еще рабъ: то Самъ Господь доставляетъ святымъ причины къ смиренію, нерѣдко устрашая ихъ страстями естества, поползновеніями срамныхъ и нечистыхъ помысловъ, часто укоризнами, оскорбленіями, болѣзнями и недугами тѣлесными, въ другое время необходимостію и скудостію необходимыхъ потребностей, мучительностію сильнаго страха, оставленіемъ, явною бранію діавола, разными страшными происшествіями (Сл. 61, стр. 481), словомъ—разными искушеніями. Это не значитъ, впрочемъ, что подвизающійся можетъ разслаблять себя добровольными помыслами, чтобы памятованіе о нихъ служило для него поводомъ къ смиренію,—не значитъ, будто онъ долженъ впадать нарочно въ другія искушенія; но говорится

это въ томъ смыслѣ, что подвизающемуся во всякое время нужно трезвиться, соблюдать свою душу и разсуждать, что онъ—тварь и потому подлежитъ измѣненію (тамъ же), и, разсуждая такимъ образомъ, смиряться.

Указанныя средства къ стяжанію смиренія называются способами ухищренно приближать къ себѣ смиреніе. Хотя и это похвально, но это не есть еще истинное смиреніе, а только желаніе смиренія. Истинное смиреніе состоитъ въ томъ, если кто, имѣя въ сокровенности нѣчто достойное гордости, не гордится, но въ помыслѣ своемъ вмѣняетъ себя въ прахъ. Совершенно смиренномудръ тотъ, кто не имѣетъ нужды мудрованіемъ своимъ изобрѣтать причины къ смиренномудрію, но совершенно естественно пріобрѣлъ смиреніе, какъ человѣкъ, который пріобрѣлъ себѣ нѣкое великое дарованіе, превышающее всю тварь и природу, но который на себя смотритъ, какъ на грѣшника, на человѣка ничего не значущаго и презрѣннаго въ собственныхъ глазахъ, между тѣмъ какъ вошелъ въ тайны всѣхъ духовныхъ существъ и во всей точности совершенъ сталъ въ мудрости всей твари. И этотъ не ухищренно, но безъ принужденія таковъ въ сердцѣ своемъ (Сл. 53, стр. 342). Если подвижникъ несомнѣнно пріобрѣлъ смиреніе, то онъ собираетъ душу воедино безмолвіемъ, и она сосредоточивается въ самой себѣ; смиренный истинно не только не желаетъ быть видимымъ и знаемымъ отъ людей, но такова его воля, чтобы, если можно, отъ самого себя погрузиться внутри себя, войти въ безмолвіе и вселиться въ немъ, сдѣлаться какъ бы чѣмъ-то не существующимъ для твари, не пришедшимъ еще

въ бытіе, вовсе незнаемымъ даже душѣ своей (Сл. 48, стр. 306—307). Вотъ предѣлъ, до котораго можетъ и должно возвыситься смиреніе!

Когда человѣкъ дойдетъ до такой степени смиренія, то дается ему награда за это смиреніе (Сл. 34, стр. 217), но не за дѣланіе, всегда больше или меньше носящее на себѣ отпечатокъ нашихъ немощныхъ силъ. Смиренный, будучи отлученъ отъ міра и заключенъ въ себѣ, всецѣло пребываетъ у своего Владыки (Сл. 48, стр. 306—307), а съ помощію Его легко совершаетъ добродѣтели, естественно слѣдующія за смиреніемъ, какъ то: скромность, собранность въ себя, цѣломудріе и пр. добродѣтели (Сл. 48, стр. 307—308). Все это, происходя отъ смиренія и проникаясь имъ, подобно какъ осоляемое вещество, проникается солію (Сл. 46, стр. 289), уготовляетъ душу смиренномудраго въ залогъ Святой Троицѣ (Сл. 89, стр. 601).

Б)—Молитва.

Точно такъ же, какъ смиреніе, необходима и молитва для человѣка, вступившаго въ борьбу съ грѣхомъ и желающаго утвердиться въ добродѣтели. Когда человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ, когда упражняется въ добродѣтели и здѣсь на каждомъ шагу подвергается искушеніямъ, тогда молитва для него неизбѣжна. „Молитва,—говоритъ св. Исаакъ, есть моленіе и попеченіе о чемъ-либо и вожделѣніе чего-либо, какъ то: избавленія отъ здѣшнихъ или будущихъ искушеній или вожделѣніе наслѣдія отцовъ, притомъ моленіе, которымъ человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ помощь отъ Бога. Сими движеніями

и ограничиваются движенія молитвенныя. Искушенія, такъ тѣсно связанныя съ подвигами, могли бы привести подвижника къ отчаянію, если бы, среди самыхъ тяжкихъ испытаній, Промыслъ Божій не открывался ему очевиднымъ образомъ въ сохраненіи его отъ опасностей (Сл. 31. Сл. 28. Сл. 57). Сперва открывается Промыслъ Божій въ избавленіи подвижниковъ отъ нуждъ тѣлесныхъ (Сл. 22), а потомъ обучаетъ ихъ въ разсужденіи сокровеннаго (Сл. 40), научая различать, какимъ опасностямъ подвергалась бы душа, если бы приняла въ себя извѣстные помыслы и желанія. А отъ сего рождается пламенная и сладостная молитва: когда человѣкъ ощутитъ, что Божія помощь вспомоществуетъ ему, тогда уразумѣваетъ онъ, что молитва есть прибѣжище ищущимъ помощи; открывается ему тогда, что все множество благъ дѣлается доступнымъ ему молитвою, и отнынѣ онъ уже услаждается молитвою вѣры. Если подвижникъ стяжалъ такую молитву, то долженъ стараться сохранить ее, ибо только такая молитва имѣетъ дерзновеніе предъ Богомъ (Сл. 57, стр. 432), истребляетъ страсти и озаряетъ душу веселіемъ (Сл. 65). Отъ теплоты, сопутствующей такой молитвѣ, истребляется памятованіе о всемъ видимомъ (Сл. 85, стр. 579), упраздняется умъ отъ всего здѣшняго, сердце возводится къ ощущенію уповаемаго въ будущемъ. Такія блага, рождающіяся у подвизающихся отъ молитвы, были причиною того, что всякое дѣланіе отцы именуютъ именемъ молитвы (Сл. 39, стр. 243). Поелику же нѣтъ предѣла усовершенію въ добродѣтели, поелику всегда есть возможность уклоняться отъ пути истиннаго, и поелику нѣтъ въ этомъ мірѣ страны удо-

стовѣренія*), гдѣ бы естество наше сдѣлалось выше потребности и дѣланіе выше страха: то Господь заповѣдалъ намъ быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитвѣ (Сл. 47, стр. 293—294). „Сподобляется же молитвы этой человѣкъ, когда храненіемъ заповѣдей Господнихъ, противящихся грѣху, и внутренно, и наружно совлечется грѣха". (Сл. 21, стр. 154). „У св. отцевъ,—говоритъ преподобный Исаакъ,—было въ обычаѣ всѣмъ добрымъ движеніямъ и духовнымъ дѣланіямъ давать именованіе молитвы. И не только отцамъ, но и всѣмъ, которые просвѣщены вѣдѣніемъ, обычно всякое прекрасное дѣланіе вмѣнять за одно съ молитвою" (Сл. 16, стр. 92).

В)—Любовь къ ближнимъ.

Какъ всѣ виды борьбы съ грѣхомъ сводитъ св. Исаакъ къ двумъ родамъ—внѣшней и внутренней брани, такъ и всѣ разные виды добродѣтелей, какъ въ фокусѣ, совмѣщаетъ онъ, наконецъ, въ двухъ главныхъ родахъ добродѣтели—въ любви къ ближнимъ и въ любви къ Богу. Чтобы окончательно вытѣснить изъ души человѣка не только грѣхъ дѣйствительный, во всѣхъ его родахъ и видахъ, но и самую наклонность къ грѣху и расположеніе къ нему, св. отецъ требуетъ полнаго воодушевленія человѣка любовію къ ближнимъ и къ Богу, чтобы эта Божественная любовь дѣлалась закономъ всѣхъ его душевныхъ расположеній и регуляторомъ всей его дѣятельности. „Любовь,—говоритъ онъ,—есть

*) Страною удостовѣренія св. Исаакъ называетъ такое состояніе души, въ которомъ подвижникъ могъ бы сказать, что для достиженія блаженства достаточно дѣлъ, имъ совершенныхъ, что его дѣла даютъ ему право надѣяться на полученіе награды отъ Бога.

плодъ молитвы. Отъ молитвы рождается любовь Божія (Сл. 43, стр. 267. Сл. 39, стр. 243)“. Но какъ молитва сопутствовала человѣку на всемъ трудномъ пути борьбы его съ грѣхомъ и утвержденія въ добродѣтели, такъ и любовь не теперь только начинается въ душѣ подвижника; нѣтъ, — она одушевляла его съ самаго начала, такъ что безъ любви онъ не могъ бы совершить ни одной добродѣтели, ни одного подвига. Св. Исаакъ отъ стремящагося къ подвигамъ требуетъ сперва научиться любви къ ближнему—въ обществѣ, и замѣчаетъ, что всѣ подвиги, всѣ добродѣтели не иначе могутъ совершаться, какъ изъ любви къ Богу: *аще кто любитъ Мя, заповѣди Моя соблюдетъ.* Но прежде у человѣка была любовь другаго рода, болѣе, такъ сказать, теоретическая, а не дѣятельностію и подвигомъ пріобрѣтенная (стр. 199); теперь же, къ концу подвиговъ, та и другая любовь приходятъ въ совершенство, а поэтому здѣсь указываются свойства и дѣйствія той и другой. Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Жизнодавецъ) совершенство заповѣдей связалъ и заключилъ въ двухъ заповѣдяхъ, объемлющихъ собою всѣ прочія, — въ любви къ Богу и въ подобной же любви къ твари его, т.-е. любви къ образу Божію. И первая, т.-е. любовь къ Богу, удовлетворяетъ цѣли духовнаго созерцанія (Сл. 55, стр. 362), совершаясь въ тонкомъ дѣланіи ума (Сл. 2, стр. 17); ибо естество Божіе просто и несложно, невидимо, естественно ни въ чемъ не имѣетъ нужды, равно какъ сознаніе человѣка, при самоуглубленіи своемъ, естественно не имѣетъ нужды въ тѣлесной дѣятельности и въ содѣйствіи чего-либо и въ дебелости представленій;

дѣятельность его проста и обнаруживается въ одной части ума, сообразно той простотѣ достопоклоняемой Вины, которая выше плотскаго чувства. А вторая заповѣдь, т.-е. человѣколюбіе, состоя въ распятіи тѣла и претерпѣніи плотскихъ скорбей (Сл. 2, стр. 16; Сл. 1.), удовлетворяетъ созерцанію дѣятельности и, по двойственности естества, требуетъ, чтобы попеченіе о дѣланіи ума было сугубое, т.-е., что исполняемъ невидимо, въ сокровенномъ внутреннемъ дѣланіи, то, подобнымъ образомъ, желаемъ исполнить и тѣлесно; и заповѣдь, совершаемая въ дѣлахъ, требуетъ совершенія и въ сознаніи (Сл. 55, стр. 362). Но любовь къ ближнему въ дѣятельной жизни предшествуетъ любви къ Богу, потому что дѣятельность предшествуетъ созерцанію. Самая высота второй заповѣди (любви къ Богу), невозможность заняться исключительно исполненіемъ ея прежде, чѣмъ человѣкъ отвлечется отъ привязанности къ чему бы то ни было чувственному, опасность подвергнуться гнѣву Божію, постигающему всякаго человѣка, переходящаго прежде совершеннаго обученія въ дѣланіи заповѣди первой (любви къ ближнему) къ восхожденію на высоту созерцанія, заставляетъ подвижника начинать дѣятельность свою съ исполненія заповѣди о любви къ образу Божію. Къ тому же дѣятельная любовь къ ближнему, постоянно болѣе и болѣе очищая духъ человѣка, дѣлаетъ, наконецъ, его способнымъ къ чистой и истинной любви къ Богу. Потому-то прежде всего нужно стараться выполнить заповѣдь о любви къ ближнему. Всѣмъ, даже жизнію, нужно жертвовать для выполненія этой заповѣди. Если же кто не имѣетъ возможно-

сти исполнить эту заповѣдь видимыми дѣлами,— по крайней мѣрѣ въ душѣ долженъ стяжать готовность по первому призыву спѣшить на помощь къ нуждающимся братіямъ. Если бы подвижникъ нестяжательностію своею и отшельничествомъ лишенъ былъ возможности доказать свою любовь къ ближнему, то достаточно предъ Богомъ любви нашей къ ближнему, совершаемой только мыслію,—особенно же, если затворническое и безмолвное житіе и преспѣяніе въономъ пребываютъ достаточными въ своемъ дѣланіи (Сл. 55, стр. 362—363). Такой путь восхожденія къ высшей степени нравственной жизни есть самый законный и самый безопасный. Начинать подвиги съ выполненія заповѣди о любви къ ближнему есть путь самый законный. Ибо кто живетъ въ обществѣ многихъ и трудами другихъ упокоивается во время здоровья и болѣзни, тотъ и самъ обязанъ дѣлать то же, а не выставлять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому требовать отъ другихъ успокоенія, а какъ скоро увидитъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ брата своего, носящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать—увидитъ поверженнаго и страждущаго Христа, удаляться и скрываться отъ него. (Сл. 55, стр. 362—364). Примѣръ Господа Іисуса Христа долженъ побудить каждаго, идущаго во слѣдъ Его, такъ же до конца возлюбить присныхъ, какъ Онъ возлюбилъ. Въ то же время путь къ высшимъ подвигамъ есть самый безопасный. Подвижнику нельзя идти путемъ безпреткновеннымъ. А потому въ началѣ подвига ему не безполезно сожительство со многими, пока не обучится, не образуется, не пострадаетъ отъ искушеній, не будетъ въ боль-

шемъ числѣ случаевъ паденія возставать и не пріобрѣтетъ душевнаго здравія (Сл. 55). Въ сообществѣ многихъ, взаимно обязанныхъ любовію другъ къ другу, легко найти утѣшеніе и подкрѣпленіе при постигающихъ въ началѣ подвига искушеніяхъ; но горе подвижнику, если онъ въ пустыню внесетъ страсти свои. А это легко можетъ случиться, если человѣкъ не проходитъ сначала подвиговъ, сопряженныхъ съ выполненіемъ заповѣди о любви къ ближнему, гдѣ, при безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ людьми, открывается та или другая страстная часть души. Замѣчая это, подвижникъ не будетъ довѣрять спокойствію страстей, научится той благоразумной осторожности и осмотрительности, которая на языкѣ подвижниковъ извѣстна подъ именемъ дара разсужденія.

Среди подвиговъ тѣлесной дѣятельности незамѣтно растетъ человѣкъ духовный. Подвигъ тѣлесный, очищая тѣло отъ вещественнаго въ немъ, возвышаетъ тѣмъ самымъ богоподобный духъ (стр. 477). И не удивительно. Преданный исполненію заповѣди о помощи другимъ забудетъ о плоти своей, научится давать правильное значеніе тѣлу въ дѣлѣ подвижничества, усматривая въ примѣрѣ другихъ, что какъ излишняя заботливость о тѣлѣ совершенно отвлекаетъ душу отъ пути Божія, такъ и чрезмѣрное небреженіе о немъ часто препятствуетъ подвигамъ самоотверженія, дѣлая тѣло неспособнымъ къ проявленію стремленій души. А между тѣмъ, при нѣкоторыхъ столкновеніяхъ съ ближними, не могутъ не умолкнуть страстныя движенія и въ тѣлѣ, и въ душѣ. Такъ, служеніе больнымъ есть лучшее средство противъ бѣса гордыни и сильно способ-

ствуетъ подвижнику въ сохраненіи цѣломудрія при разженіи блудной страсти. Кратко, тѣлесныя дѣйствія, служащія выраженіемъ заповѣди о любви къ ближнимъ, очищаютъ человѣка отъ плотской нечистоты; при этомъ сердце утончается, отлучается отъ общенія съ противуестественною, ничтожною жизнію; а отъ сего человѣкъ удобно возводится къ познанію уединеннаго житія. Очистить душу при выполненіи подвиговъ любви къ ближнему и возжелать уединенія помогутъ скорби, неизбѣжныя при выполненіи заповѣди самоотверженія, большею частію вознаграждаемаго презрѣніемъ со стороны тѣхъ самыхъ, для кого подвижникъ забываетъ себя. Эти скорби привлекутъ на него обильное изліяніе благодати. Тогда естество наше способно сдѣлаться зрителемъ истиннаго и нематеріальнаго созерцанія, когда человѣкъ первоначально претерпѣніемъ страстей, дѣланіемъ и скорбію совлечется ветхаго и страстнаго человѣка, какъ новорожденный младенецъ совлекается одежды, выносимой изъ матернихъ ложеснъ. Тогда дается душѣ сила въ простыхъ и ни съ чѣмъ не сравнимыхъ понятіяхъ доходить до великой области высокаго и Божественнаго созерцанія. Только вѣрное и постоянное выполненіе заповѣди о любви къ ближнему отверзаетъ ключъ къ Божественнымъ дарованіямъ и вмѣстѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что есть въ человѣкѣ, и даетъ о себѣ знать любовь созерцательная, истинная любовь Божія.

Этимъ путемъ шли почти всѣ знаменитые подвижники: Василій Великій, Григорій Богословъ, Макарій В. и др. Всѣ они сначала старались стяжать любовь къ ближнимъ, а потомъ уже восходили

къ любви Божественной, созерцательной. Когда сіи подвижники сохранили заповѣди, потребныя въ жизни общественной, когда умъ ихъ началъ ощущать первоначальную непоколебимость Божественнаго и таинственнаго созерцанія,—тогда поспѣшили они и вышли въ пустынное безмолвіе, и съ сего времени пребывали съ внутреннимъ своимъ человѣкомъ. Любовь къ образу Божію, очиствъ отъ привязанности къ чувственному, скоро воззоветъ къ существенно-необходимымъ подвигамъ очищенія души отъ страстей, и такимъ образомъ возведетъ къ чистой любви Божественной по степенямъ совершенства, конечно, если человѣкъ, подъ предлогомъ исполненія долга любви къ ближнему, не вдастся въ излишнюю попечительность.

Г)—Любовь къ Богу.

Усовершившись въ любви къ ближнему, человѣкъ достигаетъ, наконецъ, пристани любви Божественной. „Любовь, которая имѣетъ виновникомъ Бога, есть то же, что бьющій изъ земли источникъ; потоки ея никогда не пресѣкаются (потому что одинъ Богъ есть источникъ любви), и питающіе сію любовь не оскудѣваютъ (Сл. 30, стр. 199)“. „Любви предшествуетъ страхъ, какъ кормчій, на пути добродѣтелей (стр. 37)“. Какъ невозможно переплыть большое море безъ корабля и ладіи, такъ никто не можетъ безъ страха достигнуть любви (стр. 570); но когда человѣкъ достигнетъ любви, то страхъ его поглощается, и человѣкъ уже можетъ сказать съ Антоніемъ Великимъ: „я уже не боюсь Бога, но люблю Его“ (стр. 233). Вотъ предѣлъ Божественной любви! Плоды этой любви многоразличны.

„Сподобившійся совершенной любви Божіей и во снѣ своемъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ибо любви обычно производить что-либо подобное, и она есть совершенство людей въ сей ихъ жизни (стр. 154—155)“. „Любовь сообщаетъ человѣку высокія духовныя дарованія“ (383). „Любви достаточно къ тому, чтобы напитать человѣка вмѣсто пищи и питія. Вотъ вино, веселящее сердце человѣка (Псал. 103, 15). Блаженъ, кто испіетъ вина сего! Испили его невоздержные, и устыдились; испили грѣшные, и забыли пути преткновенія; испили пьяницы, и стали постниками; испили богатые, и возжелали нищеты; испили убогіе, и обогатились надеждою; испили больные, и стали сильны; испили невѣжды, и умудрились (Стр. 570). Любовь къ Богу дѣлается восторженною, и въ сердцѣ человѣка, любящаго Бога, усматривается необычайное измѣненіе. И вотъ ощутительные признаки сей любви: лицо у человѣка дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согрѣвается. Отступаютъ отъ него страхъ и стыдъ; сила, собирающая воедино умъ, бѣжитъ отъ него, и бываетъ онъ какъ бы изумленнымъ; страшную смерть почитаетъ радостію; созерцаніе ума его никакъ не допускаетъ какого-либо пресѣченія въ помышленіи о небесномъ (528—529). Симъ духовнымъ упоеніемъ упоевались нѣкогда Апостолы и мученики, и особенно Ап. Павелъ. (1 Тим. 1, 15, 16, 13, 1 Кор. 15, 9; 1 Кор. 9, 27: 2 Кор. 12, 11; 2 Кор. 11, 17; Рим. 9, 3. (Стр. 383; стр. 369—371). Упоенные любовію Божіею забываютъ всѣ свои труды и печали и, по причинѣ своего упоенія, дѣлаются безчувственными ко всѣмъ грѣховнымъ страстямъ (332)“. Вотъ черты, которыми св. Исаакъ

характеризуетъ Божественную любовь, какъ цѣль всей нравственно-подвижнической дѣятельности человѣка, покаявшагося и обратившагося къ Богу.

Итакъ, весь порядокъ нравственно-подвижнической дѣятельности человѣка, по руководству св. Исаака, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Получивъ въ покаяніи душевное здравіе и узнавъ истинный путь нравственно-христіанской жизни, человѣкъ съ великимъ терпѣніемъ проходитъ его, побѣждая одинъ за другимъ грѣхи свои и восходя отъ одной добродѣтели къ другой и, наконецъ, искоренивъ въ себѣ всѣ страстныя движенія, достигаетъ пристани Божественной любви. „Любовь,— говоритъ св. отецъ,—есть порожденіе вѣдѣнія; а вѣдѣніе есть порожденіе душевнаго здравія; здравіе же душевное есть сила, происшедшая отъ продолжительнаго терпѣнія (Сл. 38, стр. 234—235). Нѣтъ способа къ возбужденію въ душѣ Божественной любви, если она не препобѣдила страстей. Кто не побѣдилъ страстей, тотъ не можетъ имѣть дерзновенія въ молитвѣ; кто не имѣетъ молитвы, тотъ не имѣетъ любви (стр. 372—373)“, такъ заключаетъ свое ученіе о борьбѣ съ грѣхомъ и утвержденіи въ добродѣтели, на второй степени вѣдѣнія, св. Исаакъ. Прошедшій этотъ путь измѣняется во всѣхъ силахъ и способностяхъ души своей.—

Б.

Состояніе силъ и способностей души человѣка-христіанина, на второй степени вѣдѣнія.

Въ борьбѣ съ грѣхомъ и въ усиленномъ стараніи человѣка утвердить себя въ добродѣтели, всѣ силы

и способности души его, постепенно очищаясь, приходятъ наконецъ въ нормальное состоянiе и принимаютъ совершенно другой видъ сравнительно съ прежнимъ грѣховнымъ ихъ состоянiемъ.

а)—Состоянiе ума или вѣдѣнiя.

И во-1-хъ, вѣдѣнiе человѣка на второй степени,—а) отъ разсѣянности переходитъ къ собранности, б) изъ неестественнаго дѣлается естественнымъ, в) изъ плотскаго—душевнымъ.

а) Покаянiе, свидѣтельствуя о томъ, что человѣкъ сосредоточивается на самомъ себѣ, въ свою очередь побуждаетъ его къ этой сосредоточенности, даже не можетъ и начаться безъ нея. Человѣкъ начинаетъ углубляться въ самого себя, останавливая свое вниманiе на томъ, какъ идетъ его внутренняя и внѣшняя жизнь и куда она приведетъ его въ вѣчности,—„начинаетъ, по выраженiю св. Исаака, заниматься своимъ вѣдѣнiемъ и житiемъ (Сл. 38, стр. 233; сн. Сл. 27)“. Въ этомъ случаѣ всѣ свои мысли, желанiя и поступки онъ подвергаетъ самому внимательному наблюденiю и строгому суду; заботливо всматривается и вникаетъ во все, что его окружаетъ въ жизни, что случается съ нимъ и имѣетъ на него какое-либо влiянiе, и во всемъ этомъ постоянно имѣетъ въ виду, что для него полезно и что можетъ принести душѣ его вредъ, чтобы однимъ воспользоваться для своего вѣчнаго спасенiя, а другаго избѣжать (Сл. 84). Слѣдствiемъ сосредоточенности человѣка въ самомъ себѣ бываетъ то, что онъ отрѣшается своимъ умомъ отъ „круженiя и паренiя“ по явленiямъ жизни временной. „Чувства цѣломудренныя и собранныя не попуска-

ютъ душѣ входить въ испытаніе вещей“ (Сл. 5 сначала; снеси сл. 3-е). Человѣкъ уже не подмѣчаетъ слабостей за ближними, не пересуживаетъ ихъ дѣйствій, не погружается всѣмъ существомъ своимъ въ заботы о здѣшней жизни, не предается праздному любопытству, не дозволяетъ себѣ разглагольствовать и не беретъ на себя смѣлости или дерзости учительствовать, какъ это было прежде, на первой степени вѣдѣнія; а внимаетъ себѣ и своей участи.

б) Такимъ образомъ человѣкъ пріобрѣтаетъ полный и всесторонній взглядъ на себя и на жизнь, потому что начинаетъ, съ одной стороны, сознавать себя въ цѣлости и единствѣ своихъ двухъ природъ—тѣлесной и духовной, а съ другой—и за предѣломъ временной жизни начинаетъ имѣть въ виду постоянно жизнь другую, которая неизбѣжно будетъ исполнена для него или вѣчныхъ мученій, или вѣчнаго блаженства, тогда какъ на первой степени вѣдѣнія онъ совершенно забываетъ о высшей сторонѣ своего бытія. „Первая мысль, которая по Божественному человѣколюбію входитъ въ человѣка и руководствуетъ душу къ жизни, есть западающая въ душу мысль объ исходѣ его естества. За симъ помысломъ естественно слѣдуетъ пренебреженіе къ міру: и этимъ начинается въ человѣкѣ всякое доброе движеніе, ведущее къ жизни. И какъ бы основаніе какое полагаетъ въ человѣкѣ сопутствующая ему Божественная сила, когда восхощетъ обнаружить въ немъ жизнь. И если человѣкъ эту сказанную нами мысль не угаситъ житейскими связями и суесловіемъ, но будетъ возращать ее въ безмолвіи, остановится на ней созерцаніемъ и зай-

мется ею,—то она поведетъ его къ глубокому созерцанію, котораго никто не въ состояніи изобразить словомъ. Сатана ненавидитъ сей помыслъ и всѣми силами нападаетъ, чтобы истребить его въ человѣкѣ. И если бы можно было, отдалъ бы ему царство цѣлаго міра, только бы развлеченіемъ изгладить въ умѣ человѣка таковый помыслъ. Знаетъ коварный, что если помыслъ сей пребываетъ въ человѣкѣ, то умъ его стоитъ уже не на этой землѣ обольщенія,—состоянія *неестественнаго*, а—*естественнаго*,—и козни его къ человѣку уже не (всегда) приближаются" (Сл. 86, стр. 589—590).

в) Но цѣлости и простоты въ этомъ вѣдѣніи еще нѣтъ и не можетъ быть. Сосредоточиваясь на самомъ человѣкѣ и его жизни и находясь, такъ сказать, на рубежѣ міра видимаго и духовнаго, оно неизбѣжно двоится: во-1-хъ потому, что въ человѣкѣ оно встрѣчается со зломъ, отъ котораго онъ хочетъ очиститься, и съ добромъ, въ которомъ хочетъ преуспѣвать,—съ грѣхами и добродѣтелями,—съ его усиліями о пріобрѣтеніи чистоты и съ содѣйствіемъ благодати Божіей, съ его заблужденіями и истинами, пріобрѣтаемыми его собственнымъ трудомъ, при свѣтѣ Божественнаго откровенія; во-2-хъ потому, что къ его представленіямъ всего невидимаго, духовнаго, Божественнаго необходимо примѣшиваются образы и подобія, заимствованныя изъ міра видимаго, и вещи духовныя оно можетъ созерцать не непосредственно, а только въ понятіяхъ, при посредствѣ умственныхъ соображеній и догадокъ (Сл. 27 и 28. Сл. 43. Сл. 55. Сл. 58. Сл. 80. Сл. 84). Поэтому это вѣдѣніе св. Исаакъ называетъ только *ду-*

гнѣвнымъ (Сл. 38, стр. 233. Сл. 1, стр. 7. Сл. 49, стр. 314).

Такимъ образомъ, если на первой степени нравственной жизни, жизни грѣховной, вѣдѣніе является *голымъ*, т.-е. лишеннымъ покрова вѣры, и, постоянно дѣйствуя подъ вліяніемъ страстей, дѣлается, наконецъ, неестественнымъ: то на второй степени нравственной жизни, добродѣтельной, вѣдѣніе человѣка становится вполнѣ естественнымъ, ясно различаетъ добро отъ зла. Это естественное вѣдѣніе предшествуетъ вѣрѣ и даже ведетъ насъ къ вѣрѣ и научаетъ пріять вѣру: „вложенное въ природу нашу самимъ Богомъ, естественное вѣдѣніе само убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно вѣровать Богу, приведшему все въ бытіе, вѣровать словесамъ заповѣдей Его и исполнять ихъ", говоритъ св. Исаакъ (Сл. 84, стр. 571—73). Такъ вѣдѣніе естественное усовершается вѣрою и пріобрѣтаетъ силу восходить горѣ; потому что соединенное съ вѣрою естественное вѣдѣніе есть доброе сѣмя добродѣтели. Много дѣлъ правды: „постъ, милостыня, бдѣніе, святыня и *все прочее, совершаемое съ помощію тѣла*: любовь къ ближнему, смиренномудріе сердца, прощеніе проступковъ, помышленіе о добромъ, изслѣдованіе дѣйствительныхъ тайнъ, прикровенныхъ въ Св. Писаніяхъ, упражненіе ума въ дѣлахъ совершеннѣйшихъ, въ храненіи предѣловъ душевныхъ страстей, и прочія *добродѣтели, совершаемыя въ душѣ*. Но всѣ онѣ имѣютъ нужду въ естественномъ вѣдѣніи, потому что вѣдѣніе охраняетъ ихъ и учитъ порядку въ нихъ (Сл. 25, стр. 180); когда же естественное вѣдѣніе переходитъ въ вѣрованіе, то отъ него рождается

страхъ Божій—начало добродѣтельной жизни; за нимъ слѣдуетъ: непрестанное памятованіе смерти, всегдашнее уязвленіе совѣсти, нѣкая мучительная забота, пренебреженіе къ міру и сильная борьба за добродѣтель (Сл. 84, стр. 571—75). Это ступени, по которымъ душа восходитъ на горнюю высоту вѣры; и сіе называется добродѣтелями. Всякое дѣланіе вѣдѣнія состоитъ въ дѣланіи и продолжительномъ упражненіи; ибо на этой степени остаемся, пока не придемъ въ любовь (тамъ же). Въ концѣ концовъ, такого рода вѣдѣніе обращается въ истинное сомопознаніе, т.-е. знаніе того, что именно для человѣка полезно и что вредно, и насколько онъ усвоилъ себѣ добра и избѣжалъ зла; а отъ этого открывается для него необходимость быть внимательнымъ къ самому себѣ, потому что по мѣрѣ преспѣянія человѣка признаки его состоянія дѣлаются тонче и непримѣтнѣе (Сл. 44, стр. 276; сп. сл. 74, стр. 532—533). И много, много важныхъ наставленій предлагаетъ св. Исаакъ вниманію христіанина-подвижника, необходимыхъ на всемъ пути его къ совершенству. „Будь всегда внимателенъ къ самому себѣ, возлюбленный, и въ ряду дѣлъ своихъ разсмотри: начала ли заживать и закрываться язва твоя, т.-е. начали ли изнемогать страсти? Положи примѣту и входи непрестанно самъ въ себя, и смотри, какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли передъ тобою, какія изъ нихъ пропали и совершенно отступили отъ тебя и какія изъ нихъ начали умолкать вслѣдствіе душевнаго твоего здравія? Обрати также вниманіе на то, точно ли видишь, что среди загноенія язвы твоей начала наростать живая плоть, т.-е.

душевный миръ, происходящій отъ постепенно водворяющейся въ душѣ и дѣятельности добродѣтели“ (Сл. 45, стр. 276—283). Внимательность человѣка къ самому себѣ и самоиспытаніе продолжается въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ единую простоту чистоты, когда вѣдѣнію не оказывается уже необходимости различать добро отъ зла, какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и внѣ его. Отъ этой-то внимательности и постояннаго самоиспытанія на всемъ долгомъ и трудномъ пути добродѣтельной жизни зависитъ строгій порядокъ и послѣдовательность въ богоугодной жизни, гдѣ воля человѣка должна закалиться въ борьбѣ съ грѣхомъ и принять въ себя законъ добра, или сдѣлаться началомъ добродѣтели, а сердце его— утвердиться однажды навсегда въ любви къ ближнему и Богу.

б)—Состояніе воли.

Если на первой степени человѣкъ, не стѣсняясь никакимъ закономъ, а руководясь своеволіемъ и похотію плоти, утрачиваетъ всю нравственную силу своей воли; то на второй степени, боясь уже за свою душу и дорожа своею вѣчною судьбою, онъ, во-2-хъ, рѣшается оставить своеволіе и свою волю подчинить волѣ Божіей. Дѣлается это возможнымъ для него не иначе, какъ при упражненіи воли, при исполненіи того, чего хочетъ Богъ и чего требуетъ Онъ въ своихъ заповѣдяхъ (Сл. 27), которыя даны Имъ, какъ „врачевство, чтобы очищать человѣка отъ страстей и грѣхопаденій“ (Сл. 55, стр. 352—355). Чтобы пріучить волю повиноваться волѣ Божіей, для сего необходимо самоотреченіе, самопри-

нуждение, борьба съ самимъ собою, какъ средства, способствующія къ утвержденію нравственной силы воли, потому что только при каждомъ такомъ подвигѣ человѣкъ становится господиномъ своего желанія, овладѣваетъ имъ. Чѣмъ болѣе, такимъ образомъ, человѣкъ побѣждаетъ свои дурныя привычки, чѣмъ далѣе идетъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и чѣмъ продолжительнѣе упражняется въ совершеніи добрыхъ дѣлъ,—тѣмъ становится нравственно мужественнѣе, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ могущества подавлять въ себѣ все незаконное, сдерживать *свои* стремленія и съ осторожностію развивать только тѣ изъ нихъ, кои согласны съ волею Божіею (Сл. 89). Такимъ образомъ воля человѣка на второй степени нравственной жизни, такъ сказать, закаляется въ постоянной борьбѣ съ самой собою, съ своими дурными привычками, навыкаетъ и утверждается въ подвигахъ добродѣтели, при дѣйствительномъ совершеніи которыхъ человѣкъ, изъ повиненія закону Божію, каждый день отказываетъ себѣ въ томъ, чего хочетъ, и принуждаетъ себя къ тому, чего, при его пристрастіи къ этой жизни, ему не хотѣлось бы. Потому-то вѣдѣніе человѣка на второй степени св. Исаакъ обыкновенно называетъ вѣдѣніемъ дѣлъ и состояніе этой степени—*дѣятельностію* (Сл. 27. Сл. 2. Сл. 55. Сл. 25), которая „очищаетъ, по силѣ ревности, страстную часть души“ (Сл. 2, стр. 17). Напримѣръ человѣкъ не отрѣшился еще вообще отъ пристрастія къ здѣшней жизни; поэтому уже самому для него необходимо терпѣніе въ скорбяхъ, посылаемыхъ ему промысломъ въ этой жизни, или и свободное лишеніе себя удобствъ жизни, тѣлес-

наго покоя, чтобы наконецъ возвыситься надъ этою жизнію, а не подавляться ею (тамъ же). Не любитъ человѣкъ еще своихъ ближнихъ,—поэтому необходимо для него пріучать себя творить милостыню, принуждать себя къ перенесенію обидъ, къ пожертвованію своими частными выгодами пользѣ общей, и не только пользоваться каждымъ случаемъ, вызывающимъ на доброе дѣло для своихъ собратій, но и самому изыскивать эти случаи, чтобы наконецъ стяжать любовь къ ближнему (Сл. 55. Сл. 56). Не пріобрѣлъ онъ еще любви къ Богу,—поэтому ему необходимо упражняться, напримѣръ, въ молитвѣ, „вслѣдствіе которой снискиваются причины любить Бога", упражняться во всемъ томъ, что ведетъ къ этой Божественной любви (Сл. 39), и т.-под. Вслѣдствіе такой постоянной дѣятельности, воля человѣка собирается въ себя, болѣе и болѣе крѣпнетъ и, подчиняя себя волѣ Божіей, законъ Божій дѣлаетъ своимъ закономъ, и такимъ образомъ утверждается болѣе въ добрѣ. *Болѣе*, но не совершенно еще, потому самому, что здѣсь происходитъ борьба противоположныхъ стремленій плоти и духа, помысловъ десныхъ и шуіихъ, и человѣкъ то падаетъ, то возстаетъ, то побѣждается, то одерживаетъ побѣду. Простоты, очевидно, здѣсь еще нѣтъ; она достигается на третьей степени нравственной жизни. Признакомъ того, что воля стала сдержанною, служитъ сдержанность устъ. Говорливость, не только праздная, но иногда даже о дѣлахъ благочестія, служитъ признакомъ большаго или меньшаго ослабленія нравственной силы и, въ свою очередь, производитъ это ослабленіе. „Въ тотъ день, въ который пого-

ворю съ кѣмъ-нибудь,—говорилъ одинъ старецъ св. Исааку,—невозможно для меня сохранить правило поста, по обычаю моему, но принужденъ бываю разрѣшить постъ“ (Сл. 31, стр. 208. Сл. 8, стр. 63—64 и др.). Такая нужна осторожность для сохраненія воли въ сдержанности!

в)—Состояніе сердца.

Какъ скоро человѣкъ дѣйствительно вступаетъ на вторую степень нравственной жизни, сердце его, въ-3-хъ, наполняется страхомъ за душу и чаяніемъ обѣтованныхъ благъ. И пока эти чувства пребываютъ въ сердцѣ человѣка, оно не можетъ быть безъ сокрушенія и молитвы къ Богу объ оставленіи прошедшаго и болѣзнованія о храненіи будущаго, т.-е. оно исполняется постояннымъ чувствомъ покаянія (Сл. 47, стр. 292—293). Страхъ за душу, сокрушеніе и молитва къ Богу объ оставленіи прошедшаго (т.-е. грѣховъ прежнихъ) выражаются въ слезахъ, которыя св. Исаакъ на первыхъ порахъ называетъ сожигающими, потому что онѣ изсушаютъ и сожигаютъ тѣло, какъ это испыталъ на себѣ преподобный Макарій Египетскій и др.; а „нерѣдко,—замѣчаетъ св. отецъ,—и самое владычественное въ душѣ (т.-е. умъ), во время изліянія этихъ слезъ, ощущаетъ отъ нихъ вредъ“ (Сл. 21, стр. 137). И только по мѣрѣ того, какъ человѣкъ въ подвигахъ покаянія простирается далѣе и далѣе и заботу о спасеніи выражаетъ въ благодушномъ перенесеніи скорбей, которыя неизбѣжны при совершеніи подвиговъ благочестія, въ его сердцѣ распространяется миръ совѣсти, которая начинаетъ свидѣтельствовать, что человѣкъ не не-

радитъ ни о чемъ, къ чему обязанъ, по мѣрѣ силъ своихъ (Сл. 75, стр. 545). Отсюда, съ одной стороны, является надежда на Бога и упованіе, что Господь не мученіями и наказаніями, а наградами и блаженствомъ воздаетъ въ будущей жизни за вѣрность Его волѣ (тамъ же); съ другой—въ сердцѣ, отрѣшающемся отъ пристрастія къ благамъ этого міра и свободномъ отъ угрызеній совѣсти, благодать Божія, отъ времени до времени, начинаетъ открывать источникъ духовнаго услажденія и радованія. Такимъ образомъ, кающійся подвижникъ начинаетъ источать уже не слезы сожигающія, но сладостныя слезы умиленія; и это бываетъ съ нимъ-то, когда онъ бываетъ занятъ богомысліемъ, то во время чтенія Св. Писанія, то при молитвенномъ собесѣдованіи съ Богомъ. (Сл. 65, стр. 492; сн. Сл. 21 о различіи слезъ. Сл. 30 о слезахъ). Но утѣшеніе слезъ бываетъ здѣсь не иначе, какъ съ промежутками (Сл. 56, стр. 416). „По временамъ неощутительно во все тѣло входитъ какое-то услажденіе и радованіе невыразимое... Ибо это изъ сердца истекающее услажденіе иногда въ часъ молитвы, иногда во время чтенія, а иногда также вслѣдствіе непрестаннаго занятія и продолжительности мысли согрѣваетъ умъ“ (Сл. 45, стр. 280). Такія состоянія повременнаго радованія сердца служатъ признакомъ того, что сердце уже стало близко къ очищенію, что оно уже умягчилось отъ прежняго страстнаго ожесточенія и сдѣлалось способнымъ къ добродѣтели, къ любви къ ближнимъ и къ Богу.

Чаяніе обѣтованныхъ благъ или болѣзнованіе о храненіи будущаго выражается, съ одной стороны,

въ опасеніи за вѣчную судьбу души, съ другой—въ жаждѣ благъ, *яже уготова Богъ любящимъ Его.* Какъ скоро западетъ въ душу помыслъ объ исходѣ этого естества (тѣлеснаго, временнаго), въ сердцѣ пробуждается тотчасъ же любовь къ жизни вѣчной,—любовь, которая на первой степени была заглушена внѣшними впечатлѣніями. Любовь къ жизни вообще при этомъ становиться полною, а не одностороннею, каковою она была на первой степени, когда человѣкъ, забывая о будущей жизни, дорожитъ одною этою жизнію. Теперь, вслѣдствіе помысла объ исходѣ этого естества, сосредоточивая вниманіе на себѣ самомъ, человѣкъ естественно приходитъ къ чувству своего недостоинства передъ Богомъ и къ вѣрѣ въ будущую жизнь, къ вѣрѣ въ наказанія и награды, ожидающія всякаго человѣка въ вѣчности, смотря по дѣламъ его. (Сл. 39; сн. сл. 86 въ началѣ Сл. 5. Сл. 84). Страхъ Божій и жажда будущихъ благъ, появившись такимъ образомъ въ сердцѣ человѣка, становятся главными побужденіями всей его дѣятельности и, съ одной стороны, не позволяютъ ему привязываться къ благамъ и наслажденіямъ временнымъ, а съ другой—рождаютъ мужество и терпѣніе въ скорбяхъ этой жизни. Когда на страхъ за тѣло приникаетъ страхъ за душу, тогда страхъ тѣлесный изнемогаетъ предъ страхомъ душевнымъ, какъ воскъ отъ силы пожигающаго его огня (Сл. 2, стр. 23; сн. сл. 75. Сл. 1.).—Въ этомъ постоянномъ сокрушеніи о грѣхахъ и въ этой томительной заботѣ объ исполненіи заповѣдей Божіихъ, можно сказать, и сосредоточивается вся жизнь нашего сердца на второй степени нравственной жизни.

Частнѣе, жизнь сердца на этой степени, выражаясь въ страхѣ Божіемъ, въ жаждѣ будущихъ благъ или вообще въ любви къ жизни вѣчной, связываетъ его и собираетъ, отрѣшая отъ исключительной привязанности къ чему бы то ни было въ этомъ мірѣ и дѣлая его способнымъ ощущать наслажденія высшія, духовныя. Но и на этой степени сердце человѣка еще не достигаетъ простоты, цѣлости, потому что въ немъ часто по необходимости происходятъ совершенно противоположныя чувствованія: то скорби, неизбѣжныя при отрѣшеніи отъ пристрастія къ временнымъ благамъ, то отрады, слѣдующія за каждою скорбію ради Бога, то опасенія за вѣчную судьбу, то надежды на спасеніе. Полной чистоты сердце достигаетъ уже на третьей степени нравственной жизни; на этой же степени оно, какъ и всѣ способности души человѣческой, дѣлается только способнымъ къ добру.

Но какъ ни высоко стоитъ человѣкъ на этой второй степени вѣдѣнія, нравственная жизнь его еще не совершенна, дѣятельность его еще носитъ на себѣ характеръ болѣе *внѣшній*, чѣмъ внутренній: здѣсь онъ „совершаетъ дѣло Божіе только внѣшнимъ человѣкомъ, а внутренній его человѣкъ еще безплоденъ“ (Сл. 65, стр. 491). Человѣкъ на этой степени вѣруетъ, но его вѣра еще не внутренняя, а внѣшняя, только отъ слуха; онъ надѣется, но внутри себя еще не имѣетъ полнаго убѣжденія въ несомнѣнности своего упованія; онъ успѣлъ уже довольно развить въ себѣ любовь къ Богу, но еще не достигъ того состоянія, чтобы сказать съ Антоніемъ Великимъ: я уже не боюсь

Бога, а люблю Его,—еще боится Бога; онъ исполняетъ волю Божію, но воля Божія еще не сдѣлалась его собственною волею: онъ любитъ своихъ ближнихъ и дѣлаетъ имъ добро, но еще различаетъ между ними чужихъ и своихъ, близкихъ и далекихъ; онъ углубленъ въ самоиспытаніе, но еще не знаетъ себя вполнѣ; старается достигнуть простоты духовной, но еще не достигъ ея; *дѣйствуетъ*, но еще *не созерцаетъ*,—словомъ: „это человѣкъ душевный, который еще далеко не совершенъ", по словамъ Григорія Богослова (Тв. св. отц. Отд. V, 345). Дѣятельность душевнаго человѣка есть не болѣе, какъ тѣло, которое требуетъ еще оживотворенія дыханіемъ жизни. (Сл. 65, стр. 491—493. Сн. слово 2, стр. 18—21). Это оживотвореніе совершается уже на третьей степени вѣдѣнія.

III.

Третья степень вѣдѣнія.

(Состояніе вышеестественное, жизнь духовная, созерцательная).

Общая характеристика этого состоянія

„Представь себѣ, что добродѣтель есть тѣло, созерцаніе—душа, а то и другое—одинъ совершенный человѣкъ, соединяемый духомъ изъ двухъ частей—изъ чувственнаго и разумнаго" (Сл. 2. стр. 19). Такъ, на третьей степени вѣдѣнія творится новый человѣкъ. Добродѣтель его, которою онъ занятъ былъ на второй степени, оживотворяется созерцаніемъ, которое онъ пріобрѣтаетъ на третьей степени, и такимъ образомъ является *совершенный человѣкъ*, и живетъ уже не онъ, но живетъ въ немъ Христосъ

(Гал. 2, 20), то-есть достигаетъ такого совершенства, что во Христѣ входитъ въ тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ. Какъ на признакъ того, что подвижникъ вступилъ, наконецъ, на третью степень вѣдѣнія, св. Исаакъ указываетъ на слѣдующее. „Сердце у подвижника благочестія горитъ и, какъ огнемъ, распаляется день и ночь; а потому цѣлый міръ онъ вмѣняетъ за уметы и пепелъ, не желаетъ даже пищи отъ сладости новыхъ пламенѣющихъ помысловъ. Внезапно у него начинаютъ литься слезы и примѣшиваться ко всякому дѣлу, т.-е. во время чтенія молитвы, размышленія, когда онъ принимаетъ пищу и питье, — знакъ, что общая всѣхъ мать, благодать, вожделѣваетъ таинственно произвесть Божественный образъ на свѣтъ будущаго вѣка. Тогда умъ начинаетъ возбуждаться чѣмъ-то тамошнимъ, подобно дыханію, какое младенецъ привлекаетъ въ себя, находясь еще внутри членовъ, въ которыхъ обыкновенно питается. И поелику не терпитъ того, что для него еще необычно, то начинаетъ вдругъ издавать вопль, смѣшанный со сладостію меда. И въ какой мѣрѣ развивается внутренній человѣкъ, въ такой же бываетъ и приращеніе слезъ. Такимъ образомъ слезы положены какъ бы какимъ предѣломъ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистотою. Но этотъ описанный мною чинъ слезъ, говоритъ св. Исаакъ, — не тотъ, какой съ промежутками бываетъ у безмолвствующихъ; потому что и у всякаго, пребывающаго въ безмолвіи съ Богомъ, бываетъ по временамъ это утѣшеніе. Я говорю не о семъ чинѣ слезъ, а о томъ, какой у плачущаго непрерывно, день и ночь. Въ этомъ слу-

чаѣ очи его уподобляются водному источнику до двухъ и болѣе лѣтъ, а потому приходитъ онъ въ умиреніе помысловъ, сколько вмѣщаетъ отчасти естество,—входитъ въ тотъ покой, о которомъ сказалъ св. Павелъ (Евр. 4, 3). И по семъ мирномъ упокоеніи, умъ начинаетъ созерцать тайны. Тогда уже Духъ Святый начинаетъ ему открывать небесное, и вселяется въ немъ Богъ и воскрешаетъ въ немъ плодъ Духа, и оттого, нѣсколько не ясно и какъ бы гадательно, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ то измѣненіе, которое пріиметъ внутреннее естество при обновленіи всяческихъ. Но послушай еще, что скажу я тебѣ и чему научился изъ нелживыхъ устъ. Когда входишь въ умиреніе помысловъ, тогда отъемлется у тебя множество слезъ, и потомъ приходятъ къ тебѣ слезы въ мѣру и въ надлежащее время. Это есть самая точная истина; короче сказать, такъ вѣруетъ вся Церковь". (Сл. 65, стр. 491—493. Снеси сл. 21, стр. 136—137. Сл. 42, стр. 263—264. Сл. 44, стр. 273—274. Сл. 56, стр. 408—409. Сл. 58, стр. 452—453. Сл. 85, стр. 586—587). Такъ происходитъ таинственное рожденіе человѣка въ жизнь духовную, по образному описанію св. Исаака,—въ ту жизнь, гдѣ духъ человѣка получаетъ полное господство надъ плотію и свою печать *цѣлости и простоты* кладетъ на всѣ способности человѣка, налагаетъ на всю его жизнь *). Вслѣдъ за этимъ всѣ способности человѣка измѣняются, и вся жизнь его принимаетъ совершенно другой характеръ.

---

*) Тогда какъ на первой степени вѣдѣнія умъ его стоялъ на первомъ планѣ съ своими мудрованіями безъ вѣры, на второй выдвигалась впередъ воля съ ея многопопечительною дѣятельностію, подъ вліяніемъ вѣры отъ слуха,—теперь главнымъ дѣятелемъ духовной жизни человѣка становится сердце его, одушевленное полною любовію къ Богу.

Состояніе на этой степени а) — сердца.

И во-первыхъ, въ сердцѣ человѣка возгорается всецѣлая любовь къ Богу, которая безпредѣльно расширяется и начинаетъ любить всѣхъ и все, не раздѣляясь на части и не привязываясь ни къ чему исключительно. Эта безпредѣльная и цѣлостная любовь рождаетъ истинное вѣдѣніе истины или духовное созерцаніе (Сл. 18, стр. 111 — 113), и потому св. Исаакъ, въ другомъ мѣстѣ, называетъ ее „первоначальнымъ созерцаніемъ Св. Троицы". (Сл. 55, стр. 384). Описывая это состояніе сердца, св. отецъ говоритъ: „любовь къ Богу естественно горяча и, когда нападаетъ на кого безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту восторженною. Поэтому сердце ощутившаго любовь сію не можетъ вмѣщать и выносить ее, но, по мѣрѣ качества нашедшей на него любви, усматривается въ немъ необычайное измѣненіе. И вотъ ощутительные признаки сей любви: лицо у человѣка дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согрѣвается. Отступаютъ отъ него страхъ и стыдъ, и дѣлается онъ какъ бы восторженнымъ. Сила, собирающая воедино умъ, бѣжитъ отъ него, и бываетъ онъ какъ бы изумленнымъ. Страшную смерть почитаетъ онъ радостію; созерцаніе ума его никакъ не допускаетъ какого-либо пресѣченія въ помышленіи о небесномъ. И въ отсутствіи (уединеніи), незримый никѣмъ, онъ бесѣдуетъ, какъ присутствующій (какъ бы кто съ нимъ присутствовалъ). Вѣдѣніе и видѣніе его естественное преходятъ, и не ощущаетъ онъ чувственнымъ образомъ движенія, возбуждаемаго въ немъ предметами: потому что, хотя и дѣлаетъ что, но

совершенно того не чувствуетъ; такъ какъ умъ его паритъ въ созерцаніи, и мысль его какъ бы всегда бесѣдуетъ съ кѣмъ другимъ. Симъ духовнымъ упоеніемъ упоевались нѣкогда Апостолы, мученики, подвижники—и дивная совершили". (Сл. 73, стр. 528 — 529). Упоенное любовію къ Богу, сердце человѣка возгорается о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всѣхъ вообще тваряхъ, о разумныхъ и неразумныхъ, злыхъ и добрыхъ. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, онъ умиляется, и человѣкъ не можетъ вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А потому и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ его сердцѣ, до уподобленія въ этомъ Богу. Такой человѣкъ, если десятикратно въ день будетъ преданъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяется тѣмъ, какъ Моисей говорилъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ книги, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 32), и какъ говоритъ блаженный Павелъ: *молилбыхся азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Римл. 9, 3); и еще: *нынѣ радуюся* въ скорбѣхъ *о васъ* (язычникахъ) (Кол. 1, 29). Разсказываютъ также объ аввѣ Агаѳонѣ, будто бы онъ сказалъ: „желалъ бы найти я прокаженнаго и взять у него тѣло его, а ему отдать свое" (Сл. 48, стр. 298—302). Такою всеобъ-

емлющею любовію поглощается и плотскій человѣкъ, боящійся закоденія, и душевный, боящійся суда Божія"; остается же, такъ сказать, одинъ духовный человѣкъ, который, будучи исполненъ несказаннымъ блаженствомъ любви и созерцанія, пріобрѣтаетъ полную несомнѣнность упованія своего, т.-е. опытно убѣждается въ существованіи неизреченныхъ благъ, уготованныхъ Богомъ и ему, и всѣмъ любящимъ своего Создателя. (Сл. 38, стр. 233. Сл. 80, стр. 562—563). Вслѣдствіе такого несомнѣннаго своего упованія, онъ всегда пребываетъ въ глубокомъ покоѣ, такъ что „если бы небо прильнуло къ землѣ, онъ и тогда не ужаснулся бы" (Сл. 48, стр. 308). Само собою разумѣется, что при такомъ состояніи человѣка никакая страсть не можетъ нарушить его душевнаго міра и возмутить тишины его сердца. „Сердце, которое въ полнотѣ пріяло въ себя ощущеніе духовнаго и созерцаніе будущаго вѣка, таково же бываетъ въ сознаніи своемъ къ памятованію страстей, каковъ человѣкъ, насытившійся дорогою пищею, къ иной, несходной съ тою и предложенной ему пищѣ, т.-е. вовсе не обращаетъ на нее вниманія, не желаетъ ея, а паче гнушается ею и отвращается отъ нея, не потому только, что она сама въ себѣ гнусна и ненавистна, но и потому, что человѣкъ насытился первою, лучшею пищею" (Сл. 38, стр. 236—237). „Разсказываютъ,—говоритъ св. Исаакъ въ другомъ мѣстѣ,—о птицѣ, называемой сирена, что всякій, слыша сладкозвучіе ея голоса, такъ плѣняется, что, идя за нею по пустынѣ, отъ сладости пѣнія забываетъ самую жизнь свою, падаетъ и умираетъ. Симъ изображается то, что бываетъ и съ душою. Когда ощу-

щается ею небесная сладость, тогда отъ сладкозвучія словесъ Божіихъ, переданныхъ чувствомъ уму, душа всецѣло устремляется во слѣдъ этой сладости, такъ что забываетъ свою тѣлесную жизнь, и тѣло лишается пожеланій своихъ, а душа возносится изъ этой жизни къ Богу“ (Сл. 85, стр. 581—582). Такъ сердце человѣка, исполнившись любви, получаетъ полную цѣлость и простоту. Въ немъ теперь живетъ полное и живое сочувствіе ко всему существующему вообще и ни къ чему въ особенности; и въ то же время въ немъ живетъ цѣлостный миръ и покой, не возмущаемый никакими противоположными ощущеніями, потому что теперь ощущенія жизни плотской и душевной сосредоточиваются въ духовной жизни человѣка и бываютъ въ совершенномъ подчиненіи этой послѣдней жизни.

б)—Воли его.

Вслѣдъ за такимъ настроеніемъ сердца, *во-вторыхъ*, и воля человѣка на этой степени совершенно измѣняется. Иною она дѣлается и сама въ себѣ, и побужденія къ дѣятельности у ней здѣсь другія, и самый процессъ дѣятельности не тотъ, и слѣдствія такой дѣятельности имѣютъ особый характеръ.

Если мы обратимъ вниманіе на волю человѣка саму въ себѣ, то на третьей степени, по ученію св. Исаака, она получаетъ прежде всего *цѣлостное, простое* настроеніе къ добру. Цѣлостно настроенная къ добру, воля, или нравственная сила человѣка, въ каждой его добродѣтели дѣйствуетъ вся всецѣло, безъ „расточенія“, такъ какъ „чистота весьма проста и ровна“ (Сл. 48, стр. 305. Сн. сл. 5, стр. 36). Каждое движеніе этой воли, какъ чистое и святое,

есть уже, такимъ образомъ, добродѣтель, имѣющая притомъ значеніе не частнаго какого-нибудь добраго поступка, но цѣлой добродѣтели,—не вида, а рода,—не явленія только, а самой сущности; такъ какъ это движеніе, съ одной стороны, есть плодъ цѣлаго ряда добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ уже на второй степени, съ другой—въ сущности своей заключаетъ все разнообразіе дѣлъ, опредѣляемыхъ внѣшними вызовами и обстоятельствами (Сл. 48, стр. 304). Какъ такая сама въ себѣ, воля человѣка имѣетъ своего рода и побужденія къ дѣятельности. На второй степени человѣкъ побужденіемъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ и къ совершенію добрыхъ дѣлъ имѣетъ, съ одной стороны, свое собственное спасеніе, а съ другой—эти самыя заповѣди; на третьей же степени „любовь къ правдѣ снѣдаетъ его сердце", и единственно поэтому онъ творитъ правду. Здѣсь для него законъ уже не лежитъ, и онъ не имѣетъ нужды во внѣшнихъ заповѣдяхъ Божіихъ, потому что имѣетъ въ себѣ внутреннія, духовныя заповѣди, вполнѣ согласныя съ заповѣдями Божіими, и дѣлаетъ добро просто для одного добра, болѣе ничего не имѣя въ виду. (Сл. 55, стр. 354. 382—384. Сл. 58, стр. 450—451). Поэтому-то св. Исаакъ и выражается, что „храненіе заповѣдей ниже духовной любви". Потому что такое настроеніе къ добру и святости исключаетъ примѣсь всякихъ внѣшнихъ побужденій, имѣя одно побужденіе внутреннее—любовь къ добру и святости. Самый процессъ дѣятельности здѣсь не тотъ. На второй степени, чрезъ длинный рядъ частныхъ добрыхъ дѣлъ, человѣкъ мало-по-малу возвышается до цѣльнаго настроенія къ добру. Тамъ человѣкъ не можетъ вдругъ

перейти отъ одной добродѣтели къ другой, миновавъ предшествующія, но долженъ постепенно возвышаться отъ легчайшихъ къ труднѣйшимъ. Напримѣръ, человѣкъ тамъ не можетъ развить въ себѣ любовь къ Богу, если не будетъ напередъ упражняться въ соблюденіи молитвенныхъ правилъ въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ; любовь къ ближнему тамъ человѣкъ развиваетъ въ себѣ благотворительностію, и если ея нѣтъ, то это явный знакъ, что онъ уклоняется отъ заповѣди Божіей, повелѣвающей любить ближняго. Здѣсь, напротивъ, когда человѣкъ приступаетъ къ совершенію какой-либо добродѣтели, то не ее одну совершаетъ, но вдругъ и всецѣло совершаетъ въ совокупности всѣ добродѣтели и такимъ образомъ избираетъ для себя путь самый краткій (Сл. 48, стр. 304); то-есть, добродѣтели, здѣсь совершаемыя, не ограничиваются и не могутъ быть ограничиваемы тѣми условіями, въ какихъ совершаются частныя сложныя дѣла второй степени. Для совершенія ихъ нѣтъ нужды ни въ опредѣленномъ времени, ни въ пособіи внѣшнихъ чувствъ (Сл. 48, стр. 304—305). Здѣсь человѣкъ свободно и во всякое время можетъ переходить отъ одного чистаго движенія души къ другому, какому бы то ни было, можетъ переходить непосредственно „стезями самыми краткими". (Сл. 48: сн. сл. 78, стр. 551—553. Сл. 39, стр. 244). Напр., здѣсь душа человѣка постоянно проникнута любовію ко всѣмъ, совершенно независимо отъ благотвореній; если эта любовь не выражается въ дѣлахъ, то это значитъ только, что нѣтъ къ тому возможности—или внѣшней, такъ какъ человѣкъ уединеніемъ отдѣленъ отъ своихъ собратій, или

внутренней, такъ какъ онъ всецѣло погруженъ мыслію въ Богѣ (Сл. 55, стр. 363—364). Равнымъ образомъ и Бога любитъ здѣсь человѣкъ независимо отъ соблюденія всякихъ правилъ, и если становится на молитву, воздавая честь ей, „не имѣетъ нужды ни въ образѣ продолжительной молитвы, ни въ стояніи, ни въ чинѣ продолжительной службы", потому что имѣетъ непрестанное памятованіе о Богѣ и непрестанную молитву (Сл. 21, стр. 152—153; сн. сл. 39, стр. 242—243). Такимъ образомъ эта простая, всецѣло проникнутая любовію къ добру воля выражаетъ себя и въ дѣйствіяхъ простыхъ, несложныхъ, цѣльныхъ. Самыя слѣдствія такой дѣятельности имѣютъ особый характеръ. Если воля уже получила цѣлостное, простое настроеніе къ добру, то къ этому настроенію уже не примѣшиваются расположенія и стремленія злыя; потому что здѣсь человѣкъ вступилъ въ область безстрастія и чистоты. „Вслѣдствіе многихъ и различныхъ добродѣтелей, явныхъ и сокровенныхъ, имъ пріобрѣтенныхъ, страсти изнемогли въ немъ и не легко могутъ возстать на душу, и умъ не имѣетъ нужды непрестанно быть въ разсужденіи ихъ внимательнымъ, потому что во всякое время исполненъ мыслей, какія съ сознаніемъ возбуждаются въ разумѣ помышленіемъ и бесѣдою о превосходнѣйшихъ нравахъ. И какъ скоро начинаютъ возбуждаться страсти, умъ внезапно восхищается отъ сближенія съ ними какимъ-то уразумѣніемъ, проникшимъ въ умъ,—и страсти, какъ сказалъ блаженный Маркъ, остаются въ немъ какъ бы праздными. Остаются онѣ бездѣйственны не потому, что нѣтъ уже страстныхъ приражeній, но потому, что пріемлющее ихъ

сердце мертво для нихъ и живетъ чѣмъ-то инымъ; не потому, что успокоился онъ вслѣдствіе храненія разсудительности и дѣлъ, но потому, что въ умѣ его нѣтъ ни отъ чего тревоги; не потому, что онъ сдерживаетъ себя и борется, но потому, что душа его наполнена желаніемъ чудныхъ духовныхъ созерцаній" (Сл. 38, стр. 237. Сл. 48, стр. 305). Такое состояніе воли естественно исключаетъ всякую борьбу, всякій трудъ и утомленіе въ чемъ бы то ни было. Человѣкъ дѣлается совершенно нечувствительнымъ къ какимъ бы то ни было скорбямъ и во все продолженіе своего шествія думаетъ, что совершаетъ его какъ бы по воздуху, а не человѣческими идетъ стопами. (Сл. 48, стр. 303: сн. сл. 25, стр. 180—181). Въ подтвержденіе этого св. Исаакъ приводитъ слова одного св. подвижника о самомъ себѣ: „когда захочу стать для совершенія службы Божіей,—сказалъ тотъ однажды,—могу еще совершить одну славу; а что до остальнаго, если буду стоять три дня, въ изумленіи пребываю съ Богомъ и нимало не чувствую труда. (Сл. 31, стр. 206—207). Это нравственный исполинъ, совершающій свое шествіе не обыкновеннымъ путемъ, какъ всѣ прочіе; его дѣланіе не есть *дѣятельность*, но *созерцаніе*,—не дѣла, но совершенный покой и утѣшеніе и словеса въ сердцѣ, и оно совершается въ понятіяхъ души" или, иначе говоря, состоитъ въ чистыхъ движеніяхъ чистой и безстрастной души. (Сл. 25, стр. 181; сн. сл. 1, стр. 8. Сл. 2, стр. 19—20).

II в)—ума.

Цѣлостное и простое созерцаніе это открывается всего яснѣе и полнѣе, *въ-третьихъ*, наконецъ, въ

умѣ человѣка. Это созерцаніе, съ одной стороны, объемлетъ собою все, такъ что въ немъ, по выраженію св. Исаака, ничто не отдѣляется одно отъ другаго инаковостію образа, а все—единый Христосъ (Сл. 55, стр. 377), то-есть человѣкъ здѣсь все созерцаетъ во Христѣ, со Христомъ и чрезъ Христа; съ другой стороны, простота созерцанія выражается и въ томъ, что при этомъ созерцаніи не бываетъ ничего, что отдѣляло бы его отъ его предметовъ,—не бываетъ, то-есть, необходимости въ изслѣдованіяхъ, умственныхъ соображеніяхъ и умозаключеніяхъ, вопросахъ, чувственныхъ образахъ. „Какъ внѣшнія чувства не вслѣдствіе обученія и вопросовъ ощущаютъ соприкосновенныя съ ними вещи и естества, но каждое чувство естественно, а не съ помощію вопросовъ, ощущаетъ встрѣчающуюся ему вещь, потому что нѣтъ ученія, посредствующаго между ощущающимъ и ощущаемымъ: слѣпому сколько ни говори о славѣ солнца и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоцѣнныхъ вещей,—онъ и пріемлетъ, и судитъ, и представляетъ красоту, какую имѣютъ они, только по названію: такъ подобнымъ образомъ представляй себѣ о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполнѣ созерцаетъ славу Христову и не спрашиваетъ и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра, превыше свободы воли, соразмѣрно горячности вѣры и надежды на Христа“. (Сл. 55, стр. 376—377; сн. сл. 49, стр. 314—315). Такой человѣкъ, какъ стоящій въ самой области познанія истины, не имѣетъ нужды усвоять себѣ истинъ вѣры размышленіемъ, соображеніями ума или чте-

ніемъ Слова Божія. Такъ какъ въ его сердцѣ, вмѣсто закона Писаній, укорененены заповѣди Духа, то и учится онъ не самъ собою или у посторонних учителей, но у Самого Духа, который открываетъ ему сокровенное (Сл. 58, стр. 450—451). Вслѣдствіе этого, умъ его, въ своемъ созерцаніи, со всею свободою переносится отъ одного предмета къ другому, переходя отъ созерцанія въ изумленіе (Сл. 21, стр. 145—151). Не нуждается такой человѣкъ и въ чувственныхъ образахъ. „Въ какой мѣрѣ тѣло освобождается отъ вещественныхъ узъ, въ такой освобождается и умъ. И въ какой мѣрѣ умъ освобождается отъ узъ попеченій, въ такой просвѣтляется; а въ какой просвѣтляется, въ такой же утончается и возвышается надъ понятіями вѣка сего, насящаго образы дебелости. И тогда умъ научается созерцать въ Богѣ, подобно Ему, а не какъ видимъ мы“. (Сл. 39, стр. 241; сн. сл. 58, стр. 452. Сл. 81, стр. 566—567. Сл. 80, стр. 563—565). Въ соотвѣтствіе двумъ тѣлеснымъ очамъ, въ человѣкѣ, стоящемъ на этой степени, открываются два духовныя ока. „Однимъ окомъ онъ видитъ тайны Божественной славы, сокровенныя въ существахъ міра (въ естествахъ), то-есть силу, премудрость Божію и вѣчное помышленіе о насъ,—видитъ взаимное отношеніе между тварями (Сл. 82, стр. 567; сн. сл. 55, стр. 378—379),—видитъ, не входя въ подробныя наблюденія надъ ихъ жизнію и не дѣлая соображеній и выводовъ, а прямо, непосредственно. Отъ этого просвѣтленнаго, благодатнаго взора не могутъ укрыться ни души человѣческія, ни природа безплотныхъ духовъ. „Представляю тебѣ доказательство,—говоритъ св. Исаакъ,—при истин-

ности свидѣтельствующаго ясное, разумѣю блаженнаго Аѳанасія Великаго, который въ сочиненіи объ Антоніи Великомъ говоритъ: „Великій Антоній, стоя однажды на молитвѣ, увидѣлъ чью-то душу, возносимую съ великою честію, и ублажилъ сподобившагося такой славы“; блаженный же сей былъ Аммунъ изъ Нитріи; а та гора, на которой жилъ св. Антоній, отстояла отъ Нитріи на 30 дней пути“. „Души,—говоритъ еще св. отецъ,—пока осквернены и омрачены, не могутъ видѣть ни другъ друга, ни себя самихъ; а если очистятся и возвратятся въ въ древнее состояніе, въ какомъ созданы, то ясно будуть видѣть три чина: чинъ низшій ихъ—демоновъ, чинъ высшій — Ангеловъ, и другъ друга въ своемъ чинѣ. И не потому, что измѣнятся въ тѣлесный видъ эти существа, увидятъ тогда Ангеловъ ли то, или демоновъ, или другъ друга; напротивъ, увидятъ въ самомъ естествѣ и въ духовномъ чинѣ. А если скажешь, что невозможно быть видимому демону или Ангелу, если они не измѣнятся, не примутъ на себя видимаго образа,—то сіе будетъ значить, что видитъ уже не душа, а тѣло. Но въ такомъ случаѣ, какая нужда въ очищеніи?“ (Сл. 17, стр. 100 — 105). „Другимъ же окомъ человѣкъ созерцаетъ славу святаго естества Божія, когда благоволитъ Богъ ввести его въ духовныя таинства и въ умѣ его отверзть дверь вѣры“ (Сл. 82, стр. 567—568). Это особенное состояніе души человѣческой.

Нравственныя отношенія человѣка-христіанина.

Другія черты, которыми св. отецъ точнѣе опредѣляетъ вообще созерцаніе третьей степени, слѣдующія: созерцаніе это онъ называетъ *духовнымъ*

видѣніемъ, по причинѣ его простоты, и говоритъ, что „пока человѣкъ не отречется отъ *видѣнія душевнаго* и отъ всякихъ изворотовъ, тонкостей и многосложныхъ его способовъ (т.-е. соображеній и изслѣдованій ума, посредствомъ которыхъ онъ обыкновенно отыскиваетъ истину) и не поставитъ себя въ младенческій образъ мыслей, до тѣхъ поръ онъ не можетъ хотя мало приблизиться къ вѣдѣнію духовному". Разуму нужно освободиться отъ помысловъ многихъ *) (отъ разсудочнаго анализа) и прійти въ единую простоту чистоты, чтобы ощущать духовное вѣдѣніе". (Сл. 49, стр. 311—313. Сл. 5, стр. 36—37). Вслѣдствіе такого состоянія разума человѣческаго, „въ этомъ ощущеніи,—продолжаетъ св. Исаакъ,—рождается *иная вѣра*, не противная вѣрѣ отъ слуха (каковая была на второй степени), но утверждающая ту вѣру, — *вѣра созерцательная*, которая поглощаетъ вѣдѣніе душевное и рождаетъ оное снова, такъ что всецѣло становится оно духомъ". (Сл. 84, стр. 573—574; сн. сл. 28, стр. 188—194). Вообще, значитъ, вѣдѣніе человѣка, на этой третьей степени, и умъ его достигаетъ такой высоты, что не прибѣгаетъ уже къ обыкновеннымъ способамъ познанія истины, а знаетъ все непосредственно и гораздо больше того, до чего могъ бы дойти при обыкновенныхъ своихъ соображеніяхъ и вѣрѣ отъ слуха, — достигаетъ *простоты созерцанія*, которою обладалъ первозданный человѣкъ до своего паденія. Обладая такимъ вѣдѣніемъ, простотою созерцанія, человѣкъ имѣетъ совершенно другой взглядъ, отличный отъ прежняго, и на себя само-

---

*) Припомнимъ, какимъ созданъ человѣкъ и какъ онъ палъ, по ученію откровенія: *Богъ создалъ человѣка праваго, тіи же взыскаша помысловъ многихъ*.

го, и на ближнихъ своихъ, и на Бога, и на міръ видимый; а вслѣдствіе этого и отношенія его ко всѣмъ этимъ предметамъ измѣняются.

а)—Къ себѣ самому.

Въ отношеніи къ себѣ самому человѣкъ, на этой степени, уже не занимается самоиспытаніемъ и разборомъ своихъ помысловъ и поступковъ. (Сл. 25, стр. 172—173). Прежде онъ строго наблюдалъ за скромностію, во всѣхъ своихъ членахъ; теперь забываетъ придавать своимъ членамъ видъ благочинія (Сл. 89, стр. 600). Прежде высчитывалъ каждый глотокъ пищи, чтобы не дозволить себѣ неумѣренности; теперь вовсе не обращаетъ вниманія на то, ѣстъ ли онъ или не ѣстъ: „Авва Сисой,—разсказываетъ св. Исаакъ,—дошелъ до того, что спрашивалъ ученика своего: ѣлъ ли я или нѣтъ?“ (Сл. 21, стр. 142). Такой человѣкъ уже не заботится о себѣ, но связуется изумленіемъ и молчаніемъ и не имѣетъ возможности снова возвратиться къ способамъ своего вѣдѣнія и употребить ихъ въ дѣло, чтобы иначе, при ихъ противленіи, не лишиться Божія промышленія, которое втайнѣ неусыпно надзираетъ надъ душой, печется о ней и непрестанно преслѣдуетъ ее всѣми способами. Онъ не доходитъ уже до такого безстыдства, чтобы снова испрашивать у Бога въ молитвахъ: „дай мнѣ это“, или: „возьми у меня то“; но когда приступаетъ къ молитвѣ, онъ не смѣетъ и не знаетъ даже, о чемъ молиться, а только молчитъ всѣми своими помышленіями, ожидая одной милости и того изволенія, какое изыдетъ о немъ отъ лица достопокланяемаго величія... И осмѣливается только такъ го-

ворить: „По волѣ Твоей, Господи, да будетъ со мною". (Сл. 25, стр. 173. Сл. 48 въ концѣ). Мало этого. „Ему хотѣлось бы, если можно, отъ самого себя погрузиться внутри себя, войти въ безмолвіе и вселиться въ немъ, всецѣло оставивъ всѣ свои прежнія мысли и чувствованія, содѣлаться чѣмъ-то какъ бы не существующимъ въ твари, не пришедшимъ еще въ бытіе, вовсе незнаемымъ даже самой душѣ своей" (Сл. 48, стр. 306). Правда, „онъ вѣдѣніемъ души своей ежечасно увеселяется и дивится красотѣ своей, которая дѣйствительно во сто разъ блистательнѣе свѣтлости солнечной"; но въ этомъ случаѣ онъ созерцаетъ красоту души своей не какъ свою, а какъ красоту твари Божіей, *доброю зѣло* (Сл. 8, стр. 56). Кратко сказать, онъ смиряется. Но это смиреніе не то, что на второй степени: тамъ человѣкъ старается смиряться, смиряется по расчету, такъ какъ видитъ для себя пользу смиренія и вредъ гордости, которая кроется въ немъ; здѣсь онъ смиряется по простотѣ, естественно и безъ принужденія, потому что вовсе не обращаетъ на себя вниманія и не занимается разборомъ того, что онъ дѣлаетъ, будучи совершенно убѣжденъ, что все въ немъ совершаетъ Богъ, предъ Которымъ онъ ничто. Потому-то св. Исаакъ говоритъ: „Того, кто смиренномудръ при воспоминаніи грѣхопаденій и проступковъ и памятуетъ оные, пока не сокрушится его сердце и умъ его при воспоминаніи о нихъ, не низойдетъ съ высоты горделивыхъ помысловъ,—мы не назовемъ смиренномудрымъ, хотя и сіе похвально; потому что есть въ немъ горделивый помыслъ и не пріобрѣлъ онъ смиренія, а ухищренно приближаетъ его къ

себѣ. Совершенно смиренномудръ тотъ, кто не имѣетъ нужды мудрованіемъ своимъ изобрѣтать причины къ смиренномудрію, но во всемъ этомъ совершенно и естественно пріобрѣлъ смиреніе безъ труда, какъ человѣкъ, который пріялъ въ себя нѣкое дарованіе великое и превышающее всю тварь и природу, но который на себя смотритъ, какъ на грѣшника, на человѣка ничего не значущаго и презрѣннаго въ собственныхъ глазахъ“ (Сл. 53, стр. 341—342).

б)—Къ ближнимъ.

Обращаясь къ ближнимъ, онъ не различаетъ между ними злыхъ и добрыхъ; для него всѣ хороши, какъ твари Божіи, и никто не представляется ему нечистымъ и оскверненнымъ. Такимъ образомъ само собой у такого человѣка исполняется и слово Апостола, по которому мы должны всѣхъ равно отъ искренняго сердца *честію большихъ творити* (Фил. 3, 3), и слова пророка, *что доброе око не узритъ зла* (Аввак. 1, 13). (Сл. 21, стр. 141—142). Потому-то такой человѣкъ, когда его оскорбляютъ и обижаютъ другіе, бываетъ отъ всей души убѣжденъ, что такъ и должно быть, что онъ, должно быть, заслужилъ это; не возмущается, не говоритъ ничего въ свою защиту, но принимаетъ клевету, какъ истину, не старается увѣрять другихъ, что онъ оклеветанъ, но искренно проситъ прощенія. (Сл. 56, стр. 401—402. Сл. 58, стр. 445). Такъ поступилъ, напр., св. Макарій Великій, когда оклеветанъ былъ блудницею: онъ какъ будто призналъ себя виновнымъ въ этомъ дѣлѣ и предоставилъ самому Богу защитить свою невинность, и дѣйствительно послѣ

чудесно оправданъ и болѣе прежняго прославленъ. Съ другой же стороны, по той же самой причинѣ, такой человѣкъ ни предъ кѣмъ ни унизится, такъ какъ для него всѣ равны, всѣ созданія Божіи. О человѣкоугодіи здѣсь и рѣчи и помину не можетъ быть (Сл. 38, стр. 235).

в)—Къ Богу.

Въ отношеніи къ Богу человѣкъ здѣсь пріобрѣтаетъ непрестанное памятованіе о Немъ и непрестанную молитву, которая „тогда и въ сонномъ, и въ бодрственномъ состояніи его не пресѣкается въ душѣ его; но ѣстъ ли, пьетъ ли, спитъ ли, дѣлаетъ ли что, даже и въ глубокомъ снѣ, безъ труда, издаются сердцемъ его благоуханія и испаренія молитвы. Тогда молитва не отлучается отъ него, но всякій часъ, хотя и безмолвствуетъ во внѣшности его, однакоже въ то же время совершаетъ въ немъ службу Божію втайнѣ. Ибо молчаніе чистыхъ одинъ изъ Христоносныхъ мужей называетъ молитвою; потому что помыслы ихъ суть Божественныя движенія; а движенія чистаго сердца и ума суть кроткіе гласы, которыми сокровенно воспѣваютъ Сокровеннаго“ (Сл. 21, стр. 152). Такимъ образомъ помыслъ о Богѣ, постоянно будучи присущъ уму человѣка, естественно и безъ принужденія, связываетъ собою всѣ движенія его ума и сердца, такъ что всѣ они становятся одинаково чистыми, святыми и Божественными. Человѣкъ вездѣ и во всемъ видитъ Бога. Поэтому онъ не отличаетъ собственной самодѣятельности отъ содѣйствія Божія. По его мысли, *Богъ дѣйствуетъ* имъ и въ немъ *и еже хотѣти и еже дѣяти* (Сл. 25, стр. 172—173.)

г)—Къ видимому міру.

Обращаясь къ видимой природѣ, человѣкъ не отличаетъ въ ней законовъ естественныхъ отъ сверхъестественныхъ. Для него *все* въ ней—*дѣла Божіи*, совершающіяся по законамъ Божественнымъ, каковы бы они ни были. Чрезъ это становится онъ выше естественныхъ способовъ самосохраненія и употребленія вещей видимаго міра. Онъ не боится ничего разрушительнаго для естества, какъ не боится Бога, Который положилъ законы для естества и Котораго постоянно созерцаетъ своимъ умомъ. Эта вѣра, при которой онъ видитъ во всемъ дѣйствіе Бога, „укрѣпляетъ его душевныя чувства, и онъ ощущаетъ при этомъ, что какъ будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страшныхъ и невыносимыхъ для чувствъ". Потому онъ, когда нужно, идетъ въ огонь или ходитъ по водамъ, не колеблясь въ помыслѣ опасеніемъ сгорѣть или утонуть. „Онъ дѣлается свободенъ и самовластенъ и, какъ Сынъ Божій, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ. Нерѣдко онъ можетъ все производить и изъ несущаго" (Сл. 49, стр. 313; сн. сл. 25, стр. 174—180).

Какъ же выражается жизнь человѣка на этой степени и что она такое вообще?

Какъ дѣятельная жизнь человѣка на второй степени имѣетъ предѣломъ своимъ чистоту сердца, такъ созерцательная жизнь его на третьей степени имѣетъ своимъ предѣломъ духовную молитву, высшее состояніе, до котораго человѣкъ только можетъ достигнуть въ этой жизни (Сл. 16, стр. 89). Св. отцы,—замѣчаетъ св. Исаакъ,—это состояніе по большей части обозначаютъ именемъ *духовной мо-*

литвы. „Наименованіе *молитвы* этому состоянію дается потому, что умъ путеводится къ оному блаженству отъ молитвы, и потому, что молитва бываетъ причиною его, какъ показываютъ отеческія писанія (Сл. 16, стр. 95—99); *духовною* же этого рода молитва называется потому, что это названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ предмету, который имъ обозначается, такъ какъ въ духовной молитвѣ жизнь человѣка достигаетъ самой высшей степени простоты и духовности, до которой могутъ возвышаться очень немногіе. „Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное и достигшій душевной чистоты; такъ изъ тысячи найдется развѣ одинъ, при великой осторожности сподобившійся достигнуть чистой молитвы. Чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе, сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божіей, находится изъ рода въ родъ“ (Сл. 16, стр. 91—92),—говоритъ св. Исаакъ Сиринъ. Но есть и еще высшее этого состояніе, слѣдующее за этою духовною молитвою. Къ этому послѣднему состоянію, по ученію св. Исаака, человѣкъ переходитъ отъ молитвы, чрезъ двѣ ея степени: молитвенное услажденіе и молитвенное созерцаніе. „Послѣднее въ такой мѣрѣ выше перваго, въ какой совершенный человѣкъ выше несовершеннаго отрока. Иногда стихи дѣлаются сладостными въ устахъ, и стихословіе одного стиха, въ молитвѣ, неисчетно продолжается, не дозволяя переходить къ другому стиху; и молящійся не знаетъ насыщенія. Иногда же отъ молитвы рождается нѣкое созерцаніе, и прерываетъ оно устную мо-

литву, и молящійся въ созерцаніи изумѣваетъ, цѣпенѣя тѣломъ. Такое состояніе называемъ мы молитвеннымъ созерцаніемъ". Но и это созерцаніе все еще не молитва: потому что умъ не переступилъ туда, гдѣ нѣтъ уже молитвы,—въ такое состояніе, которое выше молитвы. Что же бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ переступитъ этотъ предѣлъ?—Наступаетъ уже духовное созерцаніе и высшее видѣніе. „Здѣсь да умолкнуть всякія уста и всякій языкъ; да умолкнетъ и сердце, этотъ распорядитель помысловъ,—и умъ, этотъ правитель чувствъ,—и мысль, эта быстропарящая и безстыдная птица, и да прекратится всякое ихъ ухищреніе. Здѣсь да остановятся ищущіе, потому что пришелъ Домовладыка". Вошедши въ эту сокровенную клѣть, человѣкъ оказывается не имѣющимъ „ни молитвы, ни движенія, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошенія, ни вожделѣнія, ни услажденія чѣмъ-либо изъ уповаемаго въ сей жизни или въ будущемъ вѣкѣ. Излишними для него становятся и чувства тѣлесныя, и силы душевныя; потому что его душа, по непостижимому единству, содѣлывается подобною Божеству и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта. Забываетъ онъ и самого себя, и все здѣшнее и не имѣетъ въ себѣ движенія ни къ чему. Посему нѣкто съ увѣренностію осмѣливается сказать, что свобода воли путеводитъ и приводитъ въ движеніе, посредствомъ чувствъ, всякую совершаемую добродѣтель и всякій чинъ молитвы, въ тѣлѣ ли то или въ мысли, и даже самый умъ, этого царя страстей. Когда же управленіе и смотрѣніе Духа возгосподствуетъ надъ умомъ, этимъ правителемъ чувствъ и помысловъ,—тогда

отъемлется у природы свобода, и умъ путеводится, а не путеводитъ. И гдѣ тогда будетъ молитва, когда природа не въ силахъ имѣть надъ собою власти, но иною силою путеводится, сама не зная куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось, но овладѣвается въ этотъ часъ плѣнившею ее силою и не чувствуетъ, гдѣ путеводится ею? Тогда человѣкъ не будетъ имѣть и хотѣнія; даже, по свидѣтельству Писанія, не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ или кромѣ тѣла (2 Кор. 12, 2). И будетъ ли уже молитва въ томъ, кто столько плѣненъ и не сознаетъ самъ себя? Поэтому было бы дерзостію утверждать, что можетъ человѣкъ молиться духовною молитвою, какъ хочетъ. И св. Павелъ говоритъ, что восхищеніемъ восхищенъ былъ, а не произвольно восшелъ умомъ своимъ въ созерцаніи до третьяго небесе. Написалъ, что видѣлъ созерцанія: сказалъ, что слышалъ глаголы; но какія были словеса или образы созерцаній, того не могъ написать. Ибо когда духомъ откровеній видѣлъ это на своемъ мѣстѣ, тогда не пріялъ заповѣди изречь это не на своемъ мѣстѣ. А если бы и захотѣлъ изречь, то не могъ бы; потому что видѣлъ это не тѣлесными чувствами. Что умъ пріемлетъ тѣлесными чувствами, то ими же можетъ опять и изъяснить въ области тѣлесной; а что ощутительно созерцаетъ, или слышитъ, или чувствуетъ внутри себя, въ области духовной,—того, когда возвращается къ тѣлу, неспособенъ пересказать, а только воспоминаетъ, что видѣлъ *это*; но какъ видѣлъ, не умѣетъ повѣдать *ясно*" *) (Сл. 16, стр. 89—99).

*) Чтобы болѣе и яснѣе сдѣлать понятнымъ это состояніе человѣка, св. Исаакъ представляетъ примѣръ изъ жизни одного св. подвижника. „Въ ту

Вотъ какое дивное измѣненіе происходитъ съ человѣкомъ, когда онъ по ступенямъ добродѣтелей входитъ наконецъ въ созерцаніе, гдѣ его пріемлетъ въ себя міръ новый, несложный. (Сл. 55, стр. 376). Поистинѣ, это вышеестественное состояніе!

Общее заключеніе:

Смыслъ нравственнаго ученія преп. Исаака Сирина.

„Вотъ три способа вѣдѣнія, съ которыми сопряжено все теченіе человѣка въ тѣлѣ, въ душѣ и въ духѣ! Съ того времени, какъ начинаетъ человѣкъ различать зло отъ добра, и пока не изведенъ онъ изъ міра сего, вѣдѣніе души его пребываетъ въ сихъ трехъ мѣрахъ. И полноту всякой неправды и нечестія, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всѣхъ тайнъ духа, производитъ единое вѣдѣніе въ сказанныхъ трехъ мѣрахъ, и въ немъ заключено всякое движеніе, когда восходитъ онъ или нисходитъ въ добрѣ, или во злѣ,

---

ночь,—разсказываетъ о себѣ этотъ подвижникъ,—которую стою до утра, засыпаю съ псалмопѣніемъ; а по пробужденіи отъ сна, въ день этотъ бываю какъ бы человѣкомъ не принадлежащимъ къ этому міру; никакіе земные помыслы не приходятъ мнѣ на сердце, и не имѣю нужды въ опредѣленныхъ правилахъ, но цѣлый этотъ день бываю въ изумленіи. Такъ въ одинъ день хотѣлъ я принять пищу, по прошествіи предъ тѣмъ четырехъ дней, въ которые ничего не вкушалъ. И когда сталъ я на вечернюю службу, чтобы послѣ оной вкусить, и стоялъ на дворѣ келліи моей, между тѣмъ какъ солнце было еще высоко: начавъ службу, только въ продолженіе первой славы совершалъ оную съ сознаніемъ, а послѣ того пребывалъ въ ней, не зная, гдѣ я, и оставался въ этомъ положеніи, пока не взошло опять солнце въ слѣдующій день и не согрѣло лица моего. И тогда уже, какъ солнце начало сильно безпокоить меня и жечь мнѣ лице, возвратился ко мнѣ умъ мой, и вотъ увидѣлъ я, что насталъ уже другой день, и возблагодарилъ Бога, размышляя, сколько благодать Его преизливается на человѣка, и какого величія сподобляетъ Онъ идущихъ во слѣдъ Его“ (Сл. 31 стр. 208–209).

или въ среднемъ между добромъ и зломъ. Первая степень вѣдѣнія охлаждаетъ душу для дѣлъ шествія къ Богу. Вторая согрѣваетъ душу для скораго теченія къ тому, что на степени вѣры. Третья же степень есть упокоеніе отъ дѣланія (что есть образъ будущаго состоянія) въ единомъ упражненіи ума, наслаждающагося тайнами будущаго *). Но какъ естество не можетъ еще совершенно возвыситься надъ состояніемъ омертвѣнія и тяготою плоти и усовершиться въ ономъ духовномъ вѣдѣніи, которое выше другаго уклоняющагося вѣдѣнія: то и вѣдѣніе это не въ состояніи и послужить къ совершенству, не имѣющему недостатка, и быть въ мірѣ мертвости, и совершенно оставить естество плоти. Но пока человѣкъ живетъ во плоти, остается онъ въ переходномъ отъ одного къ другому состояніи. То вдругъ душа его, какъ убогій и нищій, начинаетъ совершать служеніе свое на второй, средней, степени добродѣтели, какая вложена въ естество и можетъ быть произведена при помощи естества тѣлеснаго; то пребываетъ, подобно пріявшимъ Духа сыноположенія, въ таинствѣ свободы, наслаждается духовною благодатію, по достоинству Дающаго оную: то снова возвращается къ смиренію дѣлъ своихъ, и даже падаетъ, но снова и возстаетъ (Сл. 28, стр. 188—190). „И сіе-то св. Макарій,—говоритъ св. Исаакъ,—съ великою предусмотрительностію и рачительностію яв-

---

*) На первой степени главная дѣятельность—умъ, но умъ не озаренный вѣрою; на второй степени главная дѣятельность—воля, просвѣтленная вѣрою; на третьей степени—сердце, одушевленное всецѣлою любовію. Поэтому на первой степени человѣка можно назвать человѣкомъ ума; на второй степени—человѣкомъ воли и дѣятельности; на третьей—человѣкомъ сердца и созерцанія.

ственно написалъ на память и въ наставленіе братіямъ, чтобы, во время измѣненія въ противное, не впадали они въ отчаяніе; потому что и со стоящими на степени чистоты, какъ съ воздухомъ охлажденіе, нерѣдко приключаются паденія, между тѣмъ какъ нѣтъ въ нихъ нерадѣнія или послабленія себѣ. Измѣненія, говоритъ, въ каждомъ бываютъ, какъ въ воздухѣ. Выразумѣй же это слово: *въ каждомъ*; потому что естество одно; и, чтобы ты не подумалъ, будто бы онъ сказалъ это о низшихъ и худшихъ, совершенные же свободны отъ измѣненія и неуклонно стоятъ на одной степени, безъ страстныхъ помысловъ, какъ утверждаютъ евхиты,—сказалъ поэтому: *въ каждомъ*. Самъ Богъ хочетъ измѣненія, чтобы человѣкъ яснѣе могъ видѣть и то, до какой степени онъ можетъ унижаться при своемъ немощномъ и способномъ къ уклоненію отъ правды естествѣ,—и то, до какой высоты онъ можетъ досязать, какъ скоро ему содѣйствуетъ Божественная благодать. Устоять при измѣненіи—дѣло не человѣка, а благодати Божіей; отъ него требуется только ревностная борьба и, въ случаѣ паденія, искреннее желаніе возстать". (Сл. 46, стр. 284 и дал.).

Современное значеніе и приложеніе этого ученія къ жизни и дѣлу.

Мы кончили свою задачу—изложили въ порядкѣ „нравственное ученіе преподобнаго Исаака Сирина". При изложеніи своемъ мы старались у него же найти исходный пунктъ или задачу его ученія,—самый порядокъ и внѣшнее выраженіе его; посему жертвовали, по мѣстамъ, строго-логическою послѣ-

довательностію и ясностію выраженія въ своемъ сочиненіи. Это послѣднее мы по необходимости допустили для того, чтобы какъ можно точнѣе выразить именно его, а не другое чье-либо ученіе. Что же въ заключеніе должны сказать объ этомъ ученіи? Какой оно имѣетъ для насъ интересъ и значеніе? Нельзя не замѣтить, что ученіе св. Исаака, разсматриваемое *само въ себѣ*, отличается: а) обширностію взгляда на человѣка, какъ существо нравственное,—б) довольно вѣрнымъ пониманіемъ души человѣческой и опредѣленнымъ выраженіемъ ея жизни и дѣятельности въ различныхъ состояніяхъ,—в) глубиною мысли и г) православіемъ во всѣхъ отношеніяхъ.

а) При внимательномъ взглядѣ на ученіе св. Исаака, само собою открывается, что онъ смотритъ на человѣка, какъ на члена великаго царства Божія,—члена, составляющаго высокое звено въ этомъ царствѣ,—члена, поставленнаго между двумя мірами: духовнымъ—высшимъ и вещественнымъ—низшимъ его. Есть, по ученію св. Исаака, самая тѣсная связь между этими мірами; самый строгій порядокъ и послѣдовательность должны существовать между существами этихъ міровъ; каждое изъ нихъ, а слѣдовательно и человѣкъ, должно стоять на своемъ мѣстѣ, по плану Божественнаго домостроительства. Но человѣкъ, какъ существо разумно-свободное, можетъ уклоняться отъ чина своего, какъ и уклонился въ паденіи, и уклоняется; но, вслѣдствіе искупительнаго возстановленія, можетъ и долженъ стоять опять на своемъ мѣстѣ. Чѣмъ правильнѣе жизнь человѣка, тѣмъ тѣснѣе и дружественнѣе связь между его душою и мірами, соприкосновенными ей,

и, наоборотъ, чѣмъ неправильнѣе жизнь души, тѣмъ непріязненнѣе отношеніе между существомъ человѣка и другими мірами, такъ что, если человѣкъ, въ чистотѣ души, умирится самъ съ собою, то съ нимъ примирятся небо и земля; если же, погрязая въ нечистотѣ, человѣкъ враждуетъ съ самимъ собою, то съ нимъ враждуетъ и природа, преждевременно разрушая тѣлесный составъ его, — враждуетъ и міръ высшій невидимымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ вліяніемъ своимъ, и здѣсь еще наказывая его и уготовляя достойное возмездіе по смерти. Таковъ взглядъ св. Исаака на міръ Божій и на существо человѣка, какъ члена великаго царства Божія. Указавши тѣсную связь между мірами и мѣсто въ нихъ человѣка, св. Исаакъ вмѣняетъ чрезъ то послѣднему въ непремѣнную обязанность заботиться о стяжаніи чистоты души, приводящей ее къ правильному отношенію ко всѣмъ остальнымъ существамъ великаго царства Божія.

б) Ученіе св. Исаака носитъ на себѣ печать точности и опредѣленности настолько, насколько вѣрна и опредѣленна, въ глазахъ св. отца, дѣйствительная дѣятельность души человѣческой. Такимъ образомъ, раскрывая ученіе о жизни нравственной, на основаніи дѣятельности души, проявляющейся въ опытѣ, и согласно съ изображеніемъ ея въ Божественномъ откровеніи, св. отецъ представляетъ какъ бы зеркало, въ которомъ всякій ясно можетъ видѣть себя. Онъ представляетъ всевозможныя состоянія нравственной жизни и дѣятельности души человѣческой и, показывая, что есть человѣкъ, чѣмъ онъ долженъ быть, предлагаетъ опытныя правила для перехода изъ одного состоянія въ другое

и такое или другое состояніе души ставитъ признакомъ такой или иной степени нравственной жизни.

в) Съ точностію и опредѣленностію взгляда на существо и жизнь души человѣческой у св. отца соединяется особенная глубина мысли. Глубоко св. Исаакъ понялъ душу человѣческую во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ состоянія ея подъ вліяніемъ тѣла, до состояній на высшей степени совершенства. Притомъ, въ каждомъ состояніи, въ грѣховномъ, добродѣтельномъ и созерцательномъ, онъ разсматриваетъ не видимую только сторону, но проникаетъ глубину души и, на основаніи ея движеній, наблюдаетъ, какъ грѣхъ разрушаетъ естественное состояніе души и какъ добродѣтель способствуетъ къ развитію ея до высшаго совершенства, какъ грѣхъ поражаетъ ту или другую способность души и какъ добродѣтель очищаетъ ту или другую силу ея отъ поврежденія грѣховнаго и т. под. Все у св. подвижника основано на глубокомъ познаніи души. По всему видно, что онъ наблюдаетъ собственныя движенія души, пріобрѣвъ вѣдѣніе о тѣхъ тайнахъ ея, которыя передаетъ другимъ.

г) Наконецъ, ученіе св. Исаака во всѣхъ отношеніяхъ православно, согласно съ Божественнымъ откровеніемъ, ученіемъ Церкви и здравымъ разумомъ.

Повидимому, св. отецъ, не къ чести обыкновеннаго ума человѣческаго, даетъ ему самое ничтожное значеніе на первой степени вѣдѣнія, называя его „голымъ вѣдѣніемъ“; но и Слово Божіе учитъ, и опытъ свидѣтельствуетъ, что умъ человѣческій, въ теперешнемъ его состояніи грѣховномъ, безъ

вѣры, дѣйствительно имѣетъ небольшое значеніе, и то только для временной жизни. Стоитъ только обратить вниманіе на вѣковыя усилія ума человѣческаго въ изысканіи истины,—усилія, оканчивавшіяся, какъ извѣстно, большею частію ничѣмъ, до тѣхъ поръ, пока не дано было человѣческому роду Божественное откровеніе, освѣтившее ему его изысканія и указавшее истину,—и мысль св. отца о небольшомъ значеніи ума человѣческаго, предоставленнаго самому себѣ, явится вполнѣ справедливою.

На жизнь человѣка св. Исаакъ смотритъ совершенно иначе, чѣмъ смотрѣли на нее и теперь иногда смотрятъ люди, задающіеся великимъ вопросомъ: рѣшить независимо отъ Божественнаго откровенія, что такое и въ чемъ жизнь человѣка. Напрасно такіе мудрецы хотѣли поставить призваніе человѣка то въ наслажденіи жизнію, то въ тупомъ и холодномъ презрѣніи и отвращеніи отъ нея, то въ непрерывномъ прогрессѣ къ усовершенствованію и въ безостановочномъ движеніи ея во всемъ впередъ, то въ слѣпомъ и страдательномъ подчиненіи ея неизбѣжному теченію и ходу, то смотрѣли на жизнь, какъ на неразрѣшимое противорѣчіе, нескончаемую борьбу, неразъяснимую тайну, то—какъ на зло, несчастіе, страданіе, пустую и глупую шутку, даръ случайный и напрасный, то какъ на иллюзію и безсмыслицу, то какъ на механическій процессъ, по извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ непрестанно, но безцѣльно движущійся, и проч. и пр. Всѣ эти взгляды на жизнь сами въ себѣ несостоятельны и не мирятся ни съ опытомъ, ни съ здравымъ разумомъ, ни съ Словомъ Божіимъ.

Не такъ смотритъ на жизнь св. Исаакъ, основавшій свой взглядъ на Словѣ Божіемъ, ученіи св. отцевъ и собственномъ опытѣ. Жизнь человѣческая, по воззрѣнію св. Исаака, есть отраженіе жизни Божественной, какъ и самъ человѣкъ есть образъ Божій. Душа человѣческая сама ясно сказываетъ о своемъ назначеніи. Какъ бы ни глубоко палъ человѣкъ,—въ немъ остается неискоренимое стремленіе къ идеаламъ истины, добра и блаженства. Человѣкъ въ душѣ предпочитаетъ истину, а часто лжетъ: любитъ добро, а дѣлаетъ зло: ищетъ мира и блаженства, и всегда остается неудовлетвореннымъ и недовольнымъ. Такъ дѣйствительность жизни человѣческой далеко не соотвѣтствуетъ ея идеальнымъ стремленіямъ. Ясный признакъ, что жизнь человѣческая находится въ ненормальномъ состояніи, уклонилась отъ отъ своего прямаго пути. Каково было это первоначальное, теперь идеальное, состояніе человѣческой жизни, и какъ въ ней совершилось уклоненіе отъ ея прямаго пути? Св. Исаакъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ библейскимъ ученіемъ о паденіи человѣка, о наслѣдственной нравственной порчѣ человѣческой природы, перешедшей отъ родоначальника человѣчества на всѣхъ его потомковъ, и указываетъ человѣку возможность, по искупленіи, достигнуть не только первоначальнаго состоянія, но и высшаго совершенства. Человѣкъ до тѣхъ поръ былъ святъ и блаженъ, пока находился въ союзѣ съ своимъ первообразомъ—Богомъ. Нарушивъ этотъ союзъ, человѣкъ отпалъ отъ истины, добра и блаженства и своевольно исказилъ свою природу. Божественное откровеніе и самое противорѣчіе, замѣчаемое въ

человѣческой жизни, т.-е. непрестанное противорѣчіе между истиной и ложью, добромъ и зломъ, правдой и неправдой, красотой и безобразіемъ и т.-п., свидѣтельствуютъ, что этотъ великій и несчастный нравственный переворотъ дѣйствительно произошелъ въ человѣческой природѣ. Что остается человѣку дѣлать въ этомъ несчастномъ положеніи? Въ человѣкѣ сохранились черты образа Божія, хотя разбитыя, разрозненныя и искаженныя, сохранилась въ немъ и главнѣйшая черта первобытнаго состоянія—стремленіе къ своему Первообразу. Поэтому человѣкъ не удаленъ совершенно отъ источника свѣта и блаженства въ вѣчную область мрака, лжи, зла и страданія. Онъ оставленъ жить среди міра Божьяго, окруженный со всѣхъ сторонъ знаменіями Божіей мудрости и любви, чрезъ посредство которыхъ онъ можетъ, хотя косвеннымъ и отдаленнымъ путемъ, входить въ нѣкоторое общеніе съ Первоисточникомъ истины, добра и блаженства, по крайней мѣрѣ стремиться къ нему. Душа человѣческая желаетъ и ищетъ чистаго идеала — чистой истины безъ примѣси заблужденія,—совершеннаго добра, не парализуемаго зломъ, полнаго счастія и блаженства, не возмущаемаго страданіями. Но природа человѣческая сама по себѣ оказывается такъ безсильною къ осуществленію своего идеала, что человѣкъ даже и представить себѣ не можетъ этого идеала въ ясномъ свѣтѣ. Ужели же идеальное стремленіе человѣка такъ и остаться должно неудовлетвореннымъ? Нѣтъ. Сердце человѣка не оставляетъ надежды на достиженіе идеала, хотя никакой умъ человѣческій не можетъ сказать человѣку, какъ же возможно достигнуть его. Сама по себѣ, при настоящихъ усло-

віяхъ, природа человѣческая не можетъ выйти изъ своего ненормальнаго состоянія и возвратиться къ первобытному совершенству и блаженству. Но ей дана Божественная помощь въ искупленіи, ей дана Божественная благодать и всѣ Божественныя силы къ животу и благочестію. Такимъ образомъ положенъ начатокъ къ возстановленію и преображенію въ нетлѣніе и безсмертіе падшей, растлившейся грѣхомъ и сдѣлавшейся смертною, чрезъ грѣхъ, природы человѣческой. Такъ возстановленъ и возвышенъ когда-то нарушенный человѣкомъ тѣснѣйшій союзъ духа человѣческаго съ его первообразомъ — Богомъ. Здѣсь разрѣшеніе глубочайшей и важнѣйшей тайны жизни человѣческой. Здѣсь свѣтлый исходъ глубочайшимъ задушевнымъ чаяніямъ и стремленіямъ человѣческой природы. И это вполнѣ согласно съ нашимъ понятіемъ о Божественной мудрости и любви и съ глубочайшими потребностями и стремленіями самой человѣческой природы. Хотя сверхъестественное дѣло спасенія нашего вполнѣ непонятно нашему уму, но по крайней мѣрѣ оно не неестественно, не противуестественно, т.-е. нисколько не противно нашимъ представленіямъ о природѣ Божественной и человѣческой.

Но спасеніе обѣщается человѣку Богомъ не безъ участія собственной свободы человѣка. Само Божественное откровеніе, согласно съ свидѣтельствомъ сознанія человѣческаго, признаетъ свободу человѣка фактомъ до того положительнымъ и непоколебимымъ, что считаетъ ее, такъ сказать, неприкосновенною для самой всемогущей воли Божіей. Богъ, однажды даровавъ человѣку свободу, не можетъ опять

отнять ее у него. Богъ Самъ не можетъ направить отъ зла къ добру и спасти человѣка противъ его собственной воли. Это совершенно согласно съ убѣжденіемъ самого человѣка. Итакъ, отъ человѣка требуются подвиги, борьба съ грѣхомъ, чтобы получить приготовленное для него спасеніе отъ Бога. Впрочемъ, въ дѣлѣ спасенія со стороны человѣка не требуется какихъ-либо необычайныхъ и непосильныхъ для него подвиговъ: а требуется именно то, чего требуетъ сама человѣческая природа и ея настоящее состояніе,—требуется, чтобы человѣкъ глубже вникнулъ въ себя самого и свою жизнь, глубже созналъ ея ненормальное состояніе, созналъ съ сокрушеніемъ сердца, какъ того требуетъ самое дѣло, живѣе почувствовалъ стремленіе выйти изъ этого ненормальнаго состоянія, призналъ недостаточность собственныхъ силъ къ этому выходу и живѣе почувствовалъ, поэтому, потребность благодатной Божественной помощи къ своему спасенію. Тогда самые, повидимому, невыносимые подвиги, тяжкое для развращенной природы человѣка иго Божіе, сдѣлаются для него игомъ благимъ и легкимъ, т.-е. дѣломъ самымъ сроднымъ его природѣ. Борьба человѣка съ грѣхомъ здѣсь дѣлается уже не безсмысленною борьбою, кто знаетъ изъ-за чего и для чего, но борьбою сознательною и разумною, съ цѣлію очистить свою природу и поставить ее въ нормальное состояніе. Такая борьба не можетъ быть горькою, мрачною, безотрадною, а дѣлается сладкою, свѣтлою, вожделѣнною. При искреннемъ и твердомъ стремленіи къ спасенію, съ помощію благодатной силы Божіей, человѣку, даже и при настоящихъ ненормальныхъ условіяхъ

жизни, дается въ извѣстной степени чувствовать постепенное освобожденіе отъ этихъ ненормальныхъ условій и возвращеніе къ первобытному нормальному состоянію. Подвижникъ вѣры и благочестія христіанскаго, даже въ настоящей жизни, среди окружающей его тьмы заблужденій и предразсудковъ, страстей и пороковъ, ненависти и неправды, духовнаго безсилія и рабства, страданія и ропота, благодатію Божіею и своими подвигами возвышается до невообразимой для другихъ людей высоты чистаго, духовнаго разумѣнія, нравственнаго совершенства, внутренней свободы духа, господства надъ требованіями чувственности и условіями самой внѣшней природы, безмятежнаго внутренняго мира, довольства и блаженства. Однакожъ, при неидеальныхъ условіяхъ жизни, не обѣщается человѣку здѣсь идеальнаго состоянія, не обѣщается рая на землѣ и полнаго совершенства въ настоящей жизни, потому что нѣтъ здѣсь условій для этого. Какъ бы ни былъ нравственно высокъ, святъ и совершенъ человѣкъ, но, пока онъ носитъ плоть, пока живетъ въ настоящей жизни, онъ не можетъ быть совершенно свободенъ отъ условій поврежденной природы,—онъ можетъ и заблуждаться, и падать нравственно, и изнемогать подъ тяжестію болѣзней и страданій, и впадать въ малодушіе и ропотъ, и т. под.

Вотъ воззрѣніе преп. Исаака на жизнь человѣческую! Какъ оно во всѣхъ отношеніяхъ православно, какое здѣсь вѣрное пониманіе природы человѣческой, какъ жалки и ничтожны предъ нимъ всѣ иныя суемудренныя воззрѣнія на жизнь человѣческую! Кромѣ того, что всѣ они поверхно-

стны, односторонни, узки, многія изъ нихъ даже мрачны, жестки, тяжки и обидны для человѣческаго достоинства, опасны для человѣческой нравственности. Міровоззрѣніе св. Исаака въ высшей степени свѣтло, отрадно, жизненно для человѣческой природы. Предъ его просвѣтленнымъ благодатію и собственнымъ духовнымъ опытомъ взглядомъ на жизнь, душа человѣческая—не какая-нибудь функція матеріи, а благородное духовное начало жизни личной, дыханіе Духа Божія: жизнь человѣчества—не процессъ усовершенствованія условій только этой жизни, здѣшняго бытія,—но развитіе, воспитаніе, совершенствованіе для жизни будущей, гдѣ оно должно дойти до извѣстной мѣры, до совершенства Божественнаго, какъ указалъ Спаситель рода человѣческаго: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48). Правда, св. Исаакъ не чуждъ былъ своего времени и заплатилъ нѣкоторую дань ему. У него по мѣстамъ проглядываетъ и мистицизмъ, общій всѣмъ восточнымъ отцамъ-подвижникамъ, составляющій ихъ характеристическую черту, отличающую ихъ отъ западныхъ отцевъ болѣе практическаго направленія. Есть у него также преобладающій элементъ аскетическій, окрашивающій писанія и другихъ его современниковъ. Но, во всякомъ случаѣ, мистицизмъ у него именно только въ немногихъ мѣстахъ; вообще же онъ, примыкая къ школѣ антіохійской, отличавшейся болѣе реальнымъ направленіемъ предъ школою александрійскою, стоялъ на почвѣ исторической дѣйствительности: аскетизмъ у него не подавляющій и убивающій, а вызываемый самою жизнію, дѣйствительно испорченною

вслѣдствіе паденія и требующею для своего исправленія иногда и крутыхъ мѣръ.

Во всякомъ случаѣ, основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ св. Исаака, особенно тамъ, гдѣ онъ описываетъ третью степень вѣдѣнія и гдѣ онъ говоритъ, напр., о смиреніи, доходящемъ до желанія какъ бы уничтоженія своего существованія, объ изумѣваніи и изступленіи и пр.,—основываясь, говоримъ, на этихъ выраженіяхъ, нельзя уличить св. отца въ приверженности къ воззрѣніямъ восточной философіи вообще и въ частности въ брамаизмѣ. Тамъ вся нравственность человѣка направляется къ тому, чтобы жестокимъ, чрезвычайнымъ аскетизмомъ убить въ себѣ все человѣческое, и имѣетъ своею цѣлію погруженіе въ лоно безконечной субстанціи, или въ нирвану; поэтому, если человѣческая душа и признается тамъ негибнущею, то все же теряетъ свою личность, или же, по крайней мѣрѣ, является такою же неопредѣленною и зыбкою, какъ и личность самого первосущества; человѣческая душа, по этой философіи, можетъ нисходить до ступени души животной и растительной или, постепенно очищаясь и возвышаясь, сливается со всеобщею душою міра. Словомъ, тамъ чистый пантеизмъ. Ничего подобнаго нѣтъ у св. Исаака: у него помянутыя выраженія взяты изъ опытовъ дѣйствительной нравственной жизни, испытанныхъ, конечно, имъ самимъ. Вѣдь мы же, находясь, напр., лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, далеко превосходящимъ насъ по своимъ качествамъ духовнымъ, нравственно, такъ сказать, уничтожаемся предъ нимъ; какъ же не уничтожиться въ смиреніи предъ Существомъ Высо-

чайшимъ—Богомъ, если мы ясно представимъ и себя и Его? Еще: развѣ человѣку не свойственно изумѣвать или приходить въ изступленіе предъ такими явленіями, которыя превышаютъ его понятія? Какъ же не изумѣвать и не приходить ему въ изступленіе при представленіи о Богѣ, Существѣ неизмѣримо высокомъ? Аскетизмъ св. Исаака весь направленъ не къ тому, чтобы убить, а, напротивъ, къ тому, чтобы дать истинную жизнь существу человѣка, убитому грѣхомъ, очистить его и привести къ созерцанію неприступной славы Божіей, поставить личность человѣческую въ правильное отношеніе къ Богу, какъ Существу тоже личному. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобныя состоянія, какъ изумѣваніе, изступленіе и под., по словамъ св. Исаака, испытываютъ здѣсь очень немногіе, развѣ „одинъ изъ вѣка въ вѣкъ“. А что дѣйствительно человѣкъ можетъ это испытывать, на это св. Исаакъ приводитъ въ примѣръ св. Ап. Павла, а, можетъ быть,—какъ мы и сказали уже,—и самъ доходилъ до подобныхъ состояній, такъ какъ онъ самъ говоритъ, что пишетъ на основаніи опыта.

Еще менѣе находимъ возможности заподозривать св. Исаака въ гностицизмѣ, основываясь на томъ, что онъ, согласно съ гностиками, допускаетъ три степени вѣдѣнія. Ученіе гностиковъ ему было извѣстно, потому что ихъ родина, такъ же, какъ и его, была Сирія, и онъ могъ заимствовать у нихъ формы для изложенія своего ученія, такъ какъ и они приноравливались въ своемъ ученіи къ формамъ христіанскаго ученія. Но въ этихъ однѣхъ и тѣхъ же формахъ излагается совершенно различное ученіе. У св. Исаака, какъ мы видѣли, ученіе во

всѣхъ отношеніяхъ православное, согласное съ Словомъ Божіимъ, ученіемъ Церкви и здравымъ разумомъ; а у гностиковъ—только ереси и заблужденія. У гностиковъ—дуализмъ: душа человѣка—произведеніе добраго начала, а тѣло—произведеніе начала злаго: у св. Исаака человѣкъ—существо цѣльное, дѣло рукъ Божіихъ, и только грѣхъ произвелъ въ немъ нѣкоторое раздвоеніе, которое онъ, предписывая свои правила, старается устранить и такимъ образомъ привести къ цѣльному единству и къ первоначальному состоянію.

Нравственное ученіе преподобнаго Исаака Сирина имѣетъ нѣкотораго рода значеніе и для самой науки нравственнаго богословія. Конечно, въ этомъ ученіи нѣтъ ничего новаго ни по формѣ, ни по содержанію, что могла бы заимствовать наука; но психологическій элементъ, которымъ проникнуто все нравоученіе св. отца, много значитъ и для науки настоящаго времени. Недавно одинъ богословъ нашъ, въ статьѣ своей: „Задача нравственнаго богословія, какъ науки“, рѣшая вопросъ, почему у насъ нравственное богословіе считается наукою „скучною и отличается особенною безцвѣтностію своего содержанія“,—въ числѣ стихій научнаго свойства, могущихъ оживить эту науку, поставляетъ—прежде всего—расширеніе и усиленіе въ ней психологическаго элемента (Хр. Чт. Мартъ 1868 г.). Еще прежде этого, другой нашъ богословъ дѣлалъ уже попытки описать нравственно-христіанскую жизнь человѣка именно съ психологической точки зрѣнія. Онъ описываетъ состояніе души и всѣхъ ея способностей у человѣка-грѣшника и состояніе тѣхъ же душевныхъ способностей у чело-

вѣка праведнаго (Письма о хр. жизни. Выпускъ 3-й, стр. 381—609) и, описывая это, во многихъ мѣстахъ пользуется именно ученіемъ св. Исаака Сирина. Далѣе, „для богослова-нравоучителя необходимо глубоко изучить и знать жизнь со всѣмъ разнообразіемъ человѣческихъ проявленій, со всѣми изгибами страстныхъ движеній, со всею глубиною различныхъ импульсовъ, которые движутъ человѣческою дѣятельностію, чтобы воспользоваться, какъ должно, этими богатыми матеріалами“, —говорится въ той же статьѣ: „Задача нравственнаго богословія, какъ науки“. А у св. Исаака довольно и этого матеріала для нравственнаго богословія. По нашему мнѣнію, если бы начала нравственнаго ученія преподобнаго Исаака пополнить новыми психологическими свѣдѣніями, добытыми наукою послѣ него, если бы его воззрѣніе на жизнь добавить вновь выработанными долговременными опытами христіанскихъ нравоучителей о томъ же предметѣ, если бы упростить его языкъ и изложить его ученіе въ болѣе систематическомъ порядкѣ: то изъ этого ученія вышла бы цѣлая система опытно христіанскаго правоученія, имѣющая великое нравственно-воспитательное значеніе для всякаго православнаго христіанина. Такая система была бы прекраснымъ „введеніемъ“ въ нравственное богословіе; потому что, воспитывая христіанина, какъ члена великаго царства Божія, ученіе св. Исаака имѣетъ цѣлію (практически-нравственнымъ путемъ) утвердить человѣка въ любви къ Богу, которая служитъ исходнымъ началомъ науки нравственнаго богословія. А воспитывая такимъ образомъ отдѣльныя христіанскія личности, нравственное богословіе св.

Исаака могло бы имѣть огромное вліяніе на воспитаніе, направленіе и цѣлаго христіанскаго общества, которое слагается изъ отдѣльныхъ личностей.

Кромѣ того, система нравственнаго ученія св. Исаака по справедливости можетъ назваться вполнѣ православною, отличною отъ другихъ христіанскихъ нравственныхъ системъ, напримѣръ католической или протестантской. Извѣстно, что католичество, въ теченіе всей своей исторіи, съ самаго начала развитія папства и до настоящаго времени, несмотря на самыя настойчивыя требованія послѣдняго, образуетъ съ обществомъ два враждебные другъ другу лагеря, между которыми лежитъ цѣлая бездна, и примиреніе коихъ не предвидится. Католичество ведетъ войну съ обществомъ; свое вліяніе на него обнаруживаетъ гнетомъ и деспотизмомъ, вмѣшивается во всѣ гражданскія дѣла, часто беретъ на себя иниціативу революціонныхъ движеній, чтобы добиться какихъ-либо исключительныхъ привилегій для себя собственно, среди народныхъ неурядицъ ищетъ для себя выгодъ; навязываетъ обществу законы, непонятные для него, и требуетъ казни за несоблюденіе этихъ законовъ. Нравственно-воспитательное вліяніе здѣсь простирается на массу, а не на отдѣльныя личности. Протестантство, напротивъ, идетъ рука объ руку съ обществомъ; оно принимаетъ его новыя идеи безъ всякаго противорѣчія, а иногда развиваетъ ихъ еще въ большую крайность, чѣмъ какой достигаютъ философскія системы; на ряду съ обществомъ оно проходитъ всѣ степени мистицизма, скептицизма, индифферентизма, невѣрія; оно способно мѣнять свое содержаніе и внѣшнюю оболочку всякій разъ,

какъ измѣняется въ обществѣ преобладаніе научныхъ теорій и взглядовъ на жизнь: оно нераздѣльно отъ общества, но зато не имѣетъ подъ собою никакой религіозной почвы; религія въ его глазахъ также измѣнчива, какъ измѣнчива всякая общественная и личная идея; оно не отстаетъ отъ общества ни на шагъ въ развитіи новыхъ идей: но, не имѣя твердаго религіознаго принципа, оно почти не имѣетъ религіозно-нравственнаго вліянія на общество, — и все это оттого, что и здѣсь немыслимо всегда одинаковое нравственно-христіанское воспитаніе личностей. При этомъ католичество и протестантство одинаково, разъ принявши данное направленіе, идутъ каждое своей дорогой, съ полною послѣдовательностію, къ какимъ бы грустнымъ результатамъ ни приводила ихъ эта послѣдовательность. При взглядѣ на православіе, дѣло представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ. Православіе никогда не бываетъ въ разладѣ съ обществомъ и устраняетъ всякую наружную борьбу съ нимъ, оно обращается къ нему съ нравственно-христіанскимъ ученіемъ и живою любовію и больше не имѣетъ у себя никакихъ орудій; но, съ другой стороны, оно и не дружится съ нимъ до пожертвованія для него своихъ вѣковѣчныхъ началъ; оно не падко на новыя идеи прогресса, но въ то же время оно близко и къ интересамъ общественнымъ. Такимъ образомъ, оно между двумя крайностями—католичествомъ и протестантствомъ, занимаетъ средину, и разница его, въ этомъ отношеніи, отъ католичества и протестантства громадная. Такъ, по отношенію къ дѣятельности воспитанія, православіе имѣетъ въ виду первѣе всего отдѣльное лицо. Зная

свое призваніе, вѣрно очертивши себѣ кругъ дѣятельности, стремясь къ тому, чтобы пересоздать понятія, взгляды и жизнь людей, православіе медленно, нечувствительно, но прочно группируетъ около себя кружокъ людей, преданныхъ ему, осуществляющихъ его взгляды самымъ дѣломъ, сочувствующихъ ему не изъ-за выгодъ, а съ полнымъ безкорыстіемъ. И вотъ, когда этотъ кружокъ обниметъ собою значительное количество личностей, когда онъ почувствуетъ свою силу,—тогда только начинается вліяніе его (православія) на общество, тогда только оно идетъ на помощь обществу, чтобы просвѣтить его христіанскими идеями, и сила его дѣйствительно бываетъ велика.

Православіе такъ практично и близко примѣнимо къ жизни, что безъ его христіанскаго идеала было бы невозможно правильное нравственно общественное развитіе.

Теперь понятнымъ становится, какъ необходимо для всякаго православнаго христіанина указанное нами практическое руководство для воспитанія въ истинно-христіанской, нравственно-религіозной жизни членовъ сперва великаго царства Божія, а затѣмъ, само собою, и членовъ всякаго благоустроеннаго общества. И именно необходимо такое *практическое*, а не другое какое-либо руководство для жизни христіанской. У насъ часто вообще, не исключая и нравственности христіанской, на христіанство смотрятъ, какъ на мысль, какъ на теорію, а не какъ на дѣло, не какъ на практику. Отъ этого не рѣдкость встрѣчать людей съ положительнымъ разладомъ мысли и дѣла. Часто является предъ нами, во всей выпуклости, фактъ, что отличный

богословъ совсѣмъ не умѣетъ жить такъ, какъ проповѣдуетъ. Подобное направленіе на обществѣ, не изучающемъ спеціально богословія, отзывается еще неблагопріятнѣе. Не видя въ христіанствѣ практическаго значенія для внутренняго своего развитія, оно часто пускается въ изысканіе новыхъ путей къ своему усовершенствованію, уклоняется въ сторону отъ христіанства, приравниваетъ его ко всѣмъ религіознымъ ученіямъ, какое бы происхожденіе они не имѣли, и тѣмъ часто скорѣе задерживаетъ истинный прогрессъ, чѣмъ содѣйствуетъ его развитію. Такимъ образомъ открывается все великое значеніе, для общественнаго развитія, раскрытія христіанства именно со стороны жизненной, нравственной, дѣятельной,—является необходимость выставленія этой стороны его на самый видный планъ. Здѣсь-то вся задача нравственнаго богословія. Будь такъ поставлено нравственно-христіанское ученіе въ христіанскомъ обществѣ, въ немъ никогда не могло бы явиться попытокъ созидать новыя теоріи лучшей жизни, не было бы нашихъ теорій гуманности, эмансипаціи, коммунизма, соціализма и т. п. Эти-то новыя теоріи, эти новыя мысли, быть можетъ, и вызвали недавно попытку представить христіанскому православному міру развитіе нравственно-христіанской жизни именно на началахъ преподобнаго Исаака Сирина, съ добавленіями изъ другихъ отцевъ Церкви, въ „Пути ко спасенію" или въ „Краткомъ очеркѣ аскетики" и въ „Словахъ о покаяніи и исправленіи жизни" преосвященнаго Ѳеофана, бывшаго епископа владимірскаго.

Таково значеніе нравственнаго ученія преподоб-

наго Исаака Сирина. Не напрасно это ученіе такъ сильно было распространено въ тѣ времена, когда болѣе всего заботились объ истинномъ нравственно-христіанскомъ воспитаніи, образованіи и провожденіи жизни *). Не напрасно оно всегда служило и служитъ руководствомъ и настольною книгою для людей, искавшихъ и ищущихъ истинно-христіанской жизни и дѣятельности **). Не напрасно люди, обращавшіе свое вниманіе на значеніе этого ученія для частной и общественной жизни, и съ ученой точки зрѣнія видѣли въ немъ глубокомысленнѣйшую философію ***).

---

*) Отъ XIV и XV вв. сохранилось у насъ множество славянскихъ списковъ поученій св. Исаака Сирина („Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ Рус. Исторіи въ связи съ ходомъ образованности", Кіев. Университет. извѣстія, февраль 1869 г.).

**) Напр. у иноковъ св. Аѳонской горы и нашихъ пустынно-общежительныхъ монастырей.

***) Сочиненія И. В. Кирѣевскаго. Ч. I. 199 стр. Труды Кіевск. духов. Академіи 1864 г. т. I стр. 399. „Два пути духовнаго развитія".

ПРЕПОДОБНЫЙ И БОГОНОСНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ

НИЛЪ,

ПОДВИЖНИКЪ СОРСКІЙ,

и уставъ его о скитской жизни.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

всѣмъ православнымъ — инокамъ, инокинямъ и ревнующимъ о благоговѣйномъ житіи мірянамъ; ибо «всѣмъ прикладно», то-есть полезно, нужно, «имѣти сіе», —говоритъ св. Нилъ о своемъ уставѣ.

Живешь ли отшельнически, или въ общежитіи: Внимай Святому Писанію и слѣдуй по стопамъ отцевъ или повинуйся тому, кто извѣстенъ какъ мужъ духовный—въ словѣ, жизни и разсужденіи....

(Слова преп. Нила Сорскаго).

Нѣкогда бл. Іеронимъ, собравъ изъ лучшихъ Евангельскихъ цвѣтовъ душистый вѣнокъ покаянія, послалъ его изъ пещеры Виѳлеемской къ другу своему—въ дальній шумный Римъ, совѣтуя возложить его на чело, а вмѣстѣ съ этимъ воспринять легкія крылья голубицы и полетѣть искать себѣ успокоенія у Господа—общаго всѣхъ Отца. Уставъ преподобнаго Нила, по составу своему, подобенъ вѣнку блаженнаго Іеронима. Изложивъ, какъ можно проще, яснѣе и точнѣе, сей высокій, созерцательно-практическій Уставъ, совѣтуемъ, по примѣру великаго учителя Церкви, любезнымъ нашимъ соотечественникамъ возложить его на чело свое, какъ душистый вѣнокъ нашего Сорскаго отшельника, собранный имъ изъ лучшихъ святоотеческихъ цвѣтовъ, чтобы облагоухать ими внимательныхъ.

Жизнь преподобнаго Нила Сорскаго особенно замѣчательна, а творенія его въ высшей степени назидательны.

Преосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій, весьма сочувственно отзывается о жизни и особенно объ Уставѣ преп. Нила. „Какъ жизнь преп. Нила была жизнь особенная, говоритъ онъ, такъ не было еще дотолѣ въ русской Церкви и такого сочиненія, каковъ Уставъ скитской жизни пр. Нила. Уставъ, который составляютъ: предисло-

віе, одиннадцать наставленій и послѣсловіе—сочиненіе превосходное, по глубокому разумѣнію сокровенной духовной жизни, гдѣ довѣріе къ наставленіямъ подвижниковъ предварено довѣріемъ къ Слову Божію, и мысли льются испытанныя долгимъ опытомъ жизни... Наставленія пр. Нила о помыслахъ заключаютъ въ себѣ глубокія психологическія наблюденія надъ дѣйствіями души. Онъ разлагаетъ дѣло души на самыя мелкія, едва уловимыя части; показываетъ, какъ помыслъ изъ безгрѣшнаго постепенно переходитъ въ дѣйствія болѣе и болѣе виновныя". (Обзоръ русской духовной литературы, кн. 1, стр. 169—170).

Ближайшее знакомство съ твореніемъ преподобнаго Нила ясно показываетъ, что отзывъ преосвящ. Филарета вполнѣ справедливъ. Св. Нилъ—дѣйствительно *великій отецъ русской Церкви*, по своему подвижничеству и наставленіямъ. Примѣръ его жизни и его ученіе всегда могли и могутъ приносить громадную пользу.

Къ сожалѣнію, всѣ существующія изданія его жизни и твореній имѣютъ многіе недостатки; и потому для уразумѣнія его ученія необходимо все въ немъ привести въ ясность и изложить какъ можно проще и точнѣе для желающихъ поучаться у своего роднаго св. подвижника.

Преимущественнымъ предметомъ наставленій пр. Нила служитъ *сокровенная духовная жизнь*. Но вѣрно ли у насъ думаютъ, что сокровенная духовная жизнь относится только къ отшельникамъ, скитникамъ? Нѣтъ и нѣтъ: это дѣло, необходимое и для всѣхъ—не только иноковъ, но и мірянъ православныхъ, потому что всѣ мы въ крещеніи умерли для жи-

зни плотской и грѣховной,—возродились въ жизнь духовную, святую.

Поэтому желательно, чтобы Уставъ пр. Нила, ясно и точно изложенный въ одномъ стройномъ цѣломъ, былъ *настольною книгою* у всѣхъ русскихъ иноковъ, инокинь и ревнующихъ о благоговѣйномъ житіи христіанъ.

I.

Жизнь преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Нила Сорскаго.

Великій отецъ русской Церкви, по своему подвижничеству и наставленіямъ, учитель скитской простоты и созерцательной жизни, преподобный Нилъ, по прозванію Майковъ, родился въ 1433 году. О происхожденіи и мѣстѣ рожденія преп. Нила ничего не извѣстно. Но, безъ сомнѣнія, онъ былъ великороссіанинъ и, судя по его обширнымъ связямъ съ важными лицами и по высокому его образованію, надо полагать, что и самъ онъ принадлежалъ къ роду боярскому. Правда, св. Нилъ называетъ себя *невѣждою* и *поселяниномъ*,—но *невѣждою* онъ могъ назвать себя по глубокому смиренію, а *поселяниномъ* потому, что родился и жилъ въ отчинѣ своихъ предковъ, между сельскими обитателями.

Постриженіе въ монашество св. Нилъ получилъ и начало иноческой жизни полагалъ въ обители преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго.—Здѣсь онъ пользовался совѣтами умнаго и строгаго старца Паисія Ярославова, который потомъ былъ игуменомъ Сергіевой Свято-Троицкой Лавры и былъ пригла-

шаемъ въ митрополиты; но, по смиренію своему, отказался отъ этого великаго сана.

Проживъ въ Кирилловомъ Бѣлоозерскомъ монастырѣ нѣсколько времени, Нилъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сотрудникомъ монахомъ Иннокентіемъ, изъ рода бояръ Охлѣбининыхъ, путешествовалъ ко св. мѣстамъ на востокъ, чтобы въ опытахъ тамошнихъ подвижниковъ видѣть жизнь духовную: былъ онъ, по его словамъ, „на горѣ Аѳонской, въ странахъ цареградскихъ и другихъ мѣстахъ“.

Живя нѣсколько лѣтъ на Аѳонской горѣ и путешествуя по монастырямъ константинопольскимъ, св. Нилъ, въ это особенно время, напиталъ духъ свой наставленіями великихъ отцевъ пустынныхъ, которые путемъ внутренняго очищенія и непрестанной молитвы, совершаемой *умомъ въ сердцѣ*, достигали свѣтоносныхъ озареній Духа Святаго.

Преподобный Нилъ не только изучилъ умомъ и сердцемъ, но и въ жизнь и постоянное упражненіе обратилъ душеспасительные уроки богомудрыхъ отцевъ: Антонія Великаго, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макарія Великаго, Варсонофія, Іоанна Лѣствичника, аввы Дороѳея, Максима Исповѣдника, Исихія, Симеона новаго Богослова, Петра Дамаскина, Григорія, Нила и Филоѳея Синайскихъ. Потому-то изреченіями сихъ великихъ отцевъ и преисполнена его книга, называемая—„Преданіе о жительствѣ скитскомъ“.

Возвратясь въ Бѣлоозерскій монастырь, препод. Нилъ уже не хотѣлъ жить въ немъ, но построилъ себѣ келлію невдалекѣ отъ него, за оградою, гдѣ и жилъ недолгое время въ уединеніи. По-

томъ отошелъ за 15 верстъ отъ сего монастыря, на рѣку Сорку; водрузилъ здѣсь крестъ, — поставилъ сперва часовню и уединенную келлію и при ней выкопалъ колодезь; а когда собралось къ нему для сожитія нѣсколько братій, то построилъ и церковь. Обитель свою учредилъ онъ на особенныхъ отшельническихъ правилахъ, по образцу скитовъ Аѳонскихъ, почему она и названа *скитомъ*, а преподоб. Нилъ почитается основателемъ въ Россіи скитскаго житія, въ болѣе строгомъ и точномъ его устройствѣ.

Св. отцы-подвижники раздѣляли монашеское житіе на *три вида*: первый видъ — *общежитіе*, когда многіе иноки живутъ и подвизаются вмѣстѣ; второй видъ — *отшельничество*, когда подвизается одинъ инокъ въ уедпненіи; третій видъ — *скитничество*, когда инокъ живетъ и подвизается съ двумя или тремя братіями, при общей пищѣ и одеждѣ, при общемъ трудѣ и рукодѣліи. Этотъ-то послѣдній видъ монашескаго житія, какъ бы средній между двумя первыми, который св. Нилъ называлъ потому „царскимъ путемъ", и хотѣлъ онъ осуществить въ своемъ скитѣ.

Скитъ преподобнаго Нила имѣлъ сходство и съ монастырями нашими необщежительными, которые очень часто состояли изъ двухъ и трехъ иноковъ, иногда изъ пяти и десяти, тогда какъ въ скиту Нила, подъ конецъ жизни его, число скитниковъ возрасло даже до двѣнадцати; имѣлъ сходство и съ монастырями общежительными, ибо у скитниковъ общіе были и труды, и одежда, и пища. Но отличался Ниловъ скитъ отъ всѣхъ другихъ нашихъ обителей по внутреннему своему направленію, —

по тому *умному дѣланію*, которое должно было составлять главнѣйшій предметъ заботъ и усилій для всѣхъ скитниковъ.

Въ новомъ своемъ скиту преподобный продолжалъ изучать Божественное Писаніе и творенія св. отцевъ, устрояя по нимъ жизнь свою и учениковъ своихъ.

Исторію внутренней своей жизни отчасти открылъ самъ преподобный въ посланіи къ одному изъ своихъ близкихъ сподвижниковъ, по настоятельной его просьбѣ.—„Пишу къ тебѣ,—говоритъ онъ,—показывая себя: любовь твоя по Богѣ вынуждаетъ къ тому и дѣлаетъ меня безумнымъ, чтобы писать тебѣ о себѣ. Не просто и не по случаямъ надобно намъ поступать, а по Св. Писанію и по преданію святыхъ отцевъ. Удаленіе мое изъ монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ея.—Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божію и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступая такъ неправильно, мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное... Когда мы жили вмѣстѣ съ тобою въ монастырѣ, ты знаешь, какъ удалялся я мірскихъ связей и старался жить по Св. Писанію, хотя—по лѣности моей—и не успѣвалъ. По окончаніи странствованія моего, пришелъ я въ монастырь, и внѣ монастыря, вблизи его, устроивъ себѣ келлію, жилъ, сколько могъ. Теперь переселился я вдаль отъ монастыря, нашелъ, благодатіею Божіею, мѣсто по мыслямъ моимъ, мало доступное для мірскихъ людей, какъ самъ ты видѣлъ. Живя наединѣ, занимаюсь испытаніемъ духовныхъ писаній: прежде

всего испытываю заповѣди Господни и ихъ толкованіе—преданія Апостоловъ, потомъ—житія и наставленія св. отцевъ. О всемъ томъ размышляю, и что—по разсужденію моему—нахожу богоугоднаго и полезнаго для души моей, переписываю для себя. Въ этомъ жизнь моя и дыханіе. О немощи моей и лѣни возложилъ я упованіе на Бога и Пречистую Богородицу.—Если что случается мнѣ предпринимать и если не нахожу того въ Писаніи,—на время отлагаю въ сторону, пока не найду. По своей волѣ и по своему разсужденію не смѣю предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или въ общежитіи, внимай Святому Писанію и слѣдуй по стопамъ отцевъ или повинуйся тому, кто извѣстенъ какъ мужъ духовный—въ словѣ, жизни и разсужденіи... Святое Писаніе жестоко лишь для того, кто не хочетъ смириться страхомъ Божіимъ и отступить отъ земныхъ помышленій, а желаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не хотятъ смиренно испытывать Св. Писаніе, не хотятъ даже слышать о томъ, какъ слѣдуетъ жить, какъ будто Писаніе не для насъ писано, не должно быть исполняемо въ наше время. Но истиннымъ подвижникамъ и въ древнія времена, и въ нынѣшнія, и во всѣ вѣка слова Господни всегда будутъ словами чистыми, какъ очищенное серебро: заповѣди Господни для нихъ дороги болѣе, чѣмъ золото и каменья дорогіе,—сладки болѣе, чѣмъ медъ и сотъ“.

Новый путь жизни, избранный препод. Ниломъ, изумлялъ собою современниковъ его. Да и дѣйствительно, было чему изумляться, особенно для слабыхъ.

Мѣсто, которое избралъ для своего скита преподобный Нилъ, по свидѣтельству очевидцевъ его, было дико, мрачно, пустынно. Вся мѣстность скита—низменная и болотистая. Самая рѣчка Сорка, давшая свое имя угоднику Божію, едва тянется внизъ по теченію и похожа больше на болото, чѣмъ на текущую рѣку. И здѣсь-то подвизался русскій отшельникъ! Еще цѣлы: прудокъ, выкопанный преподобнымъ Ниломъ,—колодезь его трудовъ, съ превкусною водою, которую употребляютъ для исцѣленія,—одежда св. подвижника, волосья которой колются, какъ иглы.

Все скитское общество преподобнаго состояло изъ іеромонаха, діакона и 12-ти старцевъ; въ числѣ ихъ были — Діонисій, изъ князей Звенигородскихъ *), и Нилъ Полевъ, потомокъ князей Смоленскихъ, — оба вышедшіе изъ монастыря Іосифа Волоколамскаго: потому что св. Нилъ сіялъ тогда, какъ свѣтило, въ пустынѣ Бѣлоозерской.

Для устройства храма и усыпальницы, руками св. старца и его скитниковъ насыпанъ былъ на болотистой почвѣ высокій холмъ, а для нуждъ братій препод. Нилъ устроилъ на р. Соркѣ небольшую мельницу. Каждая келлія поставлена была на возвышеніи, и каждая отъ храма и отъ другой келліи — на разстояніи брошеннаго камня. Въ храмъ свой скитники, по примѣру восточныхъ, собирались только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ: а въ прочіе дни каждый молился и трудился въ своей келліи. Всенощная скитская бу-

*) Діонисій, когда жилъ въ монастырѣ Іосифа, въ хлѣбопекарнѣ, работалъ за двухъ, при этомъ пѣлъ 77 псалмовъ и творилъ по 3000 поясныхъ поклоновъ въ каждый Божій день.

квально продолжалась во всю ночь. Послѣ каждой каѳизмы предлагалось по три и по четыре чтенія изъ Отцевъ. Во время Литургіи пѣли только—трисвятую пѣснь, аллилуія, херувимскую и достойно: все прочее читалось протяжно — нараспѣвъ. По субботамъ въ братской усыпальницѣ совершалась общая панихида за упокой усопшихъ. Таковы были устройство скита и церковный уставъ преп. Нила Сорскаго! Относительно внѣшняго поведенія и дѣятельности, преп. Нилъ предписываетъ полную скитскую нестяжательность и простоту во всемъ. Необходимое для жизни велитъ пріобрѣтать только трудами рукъ своихъ, повторяя слова Апостола: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ.*

„Иноческая милостыня—помочь брату словомъ во время нужды, утѣшить въ скорби духовнымъ разсужденіемъ; душевная милостыня настолько выше тѣлесной, насколько душа выше тѣла. Если придетъ къ намъ странникъ, — успокоимъ его по силѣ, и если требуетъ хлѣба,—подадимъ ему и отпустимъ его“,—говорилъ преп. Нилъ.

Новая, дотолѣ невиданная на Руси, жизнь скитская, часто высказываемая душевная скорбь о порчѣ церковныхъ книгъ и стараніе, по возможности, исправлять ихъ, конечно возбуждали противъ преподобнаго неудовольствія; онъ терпѣливо шелъ своимъ путемъ и былъ въ уваженіи добрыхъ святителей и даже великихъ князей.

Преподобный Нилъ былъ на соборѣ о жидовствующихъ еретикахъ, въ 1491 году. Самъ ревнитель православія, архіепископъ новгородскій Геннадій, въ 1492 году, желалъ лично видѣть и слышать сужденія преп. Нила о предметахъ недоумѣній, по

дѣлу о нихъ. Даже великій князь содержалъ Нила Майкова и учителя его Паисія Ярославова въ великой чести. По окончаніи собора 1503 г. о вдовыхъ попахъ и діаконахъ, старецъ Нилъ, какъ имѣвшій доступъ къ самодержцу, по своей крѣпкой жизни и по великой добродѣтели, и какъ уважаемый самодержцемъ, предложилъ, чтобы не было селъ у монастырей, и жили бы монахи трудами рукъ своихъ. Съ ними согласны были всѣ Бѣлозерскіе подвижники.

Въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи преподобный Нилъ, заповѣдуя ученикамъ бросить тѣло его въ пустыни—въ пищу звѣрямъ, или закопать его въ яму съ презрѣніемъ, написалъ: „оно тяжко согрѣшило предъ Богомъ и недостойно погребенія“; а затѣмъ прибавилъ: „сколько въ моей силѣ было, старался я не пользоваться никакою честію на землѣ, въ этой жизни; такъ пусть будетъ и по смерти“. *).

Преподобный Нилъ скончался 7 мая 1508 г. Св. мощи преподобнаго почиваютъ подъ спудомъ, въ его пустыни.

II.

Сочиненія преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго.

Отъ преп. Нила Сорскаго дошли до насъ его посланія и Уставъ скитскаго житія.

Посланія преп. Нила имѣютъ предметомъ своимъ

*) И по смерти св. отецъ остался вѣренъ себѣ.—Такъ, когда, въ 1569 году, царь Іоаннъ Грозный хотѣлъ, по усердію своему, въ скиту преп. Нила на мѣсто деревяннаго построить каменный храмъ,—то св. Нилъ, явясь Іоанну, строго запретилъ ему строить такой храмъ.

внутреннюю подвижническую жизнь, о которой съ подробностію онъ изложилъ свои мысли въ Уставѣ скитскаго житія.—*Два посланія* св. Нилъ писалъ *къ* постриженнику своему *Кассіану*, бывшему князю Мавнукскому, который пришелъ въ Россію съ греческою царевною Софіею, служилъ нѣсколько времени бояриномъ у ростовскаго архіепископа Іоасафа и въ 1504 году скончался инокомъ въ Угличской обители. Въ одномъ изъ своихъ посланій св. старецъ учитъ Кассіана, какъ бороться съ помыслами, совѣтуя для того—молитву Іисусову, занятіе рукодѣліемъ, изученіе Св. Писанія, охраненіе себя отъ внѣшнихъ соблазновъ, и излагаетъ нѣкоторыя общія наставленія о послушаніи наставнику и прочимъ о Христѣ братіямъ,—о смиреніи, терпѣніи въ скорбяхъ, о молитвѣ за самыхъ враговъ и подоб. Во второмъ посланіи, воспоминая кратко о бѣдствіяхъ и скорбяхъ, претерпѣнныхъ Кассіаномъ отъ юности,—о его знатныхъ родителяхъ, его плѣненіи, переселеніи въ чужую землю. и желая его утѣшить, преподобный раскрываетъ ему изъ Св. Писанія, что скорби часто наводитъ Господь на любящихъ Его, что всѣ святые — пророки, апостолы, мученики—достигли спасенія путемъ страданій; указываетъ—въ частности—на Іова, Іеремію, Моисея, Исаію, Іоанна Крестителя и другихъ и выводитъ заключеніе, что если святые столько терпѣли, то тѣмъ болѣе должны терпѣть на землѣ мы—грѣшные,—что мы должны воспользоваться этими бѣдствіями и скорбями для очищенія себя отъ грѣховъ и своего спасенія. Въ *посланіи къ* другому ученику своему и сподвижнику—*Иннокентію*, основавшему уже тогда особую обитель, преп. Нилъ

кратко говоритъ о самомъ себѣ, о своей жизни вмѣстѣ съ нимъ въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ, о своемъ поселеніи, по окончаніи путешествія на востокъ, внѣ монастыря, объ основаніи своего скита, о своихъ постоянныхъ занятіяхъ Св. Писаніемъ, житіями св. отецъ и ихъ преданіями: а потомъ наставляетъ Иннокентія — исполнять заповѣди Господни, подражать житію святыхъ, хранить ихъ преданія и учить тому же свою братію. Еще *два посланія* писаны св. Ниломъ *къ неизвѣстнымъ инокамъ.* Въ одномъ изъ нихъ, весьма краткомъ, онъ заповѣдуетъ иноку — памятованіе смерти, скорбь о грѣхахъ, неисходное пребываніе въ келліи, смиреніе, молитву. Въ другомъ, довольно обширномъ, даетъ отвѣты на слѣдующіе четыре вопроса, предложенные какимъ-то старцемъ: какъ противиться блуднымъ помысламъ, — какъ побѣждать помыслъ хульный,—какъ отступить отъ міра и какъ не заблудить отъ истиннаго пути. Отвѣты эти, особенно на два первые вопроса, почти буквально помѣщаются въ Уставѣ скитскаго житія. Изъ содержанія посланій св. Нила видно, что его долго занимали и многимъ потребны были тѣ самыя мысли, которыя собраны и систематически изложены въ его Уставѣ скитскаго житія.

Самое драгоцѣнное, что намъ осталось послѣ Нила и что, конечно, пройдетъ еще сквозь рядъ столѣтій безсмертнымъ зерцаломъ житія иноческаго,— это его созерцательныя главизны, или скитскій Уставъ, достойный первыхъ временъ пустынножительства Египта и Палестины, ибо онъ проникнутъ духомъ Антонія и Макарія.

„*Уставъ скитскаго житія*“, или — „*Преданіе о жи-*

тельствѣ скитскомъ", есть главное и самое важное сочиненіе преп. Нила.—Въ предисловіи къ Уставу св. старецъ касается внѣшняго поведенія иноковъ,—говоритъ кратко о ихъ повиновеніи настоятелю, о трудахъ тѣлесныхъ, пищѣ и питіи, о принятіи странниковъ,—заповѣдуетъ соблюдать бѣдность и нищету не только въ келліяхъ, но и въ украшеніи храма, такъ чтобы въ немъ ничего не было ни изъ серебра, ни изъ золота,—запрещаетъ выходить изъ скита безъ воли настоятеля, впускать въ скитъ женщинъ, держать въ немъ отроковъ. Но въ самомъ Уставѣ св. отецъ разсуждаетъ уже исключительно объ умномъ, или мысленномъ, дѣланіи, подъ именемъ котораго разумѣетъ внутреннее, духовное подвижничество. Сказавъ предварительно словами Св. Писанія и св. отцевъ о превосходствѣ этого внутренняго дѣланія предъ внѣшнимъ, о недостаточности одного внѣшняго дѣланія безъ внутренняго, о необходимости послѣдняго не только для отшельниковъ, но и для живущихъ въ общежительныхъ монастыряхъ, преподобный Нилъ раздѣляетъ свой Уставъ на 11 главъ: Въ главѣ 1-й говоритъ о различіи мысленной брани; во 2-й—о борьбѣ съ помыслами; въ 3-й — о томъ, какъ укрѣпляться въ подвигѣ противъ помысловъ; въ 4-й излагаетъ содержаніе всего подвига; въ 5-й говоритъ объ осьми помыслахъ; въ 6-й — о борьбѣ съ каждымъ изъ нихъ; въ 7-й — о значеніи памятованія смерти и суда; въ 8-й — о слезахъ; въ 9-й — о храненіи сокрушенія; въ 10-й – о смерти для міра; въ 11-й—о томъ, чтобы все дѣлаемо было въ свое время. Всѣ сіи главы, впрочемъ, удобно подвести подъ *три отдѣла*.

1) Въ первыхъ четырехъ главахъ св. старецъ говоритъ вообще о сущности внутренняго подвижничества, или о нашей внутренней борьбѣ съ помыслами и страстями, и о томъ, какъ вести намъ эту борьбу, чѣмъ подкрѣплять себя въ ней, какъ достигать побѣды. 2) Въ пятой главѣ, самой важной и обширной, показываетъ—въ частности,—какъ вести намъ внутреннюю брань противъ каждаго изъ осьми грѣховныхъ помысловъ и страстей, отъ которыхъ рождаются всѣ прочіе, именно: противъ чревообъяденія, противъ помысла блуда, противъ страсти сребролюбія, противъ страсти гнѣва, противъ духа печали, противъ духа унынія, противъ страсти тщеславія, противъ помысловъ гордостныхъ. 3) Въ остальныхъ шести главахъ излагаетъ общія средства, необходимыя для успѣшнаго веденія духовной брани, каковы: молитва къ Богу и призываніе Его св. имени, памятованіе о смерти и о страшномъ судѣ, внутреннее сокрушеніе и слезы, охраненіе себя отъ злыхъ помысловъ, устраненіе себя отъ всякихъ попеченій, безмолвіе и, наконецъ, соблюденіе для каждаго изъ исчисленныхъ занятій и дѣйствій приличнаго времени и способа. Въ послѣсловіи преп. Нилъ говоритъ, съ какими расположеніями предложилъ онъ Уставъ свой.

„Многое почерпнулъ изъ писаній Ниловыхъ преп. Корнилій Комельскій, вскорѣ послѣ него подвизавшійся въ Кирилловѣ, въ свой иноческій уставъ; а собесѣдникъ Нила Иннокентій, собравшій воедино для своей общежительной обители 11-ть духовныхъ главъ блаженнаго своего учителя, называетъ его изящнымъ явленіемъ иночества въ наши времена, ревнителемъ духовныхъ отцевъ и гово-

ритъ, что онъ собралъ изъ богодухновенныхъ писаній сіи главизны, проникнутыя духовною ихъ мудростію, для спасенія душъ и въ образецъ житія иноческаго".

Всмотримся же и мы въ это *чистое зерцало подвижнической жизни*,—сдѣлаемъ изъ него извлеченіе, не опуская, впрочемъ, ни одной мысли его, относящейся къ дѣлу, и придерживаясь, гдѣ это будетъ нужно и возможно, самыхъ выраженій св. отца, чтобы, такимъ образомъ, изобразить, по возможности, его полное ученіе о жизни подвижнической, въ свое собственное назиданіе.

Введеніе.

Вводя своихъ учениковъ въ свое ученіе, преподобный Нилъ говоритъ въ этомъ краткомъ введеніи о мысленномъ дѣланіи вообще,—о томъ, кто имъ занимался, откуда оно заимствовано, какъ объ немъ думали св. отцы, для кого оно нужно, что для него нужно, съ какими чувствами имъ должно заниматься.

Мысленное дѣланіе есть размышленіе, богомысліе, созерцаніе и сердечная молитва, или—внутренняя бесѣда съ Господомъ.

Многіе св. отцы занимались этимъ и возвѣщали намъ о дѣланіи сердечномъ, о соблюденіи помысловъ и о храненіи душевномъ, въ различныхъ бесѣдахъ, какія внушены имъ были благодатію Божіею,—каждый по своему разумѣнію.

Дѣланію этому св. отцы научились отъ Самого Господа, заповѣдавшаго очищать внутреннее своего

сосуда, ибо отъ сердца исходятъ помыслы злые, оскверняющіе человѣка (Матѳ. 23, 26; 15, 18—19), и уразумѣли, что подобаетъ духомъ и истиною покланяться Отцу (Іоан. 4, 24). Памятовали они и слово апостольское: *аще молюся языкомъ* (т.-е устами только), *духъ мой* (т.-е. голосъ мой) *молится; умъ же мой безплоденъ есть. Помолюся убо духомъ, помолюся же и умомъ* (1 Кор. 14, 14. 15); и потому особенно тщательно заботились объ умной молитвѣ, по заповѣди того же Апостола: *хощу пять словъ умомъ моимъ рещи, нежели тму словъ языкомъ* (—ст. 19).

О внутреннемъ дѣланіи св. Агаѳонъ сказалъ, что „тѣлесное дѣланіе—внѣшняя молитва есть не болѣе, какъ листъ; внутреннее же, т.-е. умная молитва, есть плодъ, —а *всяко древо*, по страшному изреченію Господа, *не творящее плода*, т.-е. умнаго дѣланія, *посѣкаемо бываетъ и во огнь вмѣтаемо*: кто одними устами молится, а объ умѣ небрежетъ, тотъ молится на воздухъ, ибо Богъ уму внемлетъ“. Св. Варсонофій говоритъ: „если не внутреннее дѣланіе съ Богомъ поможетъ человѣку,—всуе труждается во внѣшнемъ“. Св. Исаакъ Сиринъ тѣлесное дѣланіе безъ духовнаго сравниваетъ съ неплодными ложеснами и изсохшими сосцами, ибо оно не приближается къ разумѣнію Бога. А Филоѳей Синаитъ повелѣваетъ молиться о такихъ инокахъ, которые по простотѣ не понимаютъ мысленной брани и потому нерадятъ о душѣ,—и внушать имъ, чтобы они, по той мѣрѣ, какъ дѣятельно удаляются отъ злыхъ дѣлъ, очищали бы и умъ свой, который есть око души, или зрительная сила ея.

Прежде бывшіе отцы не только въ пустынномъ безмолвіи соблюдали умъ свой и обрѣтали благо-

дать безстрастія и душевной чистоты, но многіе изъ нихъ, обитавшіе по городамъ въ своихъ монастыряхъ, какъ Симеонъ новый Богословъ и блаженный его учитель Симеонъ Студитъ, жившіе среди многолюднаго Царяграда, просіяли тамъ, какъ свѣтила, своими духовными дарованіями. То же извѣстно о Никитѣ Стифатѣ и о многихъ другихъ. Посему-то и блаженный Григорій Синаитъ, зная, что всѣ святые обрѣли благодать Духа чрезъ исполненіе заповѣдей, сперва чувственно, а потомъ духовно, велитъ поучать трезвенности и безмолвію, которыя суть охраненіе ума не однихъ только отшельниковъ, но и живущихъ въ общежитіи; ибо безъ сего чудное оное и великое дарованіе не обрѣтается,—сказали св. отцы. По замѣчанію Исихія, патріарха іерусалимскаго, „какъ невозможно жить человѣку безъ пищи и питія, такъ и безъ охраненія ума своего невозможно достигнуть духовнаго настроенія души, если даже и понуждаемъ себя не грѣшить, страха ради будущихъ мукъ". „Отъ истиннаго исполнителя заповѣдей Божіихъ требуется не только то, чтобы внѣшними дѣйствіями исполнялъ оныя, но чтобы и умъ и сердце свое сохранялъ отъ нарушенія того, что заповѣдано".

Для духовнаго дѣланія нуженъ опытный наставникъ въ немъ. Св. Симеонъ новый Богословъ съ опыта говоритъ,—„что многіе пріобрѣли сіе свѣтозарное дѣланіе посредствомъ наставленія, и рѣдкіе получили его прямо отъ Бога, усиліемъ подвига и теплотою вѣры, и что немалый подвигъ—обрѣсти себѣ наставленіе, не обольщающее насъ, т. е. человѣка, стяжавшаго опытное вѣдѣніе и духовный путь Божественнаго Писанія". Если же и тогда

уже—въ подвижническое время—трудно было обрѣсти нелестнаго наставника, то нынѣ—при духовномъ оскудѣніи—это еще труднѣе для нуждающихся въ немъ. Но если бы не нашелся наставникъ,—св. отцы повелѣли учиться отъ Божественныхъ Писаній, по слову Самого Господа: *испытайте писаній, и въ нихъ обрящете животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39). *Елика бо преднаписана быша*, въ Св. Писаніяхъ, *въ наше наказаніе преднаписашася*,—говоритъ св. Апостолъ (Рим. 15, 4).

Такъ св. отцы, подвизаясь тѣлесно, въ то же время и духовно воздѣлывали виноградъ своего сердца и, такимъ образомъ очистивъ умъ отъ страстей, обрѣтали Господа и снискивали разумъ духовный! Намъ же, разжигаемымъ пламенемъ страстей, повелѣли почерпать воду живую изъ источника Божественнаго Писанія, который можетъ угасить опаляющія насъ страсти и наставить на разумъ истинный. Посему и я,—говоритъ преп. Нилъ,—многогрѣшный и неразумный, собравъ нѣчто отъ Св. Писанія и то, что говорили намъ св. отцы, написалъ сіе для напоминанія самому себѣ, чтобы и самъ, нерадивый и лѣнивый, былъ дѣлателемъ сихъ, потому что доселѣ былъ пустъ отъ всякой добродѣтели, духовной и тѣлесной, и, какъ нѣкій рабъ, былъ купленъ неподобающими страстями, во всемъ себя покоривъ грѣху. Все сіе собралъ я не въ благодушіи своего здравія и не пользуясь тишиною безстрастія, но связанный самъ узами страстной болѣзни,—и не отъ себя, но отъ Св. Писанія, извлекая малое изъ многаго, какъ песъ, питающійся отъ крупицъ, падающихъ съ словесной трапезы Господей своихъ—блаженныхъ отцевъ,—да будемъ подражателями ихъ хотя вмалѣ.

Отдѣлъ первый.

Въ первомъ отдѣлѣ предлагается ученіе преп. Нила: 1) о различныхъ дѣйствіяхъ на насъ и движеніяхъ въ насъ помысловъ, съ которыми нужно вести мысленную брань, чтобы не дать имъ довести насъ до страсти; 2) о главныхъ способахъ, которые нужно противопоставить приражающимся помысламъ, и какъ дѣйствовать этими способами; 3) о томъ, какъ и чѣмъ укрѣплять себя въ подвигѣ противъ возстающихъ на насъ вражескихъ силъ. Въ заключеніе всего говорится о сущности всей дѣятельности и монашеской жизни.

1.

Св. отцы учатъ, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая побѣдою или пораженіемъ, происходитъ въ насъ различно: сперва возникаетъ представленіе помысла или предмета—*прилогъ;* потомъ принятіе онаго—*сочетаніе*; далѣе согласіе съ нимъ—*сложеніе*; за нимъ порабощеніе отъ него—*плѣненіе* и наконецъ—*страсть*.

Прилогъ.

Іоаннъ Лѣствичникъ, Филоѳей Синаитъ и другіе прилогомъ называютъ всякій простой помыслъ или воображеніе какого-либо предмета, внезапно вносимое въ сердце и предстоящее уму. Св. Григорій Синаитъ говоритъ, что „прилогъ есть происходящее отъ врага внушеніе: *дѣлай то или другое*, какъ это было сдѣлано Самому Христу Богу нашему: *рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ* (Матѳ. 4, 3); или, проще сказать,—это какая-либо мысль, пришедшая

человѣку на умъ. И, какъ таковой, прилогъ называютъ безгрѣшнымъ, не заслуживающимъ ни похвалы, ни осужденія, потому что онъ не зависитъ отъ насъ; ибо невозможно, чтобы не было приираженія къ намъ вражескихъ козней, послѣ того, какъ діаволъ съ бѣсами получилъ доступъ къ человѣку, за преслушаніе удаленному изъ рая и отъ Бога: въ этомъ состояніи удаленія онъ (діаволъ) можетъ уже колебать мысли и умъ всякаго,—говоритъ Симеонъ новый Богословъ. Развѣ одни совершенные и восшедшіе на высокую степень духовной жизни могутъ пребыть непоколебимыми, и то на время,—добавляетъ св. Исаакъ.

Сочетаніе.

Сочетаніемъ св. отцы называютъ собесѣдованіе съ пришедшимъ помысломъ, т.-е. какъ бы тайное отъ насъ слово къ явившемуся помыслу, по страсти или безстрастно; иначе: принятіе приносимой отъ врага мысли, удержаніе оной, согласіе съ нею и произвольное допущеніе пребывать ей въ насъ. Это св. отцы почитаютъ уже не всегда безгрѣшнымъ; но оно можетъ быть и похвально, если богоугодно разрѣшится. Богоугодно же разрѣшается такъ: если кто немедленно не отразитъ лукаваго помысла, но нѣсколько съ нимъ собесѣдуетъ—удержитъ его въ себѣ на нѣкоторое время, и врагъ уже будетъ налагать на него страстное помышленіе,—то пусть всячески старается противупоставить ему помыслы противные—благіе, или преложить его на благое. А какимъ средствомъ,—мы о томъ скажемъ впослѣдствіи.

Сложеніе.

Сложеніемъ св. отцы называютъ уже благосклонный отъ души пріемъ помысла, въ нее пришедшаго, или предмета, ей представившагося. Это бываетъ, напримѣръ, тогда, когда кто-либо порожденную врагомъ мысль или представленный отъ него предметъ приметъ, вступитъ съ нимъ въ общеніе—чрезъ мысленное разглагольствіе—и потомъ склонится или расположится въ умѣ своемъ поступить такъ, какъ внушаетъ вражій помыслъ. О вмѣняемости сего св. отцы разсуждаютъ примѣнительно къ той степени и мѣрѣ духовнаго возраста, въ коихъ находится подвизающійся. А именно: если кто достигъ нѣкотораго преуспѣянія и удостоился получить отъ Бога помощь и силу отрѣвать лукавые помыслы, но не отженетъ ихъ по лѣности и небреженію,—таковому сіе не безгрѣшно. Если же кто—новоначальный и къ отрѣянію прилоговъ и наведеній еще безсильный—склонится нѣсколько на сторону лукаваго помысла, но вскорѣ, раскаиваясь и зазрѣвая себя, исповѣдаетъ сіе Господу и призоветъ Его на помощь, по слову Божію: *исповѣдайтеся Господеви и призывайте имя Его* (пс. 104, 1),—то Богъ прощаетъ ему, по милосердію Своему, ради немощи его. Вотъ что сказали отцы о сложеніи мысленномъ,—объ уступкѣ, о склоненіи на сторону помысла: иногда кто-либо изъ подвизающихся хотя бываетъ побѣжденъ въ мысли, но корень ума его—въ глубинѣ сердца его—твердо стоитъ въ томъ, чтобы самымъ дѣломъ не согрѣшить и беззаконія не совершить. Это есть первый видъ сложенія. А второй видъ сложенія, по

словамъ св. Григорія Синаита, состоитъ въ слѣдующемъ: „когда кто волею своею принимаетъ отъ врага наносимыя мысли и, согласуясь и сдружаясь съ ними, побѣждается ими такъ, что уже не только не противоборствуетъ страсти, но и рѣшается все сдѣлать по внушенію ея, и если не исполняетъ своихъ рѣшеній на самомъ дѣлѣ, то не почему-либо другому, какъ только по неполученію на то времени или мѣста, или по иной причинѣ, не дозволяющей совершить преднамѣренное. Такое состояніе души весьма виновно и подлежитъ запрещенію“, т.-е церковной епитиміи.

Плѣненіе.

Плѣненіе есть невольное увлеченіе нашего сердца къ нашедшему помыслу или постоянное водвореніе его въ себѣ—совокупленіе съ нимъ, отчего повреждается наше доброе устроеніе. Въ первомъ случаѣ, когда умомъ твоимъ овладѣваютъ помыслы, и онъ насильно—противъ твоего желанія—уносится лукавыми мыслями,—ты вскорѣ, съ Божіею помощію, можешь удерживать его и возвращать къ себѣ и къ дѣлу своему. Второй случай бываетъ тогда, когда умъ, какъ бы бурею и волнами подъемлемый и отторженный отъ благаго своего устроенія къ злымъ мыслямъ, уже не можетъ прійти въ тихое и мирное состояніе. Это обыкновенно происходитъ отъ разсѣянности и отъ излишнихъ неполезныхъ бесѣдъ. Вмѣняемость въ этихъ случаяхъ *различна*, смотря по тому, когда и какъ помыслъ внѣдряется въ душу и дѣйствуетъ: во время ли молитвы—келейной или соборной, или не во время молитвословія,—средній ли то—безраз-

личный—не грѣховный помыслъ, или прямо—злый... Если умъ находится въ плѣну лукавыхъ помысловъ во время молитвы,—это очень виновно и осудительно, потому что во время молитвы умъ долженъ быть весь обращенъ къ Богу и внимать молитвѣ, отвращаясь всячески и всякихъ стороннихъ мыслей. Если же, не во время молитвы и въ необходимыхъ для жизни потребностяхъ, входятъ въ душу и въ ней остаются мысли,—то такое состояніе безгрѣшно, ибо и святые необходимое для жизни тѣлесной исполняли благословно и безвинно. Во всякомъ этого рода помыслѣ,—говорятъ отцы,—умъ нашъ, если соблюдаетъ себя въ благочестивомъ устроеніи, бываетъ съ Богомъ неразлученъ; отъ лукавыхъ же мыслей да отвращаемся.

Страсть.

Страстію называютъ такую склонность и такое дѣйствіе, которыя, долгое время гнѣздясь въ душѣ, посредствомъ привычки, обращаются какъ бы въ естество ея. Человѣкъ приходитъ въ это состояніе произвольно и самоохотно; и тогда помыслъ, утвердясь отъ частаго съ нимъ обращенія и сопребыванія, и согрѣтый и воспитанный въ сердцѣ, превратясь въ привычку, непрестанно возмущаетъ и волнуетъ его страстными внушеніями, отъ врага влагаемыми. Это бываетъ тогда, когда врагъ очень часто представляетъ человѣку какую-либо вещь или лицо, питающія страсть, и воспламеняетъ его къ исключительному любленію ихъ, такъ что—волею или неволею—человѣкъ мысленно порабощается ими. Причиною сего бываетъ, какъ сказано, по небреженію и произволенію, долговременное

занятіе предметомъ. Страсть, во всѣхъ ея видахъ, непреложно подлежитъ—или покаянію, соразмѣрному съ виною, или будущей мукѣ. Итакъ подобаетъ каяться и молиться объ избавленіи отъ всякой страсти; ибо всякая страсть подлежитъ мукѣ не за то, что подверглись брани отъ нея, но за нераскаянность. Если бы было это (т.-е. мука) только за брань врага, то нѣкоторые, не достигнувъ еще совершеннаго безстрастія, не могли бы получить избавленія, какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ. Обуреваемому же какою-либо страстію подобаетъ всѣми силами противиться ей,—сказали отцы. Возьмемъ, напримѣръ, страсть блудную: кто боримъ этою страстію къ какому-либо лицу, тотъ пусть всячески удаляется отъ него,—удаляется и отъ собесѣдованія, и отъ сопребыванія съ нимъ, и отъ прикосновенія къ его одеждѣ, и отъ запаха ея. Кто не соблюдаетъ себя отъ всего этого, тотъ образуетъ страсть и любодѣйствуетъ мысленно въ сердцѣ своемъ,—сказали отцы: онъ самъ въ себѣ возжигаетъ пламя страстей и, какъ звѣрей, вводитъ въ душу свою лукавые помыслы.

Такъ св. подвижники свидѣтельствуютъ намъ, что всѣ грѣхопаденія человѣческія совершаются не иначе, какъ съ постепенностію.—Первая степень есть *прилогъ*, когда безъ намѣренія и противъ воли входятъ въ душу грѣховныя представленія и побужденія или чрезъ внѣшнія и внутреннія чувства, или чрезъ воображеніе. Это безгрѣшно и только есть поводъ и близость къ грѣху; и самые великіе святые, въ самыя священныя времена, нерѣдко подвергались прилогамъ и принуждены были

бороться съ ними. *Сочетаніе* означаетъ принятіе прилога, добровольное размышленіе о немъ: сіе не всегда безгрѣшно. *Сложеніе* есть услажденіе души пришедшимъ помысломъ или образомъ, т.-е., когда кто, принимая помыслы или образы, представленные врагомъ, и съ ними бесѣдуя мысленно, вскорѣ сложитъ въ мысли своей, чтобы такъ было, какъ внушаетъ помыслъ. Здѣсь нужно немедленное покаяніе и призываніе Бога на помощь. *Плѣненіе* есть то состояніе души, когда принужденно и невольно отводится умъ на худыя мысли, нарушающія мирное устроеніе души, и душа съ усиліемъ, только при помощи Божіей, возвращается въ себя.—*Страсть* есть долговременное и обратившееся въ привычку услажденіе страстными помыслами, влагаемыми отъ врага, и утвердившееся отъ частаго размышленія, мечтанія и собесѣдованія съ ними. Это уже есть рабство грѣху,—и не покаявшійся, не извергшій изъ себя страсть, подлежитъ вѣчнымъ мукамъ. Здѣсь потребна уже великая и напряженная борьба и особенная благодатная помощь, чтобы оставить грѣхъ (см. Лѣств. 15, 75).

Вотъ гдѣ начало и корень нашей грѣховности! Приходитъ въ душу помыслъ, приражается предметъ,—грѣховный или не грѣховный, по мысли преп. Нила, это все равно,—мы обращаемъ на него вниманіе, задумываемся надъ нимъ, увлекаемся имъ, начинаемъ стремиться къ нему; а главное свое дѣло,—дѣло спасенія, или пребыванія въ Богѣ и во всемъ Божественномъ, забываемъ. И все это дѣлается часто безъ нашего вѣдома. Мы такъ слабы, разсѣянны, легкомысленны, небрежны, что влаемся всякимъ вѣтромъ этихъ помысловъ и пред-

метовъ: они непрестанно, какъ вихрь какой, кружатъ насъ—отъ утра до вечера, отъ вечера до утра; а отъ этого грѣшимъ постоянно. И всему этому подвергаемся мы часто безсознательно. Горе намъ! Что дѣлать, чтобы избавиться отъ такого, безъ сомнѣнія, погибельнаго состоянія? Необходимо твердо знать и всегда помнить, что не отъ слабости, не отъ разсѣянности, не отъ небрежности, не отъ легкомысленности только нашей все это происходитъ съ нами, а—главнымъ образомъ—отъ незнанія того процесса, которымъ помыслы доводятъ насъ до страстей,—отъ нежеланія и неумѣнья бороться съ ними и побѣждать ихъ,—отъ забвенія о своемъ назначеніи,—отъ невѣдѣнія, что противопоставлять имъ. О, какъ нужно изучить эти разныя движенія помысловъ въ духовной брани! Какъ необходимо всегда помнить и употреблять въ дѣло тѣ средства, которыя избавляютъ насъ отъ пораженія ихъ и даютъ намъ побѣду надъ ними! Иначе, какъ и спастись намъ?!..

2.

Указавъ различныя степени помысловъ, возрастающихъ до страсти, преп. Нилъ научаетъ насъ, далѣе, какимъ образомъ противиться симъ искушеніямъ діавольскимъ, противопоставляя имъ молитву и безмолвіе, и открываетъ тѣ таинственныя дарованія, какими Господь благодатно просвѣщаетъ своихъ угодниковъ, свыше всѣхъ помысловъ человѣческихъ.

Отцы, говоритъ онъ, наставляютъ, чтобы подвижникъ противостоялъ вражеской сторонѣ съ соразмѣрною ея дѣйствію силою, имѣя въ виду, что

онъ одержитъ побѣду или потерпитъ пораженіе въ умѣ своемъ. Проще сказать: должно сопротивляться лукавымъ помысламъ, сколько у насъ есть силы. Слѣдствіемъ противоборства будутъ или вѣнцы, или наказанія: вѣнцы—побѣдителю, а муки—согрѣшившему и не покаявшемуся въ сей жизни. „Согрѣшеніе, заслуживающее муку, по словамъ Петра Дамаскина, есть то, когда кто помыслъ приведетъ въ исполненіе; а тѣмъ, кои твердо борются и среди сильной борьбы вражіей не изнемогаютъ,—тѣмъ сплетаются свѣтлѣйшіе вѣнцы".

Самая лучшая и благонадежная брань можетъ быть тогда, когда помыслъ—прилогъ отсѣкается въ самомъ началѣ, и когда будетъ непрестанная молитва. Ибо кто сопротивляется *въ первомысліи*, т.-е. прилогу, тотъ, такъ сказать, однимъ ударомъ пресѣчетъ всѣ послѣдующія его дѣйствія: благоразумный подвижникъ умерщвляетъ самую мать злыхъ исчадій, т.-е. лукавый прилогъ—первыя мысли,—сказали отцы. А наипаче во время молитвы надо умъ свой привесть въ такое состояніе, чтобы онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, какъ сказалъ Нилъ Синайскій, и имѣть сердце упраздненнымъ отъ всякаго помысла, даже повидимому добраго, какъ сказалъ Исихій Іерусалимскій; ибо по опыту извѣстно, что за допущеніемъ безстрастныхъ, добрыхъ помысловъ слѣдуютъ и страстные, худые: входъ первыхъ отверзаетъ дверь и вторымъ.

Такъ всемѣрно нужно упразднять себя и отъ тѣхъ помысловъ, которые представляются правыми, чтобы постоянно, безпрепятственно зрѣть въ глубину сердца и взывать: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя*,—произносить иногда всю

эту молитву, иногда половину ея, сокращая такъ: *Господи Іисусе Христе, помилуй мя*, или: *Сыне Божій, помилуй мя*, какъ это будетъ удобнѣе для новоначальныхъ,—научаетъ св. Григорій Синаитъ. Впрочемъ, слишкомъ часто измѣнять словъ молитвы не должно. По произнесеніи: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя*, отцы присовокупляютъ еще слово: *грѣшнаго*. И это Господу Богу пріятно, а намъ, грѣшнымъ, особенно прилично.

Взывай такъ прилежно,—стоишь ли, сидишь ли, или лежишь,—взывай, затворяя умъ въ сердцѣ и, для внутренней безпрепятственности, сдерживая, сколько можно, самое дыханіе, чтобы не часто дышать, какъ учитъ Симеонъ новый Богословъ. А Григорій Синаитъ говоритъ: „призывай Господа Іисуса всеусердно, терпѣливо и постоянно—пождательно, отрѣвая всякій помыслъ". Въ томъ же, какъ полезно для средоточенія ума въ молитвѣ сдерживать дыханіе и не часто дышать, скоро удостовѣритъ самый опытъ,—говорятъ отцы.

Если не можешь молиться въ безмолвіи сердца и безъ помысловъ и видишь, что они въ умѣ твоемъ плодятся, то *не малодушествуй* объ этомъ и, ни на что не смотря, держись въ молитвѣ. Св. Григорій Синаитъ, совершенно зная, что намъ, страстнымъ, невозможно побѣдить лукавые помыслы, сказалъ: „никто изъ новоначальныхъ не удержитъ ума и не отженетъ помысловъ, если Самъ Богъ не удержитъ его и не отринетъ помыслы. Только сильные и многопреуспѣвшіе въ духовномъ дѣланіи въ состояніи удерживать умъ и прогонять помыслы; но и они не своею силою прогоняютъ ихъ, а съ Богомъ подвизаются въ противоборствованіи

имъ, облекшись благодатію и во всеоружіе Его. Ты же, узрѣвъ нечистоту лукавыхъ духовъ, т.-е. помыслы, въ умѣ твоемъ воздвизаемые, не ужасайся и не смущайся. И если бы стали представляться тебѣ, повидимому, добрые какіе-либо предметы, не обращай на нихъ никакого вниманія; но, сколько можно, удерживая дыханіе и затворяя умъ въ сердцѣ, вмѣсто оружія, часто и прилежно призывай Господа Іисуса. И всѣ помыслы, какъ бы огнемъ опаляясь Божественнымъ именемъ Господа Іисуса, невидимо отбѣжатъ".

Если же и послѣ сего не перестаютъ вторгаться и стужать помыслы, то встань и помолись на нихъ,—именно на нихъ, т.-е. на самые помыслы, и потомъ съ твердостію продолжай первое дѣло, т.-е. призываніе имени Іисусова, съ затвореніемъ ума въ сердцѣ (о томъ, какъ совершать молитву на помыслы, скажемъ, съ помощію Божіею, послѣ). А когда помыслы и послѣ молитвы на нихъ безстыдствуютъ и нападаютъ, такъ что невозможно сохранить умомъ сердце,—тогда начни произносить молитву устами, и произноси ее непрестанно, долго, крѣпко и терпѣливо. Въ случаѣ же разслабленія и изнеможенія, призывай Бога на помощь, *понуждая себя, сколько есть силы, не прерывать молитвы;* и все это Божіею помощію совершенно отгонится и исчезнетъ. А когда умъ утишится и освободится отъ плѣна помысловъ,—тогда опять внимай сердцу и совершай молитву душевно или умно; ибо упражненія и труды добродѣтели многоразличны, но по отношенію къ трезвѣнію всѣ они суть только частности; сердечная же молитва есть источникъ всякаго добра; какъ сады напояются водою,

такъ она напояетъ душу,—говоритъ Григорій Синаитъ. Блаженный сей отецъ, уразумѣвъ писанія всѣхъ духоносныхъ отцевъ и послѣдуя имъ, повелѣваетъ всеприлежно заботиться о молитвѣ, отрѣвая во время ея всякій помыслъ, не только злый, но и кажущійся добрымъ, ибо безмолвіемъ называетъ онъ устраненіе на время всѣхъ помышленій, дабы, пріемля ихъ какъ благія, не лишиться важнѣйшаго. „Безмолвіе есть—искать Господа въ сердцѣ, т.-е. умомъ блюсти сердце въ молитвѣ и этимъ однимъ быть всегда заняту“,—говоритъ Симеонъ новый Богословъ.

Дѣло сіе, т.-е. умъ блюсти въ сердцѣ, устранивъ всѣ помыслы, доколѣ не стяжется навыкъ, весьма трудно. Трудно оно не только для новоначальныхъ, но и для тѣхъ, кои, хотя долго уже трудились, но сладости молитвы, ощущаемой внутри сердца по дѣйствію благодати, еще не пріобрѣли и не ощутили. И по опыту извѣстно, сколь тяжело, жестоко это упражненіе въ молитвѣ умной и неудобоисполнимо для немощныхъ. Но тотъ, кто обрѣлъ благодать, молится безъ труда и съ любовію, утѣшаясь благодатію: „когда воздѣйствуетъ молитва, тогда дѣйствіе ея совершенно сосредоточиваетъ умъ въ себѣ, услаждаетъ его и отъ всякаго плѣненія освобождаетъ“,—говоритъ св. Григорій Синаитъ. Поэтому нужно, доколѣ возможно, терпѣливо пребывать въ молитвѣ, отвращаясь отъ всѣхъ помысловъ, и до времени не вставать на пѣніе. „Въ терпѣніи, говоритъ, да будетъ сѣдѣніе твое, по слову Апостола: *въ молитвѣ терпяще* (Кол. 4, 2); и не скоро вставай, даже при ощущеніи болѣзненнаго томленія и ослабленія мысли отъ (вну-

трепняго) вопля и плача, помня пророческое слово: *яко болящая, егда приближается родити, болѣзнуетъ* (Ис. 26, 17), и св. Ефрема, такъ научающаго: „боли болѣзнь болѣзненнѣ, да мимотечеши отъ суетныхъ болѣзней болѣзни". Григорій Синаитъ также повелѣваетъ, чтобы, преклонивъ главу и выю, мы немалое время терпѣли въ молитвѣ, усердно призывая на помощь Господа Іисуса, поникнувъ долу и собравъ умъ въ сердцѣ, если только оно отверсто уже; и въ подтвержденіе сего приводитъ слова Самого Господа: *яко нуждно есть царствіе небесное, и нуждницы восхищаютъ е*: подъ словомъ—*нуждно* и *нуждницы* Господь, по его толкованію, разумѣетъ „крайнее тщаніе и болѣзненный трудъ". „Когда же умъ отъ напряженія утомится и изнеможетъ, и когда тѣло и сердце почувствуетъ нѣкую боль отъ усильнаго и непрерывнаго призыванія Господа Іисуса, тогда примись за пѣніе, чтобы подать ему нѣкую ослабу и упокоеніе". Таковъ высшій чинъ дѣланія духовнаго и таково наставленіе премудрыхъ для всѣхъ подвижниковъ,—одинъ ли кто пребываетъ, или съ ученикомъ! „Если есть у тебя вѣрный ученикъ, то пусть онъ читаетъ псалмы, а ты сердцемъ внимай имъ". Такъ преп. Григорій, собственнымъ опытомъ прошедши путь духовный, повелѣваетъ намъ все стараніе прилагать объ умной молитвѣ; псалмовъ же употреблять мало для прогнанія унынія, прилагая и покаянные тропари, только безъ пѣнія, по слову Лѣствичника, *яко не воспоютъ сицевіи; довлѣетъ бо имъ въ веселіе сердечная болѣзнь, яже о благочестіи бываемая, и теплота духовная, подаваемая имъ въ отраду и утѣшеніе*, какъ говоритъ св. Маркъ. Велитъ онъ также присово-

куплять и *трисвятое* на всякое пѣніе, или каѳизму, и *аллилуія*—всегда, по чину древнихъ отцевъ—Варсонофія, Діадоха и прочихъ.

Когда, по благодати Божіей, почувствуется сладость молитвы и когда молитва воздѣйствуетъ въ сердцѣ, тогда наипаче св. Григорій Синаитъ повелѣваетъ прилежать ей. „Если, говоритъ, ощущаешь, что молитва дѣйствуетъ въ твоемъ сердцѣ и не перестаетъ производить въ немъ движенія,—не оставляй ее и не возставай на пѣніе псалмовъ, пока, по смотрѣнію Божію, она не оставитъ тебя: ибо, такъ поступивъ, ты оставилъ бы Бога внутрь, сталъ бы призывать Его внѣ себя и спустился бы сверху внизъ. Такимъ образомъ ты и молитву упустишь, и умъ лишишь тишины его, тогда какъ безмолвіе, по самому имени своему, требуетъ, чтобы хранить его, т.-е. умъ, въ мирѣ и тихомъ спокойствіи: Богъ есть миръ, чуждый всякаго смущенія и безпокойства. А чтобы при дѣланіи умной молитвы не впасть въ прелесть,—не допускай въ себѣ никакихъ представленій, никакихъ образовъ и видѣній: ибо паренія—сильныя мечтанія и движенія—не престаютъ быть и тогда, когда умъ стоитъ въ сердцѣ и совершаетъ молитву,—и никто не въ состояніи владычествовать надъ ними, кромѣ достигшихъ благодатію Св. Духа совершенства и кромѣ стяжавшихъ Іисусомъ Христомъ непоколебимость ума.

Что касается до Златоустова устава, которымъ въ духовномъ упражненіи полагается—часъ молиться, часъ читать, часъ пѣть, и такимъ образомъ проводить весь день; онъ добръ, смотря по времени, мѣрѣ и силѣ подвизающагося. Это пусть будетъ въ твоей волѣ: или располагать себя по этому распре-

дѣленію Златоуста, или же неотступно держаться того, чтобы всегда пребывать въ дѣлѣ Божіемъ—въ умной молитвѣ.

Невѣдущимъ молитвы умной, которая, по слову Лѣствичника, есть источникъ добродѣтелей, напояющій ихъ, какъ духовныя насажденія, подобаетъ много и долгое время проводить въ пѣніи и часто смѣнять одно духовное упражненіе другимъ. Изъ упражненій же, иныя приличны живущимъ въ безмолвіи, а иныя—въ общежитіи. То или другое, по слову премудрыхъ, хорошо въ своей мѣрѣ и на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, отцы сказали, что пѣть надлежитъ въ мѣру, наиболѣе же—быть заняту молитвою. Но когда найдетъ разлѣненіе,—должно пѣть псалмы или читать о житіи и подвигахъ отцевъ; ибо для ладьи нѣтъ надобности въ веслахъ, когда несетъ ее вѣтеръ и переноситъ чрезъ море страстей; когда же ладья остановится отъ безвѣтрія, тогда надобно употребить весла или даже иную меньшую ладью для перевоза́.

Желая поспорить, нѣкоторые указываютъ на св. отцевъ и на нынѣшнихъ подвижниковъ *), кои совершали всенощное стояніе и непрестанное пѣніе... Но таковымъ св. Григорій Синаитъ повелѣваетъ отвѣчать отъ Писаній такъ: „не во всѣхъ все совершенно, по недостатку тщанія и по изнеможенію силы; а и малое въ великихъ не всегда мало, и великое въ малыхъ не всегда совершенно. Не всѣ подвижники, древніе и нынѣшніе, однимъ и тѣмъ же путемъ шествовали, и не всѣ все до конца исполнили“. О достигшихъ же преуспѣянія и о спо-

---

*) Т.-е. современниковъ преп. Нилу Сорскому.

добившихся просвѣщенія тотъ же отецъ говоритъ, что имъ надобно не глаголаніе псалмовъ, но молчаніе, непрерывная молитва и созерцаніе: они соединены съ Богомъ, и непотребно имъ отторгать умъ свой отъ Него и подвергать смущенію. *Умъ таковыхъ,* когда отступитъ отъ памятованія—въ умной молитвѣ—о Богѣ и возьмется чрезъ мѣру за дѣла не столь важныя, *прелюбы дѣетъ.*

Испытавшій такое высокое состояніе, св. Исаакъ Сиринъ пишетъ, что когда приключается духовная неизреченная сія радость, она внезапно отсѣкаетъ въ устахъ молитву, ибо тогда какъ бы престаютъ уста и языкъ, и сердце—хранитель помысловъ, и умъ—кормчій чувствъ, и мысль—скоро летящая докучливая птица; тогда уже мысль не имѣетъ своей молитвы и движется не самовластіемъ, но сама она наставляется иною силою, содержится въ таинственномъ плѣненіи и обрѣтается въ непостижимомъ, котораго сама не вѣдаетъ. Это есть то, что называется собственно *ужасомъ и видѣніемъ молитвы*, а не самая молитва; ибо умъ бываетъ тогда уже превыше молитвы, которая отлагается ради обрѣтенія лучшаго, и онъ находится въ изступленіи,—безъ всякаго желанія, по слову Апостола: *аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть* (2 Кор. 12, 2). Молитву св. Исаакъ называетъ сѣменемъ, а сіе состояніе—собраніемъ сноповъ, когда жнущій самъ изумляется неизреченнымъ видѣніемъ того, какъ отъ худыхъ и голыхъ зеренъ, которыя онъ посѣялъ, внезапно прозябли предъ нимъ зрѣлые колосья. Молитвою же сіе называется потому только, что отъ нея происходитъ, и святымъ дается сіе неизреченное дарованіе, котораго имени никто

опредѣлить не можетъ. Когда дѣйствіемъ духовнымъ подвигнется душа къ Божественному и, чрезъ непостижимое соединеніе, уподобится Божеству и просвѣтится въ своихъ движеніяхъ лучемъ высокаго свѣта, и сподобится умъ ощущенія будущаго блаженства,—тогда забываетъ сама себя, все временное, сущее здѣсь, и уже не имѣетъ движенія въ чемъ-либо: возжигается въ ней неизреченная радость, закипаетъ въ сердцѣ несказанная сладость, насыщается этимъ и самое тѣло: человѣкъ забываетъ не только какія-либо страсти, но и самую жизнь свою, и думаетъ, что царство небесное не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ этомъ состояніи. Здѣсь-то испытывается, что любовь Божія слаще жизни, и разумъ, *иже по Бозѣ*, отъ котораго рождается любовь, слаще меда и сота.

О, чудо! восклицаетъ Симеонъ новый Богословъ, какое слово сіе изглаголетъ, ибо это страшно воистину и свыше всякаго слова!—Вижу свѣтъ, котораго не имѣетъ міръ, и, сидя въ келліи, вижу внутрь себя Творца міра и бесѣдую съ Нимъ, и люблю Его, и питаюсь единственнымъ боговѣдѣніемъ, и, соединившись съ Нимъ, превосхожду небеса: гдѣ же тогда тѣло? Не знаю; ибо Господь меня любитъ и въ Самого Себя пріемлетъ, и на объятіяхъ скрываетъ, и, будучи на небесахъ, въ то же время и въ моемъ сердцѣ, и здѣсь и тамъ виденъ мнѣ. Владыка являетъ меня не только равнымъ Ангеламъ, но и преимуществующимъ предъ ними, ибо невидимый для нихъ и неприступный существомъ мнѣ виденъ бываетъ и съ моимъ соединяется существомъ. Это есть то, о чемъ возвѣщаетъ Апостолъ: „что око не видѣ, и ухо не слыша, и на

сердце плотяно не взыде" (1 Кор. 2, 3), и, пребывая въ этомъ, не только не хочешь выйти изъ келліи, но желалъ бы укрыться въ глубинѣ земли, дабы и тамъ, внѣ всего міра, созерцать безсмертнаго своего Владыку и Создателя.

Согласуясь съ новымъ Богословомъ, и св. Исаакъ говоритъ тоже, что когда отымется у человѣка покрывало страстей отъ мысленныхъ его очей, и узритъ онъ сію неизреченную славу,—внезапно умъ его возвышается до ужаса, и если бы Богъ не положилъ предѣла въ сей жизни такому состоянію,—сколько въ немъ оставаться,—то, хотя бы допущено было продолжаться оному и во всю жизнь человѣка, никогда не захотѣлъ бы онъ выйти изъ сего дивнаго видѣнія. Но такъ устрояетъ Богъ по Своей милости, чтобы на время умалялась благодать Его во святыхъ, дабы могли они промышлять и о братіи своей служеніемъ слова, поучающаго благочестію: ибо, какъ говоритъ Макарій Великій *),

*) У св. Макарія Египетскаго въ бесѣдѣ 8-й *о совершенной молитвѣ совершенныхъ* говорится такъ:—„иногда во весь день чѣмъ-нибудь занятый, на одинъ часъ посвящаетъ себя молитвѣ, и внутренній его человѣкъ съ великимъ услажденіемъ восхищается въ молитвенное состояніе, въ безконечную глубину онаго вѣка, такъ что всецѣло устремляется туда парящій и восхищенный умъ. На это время происходитъ въ помыслахъ забвеніе о земномъ мудрованіи, потому что помыслы насыщены и плѣнены Божественнымъ, небеснымъ, безпредѣльнымъ, необъятнымъ и чѣмъ-то чуднымъ, чего человѣческимъ устамъ изречь невозможно. Въ этотъ часъ онъ молится и говоритъ: „о, если бы душа моя отошла вмѣстѣ съ молитвою!" Человѣку надобно, такъ сказать, пройти 12 ступеней, и потомъ достигнуть совершенства. Въ иное время дѣйствительно достигаетъ онъ этой мѣры и приходитъ въ совершенство. И вотъ благодать снова начинаетъ дѣйствовать слабѣе, и человѣкъ нисходитъ на одну ступень, и стоитъ уже на 11-й. А иной, богатый благодатію, день и ночь стоитъ на высотѣ совершенства, будучи свободенъ и чистъ, всегда плѣненъ и выспренъ. И такой человѣкъ, если бы такъ было съ нимъ всегда, не могъ бы уже принять на себя служеніе слова или иное какое-либо бремя, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться, какъ обыкновенно бываетъ, о себѣ и объ утреннемъ днѣ, но

если бы кто имѣлъ такую благодать, чтобы постоянно быть объятымъ сладостію сихъ чудесныхъ видѣній, не могъ бы онъ болѣе ни о чемъ временномъ слышать или говорить, или принять на себя тяжесть словеснаго ученія и какой-либо малѣйшей заботы. Вкусившіе однажды, въ мертвенномъ семъ тѣлѣ, безсмертной пищи и въ маловременномъ мірѣ сподобившіеся отчасти той радости, которая предуготовляется въ небесномъ отечествѣ, уже не могутъ прилѣпляться краснымъ міра сего или бояться чего-либо скорбнаго и лютаго, но съ Апостоломъ дерзаютъ восклицать: „ни что же возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіей“ (Рим. 8, 39).

Все это, по слову св. Исаака, принадлежитъ тѣмъ, кои видѣли таковые опыты и чувствовали ихъ въ себѣ самихъ, достигнувъ дара сего, при руководствѣ отцевъ и послѣ ревностныхъ стараній и труда въ житіи своемъ. Мы же непотребны, многимъ грѣхамъ повинны и многихъ страстей исполнены; и потому самому не заслуживали бы даже и слышать о такихъ предметахъ. Но, уповая на благодать Божію, я осмѣлился сказать о нихъ нѣсколько словъ изъ Св. Писаній духоносныхъ отцевъ, да познаемъ, хотя не вполнѣ, какъ мы окаянны и какъ безразсудны, прилѣпляясь и пристращаясь къ міру сему, скопляя вещи тлѣнныя и ради нихъ вдаваясь въ заботы и смуты, со вредомъ для душъ нашихъ. И все это мы въ похвалу себѣ поставляемъ и добрымъ дѣломъ считаемъ! Но горе намъ! Мы не по-

---

только сталъ бы сидѣть въ одномъ углу, въ восхищеніи, какъ бы въ упоеніи. Посему-то совершенная мѣра не дана ему, чтобы могъ онъ заниматься попеченіемъ о братіи и служеніемъ слову...

нимаемъ достоинства душъ нашихъ,—не разумѣемъ, для какой жизни мы призваны,—говоритъ св. Исаакъ.—Жизнь наша въ мірѣ семъ, ея скорби, ея блага и покой почитаются нами за нѣчто важное; о жизни же по духу, погрузясь въ лѣность, міролюбіе и безпечность, мы говоримъ, будто она свойственна была только древнимъ святымъ, а намъ она не нужна, да и невозможны такіе подвиги...

Но не такъ это, не такъ! Невозможны они для тѣхъ, кои безпечно порабощаютъ себя страстямъ, кои не хотятъ каяться, истинно прилежать духу Божію и предаются неполезнымъ попеченіямъ міра сего. А тѣхъ, кои усердно каются, кои съ многою любовію и страхомъ взыскуютъ Бога и къ Нему единому взираютъ, и по заповѣдямъ Его поступаютъ,—тѣхъ всѣхъ Господь принимаетъ, милуетъ, даруетъ имъ благодать Свою и прославляетъ ихъ. Такъ увѣряетъ насъ все Божественное Писаніе. Въ древности многіе отцы и сами проходили поприще сіе, и другихъ руководили по нему; только нынѣ не то уже стало, по оскудѣнію руководителей. Но кто всецѣло посвятитъ себя дѣлу Божію, того сама благодать Божія вразумляетъ, тому она способствуетъ отнынѣ и до вѣка. Тѣхъ же, кои не хотятъ подвизаться и суесловятъ, будто въ настоящее время не подаетъ уже Богъ древнихъ дарованій,—тѣхъ Апостолъ называетъ прельщаемыми и прельщающими другихъ. Есть такіе, кои и слышать не хотятъ о томъ, что и нынѣ есть благодать. Но Григорій Синаитъ называетъ ихъ омраченными крайнимъ нечувствіемъ, неразуміемъ и маловѣріемъ.

Мы же, увѣдавъ все сіе отъ Св. Писаній, если

желаемъ прилежно заняться дѣломъ Божіимъ,—да удаляемся, сколько можно, отъ суеты міра сего, заботясь истребить страсти, сердце свое соблюдая отъ лукавыхъ помысловъ и во всемъ исполняя заповѣди Божіи. А чтобы блюсти сердце, нужно *всегда имѣть молитву*. Въ этомъ состоитъ *первая степень* иноческаго возраста, и безъ этого невозможно умертвить страсти,—говоритъ Симеонъ новый Богословъ.

Время, наиболѣе благопріятствующее иноческимъ занятіямъ, есть ночь. — „Во время ночи наипаче должно упражняться иноку въ своемъ иноческомъ трудѣ", — сказали отцы. Блаженный Филоѳей Синаитъ сказалъ, что умъ очищается наипаче ночью. И св. Исаакъ говоритъ: „всякую молитву, которую приносимъ ночью, почитай важнѣе всѣхъ дневныхъ дѣлъ: сладостное чувство, которое постникамъ даруется во время дня, исходитъ отъ свѣта ночныхъ занятій иноческихъ". Согласно съ симъ и прочіе святые учатъ. Поэтому св. Іоаннъ Лѣствичникъ сказалъ: „въ нощи наиболѣе занимайся молитвою, менѣе—пѣніемъ". Но, „утрудясь въ умной молитвѣ, возставъ помолися", — сказалъ онъ же въ другомъ мѣстѣ.

Такимъ-то образомъ и намъ должно поступать, когда умъ утрудится въ умной молитвѣ, т.-е. занять его пѣніемъ псалмовъ или тропарей, или иного чего, смотря по тому, какое кто имѣетъ правило. Но при этомъ нужно помнить, что „многоглаголаніе, по словамъ Іоанна Лѣствичника, часто расхищаетъ умъ во время молитвы, а *малословіе* нерѣдко собираетъ". „При несобранности же помысловъ наипаче займись чтеніемъ", — сказалъ св.

Исаакъ; то же и Ангелъ заповѣдалъ Антонію Великому: „когда умъ твой разсѣивается, тогда болѣе прилежи чтенію или рукодѣлію“. „Новоначальнымъ же, когда найдутъ на нихъ помыслы, весьма полезно какое-либо рукодѣліе съ молитвою или служеніе—занятіе изъ послушанія,—особенная же и наибольшая для нихъ въ этомъ потребность бываетъ, когда обуреваютъ ихъ помыслы печальные и унылые“,—научаютъ отцы.

Вообще же, въ этомъ мысленномъ дѣланіи, св. Исихій Іерусалимскій предлагаетъ четыре способа: или *прилоги блюсти*, т.-е. слѣдить или наблюдать за ними, и отрѣвать ихъ въ самомъ началѣ; или хранить сердце глубоко, упразднивъ его отъ всякаго помысла, и молиться; или призывать на помощь Господа Іисуса Христа; или память смертную имѣть. Все это затворяетъ двери для лукавыхъ помышленій; и каждый изъ сихъ способовъ, обрѣтаясь въ комъ-либо порознь, называется трезвѣніемъ ума нашего и мысленнымъ дѣланіемъ. Внимая всему этому, каждый изъ насъ да подвизается подобающимъ ему образомъ.

3.

Изложивъ полное ученіе о мысленномъ дѣланіи, преподобный отецъ нашъ Нилъ предлагаетъ, затѣмъ, и средства—какъ и чѣмъ укрѣплять и оборонять себя въ борьбѣ противъ вражескихъ возстаній или въ мысленномъ подвигѣ, и въ чемъ состоитъ вся полнота дѣланія въ жительствѣ нашемъ.

Укрѣпленіе въ борьбѣ внутренней и подвигѣ мысленномъ, указанное во всѣхъ Писаніяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы, когда сильно будемъ ратуемы лу-

кавыми помыслами, не возмалодушествовать и не уныть, и не остановиться, и не прекратить дальнѣйшаго теченія своего на пути подвига. Когда поражаемся отъ скверныхъ помысловъ,—хитрость діавольской злобы влагаетъ въ насъ стыдѣніе, удерживающее насъ воззрѣть къ Богу въ чувствѣ покаянія и вознести противъ нихъ моленіе; но мы да побѣждаемъ ихъ всегдашнимъ покаяніемъ и непрестанною молитвою и не дадимъ плещи врагамъ нашимъ, т.-е. да не обратимся вспять, хотя бы на каждый день по тысячѣ ранъ принимали отъ нихъ. Рѣшимся въ себѣ самихъ даже до смерти никакъ не оставить живоноснаго сего дѣланія; ибо вмѣстѣ съ искушеніями ниспосылается намъ сокровенное посѣщеніе милости Божіей.

Св. Исаакъ говоритъ, что не только намъ, страстнымъ и немощнымъ, приключаются мысленныя паденія, но и тѣмъ, кои стоятъ на высокой степени чистоты и кои, подъ мышцею — предохраненіемъ разума Господня, проводятъ жизнь свою въ достоблаженномъ безмолвіи; но послѣ сего, вслѣдъ за искушеніемъ, у нихъ бываютъ миръ и утѣшеніе, и помыслы цѣломудренные и тихостные. О, сколь часто человѣкъ бываетъ немощенъ и въ немощи и въ безсиліи своемъ поражаемъ и повергаемъ долу! Но когда онъ же исторгаетъ знамя изъ рукъ сильнаго врага, тогда имя его провозглашается предъ всѣми: онъ превозносится предъ сподвижниками своими и предъ прочими, отличавшими себя въ брани, и пріемлетъ вѣнецъ и драгоцѣнные дары, преимущественно предъ всѣми своими сверстниками. Вотъ какъ святые ободряютъ насъ и удаляютъ отъ ума нашего всякое сомнѣніе, дабы мы

въ борьбѣ мысленной, во время смущенія отъ наносимыхъ скверныхъ помысловъ, не ослабѣли и не пришли въ отчаяніе!

А когда удостоимся посѣщенія благодатнаго, —*не обезпечивайся*, т.-е. не предайся безпечности и не превозносися, но смиренно обратись къ Богу: благодари Его и приведи на память согрѣшенія, сдѣланныя тобою по попущенію. —Помяни, какъ глубоко ниспадалъ ты тогда, и какой былъ тогда у тебя скотской, несмысленный умъ. Размысли объ окаянствѣ естества своего; перечисли всѣ нечистые помыслы и тѣ скверные идолы, которые наполняли душу твою, когда она охладѣвала безъ теплоты благодатной. —Представь тотъ часъ смущенія и безчинныхъ движеній, который постигъ тебя незадолго предъ симъ, при омраченіи твоемъ; вспомни, какъ скоро и внезапно уклонился ты на сторону страстей и услаждался ими, погрузясь во тьму умомъ своимъ. И все это вспоминая, —кайся и укоряй себя.

Разумѣй и то, что все сіе Промыслъ Божій наводитъ на насъ для того, чтобы насъ смирить. Вотъ что и блаженный Григорій Синаитъ сказалъ объ этой цѣли: „ежели человѣкъ не будетъ побѣждаемъ и поражаемъ, одолѣваясь всякою страстію и помысломъ, —если онъ не приметъ ранъ отъ духа злобы, не обрѣтая помощи ни отъ дѣлъ, ни отъ Бога и ни отъ чего-либо иного, такъ что во всемъ утѣсненный едва не приходитъ въ состояніе безнадежности, — то онъ не можетъ сокрушиться и смириться до того, чтобы поставить себя ниже всѣхъ, счесть себя послѣднѣйшимъ рабомъ предъ всѣми, и даже худшимъ самыхъ бѣсовъ, такъ какъ отъ нихъ онъ

стужаемъ и побѣждается“. И то имѣетъ Промыслъ Божій цѣлію, въ благоустроеніи своемъ, вводящемъ человѣка въ смиреніе, за коимъ всегда слѣдуетъ возвышеніе отъ Бога,—чтобы даровать смиряемому Божественную силу, дѣйствующую и совершающую въ немъ все, употребляющую его какъ орудіе свое и производящую чрезъ него чудеса Божіи.

Внимай этому со страхомъ: ежели не смиришь мудрованіе свое, то благодать оставитъ тебя, и ты, конечно, побѣжденъ будешь въ томъ, въ чемъ искушаемъ былъ отъ находящихъ помысловъ: ибо твердо стоять въ добродѣтеляхъ самъ собою не можешь: это есть дѣло благодати, которая носитъ тебя, какъ мать свое дитя, на рукахъ своихъ, сохраняя тебя отъ всякой сопротивности.

Крайне надобно опасаться, чтобы намъ самимъ не подать повода къ укрѣпленію возстающихъ на насъ лукавыхъ помысловъ; а это бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда станемъ проходить путь Божій неправо, неусердно и превратно. Итакъ, кто желаетъ совершенствоваться въ любви Божіей, истинно спастися и творить дѣло Господне,—тотъ, со многимъ усердіемъ и тщаніемъ, да жительствуетъ и, сколько есть силы, да подвизается во всемъ согласно съ Божественнымъ Писаніемъ, все благочестно исполняя во смиреніи, всегда съ ревностію, безъ разслабленія!

Вся полнота дѣланія въ жительствѣ нашемъ заключается въ томъ, чтобы всегда, во всѣхъ дѣлахъ, во всякомъ начинаніи, душою и тѣломъ, словомъ и дѣломъ, и помышленіемъ, сколь есть въ насъ силы, пребывать въ дѣлѣ Божіемъ, съ Богомъ и въ Богѣ. Блаженный Филоѳей говоритъ, что, подобно то-

му, какъ мы, живя еще въ мірѣ, посреди его суеты, порабощены были всѣмъ умомъ и всѣми чувствами грѣховной прелести, — подобаетъ намъ, когда мы начали жительствовать по Богѣ, всѣмъ умомъ и всѣми чувствами работать Богу живому и истинному, сообразуясь съ Его истиною и волею, исполнять Его св. заповѣди и всячески удаляться отъ всякаго дѣла, Богу неугоднаго, по слову Божію: *ко всѣмъ заповѣдямъ Твоимъ направляхся, и всякъ путь неправды возненавидѣхъ* (Пс. 118, 128).

Въ частности: *Возставъ отъ сна*, прежде всего должно прославить Бога устами и исповѣдаться Ему; а потомъ уже начинать дѣланіе, т.-е. молитву, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе и, какое понадобится, подѣліе, т.-е. что-нибудь между дѣломъ. Умъ же всегда должно имѣть утвержденнымъ въ благоговѣніи и уповаиіи на Бога, дабы все творить въ благоугожденіе Богу, а не ради тщеславія или человѣкоугодія, твердо вѣдая, что *вездѣ сый и вся исполняяй*—Господь всегда съ нами; ибо Тотъ, Кто даровалъ намъ ухо, все слышитъ; и Кто создалъ око, все видитъ.

Если случится съ кѣмъ-либо бесѣдовать, — бесѣда твоя да будетъ по Богѣ—богоугодна, съ опасливымъ храненіемъ отъ роптанія, осужденія, празднословія и любопренія.—Такимъ же образомъ и *въ пищѣ и питіи* все со страхомъ Божіимъ да пріемлется.

Наипаче должно соблюдать себя *во время сна* благоговѣйно, съ помышленіями, внутрь себя собранными, и съ благочиніемъ въ самомъ положеніи нашихъ членовъ; ибо сонъ сей маловременный есть образъ вѣчнаго сна, т.-е. смерти, и возлежаніе наше на одрѣ должно напоминать намъ положеніе

наше во гробѣ. И при всемъ этомъ всегда должно имѣть предъ очами своими Бога, по примѣру Давида, говорящаго о себѣ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся.* (Пс. 15, 8). Поступающій такимъ образомъ всегда въ молитвѣ пребываетъ.

У кого тѣло здорово, тому надлежитъ утомлять и упражнять его постомъ, бдѣніями и занятіями, требующими усилія и *труда*, напримѣръ, — поклонами и тяжелыми рукодѣліями, да будетъ оно порабощено душѣ, и да избавимся отъ страстей благодатію Христовою. Буде же тѣло немощно, — слѣдуетъ подкрѣплять его, сколько то потребно.

О молитвѣ же никто да не вознерадитъ — ни здоровый, ни немоществующій. Ибо тѣлесный трудъ, въ должной мѣрѣ, требуется отъ тѣхъ, кои имѣютъ здоровое и крѣпкое тѣло; мысленное же дѣло, состоящее въ томъ, чтобы умъ имѣть въ богомысліи и въ памятованіи о Богѣ и чтобы крѣпко держать себя въ любви Божіей, — это дѣло на всѣхъ лежитъ неотложно, не исключая лежащихъ въ тяжкой болѣзни.

Къ ближнимъ нашимъ, по заповѣди Господней, должны мы имѣть любовь; и если они находятся близко къ намъ, да явимъ ее словомъ и дѣломъ, когда это не нарушитъ любви Божіей; а когда они далеко отъ насъ, духомъ да простираемъ любовь свою къ нимъ, изгоняя изъ сердецъ своихъ всякое злопомненіе о нихъ, смиряя и преклоняя души свои предъ ними и исполняясь желаніемъ послужить имъ благоусердно. Если Господь узритъ насъ таковыми, то и прегрѣшенія намъ проститъ, и молитвы наши, какъ благоуханное приношеніе, прі-

иметъ, и милости Свои преизобильно на насъ изліетъ.

Замѣчательно, что преп. Нилъ, говоря о высокомъ благѣ молитвы, не оставилъ безъ наставленія и тотъ промежутокъ времени, который бы намъ можно было употребить для принятія пищи, питія и т.-п. „Даже, говоритъ онъ, въ нужнѣй потребѣ умъ сокровеннѣ да поучается, ибо и сіе страхомъ подобаетъ исполнять".

Въ заключеніе же всего этого отдѣла св. Нилъ говоритъ: вотъ, благодатію Божіею, сказали мы кратко — отъ Св. Писаній — о мысленномъ дѣланіи, — какъ, т.-е., различны вражьи возстанія и брань, которыя бываютъ во время подвига сего, — какое при этомъ потребно противоборство, т.-е., что лучшій для этого способъ — *хранить сердце свое въ молитвѣ безъ всякихъ помысловъ*. Изъяснивъ отчасти силу и дѣйствіе всего этого, мы дерзнули указать святыя сказанія о томъ, какой благодати сподобляются тѣ, кои проходятъ путь сей самымъ дѣломъ, — а я недостоинъ и прикоснуться къ таковымъ. Еще сказали мы о томъ, чѣмъ можетъ укрѣпляться труждающійся въ такомъ великомъ дѣланіи, и о томъ, какую и какъ проходить жизнь тому, кто заботится о достиженіи въ этой первой и первѣйшей борьбѣ великой побѣды, т.-е. безмолвія ума и истинной молитвы. Послѣ сего, Богу вразумляющу, скажемъ и о другихъ способахъ разныхъ бореній и побѣдъ.

Отдѣлъ второй.

Во второмъ отдѣлѣ преп. Нилъ показываетъ, въ частности, какъ вести намъ внутреннюю брань

противъ каждаго изъ осьми грѣховныхъ помысловъ и страстей, отъ которыхъ рождаются всѣ прочіе, именно: противъ чревообъяденія, противъ помысла блуда, противъ страсти сребролюбія, противъ страсти гнѣва, противъ духа печали, противъ духа унынія, противъ страсти тщеславія, противъ помысловъ гордостныхъ.

Говоря о борьбѣ и побѣдѣ надъ осьмью главными страстными помыслами, св. Нилъ учитъ, что война съ лукавыми помыслами ведется и побѣда въ борьбѣ одерживается, по словамъ отцевъ, различнымъ образомъ, смотря по мѣрѣ и степени нравственнаго совершенства подвизающихся, именно: чрезъ молитву на помыслы, чрезъ пререканіе имъ, чрезъ уничиженіе ихъ и отгнаніе. Уничижать, подавлять и отгонять помыслы могутъ только совершеннѣйшіе, пререкать имъ или противоотвѣщать — преуспѣвшіе, новоначальнымъ же и немощнымъ надлежитъ молиться на нихъ и переводить, превращать на добрые, какъ повелѣваетъ св. Исаакъ: *въ образѣ добродѣтелей предукрадати страсти*, или какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ: *благій прилогъ къ мыслямъ дѣло уготовано да имать.* Такъ говорили и другіе отцы. Итакъ, когда насъ обуреваютъ помыслы, такъ что мы не въ состояніи бываемъ въ мирѣ и внутренней тишинѣ совершать молитву, — тогда надобно молиться на самые помыслы и лукавые прелагать на полезные. А какъ именно молиться на тотъ или другой помыслъ и какъ прелагать злый на добрый, о семъ представимъ Святыя Писанія.

Св. отцы сказали, что главныхъ страстныхъ помысловъ, отъ которыхъ и прочіе многіе родятся,

восемь: а) чревообъясный, б) блудный, в) сребролюбный, г) гнѣвный, д) печальный, е) унынія, ж) тщеславный, з) гордостный.

И такъ какъ первымъ изъ всѣхъ помысловъ отцы положили чревообъясный, то и мы скажемъ о немъ прежде, дабы намъ, неразумнымъ, не перемѣнить чина премудрыхъ: дѣлаемъ такъ, слѣдуя словамъ св. отцевъ.

Первый помыслъ—чревообъяденія.

Если стужаетъ, т.-е. дѣлаетъ сильный и всегдашній на тебя напоръ помыслъ чревообъяденія, представляя тебѣ различныя вкусныя и дорогія яства и понуждая тебя къ излишнему—не во время и чрезъ мѣру—принятію пищи и питія,—то вспомни тогда, прежде всего, слова Господа: *да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ* (Лук. 21, 24),—помолись Ему и, призвавъ Его на помощь, размысли о томъ, что сказали отцы. „Сія,—говорятъ они,—страсть въ инокахъ—корень всему злу, а наипаче блуду“. И въ самомъ началѣ преступленіе нашего праотца Адама отъ нея же произошло: ибо онъ, вкусивъ отъ запрещенной снѣди, лишился рая и все потомство свое подвергъ смерти, какъ сказано нѣгдѣ: „красенъ бѣ видѣніемъ и добръ въ снѣдь уморивый мя плодъ“. Оттолѣ даже донынѣ многіе, поработившись чреву, пали и падаютъ велимъ паденіемъ, какъ извѣстно изъ Св. Писаній и опыта. Извѣстно же тебѣ и то, что и самая сладкая и благовонная пища весьма скоро обращается въ смрадъ и гной, такъ что годнаго изъ ней ничего не остается, какъ говоритъ Великій Варсонофій. Зная это, укори себя за то, что алчно же-

лаешь той сладости и пріятности для чувствъ, которая такъ скоро превращается въ злосмрадіе. Такъ побѣждай страсть чревообъяденія, употребляя пищу и питіе въ надлежащей мѣрѣ и въ надлежащее время.

Мѣра пищи.

Дневную мѣру или количество пищи,—сказали отцы,—пусть каждый установитъ самъ для себя, съ тѣмъ, что если окажется излишнею и производящею тяжесть, то уменьшилъ бы; а когда усмотритъ, что принятая имъ мѣра недостаточна къ поддержанію тѣла, то пусть сдѣлаетъ малую добавку; и такимъ образомъ, дознавъ основательно—опытами, назначитъ себѣ такое количество пищи, которое можетъ поддерживать силы тѣла его, служа не сластолюбію, но истинной нуждѣ. Сколько такимъ образомъ будетъ предположено,—пусть вкушаетъ, благодаря Бога, себя же осуждая, какъ недостойнаго и сего малаго утѣшенія. Всѣмъ же одну мѣру назначить невозможно, потому что тѣла имѣютъ различныя степени въ силѣ и крѣпости, подобно мѣди, желѣзу, воску.—Впрочемъ, для новоначальнаго самая лучшая мѣра та, чтобы оставить пищу тогда, какъ чувствуетъ еще алканіе; но если и насытится,—не согрѣшитъ; пресытясь же, да укоритъ себя. Чрезъ это онъ предупреждаетъ пораженіе отъ врага своего и пролагаетъ себѣ путь къ побѣдѣ надъ нимъ.

Время пищи.

Отцы завѣщали поститься—не принимать пищи до часа девятаго, по нашему расчисленію суточнаго времени — до третьяго часа пополудни. А

кто больше сего благорасположится оставаться безъ пищи, тому добрая воля. Вообще же они (отцы) положили, въ дни весенняго и осенняго равноденствія, вкушать пищу, когда день начнетъ преклоняться, и когда, спустя два часа послѣ полудня, настанетъ девятый, а по нашему счету — третій часъ пополудни. Но такъ какъ въ нашихъ странахъ сѣверныхъ, лѣтомъ и зимою, какъ дни, такъ и ночи то весьма значительно увеличиваются, то уменьшаются, въ обратномъ другъ къ другу порядкѣ, противъ мѣстъ болѣе близкихъ къ средоземію—къ экватору, напр. къ Палестинѣ, Константинополю и другимъ, — то намъ должно вкушать пищу, сообразуясь съ перемѣною долготы и краткости дней. Въ день непостный можно уранить, т.-е. пораньше назначить часъ обѣденнаго вкушенія пищи, и, если нужно, вкусить немного вечеромъ, т.-е. поужинать.

Различіе пищи.

По словамъ Григорія Синаита,—„благоразумные и разсудительные понемногу вкушаютъ всякаго яства, какъ бы оно ни было вкусно и сладко: у нихъ нѣтъ того, чтобы одно избрать, другое отринуть,—чрезъ это они и Богу за все благодареніе воздаютъ, и душу свою предохраняютъ отъ надменія“. Такимъ образомъ, избѣгая надменія, удалимъ себя отъ пренебреженія къ доброму созданію благаго Бога—Создателя. Немощнымъ же вѣрою или душою — полезнѣе воздержаться отъ нѣкоторыхъ яствъ, особенно сладкихъ, т.-е. имъ нравящихся; ибо они, какъ говоритъ тотъ же Григорій, не имѣютъ увѣренности и убѣжденія въ томъ, что будутъ

сохранены отъ Бога и вкусятъ безвредно: имъ Апостолъ велитъ *зеліе ясти* (Рим. 4, 2). Когда же какое-либо ястіе кому-либо вредно, по болѣзненному состоянію или и по сложенію тѣла,—то пусть таковый не принуждаетъ себя ко вкушенію вреднаго, но да ѣстъ полезное для него; ибо Василій Великій говоритъ: „не подобаетъ ратовать противъ тѣла брашномъ, которое должно служить къ его сохраненію".

Различіе тѣлъ.

Кто имѣетъ здоровое и крѣпкое тѣло, тому нужно утомлять его, какъ и чѣмъ только можно,—да избавимся отъ страстей, и да будетъ оно, благодатію Христовою, покорно духу. А у кого тѣло немощно и недужно, тотъ давай ему нѣкоторое упокоеніе, да не вовсе изнеможетъ для дѣланія. Подвизающемуся прилично не преизлишество, а наипаче лишеніе и скудость, такъ чтобы давать тѣлу потребное только количество пищи и питія,—по разсужденію,—во время же искушенія тѣлу отъ врага, наиболѣе требуется воздержаніе. Ибо многіе, не обуздавъ чрева, впали въ страсти безчестія и въ ровъ скверны, о чемъ и говорить срамно; тогда же чрево обуздано благоразумнымъ воздержаніемъ, тогда входитъ въ душу соборъ всѣхъ добродѣтелей. „Если,—говоритъ св. Василій Великій,—удержишь чрево,—внидешь въ рай; если же не удержишь,—сдѣлаешься добычею смерти—вѣчно". Кто, по причинѣ утружденія отъ путешествія или какого-либо тяжелаго дѣла, окажетъ тѣлу своему нѣсколько списхожденія и дастъ ему нѣчто болѣе, сверхъ обыкновенной мѣры,—въ пищѣ ли то или

въ питіи, или во снѣ,—то это не зазорно и осужденія не заслуживаетъ, ибо онъ поступилъ такъ съ разсужденіемъ и по благословной надобности.

Второй помыслъ—блуда.

Великъ нашъ подвигъ въ борьбѣ съ духомъ блуднымъ и крайне труденъ—*лютъ зѣло;* ибо борьба эта обнимаетъ и душу, и тѣло — все существо наше; поэтому нужно намъ крѣпко и непрестанно стараться о томъ, чтобы бодренно и неусыпно соблюдать сердце свое отъ блудныхъ мыслей, наипаче въ святые праздники, когда готовимся причаститься Св. Тайнъ: въ это время врагъ всячески силится осквернить нашу совѣсть.

Но когда стужаютъ намъ блудные помыслы, тогда надобно оживлять въ себѣ страхъ Божій,—приводить себѣ на память то, что отъ Бога ничто не можетъ быть утаено, ни даже самое тонкое движеніе сердца, и что Господь есть Судія и Взыскатель за все, даже самое тайное и сокровенное. Должно тогда оживить въ памяти своей и то обѣщаніе, которое изрекли мы предъ Ангелами и человѣками, — обѣщаніе пребыть въ цѣломудріи и чистотѣ.

Цѣломудріе и чистота не ко внѣшнему только житію относятся, но обителію цѣломудрія долженъ быть потаенный сердца человѣкъ, соблюдающій себя отъ скверныхъ помысловъ: сіе-то предъ Богомъ многоцѣнно и вселюбезно; а кто часто предается блуднымъ мыслямъ и сквернитъ себя ими, тотъ любодѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ,—сказали отцы,—и если не соблюдаетъ себя, то отъ мыслей и къ самому дѣлу приходитъ. А сколь велико бѣд-

ствіе—это самое дѣло—видно изъ того, что ни одинъ грѣхъ не называется такимъ именемъ, какимъ сей грѣхъ называется у отцевъ: они именуютъ его *паденіемъ*; ибо впадшій въ него становится бездерзновененъ и сильно влечется къ отчаянію.

Во время брани противъ блуда, думаю, полезно размышлять о себѣ самомъ, о томъ образѣ и званіи, въ какомъ находимся,—размышлять, что мы облечены въ образъ ангельскій: какъ же дерзнемъ попрать совѣсть нашу и уничижить носимый нами ангельскій образъ мерзостію блудною? Вспомнимъ еще о стыдѣ и срамѣ предъ людьми; ибо и этимъ представленіемъ стыда и срама можемъ отразить студное и гнусное намѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ, что мы застигнуты кѣмъ-либо въ сквернодѣйствѣ: не пожелали ли бы мы тогда лучше умереть, чѣмъ оказаться въ такомъ срамѣ? Такъ и иными способами постараемся отсѣкать нечистые помыслы.

Главное же и сильное, и побѣдоносное оружіе противъ духа нечистоты состоитъ въ прилежной молитвѣ къ Господу Богу, какъ учатъ св. отцы. Св. Максимъ Исповѣдникъ наставляетъ вооружиться на блудные помыслы молитвою, заимствуя слова для молитвы у псалмопѣвца Давида: *изгонящіи мя нынѣ обыдоша мя* (Пс. 16, 15); *радосте моя, избави мя отъ обышедшихъ мя* (Пс. 31, 7). И св. Іоаннъ Лѣствичникъ, говоря объ этомъ же предметѣ, представляетъ свидѣтеля, молившагося на помыслы блудные такъ: *Боже, въ помощь мою вонми* (Псал. 62, 1), и т. под.

Нужно при этомъ призывать на помощь тѣхъ святыхъ, которые извѣстны особенными подвигами

и трудами въ сохраненіи чистоты и цѣломудрія, какъ, напримѣръ, Даніилъ Скитскій одному брату, ратуемому отъ блуда, велѣлъ помолиться и призвать на помощь мученицу Ѳомаиду, убитую за цѣломудріе, и сказать такъ: *„Боже, за молитвы мученицы Ѳомаиды, помози ми!“* И боримый братъ, помолясь такъ у гроба мученицы, тотчасъ избавленъ былъ отъ блудной страсти. Имѣя такія свидѣтельства, будемъ и мы молиться и призывать на помощь тѣхъ, о которыхъ въ Св. Писаніи говорится, что они подвизались о цѣломудріи и чистотѣ.

Если же брань сильно належитъ,—то, вставъ и простирая очи и руки на небо, помолися, какъ повелѣлъ Григорій Синаитъ,—и Богъ отгонитъ помыслы. Молись же такъ, какъ говоритъ св. Исаакъ: „Ты силенъ еси, Господи, и Твой есть подвигъ: Ты и ратуй и побѣди въ томъ, Господи, за насъ“. И какъ Іоаннъ Лѣствичникъ научаетъ: „возопій къ могущему спасти тебя, не хитро сложенными словами, но смиреннымъ и простымъ вѣщаніемъ: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь!* И познаешь силу Вышняго и невидимыхъ враговъ невидимо отженешь. Всегда *бей ратниковъ именемъ Іисусовымъ*; ибо крѣпче этого оружія не найдешь ни на небѣ, ни на землѣ.

По замѣчанію Іоанна Лѣствичника, бѣсъ назираетъ за нами; и въ то время, когда замѣтитъ, что мы не можемъ вооружиться противъ него молитвою *тѣлесне*, т.-е. помолиться и внѣшно, и внутренно,—тогда особенно нападаетъ на насъ. Внимай же бдительно и не ослабѣвай въ молитвѣ, особенно въ то время, когда смущаютъ тебя скверные помыслы, какъ сказали мы. Возводи око тѣ-

лесное или душевное, какъ тебѣ удобнѣе будетъ по времени и по мѣрѣ силы твоей; и если будешь это дѣлать,—опытомъ познаешь, что силою Вышняго и невидимою помощію они крѣпко побѣждаются. Если же облѣнишься, то потомъ постыдишься, какъ побѣжденный отъ нихъ и имѣющій оскверненную совѣсть.

Нужно же намъ знать и то діавольское ухищреніе, – сказали отцы,—которымъ онъ влагаетъ въ умъ нашъ мысли и воспоминанія о женскихъ и юныхъ доброзрачныхъ лицахъ, чтобы тотчасъ же отсѣкать ихъ, хотя бы лица тѣ были благочестивыя какія и, повидимому, не могли возбуждать страсти; ибо если замедлишь, то злой прелестникъ удобно превратитъ и облечетъ эти мысли въ скверныя и мерзкія похоти.

Бываетъ иногда, что и сами мы на блудные помыслы огорчаваемся и, размышляя о нихъ, зазираемъ себя въ томъ, что желаемъ такой гнусности, которая свойственна однимъ только безсловеснымъ, — даже обуреваемся тѣмъ, что, будучи противуестественно и скоту чуждо... Но въ такихъ чувствованіяхъ, особенно новоначальнымъ, нужно хранить себя, чтобы, долго думая о томъ, подъ предлогомъ борьбы, не оказаться исполнителями страсти. Поэтому безопаснѣе для насъ отсѣкать прилоги—начало помысла. Вступать же съ ними въ брань свойственно сильнымъ, которые привыкли благоугодно разграничивать эти помыслы.

Наконецъ сохраняй себя отъ собесѣдованія съ женщинами и отъ взиранія на нихъ; удаляйся также отъ сожительства съ юными, женовидными и красивыми лицами и отъ взоровъ на нихъ удер-

живайся; ибо это есть сѣть діавола на иноковъ, какъ сказалъ нѣкто изъ отцевъ. И, если можно, не бывай съ ними наединѣ,—говоритъ св. Василій Великій,—ни въ нужной потребѣ; ибо ничего нѣтъ нужнѣе для тебя души твоей, за которую Христосъ умеръ и воскресъ... И не желай слушать отъ кого-либо непристойныхъ разговоровъ, которые возбуждаютъ страсти.

Третій помыслъ—сребролюбія.

Недугъ сребролюбія приходитъ отвнѣ нашего естества и бываетъ отъ маловѣрія и неразумія,—сказали отцы. Поэтому и подвигъ противъ него не великъ бываетъ у тѣхъ, кои внимаютъ себѣ со страхомъ Божіимъ и истинно желаютъ спастися. Но если этотъ недугъ укоренится въ насъ, то бываетъ злѣе всѣхъ другихъ недуговъ; и если подчинимся ему,—въ такую пагубу приводитъ, что Апостолъ назвалъ его не только корнемъ всякаго зла—гнѣва, скорби и проч., но и *идолослуженіемъ* (1 Тим. 6, 10; Кол. 3, 5). Многіе изъ-за сребролюбія не только отъ благочестивой жизни отпали, но и, въ вѣрѣ погрѣшивъ, душою и тѣломъ погибли, какъ говорится въ Св. Писаніи. И отцы сказали, что „собирающій злато и сребро и уповающій на него обнаруживаетъ этимъ свое невѣріе въ ту истину, что Богъ печется о немъ.

И то еще говоритъ Святое Писаніе, что если кто порабощенъ или гордостію, или сребролюбіемъ,—какою-нибудь одною изъ этихъ страстей, то бѣсъ уже не боретъ его иною какою-нибудь страстію, потому что и этой одной достаточно для его погибели. Поэтому всячески надлежитъ огра-

ждать себя отъ столь гибельной и душетлѣнной страсти, прося Господа Бога, да отженетъ отъ насъ духъ сребролюбія.

Не только же золота, серебра и имѣній подобаетъ намъ отчуждаться, но и всякихъ вещей, кромѣ нужныхъ для употребленія: одежды, обуви, келліи, посуды и орудій для рукодѣлія; и это все имѣть не многоцѣнное, не украшенное, удобно пріобрѣтаемое и не соединенное съ какими-либо заботами и безпокойствомъ, дабы не впасть намъ въ мірскія связи. Истинная побѣда надъ сребролюбіемъ и вообще вещелюбіемъ состоитъ въ томъ, чтобы не только не имѣть, но и не желать никакихъ стяжаній. Это приводитъ насъ къ душевной чистотѣ.

Четвертый помыслъ—гнѣва.

Если насъ томитъ гнѣвный помыслъ, понуждая къ злопамятству и поощряя къ ярости, чтобы воздать зло оскорбившему насъ,—тогда мы должны припомнить слова Господа: *аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѳ. 18, 35; Мар. 11, 26). Итакъ всякій, кто хочетъ получить отпущеніе своихъ согрѣшеній, прежде самъ долженъ отъ сердца простить брата своего; ибо Господь повелѣлъ просить оставленія долговъ, *якоже и мы оставляемъ*. Явно, что если мы сами не оставимъ, то и намъ не оставится (Мѳ. 6, 12, 15); такъ надобно разумѣть сіе, что если даже мы думаемъ благотворить, но не отлагаемъ гнѣва, то это непріятно Богу. Отцы говорили: „гнѣвливый если и мертваго воскреситъ,—молитва его не-

пріятна“; не потому такъ говорили отцы, чтобы гнѣвливый могъ воскресить, но чтобы показать мерзость его молитвы.

Поэтому намъ никакъ не должно гнѣваться, ни творить зло брату не только дѣломъ или словомъ, но и видомъ, ибо иной можетъ и однимъ взоромъ оскорбить брата своего,—а слѣдуетъ гнѣвные помыслы не медля отметать. Великая надъ ними побѣда бываетъ, когда мы молимся за оскорбившаго насъ брата, какъ повелѣваетъ авва Дороѳей, такими словами: „помоги, Господи, брату моему и ради его молитвъ помилуй и меня грѣшнаго“. Молитва за брата есть любовь и милованіе, а призывать на помощь его молитву есть смиреніе; и такъ исполняется законъ Господа: *любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящія вамъ обиду* (Мѳ. 5. 44). Исполняющему сіе Господь обѣщалъ такое воздаяніе, которое выше всѣхъ прочихъ обѣтованій,— обѣщалъ не царство только небесное, не утѣшеніе только и радость, какъ прочимъ, но *сыноположеніе*: *будите*, сказалъ онъ, *сынове Отца вашего Иже на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 45).

Самъ Господь, давши намъ сію заповѣдь, научаетъ насъ и Своимъ примѣромъ, дабы мы по силѣ подражали Ему. Сколько зла претерпѣлъ Онъ отъ іудеевъ насъ ради грѣшныхъ, и не только не прогнѣвался на нихъ, но молился за нихъ Отцу: *Отче, отпусти имъ грѣхъ сей* (Лук. 23, 24). И всѣ святые, шествовавшіе путемъ симъ, обрѣли благодать; ибо не только не воздавали зла оскорбившимъ ихъ, но молились о нихъ, покрывая ихъ недостатки, и радовались ихъ исправленію, когда они при-

ходили въ чувство, и наставляли ихъ съ милостію и любовію.

Пятый помыслъ — печали.

Немалъ намъ подвигъ въ борьбѣ съ духомъ печали; ибо онъ ввергаетъ душу въ погибель и отчаяніе.—Если скорбь нанесена отъ людей, должно претерпѣвать ее благодушно, и за того, кто причинилъ ее, молиться, какъ сказано выше, твердо вѣдая, что все бывающее съ нами не безъ Промысла Божія бываетъ, и что вообще Богъ все, что ни посылаетъ намъ, посылаетъ на пользу и на спасеніе душъ нашихъ. И если посылаемое не представляется намъ полезнымъ въ настоящее время, то послѣдствія ясно покажутъ, что истинно полезно намъ не то, чего сами желаемъ, но то, что устрояетъ Богъ. Посему не должно намъ увлекаться человѣческими помыслами, но вѣровать вседушно, что око Господне все видитъ, что безъ Его воли ничто не можетъ съ нами случиться, и что искушенія посылаетъ Онъ на насъ по Своей благости, чтобы, претерпѣвъ ихъ, мы приняли отъ Него вѣнцы.

Безъ искушеній никто никогда не можетъ получить вѣнца; поэтому, будучи искушаемы, будемъ о всемъ благодарить Бога—Благодѣтеля и Спасителя нашего. „Уста всегда благодарные,—говоритъ св. Исаакъ,—удостоиваются благословенія отъ Бога, и въ сердце благодарящее входитъ благодать". Всячески же нужно удерживаться отъ ропота на оскорбившихъ; ибо тотъ же св. отецъ говоритъ, что Богъ всѣ немощи человѣка терпитъ, но того, кто всегда ропщетъ, безъ наказанія не оставитъ.

Но скорбь о грѣхахъ, полезную намъ въ покаяніи, необходимо имѣть, только съ доброю надеждою на Бога, въ увѣренности, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе, что оно все прощаетъ кающимся и молящимся. Эта скорбь соединена бываетъ съ радостію, дѣлаетъ человѣка усерднымъ ко всякому добру и во всякой болѣзни терпѣливымъ: *печаль бо яже по Бозѣ,* сказалъ Апостолъ, *покаяніе нараскаянно*—неотложно—*во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10). Скорбь же противоположную сей печали,—скорбь, причиняемую намъ отъ бѣсовъ, всячески нужно изгонять изъ сердца, какъ и другія злыя страсти,—изгонять молитвою и чтеніемъ, упразднять ее общеніемъ и бесѣдами съ людьми духовной жизни. Ибо скорбь, которая *не по Бозѣ*, бываетъ корнемъ всякаго зла; и если надолго пребудетъ въ насъ, то, скоро принявъ видъ нечаянія,—превратившись въ отчаяніе, дѣлаетъ душу пустою и унылою, некрѣпкою и нетерпѣливою, къ молитвѣ и чтенію лѣнивою.

Шестой помыслъ—унынія.

Если возобладаетъ нами уныніе, то душѣ предлежитъ великій подвигъ. Лютъ сей духъ, жестокъ духъ унынія, а въ соединеніи съ духомъ скорби, когда споспѣшествуетъ—помогаетъ сему послѣднему, онъ бываетъ еще лютѣе и тягостнѣе. Борьба съ этимъ духомъ особенно сильна бываетъ у тѣхъ, которые живутъ въ безмолвіи.

Когда воздвигнутся на душу жестокія волны унынія, человѣкъ теряетъ надежду видѣть когда-нибудь конецъ имъ, а врагъ при этомъ влагаетъ ему убійственную мысль, что великое его страданіе, въ

настоящее время, впослѣдствіи еще больше увеличится,—что онъ оставленъ отъ Бога,—что Богъ о немъ уже не печется,—что все это съ нимъ случилось безъ Промысла Божія, и что ему только одному приключилось это, а у другихъ этого никогда не было и не бываетъ.

Но не такъ это, не такъ. Богъ, какъ чадолюбивый Отецъ, не насъ только, грѣшныхъ, но и святыхъ Своихъ, отъ вѣка Ему благоугодившихъ, какъ дѣтей Своихъ, поражалъ духовнымъ жезломъ, по любви къ нимъ, чтобы болѣе преуспѣвали въ добродѣтеляхъ. Но такое тяжкое состояніе духа скоро непремѣнно измѣняется: за нимъ слѣдуетъ посѣщеніе милости Божіей и утѣшеніе. Какъ въ оный *злолютый* часъ человѣкъ не думаетъ уже, что онъ возможетъ долѣе пребывать въ своемъ добромъ подвигѣ: врагъ все доброе представляетъ ему отвратительнымъ,—такъ, по минованіи сего часа, все для него просвѣтляется, все дѣлается пріятнымъ: все скорбное исчезаетъ, какъ будто его и не было,—онъ опять находитъ себя усерднымъ къ добродѣланію и удивляется измѣненію своему на лучшее. Тогда рѣшимость его жить свято и богоугодно становится тверже, вслѣдствіе увѣренности, что Богъ Своею милостію все строитъ ему на пользу, и искушенія наводитъ единственно изъ любви къ нему—для его усовершенствованія. И еще больше воспламеняется любовію къ Богу, узнавъ несомнѣнно, *яко вѣренъ Господь и никогда не попускаетъ на насъ искушеній выше силъ нашихъ* (1 Кор. 10, 13).

Безъ Божія попущенія врагъ ничего не можетъ намъ сдѣлать: онъ опечаливаетъ духъ нашъ не столько, сколько бы ему хотѣлось, но сколько по-

пустить ему Богъ. Уразумѣвъ это изъ собственныхъ опытовъ, инокъ болѣе и болѣе умудряется перемѣнами, происходящими съ его духомъ, и доблестно претерпѣваетъ всякое скорбное нанесеніе, зная, что ничѣмъ такъ не можетъ доказать любви своей къ Богу, какъ благодушнымъ перенесеніемъ скорбей, и что это возводитъ его къ высшему совершенству. „Ничто столько не уготовляетъ иноку вѣнцевъ, какъ уныніе, если онъ и при немъ неослабно понуждаетъ себя къ Божественному дѣланію“,—сказалъ Іоаннъ Лѣствичникъ.

Когда настанетъ страшная брань отъ духа унынія, тогда надобно крѣпко оградить себя отъ духа *неблагодарности*, опасаясь, чтобы не впасть въ *хуленіе*; ибо врагъ во время унынія усиливается сразить душу именно этимъ оружіемъ, т.-е. оружіемъ хулы и неблагодарности. Человѣкъ, одолѣваемый уныніемъ, по внушенію врага, исполняется сомнѣнія, страха и отчаянія, что онъ не можетъ быть помилованъ отъ Бога, не можетъ получить прощенія грѣховъ, избавленія отъ вѣчныхъ мукъ и спасенія. Многіе тогда и другіе худые помыслы вторгаются въ душу, которыхъ описать нельзя, и не отступаютъ отъ ней ни во время, ни послѣ чтенія и службы. Все усиліе тогда нужно употребить иноку-подвижнику, чтобы не прійти въ отчаяніе и не вознерадѣть о молитвѣ. Сколько силы есть, надлежитъ тогда молиться, и въ молитвѣ сей весьма полезно повергаться лицемъ на землю.

Да молится же унывающій, по наставленію Великаго Варсонофія, такъ: „Господи, виждь скорбь мою, и помилуй мя! Боже, помози мнѣ грѣшному!“ Или, по наученію Симеона новаго Богослова, такъ:

„Не попусти на меня, Владыко, искушеніе или скорбь, или болѣзнь свыше силы моей; но избавь отъ нихъ или даруй мнѣ крѣпость перенести ихъ съ благодареніемъ!“ Иногда же *молиться* такъ, какъ Григорій Синаитъ велѣлъ молиться на сію страсть, т.-е. — *возведши очи на небо и простерши руки на высоту;* ибо двѣ эти страсти—блудъ и уныніе—назвалъ онъ (Григорій) жестокими. Къ молитвѣ приложи чтеніе и рукодѣліе, сколько можно, понуждая себя къ нимъ; ибо то и другое великую подаютъ помощь въ борьбѣ сей. Бываетъ же, что и за всѣмъ этимъ не бываетъ облегченія отъ оной страсти — лютаго унынія, — тогда настаетъ великая нужда, и много нужно крѣпости, и изо всей силы вопить въ молитвѣ.

А противъ духа неблагодарности и хулы говори такъ: „иди за мною, сатано: Господу Богу моему поклонюся и Тому единому послужу, и все горькое для меня и прискорбное пріемлю съ чувствомъ благодаренія, какъ ниспосланное отъ Него, для очищенія грѣховъ моихъ, какъ написано: *гнѣвъ Господень подъиму, яко согрѣшихъ Ему* (Мих. 6, 9). Тебѣ самому, на твою голову неблагодареніе и хула да обратятся, и тебѣ да вмѣнитъ ихъ Господь. Отступи убо отъ меня. Богъ, создавшій меня по образу Своему и по подобію, да низложитъ и да отженетъ тебя!“

Если же и послѣ сего не перестанетъ стужать этотъ духъ,—перенеси мысль свою на иной какой предметъ—Божественный или и человѣческій Прежде же всего, душа, хотящая угодить Богу, да возьмется крѣпко и держится терпѣнія и упованія, какъ пишетъ св. Макарій. Ибо хитрость вражеской злобы для того и наводитъ на насъ уныніе, чтобы лишить душу упованія на Бога. Но Богъ никогда не

допускаетъ, чтобы душу, уповающую на Него, одолѣли напасти,—ибо знаетъ всѣ немощи наши. Если и люди знаютъ, какую тяжесть можетъ нести лошакъ, какую оселъ, какую верблюдъ, и налагаютъ на каждаго по силѣ его; если и горшечникъ знаетъ, сколько времени нужно держать на огнѣ дѣлаемые имъ сосуды, чтобы излишне передержанные не потрескались, а недодержанные не оказались слабыми; если и въ людяхъ есть довольно на ихъ дѣла разсужденія,—не тѣмъ ли болѣе разумъ Божій вѣдаетъ, какое какой душѣ навести искушеніе, чтобы сдѣлать ее годною и способною къ небесному царствію и удостоить ее не только будущей славы, но и здѣсь — утѣшенія отъ Св. Духа. Зная это, да терпимъ все доблестно и безмолвно, сидя внутри своей келліи.

Правда, иногда бываетъ крайняя нужда, — какъ говоритъ св. Василій Великій,—войти въ общеніе и собесѣдованіе съ какимъ-либо опытнымъ и назидательнымъ человѣкомъ, ибо благовременное и благонамѣренное посѣщеніе такого человѣка и бесѣда съ нимъ въ мѣру, т.-е. безъ празднословія и многословія, могутъ не только изгнать изъ души уныніе, въ ней гнѣздящееся, но и, доставивъ ей нѣкоторый отдыхъ, придать силы и усердія къ дальнѣйшему подвигу въ благочестіи; но отцы, уразумѣвъ дѣло изъ собственнаго опыта, говорятъ, что въ часы искушенія лучше пребывать въ келліи, неисходно безмолвствуя.

Седьмый помыслъ — тщеславія.

Много и бдительно мы должны наблюдать за духомъ тщеславія; ибо онъ весьма сокровенно, со

всякимъ ухищреніемъ вкрадывается въ наши намѣренія и дѣйствія, преграждаетъ иноку путь къ истинному преспѣянію и силится исказить и извратить дѣло наше такъ, чтобы оно было не для Бога, но изъ тщеславія и человѣкоугодія. Поэтому нужно намъ во всякое время строго испытывать себя и свои упражненія, внѣшнія и мысленныя: для Бога ли и для пользы ли душевной они совершаются? Надлежитъ всячески избѣгать похвалъ человѣческихъ и, памятуя сказанное св. Давидомъ: — *Господь разсыпа кости человѣкоугодниковъ* (Пс. 52, 6), отгонять всякій льстивый помыслъ, внушающій сдѣлать что-либо по человѣкоугодію.—Такъ вседушно да утверждаемъ помыслъ свой, чтобы все творить намъ по Бозѣ!

Если же кто, при всемъ желаніи своемъ такъ вести себя, побѣждается иногда помысломъ тщеславія противъ воли своей,—таковый пусть исповѣдуетъ помыслъ свой въ молитвѣ къ Господу и да преложитъ его на противное, смиряя и уничижая себя; и Сердцевѣдецъ, предъ Коимъ открыта душа наша и всякое въ ней движеніе, проститъ и не вмѣнитъ намъ его.

Въ борьбѣ съ помысломъ тщеславія нужно такъ поступать: когда почувствуемъ побужденіе чѣмъ-либо потщеславиться, тогда вспомнимъ свои слезы и страшное оное предстояніе наше предъ Богомъ въ особой нашей молитвѣ, если имѣемъ ихъ. Если же нѣтъ у насъ ни того, ни другаго,—представимъ себѣ исходъ нашъ изъ сего міра, и безстыдное тщеславіе этимъ отгонится. Если же и засимъ оно гнѣздится въ насъ,—убоимся, по крайней мѣрѣ, того срама, который послѣдуетъ за тще-

славіемъ; ибо „возносящійся еще здѣсь, прежде будущаго вѣка не избѣжитъ униженія“,—говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

А когда кто-либо станетъ насъ хвалить, и своею похвалою, при содѣйствіи врага невидимаго и собственнаго нашего ослѣпленнаго сердца, породитъ въ насъ мысль, что мы достойны чести и повышенія и способны къ занятію высокихъ мѣстъ,— тотчасъ же вспомнимъ себѣ множество и тяжесть согрѣшеній нашихъ или и одно только изъ нихъ, наиболѣе гнусное, вообразимъ въ умѣ нашемъ и скажемъ себѣ: суди,—достойны ли похвалы и чести такъ поступавшіе?... Тогда вдругъ увидимъ себя совершенно нестоющими никакой и ничьей похвалы, и внушенія бѣсовскія отразятся и смущать насъ болѣе не станутъ, — сказалъ Никита Стифатъ. Если же нѣтъ въ тебѣ большихъ и студныхъ грѣховъ, то помысли о томъ, сколь широка, совершенна и многообъемлюща всякая заповѣдь Господня, и увидишь, что все твое подвижничество—капля въ сравненіи съ обширнымъ моремъ.

Такъ всегда заботясь, будемъ всячески хранить себя отъ тщеславія. Если же не будемъ трезвиться, но часто склоняться къ тщеславнымъ помысламъ,—то, укоренясь, они породятъ въ насъ *презорство* и гордость—начало и конецъ всякому злу.

Осьмый помыслъ—гордости.

Что сказать о презорствѣ и гордынѣ? Имена у нихъ различны, а въ сущности они — одно и то же: и гордыня, и презорство, и высокосердіе, и кичeніе—всѣ они преокаянны, какъ говоритъ Писаніе: *Богъ гордымъ противится*; и: *мерзокъ есть предъ*

Господемъ всякъ высокосердый (Притч. 3, 34; 16, 5) и нечистъ именуется.

Имѣющій сопротивникомъ своимъ Бога, мерзкій и нечистый предъ Нимъ—гдѣ, въ чемъ, когда и какое можетъ обрѣсть благо? отъ кого получитъ милость? и кто очиститъ его? Горестно и говорить объ этомъ... Кто поработилъ себя сей страсти—гордости, тотъ самъ для себя и бѣсъ, и врагъ,—тотъ въ себѣ самомъ носитъ скорую гибель. Итакъ, будемъ бояться и страшиться гордыни, будемъ отрѣвать—отгонять ее отъ себя всевозможно, всегда памятуя, что безъ помощи Божіей никакое добро не можетъ быть сдѣлано,—что если оставлены будемъ отъ Бога, то, подобно тому, какъ листъ колеблется, или какъ прахъ возметается вихремъ,—будемъ мы смятены и поруганы отъ діавола и сдѣлаемся отъ людей предметомъ плача. Уразумѣвъ это, всѣми мѣрами постараемся жизнь нашу проходить въ смиреніи.

Желающему обучиться смиренію,—этой Божественной наукѣ, во-первыхъ, нужно ставить себя ниже всѣхъ, т.-е. почитать себя хуже и грѣшнѣе всѣхъ людей, сквернѣе всѣхъ тварей, потому что вышелъ изъ порядка, указаннаго всякому естеству тварей,—и хуже самыхъ бѣсовъ, потому что и они преслѣдуютъ насъ и побѣждаютъ; во-вторыхъ, избирать всегда послѣднее мѣсто—и на трапезахъ и въ собраніи посреди братіи, носить худшую одежду, любить черныя и низкія работы, при встрѣчѣ съ братіею каждаго предварять низкимъ и чистосердечнымъ поклономъ, любить молчаніе, не быть велерѣчивымъ въ собесѣдованіяхъ, избѣгать спорливости и противорѣчій, быть въ трудахъ, не вы-

казывать себя— не любить дѣлать напоказъ, и не настаивать на своемъ словѣ, хотя бы оно казалось справедливымъ; ибо „у новоначальныхъ внутренній человѣкъ сообразенъ съ внѣшнимъ",—сказали отцы. „Если же внѣшній неблагоустроенъ,—не довѣряй благоустроенію и внутренняго человѣка",—говоритъ св. Василій Великій.

Св. Григорій Синаитъ говоритъ, что „тщеславіе и гордость низлагаются, а смиреніе рождается и возрастаетъ отъ самоукоренія, выражаемаго такими, напримѣръ, словами: вѣрно ли я знаю грѣхи другихъ,—какіе они и сколько ихъ? и превышаютъ ли они мои беззаконія или съ ними равняются? Не ниже ли всѣхъ мы, о, душа моя, по невѣжеству своему? И не то же ли мы, что земля и прахъ подъ ногами ихъ? Не должны ли мы почитать себя хуже всѣхъ тварей, потому что всякая тварь сохранила то, что даровано естеству ея Творцемъ, а мы чрезъ свои беззаконія потеряли всѣ совершенства и назначеніе, свойственныя намъ по природѣ? Поистинѣ, и звѣри и скоты честнѣе меня, грѣшнаго. Поистинѣ, я ниже всего, потому что я осужденникъ, и адъ уготованъ мнѣ еще прежде моей смерти. Но кто не восчувствуетъ и того, что онъ грѣшникъ,—тотъ горше самыхъ бѣсовъ, какъ ихъ рабъ, послушникъ и сожитель ихъ, имѣющій сойти къ нимъ во тьму бездны... Воистину, всякій, кто во власти бѣсовъ, тотъ горше и злосчастнѣе ихъ самихъ. Съ ними ты, окаянная душа, низринулась въ бездну.., а поэтому, будучи жертвою тлѣнія, ада и бездны, какъ ты прельщаешься умомъ своимъ и почитаешь себя праведною, будучи грѣховна, скверна и, по злымъ дѣламъ сво-

имъ, бѣсоподобна!.. Увы тебѣ, песъ нечистый и всескверный, въ огонь и тьму кромѣшную осужденный! Горе прельщенію и заблужденію твоему, о злобѣсне!“

Все это говорится о гордости иноческой—въ собственномъ смыслѣ, когда гордостный помыслъ входитъ въ душу человѣка, вслѣдствіе того, что онъ много потрудился, много подвизался, много претерпѣлъ озлобленій на пути добродѣтели или ради благоговѣйнаго житія. Но есть еще гордыня, свойственная только мірскимъ людямъ, когда кто-либо тщеславится званіемъ и преимуществами монастыря или многочисленностію братства,—сказали отцы. А гордость тѣхъ, которые гордятся множествомъ селъ и имѣній монастырскихъ или извѣстностію въ мірѣ и знакомствами, не знаю, какъ и назвать,—говоритъ преподобный Нилъ. Есть между иноками и такіе, которые высятся предъ прочими *ни чимъ же*—ничего своего не имѣя, т.-е. хорошимъ голосомъ, способнымъ къ пѣнію, или языкомъ, годнымъ для звучнаго чтенія и произношенія. Какая честь и похвала отъ Бога человѣку за то, что составляетъ не его собственность,—не отъ его воли зависитъ, а отъ природы?! Нѣкоторые еще тщеславятся искусствомъ въ рукодѣліи: судъ о нихъ таковъ же. Иные кичатся извѣстностію въ мірѣ родителей своихъ или славою родственниковъ, или и тѣмъ, что сами—до поступленія въ иночество—находились въ почестяхъ и въ числѣ сановниковъ. Это—крайнее безуміе; ибо все сіе надлежало бы скрывать. А кто и по отреченіи своемъ отъ міра сталъ бы домогаться славы, искать и принимать почести отъ людей,—стыдъ ему! Та-

коваго чествованія надобно скорѣе стыдиться, а не воздыматься имъ. Заискиваемое прославленіе для инока—не слава, а студъ: *сихъ слава студъ есть.*

Если кто-либо, ради добродѣтельнаго житія своего, будетъ нагло стужаемъ и боримъ отъ помысловъ тщеславія и гордости, то нужно знать ему, что для побѣжденія этихъ помысловъ нѣтъ болѣе сильнаго оружія, кромѣ молитвы къ Господу Богу. Боримому нужно изъ глубины души взывать: „Господи, Владыко и Боже мой! Духъ тщеславія и гордыни отжени отъ меня; духъ же смиренія даруй ми, рабу Твоему!" А вмѣстѣ съ этимъ и укорять себя нужно, какъ сказано выше; ибо Лѣствичникъ, какъ бы отъ лица тщеславія и гордости, говоритъ: „ежели самъ себя чаще предъ Господомъ укорять будешь, — насъ какъ паутину расторгнешь".

Гордостію, впрочемъ, св. Исаакъ не то называетъ, когда гордостная мысль только пробѣжитъ въ умѣ, не порабощая его и не задерживаясь въ немъ; ибо за одинъ невольный помыслъ Богъ не осуждаетъ и не наказываетъ. Если человѣкъ, какъ скоро явится въ душѣ гордостная мысль, тотчасъ же отринетъ ея страстныя движенія,—то это есть не что иное, какъ поползновеніе, за которое Господь не истязуетъ. Но гордыня собственно есть то, когда человѣкъ гордостные помыслы принимаетъ какъ будто приличные и достодолжные и не почитаетъ ихъ за губительные и богопротивные. Верхъ же гордости, когда страсть сія обнаруживается и въ словахъ, и въ дѣлахъ: это не останется безъ осужденія. Такъ и о тщеславіи и вообще о каждой страсти говорятъ отцы.

Отдѣлъ третій.

Въ третьемъ отдѣлѣ св. учитель нашъ излагаетъ общія средства, необходимыя для успѣшнаго веденія духовной брани, каковы: 1) молитва къ Богу и призываніе Его святаго имени; 2) памятованіе о смерти и о страшномъ судѣ; 3) внутреннее сокрушеніе и слезы; 4) охраненіе себя отъ злыхъ помысловъ; 5) устраненіе себя отъ всякихъ попеченій — безмолвіе, и 6) наконецъ — соблюденіе для каждаго изъ исчисленныхъ занятій и дѣйствій приличнаго времени и способа.

1.

На всѣ злые помыслы необходимо призывать въ помощь Бога; ибо мы, какъ сказалъ св. Исаакъ, не всегда обрѣтаемъ въ себѣ силу противиться лукавымъ помысламъ, а другой помощи въ этомъ дѣлѣ, кромѣ помощи отъ Бога, нѣтъ. Поэтому, руководясь наставленіемъ Нила Синайскаго, нужно намъ прилежно, съ воздыханіями и слезами молиться Владыкѣ Христу такъ: „Помилуй мя, Господи, и не даждь мнѣ погибнуть! Помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь! Посрами, Господи, борющаго мя бѣса! Упованіе мое, осѣни надъ главою моею въ день брани бѣсовскія! Борющаго мя врага побори, Господи, и обуревающіе мя помыслы укроти тишиною Твоею, Слове Божій!“ Или, по наставленію блаженнаго Ѳеодора Студита, молиться на нечистые помыслы словами прор. Давида: *Суди, Господи, обидящія мя и побори борющія мя*, и далѣе — весь псаломъ 34; и какъ написалъ пѣснописецъ: „Разсѣянный мой умъ собери, Господи, и оляди-

нѣвшее—поросшее дурною травою — мое сердце очисти. Яко Петру, даруй мнѣ покаяніе, яко мытарю—воздыханіе, яко блудницѣ—слезы, да зову къ Тебѣ: помози ми и отъ скверныхъ помысловъ избави мя! Ибо, яко волны морскія, возстаютъ на мя беззаконія мои, и, яко корабль въ пучинѣ, погружаюся помышленіями моими; но въ тихое пристанище настави мя, Господи, покаяніемъ и спаси мя! Зѣло бо скорблю за немощь ума моего, яко не хотя стражду воистину невольное измѣненіе—колебаніе, обуреваніе, крушеніе. Сего ради вопію ти: Безначальная Троице Святая, помози мнѣ и въ состояніи мя добрыхъ помысловъ и чувствованій учини!“

Такъ, выбирая изъ Св. Писаній приличное на каждый помыслъ и каждому времени потребное, и подобнымъ образомъ будемъ призывать Бога на помощь противъ всѣхъ помысловъ, и Онъ упразднитъ, отженетъ ихъ.

Если же и намъ, немощнымъ, когда-либо нужно будетъ стать противъ стужающихъ намъ лукавыхъ помысловъ, запрещая, противодѣйствуя и прогоняя ихъ,—то да совершаемъ это не просто, какъ прилучится, но такъ же, по примѣру св. отцевъ, именемъ Божіимъ и глаголами Божественныхъ Писаній, говоря каждому помыслу: *Господь да запретитъ тебѣ* (Iуд. ст. 9): и такъ: *отступите отъ мене вси дѣлающіи беззаконіе, и уклонитесь отъ мене лукавнующіи* (Пс. 6. 9), да поучуся въ заповѣдяхъ Бога моего; и по примѣру того старца, который говорилъ: *отыди окаянне*, и: *пріиди возлюбленне*. — „Съ кѣмъ это ты, отче, бесѣдовалъ“?—спросилъ его одинъ изъ братій, слышавшій сіе и думавшій, что онъ съ кѣмъ-либо разговаривалъ.—„Я отгонялъ злые

помыслы, а благіе призывалъ". — отвѣчалъ ему старецъ. Сіе и сему подобное да глаголемъ и мы, когда то намъ будетъ нужно и удобно.

2.

Отцы говорятъ вообще, что въ нашемъ духовномъ дѣлѣ весьма полезно и потребно имѣть всегдашнюю память о смерти и о страшномъ судѣ: а Филоѳей Синаитъ устанавливаетъ дѣлу сему даже чинъ и порядокъ. — „Отъ утра, говоритъ, до времени ястія пребудь въ памятованіи о Богѣ, т.-е. въ молитвѣ и храненіи сердца; а потомъ, возблагодаривъ Бога, должно погрузить умъ свой въ размышленіе о смерти и о судѣ". Кто посвятитъ себя этому размышленію, тому наипаче должно имѣть въ себѣ сіи глаголы Господни: *въ сію нощь Ангелы истяжутъ душу твою отъ тебе* (Лук. 12, 20): *о праздныхъ словѣхъ будете отвѣщать въ день судный* (Мѳ. 12, 36); *сердечныя помышленія сквернятъ человѣка* (Мѳ. 15, 18); или слова св. Апостоловъ: *конецъ приближися* (1 Петр. 4, 7); *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (2 Сол. 5, 2); *всѣмъ намъ подобаетъ предстати судищу Христову* (2 Кор. 5, 10); *слово Божіе судитъ не только дѣломъ и словесемъ, но и помышленіямъ сердечнымъ* (Евр. 4, 12).

Начальникъ отцевъ, св. Антоній Великій, говоритъ: „намъ должно такъ думать въ себѣ, что и настоящаго дня не доживемъ до конца". Св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: „*поминай послѣдняя твоя, и вовѣки не согрѣшиши* (Сир. 7, 39), и память смертная всегда да будетъ съ тобою". Св. Исаакъ Сиринъ сказалъ: „всегда носи, человѣче, въ сердцѣ твоемъ память объ отшествіи твоемъ". И всѣ свя-

тые память сію и сами всегда имѣли, и другимъ желающимъ спасенія внушали имѣть. И не только святые, но и внѣшній образъ любомудрія гласитъ, что память о смерти весьма нужна для нравственнаго совершенства.

Но что намъ, страстнымъ и немощнымъ, дѣлать? Откуда научиться сему дѣланію, чтобы хоть мало водрузить и вкоренить въ сердцахъ нашихъ память смертную? „Въ совершенствѣ и полнотѣ памятованіе о смерти и о судѣ есть дарованіе и дивная благодать Божія“,—сказалъ св. Исаакъ. А наше непостоянство, наше пареніе мысли и омрачающая забывчивость составляютъ великое препятствіе утвердиться намъ въ памяти о *послѣднихъ*, т.-е. о смерти, судѣ, адѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Мы часто приводимъ ихъ на мысль, иногда бесѣдуемъ другъ съ другомъ о смерти; но внутрь сердца своего углубить и вкоренить сего не можемъ... Несмотря на это, да не малодушествуемъ и да не прекращаемъ нашего объ этомъ старанія; ибо, при помощи Божіей, трудомъ и временемъ, т.-е. потрудясь и потерпѣвъ, достигаемъ желаемаго успѣха.

А желающему въ этомъ успѣха должно поступать такъ: пусть онъ твердо памятуетъ, что сказано выше: пусть уразумѣетъ крайнюю необходимость и пользу памяти смертной; пусть убѣдится, что какъ хлѣбъ нужнѣе всѣхъ яствъ, такъ и память смертная благопотребнѣе всѣхъ добродѣтелей. „Какъ невозможно алчущему не помнить о хлѣбѣ, такъ и желающему спасенія невозможно не имѣть памяти о смерти“,—сказали отцы. Далѣе,—пусть соберетъ умъ свой и сосредоточитъ его въ томъ,

что изрекли святые въ писаніяхъ своихъ о различныхъ и страшныхъ видахъ и родахъ смерти, какъ, напр., Григорій Бесѣдовникъ и многіе другіе.

Думаю,—говоритъ преп. Нилъ,—что полезно намъ воспоминать и о тѣхъ различныхъ родахъ смерти, которые были въ наше или въ недавнее время, — о которыхъ мы слышали или которыхъ были очевидцами. Сколько, не изъ мірянъ только, но изъ иноковъ, знаемъ мы такихъ, которые благоденствовали, услаждались житіемъ вѣка сего, имѣли надежду на долгую жизнь, будучи еще далеки отъ старости,—и внезапно сражены смертію?! Многіе изъ нихъ застигнуты часомъ смерти такъ быстро, что не успѣли и проститься. Одни изъ нихъ восхищены, когда стояли или сидѣли; другіе за ястіемъ и питіемъ вдругъ испустили послѣднее дыханіе; иные скончались, идя по дорогѣ; иные уснули сномъ вѣчнымъ на ложѣ, на которое возлегли съ мыслію—успокоить тѣло малымъ только и временнымъ сномъ. Нѣкоторые, какъ знаемъ, въ послѣдній часъ подверглись истязаніямъ столь страшнымъ и мучительнымъ, что и представить ихъ себѣ ужасно. Приводя все это на память себѣ, размыслимъ: гдѣ наши друзья и знакомые? Что осталось теперь отъ тѣхъ изъ нихъ, которые были здѣсь въ чести, въ славѣ, облечены властію, пользовались богатствомъ и всякимъ вещественнымъ изобиліемъ? Не все ли это обратилось въ тлю, дымъ и прахъ?!..

Вспомнимъ св. пѣснописца (св. Іоанна Дамаскина), говорящаго объ этомъ: „кая житейская сладость печали пребываетъ непричастна? или кая слава стоитъ на земли непреложна? Вся сѣни не-

мощнѣйша, и вся соній прелестнѣйша: единъ часъ, и вся сія смерть пріемлетъ. Воистину убо всяческая суета въ житіи семъ, елика съ нами не пребудутъ по смерти: не предъидетъ тамо богатство житія сего, ниже снидетъ съ нами слава вѣка сего, но пришедши смерть вся сія погубитъ". Итакъ, уразумѣвъ суету вѣка сего, для чего мятемся мы всуе, прилѣпляясь къ житейскому. Путь, коимъ шествуемъ, кратокъ. Наша жизнь — дымъ, паръ, персть и пепелъ: является, и вскорѣ исчезаетъ; даже и путемъ назвать ее не стоитъ—*и пути худши есть*, по слову Златоуста.

„Путешествующій,—разсуждаетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—въ какую сторону захочетъ пойти—идетъ, а въ какую не захочетъ — нейдетъ; и когда находится въ гостинницѣ,—знаетъ, когда пришелъ въ оную и когда имѣетъ отойти; вечеромъ пришелъ, утромъ отойдетъ: но если захочетъ—можетъ замедлить или ускорить отшествіемъ. А мы, хочемъ или не хочемъ, должны неотложно выйти изъ міра сего; и намъ неизвѣстно, когда выйдемъ изъ него; и не въ нашей состоитъ то волѣ, чтобы остаться здѣсь на нѣсколько времени, хотя бы мы и желали сего, но внезапно находитъ на насъ воистину страшное таинство смерти. Душа съ трудомъ отходитъ отъ тѣла, разрывая, по изволенію Божію, и расторгая составы и нити, скрѣплявшія ихъ естественный союзъ. И что сотворимъ тогда, если заранѣе не подумали объ этомъ часѣ, если не приготовлялись къ нему и обрящемся неготовыми? Ибо въ тотъ горькій часъ уразумѣемъ, какъ великъ подвигъ души, разлучающейся съ тѣломъ! О, какой плачъ она тогда подниметъ! Но некому будетъ

помочь ей, никто не помилуетъ ее. Будетъ она возводить очи къ Ангеламъ и молить ихъ, но безуспѣшно; простретъ руки свои къ людямъ, но не найдетъ помогающаго ей никого, никого, кромѣ Бога и добрыхъ дѣлъ!"...

Итакъ, уразумѣвъ краткость нашей жизни, позаботимся о смертномъ часѣ нашемъ, не вдаваясь въ молвы міра сего и въ неполезныя попеченія: *всуе бо мятется всякъ человѣкъ,*—говоритъ Св. Писаніе. Хотя бы мы и весь міръ пріобрѣли себѣ, но во гробъ вселимся, ничего не взявъ туда изъ міра сего: ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести, ни другаго какого-либо здѣшняго блага. Вотъ мы смотримъ въ гробы,—что же видимъ? Видимъ „созданную нашу красоту—безобразну, безславну, не имущую доброты". Видя блаженныя кости, узнаемъ ли по нимъ: кто царь, кто нищій, кто славный, кто неславный? Гдѣ красота и велелѣпіе міра сего? Не все ли обратилось въ смрадъ и приняло видъ отвратительный! И вотъ все, что міръ имѣетъ прекраснаго и вожделѣннаго, измѣнилось въ непотребство и ничтожество: какъ увядшій цвѣтъ отпадаетъ, какъ тѣнь мимоходитъ,—такъ преходитъ все человѣческое. Почудимся тако превратности и воззовемъ въ душѣ своей: „О, чудесе! что сіе, еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть".

За преступленіе заповѣди Адамъ подпалъ болѣзни, всякому бѣдствію; и за вкушеніе отъ древа въ Едемѣ, когда змій изблевалъ ядъ свой, всеродная вошла смерть, поражающая насъ. Но предвидѣвшій смерть Владыка и глубиною неизреченн-

ной Своей мудрости полагающій предѣлъ или подающій уроки нашей жизни, пришедъ, низложилъ змія и, даровавъ намъ воскресеніе, переселяетъ рабовъ Своихъ въ жизнь иную.

Итакъ воспріимемъ въ умъ свой второе пришествіе Господне и наше воскресеніе, и страшный судъ, воспоминая все то, что объ этихъ событіяхъ сказалъ Господь въ Евангеліи Своемъ, какъ написалъ богогласный Матѳей: *По скорби дней тѣхъ*, сказалъ Господь, *солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся. И тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси: и тогда восплачутся вся колѣна земная, и узрятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою. И послетъ Ангелы Своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ, и соберутъ избранныя Его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мѳ. 24, 29—31). А возлюбленный ученикъ Господа, богогласный Іоаннъ, передаетъ слѣдующіе глаголы Его: *пріидетъ часъ, въ онъ же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда*. (Іоан. 5, 22—29). И опять Евангелистъ Матѳей пишетъ: *Егда пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своея. И соберутся предъ Нимъ вси языцы: и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ. И поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Сущимъ же ошуюю Его речетъ: отъидите отъ*

Мене прокляти во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же—въ животъ вѣчный (25, 31—46).

Что, братія, что можетъ быть страшнѣе и ужаснѣе того грознаго отвѣта и видѣнія, когда увидимъ всѣхъ согрѣшившихъ и непокаявшихся, которые за нераскаянность свою, праведнымъ опредѣленіемъ Божіимъ, будучи отсылаемы на вѣчныя мученія, въ несказанно лютомъ трепетѣ, возопіютъ неуслышанно и восплачутся горько? Какъ не тронуться и не возрыдать, когда вообразимъ въ умѣ своемъ тѣ страшныя и лютыя муки, о которыхъ говоритъ Писаніе: „огнь вѣчный, тьму кромѣшнюю, пропасть глубокую, червь лютый и неусыпающій, скрежетъ зубовъ“ и прочія страданія, имѣющія постигнуть людей согрѣшившихъ и дѣлами своими прогнѣвавшихъ всеблагаго Бога,—*отъ нихъ же первый есмь азъ окаянный?* Какой страхъ, братія, обниметъ насъ, когда поставятся престолы, разгнутся книги, Богъ сядетъ на судѣ со славою, и Ангелы будутъ предстоять Ему въ трепетѣ? И что мы, виновные въ грѣхахъ многихъ, будемъ дѣлать тогда, когда услышимъ, что Господь благословенныхъ Отца Своего призываетъ въ царствіе небесное, а грѣшныхъ, отдѣливъ отъ среды избранныхъ, отсылаетъ въ муки? Какой дадимъ отвѣтъ? Что скажемъ, когда всѣ дѣла наши предстанутъ намъ въ обличеніе, и всѣ наши тайныя слова, помышленія,—все, днемъ и ночью сдѣланное сокровенно, обнаружится предъ всѣми? Какой срамъ тогда покроетъ насъ? Отречься отъ студныхъ дѣлъ не будетъ никакой возможности: истина уличитъ, и страхъ превеликій и стыдъ поразитъ души грѣшныхъ. Не то будетъ съ правედни-

ками: они въ радости и веселіи войдутъ въ чертогъ небесный и прінмутъ награду за добрыя дѣла свои. И кто можетъ, братія, изрещи страхъ оный и ужасъ втораго пришествія Господня и суда страшнаго, *неумытнаго*, неподкупнаго, нелицемѣрнаго? „Если бы,—говоритъ нѣкто изъ отцевъ,—возможно было тогда умереть,—весь міръ умеръ бы отъ страха".

Поэтому-то убоимся и ужаснемся, и углубимъ все это въ умѣ нашемъ. Если бы сердце наше и не желало сего,—будемъ принуждать его думать объ этомъ и въ душѣ своей взывать: „Увы, омраченная душа, се приблизилось время твоего съ тѣломъ разлученія! Доколѣ не отстанешь отъ злыхъ дѣлъ? доколѣ будешь пребывать въ разлѣненіи? Почто не думаешь о страшномъ часѣ смертномъ? Почто не ужасаешься страшнаго суда Спасова? Какой дашь отвѣтъ или что скажешь тогда въ оправданіе свое? Се дѣла твои предстоятъ, обличая тебя и свидѣтельствуя противъ тебя!... Но, о, душа, пока имѣешь время, отступи отъ дѣлъ срамныхъ, примись за благое житіе: прибѣгни къ Господу, предвари Его и вѣрою возопій: „согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ Ти злѣ! Но вѣмъ благоутробное Твое человѣколюбіе. Того ради припадаю и молюся Твоей благости, да пріидетъ на мя милость Твоя, Владыко. Яко смятется душа моя и болѣзненна будетъ во исхожденіи своемъ отъ окаяннаго моего и скверпаго тѣлесе сего, да нѣкогда лукавый супостата совѣтъ срящетъ и препнетъ ю во тьмѣ, за невѣдомые и вѣдомые въ житіи семъ бывшіе ми грѣхи. Милостивъ буди ми, Владыко, и да не узритъ душа моя мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ: но да прімутъ ю Ангели

Твои свѣтліи и пресвѣтліи. Имѣяй власть оставляти грѣхи, остави ми, да почію, и да не обрящется грѣхъ мой предъ Тобою, еже согрѣшихъ немощи ради естества моего, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, въ разумѣ и неразуміи! Да обрящуся предъ Тобою, въ совлеченіи тѣла моего, неимущь никоея же скверны на образѣ души моея, и да не пріиметъ мене, грѣшника, рука темнаго князя міра сего, еже исторгнути мя во глубину адову: но предстани ми, и буди ми Спасъ и Заступникъ! Помилуй, Господи, осквернившуюся страстьми житія сего душу мою, и чисту ю покаяніемъ и исповѣданіемъ пріими, и Твоею силою возведи мя на Божественное Твое судище. И егда пріидеши, Боже, на землю со славою и сядеши, Милостиве, на престолѣ Твоемъ, праведный Твой судъ судити, мы же вси нази, яко осуждени, неумытному Твоему суду предстанемъ, и егда начнеши творити испытаніе нашимъ согрѣшеніемъ: тогда, Преблагій, не обличи моя тайная, ниже посрами мене предъ Ангелы и человѣки, но пощади мя, Боже, и помилуй мя. Понеже страшное Твое судище помышляя, Преблагій, дне суднаго трепещу и боюся, отъ совѣсти моея обличаемъ, и скорблю зѣло о дѣяніяхъ моихъ лукавыхъ, и недоумѣваюся, како отвѣщаю Тебѣ, безсмертному Царю, яко Тебе горцѣ прогнѣвахъ: коимъ ли дерзновеніемъ воззрю на Тя, страшнаго Судію, азъ скверный и блудный?! Но, Господи, благоутробне Отче, Сыне единородный и Душе Святый, помилуй мя и избави мя тогда огня неугасимаго, и сподоби мя одесную Тебе стати, Судіе праведнѣйшій!“

Примѣчаніе. Молитва эта составлена препод. Ниломъ изъ молитвъ великомученика Евстратія и преп.

матери Макрины. Желающимъ научиться памятованію о смерти и о страшномъ судѣ преполезно читать эту молитву ежедневно, отходя ко сну.

3.

Такъ и подобнымъ образомъ, молясь и размышляя, какъ указано выше, если, благодатію Божіею, обрящемъ слезы,—говоритъ преподобный,—то нужно плакать столько, сколько то возможно: *елико силу и крѣпость имамы;* ибо плачъ избавляетъ насъ отъ вѣчнаго огня и прочихъ будущихъ мукъ,—сказали отцы. Если же не сможемъ плакать много, то понудимъ себя хоть нѣсколько каплей испустить слезъ сердечнымъ сокрушеніемъ; ибо, по словамъ св. Лѣствичника, Благій нашъ Судія на слезы наши, равно какъ и на всякое наше дѣло, взираетъ и судитъ о нихъ не по количеству, а по качеству и по мѣрѣ силы и возможности нашей. „Видѣлъ я,—говоритъ онъ,—немногія капли слезъ, но такихъ, которыя, какъ кровь, истекаютъ съ болѣзненнымъ чувствомъ; видѣлъ также и обильныя слезы, но такія, которыя струятся, какъ источникъ,—свободно, безъ болѣзни. Видѣлъ то и другое, и сужу о томъ и другомъ не по количеству слезъ плачущаго, а по страждущему чувству сердца его. Думаю, что и Божій судъ таковъ же".

Если же, по немощи нашей или отъ небреженія, или по иной какой-либо причинѣ, не возможемъ и малаго плача имѣть,—да не унываемъ и да не малодушествуемъ, но будемъ скорбѣть и воздыхать, и сѣтовать, и печалиться, взыскуя его съ благою надеждою: ибо „скорбь и томленіе духа,—говоритъ св. Исаакъ,—восполняетъ недостающую мѣру всѣхъ

дѣлъ тѣлесныхъ“. Согласно съ симъ и св. Лѣствичникъ разсуждаетъ: „нѣкоторые, желая и не обрѣтая слезъ, окаиваютъ себя, удручаютъ стенаніями и тугою душевною, внутренно сѣтуютъ и плачутъ; и все это вполнѣ замѣняетъ имъ слезы, хотя то вмѣняется ими ни во что“. „Бываютъ еще случаи,— говоритъ св. Исаакъ,—когда слезъ не бываетъ по причинѣ какой-либо немощи, и тѣлесная немощь бываетъ причиною не только того, что желающіе и ищущіе плача не плачутъ, но и у тѣхъ, кои обрѣли уже и пріяли даръ слезъ, благодатный токъ ихъ прекращается и сердечная теплота охлаждается“. И Симеонъ новый Богословъ, бесѣдуя о слезахъ, поучаетъ плакать всегда, если только, по нѣкоему неизреченному смотрѣнію Божію или по приключившейся немощи, не оскудѣетъ источникъ слезъ. То же явствуетъ и изъ Св. Писанія, въ которомъ псалмопѣвецъ Давидъ, какъ бы замѣняя слезы наружныя плачемъ внутреннимъ, говоритъ: *жертва Богу—духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19). Итакъ нужно скорбѣть въ мысли, печалиться и искать слезъ духомъ сокрушеннымъ и сердцемъ смиреннымъ.

Искать слезъ должно такъ, какъ повелѣваетъ Св. Писаніе, если истинно желаемъ ихъ. Изъ св. отцевъ со всею обстоятельностію о слезахъ поучаетъ св. Симеонъ новой Богословъ, приводя и представляя то, что сказали о нихъ псалмопѣвецъ Давидъ и Лѣствичникъ. Желающій изучить это дѣло, или лучше—важнѣйшій и высшій урокъ всей духовной науки, пусть вникнетъ въ самую книгу Симеона Богослова и, сообразуясь съ изложеннымъ въ ней, да исполняетъ, если только не изне-

можетъ составъ тѣла его. Но слишкомъ изнурять тѣлесное естество не полезно; ибо если сверхъ силы будешь понуждать немощное тѣло на дѣло,—помраченіе къ помраченію души приложишь и усилишь ея смущеніе,—говоритъ св. Исаакъ согласно съ прочими отцами. Но нужно знать, что отцы разумѣютъ здѣсь немощь истинную, а не притворную и воображаемую, и что нужно всегда и во всемъ понуждать себя неотложно,—говоритъ св. Симеонъ. Онъ же и то сказалъ, что когда душа наша пребываетъ въ надлежащемъ устроеніи, то не можетъ быть безъ слезъ. А мы, если не достигли въ мѣру совершенства, постараемся пріобрѣсти хотя малую часть слезъ и будемъ просить ихъ у Господа Бога съ болѣзнію сердца; ибо отцы сказали, что слезы суть даръ Божій,—даръ изъ числа великихъ даровъ, и повелѣли испрашивать его отъ Господа.

Такъ, преп. Нилъ Синайскій говоритъ: „прежде и паче всего о дарованіи слезъ молися“. А блаженный Григорій, святѣйшій папа Римскій, пишетъ: „Кто пребываетъ въ благихъ дѣлахъ и сподобился нѣкоторыхъ дарованій отъ Бога, но не стяжалъ еще слезъ,—тотъ долженъ молиться о томъ, чтобы плакать, или помышляя о страшномъ судѣ, или стремясь къ царствію небесному, или каясь въ злыхъ дѣлахъ, прежде содѣянныхъ, или у Креста Господня, взирая на страждущаго за насъ и распинаемаго дражайшаго Искупителя нашего,—такимъ образомъ и онъ вступитъ на ту степень, на которой находятся великіе подвижники, горящіе любовію. Въ поясненіе сего св. Григорій приводитъ изъ Св. Писанія сказаніе объ Асхани, дочери Халевовой.—Сидя на ослѣ, она вздыхая просила у

отца своего участка земли, имѣющей воду: *суху далъ ми еси*, говоритъ она отцу, *приложи мнѣ и водную, яже долѣ: и даде ей отецъ ея суху, яже горѣ, и водную, яже долѣ* (Іис. Нав. 15, 18). Подъ Асханью разумѣй,—поясняетъ св. отецъ,—примѣнительно душу, сидящую на осляти, т.-е. на безсловесныхъ плотскихъ движеніяхъ; а то, что Асхань, воздохнувши, просила у отца своего водоточную землю, представляетъ ту истину, что и намъ должно съ великою болѣзнію сердца и съ воздыханіями просить у Зиждителя нашего дара слезъ". Съ этимъ согласны и прочіе святые.

Какъ же будемъ просить? Какъ станемъ молиться о дарованіи слезъ? Откуда положимъ начало? Не иначе, какъ только отъ Божественныхъ Писаній: *не довольни бо есмы и помыслити что отъ себе* (2 Кор. 3, 5), но довольство наше—богодухновенныя Писанія,—какъ написали святые.—Напр. *Андрей Критскій*: „Откуда начну оплакивать дѣянія моего страстнаго житія? Какое начало положу моему настоящему сѣтованію? Но, какъ Милосердый, даруй мнѣ, Господи, слезы умиленія, да плачуся предъ Тобою, Творцомъ всѣхъ и Создателемъ нашимъ—Богомъ. Предъ Тобою, Спасе, открываю, елика согрѣшихъ окаянною моею душею и скверною моею плотію, да Твоею помощію укрѣпляемый, отвергнусь прежняго безсловесія и принесу Тебѣ слезы покаянія". *Германъ, патріархъ Цареградскій*: „Боже мой, Творче всего міра, Создателю мой, изведшій нѣкогда воду изъ несѣкомаго камня и усладившій горькія воды Мерры, даруй зеницамъ очей моихъ источники слезъ, исполни главу мою чистительными водами и вѣжди мои сотвори облаками всегда слезоточными!

Ибо нечистота моего смысла и скверны души требуютъ, Владыко, окропленія и очищенія отъ Твоего человѣколюбія, сердечныя мои очи жаждутъ непрестаннаго дождя водъ слезныхъ, или озера, или источника душечистительнаго". *Св. Ефремъ Сиринъ:* „Даруй, Владыко, мнѣ, недостойному, всегдашнія слезы на просвѣщеніе сердцу, да, просвѣтившись сердцемъ, изведу источники слезъ съ сладостію въ молитвѣ чистой, да потребится великое написаніе моихъ грѣховъ въ слезахъ малыхъ, и да угасится малымъ симъ плачемъ тамошній огонь палящій". *Симеонъ новый Богословъ:* „Господи, Зиждителю всѣхъ! Самъ даруй ми руку помощи, очисти скверну души моей и подаждь ми слезы покаянія, слезы любительныя—изъ любви,—слезы спасительныя,—слезы, очищающія мракъ ума моего и свѣтлымъ меня содѣлывающія, дабы зрѣть Тебя—Свѣта міру,—просвѣщеніе окаянныхъ очей моихъ". *Пѣснописецъ:* „О, Христе, Царю всѣхъ, даруй мнѣ слезы теплыя, да оплачу душу мою, которую злѣ погубилъ. Даруй мнѣ, Христе, яко щедръ, тучу слезъ Божественнаго умиленія, да плачуся, и омыю скверну сластей, и явлюся очищенъ предъ Тобою... Даруй мнѣ слезы, Христе Боже, какъ древле Ты даровалъ ихъ женѣ-грѣшницѣ"... И прочіе, подобные симъ, молитвенные стихи, находящіеся въ Писаніяхъ святыхъ, нужно съ усердіемъ произносить изъ глубины души, испрашивая слезъ и чаще моляся ко Господу, да подастъ намъ благодать сію слезную, которая, по словамъ св. Исаака Сирина, лучше и превосходнѣе прочихъ дарованій, и чрезъ которую, если стяжемъ ее, войдемъ въ чистоту душевную и сподобимся всѣхъ благъ духовныхъ.

Есть нѣкоторые и такіе, которые еще не стяжали совершенно слезнаго дара, но пріобрѣтаютъ его—иной чрезъ созерцаніе тайнъ домостроительства и человѣколюбія Господня, иной—чрезъ чтеніе повѣстей, житій, подвиговъ и поученій святыхъ, иной—посредствомъ одной, наединѣ творимой, молитвы Іисусовой, иной приходитъ въ умиленіе отъ нѣкоторыхъ молитвъ, составленныхъ святыми, иной умиляется нѣкоторыми канонами и тропарями, иной—отъ воспоминанія своихъ грѣховъ, иной—отъ памятованія смерти и суда, иной—желаніемъ будущаго наслажденія и иными различными способами пріобрѣтаютъ слезный даръ. И кто какимъ предметомъ возбуждается къ слезамъ, о томъ и размышлять ему нужно, чтобы поддержать плачъ до тѣхъ поръ, пока не прейдетъ; ибо „желающій избавиться отъ грѣховъ плачемъ избавляется отъ нихъ, и желающій предохранить себя отъ нихъ плачемъ же предохраняется“,—сказали отцы. Въ томъ-то и состоитъ путь покаянія съ плодомъ его, чтобы и во время напасти, находящей на насъ, и при всякомъ наводимомъ отъ врага помыслѣ плакать предъ благостію Божіею, да поможетъ намъ. И если будемъ молиться съ разумомъ,—Господь не умедлитъ подать намъ покой и умиротвореніе. Св. Симеонъ новый Богословъ всѣ добродѣтели называетъ воинствомъ, а умиленіе и плачъ величаетъ царемъ и военачальникомъ; ибо плачъ, говоритъ, съ одной стороны вооружаетъ, научаетъ и укрѣпляетъ насъ бороться съ врагомъ во всѣхъ начинаніяхъ, а съ другой—сохраняетъ отъ пораженій противнаго.

Но если бы и такъ случилось, что умъ нашъ,

погрузясь въ какіе-либо простые помыслы, возбужденные слухомъ или видѣніемъ предметовъ пріятныхъ или горестныхъ для чувства, тронулся бы ими до пролитія слезъ,—то естественныя эти слезы нужно преложить и перевесть на духовныя и спасительныя, обративъ умъ свой къ славословію Бога, къ исповѣданію Его совершенствъ и дѣлъ или къ размышленію о смерти, о судѣ, о мукахъ и проч., и такимъ образомъ плакать слезами благодатными. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что естественныя слезы прелагать въ слезы духовныя достохвально; но замѣчаетъ, что если душа наша, по благодати Божіей, умиляется и слезитъ безъ нашего напряженія—сама собою, то это не что иное есть, какъ Божіе посѣщеніе, и слезы тѣ—слезы благодатныя, благочестивыя. Таковыя слезы должно хранить, какъ зѣницу ока, пока отыдутъ; потому что онѣ имѣютъ большую силу и дѣйствительность къ истребленію и искорененію грѣховъ и страстей, чѣмъ тѣ слезы, которыя возбуждаются съ трудомъ и разными мѣрами или *ухищреніемъ*.

Когда же, при вниманіи къ себѣ, т.-е. *храненіемъ сердечнымъ*, воздѣйствуетъ въ насъ, благодатію Божіею, духовная сила молитвы, проникая насъ теплотою, согрѣвающею сердце и веселящею душу, неизреченно воспламеняя насъ любовію къ Богу и человѣчеству, просвѣтляя умъ и разливая во внутренности нашей чувство радованія,—тогда слезы изливаются сами собою и источаются безъ усилія съ нашей стороны—*самоисходно*,—тогда, какъ говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, душа, подобно младенцу, и плачетъ и купно осклабляется, т.-е. духовно радуется, выражая эту радость и на лицѣ

своемъ. Да сподобитъ насъ Господь этихъ слезъ! Ибо намъ, новоначальнымъ, слабымъ и неопытнымъ, кромѣ сего, нѣтъ другаго утѣшенія.

А когда, благодатію Божіею, даръ сей,—даръ благодатныхъ слезъ въ насъ умножится,—тогда и брань съ врагомъ бываетъ легче, и помыслы умиротворяются и утѣшаются, и умъ, какъ нѣкоею обильною пищею, насыщается и услаждается молитвою: изъ глубины сердца льется нѣкая несказанная сладость, ощущаемая по всему тѣлу, и всякое болѣзненное чувство превращающая во всѣхъ членахъ въ радостное взыграніе.

Вотъ утѣшеніе, происходящее отъ плача,—говоритъ св. Исаакъ,—по слову Господню: *комуждо по благодати, данный ему* (Рим. 12, 26)! Тогда радость, чувствуемая человѣкомъ, бываетъ такова, какой не обрѣтается въ вѣкѣ семъ. И это никому вполнѣ не извѣстно, кромѣ тѣхъ, которые всецѣло посвятили себя отъ всей души на дѣло сіе.

4.

Когда Господь благодатію Своею сподобитъ насъ обрѣсти слезы и восплакать, или когда поможетъ намъ совершить чистую молитву, тогда всемѣрно да блюдемся отъ духа гнѣвнаго и отъ прочихъ злыхъ приреженій. Ибо врагъ нашъ, въ это особенно время, или старается возмутить насъ внутренними помыслами и страстными движеніями, или ухищряется отвнѣ навести на насъ брань и мятежъ, чтобы дѣло наше запятнать и сотворить порочнымъ.

„Когда помолишься чисто и трезвенно,—говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ,—вскорѣ за симъ будешь ра-

туемъ и разжигаемъ на гнѣвъ. Таково ухищреніе враговъ нашихъ! Поэтому всякое доброе дѣло, а наипаче молитву, всегда должно совершать со всевозможнымъ вниманіемъ и чувствомъ, а послѣ молитвы беречься ярости, гнѣва и иныхъ душевредныхъ волненій. У новоначальныхъ безгнѣвіе удерживается и блюдется слезами, какъ нѣкоею браздою. И если выпустимъ эту бразду или воздѣйствуемъ ею неправильно,—тотчасъ начинается безчинство".

„Бѣсъ крайне завидуетъ молящемуся человѣку,— говоритъ Нилъ постникъ (Синайскій),—и всѣми кознями силится отвратить отъ молитвы умъ его, непрестанно возбуждая въ памяти его разныя представленія и въ тѣлѣ приводя въ движеніе всѣ страсти, чтобы запнуть добрый подвигъ и шествіе молитвенное къ Богу. А когда этотъ лукавѣйшій духъ, послѣ многихъ ухищреній своихъ, не возможетъ воспрепятствовать крѣпкой молитвѣ прилежно молящагося, то на время ослабляетъ свои дѣйствія, чтобы потомъ, по совершеніи молитвы, напасть на него съ большею злобою, и или, возмутивъ его гнѣвомъ на кого-либо, лишаетъ душу того настроенія, какое даруется молитвою, или, раздраживъ чувственность какою-либо сластію, помрачаетъ умъ. Поэтому, *помолився якоже подобаетъ, ожидай яже не подобаетъ, и стой мужественно и бодренно, сохраняя плодъ свой*; *ибо исперва на то поставленъ ты, чтобы дѣлати и хранити*. Итакъ, дѣлая и трудясь, не оставляй безъ охраненія того, что стяжалъ трудомъ и дѣланіемъ; безъ этого же никакой пользы не будетъ тебѣ отъ молитвы".

Явно, что о *дѣланіи и храненіи* св. отецъ беретъ

слова изъ райской исторіи Адама; ибо Писаніе говоритъ: *сотвори Богъ Адама, и посели его въ раи, еже дѣлати и хранити его—рай* (Быт. 2, 4). Райскимъ *дѣломъ* онъ называлъ здѣсь молитву, а соблюденіе себя, или своего сердца, послѣ молитвы отъ злыхъ и лукавыхъ помысловъ — *храненіемъ*. Итакъ, если Господь удостоитъ насъ посѣщенія Своею благодатію во время молитвы, плача, богомыслія, то да сохраняемъ себя всячески отъ всякихъ недобрыхъ помысловъ, наипаче же отъ худыхъ словъ и дѣлъ, и свои чувства да ограждаемъ бдительно, чтобы чрезъ нихъ не воздвиглась на насъ брань.

Если же по нуждѣ, противъ воли нашей, душа наша впадетъ въ какія-либо помышленія,—тотчасъ да прибѣгаемъ къ Творцу нашему съ мольбою, и Онъ разсѣетъ ихъ. Прямѣе и благонадежнѣе этого способа инаго нѣтъ. И такимъ образомъ, при содѣйствіи Божіемъ, мы сохранимъ души наши въ страхѣ Его, не попуская уму нашему разсѣяться и ослабнуть отъ обуреванія помысловъ, ни быть расхищену отъ какихъ-либо суетныхъ удовольствій, и удаляя отъ себя все то, отъ чего можетъ быть, при слабости ума, утрачено пріобрѣтенное посредствомъ умиленія сердечнаго. Послѣ слезъ и послѣ молитвы, твердо и крѣпко да стоимъ въ томъ же, т.-е слезно-молитвенномъ настроеніи духа.

5.

Сіи чудныя дѣланія, о которыхъ мы сказали, непремѣнно требуютъ *отсѣченія попеченій*, т.-е. чтобы умереть для всего житейскаго и упражняться со всѣмъ прилежаніемъ и вниманіемъ въ одномъ

дѣлѣ Божіемъ, какъ сказали великіе отцы, собственнымъ опытомъ познавшіе эту мудрость.

Св. Макарій Великій говоритъ: „кто хочетъ приступить ко Господу, сподобиться вѣчной жизни, сдѣлаться обителію Христовою, исполниться Духа Святаго, чтобы прійти въ состояніе приносить плоды Духа, чисто и неукоризненно исполнять заповѣди Христовы,—тотъ долженъ начать тѣмъ, чтобы, прежде всего, крѣпко вѣровать въ Господа и всецѣло предать себя вѣщаніямъ заповѣдей Его, во всемъ отречься отъ міра, чтобы весь умъ не былъ занятъ ничѣмъ видимымъ. И ему надлежитъ однакожъ думать, чтобы единаго Бога имѣть предъ очами своими и Ему единому быть угоднымъ, и непрестанно пребывать въ молитвѣ съ вѣрою, въ чаяніи Господа, всегда ожидая Его посѣщенія и помощи,—сіе одно всякую минуту имѣя цѣлію ума своего. Потомъ, по причинѣ живущаго въ немъ грѣха, надлежитъ ему понуждать себя на всякое доброе дѣло, къ исполненію всѣхъ заповѣдей Господнихъ. Паче всего въ незабвенной памяти, какъ образецъ, да содержитъ смиреніе Господа и жизнь Его, и кротость, и обращеніе съ людьми, да пребываетъ въ молитвахъ, всегда вѣруя и прося, чтобы Господь пришелъ и вселился въ него, усовершалъ и укрѣплялъ его въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Своихъ... Тогда Господь, видя такое его произволеніе и доброе раченіе, видя, какъ принуждаетъ себя къ памятованію Господа и какъ сердце свое, даже противъ воли его, ведетъ непрестанно къ добру,—тогда Господь творитъ съ нимъ милость Свою, избавляетъ его отъ враговъ и отъ живущаго въ немъ грѣха, исполняя его Духомъ Святымъ. И

тогда уже безъ усилій и труда, во всей истинѣ творитъ онъ всѣ заповѣди Господни, лучше же сказать, Самъ Господь творитъ въ немъ заповѣди Свои, и онъ часто плодоприноситъ тогда плоды Духа". И Василій Великій говоритъ: „начало чистоты душевной есть безмолвіе". А дѣло безмолвія, по словамъ Іоанна Лѣствичника, есть отложеніе попеченій о предметахъ не только предосудительныхъ, но и благословныхъ, молитва безъ лѣности и ненарушимая дѣятельность сердца. Вещами же благословными называетъ здѣсь Лѣствичникъ не занятія внѣшнія, вошедшія нынѣ въ обычай, какъ-то: управленіе селами, распоряженія многими помѣстьями и прочія связывающія съ міромъ отношенія. Все это *безсловесно*, намъ неприлично, неумѣстно. Но подъ этими благословными вещами св. отецъ разумѣетъ то, что кажется благоприличнымъ и для спасенія души полезнымъ, напримѣръ: бесѣды и свиданія, въ удобное время и въ мѣру, съ отцами и братьями, духовными и благоговѣйными. Если эти благословныя бесѣды выходятъ изъ своихъ предѣловъ и бываютъ безъ должной осмотрительности, то по необходимости и онѣ обращаются въ неполезное и предосудительное — въ *безсловесное*, т.-е. любопренія, противорѣчія, ропотливость, пересуды и другія погрѣшенія, къ которымъ бываетъ легкій и незамѣтный переходъ отъ бесѣды благословной.

„Естественное дѣло, что не учась письменамъ, нельзя навыкнуть чтенію книгъ: послѣднее не можетъ быть безъ перваго. Просто сказать: не учившемуся грамотѣ нельзя по книгамъ говорить, читать, канонаршить. Тѣмъ болѣе, не пріобрѣвшему

перваго, т.-е. отложенія попеченій о благословныхъ и неблагословныхъ вещахъ, — не умершему для всего земнаго и мірскаго невозможно совершать ни пѣснословій съ разумомъ—нелѣностно, ни молитвы внутренней—чисто, т.-е невозможно совершать дѣланія сердечнаго“, поясняетъ вышесказанныя мысли св. Іоаннъ Лѣствичникъ. И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „малый волосъ затемняетъ око, и малое попеченіе разоряетъ безмолвіе“: и еще: „вкусившій отъ плода молитвы нерѣдко однимъ словомъ своимъ оскверняетъ умъ такъ, что, принявшись снова за молитву, уже не находитъ того, что прежде сего ощущалъ“.

Св. Симеонъ новый Богословъ говоритъ: „да будетъ житіе твое безмолвно, безпечально и для всего мертво“: и уже послѣ сего наставленія онъ поучаетъ молитвѣ и трезвѣнію. Преп. Исаакъ истинно желающимъ безмолвствовать и очищать умъ свой молитвою такъ говоритъ: „удалися отъ видѣнія міра, прекрати бесѣды, откажись принимать въ келью свою пріятелей, даже подъ благими предлогами, кромѣ тѣхъ, которые съ тобою единонравны и единомысленны и раздѣляютъ твои сокровенныя чувствованія—*стаинники*; опасайся возмутить душу твою собесѣдованіемъ, которое часто оставляетъ слѣды надолго и по прекращеніи разглагольствія, какъ сами мы дознали своимъ опытомъ; бываетъ, что лишнее слово, сказанное лицомъ, къ намъ близкимъ и любимымъ, не малое время волнуетъ насъ и весьма препятствуетъ храненію ума и тайному поученію—богомыслію“.

Въ другихъ мѣстахъ и еще строже говоритъ св. Исаакъ: „О, что злѣе и вреднѣе свиданій и раз-

глагольствій для истинно пребывающихъ въ безмолвіи! О, братія! какъ гололедица, внезапно покрывъ садовыя вѣтви, изсушаетъ ихъ, такъ и разглагольствія съ людьми, кои не хранятъ безмолвія, хотя бы они были кратки, хотя бы казались полезными, изсушаютъ цвѣты добродѣтелей,—цвѣты, вновь расцвѣтающіе въ безмолвіи,—цвѣты нѣжные и молодые, окружающіе садъ души, насажденной при исходищахъ водъ покаянія. И какъ иней мертвитъ прозябающія растенія, такъ и бесѣды человѣческія мертвятъ корень ума нашего,—корень, только что пустившій ростки добродѣтели. И если вредоносны бесѣды съ такими лицами, которыя въ житіи своемъ не совсѣмъ безпечны и нѣсколько внимаютъ себѣ,—то сколь вредны для души свиданія и разглагольствія съ людьми безпечными и неразсудными, не говоря уже о мірскихъ!.. Какъ человѣкъ благородный и благонравный, когда упіется, забываетъ свое благородіе, и свое имя и званіе подвергаетъ безчестію и осмѣянію, по причинѣ неблагочинныхъ словъ и поступковъ, происходящихъ отъ опьяненія,—такъ и цѣломудріе души свиданіями и разглагольствіями нарушается, тщаніе ея о храненіи сердечномъ ослабѣваетъ, усердіе къ добродѣтели охладѣваетъ, и она ниспадаетъ изъ благонастроенія своего. И если не всегдашнія, а по временамъ бывающія разглагольствія, не сдерживаемыя дверію огражденія у стѣнъ и слуха, причиняютъ великій вредъ безмолвнику, смущая его умъ и охлаждая его въ Божественныхъ занятіяхъ,—то что сказать о тѣхъ, кои постоянно другъ друга срѣтаютъ и провожаютъ, не полагая храненія языку своему“?!

„Любящій обращеніе въ мірѣ лишается жизни,— говоритъ тотъ же св. отецъ въ иномъ мѣстѣ,—и не знаю, что сказать о немъ, развѣ только съ плачемъ рыдать рыданіемъ неутѣшнымъ, подвизая къ сорыданію и братолюбныя сердца другихъ“. И еще: „Единое видѣніе мірскихъ можетъ подать силу и пищу страстямъ, ослабить въ подвижникѣ любовь къ подвигу своему и измѣнить его расположеніе и любомудріе“.

„По симъ причинамъ,—говоритъ св. Исаакъ,— иноку не должно входить въ общеніе съ тѣми предметами, кои возбуждаютъ въ немъ брань; но надлежитъ ему всячески избѣгать ея и не приближаться ко всему тому, что свободу его подвергаетъ искушенію. Ибо въ то самое время, какъ приходимъ мы къ Богу, поставляемъ завѣтъ съ Богомъ, чтобы удалить себя и отрѣшить отъ всего этого; и не только отрѣшиться, но чтобы и не видѣть кого-либо изъ мірскихъ, ни слушать ихъ слова, ни о нихъ что-либо слышать“.

И еще многое, сему подобное, пишетъ святый сей и другіе святые. Поэтому истина сія считается несомнѣнною.

6.

Всѣ сіи добрыя и благолѣпныя дѣла подобаетъ совершать благовременно и въ должной мѣрѣ, какъ говоритъ св. Василій Великій: предварять все благоразсужденіемъ, потому что безъ благоразсужденія и доброе нерѣдко обращается во вредъ, если не соблюдается время и мѣра; а когда благоразсужденіе правильно установитъ время и мѣру,— великая польза, чуденъ прибытокъ получается.

И св. Лѣствичникъ, на основаніи Св. Писанія, говоритъ: „*время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. 3, 1),—всему и въ нашей жизни священной для каждаго время.—Время безмолвію и время немятежному общенію, время непрестанной молитвѣ и время нелицемѣрнаго служенія; да не прельститъ насъ неразумное и продерзкое усердіе, и да не взыщемъ желаемаго времени прежде своего времени, чтобы не лишиться намъ того, что можно было получить въ свое время. Время трудиться надъ сѣяніемъ и время пожинать класы неизреченной благодати“. Ту же истину онъ поясняетъ инымъ примѣромъ.

„Не безбѣдно воину, неискусному въ единоборствѣ, отдѣлиться отъ своего ополченія и вступить въ единоборство съ врагомъ; не безбѣдно и иноку начать безмолвіе, не искусивъ себя и не обучивъ себя въ обузданіи страстей долгимъ обученіемъ: тотъ гибнетъ тѣлесно, сей—душевно. Ибо путь истиннаго безмолвія есть путь мудрыхъ и тѣхъ только, которые въ трудномъ своемъ подвигѣ стяжали Божественное утѣшеніе и бранную помощь“.

Великій Варсонофій, когда одинъ изъ братіи прочиталъ ему въ Патерикѣ, что истинно желающій спастися долженъ прежде пожить въ братствѣ, перенести, по примѣру Господа, и досажденія, и поношенія, и безчестія, и прочее, и потомъ уже идти на совершенное безмолвіе, которое есть *восшествіе на крестъ*, т.-е. умерщвленіе себя всему земному и мірскому,—въ отвѣтъ на это сказалъ: „вѣрно сказали отцы; иначе и быть не можетъ“. А другому сказалъ: „прежде, нежели человѣкъ не войдетъ въ себя самого и не возобладаетъ собою,—

безмолвіе порождаетъ высокоуміе; а обладаетъ собою тотъ, кто совершенъ въ смиреніи". И еще сказалъ: „если дерзнешь ступить за свою мѣру или черту,—знай, что потеряешь и то, что имѣлъ. Но держись средины, внимая волѣ Божіей. Ибо кто захочетъ *обезпечалитися* прежде времени, сложить съ себя всякую заботу внѣшнюю и дѣла,—тому общій врагъ подготовитъ гораздо болѣе смущенія, чѣмъ покоя, и доведетъ его до того, что вынужденъ будетъ сказать: „лучше бы мнѣ не родиться".

Сказалъ же такъ святый потому, что съ таковыми случаются многія обольщенія, какъ говоритъ Григорій Синаитъ: „Многіе, въ безмолвіи неискусные, подвергались *прелести* древле и нынѣ подвергаются: новоначальные и самочинные и послѣ многихъ трудовъ, за несмысленное свое безмолвствованіе, бывали и бываютъ предметомъ смѣха и поношенія... Ибо памятованіе о Бозѣ, т.-е. умная молитва, выше всѣхъ дѣланій и есть глава добродѣтелей точно такъ, какъ любовь Божія. И тотъ, кто безстудно и дерзостно домогается внити къ Богу, чтобы бесѣдовать съ Нимъ чисто, и вселить Его въ себя съ понужденіемъ,—тотъ, говорю, удобно уловляется въ смерть, если это будетъ попущено; ибо гордостно и дерзко, и прежде времени, и недостоинъ будучи, устремляется къ этой высотѣ. Одни только сильные и совершенные въ состояніи противоборствовать бѣсамъ наединѣ и извлекать на нихъ мечъ, *иже есть глаголъ Божій*; немощные же и новоначальные, не осмѣливаясь прежде времени бороться и отрекаясь отъ брани, скрываются въ твердыни опасенія и благоговѣй-

наго общежитія и такимъ образомъ избѣгаютъ смерти"...

Слыша это, будемъ осмотрительны и прежде времени да не дерзнемъ простираться на высокое подвижничество, чтобы не потерпѣть вреда и не погубить души. Соблюдая приличное время и среднюю мѣру, будемъ идти безопаснѣе и благонадежнѣе: средній путь, говорятъ Писанія святыхъ, *неподателенъ* и непреткновененъ.

Приличнымъ для безмолвія временемъ можетъ быть то, которому предшествуетъ предобученіе себя въ сожительствѣ съ людьми, а средняя мѣра и средній путь есть сопребываніе съ однимъ или съ двумя братіями, какъ написалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: „желающіе работать Христу да избираютъ приличныя для сего мѣста и образы жительства, которое можетъ быть троякое: или *уединенное*, отшельническое, или *безмолвствованіе* съ однимъ, съ двумя, или же *общежительное. Не уклоняйся ни надесно, ни налѣво, но путемъ царскимъ гряди*,—присовокупилъ онъ изъ Писанія (Второз. 5, 32; Числ. 21, 22).

Изъ указанныхъ образовъ жительства, *средній*, т.-е. безмолвное сопребываніе съ однимъ или съ двумя, по мнѣнію Іоанна Лѣствичника, для многихъ былъ гораздо благонадежнѣе. Ибо, говоритъ, горе единому, когда впадетъ въ уныніе или въ сонъ, или въ разлѣненіе, или въ отчаяніе: некому его въ тотъ часъ воздвигнуть и ободрить. Въ доказательство сего онъ приводитъ слова Сам го Господа: *идѣже еста два, или тріе собрани во Имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. 12, 20); и изреченіе премудраго: *блази два паче единаго* (Еккл. 4, 9), т.-е. благо Отцу съ Сыномъ, при содѣйствіи Божествен-

наго Духа, совмѣстно подвизаться: кто одинъ безъ помощи другаго вступитъ въ брань противъ духовъ, тотъ *уморяется отъ нихъ*, терпитъ отъ нихъ болѣе опасныхъ уязвленій“.

Перечисливъ добрые нравы нѣкоторыхъ, св. Іоаннъ Лѣствичникъ сказалъ: „таковымъ сопребываніе съ другими неполезно; они — подъ руководствомъ наставника—отъ безмолвія, какъ изъ тихаго пристанища, восходятъ на небо, не имѣя нужды въ томъ обученіи, въ тѣхъ искушеніяхъ, которыя происходятъ отъ молвы и соблазновъ въ общежитіяхъ. Но тѣмъ, которые неискусны и еще побѣждаются душевными страстями, отцы и прикасаться къ безмолвію, наипаче же *одиночеству*, не велѣли.

Душевными страстями называютъ тщеславіе, самомнѣніе, лукавство и другія, отъ нихъ происходящія. „Кто недугуетъ сими страстями и, несмотря на сіе, вступаетъ въ безмолвіе,—тотъ уподобляется человѣку, выскочившему изъ корабля и на одной доскѣ думающему безбѣдно достигнуть берега, сказалъ Лѣствичникъ. Но тѣ, которые *борются съ каломъ*, т.-е. съ тѣлесными страстями, могутъ исходить въ уединенное житіе, и то не просто, какъ прилучилось, но въ свое время и если имѣютъ наставника; ибо уединеніе требуетъ крѣпости ангельской. Стужаемые же отъ душевныхъ страстей пусть не дерзаютъ и слѣда безмолвія видѣть, да не потерпятъ изступленія“.

Находимъ и иныхъ многихъ, дивныхъ и великихъ отцевъ, которые такъ учили и такъ творили, какъ это видно изъ ихъ писаній. Такъ св. Исаакъ болѣе всѣхъ отцевъ ублажаетъ безмолвіе и св. Арсенія Великаго восхваляетъ, какъ совершеннаго без-

молвника; но и онъ имѣлъ служителей и учениковъ. Точно такъ же и Нилъ Синайскій, и Даніилъ Скитскій, и многіе другіе, какъ повѣствуется въ житіяхъ ихъ, имѣли учениковъ. И повсюду въ писаніяхъ обрѣтаются похвалы и одобренія безмолвію, въ сопребываніи съ однимъ или съ двумя; каковаго сопребыванія и мы были очевидцами, — говоритъ о себѣ пр. Нилъ,—во св горѣ Аѳонской, въ странахъ цареградскихъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ.

Если гдѣ живетъ духовный старецъ съ однимъ или двумя, а по нуждѣ и съ тремя учениками, и если кто еще вблизи безмолвствуетъ,—то они, въ извѣстное время, приходя другъ къ другу, между собою просвѣщаются духовными бесѣдами. А мы, новоначальные и неразумные, вразумляемся и подкрѣпляемся одинъ отъ другаго, какъ написано: *братъ братомъ помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. 18, 19), и имѣемъ *непрелестнаго* учителя — богодухновен Писанія.

Поэтому намъ кажется весьма удобнымъ пребываніе съ однимъ или двумя вѣрными братіями и единомудренными въ дѣлѣ Божіемъ, да научаемся волѣ Божіей отъ Св. Писаній. И если кому Богъ дастъ разумѣть больше, да назидаетъ братъ брата. Боримые же отъ бѣсовъ и стужаемые отъ страстей, да помогаемъ другъ другу, какъ говоритъ св. Ефремъ; и такимъ образомъ благодатію Божіею будемъ направляться на дѣла благая.

Но когда хочемъ созидать безмолвное жительство, прежде всего нужно намъ предустроять себя молитвою, да дастъ намъ Богъ свойства, нужныя къ совершенію его, какъ говоритъ Лѣствичникъ, т.-е.

терпѣливое *сосѣдніе*—пребываніе на одномъ мѣстѣ—въ одномъ дѣлѣ, чтобы, какъ положимъ начало сему, не быть намъ въ посмѣхъ врагамъ и въ препятіе — соблазнъ другимъ дѣлателямъ — братіи; но да пребудемъ въ дѣлахъ добрыхъ твердо, будучи сохраняеми благодатію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитвъ ради Владычицы нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ, въ подвигахъ добродѣтели просіявшихъ.

Нужно намъ и то знать, что мы избираемъ мѣсто безмолвія,—да отступимъ отъ неполезнаго мятежа, молвы и прочаго, неугоднаго Богу, и пребудемъ въ заповѣдяхъ Его, все потребное пріобрѣтая трудами своими; если же нѣтъ, то помалу взимая милостыни, откуда усмотритъ благость Его, но излишняго всячески избѣгая. Будемъ же дѣлать то, что угодно Богу: пѣніе молитву, чтеніе и поученіе въ вещахъ духовныхъ, рукодѣліе и трудъ въ какой-либо работѣ. И такъ, мало-по-малу—по силѣ своей, приближаясь къ Богу, во внутреннемъ человѣкѣ, будемъ возсылать во благихъ дѣлахъ своихъ славу Отцу и Сыну, и Святому Духу—единому въ Троицѣ Богу, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

Послѣсловіе.

Въ послѣсловіи преп. Нилъ говоритъ, съ какими расположеніями предложилъ онъ уставъ свой.

„Сія убо Божіею помощію возмогаеми, мы, неразумніи, по мѣрѣ худости нашего разума, написахомъ на воспоминаніе себѣ и подобнымъ мнѣ, иже въ числѣ учимыхъ суть, аще и произволяютъ. Не отъ себе же, яко и въ началѣ сихъ писаній рѣхъ,

но отъ богодухновенныхъ писаній святыхъ отцевъ, просвѣщенныхъ разумомъ. Вся бо, яже здѣ, не безъ свидѣтельства Божественныхъ Писаній суть. И аще что обрящется въ сихъ не угодно Богу и не полезно души, моего ради неразумія, да не будетъ то: но воля Божія, совершенная и благопріятная, да бываетъ: азъ же прощенія прошу. Аще ли же кто о сихъ вящше и полезнѣйше разумѣваетъ, той тако и да творитъ, мы же о семъ радуемся. Аще же отъ сихъ кто пользу обрящетъ и о мнѣ грѣшномъ да помолится, да получу милость предъ Богомъ".

Духовное завѣщаніе преподобнаго Нила.

„Къ сему и еще азъ, недостойный Нилъ, моихъ присныхъ господій и братій, иже суть моего нрава, молю: по скончаніи моемъ повергните тѣло мое въ пустыни, да изъядятъ е звѣріе и птицы, понеже согрѣшило есть Богу много, и недостойно есть погребенія. Аще ли сице не сотворите, то ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣже живемъ, со всякимъ безчестіемъ погребите мя. Бойтеся же слова, еже Великій Арсеній завѣща ученикомъ своимъ, глаголя: на судѣ стану съ вами, аще кому дадите тѣло мое. Тщаніе бо и мнѣ было то, елико по силѣ моей, да не сподобленъ буду чести и славы вѣка сего ни которыя, якоже въ житіи семъ, тако и по смерти моей. Молю же всѣхъ, да помолятся о души моей грѣшней, и прощенія прошу отъ всѣхъ, и отъ мене прощеніе да будетъ: Богъ да проститъ всѣхъ насъ".

„Конецъ

достиже богодухновеннымъ словесемъ".

Проповѣдь.

Іеросхимонаха Нила въ день памяти преподобнаго Нила, Сорскаго чудотворца, 7 мая.

Празднуя сладкую и всесвященнѣйшую память преподобнаго отца нашего Нила, внимательно разсмотримъ, какою жизнію и какими добродѣтелями онъ восшелъ на высоту святости и преподобія.

Но прежде разсмотримъ и протолкуемъ титло, или названіе,—преподобный.

Это названіе имѣетъ происхожденіе отъ слова: подобный. Напримѣръ, напишетъ какой-либо, живописецъ образъ или портретъ живаго человѣка, и тотъ портретъ будетъ подобенъ тому человѣку. Но другой, искуснѣйшій въ семъ художествѣ, напишетъ съ того же человѣка образъ искуснѣе и похожѣе перваго; и первый можетъ назваться подобнымъ живому оному человѣку, а другой, въ сравненіи съ первымъ,—преподобнымъ, т.-е. подобнѣйшимъ перваго.

При сотвореніи человѣка Богъ сказалъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію". (Быт. 1, 26). А посему всякій человѣкъ, въ разумной душѣ своей, имѣетъ образъ и подобіе своего Творца-Бога. Но не во всѣхъ соблюдается то подобіе образа Божія. Ибо каждый, влагающій себя во многіе грѣхи и скверныя нечистоты и, какъ свинія, валяющійся въ скверне грѣховной, помрачилъ и обезобразилъ образъ Божій и уподобился несмысленнымъ скотамъ. И о, сколь далекъ такой отъ подобія Божія! А которые соблюдаютъ себя отъ грѣховныхъ сквернъ и благоуподобляются своему Господу Богу добрыми дѣлами, въ тѣхъ душев-

ный Божій образъ есть прекрасенъ и свѣтелъ и подобенъ своему Создателю. И чѣмъ усерднѣе кто трудится въ угожденіи Богу, тѣмъ свѣтлѣе сіяетъ въ немъ образъ и подобіе Божіе.

Кто изъ благочестивыхъ міранъ тщится угодить своему Владыкѣ, живя въ страхѣ Божіемъ и ходя во всѣхъ оправданіяхъ Господнихъ безъ порока, въ душѣ того образъ Божій подобенъ есть Богу. А кто отрекся отъ міра и, воспріявъ монашеское житіе, касается величайшихъ подвиговъ безсупружнаго жительства и храненія безпорочной чистоты и повседневно подвизается въ умерщвленіи себя,— въ душѣ такого, угождающаго Богу болѣе мірянина, образъ Божій есть подобнѣйшій Богу. И потому угодившій Богу въ иночествѣ называется преподобнымъ. Многіе изъ богоугождающихъ удобно уподобляются Христу въ смиреніи, въ кротости, въ милосердіи, въ незлобіи, въ нелицемѣрной любви и въ другихъ добродѣтеляхъ, бывающихъ безъ великаго труда. И преимущественно живущіе въ мірѣ могутъ и должны уподобляться Ему сими добродѣтелями. Не составляетъ чрезвычайнаго труда быть дружелюбнымъ, милостивымъ, кроткимъ, незлобивымъ, смиреннымъ. Какой также трудъ никого не обижать, не убить, не украсть, не желать чужаго, не воровать, не лгать, не осуждать, не укорять, и упражняться въ прочихъ безъ особаго труда творимыхъ добродѣтеляхъ, которыми благоговѣйно жительствующіе бываютъ христоподобными? Но весьма мало подобящихся Христу въ страданіяхъ Его, въ ношеніи со многимъ трудомъ креста и въ распятіи. Здѣсь зримъ къ виновнику сего нынѣшняго нашего торжества, Нилу преподобному.

Ибо онъ, чтобы подобнѣе изобразить въ себѣ Христа распятаго и сотвориться преподобнымъ Ему, взялъ на себя крестъ иночества и, терпѣливо нося оный, повседневно распинался на немъ и умиралъ, говоря ко Христу: „Тебѣ ради умерщвляемъ есмь весь день“ (Пс. 43, 23). О, истинный подобниче Христовъ, Ниле преподобне! Ты не только подобенъ Христу Господу своему въ духовномъ распятіи твоемъ, но воистину и преподобенъ Ему, болѣе иныхъ подобнѣйшій.

Слушатели! Смерть есть двоякая: естественная и духовная, иначе смерть грѣху. Естественная есть общая, а духовная—только произволяющимъ. Ибо Господь говоритъ: „иже хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой“; значитъ, Онъ не принуждаетъ никого, а кто самъ хочетъ и произволяетъ. Мы же смотримъ, кому смерть только одна естественная, а преподобному Христову угоднику двѣ: прежде духовная, а потомъ естественная. Не можетъ быть честна предъ Господомъ смерть естественная, если не предваритъ духовная. И никто не получитъ вѣчнаго живота, если не будетъ умирать прежде смерти естественной духовною. И никто не внидетъ въ вѣчную жизнь, если не избіетъ въ себѣ грѣховныя вожделѣнія умерщвленіемъ. О, сколь блаженъ научившійся быть прежде смерти мертвымъ грѣху и прежде погребенія во гробъ погребшій свои страсти въ умерщвленномъ своемъ тѣлѣ!

Такою-то смертію, прежде смерти, повседневно умиралъ преподобный Нилъ, отецъ нашъ. И когда міръ и діаволъ покушались льщеніями своими свести его со креста, всегда обрѣтали его мертвымъ

и недѣйственнымъ. Ибо какъ кто гнушается мертваго трупа, ядомаго червями, такъ преподобный Нилъ презиралъ сей міръ, какъ мертвый, не имѣющій надежды вѣчнаго живота, непрестанно же ядомый червями повседневныхъ попеченій, молвъ и мятежей. И такъ отъ него отходили міръ съ діаволомъ, безъ успѣха и со срамомъ.

Умиралъ преподобный Нилъ и по плоти своей, распиная всѣ плотскія вожделѣнія различными умерщвленіями: „яко Христовъ сущи, плоть распинаше (по слову Апостола) со страстьми и похотьми" (Гал. 5, 24). О, сколь сильный есть сей нашъ домашній врагъ и мало отъ кого побѣждаемый! Наиболѣе же всего весьма многіе побѣждаются отъ него. А что жалостнѣе всего, иногда одолѣваетъ онъ и святыхъ. Столь силенъ врагъ—плоть наша! Сильный и досадный врагъ, ибо, всегда нападая, силится одолѣть, и этимъ много оскорбляетъ подвизающагося. Превосходно сказано однимъ святымъ старцемъ: „если кто можетъ понести скорбь плоти, тотъ пусть оставитъ все и бѣжитъ отъ міра сего, какъ Израиль отъ рабства Фараонова". Достойно разсужденія сіе слово: „скорбь плоти". Гдѣ господствуетъ плоть, а духъ порабощенъ ей, тамъ нѣтъ оскорбленія плоти въ сей жизни, но будетъ въ будущей,—въ гееннѣ огненной. А гдѣ духъ тщится господствовать надъ плотію, тутъ непрестанная скорбь, тягота и брань противъ плоти, борющей иногда природными, а иногда отъ искусителя возвигаемыми грѣховными стремленіями. И тотъ, поистинѣ, есть истинный инокъ, кто можетъ носить скорбь плоти; ибо бремя сіе тяжело духу нашему, какъ гнилой трупъ живому человѣку.

Въ исторіи воспоминается нѣкоторый мучитель, Тирренинскій царь, который мучилъ плѣнниковъ такимъ безчеловѣчнымъ мучительствомъ: трупы мертвыхъ крѣпко привязывали къ живымъ, прилагая лицо къ лицу, руки къ рукамъ, ноги къ ногамъ; и живой носилъ мертваго, доколѣ согніетъ трупъ и смрадомъ своимъ уморитъ живаго. О, какое ужасное мучительство!

Подобный есть союзъ тѣла съ духомъ. Грѣхолюбивое тѣло, всегда желающее скверныхъ сластей, есть какъ трупъ смердящій. „Возсмердѣша,—говоритъ св. прор. Давидъ,—и согниша раны моя, отъ лица безумія моего“ (Пс. 37, 6). А духъ, нудящійся угодить Богу, есть какъ живой человѣкъ, взирающій къ вѣчности. О, сколь тяжело живому человѣку носить привязанный къ себѣ мертвый трупъ! О, сколь великая тягость есть духу носить, т.-е. терпѣть плотскія, грѣховныя похоти и вожделѣнія! О семъ-то упоминаетъ Апостолъ, говоря: „окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. 7, 24)? Желаніе имамъ разрѣшитися“. Итакъ тотъ есть истинный инокъ и доблестный подвижникъ, кто можетъ безпреткновенно понесть скорбь плоти.

Хотящій увѣдать иночество преподобнаго Нила пусть не испытуетъ явныхъ подвиговъ его. Напрасно будетъ такое испытаніе; ибо смиренномудрѣйшій отецъ нашъ всемѣрно старался утаить подвиги свои отъ людей, затворяя тѣло въ уединенной келліи въ непроходимой пустынѣ, умъ же и сердце углубляя въ Богѣ; все втайнѣ творилъ одному вѣдущему Богу: пощенія, непрестанныя молитвы, жесточайшіе труды и различныя умерщвле-

нія плоти; потому что богоносный отецъ нашъ научился отъ величайшихъ свѣтильниковъ міра, просіявшихъ въ иночествѣ, ничего не творить на явленіе людямъ; ибо пишется о древнихъ инокахъ, жительствовавшихъ въ египетскихъ пустыняхъ и скитахъ, что они не считали достойнымъ инока то доброе дѣло, о которомъ другіе знали; но считали свойственною иноку ту одну добродѣтель, о которой, кромѣ Бога, никто изъ людей не зналъ. О, божественнаго мудрованія божественныхъ мужей! О, высоты смиренія во плоти жившихъ ангеловъ! Итакъ, кто можетъ испытать дѣянія инока, погруженнаго въ глубину смиренія? Воистину „изчезоша испытающіе испытанія“ иноческихъ дѣяній, „приступитъ бо“ мірской человѣкъ, но „сердце“ смиренномудраго инока „глубоко“. Такой нравъ истиннаго иночествованія соблюдалъ въ себѣ преподобный Нилъ во всѣ дни, даже до честнаго своего представленія къ Богу. А что всего удивительнѣе, не только въ жизни своей, но и по смерти не хотѣлъ сподобленнымъ быть никакой славы и чести отъ людей, какъ явно изъ завѣщанія, написаннаго имъ ученикамъ его. О, чудо, братіе! О, безмѣрнаго и высокотворнаго смиренія великаго отца!

Итакъ, зрите всѣ и разумѣйте, что онъ былъ совершеннѣйшій инокъ, добрѣ вѣдущій угашать всѣ разженныя стрѣлы лукаваго и сокрушать всѣ сѣти вражія. Ибо кто удобно преходитъ хитросплетенныя сѣти дьявольскія, какъ не смиренномудрый? Сей великій отецъ нашъ дерзновенно могъ сказать о себѣ апостольское слово: „подвизаюся, не яко воздухъ біяй; но умерщвляю тѣло мое и порабощаю е“ (1 Кор. 9, 26—27); и оное реченіе: „Го-

споди, виждь смиреніе мое и трудъ мой“. Ибо что иное было и все житіе его въ сей плачевной юдоли, какъ не повседневное мученичество? Каждая же капля пота его столь пріятна была Господу, какъ и капли мученической крови, за Христа изліянной. Ибо равночестны суть поты трудолюбиваго подвижника, ради Христовой любви повседневно умерщвляющаго свою плоть, и кровь мученика, умирающаго однимъ часомъ. Потому что пріемлютъ равную благодать и чудодѣйственную силу. Подаютъ ли исцѣленія святые мученики, изліявшіе ради Христа свою кровь,—равно и преподобные подаютъ исцѣленія. Чудодѣйствуютъ ли мученики,—чудодѣйствуютъ и преподобные. Ибо, угождая Христу, они изліяли многіе поты. Не дивно, что Павловы руки чудодѣйствовали и подавали исцѣленія: ибо, будучи вязаны и біены, много пострадали онѣ за Христа. Но дивно то, что главотяжи и убрусцы его, ничтоже страдавшіе, имѣли ту же силу чудодѣйствія, какъ и самыя Павловы руки, какъ пишется объ этомъ въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ. Равно имѣлъ чудесную силу Павловъ потъ, точимый въ трудахъ, какъ и кровь его, въ страданіяхъ проливаемая. Не меньшія суть честности и капли потовъ преподобныхъ, какъ и капли кровей мученическихъ.

Не послѣднѣйшія суть предъ Богомъ изліянія потовъ и твоихъ, преподобный отецъ нашъ Нилъ, вседневный мученикъ Христовъ. Мы вѣруемъ, что ты столько же угодилъ Богу твоими подвигами, сколько и св. мученики своими страданіями. Вотъ, слушатели, мы узнали преподобіе святаго отца нашего Нила, бывшее въ иночествѣ его, когда, на крестѣ своемъ духовномъ распинаясь міру и всѣмъ

похотямъ, онъ сораспялся Христу и побѣдилъ всѣ прилоги вражьи, сотворившись мертвымъ и недѣйственнымъ грѣху, живымъ же Богу, говоря съ Апостоломъ: „живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20).

Ты же, преподобне и богоносне отче нашъ Ниле, нынѣ предстоящій престолу Христову въ церкви торжествующихъ, не забуди насъ, съ любовію празднующихъ святую твою память, и отъ горняго восшествія назирай нашу худость. Отче нашъ благій! милостивно призирай на чадъ твоихъ. Пастырю нашъ добрый! не презри сего твоего стада. Хотя ты и отлученъ отъ грѣшниковъ твоею святынею, но не отлучайся отъ насъ, грѣшныхъ, милосердіемъ твоимъ, невидимо присутствуй намъ, снабдѣвая рабы твоя и всегда во всемъ пособствуя и творя милостивымъ намъ Владыку и Бога нашего твоими молитвами къ Нему о насъ. Виждь обитель, въ которой мы жительствуемъ, освященную твоими священнѣйшими подвигами и потами, и мѣсто, въ которомъ ты много трудился. И буди намъ и всѣмъ, съ любовію почитающимъ тебя, помощникъ, заступникъ, покровитель, защититель, промысленникъ и управитель нашей жизни. Ходатаю нашъ теплый! Непримолчи, вопія ко Господу о насъ, и испроси миръ мірови, благовѣрному же Императору нашему — тишину, благоденствіе и одолѣніе на враговъ, и всѣмъ временныя и вѣчныя блага. Аминь.

Тропарь.

Гласъ 4.

Мірскаго житія отвергся, и мятежа житейскаго бѣгая, преподобне и богоносне отче нашъ Ниле,

не облѣнился еси собрати цвѣты райскія отъ писаній отеческихъ, и въ пустыню вселився, процвѣлъ еси яко кринъ сельный: отонюду же прешелъ еси и въ небесныя обители. Научи и насъ, честно почитающихъ тя, твоимъ царскимъ путемъ шествовати, и молися о душахъ нашихъ.

Кондакъ.

Гласъ 8.

Терпя потерпѣлъ еси суетныя обычаи и мірскія нравы братій твоихъ, обрѣлъ еси пустынное безмолвіе, преподобне отче, идѣже постомъ, бдѣніемъ и непрестанною молитвою въ трудахъ подвизався, ученьми твоими правыя стези указалъ еси намъ шествовати ко Господу. Тѣмже и почитаемъ тя, всеблаженне Ниле!

ЖИТІЕ И СТРАДАНІЕ

СВ. МУЧЕНИКА ІУСТИНА ФИЛОСОФА.

ПЕРВОЕ ІЮНЯ.

Житіе и страданіе святаго мученика Іустина Философа.

(Дословный переводъ изъ Четьи-Минеи).

Святый мученикъ Христовъ Іустинъ Философъ родился въ странѣ Палестинской-Сирской, въ предѣлахъ Самаріи, въ городѣ, который сначала назывался Сихемъ, а послѣ названъ былъ Неаполисъ Флавія. Родителя имѣлъ славнаго благородіемъ, но вѣрою эллина, и самъ, прежде чѣмъ не просвѣтился свѣтомъ святой вѣры, былъ въ томъ же идолопоклонническомъ заблужденіи. Но отъ юности прилеженъ былъ къ книжному ученію и преуспѣвалъ въ эллинской премудрости, имѣя острый умъ. Научившись же риторскому добровѣщанію, возжелалъ разума философскаго, и вначалѣ отдалъ себя въ науку одному философу изъ стоиковъ, желая разумѣть ихъ мудрованіе. Было же въ немъ великое желаніе узнать о Божествѣ—что есть Богъ. Но, поживъ у того стоическаго философа нѣкое время и ничего не могши узнать о Богѣ, (ибо стоикъ тотъ Бога не зналъ и ученіе о богоразуміи не считалъ нужнымъ), Іустинъ оставилъ этого учителя и пошелъ къ другому мужу, какъ думалось, премудрому, который былъ изъ философовъ, называвшихся перипатетики. Этотъ чрезъ нѣсколько

дней началъ договариваться съ Іустиномъ о цѣнѣ, не желая учить его даромъ. Іустинъ, видя его сребролюбіе, презрѣлъ его, какъ лихоимца, и счелъ его недостойнымъ философскаго названія, ибо не умѣетъ презирать мірскихъ стяжаній. По этимъ причинамъ онъ отвергъ и стоиковъ, и перепатетиковъ. Но сильно желая истиннаго любомудрія, которое бы привело къ познанію Бога, обратился къ нѣкоему славившемуся учителю изъ мудрецовъ Пиѳагоровыхъ. Сей велѣлъ Іустину учиться, прежде всего, звѣздочетству, землемѣрію, ариѳметикѣ, музыкальному искусству и другимъ нѣкоторымъ наукамъ, говоря, что эти науки суть самыя нужныя въ этой жизни. Но Іустинъ, разсмотрѣвъ, что въ этихъ наукахъ нужно препроводить много лѣтъ, а пользы души отъ нихъ никакой нѣтъ, ибо не слышалъ отъ учителя того ничего такого, что удовлетворяло бы его сердечному желанію, день ото дня все больше распаляющемуся Божественною любовію,—оставилъ и сего учителя. Но такъ какъ въ тѣ времена въ большой славѣ и великомъ почитаніи была премудрость платониковъ,—то присталъ къ одному изъ нихъ, ибо этотъ платоническій философъ обѣщалъ научить его вѣдѣнію Бога—отъ разумѣнія идей, показывающихъ безтѣлесное въ подобіи вещей тѣлесныхъ и высшее въ образованіи низшаго; ибо такова была предположенная цѣль платоническаго любомудрія, чтобы чрезъ идеи восходить къ познанію Бога. И возлюбилъ это (ученіе) блаженный Іустинъ, надѣясь получить желаемую Божественную мудрость: познать Бога и исполниться Его благодати. Довольное время онъ пребывалъ при этомъ учителѣ, скоро изучилъ Пла-

тоновы догматы и уставы и былъ совершеннымъ и славнымъ философомъ у эллиновъ. Но не могъ еще достигнуть истиннаго богопознанія, потому что эллинскіе философы Бога не какъ Бога прославляли, но измѣняли славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка и птицъ, и четвероногихъ, и гадовъ. Впрочемъ, Іустинъ отчасти утѣшался духомъ, упражняясь въ богомысліи и поучаясь въ боговѣдѣніи, насколько это можно было постигать умомъ, еще непросвѣщеннымъ.

Въ нѣкоторое время, вдали отъ города, прохаживаясь одинъ на особомъ мѣстѣ, близъ моря, и разбирая въ умѣ философскія мудрованія, онъ увидѣлъ одного незнакомаго знатнаго мужа—старца, украшеннаго сѣдинами. И когда съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, старецъ сказалъ:—или ты знаешь меня, что такъ внимательно смотришь на меня? Іустинъ отвѣчалъ:—не знаю, но удивляюсь, что вижу тебя въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ никого не думалъ видѣть. Старецъ сказалъ:—родные мои отправились въ ту сторону, и, ожидая ихъ возвращенія, я пришелъ навстрѣчу имъ, чтобы издали могъ увидѣть ихъ; а ты что тутъ дѣлаешь? Іустинъ отвѣчалъ: люблю въ уединеніи прохаживаться, чтобы безпрепятственно размышлять о философіи. Старецъ спросилъ: какую пользу находишь въ философіи? Іустинъ отвѣчалъ: кто можетъ найти что-нибудь полезнѣе философіи, ибо она есть просвѣтительница ума, путеводительница и наставница всякому разсужденію и правительница жизни, — которую, если кто хорошо познаетъ, тотъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ невѣжество и заблужденіе другихъ, и безъ ученія философскаго невозможна

никакая премудрость, никакое правильное употребленіе разума; потому всякому человѣку нужно изучать ее, чтобы знать полезное и неполезное, — чего держаться и что отвергать. Старецъ сказалъ: итакъ, философія приноситъ ли блаженство человѣку? Іустинъ отвѣчалъ: философія есть разумѣніе бытія и познаніе истины; блаженство же ея заключается въ чести того разумѣнія и премудрости. Старецъ спросилъ: если вы изъ философіи, все правильно разумѣющей, познаете истину,—то скажи: что есть Богъ? Іустинъ отвѣчалъ: я называю Богомъ то, что никогда не измѣняется, но всегда одинаково и есть причина бытія для всего иного. Усладившись симъ отвѣтомъ, старецъ еще спросилъ: отъ разума есть ли общее всѣмъ вещамъ? ибо кто искусенъ въ какомъ-либо изъ всѣхъ художествъ, тотъ называется въ томъ разумнымъ, — въ землемѣріи ли, или въ мореплаваніи, или во врачеваніи и въ прочихъ вещахъ Божественныхъ и человѣческихъ, — не такъ ли? И еще скажи мнѣ: есть ли такой разумъ, который производитъ познаніе всѣхъ вообще вещей, и Божескихъ, и человѣческихъ? Іустинъ сказалъ: воистину есть. Старецъ еще: что же? Все ли равно — разумѣть Бога, какъ разумѣть музыку или ариѳметику, или астрономію, или что-либо подобное? Іустинъ отвѣчалъ: никакъ; потому что иной разумъ въ познаніи Бога, а иной въ познаніи какого-либо художества. Старецъ сказалъ: хорошо ты отвѣчалъ; ибо нѣкія познанія мы имѣемъ то отъ слуха и ученія, то отъ самого видѣнія ихъ. Напримѣръ: если бы кто возвѣстилъ тебѣ, что въ Индіи есть какой-то звѣрь, не похожій ни на одного изъ про-

чихъ звѣрей, — такой или такой, разноличный и многообразный; — ты не могъ бы познать его, не увидѣвши своими очами, ни другому не могъ бы повѣдать о немъ, самъ не слышавши прежде отъ повѣствующаго. Теперь спрашиваю: какъ же могутъ наши философы (эллинскіе) имѣть правильное разумѣніе Бога или сказать о Немъ что-нибудь истинное, когда никакого не имѣютъ о Немъ понятія, ибо никогда не видѣли Его и не слышали о Немъ? Іустинъ отвѣчалъ: сила Божества, отче, зрится не тѣлесными очами, — не такъ, какъ человѣкъ видитъ какихъ-либо животныхъ; но постигать Бога можно только однимъ умомъ, какъ говоритъ Платонъ, котораго ученію я послѣдую. Старецъ сказалъ: есть ли въ умѣ нашемъ такая сила, которою мы могли бы скорѣе, чѣмъ тѣлесными чувствами, познавать и разумѣть какую-нибудь вещь и постигать невидимое? Іустинъ сказалъ: воистину есть; и она то Платономъ называется „око ума", данное, какъ онъ учитъ, человѣку для того именно, чтобы, будучи очищено (любомудреннымъ ученіемъ) и просвѣщено, могло зрѣть самую Божественную истину, которая есть причина всѣхъ постигаемыхъ умомъ вещей, — не изображаемая, не имѣющая никакого подобія, ни величія возраста, или чего-либо подобнаго, что видится тѣлесными глазами, но есть существо, высшее всѣхъ существъ, — непостижимое и неисповѣдимое, едино доброе и прекрасное; желаніе познанія его, душамъ благороднымъ, изначала отъ него же самого даровано, ибо оно любитъ, чтобы быть познаннымъ и видѣннымъ отъ нихъ. Съ любовію слушалъ старецъ такія слова; но не удовольствовался еще тѣмъ Іустиновымъ мудрствова-

ніемъ о Богѣ, заимствованнымъ у Платона, какъ не совершеннымъ (безъ христіанскаго исповѣданія), и, не благоволя къ Платону, сказалъ: если Платонъ такъ учитъ, какъ ты исповѣдуешь,—то почему онъ самъ не позналъ, не увѣдалъ истины Божіей; ибо, говоря, что Богъ невидимъ, непостижимъ, поклонялся видимой твари: небу, звѣздамъ, такъ же дереву и камню, вытесанному наподобіе чоловѣка, какъ Самому Богу, и обращалъ истину Божію въ ложь, прилежно служа кумирамъ и другихъ тому уча? Не думаю, чтобы у Платона и другихъ эллинскихъ (языческихъ) философовъ былъ первый разумъ, могущій имѣть истинное познаніе Бога: *осуетишася бо помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердца, глаголющеся быти мудри, обуюродъша* (Рим. 1, 21, 22). Во всякомъ случаѣ, скажу, что умъ человѣческій, не наставленный отъ Духа Святаго и не просвѣщенный вѣрою, никакъ не можетъ вѣдать и разумѣть Бога.

Когда старецъ говорилъ это и многое другое о правомъ боговѣдѣніи, объ истинномъ богопочитаніи и о прочихъ божественныхъ вещахъ, заблужденіе же эллинскихъ философовъ обличалъ,—Іустинъ удивлялся. Потомъ сказалъ: если въ Платонѣ и прочихъ философахъ нѣтъ истины, то гдѣ же и какого кто можетъ найти учителя, наставляющаго на истину? Тогда старецъ началъ сказывать ему о святыхъ пророкахъ, говоря: въ древнѣйшія времена, за много лѣтъ прежде всѣхъ философовъ, были нѣкоторые святые, праведные и любезные Богу мужи, которые, бывъ исполнены Св. Духа, предсказывали о тѣхъ вещахъ, кои нынѣ совершаются; назывались же оные мужи пророками: одни они познали истину изначала и возвѣстили ее

людямъ. Возвѣщая ее, никого не стыдились и не боялись; никто ничѣмъ не могъ ихъ убѣдить, чтобы въ какомъ-нибудь словѣ отступили отъ истины; не имѣли они и тщеславія, но все то, что видѣли или слышали, въ бывшихъ имъ отъ Бога откровеніяхъ, — чисто, просто, истинно и небоязненно сказывали. Писанія ихъ существуютъ и нынѣ, которыя, если кто читаетъ съ вѣрою, приносятъ тому многую пользу и просвѣщаютъ умъ къ познанію истины. Ибо оные святые пророки утверждали сказанное ими не хитрыми словами, не софистическими доказательствами, или силлогизмами, а простою бесѣдою показывали самую истину; потому что сами были вѣрнѣйшими свидѣтелями истины, какъ вѣровавшіе въ единаго истиннаго Бога, Создателя всего, и предвозвѣстившіе пришествіе въ міръ Сына Его — Христа Бога, что выше всѣхъ софистическихъ доказательствъ. И показали они себя достойными всякаго вѣроятія, ибо нѣкоторыя пророченія ихъ уже исполнились, а другія нынѣ исполняются; при томъ же слова свои они подтверждали чудесами, потому что силою Божіей благодати, свыше имъ подаваемой, творили дивное, — каковыхъ чудесъ ложные, не отъ Бога научаемые пророки никогда не могли сотворить: они устрашали людей развѣ только нѣкоторыми бѣсовскими привидѣніями и мечтами. Предложивъ Іустину такую бесѣду, блаженный оный и незнаемый мужъ наконецъ сказалъ ему: прежде всего, молись прилежно истинному Богу, чтобы Онъ открылъ тебѣ двери свѣта; ибо Божественнаго никто не можетъ видѣть и разумѣть, кромѣ того, кому Самъ Богъ изволитъ открыть. А открываетъ Онъ всякому, кто ищетъ Его молитвою и прибли-

жается къ Нему любовію. Сказавъ это, старецъ отошелъ отъ него и сталъ невидимъ, такъ что и потомъ Іустинъ никогда не могъ нигдѣ найти и видѣть таковаго мужа. Что ощутилъ въ сердцѣ своемъ Іустинъ по его отшествіи, о томъ онъ самъ потомъ возвѣстилъ въ бесѣдѣ, бывшей нѣкогда съ славнымъ іудеяниномъ Трифономъ:

„Нѣкій огонь,—сказалъ онъ,—загорѣлся во мнѣ, разжигающій духъ мой желаніемъ Бога, и явилась любовь къ святымъ пророкамъ и тѣмъ мужамъ, которые суть друзья Христовы; размышляя же о словахъ старца, я позналъ, что одна та правая философія, о которой онъ возвѣстилъ мнѣ, и началъ читать пророческія и апостольскія книги, отъ которыхъ и содѣлался философомъ правымъ, то-есть истиннымъ христіаниномъ“. Сказавъ о себѣ впослѣдствіи это Трифону, блаженный Іустинъ сдѣлалъ извѣстнымъ потомству, каково было начало его обращенія къ Богу,—что онъ наставленъ былъ на путь истинный онымъ незнаемымъ мужемъ, какъ бы съ неба посланнымъ.

Послѣ оной душеполезной бесѣды съ богодухновеннымъ старцемъ, сейчасъ же позаботился отыскать христіанскія книги и съ усерднымъ прилежаніемъ началъ читать Божественныя Писанія.—Сводилъ древнія пророчества Сивиллъ съ предвѣщаніями св. пророковъ о Христовомъ воплощеніи отъ Пречистой Дѣвы, о вольномъ страданіи Христовомъ, о будущемъ судѣ, о концѣ видимаго міра, и удивлялся, увидѣвъ, что они во всемъ согласны между собою, и, мало-по-малу научаемый внутренно, Святымъ Духомъ, приходилъ къ совершеннѣйшему познанію Бога и Сына Божія; когда же день

ото дня умножалась въ немъ духовная теплота къ благочестію,—посмѣвался въ себѣ эллинскому безумію и преклонился къ христіанской вѣрѣ. Но было нѣчто, немало отклоняющее отъ добраго намѣренія душу, желающую христіанскаго благочестія. Это были частыя и лютыя гоненія на христіанъ, и многіе безчестные, постыдные, отвратительные для слуха пороки и клеветы ложно наносимы были на нихъ (христіанъ) отъ язычниковъ,—будто бы христіане, въ своихъ ночныхъ собраніяхъ, погасивъ свѣтильники, вмѣстѣ съ тѣмъ угашаютъ и свѣчу чистоты, оскверняясь взаимною нечистотою, и будто бы, подобно звѣрямъ, человѣческое ѣли мясо. Такими и подобными имъ скаредными клеветами эллины и іудеи безславили предъ народомъ неповинныхъ христіанъ. Нечестивые и безумные люди вѣрили лжи, какъ самой истинѣ, и христіане, будучи людьми праведными и святыми, ото всѣхъ невѣрныхъ были ненавидимы и презираемы, почитаемы достойными оплеванія и мерзкими, какъ величайшіе беззаконники, виновные въ тяжкихъ грѣхахъ, и были предаваемы многоразличнымъ лютымъ смертямъ. Такія вещи сначала отводили Іустина отъ намѣренія присоединиться къ христіанамъ; но онъ не очень вѣрилъ наносимымъ на христіанъ злымъ дѣламъ, хорошо зная, что безразсудный народный судъ часто осуждаетъ невинныхъ, какъ виновныхъ, безславитъ честныхъ, какъ сквернителей, считаетъ праведниковъ за грѣшниковъ.

И видя, что христіане безбоязненны въ отвѣтахъ на судищахъ, мужественны въ мукахъ,—всѣ красоты міра сего презираютъ, какъ уметы (соръ), добровольно отдаютъ себя на мученія за Господа

своего и спѣшатъ на смерть, какъ на пиръ,—разсуждалъ въ себѣ и говорилъ: „не правду говорятъ о христіанахъ, будто они совершаютъ такія мерзости, ибо любострастный грѣшникъ, невоздержно предающійся плотскимъ похотямъ и ищущій наслажденія въ ядeніи мясъ человѣческихъ, боится смерти, не терпитъ мукъ, не отдаетъ себя добровольно на раны, но убѣгаетъ отъ нихъ; если же и подпадетъ какому-нибудь суду, всячески старается избавиться отъ него, ничего не жалѣетъ, чтобы избѣжать казни, дабы могъ безболѣзненно и здраво подолже пожить и больше наслаждаться своими похотями; а христіане, напротивъ, самоохотно избираютъ страданіе за Христа, въ Котораго вѣруютъ, и смерть предпочитаютъ жизни: какъ же въ нихъ можетъ быть такое грѣхолюбіе?“ Разсуждая такъ, онъ тщательно изслѣдовалъ жизнь христіанскую и совершенно увидалъ, что христіане пребываютъ въ страхѣ Божіемъ, чисто и непорочно, хранятъ чистоту свою внимательно, по вся дни умерщвляютъ себя постомъ и воздержаніемъ, часто молятся и всегда упражняются во всякихъ добрыхъ дѣлахъ. Извѣдавъ все до подробности, онъ весьма возлюбилъ ихъ, прилѣпился къ нимъ со всѣмъ усердіемъ и, принявъ св. крещеніе, сдѣлался великимъ поборникомъ по вѣрѣ Христовой, борясь съ іудеями и эллинами словомъ и писаніемъ, и былъ непобѣдимымъ воиномъ Христовымъ, крѣпкимъ и мужественнымъ подвижникомъ.

Ища спасенія душъ человѣческихъ, онъ обходилъ различныя страны, съ ученіемъ и проповѣдію о имени Христовомъ, и обращалъ невѣрныхъ отъ заблужденія ихъ къ Богу. Пришелъ онъ такимъ обра-

зомъ и въ Римъ, какъ философъ, въ философскомъ одѣяніи, съ учениками своими: и многіе стекались къ нему для обученія, такъ что у него составилось училище, въ которомъ онъ, подъ видомъ внѣшняго любомудрія, училъ истинной христіанской философіи. Встрѣтивъ тамъ ересеначальника Маркіона, крѣпко сопротивлялся ему и посрамилъ его; написалъ и обличеніе противъ его ереси, какъ писалъ и противъ другихъ ересей.

Тамъ же, въ Римѣ, былъ нѣкій языческій философъ—циникъ Крискентъ, великій врагъ христіанъ. Съ этимъ нечестивымъ философомъ истинный христіанскій философъ святый Іустинъ имѣлъ непрестанное преніе—и словесное, и письменное. Ибо циникъ тотъ, проводя скверную и пребеззаконную жизнь, ненавидѣлъ христіанъ, живущихъ по Богу—цѣломудренно, и завидовалъ доброй славѣ Іустиновой, такъ какъ Іустинъ, и за богодухновенную мудрость свою, и за чистую, непорочную жизнь, всѣми римлянами былъ славимъ и почитаемъ. Такъ циникъ, во злобѣ своей, желая обезславить и обезчестить предъ народомъ Іустина и бывшихъ съ нимъ вѣрующихъ, многія ложно приписывалъ христіанамъ постыдныя дѣла и возбуждалъ противъ нихъ нечестивый народъ. Слыша и видя это, св. Іустинъ говорилъ: „я желаю за вѣру Христову пострадать и быть убитымъ отъ невѣрныхъ; и думаю, что отъ того циника Крискента устроится мнѣ смерть,—отъ циника, говорю, безумнаго и любящаго больше гордость, чѣмъ мудрость. Недостоинъ называться философомъ тотъ, кто дерзаетъ увѣрять о такихъ вещахъ, которыхъ совершенно не знаетъ,—будто христіане—безбожники, не имѣютъ у себя

Бога и многія скверныя беззаконія содѣваютъ. Такъ онъ хулитъ насъ по ненависти и злобѣ своей; и тѣмъ хуже онъ простыхъ людей, которые не дозволяютъ себѣ говорить о вещахъ, невѣдомыхъ имъ".

Въ то время царствовалъ въ Римѣ Антонинъ, преемникъ Адріана. Этотъ Антонинъ, если самъ не былъ жестокъ къ христіанамъ, но власти, его окружавшія, какъ нечестивые идолопоклонники, частію по великой ненависти, а частію и по лихоимству, чтобы разграблять христіанскія имѣнія, гнали и убивали христіанъ, на основаніи повелѣній прежнихъ царей, якобы не столько за исповѣданіе имени Христова, сколько за многія беззаконія, которыя клеветники ложно приписывали вѣрнымъ, предавали ихъ суду и казнили различными муками, не разбирая наносимой на нихъ клеветы.

Въ тѣ времена случилось въ Римѣ такое событіе.—Одна невѣрная женщина, жившая скверно, услышавъ отъ христіанъ слово объ истинномъ Богѣ и ученіе о цѣломудренной жизни, о воздаяніи праведнымъ и о мукѣ грѣшнымъ,—умилилась душою и увѣровала во Христа. Жена сія имѣла мужа, валяющагося безмѣрно въ невѣріи идолопоклонническомъ и въ нечистотахъ плотскихъ, и всячески увѣщавала его, чтобы онъ обратился къ истинной вѣрѣ и жилъ воздержно. Но, увидѣвъ, что никакъ не можетъ его исправить, хотѣла избавиться отъ супружескаго съ нимъ сожительства, чтобы не жить больше съ нимъ и не оскверняться его нечистотами. Мужъ же, узнавъ, отъ какого христіанина жена его научена была христіанской вѣрѣ, пошелъ къ начальнику города и принесъ жалобу на него. Имя тому христіанину было—Птоломей. И взятъ былъ

рабъ Божій Птоломей, долго содержимъ былъ въ смрадной темницѣ, потомъ приведенъ на судъ и осужденъ на смерть. Во время неправеднаго того судища стоялъ тамъ нѣкій мужъ, именемъ Лукій. Видя блаженнаго Птоломея, осужденнаго неповинно, онъ сказалъ неправедному судіи: „за какую вину ты, епархъ, предаешь на смерть мужа неповиннаго смерти: онъ не прелюбодѣй, не обидчикъ, не убійца, не воръ, не хищникъ и ни въ какомъ другомъ беззаконіи не обличенъ,—развѣ только за то, что исповѣдалъ себя христіаниномъ?!“ Судія же, грозно воззрѣвъ на него, съ яростію сказалъ: „не изъ числа ли христіанъ и ты?“ Лукій отвѣчалъ: „да, я—христіанинъ“. И взятъ былъ, по повелѣнію епарха, на смерть. Къ этимъ двумъ христіанамъ (Птоломею и Лукію) присоединился и третій, нѣкій другъ ихъ, велегласно исповѣдавшій себя христіаниномъ. Итакъ всѣ трое положили за Христа души свои.

Увидѣвъ такое неправедное убіеніе святыхъ, блаженный Іустинъ весьма сожалѣлъ объ этомъ и написалъ свитокъ (названный Апологіею), показывающій неповинность христіанъ и обличающій заблужденіе и злобу идолослужителей, подалъ его царю, его сыновьямъ и всему сенату, дерзая небоязненно на муки и смерть за Христа. Царь, прочитавъ со вниманіемъ свитокъ сей, подивился премудрости христіанскаго философа, и не только не прогнѣвался на него,—не убилъ его, но и похвалилъ разумъ его; ибо въ свиткѣ своемъ онъ, изобличивъ прелесть эллинскихъ боговъ, ясно описалъ силу Христову, доказалъ, что клеветы, наносимыя на христіанъ, ложны, и показалъ явно, что

жизнь христіанъ цѣломудренна и праведна. Убѣжденный сею апологіей, царь далъ повелѣніе: „не мучить христіанъ за исповѣданіе имени Христова и не разграблять имѣній ихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда за кѣмъ-нибудь изъ нихъ найдено будетъ преступленіе, достойное истиннаго суда и казни“.

Взявъ это царское повелѣніе, написанное на бумагѣ, и бывъ милостиво отпущенъ отъ царя на свободу, святый Іустинъ, съ царскаго соизволенія, отправился въ Азію, гдѣ тогда особенно гонимы были христіане. Пришедши въ г. Ефесъ въ философской одеждѣ, которой не снималъ до кончины своей, онъ всѣмъ объявилъ и пояснилъ повелѣніе царево, а также и въ окрестныя страны и города послалъ оное; и утѣшена была Церковь прекращеніемъ, хотя и на время, гоненія,—великая была радость у правовѣрныхъ.

Пребывая въ Азіи, св. Іустинъ имѣлъ преніе съ премудрымъ раввиномъ іудейскимъ Трифономъ и опровергъ его мнѣнія ветхозавѣтнымъ писаніемъ. Этотъ разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ, какъ и помянутая апологія, дошелъ до нашего времени, въ сочиненіяхъ св. Іустина.

По прошествіи довольнаго времени, св. Іустинъ вознамѣрился опять изъ Ефеса идти въ Италію. И на пути, которымъ проходилъ, всюду апостольски проповѣдалъ Христа. Препирая іудеевъ и эллиновъ, онъ обращалъ ихъ къ св. вѣрѣ, а вѣрныхъ утверждалъ въ ней. Когда же онъ снова пришелъ въ Римъ, циникъ Крискентъ, прежде помянутый языческій философъ, возсталъ на него съ большею ненавистію и злобою. Съ нимъ св. Іустинъ часто препирался и всегда побѣждалъ его, посрамлялъ

предъ всѣми. Злобный циникъ, не имѣя возможности противостоять св. Іустину и не зная, что иное съ нимъ сдѣлать, оклеветалъ его многими ложными клеветами предъ судилищемъ римскимъ. Св. Іустинъ взятъ былъ, какъ виновный во злѣ, былъ мучимъ въ узахъ; но когда истязали его на судилищѣ,—никакой вины въ немъ не нашли. Завистникъ же его, опасаясь, чтобы не отпустили Іустина на свободу, тайно приготовилъ смертоносный ядъ и имъ лестью убилъ непреодолѣннаго воина Христова.

Такъ скончался истинный христіанскій философъ святый Іустинъ, оставивъ по себѣ многія писанія, весьма полезныя и потребныя для Церкви Христовой, какъ исполненныя премудрости Святаго Духа! Представъ же къ Подвигоположнику Христу Господу, получилъ отъ Него вѣнецъ страдальческій, и вчиненъ въ ликѣ святыхъ мучениковъ, славящихъ Святую Троицу — Отца и Сына, и Святаго Духа, вовѣки, аминь.

ЖИЗНЬ СВЯТИТЕЛЯ
ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

Жизнь святителя Димитрія Ростовскаго.

Св. Димитрій, во святомъ крещеніи Даніилъ, по фамиліи Туптало, родился въ декабрѣ 1651 года, недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Макаровѣ. Отецъ его Савва Григорьевичъ сначала былъ полковымъ сотникомъ, а остатокъ дней своихъ посвятилъ на служеніе Церкви, въ званіи ктитора Кіево-Кирилловскаго монастыря, гдѣ и скончался 6-го января 1702 года, 103-хъ лѣтъ отъ роду. Мать его Марія Михайловна была благочестивая христіанка: „скончалась, по словамъ св. Димитрія, съ хорошимъ расположеніемь, памятью и рѣчью, со всѣми обрядами христіанскими и обыкновенными таинствами, кончиною безстрашною, непостыдною, мирною, 29-го марта 1689 года, въ великій пятокъ, въ часъ крестной смерти Спасителя, на 71-мъ году отъ рожденія“. Вотъ какая добродѣтельная и набожная чета произвела на свѣтъ „сію райскую вѣтвь“—великаго угодника Божія Димитрія! Потому и родители его воистинѣ достойны всегдашняго благоговѣйнаго воспоминанія нашего.

Первоначальное воспитаніе отрокъ Даніилъ получилъ въ домѣ своихъ благочестивыхъ родителей; потомъ обучался въ Кіево-братской Коллегіи и показалъ здѣсь какъ отличные успѣхи въ наукахъ, такъ и примѣрное благонравіе.

По необходимости оставивъ училище *) прежде окончанія въ немъ полнаго курса, семнадцатилѣтній Даніилъ Туптало, по влеченію своего благочестиваго сердца, 9-го іюля 1668 года постригся въ монашество съ именемъ Димитрія, въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время былъ отецъ его ктиторомъ, а настоятелемъ бывшій ректоръ коллегіи Мелетій Дзикъ.

Затѣмъ для св. Димитрія началась школа самообразованія и продолжалась слишкомъ 30 лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ и монастыряхъ, въ исполненіи разныхъ порученій и дѣлъ, которыя постепенно возводили его выше и выше по степенямъ духовнаго сана и религіозно-нравственнаго совершенства.

Не прошло и года послѣ постриженія св. Димитрія, какъ онъ, по просьбѣ настоятеля Мелетія, рукоположенъ былъ преосвященнымъ Іоасафомъ Тукальскимъ, митрополитомъ кіевскимъ, во іеродіакона, 25-го марта 1669 года. Такой юный по возрасту, чистый и свѣтлый по жизни, 18-ти лѣтній отецъ іеродіаконъ не былъ ли похожъ на Ангела Божія?! Черезъ 6 лѣтъ послѣ того, черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ вызвалъ св. Димитрія въ Троицкій Густынскій монастырь и рукоположилъ въ іеромонаха, 23-го мая 1675 года, когда св. Димитрію не было и 24-хъ лѣтъ отъ рожденія. Лазарь Барановичъ—самъ мужъ высокаго ума и благочестія — по достоинству цѣнилъ сколько ученость, столько и добродѣтельную жизнь св. Димитрія, и потому благословилъ ему быть проповѣдникомъ слова Божія въ Черниговѣ; и св. Ди-

*) Когда поляки временно овладѣли Кіевомъ и коллегія была закрыта.

митрій два года назидалъ здѣсь вѣрующихъ какъ своимъ живымъ, исполненнымъ духа и силы словомъ, такъ и святостію жизни.

Слава о св. Димитріи, какъ великомъ проповѣдникѣ, быстро распространилась по Малороссіи и Литвѣ, и обитель за обителью стала привлекать его къ себѣ, чтобы воспользоваться его краснорѣчивымъ назиданіемъ. Потому св. витія, въ теченіе пяти-шести лѣтъ, то и дѣло переходилъ съ мѣста на мѣсто: проповѣдывалъ въ Черниговѣ, въ Вильнѣ—въ монастырѣ Св. Духа, въ Слуцкѣ—въ Преображенскомъ монастырѣ, въ Батуринѣ—въ Николаевскомъ Крупицкомъ монастырѣ.

Въ 1681 году, по просьбѣ братіи и желанію гетмана Самойловича, св. Димитрій опредѣленъ былъ игуменомъ Максаковской обители, что близъ города Борзны, Черниговской губерніи. При поставленіи на это игуменство, Лазарь Барановичъ сказалъ св. Димитрію: „да благословитъ васъ Господь Богъ не только игуменствомъ, — но по имени Димитрія желаю вамъ и митры: Димитрій да получитъ митру“. А такъ какъ это было 4-го сентября, то преосвященный добавилъ: „сегодня память пророка Моисея Боговидца; сегодня сподобилъ Господь Богъ васъ игуменства въ монастырѣ, гдѣ храмъ Преображенія Господня, яко Моисея на Ѳаворѣ. Сказавый пути своя Моисееви, да скажетъ и вамъ на семъ Ѳаворѣ пути своя къ вѣчному Ѳавору“. Какіе умные и добрые были архіереи! И какъ дороги были такія ласковыя слова для внимательныхъ и подчиненныхъ имъ! Св. Димитрій говоритъ: „сіи слова я, грѣшный, принялъ за хорошее предзнаменованіе и пророчество, и замѣ-

тилъ для себя. Дай Боже, чтобы пророчество его архипастырства сбылось"! Прощаясь на другой день съ Димитріемъ, Лазарь подарилъ ему хорошій посохъ, и такъ „хорошо меня отпустилъ,— говоритъ св. Димитрій,—какъ отецъ роднаго сына. Подай ему, Господи, вся благая по сердцу его"!

Вступивъ въ должность, св. игуменъ твердо помнилъ слова Господа: иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга (Матѳ. 20, 26), и—по слову Господа—такъ самъ жилъ, такъ жить училъ и другихъ, служа для всѣхъ образцемъ вѣры и благочестія. Такіе игумены—слава, украшеніе для обители! И вотъ почему св. Димитрій нигдѣ почти не оставался долго въ одной обители, а былъ часто перемѣщаемъ изъ одной въ другую. Такъ и Максаковская обитель менѣе года назидалась его словомъ и св. жизнію. На другой же годъ (1 марта 1682 года), по благословенію преосвященнаго Лазаря, онъ перемѣщенъ былъ въ Батуринскій Крупицкій монастырь св. Николая.

Но по любви къ безмолвной и уединенной жизни, черезъ годъ и 8 мѣсяцевъ онъ сложилъ съ себя бремя игуменское и, по предложенію настоятеля Кіевопечерской Лавры, преосвященнаго архимандрита Варлаама Ясинскаго, переселился изъ Батурина въ Лавру (1684 г.). Здѣсь святитель Димитрій началъ свой безцѣнный двадцатилѣтній трудъ—составленіе житій святыхъ, или Четьихъ-Миней. Преданіе сказываетъ, что св. Димитрій, проживавшій два года въ Лаврѣ, для составленія Четьихъ-Миней, когда приходилъ на Богослуженіе въ великую лаврскую церковь, всегда становился въ

самомъ уединенномъ мѣстѣ, въ лѣвой сторонѣ притвора, передъ иконою преподобнаго Антонія Печерскаго, за гробницею съ мощами всѣхъ святыхъ Кіевопечерскихъ.

Недолго, однакоже, и здѣсь онъ могъ пользоваться безмолвіемъ и удобствомъ для ученыхъ занятій. Любовь къ нему свѣтскаго и духовнаго начальства опять возложила на него бремя правленія. Гетманъ и кіевскій митрополитъ Гедеонъ убѣдили св. Димитрія снова принять на себя начальство въ Николаевской Батуринской обители (15 января, 1686 года). Здѣсь онъ, по благословенію всероссійскаго патріарха Іоакима, продолжалъ свой трудъ, начатый въ Кіевѣ, т.-е. писалъ Четьи-Минеи, и для большаго удобства устроилъ для себя маленькій домикъ, близъ церкви св. Николая, который называлъ своимъ скитомъ, и тутъ, въ уединеніи, занимался своимъ любимымъ предметомъ.

Но люди, знавшіе его высокое достоинство, не давали ему покоя: новый архіепископъ черниговскій Ѳеодосій Углицкій убѣдилъ его принять на себя управленіе обители св. Апостоловъ Петра и Павла, близъ Глухова; а потомъ кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій перевелъ его на мѣсто его постриженія—въ Кіево-Кирилловскій монастырь, гдѣ онъ провелъ только пять мѣсяцевъ, и затѣмъ перемѣщенъ былъ (1696 г.) въ Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь. Здѣсь исполнилось надъ нимъ благожеланіе преосвященнаго Лазаря Барановича: „Димитрій да получитъ митру“. Св. Димитрій возведенъ былъ въ санъ архимандрита. По прошествіи же двухъ лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ, перемѣщенъ былъ (1699 г.) въ Новгородъ-Сѣверскій

Спасскій монастырь. Это была уже послѣдняя обитель, которою управлялъ онъ, какъ настоятель.

Итакъ, въ теченіе 20 лѣтъ св. Димитрій преемственно былъ настоятелемъ пяти различныхъ монастырей и два раза одного Батуринскаго. Каждый монастырь желалъ имѣть его своимъ настоятелемъ и, такъ сказать, оспаривалъ его у другаго. Такъ его любили и уважали! Другой бы, на его мѣстѣ, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, при такихъ частыхъ переходахъ съ одного мѣста на другое, пожалуй могъ развлечься или, при такихъ почестяхъ, любви и уваженіи, могъ возгордиться. Но не таковъ былъ св. Димитрій: онъ сохранилъ полное самообладаніе и глубокое смиреніе. Восходя постепенно отъ силы въ силу, болѣе и болѣе умудряясь во спасеніи и усовершаясь въ духовной жизни, онъ созрѣлъ, наконецъ, въ мужа совершенна!

Наступилъ 1701 годъ, когда сибирскій митрополитъ Игнатій Римскій-Корсаковъ оставилъ свою паству, и св. Димитрій, по требованію Петра I-го и по указанію Варлаама Ясинскаго, долженъ былъ явиться въ столицу, для занятія упразднившейся митрополіи. Тутъ онъ сказалъ императору привѣтственную рѣчь, въ которой изобразилъ сходственныя черты между царемъ земнымъ и Царемъ небеснымъ, и вскорѣ за тѣмъ (23 марта, 1701 года) рукоположенъ былъ въ митрополита тобольскаго и сибирскаго, чрезъ преосвященнаго митрополита рязанскаго, Стефана Яворскаго. Высокою честію украсили смиреннаго архимандрита сѣверскаго, но оно было не по сердцу ему. Сибирь—страна суровая и холодная,—а здоровье св. Димитрія было слабое: Сибирь—страна далекая,—а у св. Димитрія

было близкое къ сердцу занятіе—продолженіе Четь-ихъ-Миней, которое возможно было только въ центрѣ тогдашняго просвѣщенія, но никакъ не въ глухой, далекой Сибири. Все это такъ обезпокоило его, что онъ слегъ въ постель. Мудрый и внимательный государь, узнавъ причину его болѣзни, назначилъ его въ митрополиты ростовскіе (4-го января, 1702 года), на мѣсто умершаго Іоасафа Лазаревича, а на каѳедру тобольскую послалъ Филоѳея Лещинскаго. Такимъ-то образомъ великая звѣзда россійская, отъ Кіева возсіявшая, чрезъ Новгородъ Сѣверскій достигла Ростова Великаго и здѣсь остановилась до конца своего существованія! Ростовъ—было послѣднее мѣсто служенія св. Димитрія Церкви и отечеству: здѣсь ему суждено было окончить многотрудные и многополезные дни свои. Святитель предчувствовалъ это; ибо по входѣ въ Зачатіевскій соборъ Ростовской Яковлевской обители и по совершеніи обычнаго моленія, онъ прежде всего назначилъ для себя могилу въ правомъ западномъ углу собора и сказалъ вслухъ всѣхъ: „Се покой мой! Здѣсь вселюсь въ вѣкъ вѣка“.

Въ Ростовѣ святителю Божію Димитрію суждено было пожить не много—всего 7 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 24 дня. Но и въ такое короткое время онъ успѣлъ сдѣлать много полезнаго для своей паствы, неусыпно бодрствуя для ея охраненія и неустанно трудясь для ея улучшенія.

Совершивъ первую божественную литургію по прибытіи въ Ростовъ, святитель произнесъ къ новой паствѣ своей весьма содержательное, краснорѣчивое и трогательное слово, въ которомъ изложилъ взаимныя обязанности пастыря и паствы.

„Да не смущается сердце ваше о моемъ къ вамъ пришествіи: дверьми бо взыдохъ, а не прелазяй инудѣ; не искахъ, но поисканъ есмь, и не вѣдахъ васъ, ниже вы мене вѣдасте, судьбы же Господни — бездна многа: тыя мя послаша къ вамъ, азъ же пріидохъ, не да послужите ми, но да послужу вамъ, по словеси Господню: *хотяй быти въ васъ первый да будетъ всѣмъ слуга* (Матѳ. 20, 26). Такъ, между прочимъ, говорилъ онъ въ первой своей рѣчи паствѣ, такъ и дѣйствовалъ потомъ во всю свою жизнь на паствѣ ростовской!

Увидѣвъ великое нестроеніе во ввѣренной ему епархіи, св. Димитрій возгорѣлъ ревностію Иліи и поспѣшилъ принять всевозможныя пастырскія мѣры къ исправленію зла.

Для пастырей, прежде всего, онъ написалъ два окружныхъ посланія, въ которыхъ съ горестію обличалъ въ небреженіи къ священному сану и излагалъ наставленія объ обязанностяхъ пастырей Церкви *). Эти посланія во многихъ спискахъ разосланы были священникамъ съ тѣмъ, чтобы они списывали ихъ для себя, чаще прочитывали и согласно съ ними исполняли свои обязанности. Кромѣ сихъ посланій, есть у св. Димитрія цѣлое слово о пастырствѣ духовныхъ пастырей **).

Потомъ угодникъ Божій изъ собственныхъ доходовъ устроилъ при архіерейскомъ домѣ училище, которое раздѣлялось на три класса и содержало до 200 воспитанниковъ. Здѣсь обращеніе св. Димитрія съ юными питомцами было чисто отеческое.

---

*) См. въ 1-й части его сочиненій, изд. 3-е, 1857 г. 1) „Поученіе ко іереямъ“, стр. 155—164; 2) „Посланіе“, стр. 194—212.

**) См. 3-ю часть его сочиненій, стр. 502—520.

Онъ часто посѣщалъ ихъ, самъ наблюдалъ за ихъ успѣхами, предлагая имъ разные вопросы, нерѣдко въ отсутствіе учителя принималъ на себя его обязанность; въ свободное отъ учебныхъ занятій время объяснялъ имъ Св. Писаніе, а лѣтомъ призывалъ ихъ къ себѣ въ загородный домъ—въ село Демьяны, гдѣ толковалъ имъ преимущественно новый завѣтъ.

По праздникамъ же собиралъ ихъ ко всенощному бдѣнію и литургіи въ Соборный храмъ, гдѣ, по окончаніи первой каѳизмы, они должны были подходить къ нему за благословеніемъ. Въ четыредесятницу и прочіе посты обязывалъ ихъ говѣть; самъ даже исповѣдывалъ ихъ и пріобщалъ Св. Таинъ. Такъ внимательно, такъ отечески готовилъ онъ будущихъ пастырей для ростовской епархіи! И, безъ сомнѣнія, изъ такихъ питомцевъ многіе могли впослѣдствіи являться мудрые и усердные пастыри *).

Для паствы своей святитель сдѣлалъ все, что только могла сдѣлать пламенная, просвѣщенная любовь пастыря къ паствѣ. Онъ безпрестанно объѣзжалъ ее изъ края въ край, безпрестанно оглашалъ ее живымъ и дѣйственнымъ словомъ своимъ, безпрестанно то угрожалъ, то умолялъ.

Въ Ростовѣ святитель, къ прискорбію своему, узналъ о духовной заразѣ, и доселѣ, къ общему несчастію отечества, не прекратившейся,—узналъ о расколѣ, и съ пламенною ревностію вооружился и подвизался противъ этого духовнаго недуга и ослѣпленія. Для вразумленія заблудшихъ онъ напи-

*) Училище св. Димитрія въ Ростовѣ недавно возстановлено въ его первобытномъ видѣ.

салъ разсужденіе „Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“ и „Розыскъ о брынской вѣрѣ“. Розыскъ, по отзыву Филарета, архіепископа черниговскаго, есть „сочиненіе, написанное съ яснымъ и глубокимъ разумѣніемъ христіанства. Сочинитель уличаетъ расколъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ духа Евангельскаго, — обвиненіе, конечно, болѣе важное, чѣмъ обвиненіе въ какомъ-нибудь странномъ обрядѣ. Вѣра раскольниковъ не права, ученіе ихъ душевредно, дѣла не богоугодны: вотъ три мысли, которыя онъ излагалъ въ трехъ частяхъ сочиненія своего“. (Обз. рус. дух. литературы). Здѣсь полное обличеніе противъ раскольниковъ, твердый щитъ противъ ихъ лжеученія,—весьма полезный трудъ для отечественной Церкви.

Безпрерывно поучая пастырей и паству свою словомъ, св. Димитрій въ то же время безпрерывно поучалъ ихъ и жизнію своею. Ярко сіяли христіанскія добродѣтели его, какъ въ келліи иноческой, такъ и на каѳедрѣ святительской; но особенно ярко сіяли въ жизни его—молитва, постъ, смиреніе, нестяжательность, любовь къ бѣднымъ и сиротамъ и постоянное трудолюбіе.

Несмотря на многочисленность своихъ занятій, св. Димитрій находилъ время каждый день посѣщать храмъ Господень—для молитвы, каждый воскресный и праздничный день всегда самъ совершалъ литургію и сказывалъ поученіе народу, если только болѣзнь не удерживала его, и, несмотря на слабость силъ своихъ, всегда самъ участвовалъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ, какъ бы далеко они ни были. Всѣ его домашніе обычаи проникнуты были молитвеннымъ духомъ. Такъ, напримѣръ,

въ случаѣ болѣзни, онъ не только самъ молился, но имѣлъ обычай извѣщать о семъ своихъ любимцевъ, воспитанниковъ Ростовскаго училища, съ тѣмъ, чтобы они, во здравіе его, прочитывали молитву Господню по 5-ти разъ, въ воспоминаніе пяти язвъ Христовыхъ,—и ему становилось отъ того легче. А служителямъ своимъ, поучая ихъ трезвости, честности и благочестію, говаривалъ: „когда бьютъ часы,—вы при каждомъ ударѣ креститесь и читайте про себя: „Богородице, Дѣво, радуйся"... Такъ время напоминало о молитвѣ и вѣчности, а не о пищѣ и снѣ.

Твердо помнилъ нашъ русскій Златоустъ: „кто постится, тотъ съ добрымъ духомъ молится" (57 бес. на Матѳ.): „постъ дѣлаетъ душу добрую, облегчаетъ ея крылья, возноситъ выше земнаго. ведетъ къ мыслямъ о горнемъ" (1 бес. на Бытіе): и потому у него что день, то былъ постъ, а на первой недѣлѣ Великаго Поста онъ вкушалъ только одинъ разъ; одинъ только разъ вкушалъ онъ и на Страстной недѣлѣ, именно въ великій четвертокъ.

Хорошо помнилъ святитель Ростовскій и слово Божіе: *всякъ возносяйся, смирится, смиряяй же себе. вознесется* (Лук.18, 14); и потому вся жизнь его и дѣла были полны смиренія. „Нѣсмь таковъ, якова же любовь твоя непщуетъ мя быти: нѣсмь благонравенъ, но злонравенъ, обычаевъ худыхъ исполненъ, и въ разумѣ далече отстою отъ разумныхъ; буй есмь и невѣжа, а свѣтеніе мое есть едина тма и прахъ". Такъ писалъ о себѣ святый и просвѣщенный святитель другу своему, благочестивому иноку Чудова монастыря Ѳилологу. Свои-

ми занятіями и трудами, доставившими ему славу, св. Димитрій также не превозносился. Онъ говорилъ о нихъ: *„пою Богу моему дондеже есмь“* (Псал. 103, 33). Что-нибудь дѣлать во славу Божію, дѣлать долженствуетъ, да часъ смертный не въ праздности насъ застанетъ“. Такъ одни только гордые и надменные видятъ въ себѣ даже и мнимыя доблести, а истинно смиренные, святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными, тѣмъ болѣе смиряются и по смиренію своему видятъ въ себѣ и своихъ дѣлахъ однѣ только слабости.

Св. Димитрій много, вѣроятно, получалъ по своему сану, много получалъ и отъ разныхъ благодѣтелей и даже отъ особъ царственнаго дома, но что изъ всего этого осталось послѣ него? Одно только архіерейское облаченіе, въ которомъ онъ завѣщалъ похоронить себя, да нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Онъ самъ писалъ въ духовномъ завѣщаніи: „отнелѣже пріяхъ святый иноческій образъ и постригохся въ Кіевско-Кирилловскомъ монастырѣ въ осьмнадесятое лѣто возраста моего и обѣщахъ Богу нищету извольную имѣти отъ того времени, даже до приближенія моего ко гробу, нестяжахъ имѣнія и мшелоимства, кромѣ книгъ святыхъ, не собирахъ злата и серебра, не изволяхъ имѣти излишнихъ одеждъ, ни какихъ-либо вещей, кромѣ самыхъ нуждъ, но нестяжаніе и нищету иноческую духомъ и самимъ дѣломъ по возможному соблюсти тщахся. Сіе не тщеславляся реку,—замѣчаетъ святитель,—но да искателя по мнѣ моего имѣнія вѣстно сотворю, воеже бо не трудитися вотще, не истязовати служавшихъ мнѣ Бога

ради“. Такимъ образомъ, что одною рукою онъ получалъ, то другою раздавалъ—на нужды монастырскія, на украшеніе храмовъ, на нужды бѣдныхъ сиротъ. „Приходившихъ къ нему въ келлію не отпускалъ безъ назиданія и благословенія малыми иконами; всѣ свои доходы употреблялъ на милостыню бѣднымъ, заботясь о вдовахъ и сиротахъ, такъ что у него не оставалось для своихъ потребъ житейскихъ. Нерѣдко призывая къ себѣ убогихъ и бѣдныхъ, поставлялъ имъ трапезы и одежды; подобно Іову, онъ былъ окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ и утѣшителемъ своей паствы. За такія дѣла любви и самъ всѣми вѣрными сынами Церкви былъ любимъ, говорится въ житіи его, помѣщенномъ въ предисловіи къ 1-му тому сочиненій его.

Кромѣ неусыпныхъ трудовъ по управленію епархіею, по училищу и богослуженію, св. Димитрій, можно сказать, и дома, въ келліи, день и ночь трудился. Это доказываетъ его сочиненіе. „Моему сану (его же нѣсмь достоинъ),—писалъ святитель къ вышеуказанному иноку Ѳилологу,—надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пищущею рукою. То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“. И сколько сочиненій написалъ онъ, доступныхъ не только для пастырей, но и для пасомыхъ! Какъ прекрасны его *Поученія на воскресные и праздничные дни!* Всѣ они согрѣты такою любовію къ истинѣ и добру, дышать такою простотою и ясностію, дѣйствуютъ такъ прямо на сердце, что любители духовнаго чтенія даже читаютъ ихъ и не начитаются. Видно, что они лились изъ души, помазанной Духомъ Святымъ. Какъ пре-

красны его *Вопросы и отвѣты о вѣрѣ и о прочихъ къ знанію христіанскому нужнѣйшихъ!* Тутъ, при всей краткости, полно и вразумительно изложено ученіе христіанской вѣры. Какъ чисто и свѣтло его *Зерцало православнаго исповѣданія!* Какъ утѣшительна его *Апологія, во утоленіе печали человѣка сущаго въ бѣдѣ, гоненіи и озлобленіи, вкратцѣ сложенная!* Какъ назидательны его *Врачевство духовное* и *Алфавитъ духовный!* Какъ поучителенъ его *Внутренній человѣкъ, въ клѣти сердца своего уединенъ, поучающійся и молящійся втайнѣ!* Какъ любопытенъ и полезенъ его *Лѣтописецъ, сказующій дѣянія отъ начала міробытія до Рождества Христова, съ присовокупленіемъ Самсона или краткаго описанія о началѣ Славянскаго народа!* Какъ возвышенно его *Размышленіе о причащеніи Св. Таинъ!* Какъ умилительны и трогательны его *Цѣлованіе ранъ Господа нашего Іисуса Христа,— Ко Магдалинѣ, плачущей у ногъ Христовыхъ,— Глаголъ грѣшнаго,— Плачъ на погребеніе Христово* и прочія творенія, напечатанныя въ пяти томахъ! Какъ основателенъ его *Розыскъ о брынской вѣрѣ*! А двадцатилѣтній трудъ его *Четьи-Минеи* доселѣ остается неподражаемымъ и считается неоцѣнимымъ сокровищемъ нашей православной Церкви! Многіе черпали изъ Четьихъ-Миней и переводили ихъ по частямъ; но все что-то выходитъ не то, что тамъ. (См. Житія Бахметевой, Извольскаго, Протопопова и др.) Св. Димитрій писалъ даже мистеріи—драмы религіознаго содержанія, перешедшія къ намъ съ запада чрезъ Польшу. Таковы его драмы: Св. Димитрій. Успеніе, Воскресеніе Христово, Есѳирь и Агасѳеръ, Рождество Христово и кающійся грѣшникъ. Но изъ нихъ сохранилась вполнѣ только драма „Рожде-

ство Христово", состоящая изъ 18-ти актовъ и написанная стихами. Предметъ ея—Рождество Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, избіеніе виѳлеемскихъ младенцевъ и мученіе Ирода (Чт. въ общ. д. просв. 1881 г. Сент., стр. 328--334). Писалъ угодникъ Божій и другіе стихи, напримѣръ: „Іисусе мой прелюбезный! Надежду мою въ Бозѣ полагаю! Ты мой Богъ, Іисусе, Ты моя радость!"

Вотъ образцовый пастырь Христовой Церкви, достойный всякаго уваженія и подражанія! Это въ высшей степени благоуханный и никогда не увядаемый цвѣтъ нашего русскаго православнаго пастырства и архипастырства!

О, если бы у насъ побольше было такихъ пастырей! Для желающихъ подражать великому святителю, помѣщаемъ здѣсь его „Богодухновенное наставленіе христіанское".

1. „Отъ сна воставшу ти, первая мысль буди о Бозѣ, первое слово и молитва къ Богу, Создателю твоему и Содержителю живота твоего, могущему всегда мертвити и живити, поразити и исцѣлити, спасти и погубити".

2. „Поклонись и воздаждь благодареніе Богу, воздвигшему тя отъ сна и не погубившему со беззаконіи твоими, но долготерпѣливо ожидающему твоего обращенія".

3. „Положи начало къ лучшему, глаголя со псаломникомъ: рѣхъ—*нынѣ начахъ* и проч. (Псал. 76, 11); путь бо къ небеси никтоже добрѣ совершаетъ, развѣ кто на всякій день добрѣ начинаетъ".

4. Съ утра буди въ молитвѣ Серафимъ, въ дѣлахъ Херувимъ, въ обхожденіи Ангелъ".

5. „Времени отнюдь вотще не изнуряй, кромѣ нужныхъ управленій“.

6. Во всѣхъ дѣлахъ и словесахъ и въ помышленіяхъ умъ имѣй въ Бозѣ, не написуй въ умѣ что ино, кромѣ Христа: образъ никій же сердца прикоснется чиста, развѣ образъ чиста Христа Бога и Спаса.

7. „Къ любви Божіей себе возбуждай всячески, елико можеши, а наипаче сіе разсужденіе со псаломникомъ, въ себѣ глаголя: *въ поученіи моемъ разгорится огнь* (Пс. 38, 4).

8. „Его же изволяеши непрестанно любити Бога, на Того присутствіе всегда внутреннима очима да взираеши, и сего ради отъ всякаго злаго дѣла, слова и помышленія престани. Почему вся честно, смиренно и съ сыновнею боязнію твори, глаголи и помышляй“.

9. „Кротость съ похвалою, и смиреніе съ честностію купно буди“.

10. „Слово тихо, смиренно, честно и полезно буди: молчаніе же да разсуждаетъ словеса, яже имаши глаголати: а праздное и гнилое слово отнюдь да не исходитъ изъ устъ твоихъ“.

11. „Смѣхъ, аще случится, до осклабленія токмо буди, и то не часто“.

12. „Ярости и запальчивости и свара блюдися: во гнѣвѣ же умѣренно имѣй себе“.

13. „Въ ядѣніи и питіи воздержаніе да хранится всегда“.

14. „Во всякой вещи снисходливый буди: и Богъ тя ублажитъ, также и люди похвалятъ.

15. „Смерть—всему конецъ, о которой всегда мыслить должно“.

Нѣтъ сомнѣнія, что правила сіи первоначально служили руководствомъ для самого святителя Димитрія: по нимъ, очевидно, онъ первый располагалъ свою жизнь и дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что желающій подражать святителю Димитрію, и строго руководясь этими правилами, долго ли, коротко ли, войдетъ въ духъ и направленіе угодника Божія.

Общее, основное свойство святителя Димитрія, опредѣляющее и проникающее всю жизнь и дѣятельность его, есть искреннее, нелицемѣрное, глубокое *благочестіе*.

Родившись отъ благочестивыхъ родителей, воспитавшись въ домѣ родительскомъ въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, онъ укрѣплялся въономъ и въ школѣ, гдѣ достигъ такой высоты, что, будучи еще юношею, являлъ уже въ себѣ духъ и начатки иночества.

По принятіи юнымъ отрокомъ (на 18 году) иночества, духъ благочестія въ немъ плодоносно раскрылся въ подвигахъ богомыслія и самоотверженія, которые не укрылись отъ внимательныхъ и сдѣлали его свѣтильникомъ православной Церкви, ярко горящимъ и свѣтящимъ.

Духъ благочестія и соединенное съ нимъ желаніе исключительно предаться богомудрымъ занятіямъ заставляли его не разъ отказываться отъ почестей начальствованія и увлекали его въ уединеніе, чтобы безпрепятственно предаваться тамъ св. богомыслію и изливать свою душу передъ Богомъ въ умилительныхъ размышленіяхъ.

Въ этомъ благодатномъ состояніи духа св. Димитрія, въ этомъ его высокомъ и глубокомъ благо-

честіи заключается главное начало и основаніе его безграничной любви къ Богу и ближнему. Вся сила этой любви особенно выразилась въ его сочиненіяхъ. Вездѣ въ бесѣдахъ и поученіяхъ святителя господствуетъ благодатный духъ любви, простосердечія и благости душевной. Имѣя отъ природы нѣжное сердце, нравъ кроткій, искренній и откровенный, онъ воспиталъ въ себѣ сіи качества подвижническою жизнію и, исполненный благодатію Христовою, сдѣлался истиннымъ младенцемъ во Христѣ. Поэтому и слово его, проникнутое пламенною и чистою любовію къ Богу и ближнему, отличается особенною искренностію, простотою и чистосердечностію. Это свойство рѣчи св. Димитрія производитъ на сердце читателя самое пріятное впечатлѣніе и располагаетъ къ тѣмъ же чувствамъ христіанской простоты и чистосердечія. Этими качествами св. Димитрій поистинѣ сближается съ Златоустомъ и достойно можетъ занять мѣсто послѣ сего вселенскаго учителя вѣры. Тонъ умиленія, которымъ говоритъ сердце, преисполненное чувствами глубокой печали, вмѣстѣ — высокой и святой радости, господствуетъ во всѣхъ бесѣдахъ св. Димитрія, особенно, гдѣ говоритъ онъ о сладчайшемъ Искупителѣ нашемъ, Господѣ Іисусѣ Христѣ. Подобно св. Игнатію Богоносцу, и онъ могъ сказать о себѣ, что любовь его ко кресту пригвождена. Онъ не можетъ произнести безъ умиленія и одного имени Искупителя нашего. Какъ скоро воспоминаетъ онъ о Господѣ своемъ, со всею душою и всѣмъ сердцемъ преклоняется предъ Нимъ, объемлетъ ноги Его, какъ Магдалина, лобызаетъ язвы Его и недоумѣваетъ, какъ излить

предъ Нимъ благодарное и упоенное любовію сердце свое. Часто, среди бесѣды своей, онъ обращаетъ мысленный взоръ и пламенное чувство свое къ Іисусу Христу и, прерывая рѣчь къ слушателямъ, бесѣдуетъ къ Нему, молится Ему, славословитъ, изъявляетъ къ Нему любовь и желаніе свое. Такъ, напримѣръ, въ поученіи на недѣлю 19-ю, говоря о любви къ врагамъ и изображая плоды сей добродѣтели, онъ среди рѣчи обращается къ высочайшему образцу оной и взываетъ отъ умиленнаго сердца: „О, сладосте превыше всѣхъ сладостей, Іисусе! О, любы, всякое желаніе побѣждающая, Іисусе! О, хлѣбе небесный! О, пребезсмертное наше насыщеніе! О, вѣчное наше наслажденіе, Іисусе! Кій языкъ исповѣсть сладость Твою! Кій умъ постигнетъ дѣйствуемое Тобою въ любящихъ тя сердцахъ услажденіе! Увеселеніе, радосте и сладосте наша, Іисусе! Проникнутое такою любовію къ Богу сердце неистощимо въ изліяніи своихъ чувствъ къ Нему. Посему-то въ бесѣдахъ, какъ и въ жизни св. Димитрія, все, такъ сказать, обращается около одной мысли о распятомъ за насъ Сынѣ Божіемъ. Къ народу же онъ такъ относится и бесѣдуетъ, какъ искренній другъ съ друзьями своими, какъ добрый, заботливый отецъ съ любимыми дѣтьми своими, такъ что даже самыя обличенія св. Димитрія исполнены любви и благодушія. Обличенія его, направленныя на современные нравы и вообще на слабости и пороки людскіе, почти всегда смягчаются трогательнымъ чувствомъ его собственнаго смиренія и близкаго участія въ судьбѣ ближняго, а иногда даже растворяются слезами пастыря. Сердечное участіе къ судьбѣ ближня-

го, кроткое, радушное, сердобольное обращеніе съ ближнимъ были господствующими качествами святителя. Вообще, во всякомъ словѣ св. Димитрія, обличеніе ли то, или наставленіе, или размышленіе,— вездѣ чувствуется помазаніе отъ Святаго Духа, благодать Божія, слышится и любовь къ Богу и ближнимъ, растворяемая сердечною скорбію о неблагодарности людей къ своему Искупителю и Спасителю. Если чувство это иногда переходитъ въ праведное негодованіе на нерадивыхъ грѣшниковъ, то, съ другой стороны, оно еще чаще обращается въ пламенную молитву къ Богу за слабыхъ и немощныхъ рабовъ Его. Такъ любящая, нѣжная мать иногда, плача, укоряетъ сына и угрожаетъ ему наказаніемъ. Таковъ, по преимуществу, духъ самаго Св. Писанія; таковъ же духъ вообще помазанныхъ проповѣдниковъ слова Божія; таковъ былъ духъ и характеръ и святителя Димитрія.

Но недолго горѣлъ и свѣтилъ міру великій свѣтильникъ Божій на землѣ. Силы его, изнуренныя долговременными подвигами и непрестанными трудами, оскудѣвали болѣе и болѣе. Въ письмахъ своихъ онъ неоднократно упоминаетъ о своихъ болѣзняхъ. „Часто изнемогаю,—писалъ онъ къ Поликарпову почти за годъ до своей кончины,— и Богъ вѣсть, могу ли начатое совершить (лѣтопись); понеже частыя мои недугованія перо отъ руки пишущей отъемлютъ, и писца на одръ повергаютъ, гробъ же очесамъ представляютъ. А ктому и очи, видя, мало видятъ, очки не много помогаютъ, и рука пишущая дрожитъ, и вся храмина тѣла близъ разоренія“. (Письмо сіе при Діаріи). Святитель скончался 58-ми лѣтъ отъ ро-

ду, на 28-е октября 1709 года, чрезъ день своего тезоименитства.

Въ высшей степени поучительны и трогательны обстоятельства кончины святителя Димитрія. Въ ней особенно обнаружилась чистота и высота души угодника Божія, полнота его любви и смиренія. За нѣсколько дней до кончины св. Димитрія, царица Прасковья Ѳеодоровна возымѣла намѣреніе отправиться изъ Москвы въ Ярославль, на поклоненіе чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, именуемой Толгскою. Но такъ какъ, по случаю непогоды и осенней распутицы, путешествовать было очень неудобно, то эту икону повелѣно было изъ Толгской обители перенесть въ Ростовъ. Когда донесено было святителю о скоромъ прибытіи въ Ростовъ царицы въ царевнами и о перенесеніи чудотворной иконы Богородицы, то онъ приказалъ позвать къ себѣ своего казначея, іеромонаха Филарета, и между прочими распоряженіями объявилъ ему: „се грядутъ въ Ростовъ двѣ гостьи—Царица небесная и царица земная; только я уже видѣть ихъ здѣсь не сподоблюсь, а надлежитъ къ принятію оныхъ быть готову тебѣ, казначею“.

За три дня до своего преставленія, святитель сильно сталъ изнемогать: боль, таившаяся въ груди, обнаружилась у него съ особенною силою въ кашлѣ. Но, несмотря на это, въ день своего тезоименитства, 26-го октября, въ память св. великомученика Димитрія Солунскаго, святитель самъ совершалъ божественную литургію въ соборной церкви. Но тамъ же, въ церкви, онъ почувствовалъ себя такъ больнымъ, что измѣнился въ лицѣ и не въ состояніи былъ произнести поученія, заранѣе

приготовленнаго имъ, почему, сидя у царскихъ вратъ, слушалъ, когда одинъ изъ пѣвчихъ сказывалъ оное по его приказанію.

За обѣденнымъ столомъ, послѣ литургіи, святитель присутствовалъ, по обычаю прежнихъ лѣтъ, но уже весьма больной и съ большимъ трудомъ. На другой день онъ еще въ состояніи былъ принять архимандрита Варлаама изъ Переяславскаго монастыря и посѣтилъ, послѣ двухкратнаго отказа, монахиню Варсонофію, бывшую кормилицу царевича Алексѣя Петровича: но, пробывъ у нея весьма немного времени, съ большимъ трудомъ, едва могъ дойти до своей келліи, опираясь на служителей.

Изнемогая отъ болѣзни, святитель велѣлъ призвать къ себѣ въ келлію пѣвчихъ, для пѣнія имъ же самимъ сочиненныхъ нѣкоторыхъ духовныхъ пѣсней, какъ-то: „Іисусе мой прелюбезный“, „Надежду мою въ Бога полагаю“, „Ты мой Богъ, Іисусе, Ты моя радость“. Пѣніе это услаждало душу святителя звуками, которые вылились нѣкогда изъ его же святой души, и онъ съ умиленіемъ слушалъ пѣвчихъ, грѣясь у печки. По окончаніи пѣнія, отпустивъ всѣхъ пѣвчихъ, святитель удержалъ любимаго изъ нихъ, усерднѣйшаго помощника своего въ переписываніи сочиненій.

Оставшись со своимъ любимцемъ одинъ на одинъ, святитель разсказалъ ему о своей жизни, какъ онъ проводилъ въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ, какъ онъ молился Господу Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ Его угодникамъ: потомъ прибавилъ: „И вы, дѣти, молитесь такъ же“. Наконецъ сказалъ: время и тебѣ, чадо, идти въ домъ свой. А когда тотъ пѣвчій, принявъ благословеніе, хотѣлъ идти, святи-

тель, провожая его изъ келліи, поклонился ему едва не до земли и благодарилъ за усердіе въ переписке сочиненій. Певчій содрогнулся, увидевъ такое смиреніе своего архипастыря, и съ благоговеніемъ сказалъ: „мне ли, последнему рабу, владыко святый, такъ кланяешься?“ Святитель опять кротко сказалъ: „благодарю тя, чадо“.—и возвратился въ келлію, а певчій, заплакавъ, удалился.

Проводивъ певчаго, святитель Божій и служителямъ своимъ приказалъ разойтись по своимъ местамъ, а самъ заключился въ особую комнату, какъ бы для покоя, и наедине предался пламенной молитве Богу... Утромъ 28-го октября пришли служители въ келлію и нашли его скончавшимся на коленяхъ, въ молитвенномъ положеніи: душа его отлетела на небо. Это было въ пятницу. Такова была блаженная кончина святителя Димитрія! Молитва услаждала его при жизни, молитва сопровождала его и въ блаженную вечность.

Въ Бозе почившій святитель облаченъ былъ въ архіерейскія одежды, имъ самимъ приготовленныя. Въ гробе, вместо возглавія, положены были, по его завещанію, разныя его сочиненія, писанныя вчерне его рукою. Тело его около месяца лежало во гробе въ Соборной Ростовской церкви и оставалось нетленнымъ: во все это время совершались надъ нимъ панихиды. Между темъ, о кончине святителя дано было знать другу его Стефану Яворскому, митрополиту рязанскому, съ которымъ онъ положилъ условіе, чтобы тотъ, кто изъ нихъ умретъ прежде, былъ похороненъ оставшимся въ живыхъ. Извещенный о кончине друга своего, Стефанъ Яворскій прибылъ въ Ростовъ уже въ по-

слѣднихъ числахъ ноября. Вошедши прямо въ Соборную церковь, онъ много плакалъ надъ тѣломъ почившаго и повелѣлъ казначею приготовить все нужное къ погребенію въ Яковлевскомъ монастырѣ, на мѣстѣ, избранномъ самимъ угодникомъ Божіимъ. По приготовленіи могилы, 25-го ноября, митрополитъ Стефанъ совершилъ въ соборѣ литургію, а по литургіи погребеніе, на которомъ произнесъ надгробное слово, часто повторяя въ немъ: „святъ Димитрій—святъ". По окончаніи отпѣванія, тѣло святителя, съ подобающимъ торжествомъ, въ предшествіи клира и въ сопровожденіи множества народа, скорбѣвшаго о любимомъ владыкѣ, изъ собора перенесено было въ монастырь св. Іакова и предано землѣ въ церкви Зачатія Пресвятыя Богородицы, на правой сторонѣ, въ западномъ углу, гдѣ и донынѣ почиваетъ нетлѣнно.

Похоронивъ любимаго друга своего, Стефанъ составилъ ему „надгробную", или „стихи памяти смертной, всякому извѣстной". Въ этой „надгробной" особенно назидательны слѣдующіе стихи:

Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче,
Какъ вѣкъ твой преходитъ и смерть недалече.
Готовься на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Что смерть тя восхититъ съ твоими дѣлами.
Ангелъ твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
Краткость твоей жизни перстомъ показуетъ.
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока,
Текутъ времена и лѣта во мгновенье ока.
Держай мечъ отмщенія во своей десницѣ
Увѣщаетъ тя всегда и глаголетъ сице:
Убойся сего меча, отселѣ покайся,
Да не посѣчетъ тебе зло, зѣло ужасайся".

Черезъ 43 года (въ 1752 году. 21 сентября), мощи святителя Димитрія найдены были нетлѣнными и оказались чудотворными. По троекратномъ тщательномъ освидѣтельствованіи ихъ, св. Синодъ. 22 апрѣля 1757 года, положилъ причислить св. Димитрія къ лику св. угодниковъ Божіихъ и праздновать память его 21 сентября въ день обрѣтенія св. мощей, и 28 октября – въ день кончины его. Службу ему, по порученію св. Синода, составилъ преосвященный Амвросій Каменскій, а жизнеописаніе—Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій. Императрица Елисавета Петровна устроила для мощей святителя Димитрія богатую раку изъ серебра, вновь открытаго въ Колыванскихъ рудникахъ; а потомъ императрица Екатерина II (въ 1763 году), послѣ своего царскаго вѣнчанія, пѣшкомъ совершила путешествіе изъ Москвы въ Ростовъ, для поклоненія мощамъ Ростовскаго чудотворца и переложенія ихъ въ приготовленную раку, которую сама изволила нести вмѣстѣ съ архіереями, при обхожденіи вокругъ храма.

Вся жизнь и дѣятельность святителя Димитрія кратко выражена въ тропарѣ и кондакѣ ему.

Тропарь, гласъ 8.

„Православія ревнителю, и раскола искоренителю, россійскій цѣлебниче, и новый къ Богу молитвенниче, списаньми твоими буихъ уцѣломудрилъ еси, цѣвнице духовная, Димитріе блаженне, моли Христа Бога, спастися Императору нашему (имя рекъ), и всему наслѣдію и державѣ его“.

Кондакъ, гласъ 8.

„Звѣзду россійскую отъ Кіева возсіявшую, и чрезъ Новгородъ Сѣверскій въ Ростовъ достигшую, всю же страну сію ученьми и чудесы озарившую, ублажаемъ златословеснаго учителя Димитрія: той бо всѣмъ вся написа, яже къ наставленію, да всѣхъ пріобрящетъ, якоже Павелъ. Христу и спасетъ правовѣріемъ души наша“.

Такъ ублажаетъ и восхваляетъ святителя Димитрія св. Церковь наша! А горячее христіанское усердіе выразило пламенную любовь свою къ нему въ слѣдущихъ безыскусственныхъ стихахъ:

Святый Димитрій митрополитъ!
Къ тебѣ мой духъ любовію горитъ.
За ревность къ правой вѣрѣ всесвятой
Парю душой къ душѣ твоей святой.
За жизнь твою, угодниче, святую,
Всѣмъ существомъ своимъ тебѣ дарую.
Прими же меня, какъ всѣхъ принялъ Спаситель,
Превѣрный мой молитвенникъ, святитель *).

Изложивъ жизнеописаніе великаго угодника Божія, предложимъ теперь благоуханные и неувядаемые цвѣты изъ ароматнаго сада святителя Димитрія.

---

*) Эти стихи можно видѣть на иконѣ св. Димитрія, въ Макаровѣ—мѣстѣ его родины.

ЖИЗНЬ И СТРАДАНІЯ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ѲЕОДОТА АНКИРСКАГО

И

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИЦЪ СЕМИ ДѢВЪ:

Текусы, Александры, Клавдіи, Фаины, Евфрасіи, Матроны и Іуліи,

пострадавшихъ въ III вѣкѣ.

(Память ихъ 18 мая).

Память святаго мученика Θеодота Анкирскаго и святыхъ мученицъ семи дѣвъ: Текусы, Александры, Клавдіи, Фаины, Евфрасіи, Матроны и Іуліи, пострадавшихъ въ 3-мъ вѣкѣ, 18-го мая.

Въ царствованіе жестокаго гонителя христіанъ, императора Діоклитіана (284—305), въ городъ Анкиру, что въ Галатійской области, прибылъ правитель Θеотекнъ, человѣкъ весьма жестокій. Когда онъ просилъ у царя Діоклитіана Игемонской (губернаторской) власти, то обѣщалъ ему при этомъ въ скоромъ времени обратить всѣхъ христіанъ къ язычеству. Діоклитіанъ радъ былъ этому и съ удовольствіемъ сдѣлалъ Θеотекна правителемъ Анкиры Галатійской.

Прибывъ на мѣсто своей новой службы, Θеотекнъ съ большою ревностію принялся преслѣдовать христіанъ. По его приказанію христіанъ начали заключать въ оковы и темницы, имѣнія ихъ грабить, а храмы разорять и сравнивать съ землею. Язычники не щадили ни пола, ни возраста. Ужасъ объялъ христіанъ. Многіе бѣжали изъ города въ горы и пустыни. Но здѣсь ихъ ожидало новое бѣдствіе—недостатокъ пищи. Томимые голодомъ и лишеніями всякаго рода, нѣкоторые изъ христіанъ добровольно отдавались въ руки языч-

никовъ, которые обыкновенно заключали ихъ въ темницы и узы.

Въ это-то скорбное и бѣдственное для христіанъ время жилъ въ Анкирѣ одинъ добрый и благочестивый христіанинъ, по имени *Θеодотъ,* поистинѣ *данный Богомъ* для утѣшенія христіанъ. Онъ имѣлъ супругу, но былъ цѣломудренъ; онъ жилъ въ своей корчемницѣ, но имѣлъ ее не для пріобрѣтенія богатства, а чтобы помогать христіанамъ и успокоивать ихъ: здѣсь онъ укрывалъ отъ преслѣдованія своихъ гонимыхъ единовѣрцевъ и по возможности снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ; здѣсь же онъ своими богодухновенными словами іудеевъ и язычниковъ приводилъ къ Христовой вѣрѣ, а грѣшныхъ училъ покаянію. Онъ отличался особенною любовію къ вѣрующимъ. Имѣя цѣлебную благодать, онъ молитвою и возложеніемъ рукъ исцѣлялъ людскія болѣзни, врачуя душеспасительными словами болѣзни душевныя. Въ его домѣ христіанскіе священники тайно совершали Богослуженіе. Не ограничиваясь домашнею благотворительностію, Θеодотъ посѣщалъ темницы, увѣщавалъ узниковъ къ терпѣнію и твердости и нерѣдко выкупалъ ихъ изъ рукъ воиновъ; тайно бралъ тѣла святыхъ мучениковъ, брошенныя на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, и честно погребалъ ихъ. Такъ домъ Θеодота былъ убѣжищемъ вѣрующихъ, а самъ Θеодотъ ихъ утѣшеніемъ! А когда Игемона Θеотекнъ повелѣлъ осквернить идольскими нечистотами пищу и питіе, продаваемыя на торжищахъ, тогда св. Θеодотъ, имѣя у себя множество пшеницы и вина, не только у себя питалъ множество вѣрующихъ, но и тайно раздавалъ ихъ вѣрующимъ на

сторону: такъ что корчемница его стала и молитвеннымъ храмомъ, и страннопріимнымъ домомъ. Всѣ вѣрующіе стремились къ св. Θеодоту, какъ къ кораблю во время потопа. Правитель не зналъ, что Θеодотъ христіанинъ, и потому благотворительность послѣдняго была довольно продолжительна.

Въ то же время и въ томъ городѣ Анкирѣ, въ которомъ проводилъ святую жизнь Θеодотъ, жили семь благочестивыхъ и цѣломудренныхъ дѣвицъ. Старшая изъ нихъ, Текуса, была теткою Θеодота. Святыя дѣвы были приведены къ правителю. Долго правитель уговаривалъ ихъ отречься отъ вѣры христіанской, но всѣ его увѣщанія оказались напрасными: и святыя дѣвы преданы были жестокимъ мученіямъ, которыя онѣ перенесли съ необычайною твердостію. Во время ихъ мученія наступилъ языческій праздникъ—*омовеніе идоловъ*. Θеотекнъ вздумалъ заставить страдалицъ принять участіе въ языческомъ торжествѣ. На богатыхъ колесницахъ повезли идоловъ къ озеру, въ сопровожденіи жрецовъ и множества народа, при звукахъ пѣсенъ и музыки. Вслѣдъ за идолами, въ обнаженномъ видѣ, вели къ озеру и семь св. дѣвъ мученицъ. Многіе изъ народа, видя позоръ мученицъ и тѣла ихъ, покрытыя ранами, плакали отъ умиленія и жалости. Напрасно мучитель заставлялъ страдалицъ -то ласками, то угрозами- омывать идоловъ: святыя дѣвы оказались непреклонными и вѣрными рабами Божіими. Разгнѣванный ихъ твердостію, мучитель приказалъ къ шеѣ каждой привязать по тяжелому камню и бросить ихъ въ озеро. Это было 18-го мая 303 г. Имена ихъ: Текуса, Александра, Клавдія, Фаина, Евфрасія, Матрона и Іулія.

Во время страданія св. дѣвъ, св. Ѳеодотъ молился о нихъ Господу. Онъ затворился, со своими сродниками Полихроніемъ и Ѳеодотомъ и съ другими нѣкоторыми христіанами, въ убогой хижинѣ одного мужа Ѳеохарида, близъ церкви св. патріарховъ—Авраама, Исаака и Іакова, и молился съ 1 до 6 часа. Наконецъ жена Ѳеохарида извѣстила, что св. дѣвы потоплены въ озерѣ. Св. Ѳеодотъ возблагодарилъ Господа Бога, помогшаго дѣвамъ остаться вѣрными Ему до смерти. Онъ спросилъ вѣстницу, гдѣ потоплены святыя дѣвы. „Я,— разсказала вѣстница,—съ другими женами стояла тамъ, близко, въ народѣ. Игемонъ убѣждалъ святыхъ дѣвъ послужить идоламъ и обѣщалъ имъ дары, но онъ былъ посрамленъ св. Текусою. Жрецы дали дѣвамъ бѣлыя одежды и цвѣтные вѣнцы, но дѣвы бросили ихъ на землю и затоптали ногами. Тогда Игемонъ велѣлъ навязать на шеи дѣвъ тяжелые камни, посадить въ лодку и везти ихъ на глубину. Онѣ были потоплены за двѣ стадіи отъ берега“.

Св. Ѳеодотъ рѣшился извлечь мощи св. дѣвъ изъ воды и предать ихъ погребенію. Дѣло было трудное и опасное, потому что правитель приказалъ поставить стражей на берегу озера. Но св. Ѳеодотъ надѣялся на помощь Божію; и надежда его не посрамила. Послѣ долгой и усердной молитвы, онъ ночью, съ родственникомъ своимъ Полихроніемъ и другими христіанами, отправился къ озеру. Ночь была темная: шелъ проливной дождь. На пути вдругъ показался имъ въ воздухѣ огненный крестъ, и былъ слышанъ голосъ: „иди смѣло, Ѳеодотъ!“ Послѣ этихъ словъ крестъ скрылся, но ог-

ненная лампада освѣтила имъ путь, и два мужа въ свѣтлыхъ одеждахъ явились и сказали Θеодоту: „Дерзай, Господь написалъ имя твое въ числѣ своихъ мучениковъ. Онъ услышалъ молитву твою, и пошлетъ тебѣ на помощь св. Сосандра!“ Это явленіе ободрило путниковъ. Слѣдуя огненной лампадѣ, они подошли къ берегу озера. Въ это время предъ стражами предсталъ вооруженный воинъ въ шлемѣ, со щитомъ и бронею, сіяющими подобно огню. Это былъ недавно скончавшійся мученикъ Сосандръ, посланный Богомъ на помощь Θеодоту и его спутникамъ. Устрашенные необыкновеннымъ явленіемъ воина, стражи разбѣжались. Въ то же время отъ сильнаго вѣтра сдѣлался отливъ воды отъ береговъ озера, что дало возможность Θеодоту увидѣть лежавшія на днѣ тѣла мученицъ. Тотчасъ отрѣзаны были веревки, которыми были привязаны камни къ шеямъ св. дѣвъ. Тѣла ихъ были извлечены изъ озера и съ честію похоронены при церкви святыхъ патріарховъ.

На другой день стало извѣстно въ городѣ, что тѣла святыхъ мученицъ вынуты изъ озера, но кѣмъ—никто не зналъ. Игемонъ, жрецы и прочіе язычники пришли въ ярость; и если видѣли гдѣ христіанина, то брали его и влекли на истязаніе. Узнавъ объ этомъ, св. Θеодотъ хотѣлъ отдать себя въ руки язычникамъ, но братія возбранили это. Родственникъ св. Θеодота Полихроній, перемѣнивъ одежду и притворившись земледѣльцемъ, пошелъ на торжище, желая убѣдиться во всѣхъ событіяхъ, тамъ совершившихся, но язычники взяли его и привели къ правителю. Во время истязаній его стали бить. Сначала онъ терпѣлъ: но когда

увидѣлъ надъ собою обнаженный мечъ и услышалъ угрозу, то устрашился и разсказалъ всю истину о томъ, какъ Ѳеодотъ вытащилъ тѣла изъ озера и похоронилъ ихъ при церкви патріарховъ. Язычники выкопали изъ земли тѣла св. мученицъ и сожгли ихъ, а Ѳеодота начали разыскивать на мученія. Объ этомъ св. Ѳеодотъ извѣщенъ былъ вечеромъ того же дня. Онъ узналъ, что сродникъ и другъ его сдѣлался предателемъ. Но онъ твердо рѣшился претерпѣть муки за Господа, и тогда же сдѣлалъ предсмертныя распоряженія. Онъ просилъ братій, чтобы они помолились съ нимъ Христу Богу, да сподобитъ его вѣнца мученическаго. Они молились съ нимъ всю ночь. Когда же насталъ день, тогда св. Ѳеодотъ простился съ плакавшими братіями: обнялъ, поцѣловалъ ихъ и повелѣлъ, когда придетъ пресвитеръ Фронтонъ изъ селенія Малосъ, съ перстнемъ его,—отдать ему мощи его, если можно будетъ тайно взять ихъ. Такое распоряженіе св. мученикъ Ѳеодотъ сдѣлалъ потому, что задолго предвидѣлъ и предсказалъ о своей мученической кончинѣ, о своихъ св. мощахъ, указалъ даже мѣсто погребенія ихъ и лицо, которое это сдѣлаетъ. Дѣло было такъ. Однажды св. Ѳеодотъ пошелъ въ селеніе Малосъ, отстоявшее отъ города Анкиры на сорокъ стадій. Онъ услышалъ, что тамъ былъ брошенъ въ рѣку св. мученикъ Уалентъ. Прибывъ на мѣсто, онъ обрѣлъ въ рѣкѣ мощи св. мученика и похоронилъ ихъ. Возвращаясь оттуда, онъ встрѣтилъ вѣрующихъ. Увидѣвъ св. Ѳеодота, они поклонились ему и благодарили его, какъ общаго благодѣтеля. Св. Ѳеодотъ былъ радъ встрѣчѣ ихъ и просилъ ихъ

отобѣдать съ нимъ. Тутъ случилось прекрасное мѣсто. и они сѣли на зеленой травѣ: на этомъ мѣстѣ было много деревьевъ, цвѣты благоухали и птицы пѣли. Но прежде обѣда св. Ѳеодотъ послалъ двоихъ христіанъ въ селеніе—призвать пресвитера, чтобы онъ благословилъ трапезу ихъ и отобѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Посланные встрѣтили пресвитера, выходящаго изъ церкви, и пригласили его. Увидѣвъ св. Ѳеодота, пресвитеръ Фронтонъ привѣтствовалъ его съ братіею и просилъ всѣхъ идти въ селеніе, въ домъ его. Но св. Ѳеодотъ отвѣчалъ ему: „я спѣшу возвратиться въ городъ и послужить братіямъ въ бѣдахъ. Пресвитеръ благословилъ трапезу, и всѣ стали обѣдать. Послѣ обѣда св. Ѳеодотъ сказалъ пресвитеру: „какое это прекрасное мѣсто къ погребенію св. мощей“! „Ты позаботься,—отвѣчалъ пресвитеръ,—чтобы мы имѣли св. мощи на этомъ мѣстѣ“. А ты позаботься создать здѣсь немедленно молитвенный храмъ къ принятію св. мощей, и вскорѣ къ тебѣ будутъ принесены мученическія мощи“,—сказалъ св. Ѳеодотъ. Сказавъ это, онъ снялъ перстень съ руки своей и, вручая его пресвитеру, сказалъ: „да будетъ Господь свидѣтелемъ между нами, что вскорѣ будутъ принесены сюда мученическія мощи!“

Такъ св. Ѳеодотъ пророчески предвозвѣщалъ о положеніи тамъ своихъ мощей!

Теперь, узнавъ, что его разыскиваютъ на мученіе, св. Ѳеодотъ простился съ братіями, перекрестился и пошелъ къ мучителю. Дорогою встрѣтились съ нимъ два знакомыхъ ему гражданина. Желая оказать ему свою дружескую любовь, они упрашивали его скрыться, пока есть къ тому вре-

мя и возможность. Св. Θеодотъ отвѣчалъ имъ: „Если вы друзья мои и хочете доказать мнѣ любовь свою, то не мѣшайте моему намѣренію, но идите къ судилищу и скажите старѣйшинамъ: вотъ Θеодотъ, на котораго клевещутъ жрецы и народъ, стоитъ предъ дверьми. Сказавши это, св. Θеодотъ спѣшно пошелъ и сталъ посреди судилища. Весело смотрѣлъ онъ на приготовленныя орудія къ истязанію—на разожженную пещь, на кипящіе котлы, колеса и другія ужасающія вещи.

Ты не пострадаешь,—сказалъ ему правитель,—если убѣдишься принести жертвы богамъ! Ты будешь свободенъ отъ всѣхъ обвиненій, которыя возводятъ на тебя жрецы и весь городъ! Ты будешь любезенъ намъ и царю, только отрекись Іисуса, Котораго прежде насъ Пилатъ распялъ въ Іудеѣ! Въ отвѣтъ на это, св. Θеодотъ обличилъ идоловъ и возвеличилъ чудеса истиннаго Господа. Въ это время языческіе жрецы рвали свои волосы, раздирали одежды и разрывали вѣнки свои; а народъ гнѣвно восклицалъ Игемону, почему онъ не мучитъ и не казнитъ хулителя боговъ ихъ. Тогда Игемонъ велѣлъ воинамъ раздѣть св. Θеодота, повѣсить его вверхъ ногами и строгать тѣло его. Но и во время страданій св. мученикъ былъ непоколебимъ. Игемонъ приказалъ лить на раны его уксусъ съ солью и свѣчами опалить тѣло его. Напрасно Игемонъ, во время страданій, убѣждалъ Θеодота поклониться богамъ; мученикъ просилъ Игемона продолжать муки. Игемонъ велѣлъ бить его въ уста камнями, сокрушать челюсти его и выбивать зубы. Наконецъ заключилъ его темницу.

По прошествіи 16 дней, Игемонъ велѣлъ приго-

товить среди города судилище и привести св. мученика. Онъ снова сталъ убѣждать его отречься отъ Христа: но св. мученикъ отвѣчалъ: „ничего ты не изобрѣтешь такого жестокаго, что возмогло бы одолѣть силу Господа моего, укрѣпляющаго мене!“ Игемонъ велѣлъ опять повѣсить св. мученика и строгать желѣзомъ тѣло его, возобновляя первыя раны. Но св. мученикъ громко исповѣдалъ имя Іисуса Христа. Снявъ съ мѣста мученія, его влачили по раскаленнымъ черепкамъ и потомъ снова повѣсили и опять строгали, такъ что уже и цѣлаго мѣста не было на тѣлѣ его. Наконецъ Игемонъ велѣлъ отсѣчь ему голову мечемъ и тѣло его сжечь огнемъ, чтобы оно не было погребено христіанами. Св. мученика повели за городъ на посѣченіе. Множество народа шло за св. мученикомъ, желая видѣть кончину его. Достигнувъ мѣста казни, св. мученикъ помолился Господу и, обратившись къ плакавшимъ братіямъ, сказалъ: не плачьте о мнѣ, братія, но прославьте Господа нашего Іисуса Христа, давшаго мнѣ благодать совершить мученическій подвигъ. Я буду на небесахъ молить о васъ Господа! Сказавъ это, онъ преклонилъ подъ мечъ свою св. голову, и былъ усѣченъ. *7 іюля 303 года.*

Служители собрали множество дровъ и возложили на нихъ тѣло св. мученика, собираясь сжечь его. Но вдругъ, силою Божіею, поднялась большая буря, и явился свѣтъ, блистающій какъ молнія, вокругъ тѣла св. мученика. Никто не смѣлъ подойти и зажечь дрова. Узнавъ объ этомъ, Игемонъ велѣлъ воинамъ стеречь тѣло, чтобы христіане не украли его. Воины сдѣлалали себѣ кущу изъ вербъ

и тростника, и стали стеречь. Поздно вечеромъ пресвитеръ Фронтонъ шелъ изъ селенія въ городъ, ничего не зная о кончинѣ св. Θеодота. Съ пресвитеромъ былъ оселъ его, навьюченный виномъ, которое пресвитеръ везъ, чтобы продать въ городѣ; ибо онъ былъ земледѣлецъ, имѣлъ виноградникъ и имъ питалъ семейство свое. Приблизясь къ мѣсту, гдѣ лежало тѣло св. мученика, окруженное стражею, оселъ споткнулся и упалъ. Воины подошли помочь Фронтону поднять осла и сказали пресвитеру: куда идешь ночью? Останься съ нами, у насъ есть здѣсь и кормъ скоту. Пресвитеръ остановился. Тѣло св. мученика лежало покрытое хворостомъ и сѣномъ. При кущѣ былъ разведенъ огонь и приготовленъ ужинъ. Воины пригласили гостя ужинать съ ними. Пресвитеръ взялъ у нихъ сосудъ, наполнилъ его виномъ своимъ и далъ имъ пить. Попробовавъ вина, воины похвалили его и спросили: сколько лѣтъ этому вину? Пять лѣтъ,—отвѣчалъ имъ пресвитеръ. Воины пили вино и, бесѣдуя съ пресвитеромъ, разсказали ему все о святыхъ дѣвахъ—мученицахъ, и св. Θеодотѣ. Онъ,—говорили воины,—такъ мужественно терпѣлъ жестокія раны, что былъ словно мѣдный или желѣзный; и вотъ здѣсь лежитъ обезглавленное тѣло его, которое мы стережемъ по повелѣнію. Пресвитеръ напоилъ воиновъ виномъ и задумалъ, какъ бы взять тѣло св. мученика. Когда воины, напившись вина, крѣпко уснули, пресвитеръ подошелъ къ тѣлу св. мученика, открылъ его и цѣловалъ со слезами. Онъ снялъ съ своей руки перстень и, надѣвъ его на палецъ мученика, сказалъ: „о, св. мученикъ Христовъ Θеодотъ исполнилъ свое обѣщаніе!“ Возложивъ тѣло

и голову св. мученика на осла и крѣпко привязавъ ихъ къ животному, пресвитеръ пустилъ его по направленію къ селенію. Затѣмъ, положивъ на свое мѣсто хворостъ и сѣно, Фронтонъ заснулъ въ кущѣ воиновъ. Вставши рано, онъ началъ жалѣть объ ослѣ, говоря, не укралъ ли его кто. Воины также сожалѣли, но не знали, что украдено тѣло св. мученика, ибо видѣли хворостъ и сѣно, лежащими на своемъ мѣстѣ. Пресвитеръ, оставивъ у нихъ вино, пошелъ какъ будто искать своего осла, но уже не возвращался къ воинамъ, а направился къ своему селенію. Оселъ также пришелъ въ селеніе и стоялъ съ тѣломъ св. мученика. Пресвитеръ созвалъ вѣрующихъ и похоронилъ св. тѣло на томъ самомъ прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда обѣдалъ съ мученикомъ: а впослѣдствіи создалъ тамъ во имя его церковь. Св. мощи Ѳеодота и святыхъ мученицъ семи дѣвъ донынѣ почиваютъ въ Анкирѣ.

Житіе и страданіе мученика Ѳеодота описаны очевидцемъ и согражданиномъ его Ниломъ. Въ началѣ описанія Нилъ говоритъ: „мы будемъ говорить о томъ, что сами, изначала живши съ мученикомъ, узнали и очами нашими видѣли“. Въ концѣ же свидѣтельствуетъ: „все сіе я, смиренный Нилъ, съ точностію передалъ вамъ, боголюбезные братія: я вмѣстѣ съ нимъ (Ѳеодотомъ) находился въ темницѣ, и знаю достовѣрно все, что ни сообщилъ вамъ, всегда заботясь объ истинѣ“. Замѣчательно въ этомъ житіи свидѣтельство древности о крестномъ знаменіи.—Въ одномъ мѣстѣ говорится, что мученики, устрашенные, всѣ напечатлѣли знаменіе креста на своемъ челѣ,—а въ другомъ мѣстѣ сказано, что Ѳеодотъ все тѣло свое оградилъ знаменіемъ креста.

ЖИЗНЬ И СТРАДАНІЯ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КЛИМЕНТА.

ЕПИСКОПА АНКИРСКАГО.

(23 января).

Жизнь и страданія священномученика Климента, епископа Анкирскаго.

Въ жизни и страданіяхъ св. Климента все дивно и чудесно, поразительно и трогательно, занимательно и назидательно. Св. Климентъ мучимъ былъ не однимъ, а многими самыми жестокими мучителями, въ продолженіе цѣлыхъ 28 лѣтъ. и въ разныхъ мѣстахъ. Онъ необыкновенно мужественно и терпѣливо перенесъ на себѣ всѣ роды мученій, какія только были изобрѣтены адскою злобою враговъ христіанства. И во всѣхъ своихъ страданіяхъ показалъ міру необычайно твердую вѣру и ничѣмъ несокрушимую непоколебимость въ ней,—показалъ чрезвычайный умъ и удивительное спокойствіе духа, которыми побѣдоносно поражалъ зрителей и изумлялъ самихъ мучителей своихъ. Да! это, дѣйствительно, доброплодная лоза преподобства и многосочный стебль страдальчества,—цвѣтъ священнѣйшій, присноцвѣтущій въ вертоградѣ Церкви Христовой. Память его совершается Церковію 23-го января.

1.

Дѣтство и юность св. Климента.

Родился Климентъ въ 258 году по Р. Х., въ галатійскомъ городѣ Анкирѣ. Отецъ его былъ язычникъ, а мать христіанка, по имени Евфросинія. Какъ ни усердно старалась она обратить своего мужа къ истинной вѣрѣ,—не дана была ей эта радость: онъ умеръ язычникомъ.

Овдовѣвши въ молодыхъ лѣтахъ, Евфросинія всѣ заботы свои посвятила воспитанію единственнаго своего сына Климента, стараясь сдѣлать его вѣрнымъ и усерднымъ служителемъ Іисуса Христа.

Но недолго жила и благочестивая мать Климента Евфросинія: когда ему было только около 12 лѣтъ, она уже приблизилась къ смерти.

Чрезвычайно трогательно набожная христіанка прощалась со своимъ любимымъ сыномъ.—Лежа на смертномъ одрѣ, она крѣпко обнимала сына, горячо цѣловала его и говорила ему: „сынъ мой возлюбленный! ты сирота отъ пеленъ; но у тебя есть Отецъ—Христосъ Богъ. Я родила тебя плотію; но Христосъ Богъ возродилъ тебя духомъ. Онъ тебѣ Отецъ, Ему одному служи и на Него надѣйся; ибо Онъ—спасеніе наше и жизнь вѣчная. Молю тебя, возлюбленный сынъ, обѣщай мнѣ, за всѣ мои труды и заботы о тебѣ, мужественно стать за Христа и твердо исповѣдывать Его святое имя, такъ какъ скоро настанетъ страшное гоненіе на христіанъ. Приготовься къ страданіямъ и взирай чаще на небо: оттуда ожидай себѣ утѣшенія, ободренія и вѣчнаго воздаянія. Бойся суда Божія, трепещи всевидящаго ока Господня; ибо отрекшихся

отъ Христа ожидаетъ неугасимый огонь, а исповѣдающихъ Его—вѣчная радость и утѣшеніе. Не щади своей крови и тѣла, дай его на раны, и я возвеселюсь предъ Господомъ. Тѣломъ я отхожу отъ тебя, но душа моя не разлучится съ тобою: и съ тобою сподоблюсь припасть къ Престолу Всевышняго, хвалясь предъ Нимъ твоими страданіями и вѣнчаясь твоими подвигами." Отвѣчалъ ли что-либо Климентъ на эти безцѣнныя слова матери,—неизвѣстно: но, безъ сомнѣнія, они глубоко запали въ юную душу и сердце св. отрока. Блаженная Евфросинія это видѣла, и мирно скончалась: а Климентъ не замедлилъ оправдать завѣтъ материнй.

По смерти матери Климентъ остался круглымъ сиротою; но Богъ—Покровитель сиротъ и бѣдныхъ не замедлилъ дать ему другую мать, въ лицѣ благочестивой и богатой Софіи, подруги покойной Евфросиніи: не имѣя дѣтей, она взяла къ себѣ Климента вмѣсто сына. Въ то время въ Галатіи былъ такой сильный голодъ, что язычники, не имѣя, чѣмъ кормить своихъ дѣтей, бросали ихъ по улицамъ и дорогамъ. Климентъ собиралъ этихъ несчастныхъ дѣтей и приводилъ ихъ въ домъ Софіи. Здѣсь онъ училъ ихъ и приготовлялъ къ св. крещенію: а Софія одѣвала и кормила ихъ. Такимъ образомъ домъ Софіи сдѣлался училищемъ вѣры и благочестія.

2.

Епископство св. Климента.

Занимаясь обученіемъ дѣтей и воспитаніемъ ихъ въ вѣрѣ и благочестіи, въ домѣ благочестивой и

богатой Софіи Климентъ, съ юныхъ лѣтъ, питался только хлѣбомъ съ овощами, пилъ одну воду и постоянно пребывалъ въ молитвѣ и добродѣланіи. Такая добродѣтельная и строгая жизнь Климента скоро обратила на себя вниманіе анкирскихъ христіанъ. Они избрали его сперва чтецомъ, потомъ діакономъ, наконецъ пресвитеромъ, а черезъ два года, на 20-ти лѣтнемъ возрастѣ его, и епископомъ города Анкиры.

Сдѣлавшись епископомъ, Клименъ ревностно сталъ распространять истинную вѣру между язычниками, и многихъ изъ нихъ привелъ въ Церковь Христову. Но недолго продолжалась спокойная святительская дѣятельность Климента: наступило, предреченное его блаженною матерію, жестокое гоненіе на христіанъ, — наступило время исполниться ея святому желанію. Начались неимовѣрныя страданія св. Климента.

3.

Страданія св. Климента.

Діоклитіанъ, воцарившись на римскомъ престолѣ (284 — 305), когда св. Клименту было только 26 лѣтъ, отдалъ повелѣніе — по всѣмъ римскимъ областямъ разыскивать, мучить и убивать христіанъ. Царскіе намѣстники, въ угоду царю, со всѣмъ усердіемъ начали отыскивать христіанъ и съ звѣрскою жестокостію предавать ихъ мученіямъ.

———

А.

Первое страданіе св. Климента.

Въ странѣ Галатійской былъ правителемъ Дометіанъ.—Ему донесли, что Климентъ, епископъ анкирскій, запрещаетъ поклоняться богамъ и многихъ обращаетъ въ христіанство. Дометіанъ велѣлъ привести его къ себѣ и ласково сказалъ ему: „Лицо и взглядъ твой показываютъ, что ты человѣкъ умный, честный и благородный: и потому мнѣ кажется, что сдѣланный на тебя доносъ несправедливъ. Скажи намъ самъ о себѣ“. „Наша премудрость и разумъ есть Христосъ, словомъ Котораго все создано“,—отвѣчалъ Климентъ. „Вотъ ты нечаянно оскорбилъ насъ,—сказалъ царскій намѣстникъ, я совѣтую тебѣ не говорить безполезныхъ словъ и принести жертву богамъ. Знай, что всякаго унижающаго боговъ ждутъ муки, а почитающаго ихъ ожидаетъ честь и слава. Возьми примѣръ съ насъ“. Св. Климентъ отвѣчалъ: „а мы думаемъ иначе. Дары ваши ни во что считаемъ, честь вашу считаемъ безчестіемъ, большой твой санъ—работою невольника; безчестіе же, угрозы и муки ваши считаемъ за утѣшеніе и сладость. Да будетъ тебѣ извѣстно, что ничѣмъ не отвратишь насъ отъ благочестія—ни обѣщаніемъ почестей и даровъ, ни муками“. Рѣшительный тонъ, съ которымъ отвѣчалъ Климентъ, удивилъ Дометіана, и онъ сказалъ праведнику: „я говорилъ съ тобою мягко и кротко, и тѣмъ далъ тебѣ поводъ говорить со мною смѣло. Я слышалъ о тебѣ, что ты всегда находишься съ дѣтьми, и потому имѣешь, подобно имъ, дѣтскій разумъ. Повторяю тебѣ,—если не умилостивишь

боговъ жертвами, то знай, что будешь казненъ смертію, но не такою, на какую ты надѣешься, а самою продолжительною и мучительною". „Ты напомнилъ мнѣ о дѣтяхъ, -отвѣчалъ святый,—такъ знай, что я училъ дѣтей той премудрости, которой не знаетъ никто изъ вашихъ старѣйшихъ и мудрѣйшихъ: ибо истинная премудрость Божія скрывается отъ премудрыхъ и разумныхъ міра сего и открывается младенцамъ".

Намѣстникъ, принимавшій на себя доселѣ личину кротости, наконецъ обнаружилъ свою природную лютость. Онъ повелѣлъ повѣсить святаго на древѣ и рѣзать тѣло его острымъ желѣзомъ. Тѣло его было все изрѣзано такъ, что плоть его висѣла на немъ кусками, изъ глубокихъ ранъ ручьями струилась кровь, изъ изрѣзаннаго тѣла высовывались кости. Видъ страдальца возбуждалъ въ зрителяхъ великій ужасъ: но Климентъ спокойно и безмолвно переносилъ лютыя мученія. Мучители ослабѣли. Намѣстникъ, увидѣвъ, что слуги его бросили на землю орудія пытки, сказалъ святому: „ты не думай, что побѣдилъ меня своимъ терпѣніемъ". „Я этого не думаю,—отвѣчалъ святый,—но надѣюсь на Христа, что Онъ побѣдитъ всякаго врага Своего". Намѣстникъ повелѣлъ другимъ слугамъ терзать тѣло мученика: но и эти слуги, исполняя приказаніе своего начальника, пришли въ изнеможеніе. Дивился великому терпѣнію мученика самъ намѣстникъ: но злоба его не истощалась. Въ безумной ярости, Дометіанъ кричалъ: „бейте его по лицу, бейте въ уста, ибо эти части тѣла еще цѣлы и говорятъ дерзость, пусть онѣ будутъ подобны прочему тѣлу,—бейте его безпощадно"! И били его такъ

жестоко, что отъ ударовъ онъ упалъ на землю: тогда начали бросать въ лицо его камни. Мученикъ же, во время этихъ лютыхъ истязаній, съ радостію говорилъ намѣстнику: „ты мнѣ дѣлаешь больше почести, чѣмъ мученія: Господа моего Іисуса Христа также били въ уста и по лицу, и я, недостойный, сподобился того же“. Намѣстникъ велѣлъ слугамъ отнесть мученика въ темницу, но святый, оттолкнувъ слугъ, всталъ и самъ пошелъ.

Б.

Второе страданіе св. Климента.

Въ темницѣ мученикъ, благодатію Божіею, вскорѣ исцѣлѣлъ отъ ранъ, и былъ отправленъ въ Римъ къ самому императору, съ донесеніемъ о томъ, что былъ жестоко мученъ и мужественно перенесъ мученіе. Отправляя св. Климента къ императору, Дометіанъ думалъ, что предъ лицемъ его Климентъ затрепещетъ и поклонится богамъ; но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: св. Климентъ готовъ былъ переносить, при помощи Божіей, все, что только умъ человѣческій и темная адская сила могли придумать, чтобы поколебать въ немъ вѣру въ Распятаго. Собираясь въ Римъ, святитель молился о паствѣ своей, имъ оставляемой, да сохранитъ ее Богъ отъ всякаго зла и умножитъ для славы своего святаго имени, а о себѣ, —да возвратитъ его къ любимой его паствѣ, какъ возвратилъ нѣкогда Іакова въ домъ отеческій и избавилъ его отъ рукъ Исава.

Прибывши въ Римъ, св. Климентъ немедленно представленъ былъ къ императору, который, видя

святителя совершенно здоровымъ, не хотѣлъ вѣрить письму намѣстника, доносившаго царю о жестокихъ пыткахъ надъ св. Климентомъ. Чтобы поколебать вѣру святителя, онъ повелѣлъ на одной сторонѣ положить золото и разныя драгоцѣнности, а на другой—страшныя орудія мученій. Потомъ, указывая рукою на золото и другія земныя сокровища, императоръ сказалъ: „это дарятъ тебѣ наши боги, если поклонишься имъ и принесешь жертвы". Святый отвернулся отъ земныхъ сокровищъ и сказалъ: „пусть все это погибнетъ вмѣстѣ съ вашими богами". Тогда царь грозно указалъ на орудія мученій и сказалъ: „а это для невѣрующихъ въ боговъ". Святый мужественно отвѣчалъ: „не страшны твои мученія, но страшны тѣ муки, которыя ждутъ невѣрующихъ во Христа. Ничего не стоятъ тѣ дары, на которые ты указываешь: драгоцѣнны тѣ блага, которые Богъ уготовалъ для любящихъ Его: все земное тлѣнно, а все небесное вѣчно". „Напрасно ты надѣешься,—продолжалъ императоръ, — на Іисуса, этого смертнаго человѣка, Котораго іудеи мучили и убили; наши боги безсмертны и никогда ни отъ кого ничего не терпѣли". „Ты правду говоришь, царь,—отвѣчалъ святый,—что боги ваши безсмертны и не переносили страданія. Но какъ они могутъ умереть, никогда не живши, и страдать, будучи безчувственны? Ваши боги—дѣла рукъ человѣческихъ, и сдѣланы изъ дерева или камня: мой же Господь и Богъ есть вѣчное и несозданное существо: Онъ умеръ плотію для спасенія міра, но въ третій день воскресъ и далъ намъ жизнь". Разгнѣванный царь велѣлъ привязать исповѣдника Христова къ колесу нагимъ и вертѣть колесо. Ко-

гда тѣло святаго, при поворотѣ колеса, было наверху, то его били палками; а когда, съ поворотомъ колеса, тѣло опускалось внизъ, тогда оно задѣвало за вбитый въ землю колъ, отъ чего сокрушались кости мученика и отрывались куски тѣла. „Господи, помоги мнѣ,—молился святый во время этихъ тяжкихъ страданій,—и сохрани меня цѣлымъ и здоровымъ, для прославленія Твоего имени и на посрамленіе нечестивыхъ“. Колесо вдругъ остановилось. Мученикъ невидимою рукою былъ отвязанъ отъ него и всталъ совершенно здоровымъ. Многіе изъ свидѣтелей такого поразительнаго чуда воскликнули: „великъ Богъ христіанскій!“ Св Климентъ, чудесно исцѣленный отъ ранъ, устремилъ свои взоры къ небу и громкимъ голосомъ воскликнулъ: „благодарю Тебя, Боже, что Ты сподобилъ меня пострадать за Тебя въ этомъ великомъ городѣ!“ Въ дикой ярости, мучитель велѣлъ бить святаго въ уста желѣзными палками; но мученикъ не переставалъ славить Бога. Изнемогъ отъ гнѣва Діоклитіанъ, и повелѣлъ святаго въ оковахъ заключить въ темницу.

Многіе изъ язычниковъ, бывшіе зрителями мукъ и чудеснаго исцѣленія мученика, приходили въ темницу, падали къ ногамъ праведника и просили крестить ихъ. Св. мученикъ научалъ ихъ истинной вѣрѣ, крестилъ и пріобщалъ Св. Таинъ, чудесно принесенныхъ ему въ темницу Ангеломъ. Посѣщали св. узника и вѣрующіе. Такимъ образомъ темница обратилась въ храмъ, куда стекались вѣрующіе для молитвы, невѣрующіе для крещенія, тѣ и другіе для полученія наставленія отъ узника въ истинахъ вѣры и благочестія. Темничные

сторожа донесли объ этомъ царю, и онъ велѣлъ казнить приходящихъ къ св. Клименту. Собралось множество вѣрующихъ въ темницѣ, воины захватили всѣхъ и повели за городъ для казни. Каждаго предъ казнію спрашивали: отрекается ли отъ Христа, чтобы быть живымъ? И никто не устрашился смерти, но каждый желалъ умереть за Господа своего. Множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей умерло въ это время за Христа. Одинъ только юноша, по имени Агаѳангелъ, скрылся отъ рукъ убійцъ; но не изъ страха смерти, а изъ желанія потерпѣть большія муки за истиннаго Бога.

В

Третье страданіе св. Климента.

Послѣ казни исповѣдниковъ Христовыхъ, Діоклитіанъ немедленно призвалъ къ себѣ св. Климента и велѣлъ бить его воловьими жилами, а потомъ повѣсить и строгать тѣло его желѣзными когтями. Его такъ жестоко били, что кости у него обнажились. „Это тѣло, которое вы строгаете,—сказалъ мученикъ своимъ мучителямъ,—не то, съ которымъ я родился: то давно изорвано и истерзано Дометіаномъ, — это же тѣло новое, въ него облекъ меня Спаситель мой: а какъ вы стараетесь и это тѣло терзать и строгать до костей. то я вѣрую, что Христосъ опять облечетъ меня въ такую же плоть“. Эти слова привели Діоклитіана еще въ большее ожесточеніе. Въ безумномъ гнѣвѣ на мученика, онъ придумалъ новый способъ мученія: велѣлъ огнемъ жечь бока святаго. Но и этотъ родъ мученія Климентъ переносилъ терпѣливо и благодушно. Удивился Діокли-

тіанъ великому терпѣнію мученика. Сознавая, что онъ побѣжденъ терпѣніемъ св. Климента, Діоклитіанъ сказалъ своимъ приближеннымъ: „я многихъ христіанъ мучилъ, но ни одного такого терпѣливаго не видѣлъ. Пошлю его въ Никомидію къ Максиміану, пусть онъ подивится Клименту, какъ рѣдкости". Діоклитіанъ въ письмѣ къ Максиміану описалъ всѣ мученія, какія претерпѣлъ св. Климентъ. Мученика посадили на корабль и повезли въ Никомидію.

На кораблѣ встрѣтилъ св. Климента юный Агаѳангелъ, который избѣгъ казни. Увидѣвъ святаго, Агаѳангелъ бросился къ его ногамъ и просилъ у него позволенія вмѣстѣ съ нимъ пострадать и умереть за Христа. Обрадованный Климентъ молилъ Создателя, чтобы Онъ укрѣпилъ юношу въ предстоящихъ ему страданіяхъ. Боголюбивый и богобоязненный Фотинъ, епископъ острова Родоса, къ которому на время присталъ корабль, съ клиромъ и другими христіанами упросилъ начальника корабля отпустить Климента съ Агаѳангеломъ на время къ себѣ. День былъ воскресный. По просьбѣ епископа острова, Климентъ совершилъ литургію, во время которой многіе видѣли на дискосѣ горящій уголь, а надъ престоломъ св. Ангеловъ. По окончаніи литургіи Фотинъ пригласилъ святыхъ въ домъ свой на обѣдъ. Здѣсь, по молитвамъ св. Климента, исцѣлилось множество больныхъ, какъ вѣрующихъ, такъ и язычниковъ, которые, вслѣдствіе этого, съ радостію приняли вѣру Христову. Недолго пребывали св. мученики на островѣ. Вѣрующіе со слезами провожали св. узниковъ. Корабль чрезъ Егейское море прибылъ въ Никомидію.

Г

Четвертое страданіе св. Климента.

Императоръ Максиміанъ, прочитавши письмо отъ Діоклитіана, подивился терпѣнію мученика и, не надѣясь самъ склонить его мученіями къ язычеству, отослалъ его на истязанія къ одному градскому правителю Агриппину. „Ты ли Климентъ“, спросилъ правитель мученика? „Я — рабъ Христовъ“, отвѣчалъ мученикъ. „Почему ты называешь себя рабомъ Христовымъ, а не царскимъ“, снова спросилъ правитель? „Слѣдовало бы и царямъ вашимъ быть рабами Христа,—отвѣчалъ мученикъ,—и тогда было бы царствованіе ихъ мирное, спокойное и цвѣтущее, и всѣ народы покорилъ бы имъ Христосъ“. „А ты кто?“—спросилъ правитель, обратившись къ Агаѳангелу,—о тебѣ ничего не пишетъ Діоклитіанъ“. „Я—христіанинъ,—отвѣчалъ Агаѳангелъ,—и сподобился такъ называться чрезъ сего слугу Божія Климента“. „Стало быть, онъ виновникъ твоего заблужденія“,—сказалъ правитель. Послѣ этихъ словъ, правитель подвергъ св. Климента жесточайшимъ мученіямъ: его нагаго повѣсили на древѣ, сѣкли ремнями и рѣзали тѣло его бритвами. Почти тѣмъ же лютымъ мученіямъ подвергнутъ былъ и Агаѳангелъ. Послѣ этихъ мученій, св. Климентъ съ юношею былъ заключенъ въ темницу. Здѣсь, во время ихъ молитвы, явились имъ для утѣшенія Ангелы. Узники, бывшіе съ Климентомъ въ темницѣ, увидѣвъ Ангеловъ, ужаснулись, увѣровали во Христа и были крещены. По молитвамъ св. Климента, ночью отворились темничныя двери, и новокрещенные получили свободу.

Узнавши объ этомъ, правитель пришелъ въ ярость и приказалъ бросить мучениковъ на съѣденіе звѣрямъ. Звѣри не только не тронули ихъ, но даже ласкались къ нимъ. Не ослабилось звѣрство и жестокость правителя такимъ чудеснымъ храненіемъ праведниковъ. Въ безмѣрной слѣпой злобѣ. онъ велѣлъ разженнымъ желѣзомъ провертѣть пальцы св. Климента, по длинѣ ихъ, до самаго локтя: а потомъ тѣмъ же орудіемъ провертѣть пахи мученика до плечъ. Страшно было смотрѣть на эту картину истязанія! Заговорило въ зрителяхъ-язычникахъ чувство человѣколюбія и состраданія къ мученику. Они бросали камни въ мучителя и готовы были уже разорвать его на мелкія части, но онъ въ испугѣ скрылся отъ нихъ.

Св. Климентъ, пользуясь свободою, съ Агаѳангеломъ ушелъ на гору Пирамисъ, на которой стоялъ идольскій храмъ. Когда они вошли въ него, идолы въ немъ всѣ попадали и разбились. Узнавъ объ этомъ, правитель велѣлъ своимъ воинамъ жестоко бить праведниковъ палками, а потомъ зашить каждаго въ мѣшокъ и бросить съ горы въ море. Но они въ морѣ не погибли. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ увидѣли въ морѣ плавающіе мѣшки, взяли ихъ въ лодку и нашли мучениковъ живыми. На другой день Климентъ и Агаѳангелъ явились на городской площади и здѣсь—возложеніемъ рукъ своихъ—исцѣлили двухъ слѣпыхъ. Народъ сталъ стекаться во множествѣ къ чудотворцамъ: одни просили окрестить ихъ, другіе просили молитвъ за себя, больные просили исцѣлить ихъ отъ недуговъ: и всѣмъ просителямъ подавалась благодатная помощь, по молитвамъ праведниковъ: желаніе всѣхъ

было исполняемо. Узнавши объ этомъ, императоръ Максиміанъ не зналъ, что дѣлать со св. Климентомъ, и велѣлъ отправить его на родину, въ городъ Анкиру. Съ мучениками императоръ послалъ къ князю Анкирскому Курикію письмо, въ которомъ велѣлъ ему предать ихъ смерти.

Д.

Пятое страданіе св. Климента.

Прибывъ на родину, Климентъ въ радости говорилъ: „Слава Тебѣ, Боже, что сподобилъ меня видѣть родной городъ!" Курикій подвергъ Климента и ученика его страшнымъ мукамъ: жестоко билъ, строгалъ тѣло ихъ, палилъ огнемъ, надѣвалъ на голову имъ раскаленный желѣзный шлемъ. Мученики обливались кровью, но не переставали славить Бога. Выбившись изъ силъ и не зная, какія еще придумать муки, Курикій заключилъ мучениковъ въ темницу и обо всемъ написалъ Максиміану. Блаженная Софія, усыновившая св. Климента, каждую ночь навѣщала св. узниковъ. — Она цѣловала и обливала своими слезами оковы и раны страдальцевъ, омывала кровь ихъ, перевязывала раны полотномъ и укрѣпляла ихъ въ мученіяхъ.

Е.

Шестое страданіе св. Климента.

Вскорѣ по заключеніи въ Анкирскую темницу, св. мученики, по царскому повелѣнію, отправлены были въ городъ Амасію къ намѣстнику Домитію, который отличался особенною жестокостію и звѣр

ствомъ. Блаженная Софія провожала мучениковъ вмѣстѣ съ тѣми дѣтьми, которыхъ прежде, во время голода, воспитывалъ Климентъ. Нѣкоторыя изъ дѣтей не хотѣли разстаться со своимъ учителемъ и пошли за нимъ въ городъ, но на дорогѣ, по повелѣнію царя, были убиты. Въ Амасіи св. мученики брошены были въ кипящую известь, пробыли въ ней сутки и остались невредимы. Видя это чудо, два воина, Фенгонъ и Евкарпій, увѣровали во Христа и были распяты. Климента и Агаѳангела жестокій мучитель предалъ новымъ истязаніямъ.— Съ нихъ сдирали кожу, били ихъ желѣзными палками, клали на раскаленныя желѣзныя кровати, поливали сѣрою и смолой. Но святымъ все это не вредило. На кроватяхъ они заснули крѣпкимъ сномъ и увидѣли во снѣ Христа Бога, со множествомъ Ангеловъ. „Не бойтесь! Я съ вами",—сказалъ имъ Господь. Проснувшись, они съ радостію разсказали видѣніе другъ другу. Домитій, не зная, какія еще употребить пытки, отослалъ мучениковъ со стражею къ Максиміану, бывшему тогда въ Тарсѣ.

Ж.

Седьмое страданіе св. Климента.

На пути пришлось св. мученикамъ со стражею проходить безводную пустыню: всѣ страдали отъ жажды. Святые помолились, и предъ ними явился источникъ воды. Въ дорогѣ св. Климентъ прилежно молилъ Христа Спасителя, чтобы ему какъ можно долѣе страдать за вѣру, и получилъ откровеніе, что онъ 28 лѣтъ будетъ страдать за имя Христово. Максиміанъ повелѣлъ бросить исповѣдниковъ Хри-

стовыхъ въ раскаленную печь, и они остались невредимы. Тогда императоръ заключилъ ихъ на 4 года въ темницу. Продолжительность темничной жизни нисколько не поколебала вѣры ихъ въ Распятаго. Въ сильной злобѣ на мучениковъ, Максиміанъ отдалъ ихъ на истязанія жестокому гонителю христіанъ Сакердону; но и этотъ мучитель никакими пытками не могъ склонить ихъ къ язычеству: они остались вѣрны истинному Богу.

Отъ Сакердона мученики отправлены были къ мучителю Максиму, который самъ хвалился предъ императоромъ, что онъ заставитъ св. мучениковъ принести жертвы богамъ или замучитъ ихъ до смерти. Но и этотъ мучитель жестокими побоями своими также не достигъ своей цѣли. Послѣ сего отдавали св. Климента съ Агаѳангеломъ на истязанія и другимъ мучителямъ; но они также не имѣли успѣха. Истощивъ всѣ средства для привлеченія мучениковъ къ язычеству, императоръ заключилъ ихъ навсегда въ темницу.

3.

Осьмое и послѣднее страданіе св. Климента.

По смерти Максиміана воцарился Максиминъ (305—313). Темничные сторожа донесли ему объ узникахъ и спрашивали, что дѣлать съ ними. Максиминъ, узнавъ, что они изъ города Анкиры, отослалъ ихъ туда къ князю Лукію. Жестокій князь сначала подвергъ мученію Агаѳангела, а послѣ мученій велѣлъ отсѣчь ему голову. Благочестивая Софія чистымъ полотномъ обвила св. тѣло мученика и похоронила его въ пещерѣ, въ которой тайно

скрывались гонимые христіане: тамъ была и церковь. Лишивъ жизни Агаѳангела, Лукій хотѣлъ предать мученической смерти и Климента; но ему не удалось исполнить это свое намѣреніе: онъ вскорѣ былъ изгнанъ изъ города. На мѣсто его правителемъ Анкиры поставленъ былъ Александръ, человѣкъ не менѣе злой и жестокій, какъ и Лукій. Александръ сдѣлалъ уже распоряженіе — вывести св. Климента изъ темницы и подвергнуть его казни. Но, узнавши объ этомъ, Софія собрала вѣрующихъ и поспѣшила съ ними въ темницу. Темничные сторожа крѣпко спали, кромѣ одного, который былъ тайнымъ христіаниномъ. Онъ отперъ для посѣтителей темницу. Софія съ своими спутниками освободила Климента отъ оковъ и отвела въ пещерную церковь, гдѣ святый на другой день совершилъ литургію и причастилъ вѣрующихъ. По окончаніи литургіи онъ сказалъ предстоящимъ поученіе и предсказалъ свою близкую кончину; въ то же время предвозвѣстилъ кончину и двумъ клирикамъ, прочимъ же вѣрующимъ сказалъ: „не бойтесь, братія, никто изъ васъ не пострадаетъ и не погибнетъ; скоро прекратится гоненіе на христіанъ, и святая вѣра процвѣтетъ; небесный Царь воздвигнетъ на землѣ такого царя, который самъ просвѣтится св. крещеніемъ и просвѣтитъ свѣтомъ христіанской вѣры всѣ римскія области“ (Константинъ Великій). Послѣ сего св. Климентъ, съ другими вѣрующими, пошелъ въ домъ Софіи и здѣсь пробылъ нѣсколько дней. Начальникъ города Александръ, узнавъ о бѣгствѣ мученика изъ темницы, сталъ его разыскивать и нашелъ въ пещерной церкви, гдѣ онъ стоялъ предъ престоломъ Божіимъ и

приносилъ безкровную жертву. Александръ съ воинами ворвался въ церковь. Одинъ изъ воиновъ ударилъ святаго мечемъ сзади, и голова св. Климента скатилась на престолъ, обагривъ кровію безкровную жертву и весь алтарь (около 312 г.). Всѣ бывшіе въ пещерѣ пришли въ ужасъ и плакали о своемъ многострадальномъ пастырѣ. Александръ вышелъ изъ пещеры и никого не тронулъ. Только два клирика, Христофоръ и Харитонъ, какъ предсказалъ св. Климентъ, были убиты. Блаженная Софія похоронила св. мучениковъ рядомъ съ Агаѳангеломъ (Чет. Минеи).

Такъ скончался величайшій мученикъ св. Климентъ, страдавшій болѣе 28 лѣтъ и своимъ терпѣніемъ и чудесами удивившій, изумившій и побѣдившій самыхъ жестокихъ мучителей! Оставляя земную жизнь, онъ вполнѣ могъ сказать съ Давидомъ: „Удивилъ еси на мнѣ милость Твою, Господи!“ Закованный весь въ желѣзо, избитый и израненный до нельзя, св. Климентъ въ то же время творилъ дивныя чудеса и обратилъ ко Христу множество язычниковъ! Поистинѣ, сила Божія въ немощи совершается! Была бы только живая, твердая вѣра въ Бога (Мѳ. 21, 21—22; Марк. 11, 23—24) и искреннее желаніе служить Ему,—а Богъ всегда готовъ помогать намъ. (Жит. св. Д. И. Протопопова).

Въ жизни нашей многобѣдной, провождаемой въ мірѣ семъ, который весь во злѣ лежитъ, и каждому изъ насъ, особенно же истинному христіанину, немало приходится переносить испытаній, скорбей и напастей. Это неизбѣжно; ибо сказано намъ: *въ*

міръ скорбна будете; многи скорби праведнымъ; многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе небесное. Самъ Спаситель нашъ крестнымъ путемъ вошелъ въ славу Свою. И всѣ святые угодники Божіи не иначе спаслись, какъ терпѣливо понесши, чрезъ всю жизнь свою, крестъ Христовъ. Это неизбѣжно: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша*: только *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*,— сказалъ Господь (Марк. 13, 13); слѣдов. уклоняться отъ страданій или съ ропотомъ и ожесточеніемъ переносить ихъ—значитъ добровольно и сознательно опредѣлять себя на явную погибель. Страданія въ нашей жизни неизбѣжны для каждаго; только одному изъ насъ приходится страдать больше, другому меньше. Что намъ дѣлать, чтобы страданія наши были для насъ не погибельны, а спасительны?

Нужно, во-1-хъ, знать и вѣровать, что Господь *не оставитъ насъ искуситися паче, еже можемъ*, какъ говоритъ св. Ап. Павелъ (1 Кор. 10, 13), и никому Онъ, Милосердый, не откажетъ въ Своемъ подкрѣпленіи во время нашихъ испытаній, говоря устами пророка Давида: *призови мя въ день скорби твоея, и изму тя* (Псал. 49, 15). Во-вторыхъ, необходимо твердо знать и помнить, что основу нашего внутренняго креста составляетъ *вѣра съ самоотверженіемъ*, или умертвіемъ всему, продольную его часть составляетъ *терпѣніе, укрѣпляемое надеждою*,— часть поперечную составляетъ *послушаніе, воодушевляемое любовію*. Въ этомъ — *тайна Креста*. Въ 3-хъ, необходимо добровольно вступить и благодушно проходить *крестный путь*. То-есть, неся бодренно доставшуюся намъ долю и борясь мужественно со страстьми и похотьми, съ терпѣніемъ идти пу-

темъ обязательныхъ для насъ дѣлъ, усиливаясь достигнуть въ безмятежную область рѣшительнаго преданія себя въ волю Божію. А чтобы, въ-4-хъ, мы научились терпѣнію, для сего даны намъ уроки въ примѣрахъ подвизавшихся на землѣ святыхъ Божіихъ, каковы—св. Климентъ Анкирскій и весьма многіе другіе. Поучайся, душа вѣрующая, терпѣнію въ примѣрахъ святыхъ. Призывай на помощь, во дни твоихъ испытаній, Господа Бога: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!* Молись и угодникамъ Божіимъ—крестоносцамъ, чтобы помогли тебѣ до конца донести крестъ твой, возложенный на тебя Провидѣніемъ Божіимъ. *Тѣмже убо и мы толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей, — гордость всяку отложше, и удобь обстоятельный грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса, Иже, вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ Крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же Престола Божія сѣде* (Евр. 12, 1—2).,

---

Великомучениче славне, ко Христу молитвами твоими лѣтная настоянія разрѣши страстей моихъ, и избави отъ лютыхъ молитвами твоими.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строки.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
127	3 снизу	возмушать	возмущать
181	4 снизу	преосвященный	просвѣщенный
191	3 сверху	Ѳалека	Ѳалеса
197	1 сверху	монаховъ	манихеевъ
241	14 сверху	соборомъ	собралъ
250	20 снизу	Семеону	Симеону
274	6 снизу	пустословитъ	пустословить
370	16 сверху	наеящаго	носящаго
410	4 снизу	благодатіею	благодатію
475	1 снизу	олядинѣвшее	оледенѣвшее
480	16 сверху	гостинипѣ	гостинницѣ
—	10 снизу	находить.	находитъ
481	16 сверху	блаженныя	обнаженныя
505	15 снизу	богодухновен-	богодухновеннаго
506	16 снизу	пѣніе	пѣніе,
508	11 сверху	какой-либо,	какой-либо
515	9 сверху	горнаго	горняго
531	3 снизу	изоблачивъ	изобличивъ
566	6 снизу	Игемона	Игемонъ

Цѣна **1** руб. **50** коп. съ пересылкой,
1 руб. **25** коп. безъ пересылки.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

РЯЗАНЬ, въ канцелярію Преосвященнаго Іустина, Епископа Рязанскаго и Зарайскаго.

2007041622